Jr I. 1. 7. o. 1-2

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТИ II-ой ОТДѢЛЕНІЕ I.

1-78

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Dr. Фридриха Лоренца,

Орд. профессора Главнаго Педагогическаго Института и Директора Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангелическо-Лютеранской Церкви Св. Петра.

4991

Части II-ой Отдѣленіе I.

Ден. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

изданіе второе.

О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

У ИЗДАТЕЛЯ, КНИГОПРОДАВЦА Ю. А. ЮНГМЕЙСТЕРА.

1847.

БИБЛІОТЕКИ
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 12 Апрѣля 1846.

Цензоръ *А. Никитенко.*

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Считаю не излишнимъ сказать для объясненія нѣсколько словъ о томъ, какъ я изложилъ литературу во второй части моей Всеобщей Исторіи; ибо легко могло бы показаться, что, распространившись о древней литературѣ болѣе, нежели о литературѣ среднихъ вѣковъ, этимъ самымъ я нарушилъ соразмѣрность обѣихъ частей и гармоническое цѣлое всего сочиненія. Но это гармоническое цѣлое старался я имѣть въ виду, какъ при составленіи плана къ моему сочиненію, такъ и при выполненіи его, и оно-то побудило меня дать этой литературѣ тотъ объемъ, котораго

требуетъ значеніе ея въ Исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что литература, какъ чистѣйшее и непосредственнѣйшее выраженіе образованія, изъ котораго она проистекаетъ, есть необходимый элементъ Всеобщей Исторіи; но принятіе ея въ Исторію и способъ ея изложенія обусловливаются цѣлію, которая состоитъ въ томъ, чтобъ посредствомъ нея представить вѣрную картину развитія человѣческаго образованія. Древнее образованіе, какъ во время своего процвѣтанія, такъ и во время упадка, должно быть представлено со всевозможною полнотою, потому что оно составляетъ основу, на которой зиждется образованіе новѣйшихъ временъ; притомъ, оно шло рука-объ-руку съ развитіемъ государственной жизни, а потому могло быть приложено къ политической Исторіи въ общихъ обзорахъ, какъ это и сдѣлано въ первой части, а также и въ первой половинѣ перваго отдѣленіи второй части. Послѣ же преобразованія и паденія древняго міра, вмѣстѣ съ видомъ его должно измѣ-

ниться и изложеніе его Исторіи; для дальнѣйшаго развитія существовавшихъ элементовъ являются два народа, которые равнымъ образомъ еще не имѣли положительнаго образованія, хотя не были совершенно грубыми, и обладали рѣдкими способностями, правда еще не развитыми. Эти два народа: на Западѣ Германцы, а на Востокѣ Аравитяне. Первые основываютъ на развалинахъ Римской Имперіи свои феодальныя монархіи съ воинственнымъ дворянствомъ и съ духовенствомъ, исключительно владѣвшимъ ученостію, и весь германо-романскій міръ образуетъ удивительное государственное зданіе, надъ которымъ возвышаются, какъ двѣ соперничествующія башни, власть свѣтская и власть духовная, въ главахъ которыхъ стоитъ Императоръ и Папа. Аравитяне-же сливаютъ Востокъ въ ту форму, которая издавна свойственна большимъ восточнымъ монархіямъ. Германцы и Аравитяне различествуютъ между собою тѣмъ, что первые принимаютъ отъ побѣжденныхъ ихъ Религію, а вмѣстѣ съ тѣмъ

и все, сохранившееся въ ней отъ древняго образованія, между тѣмъ какъ послѣдніе навязываютъ побѣжденнымъ новую Религію. Такимъ образомъ міръ Германо-Христіанскій и міръ Арабо-Магометанскій съ самаго начала являются во взаимной непріязни. Между ними стоитъ Имперія Византійская, представляя собою развалины древняго міра. Магометанскій міръ, равно какъ и Христіанскій принимаютъ въ себя древнее образованіе и переработываютъ его, но каждый различно: первый обращаетъ большее вниманіе на внѣшнюю цивилизацію съ ея точными науками: второй же на внутреннее образованіе и относящіяся къ нему умозрительныя науки. Образованіе Аравитянъ просто примыкаетъ къ политической ихъ Исторіи, потому что оно распространялось вмѣстѣ съ расширеніемъ Аравійскаго владычества и не измѣнилось на всемъ пространствѣ магометанскаго міра, отъ Инда до Тайо. Развитіе же западнаго образованія не вездѣ происходило единовременно, ни одинакимъ образомъ.

Поэтому невозможно изобразить въ общихъ литературныхъ обозрѣніяхъ, ни того участія, которое принимали въ образованіи отдѣльные народы, какъ скоро въ нихъ пробуждалась свободная дѣятельность духа, ни тѣхъ обстоятельствъ, которыя у однихъ содѣйствовали успѣхамъ образованія, у другихъ же народовъ препятствовали имъ: это должно переплетаться съ общимъ движеніемъ исторической жизни. Есть даже такіе періоды, какъ напр. время Реформаціи, гдѣ мужи, дѣйствовавшіе на свой вѣкъ литературными трудами, являются также какъ политическіе дѣятели, потому что ихъ сочиненія суть подвиги, имѣющіе обще-историческое значеніе. Внимательный и мыслящій читатель моей Исторіи легко найдетъ нить, по которой онъ въ состояніи будетъ слѣдить за развитіемъ образованія. Жаль только, что во 2-мъ отдѣленіи 2-ой части, характеристикою сочиненій и правилъ Макіавеля, я не показалъ результата безпокойной и непостоянной политики Италіи въ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го столѣтія. Я

сдѣлалъ это, намѣреваясь развить систему Макіавеля тамъ, гдѣ она получаетъ въ Исторіи примѣненіе; но теперь считаю болѣе умѣстнымъ представить это ученіе въ непосредственной связи съ тѣми событіями, среди которыхъ оно образовалось. Поэтому, при второмъ изданіи втораго отдѣленія этой части, я внесу въ нее опущенное.

Санктпетербургъ,
въ Сентябрѣ 1846.

Dr. ФРИДРИХЪ ЛОРЕНЦЪ.

IV.

ИСТОРІЯ НАРОДОВЪ ХРИСТІАНСКАГО МІРА И ПРОТИВОПОЛОЖНЫХЪ ЕМУ ЭЛЕМЕНТОВЪ.

I. ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ДРЕВНЯГО МІРА ХРИСТІАНСТВОМЪ И ВЛІЯНІЕ ГЕРМАНЦЕВЪ ДО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ИСЛАМИСМА.

1—622.

Въ половинѣ правленія Августа, при которомъ образованіе древняго міра достигло высшей точки, два одновременныя событія возвѣстили начало новаго міра: *является на земли основатель Христіанской Религіи, и Германцы начинаютъ тревожить предѣлы Римскихъ владѣній.* Хотя эти элементы проложили себѣ путь только по прошествіи многихъ лѣтъ, однако, со времени ихъ развитія, начинается для насъ совершенно новое, отличное отъ прежняго время. Крестъ, оставленный Іисусомъ Христомъ на земли, вмѣстѣ съ Евангеліемъ, дѣлается символомъ новаго міра. Его ученики, рожденные въ низкомъ и необразованномъ классѣ,

по исполненные Духа Святаго, идутъ изъ Іудеи проповѣдывать ученіе, поколебавшее древній міръ въ самомъ основаніи; въ то же время варвары съ оружіемъ въ рукахъ устремляются изъ глубины Германскихъ лѣсовъ и извнѣ потрясаютъ зданіе Римскаго величія. Само собою разумѣется, что столь твердо устроенное государство, какъ Римъ, не падаетъ вдругъ, при первомъ ударѣ, и что такое образованіе, какъ Греческо-Римское, не тотчасъ уступаетъ Евангелію: напротивъ, открывается занимательнѣйшая во Всемірной Исторіи борьба, въ слѣдствіе которой языческій міръ мало по малу перемѣняется въ Христіанскій; такъ что почти въ то самое время, когда Германцы водрузили на развалинахъ Римской Имперіи свои кровавыя побѣдныя знамена, Христіанская религія возвысила свой крестъ и приняла подъ свой покровъ остатки древняго образованія, искавшіе въ нѣдрахъ ея защиты и убѣжища.

Съ того времени, какъ двойное иго — правленіе Ирода и владычество Римлянъ — начало угнетать Іудеевъ, они съ нетерпѣніемъ ждали давно обѣтованнаго Спасителя; но большая часть представляла его себѣ могущественнымъ царемъ, который съ громомъ и молніею ниспустится на враговъ ихъ и потомъ положитъ основаніе всемірному царству, котораго средоточіемъ будетъ Іерусалимъ и господствующею націею Іудеи. По этому какое признаніе могло найти у народа, исполненнаго такихъ надеждъ, дитя, рожденное въ нищетѣ и подчиненности, хотя и при чудес-

ныхъ обстоятельствахъ и происходившее изъ рода Давидова?

Христосъ родился въ тринадцатое консульство Августа, и первый годъ Христіанскаго лѣтосчисленія есть 754 отъ построенія Рима. Евангелистъ Лука, 2, 1, описываетъ сіе великое событіе, составляющее предѣлъ между старымъ и новымъ временемъ, такъ: «Во дни тѣ вышло отъ Кесаря Августа повелѣніе сдѣлать перепись по всей землѣ. Сія перепись была первая въ правленіе Квиринія Сиріею. И пошли всѣ вписываться, каждый въ свой городъ. Пошелъ также и Іосифъ изъ Галилеи, изъ города Назарета, въ Іудею, въ городъ Давидовъ, называемый Виѳлеемомъ, потому что былъ изъ дома и рода Давидова, вписаться съ Маріею, обрученною ему женою, которая была беременна. Въ бытность ихъ тамъ наступило время родить ей. И родила сына, своего первенца, и спеленала Его, и положила Его въ ясли: потому что не было имъ мѣста въ гостинницѣ. Въ той странѣ были на полѣ пастухи, которые содержали почную стражу у стада своего. Вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень, и слава Господня осіяла ихъ, и убоялись страхомъ великимъ. Ангелъ сказалъ имъ: не бойтесь; я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всему народу, ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь. И вотъ вамъ знаменіе: вы найдете младенца въ пеленахъ, лежащаго въ яслѣхъ. И внезапно явилось съ Ангеломъ многочисленное воинство небесное, хвалящее Бога и взывающее: Слава въ Вышнихъ Богу и на земли миръ, къ человѣкамъ благоволеніе.» Когда родился Христосъ, Иродъ Великій находился еще въ живыхъ. Въ послѣдніе годы своего правленія, раздраженный сопротивленіемъ Фарисеевъ его мѣрамъ и интригами въ нѣдрахъ собственной своей фамиліи, онъ сдѣлался еще жесточе: онъ умертвилъ всѣхъ своихъ сыновей отъ брака съ Маріамною. Въ то время, когда родился Христосъ, пришли къ его двору странники съ Востока и объявили, что ищутъ родившагося въ Виѳлеемѣ дитяти, которому предопредѣлено быть царемъ Іудеи и вла-

дыкою міра. Иродъ пришелъ въ страхъ, и послѣднимъ дѣломъ его правленія было повелѣніе избить всѣхъ около этого времени родившихся въ Виѳлеемѣ младенцевъ мужескаго пола. Въ томъ же году Иродъ умеръ и завѣщаніемъ оставилъ старшему сыну своему, Архелаю, Іудею, съ титуломъ царя, а братьямъ его, Филиппу и Ироду Антипѣ, принадлежащія къ ней области, съ именемъ этнарховъ и тетрарховъ. Августъ утвердилъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, завѣщаніе Ирода; но Архелай правилъ такъ самовластно и жестоко, что Іудеи явно обнаружили желаніе лучше находиться подъ правленіемъ Римлянъ, нежели подъ владычествомъ ненавистнаго имъ рода Иродова. Августъ склонился на ихъ просьбу: во второмъ году по Р. Х. Архелай былъ отправленъ въ Галлію, въ Ліонъ, а Іудея соединена съ Сиріею, впрочемъ такъ, что Императоръ самъ назначалъ каждый разъ прокуратора, независимаго отъ Сирійскаго намѣстника, находившагося въ Цезареѣ. Таково было политическое состояніе Іудеи въ то время, когда Іисусъ возрасталъ и явился съ проповѣдью Евангелія.

Въ одно время съ Христіанствомъ принимаютъ важное значеніе въ Исторіи Германцы. Еще близкіе къ естественному состоянію, отдаленные впрочемъ отъ грубости, Германцы преимущественно обладали всѣми качествами, необходимыми для важной роли, которую назначены были играть въ преобразованіи міра. Съ твердо развившеюся политическою системою и извѣстными нравственными понятіями, служившими надежною оградою ихъ самостоятельности, они соединяли еще то преимущество, что ихъ положительное образованіе не было такъ богато, чтобы сдѣлать ихъ недоступными къ принятію чуждаго образованія. Такимъ образомъ, они были способны дать міру новую форму и вмѣстѣ съ тѣмъ принять въ себя древнее образованіе для даль-

нѣйшаго развитія. Хотя Римляне и старались захватить Германцевъ въ кругъ своихъ завоеваній и поколебать самостоятельность ихъ характера, однако не успѣли. Какъ только Германцы почувствовали наложенное на нихъ иго, тотчасъ силою свергли его и въ Тевтобургскомъ Лѣсу истребили Римскіе легіоны. Это сраженіе, происшедшее въ 9 г. по Рожд. Христовѣ, есть одно изъ обильнѣйшихъ своими слѣдствіями событій: оно спасло политическую независимость и самостоятельное развитіе Германской націи въ то самое время, когда явленіе Іисуса Христа возвѣстило новый порядокъ вещей.

Съ тѣхъ поръ, какъ Римскія владѣнія распространились до береговъ Рейна, и Галлія приняла совершенно Римскій характеръ, представляется занимательное явленіе: утонченная и достигшая высочайшей степени образованность одною только рѣкою отдѣлялась отъ народовъ, находившихся еще въ естественномъ состояніи. Этотъ контрастъ долженъ былъ произвесть впечатлѣніе, и Тацитъ выразилъ его въ небольшомъ сочиненіи, которому мы обязаны самымъ полнымъ и связнымъ изображеніемъ тогдашнихъ отношеній Германцевъ *). Отношенія сіи были очень просты и произрасли безъ содѣйствія умозрѣній изъ чисто-естественныхъ корней; единственнымъ основаніемъ всѣхъ образовъ правленія Германцевъ было земледѣліе и упражненіе въ оружіи. Всякій владѣлецъ участка земли, которая можетъ прокормить человѣка

*) *C. Cornelii Taciti* de situ, moribus et populis Germaniae libellus. Тацитъ, при составленіи этой книжки, имѣлъ намѣреніе изобразить самымъ наглядным образомъ контрастъ между неиспорченными нравами народа въ естественномъ его состояніи, и роскошью и неестественными наслажденіями Римлянъ, и въ образѣ сильнаго, хотя и необразованнаго, но и не дикаго народа, показать, какъ въ зеркалѣ, ничтожество утонченной ихъ жизни. Поэтому, каждому Римскому пороку онъ противопоставляетъ Германскую добродѣтель: ибо, какъ онъ самъ сильно выражается: nemo illic vitia ridet, nec corrumpere et corrumpi seculum vocatur.

съ семействомъ, есть гражданинъ Германскаго государства и имѣетъ равныя со всѣми права на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Владѣлецъ живетъ въ своемъ помѣстьѣ, поселившіеся вокругъ него крестьяне платятъ съ предоставленныхъ имъ участковъ оброкъ *). Гдѣ на близкомъ разстояніи находилось много такихъ помѣстьевъ, тамъ возникало большое, соединенное извѣстными узами, мѣстечко, но не городъ, съ городскими ремеслами и занятіями; городская жизнь была совершенно чужда земледѣльческому и воинственному народу Германскому. Впрочемъ, съ самаго начала, равенства въ имѣніи не существовало; дурное хозяйство, многочисленность дѣтей, которыя, при небольшомъ имѣніи, не могли быть всѣ обезпечены, несчастіе въ игрѣ, страстно любимой Германцами, которой они предавались съ изступленіемъ: все это породило множество людей, которые, хотя и были свободны, но не такъ достаточны, чтобы имѣть право на какое либо политическое значеніе. Такіе люди обыкновенно вступали въ службу къ богатымъ и составляли ихъ дружину. По-нѣмецки эта дружина называлась Gefindi, и каждый членъ ея носилъ имя Degen (thegn, than) или Gefatiun (графъ). Чѣмъ многочисленнѣе была дружина, которую какой-либо богачъ могъ содержать, тѣмъ болѣе принималъ онъ видъ владѣтельнаго князя. Въ то время, какъ Римляне познакомились съ Германцами, между ними послѣдними существовали уже многія фамиліи, которыя, по своей блестящей и многочисленной дружинѣ, были могущественны и почтенны, и изъ которыхъ выбирались вожди для политическихъ сношеній и для военныхъ предпріятій. Римляне называютъ такіе роды: stirpes regiae, хотя собственно царской власти не было еще и слѣдовъ. Таково было политическое состояніе Германскихъ народовъ, когда Римляне, распространивъ свои владѣнія до береговъ Рейна, пришли съ ними

*) *Tacit.* Germ. cap. 16 et 25: Colunt discreti ac diversi, ut fons ut campus, ut nemus placuit. — Servis non in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis utuntur; suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis, ut colono, injungit et servus hactenus paret. Cetera domus officia uxor et liberi exsequuntur.

въ соприкосновеніе. Исчислять имена отдѣльныхъ племенъ было бы излишнимъ, ибо всѣ они въ послѣдствіи исчезаютъ изъ Исторіи и теряются въ большихъ союзахъ многихъ народовъ, соединявшихся для военнаго предпріятія или для образованія политическаго общества; нужно только сдѣлать краткій обзоръ столкновеній и войнъ между Римлянами и Германцами. Со времени Цезаря нѣкоторыя Германскія племена перешли на лѣвый берегъ Рейна и покорились Римлянамъ; замѣчательнѣйшія изъ нихъ Убіи, поселившіеся въ области Кельнской, Вангіоны, Трибоки и Неметы, основавшіе свое мѣстопребываніе у верховьевъ Рейна. Римляне называли этотъ берегъ, отъ предѣловъ Гельвеціи до castra vetera въ Нидерландахъ, Germania prima et secunda. Съ Зарейнскими Германцами они вступали въ торговыя сношенія и во многихъ мѣстахъ строили на своемъ берегу укрѣпленія, но переходить черезъ рѣку не отваживались, или лучше, съ намѣреніемъ уклонялись отъ всякой войны съ своими воинственными сосѣдями. Это ободрило Германцевъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Въ 16 году до Р. Х. значительныя толпы Германцевъ вторгнулись въ Галлію. Лоллій, начальствовавшій стоявшими тамъ войсками, хотѣлъ преградить непріятелю, отягченному добычею, возвратный путь, но былъ разбитъ и потерялъ одного орла. Это происшествіе внушило Августу мысль, что занятіе части Германіи необходимо для обезпеченія Галліи, и исполненіе сего плана онъ поручилъ пасынку своему Друзу, который съ братомъ своимъ Тиверіемъ покорилъ тогда народы, обитавшіе на югъ отъ Дуная, и слѣдовательно, по собственному опыту, зналъ образъ войны Германцевъ. Результатомъ походовъ Друза отъ 12—9 г. до Р. Х. было то, что Римляне проникли внутрь Германіи до самой Эльбы и пріобрѣли твердые пункты на правомъ берегу Рейна. Друзъ умеръ въ 9 году до Р. Х.; онъ проложилъ дорогу для будущаго покоренія Германіи, и преемники его во власти, начальствовавшіе надъ Германскими легіонами, отъ 9-го г. до Р. Х. до 4-го послѣ Р. Х., Тиверій, Домицій Агенобарбъ, М. Випицій и послѣ него опять Тиверій, продолжали итти по ней далѣе.

Слѣдуя древне-Римской политикѣ, они являлись союзниками одного племени противъ другаго и мало по малу измѣняли узы союза, въ который вступали съ Германцами, жившими между Рейномъ и Везеромъ, въ настоящее господство. Они старались пріучить жителей тѣхъ странъ къ Римскимъ потребностямъ, роскоши и законамъ, и льстили себя надеждою, что успѣютъ подавить варварство Римскимъ образованіемъ; для того они воспитывали въ Римѣ молодыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій и давали имъ въ Римской арміи почетныя офицерскія мѣста. Въ такомъ положеніи нашелъ Германію Квинтилій Варъ, принявшій, въ 4-мъ году послѣ Р. Х., начальство надъ войскомъ. Конечно не было благоразумно послать человѣка, прожившаго долгое время на Востокѣ и привыкшаго къ рабской покорности подданныхъ, въ Германію, гдѣ еще надобно было установить отношенія подданства. И въ самомъ дѣлѣ, Варъ своимъ безразсуднымъ поведеніемъ открылъ Германцамъ глаза, касательно видовъ Римскаго правительства. Съ этой минуты знатнѣйшія фамиліи приняли рѣшительное намѣреніе освободиться отъ Римлянъ, чему особенно содѣйствовали старанія Херуска *Арминія*, который, хотя и получилъ образованіе въ Римской службѣ, сохранилъ однако же живѣйшее чувство къ независимости своихъ соотечественниковъ. Впрочемъ, привести это въ исполненіе было не легко, потому что Варъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ сильное войско, и нѣкоторыя Германскія фамиліи (извѣстнѣйшая изъ нихъ была Сегестова) держали его сторону. Арминій хитростью заманилъ Вара со всѣмъ войскомъ въ непроходимыя дебри Тевтобургскаго Лѣса. Здѣсь, когда Римское войско не могло податься ни взадъ, ни впередъ, и когда, въ то же время, проливной дождь затруднялъ всякіе маневры, Германскія вспомогательныя войска отдѣлились и перешли къ своимъ соотечественникамъ, которые вдругъ устремились на Римлянъ со всѣхъ сторонъ, и не прекращали боя до тѣхъ поръ, пока все войско не было частію истреблено, частію взято въ плѣнъ. Варъ умертвилъ себя собственнымъ мечемъ. Слѣдствіемъ сего великаго пораженія, понесеннаго Римлянами въ 9-мъ году по Р. Х.,

было взятіе и разрушеніе всѣхъ укрѣпленій на правомъ берегу Рейна. Этотъ одинъ ударъ уничтожилъ всѣ плоды усилій Римлянъ къ порабощенію Германіи. Извѣстіе о семъ пораженіи и гибель Вара повергли Римъ въ крайній ужасъ *); съ трудомъ успѣли на-скоро собрать войско, съ которымъ Тиверій отправился къ Рейну; хотя онъ и явился снова на правомъ берегу этой рѣки, однако больше для того, чтобы развѣдать о положеніи дѣлъ, нежели для возвращенія прежнихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Принявшій послѣ него начальство надъ Рейнскими легіонами сынъ Друза, Германикъ, нѣсколько разъ повторялъ попытки противъ Германцевъ, но не успѣлъ пріобрѣсть ни одного твердаго пункта. Тиверій убѣдился, что самая благоразумная и полезная для Римлянъ политика состояла въ томъ, чтобъ предоставить Германцевъ на жертву ихъ вѣчнымъ спорамъ, не упуская случая питать ихъ вражду, и всѣ военныя дѣйствія ограничить одною только обороною своихъ границъ. Посему, какъ скоро онъ самъ принялъ правленіе, тотчасъ отозвалъ Германика, и хотя, можетъ быть, этому содѣйствовало и опасеніе оставить въ рукахъ племянника большую силу, однако во всякомъ случаѣ главнымъ поводомъ было благоразумное уклоненіе отъ предпріятій, стоившихъ столькихъ людей и денегъ и до сихъ поръ не принесшихъ ни малѣйшей пользы. Безошибочность Тиверіевой политики скоро оправдалась: Арминій, сдѣлавшійся предводителемъ великаго союза народовъ противъ Римлянъ, вступилъ въ войну съ другимъ Германскимъ вождемъ, Марбодомъ, соединившимъ подъ своимъ начальствомъ Германцевъ Придунайскихъ, и, побѣдивъ его и загнавъ въ Римскія владѣнія, вознамѣрился воспользоваться великимъ вліяніемъ, которое ему доставляло его мѣсто, слава и многочисленная отъ него зависящая дружина, для достиженія королевской власти; но это произвело противъ него въ 21 г. возстаніе, и въ борьбѣ съ своими противниками онъ былъ убитъ **).

*) *Sueton.* in Octav. Aug. cap. 23: Adeo denique consternatum ferunt, ut per continuos menses barba capilloque summisso, caput interdum foribus illideret, vociferans: Quintili Vare, legiones redde.

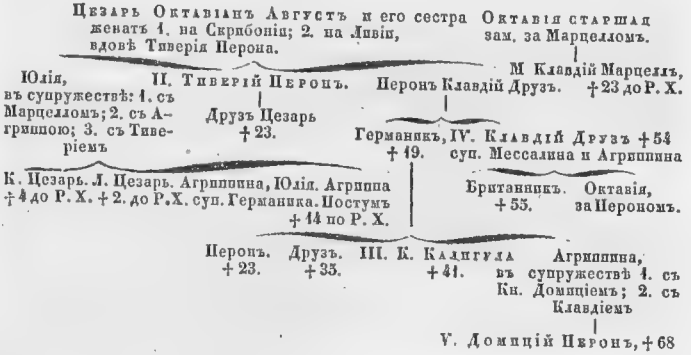
**) Тацитъ (*Ann.* II, 88) почтилъ Германскаго героя прекрас-

Продолжительное правленіе Августа, въ которое, за исключеніемъ пораженія Вара, государство не испытало никакого значительнаго бѣдствія, во всякое время считалось бы счастливымъ и блестящимъ періодомъ; но въ сравненіи съ печальными временами, предшествовавшими ему и еще печальнѣйшими, за нимъ послѣдовавшими, оно представляется еще въ большемъ блескѣ, нежели какъ было дѣйствительно. Продолженіе основанной имъ политической системы зависѣло отъ личныхъ свойствъ его преемника, но, къ сожалѣнію, Августъ былъ несчастливъ именно въ своемъ семействѣ, изъ котораго долженъ былъ выбрать себѣ наслѣдника. Онъ не имѣлъ сыновей ни отъ первой своей супруги, Скрибоніи, ни отъ второй, Ливіи; но послѣдняя, бывшая прежде замужемъ за Тив. Клавдіемъ Нерономъ, ввела къ нему въ домъ двухъ пасынковъ, Тиверія и Друза. Изъ собственныхъ дѣтей у Августа была одна только дочь, Юлія *). Сначала Августъ избралъ себѣ въ наслѣдники сына сестры своей, М. Клавдія Мар-

нымъ памятникомъ: Ceterum Arminius, говоритъ онъ, abscedentibus Romanis et pulso Maroboduo, regnum affectans libertatem popularium adversam habuit, petitusque armis, cum varia fortuna certaret, dolo propinquorum cecidit; liberator haud dubie Germaniae, et qui non primordia populi Romani, ut aliae gentes ducesque, sed florentissimum imperium lacessierit, proeliis ambiguus, bello non victus. Septem et triginta annos vitae, duodecim potentiae explevit, canturque adhuc barbaras apud gentes, Graecorum annalibus ignotus, qui sua tantum mirantur, Romanis haud perinde celebris, dum vetera extollimus recentium incuriosi. И въ новѣйшія времена Арминій всевозможнымъ образомъ воспѣтъ и прославленъ Нѣмецкими поэтами подъ именемъ *Германа*, которое, хотя и несправедливо, считаютъ однозначащимъ съ Арминіемъ.

*) Фамильныя отношенія Цезарева дома ясно видны изъ слѣдующей генеалогической таблицы:

целла, и сочеталъ его бракомъ съ дочерью своею, Юліею. Но этотъ юноша, подававшій блистательныя надежды, умеръ въ 23 до Р. Х., послѣ чего Августъ, обойдя пасынковъ, выдалъ вдову Марцелла за друга своего, М. Агриппу, и дѣтей его отъ сего брака назначилъ своими наслѣдниками. Впрочемъ, сыновья Агриппы, Кай и Луцій (третій, Агриппа Постумъ, былъ слабоуменъ) не соотвѣтствовали надеждамъ своего дѣда, и такъ какъ притомъ оба они умерли прежде него, то оставался въ живыхъ одинъ пасынокъ, Тиверій. По-видимому, Августъ весьма неохотно принялъ его къ себѣ въ наслѣдники, и Ливія, опасаясь, чтобъ мужъ не перемѣнилъ своего рѣшенія, въ послѣдніе годы жизни не выпускала его изъ глазъ. И такъ, когда Августъ, во время путешествія по южной Италіи въ 14 г., въ Нолѣ занемогъ и умеръ, Ливія скрывала его смерть до тѣхъ поръ, пока Тиверій, поспѣшно прибывъ изъ Иллиріи, не овладѣлъ браздами правленія. По униженной покорности, съ которою Сенатъ поспѣшилъ при-



знать новое правленіе *), должно бы было надѣяться, что Тиверій нисколько не будетъ опасаться республиканскаго духа, но этотъ-то человѣкъ, для котораго притворство и лицемѣріе сдѣлались второю природою, поддержалъ только обманчивый призракъ республики. Судя по его рѣчамъ въ Сенатѣ, его можно было счесть за смиреннѣйшаго слугу республики, но его смиреніе и нерѣшительность были только на словахъ, на дѣлѣ же онъ былъ и рѣшителенъ, и самовластенъ **). Оттого однакоже онъ самъ питалъ въ себѣ сознаніе небезопасности своего положенія и передалъ его своимъ преемникамъ, которые старались, подобно ему, утвердиться на своемъ мѣстѣ притѣсненіемъ Сената и пріобрѣтеніемъ привязанности войска и простаго народа. Униженному Сенату оставалось только издавать согласные съ волею Императора декреты, и монархическая власть была такъ прочно утверждена, что, когда въ 68 г., съ низверженіемъ Нерона, домъ Цезаревъ лишился верховной власти, никто не думалъ о возстановленіи республики, и форма правленія, введенная и утвержденная Цезарями, была сохранена.

Первымъ дѣломъ *Тиверія*, по принятіи правленія (14 — 37), было умерщвленіе слабоумнаго внука Августова, Агриппы Постума, чтобы обезопасить престолъ отъ всякаго претендента. Бунтъ легіоновъ

*) *Tacit.* Ann. lib. I, cap. 7: At Romae ruere in servitium Consules, Patres, Eques; quanto quis illustrior, tanto magis falsi ac festinantes, vultuque composito, ne laeti excessu Principis, neu tristiores primordio, lacrymas, gaudium, questus, adulationem miscebant.

**) Тацитъ превосходно изображаетъ лицемѣріе тирана словами, l. c.: Nusquam cunctabundus, nisi cum in Senatu loqueretur.

Германскихъ и Паннонскихъ, усмиренный только уступками, показалъ, что войско начало сознавать свой вѣсъ. Тиверій, пока еще живъ былъ усыновленный имъ сынъ брата его, Германикъ, обуздывалъ свой характеръ, но онъ постарался сперва удалить этого опаснаго для него человѣка отъ войска, а потомъ и умертвить. Подъ предлогомъ почести, онъ отозвалъ его въ 15 году отъ Германскихъ легіоновъ и послалъ на Востокъ, гдѣ онъ, въ 19 году, по общему мнѣнію современниковъ, умеръ отъ яда. Два важнѣйшіе момента Тиверіева правленія суть: *примѣненіе закона величества къ особѣ Императора, и соединеніе Преторіанской гвардіи въ укрѣпленномъ лагерѣ предъ Виминальскими воротами.* Законъ объ оскорбленіи величества уже Августомъ былъ употребляемъ для наказанія поносителей и оскорбителей правящей фамиліи; по неопредѣленности своего содержанія, онъ легко могъ быть употребленъ во зло, и въ рукахъ недовѣрчиваго Тиверія послужилъ самымъ удобнымъ орудіемъ для умерщвленія всѣхъ, казавшихся ему опасными. Но съ каждою новою казнію въ немъ возрастало сознаніе опасности его положенія: онъ долженъ былъ страшиться, что этимъ умножаетъ число своихъ враговъ. И такъ, чтобы имѣть твердую опору и защиту своей власти, онъ соединилъ въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Рима гвардію, которая была учреждена еще Августомъ, но, за исключеніемъ трехъ когортъ, разставлена по окрестнымъ городамъ, и поставилъ надъ нею префектомъ Элія Сеяна. Это учрежденіе (въ 23 г.) имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу государства. Скоро Преторіанцы стали имѣть въ виду совсѣмъ другой интересъ, нежели прочее войско; не видя передъ собою внѣшнихъ непріятелей, живя въ столицѣ, въ довольствѣ и роскоши, они скоро обнаружили вліяніе на внутреннія государственныя дѣла, и ихъ предводитель—Praefectus Praetorio — сдѣлался первою особою по Императорѣ. Уже Сеянъ умѣлъ пріобрѣсть у Тиверія такую довѣренность, что Тациту кажется загадкою, какъ могъ человѣкъ, отъ всѣхъ другихъ скрывавшій свои истинныя помышленія, безъ всякаго

притворства повѣрять ихъ Сеяну *). Впрочемъ, ясно видно, что Сеянъ пріобрѣлъ такую неограниченную довѣренность подозрительнаго Тиверія тѣмъ, что умѣлъ искусно питать въ немъ страхъ и успокоивать его своею заботливостію. Онъ убѣдилъ даже Тиверія, отравивъ сына его Друза, совершенно оставить Римъ. Тиверій, не находя больше въ занятіяхъ разсѣянія отъ безпрерывныхъ терзаній страха, искалъ его въ чувственныхъ наслажденіяхъ; но чтобы скрыть отъ глазъ народа эти несообразныя съ его лѣтами удовольствія, онъ, по совѣту Сеяна, въ 26 году выѣхалъ изъ столицы. Нѣсколько времени онъ путешествовалъ по Кампаніи, наконецъ избралъ для постояннаго своего пребыванія островъ Капрею, котораго уединенное положеніе избавляло его и отъ докучливости любопытныхъ, и отъ козней недоброжелателей. Въ то время, какъ Тиверій утопалъ здѣсь въ постыдныхъ и неестественныхъ наслажденіяхъ, Сеянъ, оставшійся въ Римѣ въ качествѣ намѣстника и исполнителя его повелѣній, преслѣдовалъ всѣхъ, которые или принадлежали къ господствующей фамиліи, или откровенными отзывами, или независимостью характера и расположеніемъ народа возбуждали подозрѣніе государя и его повѣреннаго. Сеянъ чувствовалъ себя столь сильнымъ, что могъ подумать о томъ, какъ бы захватить всю власть въ свои руки; его изображеніе было выставляемо на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, въ храмахъ и частныхъ домахъ, между статуями императорской фамиліи **). Можетъ быть Сеянъ возбудилъ подозрѣніе своего повелителя желаніемъ породниться съ царствующимъ

*) *Tacit.* Ann. lib. IV, cap. 1: Tiberium variis artibus devinxit adeo, ut obscurum adversus alios sibi uni incautum intectumque efficeret; non tam sollertia (quippe iisdem artibus victus est), quam Deum ira in rem Romanam, cujus pari exitio viguit ceciditque.

**) Къ вѣчному сожалѣнію нашему, изъ Лѣтописей Тацита потеряна та самая часть, гдѣ этотъ неподражаемый въ подобныхъ повѣствованіяхъ историкъ описалъ обнаруженіе замысловъ Сеяна и его паденіе. Теперь мы должны обратиться къ разсказу Діона Кассія, въ 58 книгѣ. Cf. Joseph. Antiq. Jud. lib. XVIII, cap. 6.

домомъ, или, можетъ быть, Тиверій былъ предупрежденъ о его замыслахъ письмомъ Антоніи, вдовы брата его Друза; какъ бы то ни было, Тиверій рѣшился погубить префекта гвардіи и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ его родныхъ и приверженцевъ. Онъ скрывалъ, помощію разныхъ хитростей, свое намѣреніе до тѣхъ поръ, пока все не было приготовлено къ погибели Сеяна. Макронъ, назначенный на мѣсто Сеяна, прибылъ въ Римъ съ повелѣніемъ арестовать его и исполнилъ это среди самаго Сената. За казнію Сеяна, его дѣтей, родныхъ и друзей послѣдовалъ цѣлый рядъ процессовъ, пока наконецъ Тиверій, выведенный изъ терпѣнія медлительностію судопроизводства, не повелѣлъ умертвить всѣхъ, находившихся подъ стражею. Тиверій, въ слѣдствіе душевнаго напряженія и развратной жизни, слабѣлъ душевно и тѣлесно *). Но чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ ослабленіе своихъ силъ, тѣмъ тщательнѣе старался скрывать это отъ другихъ: онъ предпринималъ поѣздки по Кампаніи и къ морскимъ берегамъ, и показывалъ видъ, что намѣренъ возвратиться въ Римъ. Его племянникъ, К. Цезарь Калигула, единственный изъ сыновей Германика, оставшійся въ живыхъ, находился при немъ неотлучно. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ, 16 Марта 37 года, на мысѣ Мизенѣ, Тиверій, повидимому, приблизился къ концу своей жизни: онъ впалъ въ совершенное безчувствіе, и врачи объявили, что онъ уже не встанетъ. Тотчасъ всѣ обратились отъ умершаго Императора къ провозглашенному его наслѣднику, Каю Калигулѣ; префектъ гвардіи Макронъ и весь

*) *Тацитъ* (Ann. lib. VI. cap. 6) глубоко раскрываетъ предъ нами состояніе души Тиверія, приводя начало письма его къ Сенату: Quid scribam vobis, Patres Conscripti, aut quomodo scribam, aut quid omnino non scribam hoc tempore, Dii me Deaeque pejus perdant quam perire me quotidie sentio, si scio. Къ этимъ словамъ онъ присоединяетъ слѣдующее прекрасное замѣчаніе: Adeo facinora atque flagitia sua ipsi quoque in supplicium verterant. Neque frustra praestantissimus sapientiae (Платонъ) firmare solitus est, si recludantur tyrannorum mentes, posse aspici laniatus et ictus; quando, ut corpora verberibus, ita saevitia, libidine, malis consultis animus dilaceretur. Quippe Tiberium non fortuna, non solitudines protegebant, quin tormenta pectoris suasque ipse poenas fateretur.

дворъ присягнули ему. Вдругъ доносятъ, что Тиверій живъ еще и требуетъ себѣ пищи. Гибель Кая и всѣхъ признавшихъ его была неизбѣжна, еслибъ они скоро не приняли рѣшительной мѣры: они положили силою привести стараго Императора въ то состояніе, изъ котораго онъ вышелъ къ нхъ ужасу, и Макронъ исполнилъ это, наваливъ на него множество подушекъ.

Начало правленія *Кая Калигулы* (37 — 41) было во всемъ противоположно правленію его предшественника. Жестокія мѣры были оставлены, судебныя мѣста опять получили свою самостельность, и запрещеніе, наложенное на сочиненія многихъ писателей, снято. Но скоро онъ обнаружилъ свой характеръ во всей страшной и отвратительной наготѣ. Какъ скоро онъ увидѣлъ неограниченную власть свою утвержденною, то, во первыхъ, предался безразсудной расточительности. Сбереженныя Тиверіемъ суммы истратилъ онъ въ одинъ годъ на угощеніе черни, на зрѣлища, звѣриныя травли и представленія морскихъ сраженій. Потомъ онъ началъ строить зданія, въ которыхъ столько же должно удивляться фантастической странности архитектуры и громадности, сколько и совершенной безполезности нхъ. Это безумное мотовство скоро соединилось съ звѣрскою лютостью: для пополненія опустѣлой сокровищницы Кай изрекалъ казнь за казнію. Доселѣ обвиненный могъ, по крайней мѣрѣ, спасти отъ конфискованія имущество и сохранить его для своей фамиліи, предупреждая приговоръ и исполненіе его самоубійствомъ. Отъ того-то, въ правленіе Тиверія, многіе изъ знатныхъ Римлянъ лишили себя жизни. Кай отнялъ и это послѣднее преимущество, установивъ, что имѣніе всѣхъ приговоренныхъ имъ къ смерти должно быть конфисковано. Безжалостный и безчеловѣчный, онъ довелъ жестокость до утонченности, и забавлялся страданіями своихъ жертвъ *). Впрочемъ,

*) *Sueton.* Caj. Calig. cap. 27: Multos honesti ordinis, deformatos prius stigmatum notis, ad metalla, aut ad viarum munitiones, aut ad bestias condemnavit, aut bestiarum more quadrupedes cavea coërcuit aut medios serra dissecuit. Nec omnes gravibus ex

къ чести человѣчества должно прибавить, что разсудокъ сего безчувственнаго чудовища былъ полу-разстроенъ развратною жизнію. Это разстройство доказывается его походами противъ Британніи и въ Германію: въ первомъ онъ дошелъ до морскаго берега и ограничилъ свои геройскіе подвиги тѣмъ, что велѣлъ солдатамъ сбирать раковины, которыя взялъ съ собою, какъ трофеи надъ побѣжденнымъ океаномъ; во второмъ — онъ хотя и перешелъ чрезъ Рейнъ, но возвратился, не видавъ непріятеля; накупилъ множество рабовъ и велѣлъ подкрасить имъ волосы, чтобы въ тріумфѣ вести ихъ, какъ плѣнныхъ Германцевъ. Но, чтобы совершенно убѣдиться въ его сумасшествіи, стоитъ только прочитать разсказъ о его конѣ Инцитатѣ *). Наконецъ, между самыми приближенными къ нему лицами, составился противъ него заговоръ. 24 Января 41 года гвардейскіе офицеры Кассій Херея и Корнелій Сабинъ, вмѣстѣ съ вольноотпущеннымъ Каллистомъ, пользовавшимся его довѣренностью, умертвили его въ одномъ изъ темныхъ корридоровъ дворца. Убійцы были изрублены на мѣстѣ Германцами, составлявшими тѣлохранительную стражу Кая. Его паденіе было счастіемъ для Рима,

causis, verum male de munere suo opinatos, vel quod nunquam per genium suum dejerassent. Parentes supplicio filiorum interesse cogebat. Quorum uni valetudinem excusanti lecticam misit: alium e spectaculo poenae epulis statim adhibuit atque omni comitate ad hilaritatem et jocos provocavit. — cap. 29: Decimo quoque die numerum puniendorum ex custodia subscribens, *Rationem se purgare* dicebat. Gallis Graecisque aliquot uno tempore condemnatis, gloriabatur, *Gallograeciam sese subegisse.*

*) Светоній въ 50-й и 51-й гл. біографіи Кая указываетъ на его помѣшательство. О конѣ Кая *Діонъ Кассій* (lib. 59, cap. 14) говоритъ: *καὶ ἕνα γε τῶν ἵππων, ὃν Ἰγκίτατον ὠνόμαζε, καὶ ἐπὶ δεῖπνον ἐκάλει, χρυσᾶς τε αὐτῷ κριθὰς παρέβαλλε, καὶ οἶνον ἐν χρυσοῖς ἐκπώμασι προὔπινε, τήν τε σωτηρίαν αὐτοῦ καὶ τὴν τυχὴν ὤμνυε καὶ προςυπισχνεῖτο καὶ ὕπατον αὐτὸν ἀποδείξειν.* Cap. 28: *καὶ αὐτὸς ἑαυτῷ ἱερᾶτο καὶ τὸν ἵππον συνιερέα ἀπέφαινεν.* (т. е. И одного изъ своихъ коней, котораго называлъ Инцитатомъ, онъ приглашалъ на обѣдъ, подчивалъ золотымъ ячменемъ и подносилъ вино въ золотомъ стаканѣ; клялся его благосостояніемъ и счастіемъ и обѣщалъ сдѣлать его также консуломъ. Гл. 28: Самъ былъ своимъ жрецомъ и коня сдѣлалъ своимъ сотоварищемъ въ этомъ званіи.)

Пен. Гос. Ун т

потому что городу угрожалъ голодъ, если бъ онъ процарствовалъ еще десять дней *)

Хотя умерщвленіе Кая произошло совершенно безъ участія Сената, однако, не смотря на то, упразднившаяся теперь власть перешла къ нему, и онъ цѣлыя сутки разсуждалъ о томъ, возстановить ли ему республику, или, слѣдуя системѣ Августа, избрать новаго Императора. Преторіанцы рѣшили его недоумѣніе. Нѣсколько солдатъ случайно напли во дворцѣ Клавдія, брата Германика и дядю Калигулы, старавшагося тамъ скрыться; они вывели его изъ убѣжища и провозгласили Императоромъ. Сначала онъ отъ страха дрожалъ всѣмъ тѣломъ и велѣлъ сказать Сенату, что его силою задержали въ лагерѣ гвардіи, но потомъ, ободренный друзьями, согласился принять императорское достоинство и обѣщалъ, не только гвардіи, но и всему войску, денежный подарокъ, такъ называемый donativum, что для слѣдующихъ Императоровъ сдѣлалось обязанностью. Такъ какъ и народъ присталъ къ Клавдію, то Сенатъ также принужденъ былъ признать его. *Клавдій* (41—54) былъ уже 50 лѣтъ, когда принялъ правленіе; онъ жилъ доселѣ въ уединеніи, занимаясь учеными трудами; притомъ онъ былъ отчасти слабоуменъ, и пренебреженіе, въ которомъ онъ оставался въ продолженіе обоихъ предшествовавшихъ правленій, еще болѣе увеличило его тупость и боязливость. Такой человѣкъ конечно не могъ править самъ, но служилъ только орудіемъ для другихъ, и въ самомъ дѣлѣ, теперь самымъ постыднымъ образомъ обнаружилось вліяніе вольноотпущенныхъ и женщинъ. Изъ вольноотпущенныхъ заслуживаютъ особеннаго вниманія трое: Полибій, Нарциссъ и Палласъ. Но самое значительное вліяніе имѣла на Клавдія супруга его Мессалина; сія развратная женщина, оставшаяся для всѣхъ временъ типомъ владычества наперсницъ, страхомъ опасности побуждала своего боязливаго супруга ко всѣмъ убійствамъ и жестокостямъ. Клавдій, подписавъ смертный приговоръ, черезъ минуту забывалъ

*) Seneca de brev. vit. cap. 18: Dum ille pontes navibus jungit et viribus imperii ludit, aderat ultimum malorum, obsesssit quoque, alimentorum egestas.

о немъ; разсказываютъ, что онъ часто приглашалъ къ своему столу людей, которые за нѣсколько дней, по его приказанію, были казнены *). Мессалина могла свободно предаваться своимъ удовольствіямъ до тѣхъ только поръ, пока жила въ добромъ согласіи съ всемогущими вольноотпущенными: но когда одинъ изъ нихъ, Полибій, былъ казненъ по ея приказанію, прочіе, опасаясь подобной же участи, искали благопріятной минуты предупредить ее. Она сама подала имъ случай употребить къ ея низверженію то самое средство, которымъ такъ часто пользовалась къ истребленію другихъ—именно: боязливость Клавдія. Не довольствуясь забвеніемъ всякаго приличія и безъ стыда открыто предаваясь распутству, Мессалина, наконецъ, въ 48 г., въ то время, когда Клавдій находился въ Остіи, торжественно сочеталась бракомъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ знатной фамиліи, К. Силіемъ, который тогда былъ назначенъ консуломъ. Хотя это происходило открыто и торжественно, однако Клавдій не узналъ бы ничего, если бъ Нарциссъ и Паллассъ не воспользовались симъ случаемъ для низверженія Мессалины. Извѣстіемъ о случившемся въ Римѣ они умѣли привести его въ такой страхъ, что онъ согласился подписать смертный приговоръ Мессалины и К. Силія. Приговоръ былъ поспѣшно исполненъ, чтобы Клавдій не перемѣнилъ своего рѣшенія, и вмѣстѣ съ Мессалиною и Силіемъ было казнено множество Римлянъ, не принимавшихъ ни малѣйшаго участія въ семъ дѣлѣ. Слабоумный Клавдій болѣе не думалъ о своей супругѣ **). Онъ имѣлъ отъ нея сына, Британника, и дочь, Октавію, и чтобы упрочить первому наслѣдство, сначала обѣщалъ во второй разъ не жениться;

*) Между осужденными въ это время особенно поразительна казнь сенатора Пета, который былъ предупрежденъ въ смерти супругою своею Аррiею: она, поразивъ себя кинжаломъ, подала его мужу съ словами: *Paete, non dolet.*

**) *Tacit.* Ann. lib. XI, cap. 38: Nuntiatum Claudio epulanti, perisse Messalinam, non distincto, sua an aliena manu, nec ille quaesivit, poposcitque poculum et solita convivio celebravit. Ne secutis quidem diebus odii, gaudii, irae, tristitiae, ullius denique humani affectus signa dedit, non, quum laetantes accusatores aspiceret, non, quum filios moerentes.

но, привыкнувъ находиться подъ руководствомъ женщины, онъ скоро почувствовалъ нужду въ новомъ бракѣ; для того онъ посовѣтовался съ своими вольноотпущенными, желая знать, кого, по ихъ мнѣнію, лучше избрать ему, Лоллію Павлину или Юлію Агриппину, между которыми онъ колебался. Нарциссъ со всею силою возставалъ противъ Агриппины, соединявшей съ пороками Мессалины еще властолюбіе, которое было чуждо сей послѣдней. Такъ какъ Агриппина имѣла уже сына отъ перваго брака своего съ Домиціемъ, то Нарциссъ, для отклоненія Клавдія отъ союза съ вдовою, которая конечно употребитъ всѣ средства къ возвышенію своего сына на счетъ пасынковъ, старался подѣйствовать на его отеческую любовь; но хитрости и ласки Агриппины восторжествовали надъ его благоразумными представленіями, и въ 50 году вмѣстѣ съ Агриппиною вступилъ въ домъ Клавдія пасынокъ. Какъ предвидѣлъ Нарциссъ, такъ и случилось. Агриппина съ самаго начала старалась, вмѣсто Британника, сдѣлать наслѣдникомъ своего сына и женитъ его на дочери Клавдія, Октавіи. Октавія была уже обручена съ Л. Силаномъ, но онъ, предвидя свою гибель, какъ скоро Агриппина овладѣетъ слабымъ Императоромъ, лишилъ себя жизни въ самый день ея бракосочетанія съ Клавдіемъ. Послѣ сего сынъ Агриппины, Домицій Неронъ, былъ усыновленъ Клавдіемъ, обрученъ съ Октавіею, и Британникъ долженъ былъ уступить ему при Дворѣ первое мѣсто. Желая доставить своему сыну приличное воспитаніе, Агриппина призвала ко Двору, въ наставники ему, Л. Аннея Сенеку. Нерону было уже тринадцать лѣтъ, когда Сенека взялся за его воспитаніе. Доселѣ въ домѣ тетки своей онъ имѣлъ наставниками и руководителями танцовальнаго учителя и цирюльника, и Сенека долженъ бы быть совсѣмъ инымъ человѣкомъ, нежели каковъ былъ дѣйствительно, если-бъ ему удалось уничтожить въ умѣ своего питомца впечатлѣнія, полученныя имъ отъ прежняго воспитанія *). Меж-

*) Должно всегда это имѣть въ виду, чтобы не осуждать Сенеки несправедливо. Одно, въ чемъ можно укорять его касатель-

ду тѣмъ, Агриппина, увѣренная, что устроила, какъ нельзя лучше, воспитаніе своего сына, въ то же время поставила начальникомъ гвардіи Афранія Бурра, человѣка ей совершенно преданнаго, чтобы удержать въ своемъ распоряженіи войско, имѣвшее сильное вліяніе на престолонаслѣдіе; отъ Британника же удалила она всѣхъ его приверженцевъ, начинавшихъ уже внушать ему подозрѣніе противъ Нерона. Не смотря на то, Агриппина все еще должна была страшиться, что слабоумный Императоръ склонится на убѣжденія противной партіи и разстроитъ ея замыслы; потому она рѣшилась умертвить его, по совершеніи бракосочетанія своего сына съ Октавіею (53). Она воспользовалась для того услугами одной отравительницы, по имени Локусты, которая судомъ была уже обличена во многихъ убійствахъ и приговорена къ смерти, но пощажена, чтобы служить орудіемъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ опасно дѣйствовать открытою силою *). Отъ приготовленнаго ею яду Клавдій умеръ, 13 Окт. 54 года. Его правленіе имѣло и блестящія формы: ибо, не смотря на развратъ столицы, униженіе Сената и слабоуміе правителя, въ государствѣ все еще находились люди сильные и мудрые, которые были въ состояніи совершить великое. На Востокѣ Римскіе легіоны утвердили свой прежній перевѣсъ, такъ что Парѳяне и Армяне должны были допустить въ своихъ раздорахъ посредничество Рима. Въ то же время, въ 43 году, Плавтій началъ покореніе Британніи, которое съ успѣхомъ продолжалъ Осторій Скапула. Кромѣ того, въ правленіе Клавдія были приведены въ исполненіе два важныя дѣла: осушеніе Фуцинскаго болота, и устроеніе обширной гавани въ Остіи, равно какъ и мно-

но воспитанія Нерона, есть то, что онъ не такъ сильно противодѣйствовалъ вліянію матери на своего воспитанника. Какъ могъ онъ допустить, чтобы, какъ разсказываетъ Светоній, a philosophia mater Neronem avertit, monens, imperaturo contrariam esse! Далѣе слова того же писателя: a cognitione veterum oratorum eum Seneca praeceptor avertit, ut eum diutius in admiratione sui detineret, даютъ худое понятіе объ его характерѣ.

*) Тацитъ (Ann. lib. XII, cap. 66) говоритъ объ Локустѣ: Diu inter instrumenta regni habita.

гія другія предпріятія, которыхъ честь конечно принадлежитъ не правителю, а духу государства, живому и дѣятельному, даже при такомъ жалкомъ правительствѣ.

По смерти Клавдія никто и не упомянулъ о Британникѣ. Бурръ представилъ преторіанцамъ 17-ти лѣтняго Нерона, который и былъ провозглашенъ Императоромъ, обѣщавъ имъ подарить такую же сумму, какую далъ Клавдій, принимая императорское достоинство. Небрежность его воспитанія выказалась тотчасъ при первомъ вступленіи его въ Сенатъ. Доселѣ всѣ Императоры сами сочиняли свои предложенія Сенату, Неронъ же явился туда съ выученною наизустъ рѣчью Сенеки. Онъ предпочиталъ другія занятія, и былъ довольно искусенъ въ пѣніи, рисованіи, управленіи конемъ и колесницею, также хвалился своими стихотвореніями. Сначала предоставилъ онъ правленіе Сенекѣ и Бурру, а самъ предался удовольствіямъ. Такъ какъ Агриппина хотѣла властвовать одна, и Неронъ, по совѣту Сенеки и Бурра, не давалъ усиливаться вліянію своей матери, то между ними возникло несогласіе. Раздраженная неблагодарностью сына, Агриппина стала показывать видъ, что хочетъ возвысить Британника; но это только ускорило гибель несчастнаго принца. Неронъ видѣлъ, какъ изъ политики отравили его отчима, и теперь думалъ, что не сдѣлаетъ никакого преступленія, если, тоже изъ политики, умертвитъ своего сведеннаго брата. Сенека и Бурръ, не воспротивившись совершенію этого убійства, тѣмъ самымъ обнаружили свое тайное согласіе. Британникъ былъ отравленъ за императорскимъ столомъ, предъ глазами самого Нерона и гостей, и ядъ подѣйствовалъ такъ сильно, что онъ тутъ-же испустилъ духъ. Съ этой минуты Агриппина потеряла все свое вліяніе, лишилась находившихся доселѣ при ея особѣ тѣлохранителей изъ Германскихъ наемниковъ и должна была оставить дворецъ. Такимъ образомъ мать Императора, привыкшая къ блеску Двора, вдругъ увидѣла себя оставленною всѣми; ея гордость была такъ чувствительно уязвлена, что Неронъ долженъ былъ страшиться всего отъ ея интригъ. Сынъ не

нашелъ другаго средства обезопасить себя отъ козней матери, кромѣ убійства. Сенека и Бурръ не соглашались на такое противуестественное злодѣяніе; но Неронъ, однажды замысливъ убійство, не могъ имѣть недостатка въ орудіяхъ: онъ поручилъ сіе ужасное дѣло вольноотпущенному Аницету. Отъ яду Агриппина приняла мѣры предосторожности. Ее убѣдили, подъ предлогомъ примиренія съ сыномъ, отправиться въ Баіи. Она должна была погибнуть на морѣ; судно, назначенное для нея, было такъ устроено, что, по данному знаку, должно было разрушиться и раздавить ее. Но когда этотъ планъ не удался, она была умерщвлена на своей дачѣ, въ 60 г. Вскорѣ послѣ сего, супруга Неронова сперва была отправлена на островъ Пандатарію, а потомъ лишена жизни. Неронъ влюбился въ Поппею Сабину, жену М. Салвія Отона, въ послѣдствіи бывшаго Императоромъ. Осторожный Отонъ съ покорностію принялъ назначеніе въ Лузитанію, и Неронъ, въ связи съ безстыдною и легкомысленною Поппеею, все болѣе и болѣе погружался въ бездну разврата. По смерти Бурра и Сенека потерялъ вліяніе и долженъ былъ удалиться. Главное управленіе государственными дѣлами получилъ Тигеллинъ. Поппея сдѣлась женою Нерона. Тигеллинъ вымышлялъ для развлеченія Нерона разныя забавы, празднества, пиры и увеселительныя поѣздки; въ этомъ помогалъ ему остроумный Петроній, превосходно изобразившій въ своихъ Сатирикахъ образъ жизни и удовольствія тогдашней знати, впрочемъ, не такъ какъ Тацитъ, смотрѣвшій на все съ глубокимъ презрѣніемъ, но какъ человѣкъ, который самъ находилъ въ нихъ вкусъ и наслажденіе *). Но Неронъ скоро пересталъ довольствоваться одними сими наслажденіями; имъ овладѣла непреодолимая страсть публично пѣть, играть на цитрѣ и оспоривать награды. Это и по нашимъ понятіямъ неприлично правителю, а въ глазахъ Римлянъ не было ничего унизительнѣе. Посему, Неронъ, являясь на сценѣ и принуждая или, по крайней мѣрѣ, поощряя

*) *Tacit.* Ann. lib. XVI, cap. 18, называетъ Петронія elegantiae arbiter и erudito luxu.

къ тому же и другихъ знатныхъ Римлянъ, сенаторовъ и всадниковъ, произвелъ совершенный переворотъ въ Римскихъ нравахъ. Впрочемъ, при всѣхъ своихъ сумасбродствахъ и жестокостяхъ, Неронъ былъ безопасенъ, потому что умѣлъ привязать къ себѣ гвардію и народъ, забавляя ихъ частыми зрѣлищами, а также и войско, часто награждая его деньгами. Только со времени великаго пожара, въ 64 году, превратившаго часть города въ пепелъ, произошла перемѣна въ расположеніи народа и войска, потому что онъ долженъ былъ деньги, которыя прежде расточалъ на зрѣлища и войско, употребить на возобновленіе города. Этотъ страшный пожаръ начался въ то время, какъ Неронъ находился въ Анціумѣ, въ домахъ, принадлежавшихъ Тигеллину; оттуда распространился до Цирка, захватилъ множество находившихся тамъ лавокъ, въ которыхъ было складено большое количество сала, масла и другихъ горючихъ товаровъ; отсюда, съ неудержимою силою и быстротою, устремился къ холмамъ Палатинскому и Целійскому. Когда пріѣхалъ Неронъ, уже невозможно было остановить распространеніе пожара, къ тому же онъ самъ запретилъ гасить: это разрушеніе было для него очень кстати, потому что открывало ему случай возобновить городъ въ лучшемъ и правильнѣйшемъ видѣ. Хотя онъ дѣлалъ все возможное, чтобы доставить бѣднымъ пріютъ и пищу, однако, не смотря на то, не могъ уничтожить молвы, что пожаръ произведенъ по его приказанію, чтобы онъ могъ имѣть случай съ чувствомъ воспѣть пожаръ Трои. Для отклоненія отъ себя подозрѣнія, онъ сложилъ всю вину на Христіанъ и въ первый разъ произвелъ на нихъ гоненіе. Между тѣмъ, теряя расположеніе народа и войска, Неронъ сдѣлался еще ужаснѣе для знатныхъ и богатыхъ, потому что старался доставать деньги, нужныя на построеніе города, отчасти посредствомъ казней. Впрочемъ, нельзя не согласиться, что Неронъ дѣйствительно выстроилъ Римъ гораздо въ лучшемъ видѣ, нежели каковъ онъ былъ прежде. Но съ особеннымъ великолѣпіемъ предположено было построить императорскій дворецъ: два архитектора, взявшіеся за это,

старались искусствомъ достигнуть того, что сама природа сдѣлала невозможнымъ, и начали дѣло, которое далеко превосходило Нероновы силы. Огромныя издержки на эти постройки принудили его наложить контрибуцію не только на всѣхъ богатыхъ въ городѣ, но и во всей имперіи, и даже на храмы, чѣмъ возбудилъ онъ противъ себя неудовольствіе въ провинціяхъ *). Въ это время составилось множество заговоровъ, изъ которыхъ примѣчательнѣйшій К. Пизона, потому что онъ послужилъ предлогомъ къ неслыханнымъ жестокостямъ и безчисленнымъ казнямъ; также Сенека и поэтъ Луканъ, подозрѣваемые какъ участники въ этомъ заговорѣ, принуждены были лишить себя жизни. Неронъ самъ удивился слабости поколѣнія, которымъ онъ повелѣвалъ, и въ гордомъ чувствѣ, возбужденномъ въ немъ симъ сознаніемъ, воскликнулъ, что онъ одинъ узналъ, какъ далеко государю можно простирать свой произволъ **). Но надменный духъ, выраженный имъ въ этомъ признаніи, былъ предвѣстникомъ его паденія. Неудовольствіе начало сперва распространяться между офицерами въ разныхъ частяхъ государства, а потомъ перешло и въ находившіеся подъ начальствомъ ихъ войска. Но Неронъ не замѣчалъ этого; напротивъ, онъ предпринялъ еще путешествіе въ Грецію, чтобы въ семъ отечествѣ изящныхъ искуствъ и хорошаго вкуса показать свои музыкальные и пѣвческіе таланты и пріобрѣсть награды побѣдителя на древнихъ національныхъ играхъ Грековъ. Онъ являлся передъ публикою на Истмійскихъ, Олимпійскихъ и Немейскихъ играхъ, которыя въ честь его всѣ даны были въ одномъ году. Само собою разумѣется, что онъ на всѣхъ получилъ награды; льстивые Греки присоединили къ тому еще названіе странствующаго и

*) *Tacit.* Ann. lib. XV, cap. 45: Interea conferendis pecuniis pervastata Italia, provinciae eversae, sociique populi et quae civitatum liberae vocantur. Inque eam praedam etiam Dii cessere, spoliatis in urbe templis, egestoque auro, quod triumphis, quod votis omnis populi Romani aetas prospere aut in metu sacraverat. Enimvero per Asiam et Achajam non dona tantum, sed simulacra numinum abripiebantur.

**) *Sueton.* in Neron. Caes. cap. 37: negavit. *quenquam principum scisse, quid sibi liceret.*

всепобѣждающаго ратоборца, за что Неронъ возвратилъ имъ свободу. Онъ остался бы въ Греціи еще долѣе, или, можетъ быть, посѣтилъ бы и другія части своей имперіи, чтобы повсюду возбудить къ себѣ удивленіе, если бъ къ нему не прибылъ Гелій, одинъ изъ вольноотпущенныхъ, оставленныхъ имъ въ Римѣ для управленія дѣлами, и извѣстіемъ о всеобщемъ неудовольствіи, которое было готово обнаружиться, не склонилъ его къ возвращенію въ столицу. Но вмѣсто того, чтобы осторожностію и кротостію устранить этотъ взрывъ, онъ своими мѣрами ускорилъ его. С. Сульпиціи Гальба, одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ того времени, но находившійся уже въ преклонныхъ лѣтахъ, управлялъ Испаніею: узнавъ, что Неронъ осудилъ его на смерть, и видя, что это возбудило въ солдатахъ негодованіе, онъ отказалъ ему въ повиновеніи. Въ то же время Юлій Виндексъ, родомъ изъ Аквитаніи, поднялъ знамя бунта въ Галліи, и обратился къ Гальбѣ; къ нему присоединился также Отонъ, правитель Лузитаніи. Получивъ такое подкрѣпленіе, Гальба, 3 Апр. 68 г., объявилъ себя легатомъ Сената и народа. Сначала казалось, что возстаніе не будетъ имѣть успѣха, потому что Виндексъ былъ разбитъ Германскими легіонами и погибъ самъ. Но эта побѣда не принесла Нерону никакой пользы, потому что онъ не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ въ самомъ Римѣ. Нимфидій большими обѣщаніями склонилъ гвардію къ отпаденію. Тогда и Сенатъ, такъ часто льстивыми декретами одобрявшій поступки тирана, осмѣлился возвысить голосъ, объявилъ Нерона врагомъ отечества и призналъ Императоромъ избраннаго солдатами Гальбу. Неронъ спасся отъ мести Сената самоубійствомъ *), 11 Іюля 68, и съ нимъ прекратился домъ Цезаревъ.

*) Передъ смертью онъ нѣсколько разъ повторялъ: Qualis artifex pereo! Услышавъ приближеніе всадниковъ, посланныхъ схватить его живаго, онъ продекламировалъ Гомеровъ стихъ: Ἵππων μ' ὠκυπόδων ἀμφὶ κτύπος οὔατα βάλλει (по переводу Гнѣдича: Коней, стремительно скачущихъ, топотъ мнѣ слухъ поражаетъ). Впрочемъ онъ былъ такъ малодушенъ, что самъ не могъ лишить себя жизни. Вольноотпущенный Эпафродитъ долженъ былъ въ этомъ помочь ему.

Если находятъ краски, въ которыхъ Тацитъ и сатирики изображаютъ это время, слишкомъ мрачными и принимаютъ мѣриломъ не древне-Римскую простоту нравовъ, то во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что Римская жизнь находилась въ видимомъ упадкѣ и быстрыми шагами приближалась къ совершенной испорченности. Высшее общество, съ немногими исключеніями, представляетъ жалкую картину разврата, малодушія и низости. Утонченное наслажденіе чувственными удовольствіями служило только къ большему ослабленію его нравственной силы *). Но преобразованіе древняго міра, въ которомъ онъ имѣлъ нужду и для котораго созрѣлъ, уже получило свое начало. *Возникла Христіанская община, и съ сознаніемъ противоположности, въ которой находилась она къ древнему міру, начала развивать свои основныя правила.* Не только въ нравственныхъ основаніяхъ, но и во всѣхъ обычаяхъ обыкновенной жизни, Христіане уклонялись отъ древняго міра и старались представлять съ нимъ во всемъ самый разительный контрастъ. Оттого оба элемента не нашли ни одного пункта, въ которомъ могли бы соединиться; но изъ борьбы долженствовала возникнуть совершенно новая жизнь. Эта борьба, согласно съ духомъ Христіанства, по-

*) *Seneca* (consol. ad. Helv.) представляетъ много картинъ Римскихъ нравовъ: вотъ черта, которою онъ характеризуетъ роскошь Римскихъ столовъ: Ultra Phasim capi volunt, quod ambitiosam popinam instruat, nec piget a Parthis, a quibus nondum poenas repetimus, aves petere. Undique convehunt omnia nata fastidienti gulae. Quod dissolutus deliciis stomachus vix admittat, ab ultimo portatur Oceano. *Vomunt ut edant, edunt ut vomant;* epulas, quas toto orbe conquirunt, nec concoquere dignantur.

лучила свой особенный характеръ. Христіане не сопротивлялись, но терпѣли; они побѣдили своихъ враговъ не оружіемъ, но терпѣніемъ и силою истины. Самъ Христосъ, принявъ для спасенія рода человѣческаго смерть, былъ первымъ мученикомъ возвѣщенной имъ религіи; послѣ него пострадала большая часть Апостоловъ; отъ нихъ идетъ цѣлый рядъ мучениковъ до самаго времени торжества Христіанской Вѣры.

Въ правленіе Тиверія Іисусъ Христосъ совершилъ свое земное поприще. Животворная сила его ученія не проникла закаменѣлаго въ привязанности къ буквамъ закона сердца Фарисеевъ и большей части Іудеевъ, исполненныхъ лживыхъ ожиданій и надеждъ. Ибо Христосъ возвѣщалъ, что царство его есть царство духовное, и училъ терпѣнію и покорности. Онъ подвергся гоненію озлобленныхъ противъ него Фарисеевъ и по ихъ требованію былъ, какъ возмутитель, осужденъ Римскимъ прокуратором, Понтіемъ Пилатомъ, на смерть. Крестъ, на которомъ Онъ пострадалъ, сдѣлался отселѣ символомъ для всѣхъ вѣрившихъ въ Его высокое посланіе. Христосъ на крестѣ, прощающій своимъ врагамъ, молящійся за своихъ гонителей и умирающій за спасеніе міра, и Тиверій, на островѣ Капреѣ, мучимый совѣстью и утопающій въ постыдномъ для его лѣтъ сладострастіи — вотъ двѣ противоположности, представляющія въ самомъ разительномъ свѣтѣ новый и древній міръ! По смерти, воскресеніи, и вознесеніи Іисуса, Святый Духъ сошелъ на его учениковъ, и подъ вліяніемъ Его началось проповѣдываніе Евангелія. Одинъ изъ злѣйшихъ гонителей Христіанскаго ученія, Савлъ, подъ именемъ Павла, сдѣлался ревностнѣйшимъ почитателемъ и неутомимѣйшимъ проповѣдникомъ его. Онъ доказалъ, что Евангеліе дано и язычникамъ, и Апостолы, согласно съ заповѣдью Іисуса, пошли во всѣ страны проповѣдывать Его ученіе. Іудейскія синагоги въ большихъ городахъ Римской Имперіи были первыми пунктами, откуда распространялось новое ученіе;

вскорѣ въ большей части городовъ Римской Азіи образовались общины, которыя были крещены во имя Христа, и, по свидѣтельству Апостольскихъ Дѣяній (11, 26), въ Антіохіи, въ первый разъ, вѣрующіе въ Евангеліе были названы *Христіанами*. Новое ученіе скоро пустило корень и въ самомъ Римѣ. Въ правленіе Клавдія прибылъ туда Апостолъ Петръ и основалъ Христіанскую общину *). Кто изъ жившихъ тогда могъ предвидѣть, что человѣкъ, незамѣченный ихъ лѣтописями, предназначенъ положить основаніе трону, который долженъ былъ стать на развалинахъ трона Цезарей! Впрочемъ, обратившіеся къ новой религіи были еще люди въ обществѣ незначительные, бѣдные и находившіеся въ стѣсненномъ положеніи, которымъ ученіе о любви и терпѣніи давало силу и бодрость къ перенесенію житейскихъ страданій. Братская любовь, господствовавшая въ христіанскихъ общинахъ, представляетъ прекрасный контрастъ съ эгоизмомъ древняго міра. Но чѣмъ болѣе Христіане отдалялись отъ язычниковъ, тѣмъ болѣе возбуждали ихъ вниманіе и ненависть. За удаленіе отъ всякаго рода торжественныхъ идолослуженій они были обвиняемы въ безбожіи и ненависти къ людямъ, а за уединенный образъ жизни и несогласныя съ Римскими общественныя отношенія подверглись ненависти и презрѣнію. Посему Неронъ объявилъ ихъ виновниками страшнаго пожара, испепелившаго Римъ, и такимъ образомъ надъ Христіанами вдругъ разразилась и злоба фанатическаго народа, и жестокость безчувственнаго тирана. Несчастные, въ шкурахъ дикихъ звѣрей, для увеселенія народа были затравливаемы собаками, или, въ одеждахъ напитанныхъ смолою, зажигаемы вмѣсто факеловъ для освѣщенія Нероновыхъ садовъ **). Между жертвами сего

*) Говоря, какъ о прибытіи Петра въ Римъ, такъ и о смерти его въ этомъ городѣ, я слѣдую преданію, вѣрность котораго хотя нельзя исторически доказать, но которое, какъ фактъ, въ теченіе столѣтій всѣми принятый, имѣло такое же вліяніе на ходъ дѣлъ, какъ если бъ и дѣйствительно было внѣ всякаго сомнѣнія.

**) Тацитъ (Ann. lib. XV, cap. 44) порицаетъ жестокіе поступки съ Христіанами, хотя и раздѣляетъ общіе противъ нихъ предразсудки. *Multitudo ingens* — выраженіе Тацита, показы-

перваго преслѣдованія находились также Апостолы Петръ и Павелъ. Послѣдній, въ слѣдствіе взнесенныхъ противъ него обвиненій, былъ отправленъ Римскимъ прокураторомъ прямо въ Римъ, гдѣ съ неизмѣнною ревностью проповѣдывалъ Евангеліе, и вмѣстѣ съ прочими Христіанами подвергся гоненію; но такъ какъ онъ былъ Римскимъ гражданиномъ, то былъ казненъ мечемъ, между тѣмъ какъ Петръ принялъ смерть на крестѣ. На мѣстѣ, на которомъ онъ, по преданію, былъ погребенъ, возвышается нынѣ великолѣпнѣйшая въ Христіанскомъ мірѣ церковь Святаго Петра. Гоненіе, вмѣсто того, чтобъ подавить Христіанство, еще болѣе возвысило и укрѣпило его. Для каждаго нововведенія необходимо испытаніе; только по преодолѣніи несчастій оно можетъ имѣть притязаніе на пальму побѣды. Уже первое это преслѣдованіе имѣло слѣдствіемъ умноженіе числа Христіанъ. Мужество, съ какимъ умиралъ одинъ, привлекало къ Христіанской религіи десятерыхъ, и конечно — истина и превосходство ученія дѣлаются всего очевиднѣе въ глазахъ толпы, когда она видитъ человѣка, съ радостью жертвующаго за нее жизнію.

Съ того момента, какъ Христіанство твердо укоренилось — Іудейскій народъ свершилъ свое назначеніе; его роль была сыграна, и если онъ не хотѣлъ признать новый образъ жизни, введенный Христіанствомъ, то долженъ былъ погибнуть. Еще въ правленіе Нерона началась война, имѣвшая слѣдствіемъ паденіе Іудейскаго Царства, разрушеніе Іерусалимскаго храма и разсѣяніе Іудейскаго народа. Эти событія существенно способствовали распространенію Христіанства и свободному развитію идей Христіанскаго ученія.

Чѣмъ болѣе Іудеи чувствовали потерю своей политической независимости, тѣмъ тверже укоренялся

ваетъ, что Христіанская община въ Римѣ была уже многочисленна.

въ нихъ уединяющій Фарисейскій духъ, и каждое новое притѣсненіе со стороны Римлянъ, которому они должны были покориться, увеличивало ихъ упорство и ожесточеніе. Во-первыхъ, что касается до исторіи царствующей династіи, которой члены были возводимы и низводимы по произволу Римлянъ, то, по смерти тетрарха Филиппа, въ 34 г., оставался одинъ только Иродъ Антипа. Но К. Калигула, непосредственно по принятіи правленія, отдалъ тетрархію Филиппа, вмѣстѣ съ титуломъ царя, Ироду Агриппѣ, брату жены Антипиной, Иродіады. Когда Антипа потребовалъ и себѣ того же, то былъ низложенъ, и Иродъ Агриппа, по благосклонности Кая, сдѣлался владѣтелемъ всей Палестины. Его вліянію обязаны Іудеи тѣмъ, что не пришли въ страшное столкновеніе съ Римлянами. Калигула повелѣлъ поставить въ Іерусалимскомъ храмѣ свой бюстъ. Іудеи старались сперва просьбами отклонить такое посягательство на ихъ религію и нравы, и когда это не имѣло успѣха, объявили, что готовы лучше умереть, нежели потерпѣть осквернение своего храма. Къ счастію, Агриппа успѣлъ убѣдить Императора отмѣнить сіе приказаніе. По смерти Агриппы Римляне опять вступили во владѣніе Іудеею, и за малолѣтствомъ Агриппы II, сына Ирода Агриппы, управляли ею какъ своею провинціею. Для Іудеевъ было все равно, управлялъ ли ими государь изъ Иродовой фамиліи, или Римскій прокураторъ, потому что оба были имъ одинаково ненавистны. Броженіе умовъ возрастало безпрерывно, и не доставало только одного внѣшняго толчка, чтобы произвесть всеобщее возстаніе. Этотъ поводъ подалъ Римскій прокураторъ Гессій Флоръ злоупотребленіемъ своей власти. Безпокойства начались раздоромъ, открывшимся въ Цезареѣ, въ 65 г., между Іудеями и Греками. Жестоко преслѣдуемые во всей Сиріи до Эвфрата, Іудеи, овладѣвъ Іерусалимомъ, отплатили за это кровавою местью надъ частными людьми и солдатами. Правитель Сиріи, Цесцій Галлъ, поспѣшилъ подавить возмущеніе, но былъ разбитъ, и такъ какъ въ слѣдствіе сего пораженія Римляне принуждены были отступить, то Зелоты овладѣли всею страною и стали устроивать возстаніе

правильнымъ образомъ *). Разгорячепная фантазія представляла имъ, что наконецъ настало время ихъ освобожденія и славы. Все, что могло носить оружіе, съ радостнымъ мужествомъ схватилось за него; сотни тысячъ брапоносныхъ мужей соединились для рѣшительной борьбы. Они приготовились къ ней укрѣпленіемъ всѣхъ городовъ и особенно Іерусалима; сверхъ того, они полагались на горпстое положеніе страны; въ случаѣ же крайняго несчастія, рѣшились искать спасенія въ смерти. И такъ Римлянамъ предстояла теперь война не маловажная, и Т. Флавій Веспасіанъ, смѣнившій Цесція, не прежде началъ войну, какъ собравъ 60,000 арміи и надлежащимъ образомъ приготовивъ ее къ сей трудной борьбѣ. Весною 67 года Веспасіанъ открылъ военныя дѣйствія вступленіемъ въ Галилею. Покореніе этой области, которую защищалъ историкъ Іосифъ, заняло Римскаго полководца въ продолженіе всего года. Галилея была опустошена; жители или погибли въ битвахъ, или проданы въ рабство. Іосифъ спасъ свою жизнь и свободу. Веспасіанъ съ такимъ же благоразумiемъ продолжалъ войну и въ слѣдующемъ году. Онъ вступилъ въ собственную Іудею только по овладѣніи всѣми крѣпкими пунктами по дорогѣ. Приблизившись къ Іерусалиму, гдѣ должно было произойти рѣшеніе войны, онъ скоро убѣдился, что ему не взять города, не разрушивъ напередъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ окрестности. Въ то самое время, какъ онъ занимался исполненіемъ сего плана, въ Іудею пришло извѣстіе о низверженіи Нерона и возвышеніи Гальбы. Сіе неожиданное происшествіе произвело въ военныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторую остановку, и такъ какъ въ продолженіе всего слѣдующаго года Римъ былъ позорищемъ необыкновенныхъ событій, занимавшихъ вниманіе Веспасіана болѣе судьбы Іудеи, то военныя дѣйствія были остановлены до тѣхъ поръ, пока Веспасіанъ самъ не сдѣлался Императоромъ.

*) Между предводителями инсургентовъ находился и *Іосифъ*, котораго сочиненію de bello Judaico, написанному по Гречески, мы обязаны подробнѣйшими извѣстіями о сей замѣчательной борьбѣ.

Паденіе Нерона и возвышеніе Гальбы открыло опасную тайну, что Императоръ можетъ быть избранъ и внѣ Рима *), и что выборъ его зависитъ отъ арміи. Можно было предвидѣть, что она употребитъ во зло свою силу, и въ самомъ дѣлѣ, не больше какъ въ продолженіе полутора года, отъ смерти Нерона до принятія Веспасіаномъ императорскаго достоинства, три Императора (Гальба, Отонъ и Вителлій) были войсками возвышены и низвержены.

Гальба былъ уже 73 лѣтъ, когда принялъ правленіе; онъ обладалъ всѣми слабостями, свойственными такой преклонной старости, — недостаткомъ въ энергіи, зависимостью отъ чужихъ сужденій и бережливостью до скупости. Высокое мнѣніе, которое о немъ имѣли, основывалось на прежнихъ его дѣяніяхъ **). Нимфидій больше всѣхъ обманулся въ характерѣ Гальбы; въ надеждѣ на его щедрость, онъ обѣщалъ преторіанцамъ отъ имени его большую награду (donativum), и воображалъ, что будетъ при немъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Посему, извѣстіе о скупости Гальбы и о вліяніи, которое имѣли на него друзья его, Т. Виній и Корнелій Лакопъ, было для Нимфидія громовымъ ударомъ и побудило его на самый отчаянный шагъ. Еще Гальба не успѣлъ прибыть въ Римъ, какъ Нимфидій сдѣлалъ уже попытку низложить его; но солдаты, на помощь которыхъ онъ надѣялся, были уже склонены на сторону Гальбы, и Нимфидій, лишь только показался въ лагерѣ, былъ тотчасъ убитъ. Вскорѣ по прибытіи Гальбы въ Римъ, обнаружилось неудовольствіе какъ между солдатами, такъ и въ народѣ: первые негодовали за отказъ въ наградѣ, а послѣдній роптalъ за пре-

*) *Tacit.* hist. lib. 1, cap. 4: evulgato imperii arcano, posse Principem alibi, quam Romae, fieri.

**) *Tacit.* l. c. cap. 49: Major privato visus, dum privatus fuit, et omnium consensu capax imperii, nisi imperasset.

кращеніе блестящихъ игръ и увеселеній, къ которымъ его пріучили прежніе Императоры и особенно Неронъ. Пользуясь этимъ, Отонъ старался пріобрѣсть расположеніе солдатъ и толпы и, успѣвъ въ своемъ предпріятіи, надѣялся, что будетъ назначенъ преемникомъ Гальбы. Когда Бельгійскій прокураторъ въ 69 году доносилъ, что верхне-Германскіе легіоны потребовали отъ Сената Императора болѣе дѣятельнаго и не столь стараго, то Отонъ надѣялся, что выборъ Гальбы падетъ на него; но въ совѣщаніи, которое Гальба имѣлъ по этому предмету съ самыми довѣренными своими друзьями, только одинъ Виній говорилъ въ пользу Отона: напротивъ, оба другіе, Лаконъ и Ицелъ, противились этому, и наслѣдникомъ избранъ былъ *Пизонъ Лициніанъ*, человѣкъ незапятнаннаго поведенія и происходившій изъ древней фамиліи. Избранный въ преемники, онъ былъ по обыкновенію сперва представленъ преторіанской гвардіи, но и при семъ случаѣ солдатамъ не было ни дано, ни обѣщано никакой награды; такая неумѣстная бережливость произвела то, что нерасположеніе ихъ къ Гальбѣ перешло и на его преемника*). Отонъ, пользуясь неудовольствіемъ простыхъ солдатъ, рѣшился на отважный шагъ: въ шестой день по усыновленіи Пизона, онъ согласился на то, чтобы 23 солдата провозгласили его Императоромъ и понесли въ преторіанскій лагерь, гдѣ всеобщее негодованіе на правительство доставило ему хорошій пріемъ. Между тѣмъ, какъ Гальба медлилъ, не зная на что рѣшиться, Отонъ привелъ солдатъ къ присягѣ и потомъ, предводительствуя имп, возвратился въ городъ. Гальба первый подвергся ярости мятежниковъ, за нимъ нашли свою смерть Пизонъ и друзья его. Переворотъ, доставившій Отону верховную власть, былъ чисто военный и притомъ такой, въ которомъ простые солдаты принимали больше участія, нежели офицеры; не смотря на то, Испанія, Мавританія, Африка, легіоны Далматскіе, Мизійскіе и Паннонскіе при-

*) *Tacit.* l. c. cap. 18: Constat, potuisse conciliari animos quantulacunque parci senis liberalitate. Nocuit antiquus rigor et nimia severitas, cui jam pares non sumus.

сягнули новому Императору; Сирійскій намѣстникъ Муціанъ также призналъ его, и примѣру его послѣдовали Веспасіанъ и намѣстникъ Египетскій. Но прежде нежели Отонъ былъ провозглашенъ преторіанцами въ Римѣ, Германскіе легіоны уже избрали въ Императоры своего главнокомандующаго, А. Вителлія, и выступили въ походъ въ Италію. Хотя Вителлій не отличался никакими военачальническими талантами, однако, не смотря на то, простые солдаты служили ему съ рѣдкимъ усердіемъ. И Отонъ пользовался не меньшею любовію своего войска. Весною въ 69 году Вителліевы генералы, Фабій Валентъ и А. Цецина, вторгнулись черезъ Альпы въ Италію, и Отонъ выступилъ имъ навстрѣчу. Онъ не рѣшился самъ принять начальство надъ войскомъ, но велѣлъ поспѣшить рѣшеніемъ дѣла, потому что томительное чувство неизвѣстности было для него несносно, и, не смотря на то, что превосходство въ силахъ было на сторонѣ Валента и Цецины, и что къ нему въ скоромъ времени долженствовали прибыть подкрѣпленія изъ Мизіи, Паннонін и Далмаціи, онъ не могъ перенесть никакой отсрочки. 13 Апрѣля 69 г., при Бедріакѣ, не далеко отъ Кремоны, произошло рѣшительное сраженіе. Отонъ былъ разбитъ. Повидимому, онъ считалъ конецъ битвы божескимъ предопредѣленіемъ: у него было еще много средствъ продолжать войну, но онъ хотѣлъ лучше умереть. Притупивъ среди удовольствій всѣ свои способности, онъ не могъ вынести усилій, которыхъ потребовала бы отъ него дальнѣйшая борьба. Жизнь полная наслажденій еще имѣла бы для него прелесть, но, сопряженная съ трудами и опасностями, она была для него ужаснѣе смерти. Во всякомъ случаѣ спокойствіе и твердость, съ какими такой изнѣженный человѣкъ рѣшился на самоубійство, заслуживаютъ удивленія *). Смерть Ото-

*) Какъ мало тогда Римляне дорожили жизнію, видно изъ того, что многіе изъ солдатъ послѣдовали примѣру своего Императора. *Tacit.* hist. lib. II, cap. 49: Quidam militum juxta rogum interfecere se, non noxa, neque ob metum, sed aemulatione decoris et caritate Principis. Ac postea promiscue Bedriaci, Placentiae aliisque in castris celebratum id genus mortis.

на доставила Вителлію господство надъ Италіею, но не надъ всею Римскою Имперіею, потому что еще не было извѣстно, признаютъ ли его провинціи при-Дунайскія и восточныя. Впрочемъ, онъ и самъ не спѣшилъ овладѣть Римомъ: получивъ въ Галліи извѣстіе о побѣдѣ, онъ тихо подвигался впередъ и останавливался въ каждомъ городѣ, чтобы присутствовать на пирахъ и приготовленныхъ въ честь его играхъ. Онъ прибылъ въ Римъ не прежде Іюля, и если уже во время похода и до рѣшенія войны онъ искалъ насладиться своею властію въ великолѣпныхъ пиршествахъ, то легко можно было ожидать, что по одержаніи побѣды его расточительность превзойдетъ всякую мѣру. Въ самомъ дѣлѣ, его столъ поглощалъ такія несмѣтныя суммы, что, по увѣренію Іосифа, государство наконецъ разорилось бы, если бъ принуждено было долѣе покрывать одни только издержки на обѣды прожорливаго правителя *). Но изъ сей расточительности онъ внезапно былъ пробужденъ извѣстіемъ, что восточные легіоны провозгласили Императоромъ Веспасіана. Веспасіанъ призналъ сперва Гальбу, потомъ Отона, а наконецъ и Вителлія; но послѣднему его войско присягнуло съ неудовольствіемъ. Впрочемъ, не оно подало сигналъ къ провозглашенію своего полководца, а легіоны Мизійскіе, которые отъ Дуная шли на помощь къ Отону, и на дорогѣ услышали о его разбитіи и смерти. Между ними находился третій, прежде служившій подъ начальствомъ Веспасіана; этотъ-то легіонъ и склонилъ прочіе написать на знаменахъ Веспасіаново имя. При

*) *Sueton.* Vitell. cap. 13: Sed vel praecipue luxuriae saevitiaeque deditus, epulas trifariam semper, interdum quadrifariam dispertiebat, in jentacula et prandia et coenas, commissationesque: facile omnibus sufficiens, vomitandi consuetudine. Indicebat autem aliud alii eadem die: nec cuiquam minus singuli apparatus quadringentis millibus nummum constiterunt. Famosissima super ceteras fuit coena data ei adventicia a fratre, in qua duo millia lectissimorum piscium, septem avium apposita traduntur. Hanc quoque exsuperavit ipse dedicatione patinae, quam ob immensam magnitudinem *clypeum Minervae* Πολιούχου dictitabat. In hac scarorum jecinora, phasianorum et pavonum cerebella, linguas phoenicopterum, murraenarum lactes a Parthia usque fretoque Hispaniae per navarchos ac triremes petitarum commiscuit.

извѣстіи о случившемся, намѣстникъ Египетскій, Тиб. Александръ, тотчасъ призналъ Веспасіана; чрезъ нѣсколько дней и собственное войско провозгласило его Императоромъ, и Сирійскій намѣстникъ Муціанъ такъ рѣшительно принялъ его сторону, что Веспасіанъ, послѣ долгаго медленія, наконецъ согласился принять императорское достоинство. Вителлію остались вѣрными только легіоны Германскіе, которые возвысили его; всѣ же прочія провинціи и арміи пристали къ Веспасіану. Легіоны Мизійскіе, Паннонскіе и Иллирійскіе двинулись, подъ предводительсовомъ Антонія Прима, въ Италію. Италіянскій климатъ и роскошная жизнь въ Римѣ такъ вредно подѣйствовали на Германскіе легіоны, что они ни въ одномъ сраженіи съ Ант. Примомъ не показали надлежащей твердости. Послѣ пораженія Вителліянцевъ при Кремонѣ, имѣвшаго слѣдствіемъ разграбленіе и превращеніе въ пепелъ сего несчастнаго города, дѣло Вителлія было проиграно совершенно. Будучи слишкомъ малодушенъ, чтобъ рѣшиться на дальнѣйшее сопротивленіе или на честную смерть, онъ вступилъ съ братомъ Веспасіана, Флавіемъ Сабиномъ, находившимся въ Римѣ въ должности градскаго префекта, въ переговоры и согласился сложить съ себя достоинство. Но вмѣсто того, чтобъ объявить о своемъ отреченіи эдиктомъ, Вителлій сдѣлалъ изъ этого трогательную сцену, имѣвшую самыя ужасныя слѣдствія. Когда Вителлій, 16 Декабря 69 года, со всею фамиліею въ траурной одеждѣ вышелъ изъ дворца, солдаты, все еще преданные ему, воспротивились его отреченію и отвели обратно во дворецъ. Флавій Сабинъ, послѣ непродолжительной стычки, принужденъ былъ бѣжать въ Капитолій и былъ тамъ осажденъ. Вителлій отнюдь не былъ виновникомъ битвы, происшедшей теперь въ городѣ: онъ принялъ бы всякія условія, чтобы только спасти свою жизнь, но онъ служилъ орудіемъ собственныхъ своихъ солдатъ и долженъ былъ одобрять всѣ поступки, которые они дѣлали въ ярости и изступленіи *). Его приверженцы осадили

*) Тацитъ (hist. lib. III, cap. 70) превосходно изображаетъ его

Капитолій и посредствомъ пожара, испепелившаго въ немъ всѣ зданія, овладѣли имъ. Флавій Сабинъ былъ схваченъ и въ цѣпяхъ привлеченъ къ ногамъ Вителлія, который съ радостію спасъ бы его, но долженъ былъ уступить буйству солдатъ и предать его смерти. Веспасіановъ сынъ, Домиціанъ, находившійся вмѣстѣ съ дядею въ Капитоліи, успѣлъ спастись и скрывался до тѣхъ поръ, пока городъ не былъ занятъ приверженцами его дома. Тотчасъ послѣ сей кровавой сцены и пожара, Антоній Примъ ворвался въ Римъ. Вителліевы солдаты и дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ ними люди изъ низшаго класса были побиты, и самъ Вителлій не нашелъ пощады. Его вытащили изъ убѣжища, въ которомъ онъ хотѣлъ спрятаться, и, наругавшись, умертвили. Изъ четырехъ Императоровъ, погибшихъ въ эти полтора года насильственною смертію, Вителлій умеръ, такъ же какъ и жилъ, самымъ презрѣннымъ образомъ.

Прежде нежели обратимъ вниманіе на то, какія усилія Веспасіанъ употребилъ для возвращенія государству, послѣ столькихъ потрясеній, порядка и спокойствія, намъ должно еще разсказать окончаніе Іудейской войны и подавленіе возстанія Батавцевъ, которое, въ такія безпокойныя времена и при волненіяхъ въ Галліи и Германіи, приняло довольно грозный видъ.

Пока Веспасіанъ остановилъ военныя дѣйствія, между Іудеями произошло такое несогласіе, что въ самомъ Іерусалимѣ образовались междоусобныя партіи. Но когда Титъ, принявшій послѣ отца начальство надъ арміею, въ началѣ 70 года двинулся изъ Самаріи съ большими силами опять къ стѣнамъ Іерусалима, общая опасность соединила осажденныхъ. Не смотря на то, въ Маѣ, Титъ овладѣлъ частію города, Везеѳою, и внѣшнею стѣною. Тогда открылся почти

положеніе: ipse neque jubendi neque vetandi potens non jam imperator, sed tantum belli causa erat.

безпре рывный бой около второй стѣны; съ обѣихъ сторонъ храбрость доходила до самой ожесточенной ярости; когда наконецъ Римляне успѣли сдѣлать во второй стѣнѣ проломъ и ворвались чрезъ него въ городъ, то встрѣтили на улицахъ такое отчаянное сопротивленіе, что принуждены были тѣмъ же путемъ бѣжать назадъ. Проломъ былъ тотчасъ задѣланъ Іудеями, и осада пришла въ прежнее положеніе. Теперь Римлянамъ оставалось только отъ голода ждать конца войны. Для скорѣйшаго исполненія сего плана, Титъ велѣлъ окружить городъ стѣною, и такимъ образомъ отрѣзалъ его отъ всякаго подвоза. Голодъ не замедлилъ явиться въ самомъ ужасномъ видѣ; не смотря на то, каждый, говорившій о сдачѣ, былъ предаваемъ казни, хотя бѣдствіе дошло до того, что одна мать убила и съѣла собственное свое дитя. Іисусъ говорилъ Іудеямъ: «наступаютъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя и утробы не родившія и сосцы не питавшіе!» Всѣ ужасы, предсказанные и оплаканные Іисусомъ, разразились надъ Іерусалимомъ. Послѣ того, какъ Римлянамъ удалось овладѣть крѣпостью Антоніею и вмѣстѣ съ тѣмъ второю стѣною, Іудеи держались на храмовомъ холмѣ, гдѣ начальствовалъ Іоаннъ, и въ крѣпости Сіонѣ, куда бросился другой изъ главныхъ вождей ихъ, Симонъ. Римляне сперва приступили къ храмовому холму и въ Августѣ проникли до самаго храма. Храмъ былъ зажженъ и, послѣ кровопролитной битвы, происходившей во время пожара, обращенъ въ пепелъ. Защитники его, успѣвшіе спастись, въ томъ числѣ и Іоаннъ, бѣжали къ Симону въ крѣпость Сіонъ; но и она была въ Сентябрѣ взята, и тѣмъ кончилось завоеваніе города. Іоаннъ, Симонъ и другіе вожди, попавшіе въ руки Римлянъ, были пощажены для украшенія Титова тріумфа; съ прочими плѣнными поступлено самымъ жестокимъ образомъ: Титъ не показалъ при семъ случаѣ и слѣда той доброты и человѣколюбія, которыми прославился въ послѣдствіи. Въ слѣдующемъ году были покорены прочіе, еще оставшіеся во власти Іудеевъ города, и Іудейская нація лишилась своего политическаго бытія. Наибольшее впечатлѣніе произвела эта катастрофа на

Христіанъ, и буквальное исполненіе надъ Іудеями сказаннаго объ нихъ Господомъ долженствовало дать новой религіи великую твердость и нравственную силу *). Кромѣ войны съ Іудеями, Веспасіанъ, при вступленіи въ правленіе, засталъ еще другую—съ Батавцами. Батавецъ Цивилисъ, образовавшійся въ Римской военной службѣ, пользуясь войною Вителлія съ Веспасіаномъ, подъ предлогомъ защиты правъ послѣдняго, вооружилъ своихъ соотечественниковъ противъ Римлянъ; но онъ могъ прикрывать себя именемъ Веспасіана не долѣе какъ до конца 69 года, потому что, послѣ сраженія при Кремонѣ, и Рейнскіе легіоны равномѣрно его признали. По этому, Цивилисъ сбросилъ теперь личину, объявилъ себя открыто врагомъ Римлянъ и казался весьма опаснымъ въ союзѣ съ личными до добычи Германцами и склонными къ мятежу Галлами. Веспасіанъ послалъ противъ него Петилія Церіалиса, который, въ рѣшительномъ сраженіи при Трирѣ, принудилъ Цивилиса къ отступленію въ Нидерланды и потомъ заключилъ съ нимъ миръ, возстановившій прежнія отношенія между Римлянами и Батавцами.

Первою заботою Веспасіана было приведеніе въ порядокъ финансовъ и возстановленіе дисциплины въ войскѣ; онъ старался также возвысить глубоко упавшій авторитетъ Сената. Старшій сынъ его, Титъ, послѣдовавшій ему, пріобрѣлъ славу лучшаго и добрѣйшаго государя, но, къ сожалѣнію, его правленіе продолжалось только два года,

*) Примѣчательно, что Римляне знали о предсказаніяхъ пророковъ Ветхаго Завѣта, но относили ихъ къ Веспасіану и Титу. Тацитъ (hist. lib. V, cap. 13) говоритъ: Pluribus persuasio inerat antiquis sacerdotum literis contineri, eo ipso tempore fore, ut valesceret Oriens, profectique Judaea rerum potirentur; quae ambages Vespasianum ac Titum praedixerant. Тацитъ и не воображалъ, что этотъ Владыка тотъ самый, о которомъ онъ въ другомъ мѣстѣ (Ann. lib. XV, cap. 44) говоритъ, какъ о обыкновенномъ преступникѣ, и что новое царство начало уже образоваться въ нѣдрахъ Римской Имперіи.

и досталось послѣ него брату его Домиціану, котораго злонравный характеръ давно уже возбуждалъ страхъ Римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, Домиціана можно считать совершеннѣйшимъ деспотомъ между Римскими Императорами: онъ соединялъ въ себѣ звѣрскую жестокость Кая съ подозрительностью и презрѣніемъ къ людямъ Тиверія и съ расточительностію Нерона. По прошествіи почти пятнадцатилѣтняго правленія онъ былъ убитъ самыми приближенными къ нему особами.

Веспасіанъ (69—79), принявъ правленіе, нашелъ, что всѣ сокровищницы пусты и что во всѣхъ легіонахъ господствуетъ духъ своеволія и неповиновенія. Для пополненія первыхъ, Веспасіанъ присоединилъ опять земли, освобожденныя Нерономъ, къ Римскимъ провинціямъ; частію возвысилъ старые налоги, частію установилъ новые; онъ былъ такъ бережливъ, что Римляне, привыкшіе къ расточительности предшествовавшихъ ему Императоровъ, прозвали его корыстолюбцемъ и скрягою. Но онъ нисколько не заслуживаетъ такого прозванія, потому что былъ бережливъ только въ расходахъ на собственныя удовольствія и свою частную жизнь, а на полезное не жалѣлъ никакихъ суммъ. Если способъ, какимъ онъ собиралъ деньги, во многихъ случаяхъ достоинъ порицанія, то употребленіе, какое онъ изъ нихъ дѣлалъ, всегда заслуживало похвалы *). Не менѣе велика

*) О сихъ способахъ Светоній (Vesp. cap. 16) говоритъ: Non enim contentus, omissa sub Galba vectigalia revocasse, nova et gravia addidisse, auxisse tributa provinciis, nonnullis et duplicasse, negotiationes quoque vel privato pudendas propalam exercuit, coemendo quaedam tantum, ut pluris postea distraheret. Ne candidatis quidem honores, reisve tam innoxiis quam nocentibus absolutiones vendere cunctatus est. Въ слѣдующей главѣ говорится объ употребленіи денегъ: In omne hominum genus liberalissimus explevit censum senatorum; consulares inopes quingenis sestertiis annuis sustentavit, plurimas per totum orbem civitates terrae motu aut incendio afflictas restituit in melius. Ingenia et artes vel maxime fovit; primus e fisco Latinis Graecisve rhetoribus annua centena constituit; praestantes poetas et artifices

услуга, оказанная Веспасіаномъ государству усмиреніемъ необузданнаго и непокорнаго духа въ войскѣ. Со времени паденія Нерона солдаты сдѣлались властителями имперіи, и не легко было возвратить ихъ снова къ строгому и слѣпому повиновенію военной дисциплинѣ. Веспасіанъ достигъ сей цѣли своею непоколебимою твердостію. Правитель съ такимъ характеромъ искалъ себѣ опоры не въ городской черни, какъ послѣдніе государи изъ Цезарева дома, не въ солдатахъ, какъ Императоры, возвышенные легіонами, а въ Сенатѣ: поэтому онъ снова возвысилъ Сенатъ, удаливъ изъ него, по примѣру Августа, всѣхъ недостойныхъ людей, вкравшихся въ послѣднее время въ сію высшую государственную коллегію, и, подобно Августу, онъ поставлялъ свою честь въ томъ, чтобы являться передъ Римлянами не военнымъ деспотомъ, но только первымъ сенаторомъ. На семъ основаніи онъ не боялся никакихъ заговоровъ и, со времени Августа, первый изъ Императоровъ умеръ не насильственною смертію. Онъ скончался 24 Іюня 79 года и оставилъ правленіе старшему сыну своему, *Титу* (79—81). По жизни, веденной имъ доселѣ, отъ него ожидали втораго Нерона, и, казалось, что отецъ собиралъ для того только, чтобы ему было что расточать. Но чѣмъ больше распространилось такое ожиданіе, тѣмъ пріятнѣе было всеобщее изумленіе при перемѣнѣ, происшедшей въ поведеніи Тита, по принятіи имъ императорскаго достоинства. Онъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ государей, которые сдѣлались лучшими на тронѣ. Первымъ доказательствомъ рѣшенія его жертвовать всѣми своими страстями и удовольствіями обязанности государя было удаленіе прекрасной Вереники, Іудейской Принцессы, до сихъ поръ имѣвшей на него великое вліяніе. Многія несчастія, постигшія въ продолженіе краткаго правленія его Римъ и Италію, открыли ему случай явить во всемъ блескѣ всю доброту души своей *). Къ числу ихъ принадлежитъ из-

Coae Veneris, item refectorem colossi insigni congiario et magna mercede donavit.

*) Светоній (Tit. cap. 8) называетъ его natura benevolentissi-

верженіе Везувія, засыпавшее Геркуланъ и Помпеи, язва и большой пожаръ въ Римѣ. Но величайшимъ несчастіемъ для Римской Имперіи было то, что Титъ рано умеръ (13 Сент. 81 года) и что правленіе досталось брату его, *Домиціану*, соединявшему въ себѣ всѣ пороки развратнѣйшихъ изъ прежнихъ Императоровъ; посему при Домиціанѣ открылись снова всѣ бѣдствія, ознаменовавшія правленіе тѣхъ государей; расточительность побуждала его къ жестокости противъ богатыхъ, жестокость—къ страху подвергнуться мщенію оскорбленныхъ, и страхъ — безпрестанно къ новымъ казнямъ *). Посему онъ опять искалъ опоры въ расположеніи черни, которое пріобрѣлъ щедростью и учрежденіемъ увеселеній, и въ солдатахъ, которымъ увеличилъ жалованье. Но, такъ какъ его жестокость ограничивалась одною столицею, и правителей провинцій онъ держалъ подъ строгимъ надзоромъ, при немъ не произошло такого всеобщаго разстройства въ государствѣ, какъ при Неронѣ, и онъ могъ править почти цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Отличительною чертою его характера была безмѣрная гордость, которая выражалась на его лицѣ, въ походкѣ и голосѣ; онъ выказалъ ее, принявъ первый изъ Императоровъ титулъ Dominus, и повелѣвъ издаваемые отъ имени его постановленія прокураторовъ начинать формулою: Dominus et Deus noster sic fieri jubet. При такой гордости, униженія, испытанныя имъ отъ сосѣдей, послужили только къ большей порчѣ его характера. Походъ, предпринятый имъ въ 82 г. противъ одного Германскаго народа, Каттовъ, кончился неудачею. Еще безславнѣе и вреднѣе, по послѣдствіямъ для государства, была война противъ Дакійцевъ, населявшихъ нынѣшнюю Молдавію и Валахію, и тогда имѣвшихъ главою искуснаго вождя, царя Децебала. Домиціанъ купилъ у нихъ миръ,

mus, и приводитъ о немъ изреченіе: perituram se potius, quam perditurum. О томъ, какъ онъ поступалъ въ несчастіи, Светоній говоритъ: In his tot adversis ac talibus non modo Principis sollicitudinem, sed et parentis affectum unicum praestitit, nunc consolando per edicta, nunc opitulando, quatenus suppeteret facultas.

*) Sueton. Domit. cap. 3: Inopia rapax, metu saevus.

обѣщаясь платить ежегодную дань—и этимъ признался въ слабости, ободрившей варваровъ къ смѣлѣйшему нападенію на Римскую Имперію. *И такъ правленіе Домиціаново должно считать тѣмъ временемъ, когда варвары, оставивъ свое оборонительное положеніе, начали дѣйствовать противъ Римлянъ наступательно.* Не смотря на унизительный договоръ, заключенный съ Дакійцами, Домиціанъ не постыдился принять почетное названіе Dacicus и торжествовать надъ ними тріумфъ. Эти удары, нанесенные его гордости, содѣлали его врагомъ всѣхъ отличавшихся своими талантами и славными дѣлами. Между прочимъ, по внушенію зависти, онъ вызвалъ изъ Британніи Кн. Юлія Агриколу, который покорилъ ее и ознакомилъ съ Римскими нравами и обычаями. Утвержденіе Римлянъ въ Британніи началось при Клавдіи, чему особенно содѣйствовали успѣхи оружія Осторія Скапулы, который покорилъ многія Британскія племена и храбрѣйшаго изъ князей ихъ, Каратака, плѣнникомъ отослалъ въ Римъ. Но иго Римскаго владычества вскорѣ имѣло сдѣдствіемъ всеобщее возстаніе: оно открылось въ 62 году и быстро распространилось по всему острову, въ то время, какъ Римскій главнокомандующій, Свѣтоній Павлинъ, выступилъ въ походъ противъ острова Моны (Энглези). Главою возстанія была женщина, царица Боадицея. Оно обнаружилось съ такою силою, что Римляне повсюду принуждены были отступать и оставлять свои колоніи въ добычу непріятелю. Они искали защиты за Темзою, оставивъ даже Лондонъ, который тогда уже велъ довольно значительную торговлю. Не прежде, какъ сосредоточивъ свои силы на мѣстѣ, благопріятствовавшемъ развитію ихъ военнаго искусства, Римляне сдѣлали отпоръ и одержали надъ варварами столь же легкую, какъ и рѣшительную побѣду. Боадицея не пережила сего несчастія: — она приняла ядъ. Свѣтоній Павлинъ началъ такъ строго поступать съ отпавшими, что въ Римѣ сочли за лучшее послать на его мѣсто человѣка съ болѣе кроткимъ характеромъ. Это былъ Петроній Турпиліанъ. Съ сего времени не произошло въ Британніи ничего достопримѣчательнаго до самаго прибытія Кн. Юлія

Агриколы, принявшаго начальство надъ тамошнею армією въ послѣдніе годы правленія Веспасіана. Главное стремленіе Агриколы, съ самаго начала, было направлено къ тому, чтобы кротостью и правосудіемъ склонить Бриттовъ къ принятію Римскаго образованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ покорности Римскому владычеству, и дѣйствительно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, онъ успѣлъ произвесть въ отношеніяхъ обоихъ народовъ необыкновенную перемѣну. Бритты начали теперь ревностно усвоивать себѣ языкъ и правы своихъ побѣдителей; строили, по образцу Римлянъ, города, мѣстечки, храмы, портики и бани, и съ сихъ поръ Британнія, какъ Галлія со временъ Цезаря, сдѣлалась совершенно Римскою *). Вмѣстѣ съ тѣмъ Агрикола распространилъ власть Римлянъ до Думбриттонскаго и Эдинбургскаго Заливовъ, и такъ какъ разстояніе между ними было не болѣе 50 верстъ, то онъ, чтобы положить преграду непріязненнымъ вторженіямъ хищныхъ и воинственныхъ обитателей Шотландскихъ горъ, провелъ цѣлый рядъ укрѣпленій отъ одного моря до другаго. Въ то же время онъ велѣлъ флоту объѣхать сѣверные берега острова, и это путешествіе подтвердило то, что дотолѣ было для Римлянъ одною только догадкою, т. е. что Британнія есть островъ **). Страхъ и зависть терзали Домиціана, когда ему донесли о такихъ успѣхахъ Агриколы, и онъ успокоился тогда только, когда вызвалъ его оттуда въ Римъ и тамъ отравилъ. По смерти Агриколы, котораго Домиціанъ боялся, и которому столько же завидовалъ, жестокость тирана не находила больше предѣловъ; но такъ какъ наконецъ онъ обратилъ ее на своихъ приближенныхъ, то этимъ приготовилъ себѣ погибель. Супругѣ его, Домиціи,

*) *Tacit.* Agric. cap. 21.

**) *Dio Cass.* lib. LXVI, cap. 20: Κἀν τούτῳ πολέμου αὖθις ἐν τῇ Βρεττανίᾳ γενομένου, τά τε τῶν ἐκεῖ πολεμίων Γναῖος Ἰούλιος Ἀγρικόλας πάντα κατέδραμε, καὶ πρῶτός γε Ῥωμαίων, ὃν ἡμεῖς ἴσμεν, ἔγνω τοῦθ' ὅτι ἡ Βρεττανία περίῤῥυτός ἐστι. (т. е. Когда же послѣ того въ Британніи опять произошла война, то Кней Юлій Агрикола прошелъ чрезъ всю непріятельскую землю и первый изъ извѣстныхъ намъ Римлянъ узналъ, что Британнія со всѣхъ сторонъ окружена водою).

случайно попался въ руки списокъ лицъ, назначенныхъ къ смерти: она сама находилась въ числѣ жертвъ вмѣстѣ со многими другими изъ пользовавшихся его довѣренностію. Они рѣшились предупредить, и 18 Сент. 96 г. съ помощію нѣсколькихъ гладіаторовъ умертвили его. Надобно замѣтить, что Домиціанъ незадолго передъ смертію началъ притѣснять Христіанъ, что обыкновенно называютъ *вторымъ гоненіемъ*. Онъ считалъ за Іудеевъ Христіанъ, которые, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы составляютъ отдѣльную секту, хотѣли избавиться отъ Іудейскаго налога. Этотъ налогъ состоялъ въ томъ, что разсѣянные по Римской Имперіи Іудеи должны были платить теперь въ императорскую казну ту подать, которую вносили въ Іерусалимскій храмъ. Естественно, Христіане не соглашались на подать, противорѣчившую ихъ религіозному убѣжденію, и должны были подвергнуться за то гоненію.

Убійцы Домиціана провозгласили Императоромъ М. Кокцея Нерву. Съ него начинается для Римскаго государства время, которое многіе считаютъ счастливою эпохою во Всемірной Исторіи. Какъ послѣ Августа въ особахъ Императоровъ вступали на престолъ всевозможные пороки, бывшіе бичами государства, такъ теперь прекраснѣйшія добродѣтели являются одна за другою на тронѣ Имперіи: сердечная доброта съ Нервою, величіе души съ Траяномъ, любовь къ наукамъ и искусствамъ съ Адріаномъ, набожность съ Антониномъ Піемъ и наконецъ философія съ М. Авреліемъ. Все, относящееся къ внѣшней жизни, теперь не болѣе развито, какъ было тогда, и то, что называютъ цивилизаціею, достигло въ тѣ дни высшей степени совершенства: но, не смотря на то и лучшіе правители не въ силахъ были отвратить судьбу государства; они могли поддерживать въ немъ

порядокъ и спокойствіе, но не возродить его къ новой жизни. Исторія отъ Нервы до Коммода яснѣе, нежели другое какое либо время, показываетъ, что государствамъ, такъ же какъ и людямъ, назначенъ опредѣленный возрастъ, за которымъ они впадаютъ въ слабость и разстройство. Врачебное искусство и строгая діэта могутъ еще продлить болѣзненное существованіе старца, но не въ состояніи возвратить тѣлу потерянные соки и первамъ ихъ мужественную силу и гибкость. И такъ, хотя главами государства являлись превосходнѣйшіе Императоры, хотя при нихъ находились первые въ свѣтѣ юристы, опытнѣйшіе генералы и искуснѣйшіе политики, хотя въ ихъ распоряженіи находились арміи, которыхъ въ дисциплинѣ, мужествѣ и военномъ духѣ не превосходило никакое другое войско; однако, не смотря на то, все видимо клонилось къ паденію, и лучи древняго блеска одинъ за другимъ угасали. *Причины сего поучительнаго явленія должно искать въ правахъ*: эгоизмъ и низкій образъ мыслей заступили мѣсто прежняго патріотизма, а элементъ, который одинъ имѣлъ силу произвесть возрожденіе правовъ, — Христіанство — былъ для Римскаго государства враждебнымъ и своимъ распространеніемъ содѣйствовалъ только къ скорѣйшему его разстройству. Хорошіе Императоры могли обезопасить счастіе своего времени, но будущее оставляли на произволъ судьбы, и этимъ объясняется, почему время отъ Нервы до Коммода прошло, безъ всякаго сильнаго дѣйствія на государство. Посему Коммодъ могъ начать тамъ,

гдѣ остановился Домиціанъ, какъ будто бы почти вовсе не существовалъ столѣтній промежутокъ благодѣтельныхъ и славныхъ правленій.

Нерва (96—98) былъ уже семидесяти лѣтъ, когда сдѣлался Императоромъ. Ослабленный лѣтами и болѣзнями, онъ не могъ противопоставить никакой энергіи мятежнымъ преторіанцамъ, искавшимъ отмстить за смерть Домиціана. Онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ они умерщвляли предъ его глазами Домиціановыхъ убійцъ, и не могъ воспрепятствовать имъ вырывать почти изъ своихъ объятій тѣхъ, которыхъ желалъ спасти. Впрочемъ, эта сцена побудила Нерву избрать себѣ соправителя и преемника, и въ семъ случаѣ онъ былъ счастливѣе Гальбы: онъ усыновилъ главнокомандующаго Германскими легіонами, *М. Ульпія Траяна*, родомъ Испанца *). Къ благодѣянію, которое онъ оказалъ государству, выбравъ такого превосходнаго человѣка, онъ присоединилъ еще два, равно приносящія ему честь: это—уничтоженіе закона объ оскорбленіи величества и наказаніе доносчиковъ. Какъ скоро выборъ Траяна сдѣлался извѣстнымъ, всѣ безпокойства въ Римѣ прекратились: преторіанцы не дерзнули противиться, когда онъ вызвалъ ихъ изъ города и размѣстилъ по разнымъ легіонамъ, и Нерва, умирая (27-го Января 98 года), могъ быть спокоенъ на счетъ будущей судьбы своего отечества; ибо мужъ, принявшій теперь бразды правленія, былъ вполнѣ достоинъ своего назначенія. Траянъ (98—117) былъ первый Императоръ не Италіянскаго происхожденія, но въ про-

*) *Plin.* Panegyr. cap. 6: Magnum quidem illud seculo dedecus, magnum reipublicae vulnus impressum est; imperator et parens generis humani obsessus, captus, inclusus; ablata mitissimo seni servandorum hominum potestas, ereptumque principi illud in principatu beatissimum, quod nihil cogitur. Si tamen haec sola erat ratio, quae te (Trajane) publicae salutis gubernaculis admoveret, prope est, ut exclamem, tanti fuisse. Corrupta est disciplina castrorum, ut tu corrector emendatorque contingeres, inductum pessimum exemplum, ut optimum opponeretur, postremo coactus est princeps quos nollet occidere, ut daret principem, qui cogi non posset.

долженіе долговременной службы государству, онъ образовалъ изъ себя и политика, и полководца. Переписка его съ Плиніемъ Младшимъ показываетъ, съ какою точностію онъ входилъ въ подробности дѣлъ своей обширной Имперіи, какъ благоразумно судилъ обо всемъ и съ какимъ благороднымъ образомъ мыслей разбиралъ самыя ничтожныя дѣла. Всѣ повелѣнія и учрежденія его клонились къ тому, чтобы облегчить страданія подданныхъ, которыя онъ самъ раздѣлялъ съ ними. Между прочимъ, онъ ограничилъ права казны, и теперь опять случались примѣры, что казна проигрывала процессы *). Сколь бережливъ онъ былъ въ отношеніи къ себѣ, столь же роскошнымъ и щедрымъ показывалъ себя при всякомъ полезномъ учрежденіи въ Римѣ или въ провинціяхъ. Единственныя слабости, помрачавшія сей прекрасный характеръ, были страсть къ вину и свойственное многимъ великимъ душамъ стремленіе къ военной славѣ. Сознавая первую, онъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, повелѣлъ, не исполнять приказаній, данныхъ имъ послѣ обѣда, а что касается до второй, то въ такомъ военномъ государствѣ, какъ Римское, она приносила болѣе пользы, нежели вреда. Впрочемъ, первую войну Траянъ велъ по необходимости: онъ отказалъ Дакійцамъ въ дани, обѣщанной имъ Домиціаномъ, и когда Дакійцы вторгнулись за то въ Римскія владѣнія, онъ въ 100 г. выступилъ противъ нихъ въ походъ. Онъ перешелъ черезъ Дунай и послѣ трехлѣтней войны принудилъ царя ихъ, Децебала, заключить миръ. Однако онъ не удовольствовался однимъ смиреніемъ Дакійцевъ, но, занимая Римскими войсками многія укрѣпленныя мѣста, показалъ намѣреніе покорить ихъ совершенно. Оттого Децебалъ взялся снова за оружіе, и въ 105 году война возобновилась. Теперь Траянъ явно обнаружилъ свой планъ распространить Римское владычество за Дунай: онъ построилъ черезъ него мостъ на каменныхъ столбахъ, въ 3,500 шаговъ длиною, и

*) *Plin.* l. c. cap. 36: Quae praecipua tua gloria est, saepius vincitur fiscus, cujus mala causa nunquam est, nisi sub bono principe.

оба конца его укрѣпилъ окопами. Послѣ сего, Децебалъ былъ такъ стѣсненъ имъ, что, не желая попасться живымъ въ руки Римлянъ, въ 106 г. лишилъ самъ себя жизни. Дакія покорилась по смерти царя, и Траянъ вознамѣрился заселить страну колоніями и обуздать варваровъ образованіемъ. Онъ переселилъ сюда изъ всѣхъ областей государства множество колонистовъ, основалъ города и мѣстечки, и успѣлъ ввести Латинскій языкъ во всеобщее употребленіе; такъ что слѣды его сохранились доселѣ въ той части Дакіи, которая теперь называется Валахіею. Въ память сихъ побѣдъ Траянъ поставилъ въ Римѣ извѣстную подъ именемъ его колонну, въ 110 футовъ вышиною, съ колоссальною статуею на вершинѣ и съ изображеніемъ его дѣлъ вокругъ по сторонамъ. Дакійскія побѣды увлекли къ завоеваніямъ дѣятельный духъ Траяна, дотолѣ находившій себѣ удовлетвореніе въ занятіи дѣлами гражданскими. Война съ Дакійцами была предпринята по необходимости: теперь началъ онъ искать новаго поприща для своего честолюбія, единственно изъ страсти къ завоеваніямъ и желанія славы. Онъ избралъ для сего не Германію, а Востокъ. Дѣла Арменіи, принужденной въ то время принять себѣ отъ Парѳянъ царя, послужили Императору поводомъ къ войнѣ противъ Парѳянъ. Исторія перваго Траянова похода на Востокъ очень темна, потому что упоминающіе о немъ позднѣйшіе историки смѣшиваютъ случившееся въ первый походъ съ происшествіями втораго. Извѣстно только то, что Траянъ обратилъ Арменію въ Римскую провинцію, что изъ Арменіи онъ вступилъ въ Месопотамію и потомъ возвратился въ Римъ, не съ тѣмъ, чтобы успокоиться на лаврахъ, но для того, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ продолженію войны. Въ самомъ дѣлѣ, въ 114 году, онъ снова прибылъ на Востокъ, и чѣмъ успѣшнѣе шли дѣла его, тѣмъ обширнѣе становились его планы. Онъ покорилъ всю Месопотамію, овладѣлъ Парѳянскою столицею Ктезифономъ, обратилъ Ассирію въ Римскую провинцію и проникъ до Персидскаго Залива. Не смотря на то, что сіи новыя завоеванія не были нисколько обезпечены, желаніе превзойти славою

Александра Великаго до такой степени овладѣло Императоромъ, что онъ велѣлъ готовить флотъ, для нападенія на Индію и покоренія ея со стороны моря. Но когда онъ занимался сими приготовленіями, покоренныя страны въ тылу у него отложились, и онъ долженъ былъ возвратиться. Отъ трудностей и недостатковъ всякаго рода, перенесенныхъ имъ при семъ случаѣ, онъ подвергся болѣзни, отъ которой и умеръ 11 Августа 117 года, въ Киликійскомъ городѣ Селинунтѣ. Гоненіе на Христіанъ, случившееся въ правленіе его, было слѣдствіемъ правила, принятаго Императоромъ, — не терпѣть никакихъ отдѣльныхъ обществъ, или такъ называемыхъ *гетерій*. Въ семъ отношеніи, Христіанскія общества должны были, по своей тѣсной связи, обратить на себя вниманіе правительства и подверглись гоненію не за свои религіозныя убѣжденія, но за воспрещенныя закономъ собранія *).

Родственникъ Траяна, *Элій Адріанъ* (117 — 138) былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ расположенію Императрицы Плотины. Послѣ того, какъ восточные легіоны провозгласили его Императоромъ, Сенатъ долженъ былъ также признать его **). Новый Импе-

*) *Плиній*, получивъ повелѣніе преслѣдовать въ своей провинціи, Виѳиніи, Христіанъ, пишетъ къ императору Epp. lib. X, ep. 97: Nihil aliud inveni, quam superstitionem pravam et immodicam, ideoque dilata cognitione ad te consulendum decurri. Visa est enim mihi res digna consultatione, maxime propter periclitantium numerum. Multi enim omnis aetatis, omnis ordinis, utriusque sexus etiam vocantur in periculum et vocabuntur. Neque enim civitates tantum, sed et vicos etiam atque agros superstitionis istius contagio pervagata est, quae videtur sisti et corrigi posse. Certe satis constat, prope jam desolata templa coepisse celebrari et sacra diu intermissa repeti, passimque vaenire victimas, quarum adhuc rarissimus emtor inveniebatur. *Траянъ* далъ слѣдующую резолюцію: conquirendi non sunt; si deferantur et arguantur, puniendi sunt. Sine auctore vero propositi libelli nullo crimine locum habere debent. Nam et pessimi exempli nec nostri seculi est.

**) *Aelius Spartianus* (vit. Hadrian. cap. 1) называетъ Адріана consobrinus Trajani imperatoris. Родство ихъ было слѣдующее: Дѣдъ Адріана былъ женатъ на сестрѣ Траянова отца, такъ что отецъ Адріана и Императоръ Траянъ были двоюродные братья. Сверхъ того Адріанъ посредствомъ брака вступилъ съ Траяномъ въ ближайшее родство, потому что жена его, Сабина, была дочь

раторъ тотчасъ обнаружилъ избранную имъ политику заключеніемъ мира съ Парѳянами, по которому Эвфратъ снова сдѣлался границею Римской Имперіи: не ненависть, какъ утверждаютъ многіе, но благоразуміе и знаніе отношеній своего государства побудили преемника Траянова оставить завоеванія, сдѣланныя по ту сторону Эвфрата, и вызвать легіоны. Онъ охотно очистилъ бы и Дакію, если бъ тамъ не было Римскихъ колоній. Цѣлью его системы было сохраненіе мира; въ то же время онъ старался дать твердость государству строгою реформою внутри и усиленіемъ дисциплины въ войскѣ. Важнѣйшая изъ мѣръ его для внутренняго управленія и утвержденія правосудія есть edictum perpetuum, составленный юристомъ Сальвіемъ Юліаномъ; это было собраніе прежнихъ преторскихъ эдиктовъ, сообразныхъ еще съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и получившихъ отнынѣ силу закона. Для поддержанія военной дисциплины, онъ объѣзжалъ всѣ провинціи своей имперіи и солдаты повсюду чувствовали его строгость *). Посему онъ рѣдко оставался въ Римѣ, но большую часть своего правленія провелъ въ путешествіяхъ, весьма благодѣтельныхъ для провинцій. Между прочимъ онъ старался построеніемъ зданій увѣковѣчить

Марціаны, сестры Траяновой. Главный источникъ для исторіи времени, начиная отъ Адріана, кромѣ Діона Кассія, есть собраніе жизнеописаній Императоровъ, извѣстное подъ названіемъ *Scriptores Historiae Augustae*. Сочинители сихъ біографій преимущественно извлекали свои показанія изъ обширнѣйшаго сочиненія Марія Максима, и какъ они недостаточны и несвязны ихъ извѣстія, однако все больше содержатъ въ себѣ истины и достовѣрности, нежели ораторски написанныя исторіи Греческихъ авторовъ. Изъ новыхъ историческихъ сочиненій, относящихся ко времени Римскихъ Императоровъ, все еще первое мѣсто занимаетъ *Edw. Gibbon's* history of the decline and fall of the Roman empire—изображеніе государства подъ правленіемъ Антониновъ служило къ нему вступленіемъ, но собственный разсказъ начинается съ Коммода, съ того пункта, когда паденіе Римскаго государства не могло быть болѣе утаено.

*) *Ael. Spartian.* in Hadrian. cap. 10: Pacis magis, quam belli cupidus militem, quasi bellum immineret, exercuit, tolerantiae documentis eum imbuens, ipse quoque inter manipulares vitam militarem magistrans, cibis etiam castrensibus in propatulo libenter utens, hoc est lardo, caseo et posca.

память свою и въ провинціяхъ, и тогда какъ прочіе Императоры заботились только объ одномъ Римѣ, Адріанъ первый началъ украшать главные города провинцій. Къ числу замѣчательнѣйшихъ Адріановыхъ построекъ принадлежитъ укрѣпленный валъ въ Британіи противъ набѣговъ хищныхъ горныхъ племенъ Шотландіи. Онъ строилъ водопроводы, мосты и учреждалъ библіотеки почти въ каждомъ изъ большихъ городовъ имперіи; особенное вниманіе оказалъ онъ Аѳинамъ; также украсилъ Египетъ, и безъ того имѣвшій довольно зданій, новыми зданіями. Причиною его построекъ въ Египтѣ была отчасти смерть любимаго имъ юноши Антиноя, котораго онъ велѣлъ обоготворить и которому хотѣлъ оказать всѣ возможныя почести. Замѣчательнѣйшее изъ зданій, построенныхъ имъ въ Римѣ, есть его гробница, которая съ самаго начала походила на крѣпость и въ самомъ дѣлѣ служитъ ею до нашихъ дней. Единственная значительная война, веденная Адріаномъ, была противъ Іудеевъ. Адріанъ, между прочимъ, простеръ свою страсть къ постройкамъ и украшеніямъ и на Іерусалимъ, намѣреваясь возстановить изъ развалинъ сей нѣкогда столь славный городъ. Когда, для приведенія сей мысли въ исполненіе, онъ поселилъ въ Іерусалимѣ Римскую колонію, и велѣлъ на горѣ построить храмъ Юпитеру Капитолинскому, Іудеи, при такомъ осквернепіи священнаго для нихъ мѣста, пришли въ страшное озлобленіе: со всѣхъ сторонъ стеклись въ Палестину и стали подъ знамя обманщика, выдавшаго себя за Мессію; онъ самъ называлъ себя *Баръ Кохба* (сынъ звѣзды), но Іудеи въ послѣдствіи перемѣнили это имя на *Баръ Козба* (сынъ лжи). Возобновились всѣ сцены прежней Іудейской войны, и не прежде, какъ по трехлѣтней борьбѣ и страшномъ кровопролитіи, Римлянамъ удалось преодолѣть упорное сопротивленіе Іудеевъ. Дѣйствительно, на развалинахъ Іерусалима теперь было положено основаніе новому городу, который получилъ названіе *Элія Капитолина*, и Іудеямъ запрещено приближаться къ прежнему средоточію ихъ религіи. Хотя вообще правленіе Адріана было благодѣтельно и полезно, однако личный характеръ Им-

ператора навлекъ на него ненависть. Какъ всѣ посредственные умы, Адріанъ былъ завистливъ, и въ человѣкѣ, отличавшемся талантами и заслугами, видѣлъ не полезнаго слугу государству, но опаснаго соперника. Сіе чувство ожесточало его, не только противъ великихъ полководцевъ и государственныхъ людей, но и противъ художниковъ и ученыхъ. Всего охотнѣе онъ окружалъ себя людьми посредственными, на которыхъ могъ бы смотрѣть съ высоты своего превосходства. Не смотря на сіи слабости, его правленіе вообще было хорошо; сверхъ того міръ обязанъ ему избраніемъ преемника, щедро вознаградившаго за частныя несправедливости, которыя онъ потерпѣлъ отъ Адріана. Правда, сначала выборъ его палъ на *Л. Цейонія Коммода*, человѣка развратнаго и недостойнаго, но онъ умеръ отъ распутной жизни, еще прежде Адріана. Второй выборъ его былъ счастливѣе: онъ усыновилъ *Аррія Антонина*, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ усыновилъ своего племянника, *М. Аннія Вера*, отселѣ принявшаго имя, *М. Авреліа Антонина*, а М. Авреліи, въ свою очередь, усыновилъ Коммодова сына *Л. Коммода Вера* *). Адріанъ умеръ въ Байяхъ 10 Іюля 138 года.

Наслѣдникъ его, *Антонинъ Пій* (138 — 161), принадлежитъ къ числу благороднѣйшихъ и достойнѣйшихъ любви людей, которые когда либо были на престолѣ. Но его тихая и мирная дѣятельность представляетъ не много разсказовъ для Исторіи, и сверхъ того это немногое, къ сожалѣнію, намъ извѣстно только отрывками **). Войнъ вести ему было не для

*) Антонинъ первоначально назывался *Т. Авреліи Фульвъ;* потому-то, когда онъ усыновилъ племянника своего М. Анніа Вера, послѣдній сталъ называться М. Авреліемъ Антониномъ. Объ этомъ распоряженіи Адріана касательно усыновленія *Jul. Capitolinus* (in vit. M. Antonin. Philos. cap. 5) говоритъ: Quum post obitum L. Caesaris Hadrianus successorem imperii quaereret, nec idoneus utpote decem et octo annos agens, Marcus haberetur, amitae Marci virum Antoninum Pium Hadrianus ea lege in adoptionem legit, ut sibi Marcum Pius adoptaret, ita tamen, ut et Marcus sibi Lucium Commodum adoptaret.

**) Уже въ то время, когда жилъ Ксифилинъ, отрывокъ Діоновой исторіи о правленіи Антонина былъ потерянъ: *Xiphilin.* excerpt. ex Dion. hist. Rom. lib. LXX, cap. 1: Ἴστέον, ὅτι τὰ

чего, потому что границы были защищены его легатами, а къ завоеваніямъ онъ не имѣлъ склонности. Внутреннія провинціи наслаждались глубочайшимъ миромъ и благоденствіемъ, потому что Императоръ держалъ своихъ намѣстниковъ не только подъ строгимъ надзоромъ, но также принялъ за правило, людей испытанныхъ оставлять на мѣстахъ долгое время. Въ финансахъ онъ наблюдалъ порядокъ и бережливость; впрочемъ, для поддержанія полезныхъ учрежденій, не боялся издержекъ. Не менѣе своего предшественника, онъ заботился и о гражданскомъ правѣ и нашелъ себѣ для того отличнѣйшихъ помощниковъ въ юристахъ, Ульпіи Марцеллѣ, Волузіи Меціанѣ и Гаіи. Изъ назначенныхъ имъ наслѣдниковъ одинъ, Маркъ Авреліи, шелъ совершенно по его слѣдамъ; напротивъ другой, Л. Веръ, наслѣдовалъ чувственныя наклонности своего отца и предпочиталъ удовольствія трудамъ и заботамъ правленія. Хотя Антонинъ видѣлъ неспособность Вера къ правленію, однако имѣлъ столько уваженія къ послѣдней волѣ Адріана, что не рѣшился лишить его наслѣдства; но такъ какъ Веръ былъ моложе Авреліа, то и могъ быть подчиненъ ему; — этимъ Антонинъ надѣялся обезопасить счастіе государства и послѣ своей смерти. Онъ умеръ на 70 году, 7 Марта 161 г. *М. Авреліи Антонинъ Философъ* (161—180), съ которымъ вмѣстѣ, до 169 г., правилъ *Л. Коммодъ Веръ*, былъ послѣдователемъ стоической философіи, получившей тогда новую жизнь и новый видъ. Нельзя не согласиться, что мораль и идеи Христіанской религіи имѣли большое вліяніе на это возрожденіе стоицизма. Преобразователемъ онаго былъ *Эпиктетъ*; онъ собственною несчастною жизнію доведенъ былъ до мысли постановить цѣлію мудрости терпѣніе и перенесеніе земныхъ золъ. Живя въ

περὶ τοῦ Ἀντωνίνου τοῦ Εὐσεβοῦς ἐν τοῖς ἀντιγράφοις τοῦ Δίωνος οὐχ εὑρίσκεται, παθόντων τι (ὡς εἰκὸς) τῶν βιβλίων (т. е. Надобно знать, что въ сочиненіи Діона нѣтъ исторіи Антонина Пія, вѣроятно потому, что его книги потерпѣли какимъ нибудь образомъ потерю.) По этому мы должны ограничиться отрывочными показаніями, собранными о жизни сего Императора однимъ изъ Scriptores Historiae Augustae, Юліемъ Капитолиномъ.

бѣдности и тѣсныхъ обстоятельствахъ, онъ создалъ себѣ свой міръ и свое счастіе, и скоро нашелъ во всѣхъ состояніяхъ многочисленныхъ учениковъ, привлеченныхъ утѣшительностью его ученія *). М. Аврелій, впрочемъ, нуждался въ терпѣніи и преданности судьбѣ, которыя, по его философіи, были первыми добродѣтелями, украшающими мудреца, потому что въ продолженіе всего своего правленія постоянно долженъ былъ бороться, то съ внѣшними непріятелями, то съ домашними неудовольствіями. При немъ разразились бури, собиравшіяся вдали въ мирныя правленія Адріана и Антонина Пія. Германскія и Славянскія племена на Дунаѣ, изъ коихъ замѣчательнѣйшее было племя Маркоманновъ, въ союзѣ съ другими, вытѣсненными изъ глубины Германіи **), начали наступательную войну противъ Римской Имперіи. Въ то же время Парѳяне нарушили миръ, существовавшій между ними и Римлянами со смерти Траяна. Противъ Парѳянъ на Востокъ были посланы лучшіе легіоны и славнѣйшіе полководцы, и одинъ изъ Императоровъ, Л. Веръ, принялъ на себя, по просьбѣ своего соправителя, веденіе войны. Вѣроятно Маркъ надѣялся, порученіемъ достойнаго занятія и удаленіемъ отъ товарищей въ наслажденіяхъ, обратить молодаго и преданнаго удовольствіямъ Вера на другую дорогу и побудить къ дѣятельности; но вышло совсѣмъ напротивъ. Веръ предоставилъ всѣ труды и славу войны своимъ легатамъ, между которыми особенно отличался Авидій Кассій; въ продолженіе четырехъ лѣтъ (162—166), проведенныхъ имъ на Востокѣ, только два раза, и то съ большимъ трудомъ, успѣли убѣдить его показаться передъ войскомъ: остальное же время онъ прожилъ въ Дафнѣ, гдѣ, въ прохладныхъ и роскошныхъ рощахъ, обыкновенно

*) Эпиктетъ самъ не оставилъ ни одного сочиненія, но одинъ изъ учениковъ его, вѣроятно Аррianъ, который также написалъ и его біографію, собралъ въ *Enchiridion* основныя его правила по изустнымъ показаніямъ. Аррianъ оставилъ намъ также Dissertationes Epicteteae. Сравн. Hegel's Gesch. der Philos. Bd. 2, S. 435.

**) *Jul. Capitolin.* Marc. Antonin. cap. 14: Victovalis et Marcomannis cuncta turbantibus, *aliis etiam gentibus, quae a superioribus barbaris fugerant,* nisi reciperentur, bellum inferentibus.

проводилъ лѣто, и въ Лаодикеѣ, гдѣ проводилъ зиму. О ходѣ Парѳянской войны мы знаемъ только то, что результатъ ея былъ выгоденъ для Римлянъ: въ 166 году оба Императора торжествовали тріумфъ по случаю счастливаго окончанія войны. Но, возвратившись изъ Сиріи, солдаты разнесли по разнымъ частамъ государства чуму, и этотъ ужасный бичь, свирѣпствовавшій въ продолженіе многихъ лѣтъ, постигъ Римскую Имперію единовременно съ вторженіемъ Германцевъ на Дунаѣ. Въ 167 г. М. Аврелій самъ перешелъ чрезъ Альпы, взявъ съ собою и своего товарища. Онъ принялъ всѣ мѣры для защищенія Иллиріи, служившей оплотомъ Италіи, и въ то же время старался переговорами склонить Германцевъ къ прекращенію набѣговъ и миру; при семъ-то случаѣ онъ позволилъ нѣсколькимъ варварскимъ племенамъ поселиться въ Римскихъ владѣніяхъ и принялъ многихъ варваровъ въ свое войско. На возвратномъ пути, въ Аквилеѣ, въ 169 году, умеръ отъ чумы Л. Веръ, и смерть его освободила Императора отъ большихъ безпокойствъ. Впрочемъ, миръ, заключенный Маркомъ съ варварами, былъ непродолжителенъ. Ободренные бѣдственнымъ положеніемъ Рима, они опять начали дѣлать набѣги, и были такъ счастливы что, по одержаніи побѣды надъ императорскими легатами, овладѣли Иллиріею и осадили Аквилею. Въ самомъ дѣлѣ, Императоръ пришелъ въ столь затруднительное положеніе, что велѣлъ продать всѣ драгоцѣнности, принадлежавшія ему и его супругѣ, или императорскому гардеробу, чтобы собрать необходимую для войны сумму, потому что видѣлъ невозможность наложить на государство, и безъ того уже слишкомъ стѣсненное, новыя подати. Съ войскомъ, частію вновь набраннымъ, въ 172 г. онъ выступилъ въ походъ и во первыхъ освободилъ Аквилею; послѣ сего, принудивъ къ миру Квадовъ, онъ наказалъ варваровъ, поселившихся на Римской землѣ, зо то, что они пристали къ своимъ единоплеменникамъ, и принудилъ Язиговъ пораженіемъ, которое нанесъ имъ на замерзшемъ Дунаѣ, къ выдачѣ Римскихъ плѣнныхъ и къ обѣщанію никогда впредь не безпокоить Римскихъ владѣній. Сія война не была еще окончена, какъ, по лож-

ному извѣстію о смерти М. Аврелія, *Авидій Кассій* провозгласилъ себя въ 174 году на Востокѣ Императоромъ. Маркъ поспѣшилъ на Востокъ, но, прежде нежели онъ прибылъ въ Азію, похититель былъ убитъ собственными своими воинами *). Возвратившись оттуда, Императоръ опять отправился на берега Дуная, чтобы вести снова открывшуюся съ варварами войну. Впрочемъ, не смотря на многія побѣды, онъ не могъ принудить ихъ къ покорности, и умеръ 17 Марта 180 года, не доживъ до конца войны, занимавшей его почти во все время его правленія. Въ «Самонаблюденіяхъ (εἰς ἑαυτόν)»—сочиненіи, написанномъ по-Гречески, Маркъ оставилъ памятникъ своего ума. Изъ него очень хорошо можно узнать какъ благородныя, такъ и слабыя стороны его характера. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ недостатокъ познанія людей, и этою слабостью его пользовались не только люди, которые подъ личиною философовъ вкрадывались въ довѣренность его, и, показывая наружное пренебреженіе къ богатствамъ и почестямъ, тѣмъ самымъ искали ихъ, но особенно супруга его Фаустина. Она предавалась величайшему распутству и выбирала себѣ любовниковъ изъ гладіаторовъ, такъ, что вѣроятно отцемъ сына ея, Коммода, былъ какой нибудь гладіаторъ, а не Императоръ Маркъ. Изъ этой же слабости проистекаетъ то, что онъ назначилъ Коммода своимъ наслѣдникомъ, хотя и зналъ его злой характеръ.

Блистательный періодъ, оканчивающійся М. Авреліемъ, можно разсматривать также какъ счастливое время и для литературы: какъ за нимъ слѣдуетъ упадокъ государства, такъ равно начинаетъ портиться и вкусъ. Латинская Литература быстро развилась по направленію, данному ей

*) Одинъ изъ Scriptores Hist. Augustae, Vulcatius Gallicanus, написалъ біографію Авидія Кассія, и въ ней, изъ собственной переписки Марка, представилъ черта его характера, столь же отличительныя, какъ и честь ему приносящія.

Цицерономъ, но, достигнувъ высшей степени совершенства, не избѣжала опасности впасть изъ реторики въ декламацію. Петроній и прочіе сатирики не находятъ конца своимъ насмѣшкамъ, когда начинаютъ смѣяться надъ пустою декламаціею своего времени. Они показываютъ, что молодые люди въ школахъ краснорѣчія, вмѣсто того, чтобы достойно приготовиться къ жизни, дѣлаются только неспособными къ ней; ибо то, чему они учились въ школахъ, нимало несогласно съ дѣйствительностью, такъ, что вступивъ на площадь, они считали себя занесенными, какъ будто совсѣмъ въ другой міръ. «Въ своихъ реторическихъ упражненіяхъ,» говоритъ Петроній, «они обращаются или къ морскимъ разбойникамъ, которые съ цѣпями въ рукахъ ждутъ на берегу несчастныхъ плѣнныхъ, или къ тиранамъ, которые заставляютъ сыновей рубить головы своимъ отцамъ, или къ оракуламъ, требующимъ во время моровой язвы въ жертву дѣвицы.» Петроній превосходно доказываетъ, что такія упражненія не споспѣшествовали, но вредили краснорѣчію, ибо, пріучая играть пустымъ наборомъ словъ, они отнимали у тѣла рѣчи нервъ его силы; потому неудивительно, что оно распадалось. Реторъ *Цесцій*, вмѣсто истиннаго краснорѣчія, первый принялъ надутый и высокопарный слогъ и ввелъ его во всеобщее употребленіе *). Очевидно, ка-

*) *Seneca*, въ введеніи къ 3-й книгѣ своихъ контроверзій: Pueri fere aut juvenes scholas frequentant. Hi non tantum disertissimis viris, sed etiam Ciceroni Cestium suum praeferrent, nisi lapides timerent. Quo tamen uno modo possunt, praeferunt; hujus enim declamationes ediscunt, illius orationes non legunt, nisi

кое вредное вліяніе должно было имѣть такое направленіе на литературу. Отсюда возникли творенія, которыхъ образецъ мы видимъ въ исторіи Александра Великаго *Курція Руфа*. Курцій избралъ Македонскаго героя, какъ предметъ, надъ которымъ хотѣлъ показать свое краснорѣчіе; ему нѣтъ дѣла до истины событій, онъ ищетъ только картинъ для реторическаго изображенія и потому избираетъ преимущественно самое необычайное и невѣроятное. То, что Цицеронъ представляетъ источникомъ краснорѣчія, говоря: Pectus est, quod disertum facit, теперь изсякло; естественность повсюду уступила искусственности; но надобно признаться, что даже то направленіе, которое, какъ мы увидимъ ниже, наконецъ возстало противъ пустой декламаціи, также подвержено этому недостатку. Конечно, при такомъ направленіи краснорѣчія, старались противопоставить многословію краткость, напыщенности глубокомысліе, пустой декламаціи рѣзкія и твердыя выраженія, и человѣкъ, давшій Латинской Литературѣ такой оборотъ, былъ *Л. Анней Сенека*. Характеръ совершенно оригинальнаго слога Сенеки состоитъ въ томъ, что онъ старался выражать мысль сколько возможно короче и сильнѣе, чтобы бросить ее въ душу читателя, какъ молнію съ яснаго неба. Можетъ быть, и въ этомъ слогѣ столько же неестественности, какъ и въ томъ, которому онъ былъ противоположенъ; по крайней мѣрѣ въ немъ видно больше мужественности, больше силы и ума, нежели въ томъ,

cos, quibus Cestius rescripsit. Сенека очень забавно разсказываетъ, сколько труда стоило ему заставить Цесція признаться: disertiorem esse Ciceronem quam se.

и если Сенека такъ же часто играетъ мыслями и антитезами, какъ риторы словами, то во всякомъ случаѣ такая игра остроумнѣе и занимательнѣе безсмысленной игры звуками. Къ тому же, выраженіе достойныхъ мыслей, благородныхъ чувствованій и высокихъ правилъ согласовалось, какъ съ образомъ изложенія, такъ и съ философіею, хотя не всегда съ жизнію Сенеки, и этимъ онъ въ высшей степени дѣйствовалъ на Римскую публику. Вліяніе, которое имѣлъ Сенека на лучшихъ людей своего времени, въ самомъ яркомъ свѣтѣ отразилось на *К. Корнеліи Тацитѣ*. Онъ съ горестію видѣлъ раболѣпную покорность Римлянъ, и чѣмъ болѣе чувствовалъ себя въ противорѣчіи съ настоящимъ порядкомъ вещей, тѣмъ болѣе долженъ былъ углубляться въ самого себя и въ своихъ сочиненіяхъ изливать свое негодованіе на всеобщій развратъ. Потому-то его мысли и чувства понятны не для всѣхъ современниковъ; то, что онъ писалъ, не могло быть читано всѣми; оно было назначено только для душъ, которыя ему сочувствовали и находили отраду и возвышеніе въ его воззрѣніи на міръ. Такъ какъ Тацитъ принималъ и философію Сенеки, то легко понять, почему его энергическій умъ считалъ и слогъ сего писателя образцемъ, по которому, впрочемъ безъ слѣпаго подражанія, образовалъ свой собственный *). Кромѣ превосходнаго раз-

*) Тацитъ, говоря о Гельвидіи Прискѣ, выразилъ свою собственную философію, hist. lib. IV, cap. 5: doctores sapientiae secutus est, qui sola bona, quae honesta, mala tantum, quae turpia, potentiam, nobilitatem ceteraque extra animum neque bonis, neque malis adnumerant.

говора объ упадкѣ краснорѣчія, который обыкновенно, хотя это еще требуетъ доказательствъ, причисляютъ къ его сочиненіямъ, онъ оставилъ четыре творенія: Лѣтописи, Исторію, Описаніе Германіи и Біографію своего тестя, Кн. Юлія Агриколы. Въ лѣтописяхъ онъ разсказываетъ событія отъ смерти Августа до низверженія и смерти Нерона; по отношенію къ описываемымъ имъ Императорамъ, его справедливо сравниваютъ съ карою, слѣдующею за преступленіемъ: онъ заклеймилъ вѣчнымъ позоромъ тиранновъ изъ Цезарева дома и, своимъ неподражаемымъ искусствомъ въ изображеніи сокровенныхъ движеній и, такъ сказать, въ анатоміи души, сдѣлалъ ихъ имена типическими названіями недостойныхъ правителей. Въ исторіи, которая обнимаетъ время отъ провозглашенія Гальбы Императоромъ до умерщвленія Домиціана, онъ разсказываетъ, какъ видно уже изъ самаго названія, современныя ему событія. Здѣсь онъ самъ свидѣтель и источникъ, и слѣдовательно, здѣсь идетъ рѣчь не столько объ изслѣдованіяхъ, сколько о вѣрности взгляда и изображенія того времени *). Чтобы выразить однимъ словомъ слогъ Тацита, можно назвать его

*) Такъ какъ въ семъ сочиненіи онъ обращаетъ особенное вниманіе на исторію Императоровъ Флавіева дома и не скрываетъ, что былъ у нихъ въ большой милости, то потому въ введеніи говоритъ: Dignitatem nostram a Vespasiano inchoatam, a Tito auctam, a Domitiano longius provectam non abnuerim, sed incorruptam fidem professis nec amore quisquam et sine odio dicendus est. Quod si vita suppeditet, principatum divi Nervae et imperium Trajani uberiorem securioremque materiam senectuti seposui, rara temporum felicitate, ubi sentire, quae velis et quae sentias, dicere licet. Къ сожалѣнію, исторія его, съ правленія Веспасіана, затеряна.

пластическимъ. При всей своей краткости, онъ представляетъ происшествія и дѣйствующія въ нихъ лица такъ наглядно, что каждая сцена дѣлается драматическою, и читатель, хоть сколько нибудь одаренный фантазіею, всегда имѣетъ предъ глазами самую полную картину. Потому для умѣющаго читать и понимать его, онъ, не смотря на свою сжатость, одинъ изъ подробнѣйшихъ писателей. Описаніе Германіи имѣетъ нравственно-политическую цѣль. Тацитъ не думалъ собирать точныя географическія и статистическія свѣдѣнія о сей важной для Римлянъ странѣ, но въ изображеніи добродѣтелей народа, находившагося еще въ естественномъ состояніи, хотѣлъ поставить какъ бы зеркало передъ испорченною жизнію Римлянъ. Потому онъ представилъ жизнь Германцевъ въ идеальномъ видѣ и показалъ, сколько истиннаго значенія имѣли религія безъ суевѣрія, дружба, вѣрность и любовь къ свободѣ — пустыя и ложныя слова въ Римѣ — у народа, который Римляне презирали какъ народъ варварскій. И жизнеописаніе Агриколы представляетъ противоположность всеобщей испорченности нравовъ, показывая Римлянина, среди разврата современниковъ, сохранившаго древній народный характеръ. Прочіе Латинскіе историки, или приняли за образецъ одинъ изъ сихъ характеристическихъ образовъ изложенія, или, не обращая много вниманія на форму, занимались особенно собираніемъ анекдотовъ и журнальныхъ извѣстій. Изъ нихъ замѣчательны между первыми *Веллей Патеркулъ* и *Флоръ*, а между послѣдними *Свето-*

ній. Веллей Патеркулъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ писателей въ Латинской Литературѣ, и его твореніе, къ сожалѣнію дошедшее до насъ только въ отрывкахъ, имѣетъ тотъ особенный интересъ, что въ немъ въ первый разъ видно стремленіе соединить нѣкоторый республиканизмъ мнѣній съ ласкательствомъ предъ господствующею фамиліею. Цѣлью его было, въ сжатыхъ, впрочемъ обильныхъ мыслями, очеркахъ обозрѣть Римскую Исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ представить мѣры правительства необходимыми слѣдствіями тогдашняго хода дѣлъ. Обозрѣніе Римской Исторіи, написанное въ правленіе Траяна Флоромъ, основано на совершенно противоположномъ взглядѣ. Флоръ былъ исполненъ господствовавшаго тогда энтузіасма къ древнему Риму, и какъ Тацитъ воспользовался свободою, доставленною правленіемъ Траяна, чтобы заклеймить позоромъ тиранніи предшествовавшихъ Императоровъ, такъ, напротивъ, все стремленіе Флора направлено къ прославленію республики. Слогъ его эпиграмматическій; онъ вездѣ старается острить, чтобы поразить читателя, и нельзя не согласиться, что въ его небольшомъ сочиненіи очень много сильныхъ мѣстъ, и что оно имѣетъ большую прелесть, оттого что представляетъ все въ общихъ чертахъ и побуждаетъ читателя дополнять картины собственною фантазіею. Второй родъ историческихъ сочиненій, господствовавшій при Императорахъ, состоитъ въ самой тѣсной связи съ потребностями и направленіемъ того времени. При всеобщей испорченности нра-

вовъ, тогда находили удовольствіе въ собираніи всего, что было говорено худаго о значительныхъ и должностныхъ лицахъ: такимъ образомъ возникли цѣлыя собранія апокрифическихъ анекдотовъ, какіе обыкновенно въ большихъ городахъ распространяетъ и частію изобрѣтаетъ злословіе. Сюда же должно отнести и журнальныя извѣстія. Уже во время Цицерона въ Римѣ было обыкновеніе издавать родъ журналовъ, для извѣщенія знатныхъ Римлянъ, находившихся въ провинціяхъ, обо всемъ, что происходило въ городѣ: въ нихъ записывали, кто умеръ, кто женился, что говорятъ въ городѣ и подобныя извѣстія, и во множествѣ списковъ разсылали по провинціямъ. При Императорахъ эти журналы получили офиціяльный характеръ: въ нихъ стали помѣщать также публичныя извѣстія, и уже тогда они назывались *журналами* *). Изъ сихъ-то источниковъ извлечены біографіи Светонія, которыя занимаютъ средину между біографіею въ собственномъ смыслѣ и мемуарами, и служатъ особенно къ объясненію, посредствомъ анекдотовъ, частной жизни описываемыхъ имъ лицъ.

Надлежало ожидать, что теперь кто нибудь попытается проложить между обѣими этими крайностями—пустою декламаціею и изысканностью—новый путь и возвратить слогу прежнюю естественность и непринужденность. Такую попытку сдѣлалъ *Квинтиліанъ*. Этотъ знаменитый учитель

*) У Тацита (Ann. lib. XVI. cap. 22) обвинитель Тразеи Пета говоритъ: *Diurna populi Romani* per provincias, per exercitus curatius leguntur, ut noscatur, quid Thrasea non fecerit.

краснорѣчія пріобрѣлъ такой авторитетъ, что осмѣлился вдругъ противостать и высокопарному слогу Цесція, и изысканности Сенеки *). Въ своихъ наставленіяхъ (Institutiones) онъ не ограничивается, подобно Цицерону, уроками краснорѣчія судебнаго, но даетъ правила для слога вообще и соединяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ критику первостепенныхъ авторовъ. Къ числу писателей, наиболѣе приблизившихся къ показанному имъ слогу, принадлежитъ *Плиній Младшій*. Хотя въ его панегирикѣ и встрѣчаются изысканные обороты, однако цѣлое занимаетъ прекрасную средину между пустою напыщенностью и эпиграмматическою краткостью и представляетъ образецъ для подобныхъ сочиненій. Занимательнѣйшія изъ Плиніевыхъ сочиненій суть его письма. Какъ переписка Цицерона знакомитъ насъ со степенью образованія высшихъ сословій въ послѣднее время республики, такъ изъ переписки Плинія мы узнаемъ внутреннія отношенія временъ Траяна. Хотя изъ сихъ писемъ мы и видимъ, что Плиній не былъ единственнымъ писателемъ, державшимся естественности и непринужденности, однако, не смотря на то, направленіе, однажды утвердившееся, удержало верхъ, и Латинская Литература тѣмъ менѣе могла возвыситься, что опять была подавлена Греческою, которая тогда снова при-

*) Какъ Сенека старался ослабить излишнее удивленіе къ Цесцію, такъ Квинтиліану предстояло прежде всего уничтожить излишнее удивленіе къ Сенекѣ. Такъ онъ самъ говоритъ: Tum autem solus hic (sc. Seneca) fere in manibus adolescentium fuit. Quem non equidem conabar excutere omnino, sed potioribus praeferri non sinebam.

шла въ цвѣтущее состояніе. Уже въ правленіе Адріана вкусъ въ отношеніи къ Латинской Литературѣ такъ странно измѣнился, что самъ Императоръ предпочиталъ Катона Цицерону, Энія Виргилію, и Целія Саллустію.

Не смотря на такую испорченность вкуса, этому времени мы обязаны отличными учеными произведеніями. Къ числу книгъ, составляющихъ славный памятникъ трудовъ, по части умозрительныхъ и опытныхъ наукъ, принадлежатъ: комментаріи на Цицероновы рѣчи *Асконія Педіана*, сочиненіе о сельскомъ хозяйствѣ *Л. Юнія Модерата Колумеллы*, которое занимаетъ первое мѣсто между всѣмъ, что написано тогда о семъ предметѣ, и особенно великое твореніе *Плинія Старшаго*, которое, подъ названіемъ Естественной Исторіи, содержитъ въ себѣ полную энциклопедію. Нынѣ подобныя сочиненія издаются цѣлыми обществами ученыхъ, между тѣмъ, какъ Плиній одинъ принялъ на себя огромный трудъ собрать и привести въ порядокъ матеріялы изъ 2,500 писателей. Само собою разумѣется, что онъ не обо всѣхъ предметахъ писалъ съ равнымъ достоинствомъ; но, во всякомъ случаѣ, въ твореніи Плинія мы имѣемъ совокупность всѣхъ знаній, необходимыхъ для того, кто желалъ соединить въ себѣ высшее образованіе своего времени.

То же самое явленіе, какъ въ прозѣ, мы видимъ и въ поэзіи: представляются два направленія— съ одной стороны реторическое, которое приняло за образецъ Виргилія, но равномѣрно превратилось въ декламацію и стихоплетство, съ другой—

эпиграмматическое, котораго отличительными чертами были краткость выраженій и рѣзкость остротъ. Къ числу стихотворцевъ перваго разряда, которые также смотрѣли на поэзію, какъ Курцій на исторію, т. е. какъ на матерію для выказанія своего искусства, особенно должны быть причислены *Силій Италикъ*, *Валерій Флаккъ* и *Стацій*. Если уже Виргилій чувствовалъ, что эпическая поэзія могла быть въ его время только риторическою задачею, то эта мысль, въ отношеніи къ означеннымъ стихотворцамъ, имѣетъ еще болѣе силы. Одному Силію пришла въ голову несчастная мысль представить въ героической поэмѣ Вторую Пуническую Войну, между тѣмъ, какъ оба остальные избрали своими предметами миѳы: Валерій Флаккъ — походъ Аргонавтовъ, а *Стацій* — Ахилленду и Ѳиванду. Поэты втораго разряда выражаютъ то самое въ стихахъ, что Сенека и Тацитъ говорили въ прозѣ. *М. Анней Луканъ* избралъ предметомъ своего творенія междоусобную войну между Цезаремъ и Помпеемъ, не съ тою цѣлію, чтобы создать изъ сего правильную эпическую поэму, но чтобы въ стихахъ высказать истины, которыхъ не смѣлъ говорить въ прозѣ. Потому, онъ не столько старается блистать роскошью картинъ, сколько краткостью и силою выраженій *). Его Римскій духъ, благородное презрѣніе ко всему низкому и смѣлыя

*) У Лукана встрѣчается множество остротъ, какъ напр. извѣстнѣйшая (Pharsal. lib. 1, vs 126):

— — — Quis justius induit arma,
Scire nefas; magno se judice quisque tuetur:
Victrix causa Diis placuit, sed victa Catoni.

нравоученія часто возвышаютъ его поэму больше, нежели самая живая фантазія, и постоянно доставляютъ ему многочисленныхъ читателей. Этому же направленію слѣдовали и сатирики, за исключеніемъ *Петронія*, который, принимая самъ участіе во всѣхъ шалостяхъ, осмѣиваетъ ихъ, вмѣсто того, чтобы порицать. *Персій* и *Ювеналъ*, напротивъ, съ жаромъ возстаютъ противъ развратной жизни того времени. Персій стоитъ выше Ювенала, но такъ какъ его трудно понимать, то онъ меньше извѣстенъ и имѣетъ не многихъ читателей. Его характеръ — строгая важность; онъ старается открыть первыя причины разврата и безъ пощады порицаетъ ложное направленіе поэзіи, философіи, религіи и нравственности. Имѣя въ виду одну и ту же цѣль, Ювеналъ отличается отъ Персія пріемами: онъ рисуетъ развратъ, который тотъ порицаетъ; онъ раскрываетъ сцены, которыя лучше было бы оставить подъ непроницаемымъ покровомъ, и входитъ въ подробное изображеніе пороковъ, противъ которыхъ направлена его сатира. Эпиграммы Марціала, при всемъ своемъ остроуміи, служатъ живымъ памятникомъ всей низости господствовавшаго тогда образа мыслей: этотъ поэтъ писалъ на всѣхъ и для всѣхъ, кто ему платилъ; для него было все равно кого воспѣвать Домиціана, или Нерву и Траяна, только бъ за это получить деньги.

Латинская Литература мало по малу опять уступила первенство Греческой, которая въ это время снова пришла въ цвѣтущее состояніе; особенно замѣчательно то, что между тѣмъ, какъ

Римляне и Италіянцы снова приняли Греческое образованіе и языкъ, Латинское перешло въ Галлію и Испанію, и теперь уже мы встрѣчаемъ многихъ отличнѣйшихъ Латинскихъ писателей изъ иностранцевъ; такъ напр. Сенека, Луканъ, Марціалъ и Колумелла были Испанцы. Со времени Адріана особеннымъ покровительствомъ Императоровъ пользовались Греческіе софисты, и оба Императора, Аврелій и Юліанъ, которыхъ сочиненія дошли до насъ, сами писали по-Гречески. Греческая Литература также образовала двѣ школы: *Аттическую*, которая приняла за образецъ чистоту и простоту древне-Аѳинскихъ писателей, и такъ называемую *Іонійскую*, которая впала въ Азіатскую высокопарность. Изъ сей послѣдней школы вышли риторы и софисты, которыхъ біографіи написаны Филостратомъ. Особеннымъ уваженіемъ Императоровъ пользовались *Иродъ Аттикъ*, *Палемонъ*, *Александръ* и *Адріанъ*. Эти риторы и софисты ѣздили по всѣмъ странамъ, подобно тому, какъ теперь пѣвцы, и публично показывали свое искусство, и такъ, какъ имя софиста вмѣстѣ доставляло имъ и почесть, и выгоды въ свѣтѣ, то можно представить, что тщеславные Греки наперерывъ домогались сего званія и толпами тѣснились въ Римъ. Болѣе отрадные плоды принесла Аттическая школа: изъ нея вышли два отличнѣйшіе писателя того времени, *Арріанъ* и *Плутархъ*. Оба они выказали свои дарованія, какъ въ отношеніи къ школѣ и учености, такъ и въ самой практической жизни. Арріанъ, своимъ сочиненіемъ о тактикѣ, не только

пріобрѣлъ себѣ славу хорошаго теоретика, но въ то же время походомъ, который предпринималъ, по повелѣнію Адріана, на Кавказъ противъ Алановъ, доказалъ, что умѣетъ также примѣнять теорію къ практикѣ. Онъ старался въ своихъ сочиненіяхъ выражаться просто и естественно; въ исторіи походовъ Александра Великаго онъ особенно подражалъ въ слогѣ и пріемахъ Ксенофонту. Напротивъ у Плутарха замѣтно вліяніе слога Платонова. Подобно Платону, онъ обнаруживаетъ какое-то поэтическое направленіе, часто является мечтателемъ и къ изображеніямъ дѣйствительной жизни примѣшиваетъ что нибудь идеальное. Но этимъ-то преимущественно онъ пріобрѣтаетъ сильное вліяніе на сердце и воображеніе своего читателя. Его поэтическая свѣжесть дала героямъ древности новую жизнь: подобно трагическимъ лицамъ на котурнахъ, они являются предъ нами въ сверхъестественномъ величіи; у него нѣтъ недостатка и въ театральномъ освѣщеніи; анекдоты, которые подобно молніямъ мелькаютъ въ его твореніи, разливаютъ вокругъ его героевъ, хотя часто и ложный, но за то всегда прекрасный свѣтъ. Изображенія замѣчательнѣйшихъ характеровъ Греческой и Римской Исторіи, составленныя Плутархомъ, сдѣлались совершенно историческими: его анекдоты перешли въ Исторію; потому то надобно хорошо знать Плутарховы жизнеописанія, чтобы понять настоящій образъ воззрѣнія на Древнюю Исторію. Его нравственныя или философскія сочиненія не такъ важны, хотя и они, по свѣдѣніямъ, которыя можно извлечь изъ нихъ

для исторіи философіи древнихъ, имѣютъ неоцѣненное достоинство. Между Греческими писателями сего періода стоитъ еще упомянуть о двухъ, оказавшихъ важныя услуги по части точныхъ наукъ,—о *Павсаніи* и *Птоломеѣ*. Въ правленіе Антониновъ жилъ также и знаменитый врачъ *Галенъ*. Павсаній вѣроятно родился въ Каппадокіи, въ правленіе Адріана; онъ путешествовалъ по Греціи, и сему путешествію мы обязаны множествомъ извѣстій о Греческихъ искусствахъ, исторіи и миѳологіи. Хотя онъ, принятіемъ многихъ басенъ и вѣрою въ неимовѣрныя вещи, и платитъ дань современному направленію, однако во всякомъ случаѣ должно считать счастливымъ предопредѣленіемъ судьбы, что, не задолго до паденія древней религіи, искусствъ, исторіи и миѳологіи, такой ученый писатель, какъ Павсаній, подробно описалъ и такимъ образомъ сохранилъ для потомства всѣ сіи предметы, столь важныя для изученія жизни Грековъ. Клавдій Птоломей есть основатель астрономическихъ наукъ и системы, существовавшей до позднѣйшихъ временъ. Въ Средніе Вѣка Греки, Аравитяне и Христіанскіе народы слѣдовали его понятіямъ о планѣ мірозданія и географическимъ показаніямъ, и по его методѣ вели лѣтосчисленіе *).

*) Его великое астрономическое твореніе всего извѣстнѣе подъ названіемъ *Алмагестъ*. Онъ самъ назвалъ его Σύνταξις. Движимые удивленіемъ переписчики прибавили къ тому μεγίστη. Аравитяне, по соединеніи своего члена съ этою превосходною степенью, сдѣлали изъ него Алмагестъ. Такъ какъ Птоломей жилъ въ Александріи, все еще бывшей центромъ всемірной торговли, то и могъ легче всякаго другаго пріобрѣсть географическія свѣдѣнія, которыя онъ и изложилъ въ осьми книгахъ своей ге-

Что касается до Христіанской Литературы, то время великихъ Христіанскихъ учителей еще не настало, но оно было приготовляемо, и новое возвышеніе Греческой Литературы особенно важно въ отношеніи къ Христіанству, потому что Священное Писаніе было написано по-Гречески. Чѣмъ дальше въ древности должно было искать корня этого Греческаго образованія, тѣмъ необходимѣе дѣлались, для сближенія его съ настоящимъ временемъ, школы и учебныя заведенія, и въ самомъ дѣлѣ, съ того времени начали учреждаться во всѣхъ большихъ городахъ школы, которыя, по своимъ дѣйствіямъ, совершенно соотвѣтствовали нынѣшнимъ университетамъ. Христіане воспитывались въ сихъ заведеніяхъ, если не учреждали, въ противоположность языческимъ, своихъ собственныхъ. Естественно, что Греческіе ученые, по переходѣ въ Христіанство, продолжали по прежнему заниматься своими науками, только съ тѣмъ различіемъ, что примѣняли ихъ къ новой религіи. Такимъ образомъ современное образованіе соединилось тѣсными узами съ Христіанствомъ, и окончательнаго торжества Христіанскаго ученія должно между прочимъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что Христіанскіе ученые скоро превзошли въ образованіи языческихъ.

ографіи. Онъ привелъ въ порядокъ хронологію въ своемъ *κανὼν βασιλέων*, при составленіи котораго заимствовалъ первое достовѣрное наблюденіе надъ измѣреніемъ времени изъ Вавилонскихъ лѣтописей. Онъ принимаетъ четыре всемірныя монархіи: Ассирійско-Вавилонскую, Персидскую, Греко-Македонскую и Римскую, что было принято за правило во всѣхъ всеобщихъ исторіяхъ до 18-го столѣтія.

Система усыновленія, принятая со времени Нервы, обуздывала своеволіе войска; но едва сіе спасительное обыкновеніе было уничтожено назначеніемъ Коммода преемникомъ М. Аврелія, какъ этотъ, непохожій на мудраго отца своего, Императоръ опять сталъ править и дѣйствовать по примѣру недостойнѣйшихъ изъ своихъ предшественниковъ. По умерщвленіи его, войско снова захватило тронъ въ свои руки, и при выборѣ Императоровъ больше слушалось своихъ страстей и выгодъ, нежели обращало вниманіе на общественное благо, и быстро, безъ разбору, возвышало и низвергало хорошихъ и дурныхъ государей. При такихъ обстоятельствахъ, силы государства приходили въ усыпленіе; между тѣмъ, какъ сѣверные предѣлы его были сильно тревожимы Германцами, на Востокѣ, въ Ново-Персидскомъ царствѣ Сассанидовъ, возникшемъ на развалинахъ Парѳянскаго, возвысился новый и опасный для Рима врагъ. И такъ, торжествуя въ 248 г. свое тысячелѣтнее существованіе, Римъ увидѣлъ себя въ положеніи, которое дѣлало необходимымъ или распаденіе его владычества, или измѣненіе образа правленія.

Коммодъ (180—192) сначала руководствовался совѣтами друзей своего отца; не смотря на желаніе его удалиться изъ лагеря, окруженнаго войною и угрожаемаго заразою, чтобы предаться удовольствіямъ столицы, друзья успѣли удержать его при войскѣ до тѣхъ поръ, пока не было заключено съ варварами выгоднаго мира. По сему миру Римляне получили право вмѣшиваться во внутреннія дѣла варваровъ и такъ искусно воспользовались имъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ набѣговъ отдѣльныхъ племенъ

на Дунаѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, спокойствіе не было нарушено. Въ первые три года царствованія Коммода въ ходѣ и духѣ правленія замѣтно мало перемѣны; молодой Императоръ предоставлялъ заботы о государствѣ друзьямъ и совѣтникамъ своего отца, а самъ предавался удовольствіямъ, ни разу не обнаружилъ склонности къ жестокости, и не обагрилъ рукъ кровью. Можно съ точностью опредѣлить моментъ перемѣны, происшедшей въ поведеніи и образѣ мыслей Императора. Это случилось въ 183 году, когда сдѣлано было покушеніе на его жизнь. Въ то время, какъ онъ возвращался вечеромъ изъ амфитеатра во дворецъ, въ одномъ темномъ и узкомъ портикѣ, бросился на него человѣкъ съ обнаженнымъ кинжаломъ и съ словами: «это посылаетъ тебѣ Сенатъ!» хотѣлъ поразить его. Впрочемъ, убійца былъ схваченъ прежде, нежели успѣлъ нанести ударъ, и при допросѣ тотчасъ показалъ, кто были его соумышленники. Виновницею сего преступленія была родная сестра Коммода, Луцилла; подосланный ею убійца былъ ея любовникъ; за то она была сперва отправлена въ ссылку, а потомъ лишена жизни. И такъ, хотя Сенатъ не принималъ никакого участія въ семъ дѣлѣ, однако, не смотря на то, слова убійцы сдѣлали на Коммода сильное впечатлѣніе; ненависть и страхъ овладѣли его душею; изъ трусости онъ сдѣлался жестокимъ, и чѣмъ больше старался казнями подозрительныхъ ему лицъ умепьшить свою боязнь, тѣмъ больше она возрастала, такъ что наконецъ онъ трепеталъ своей тѣни, и никто не могъ безопасно къ нему приблизиться. Естественно, теперь префектъ преторіанцевъ сдѣлался важнѣйшею особою въ государствѣ, и въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Коммодъ предавался своимъ любимымъ упражненіямъ, фехтованію и стрѣльбѣ изъ лука, собственно правили Перениисъ и принявшій послѣ него начальство надъ гвардіею, Клеандръ. Перениисъ былъ низвергнутъ въ 186 г., по требованію Британскихъ легіоновъ, а Клеандръ въ 189 г., по желанію Римской черни. Но Коммодъ не исправлялся и послѣ сихъ примѣровъ, показывавшихъ всю опасность его положенія; напротивъ, становился со дня

на день еще болѣе жестокимъ. Сенаторы ежечасно трепетали за свою жизнь и должны были громко одобрять всѣ его поступки. Подобно Нерону, который, публично являясь на сценѣ, заставлялъ рукоплескать своему искусству въ пляскѣ и пѣніи, Коммодъ также старался, ловкостью, пріобрѣтенною имъ въ стрѣльбѣ изъ лука и въ фехтованія, заслужить удивленіе народа. Ему пришло на мысль заставить называть себя Римскимъ Геркулесомъ, и, чтобы показать народу, что онъ заслуживаетъ это имя, онъ публично вступалъ въ бой съ дикими звѣрями. Конечно, онъ занималъ всегда такое мѣсто, что въ случаѣ промаха, находился въ совершенной безопасности; впрочемъ, такіе случаи были рѣдки, потому что онъ имѣлъ весьма вѣрный глазъ и твердую руку. Часто онъ убивалъ нѣсколько сотъ звѣрей въ одинъ день: особенно ему правилось рубить на бѣгу головы страусамъ. Рукоплесканія, съ которыми Сенатъ и народъ принимали подобныя недостойныя сцены *), поощряли Императора къ повторенію ихъ; дикіе звѣри были выписываемы въ Римъ изо всѣхъ странъ, что поглощало огромныя суммы. Не довольствуясь славою искуснаго истребителя звѣрей, Коммодъ являлся и гладіаторомъ. Такимъ образомъ, онъ достигъ верха безславія и безнравственности и если былъ еще способенъ разсуждать, то не могъ не видѣть, что заслуживалъ презрѣніе всѣхъ, кто былъ въ состояніи сравнить его правленіе съ правленіемъ его отца. Это сознаніе дѣлало его еще болѣе жестокимъ даже противъ своихъ приближенныхъ, такъ, что наконецъ, страшась за свою жизнь, они рѣшились предупредить его. Наложница его, Марція, соединилась

*) Діонъ Кассій, который былъ самъ сенаторомъ, сообщилъ намъ самое вѣрное изображеніе совершеннаго униженія Сената, не устраняя нисколько и себя отъ общаго посрамленія. Lib. LXXII, cap. 20 такъ разсказываетъ онъ: *πρὸς γὰρ τοῖς ἄλλοις καὶ ἐπεβοῶμεν τά τε ἄλλα, ὅσα ἐκελευόμεθα καὶ αὐτὸ τοῦτο συνεχῶς. «καὶ κύριος εἶ, καὶ πρῶτος εἶ, καὶ πάντων εὐτυχέστατος, νικᾷς, νικήσεις, ἀπ᾽ αἰῶνος, Ἀμαζόνιε, νικᾷς.»* (т. е. между прочимъ мы ему говорили все, что намъ приказывали, и безпрестанно слѣдующее: Ты Государь, ты первый, счастливѣйшій изъ всѣхъ, ты побѣждаешь, будешь побѣждать, ты всегда побѣдитель, Амазоній.)

для этой цѣли съ однимъ придворнымъ, Электомъ, и префектомъ преторіанцевъ, Летомъ. Въ послѣдній день 192 г., Марція подала Императору, когда онъ хотѣлъ ложиться спать, смѣшанный съ ядомъ напитокъ, но его крѣпкое сложеніе вынесло дѣйствіе яда, и заговорщики ввели къ нему сильнаго борца, который задушилъ его. Прежде нежели это убійство сдѣлалось извѣстнымъ, они поспѣшили назначить ему преемника, и выборъ ихъ палъ на *П. Гелвія Пертинакса* (1 Янв. до 28 Март. 193). Онъ принадлежалъ къ числу старыхъ друзей Марка и былъ поощренъ его недостойнымъ наслѣдникомъ только потому, что, при всей своей бережливости, не имѣлъ большаго состоянія. Когда ночью къ нему явился начальникъ гвардіи съ императорскимъ каммергеромъ, онъ думалъ, что насталъ послѣдній часъ его и сталъ готовиться къ смерти; тѣмъ пріятнѣе было его изумленіе, когда онъ узналъ, что Коммодъ убитъ и что онъ избранъ въ его преемники. Онъ согласился, и тотчасъ, вмѣстѣ съ префектомъ, отправился въ преторіанскій лагерь. Летъ объявилъ солдатамъ, что Коммодъ внезапно умеръ отъ паралича и Пертинаксъ назначенъ его наслѣдникомъ. Какъ ни неожиданно было такое объявленіе, однако авторитетъ начальника склонилъ ихъ къ присягѣ новому Императору. И Сенатъ, радуясь низверженію тиранна и проклиная его, подтвердилъ это избраніе. Такимъ образомъ, въ первый день 193 года, вступилъ на престолъ Императоръ, который хотѣлъ править по примѣру предшествовавшихъ Коммоду государей и, казалось, обѣщалъ Римской Имперіи возвращеніе того счастливаго времени. Но скоро онъ пришелъ въ то же состояніе, въ какомъ прежде находился Гальба: какъ Гальба бережливостью, Пертинаксъ возбудилъ противъ себя ненависть солдатъ своею суровостью, которая представляла совершенный контрастъ съ легкомысліемъ и страстью къ удовольствіямъ его предшественника. Дважды пытались провозгласить на мѣсто его другаго Императора, и оба раза не имѣли успѣха; но эти неудачи еще болѣе раздражили солдатъ: наконецъ 28 Марта, они подняли явный бунтъ. Нѣсколько сотъ самыхъ

дерзкихъ и пепстовыхъ съ обнаженными мечами бросились во дворецъ. Летъ, высланный Императоромъ навстрѣчу къ нимъ, скрылся, и стражи, вмѣсто того, чтобы защищать двери дворца, сами отворили ихъ своимъ товарищамъ. Пертинаксъ счелъ за постыдное бѣжать или прятаться; онъ вышелъ на встрѣчу къ мятежникамъ, и его мужественный и твердый видъ внушилъ имъ на минуту къ нему почтеніе, пока одинъ варваръ, родомъ изъ Литтихской области, не вонзилъ своего меча въ грудь старца; его примѣру послѣдовали и другіе и нанесли ему безчисленное множество ударовъ. Отрубленная голова Пертинакса, на копьѣ несенная убійцами по улицамъ въ лагерь, возвѣстила Римлянамъ начало военнаго деспотизма. Городъ пришелъ въ такой ужасъ, что преторіанцы сдѣлались совершенными господами Имперіи и, пользуясь сею властью, вознамѣрились продать императорское достоинство тому, кто больше дастъ. *Дидій Юліанъ* (до 1 Іюня 193) купилъ его; солдаты, послѣ того, какъ онъ обѣщалъ имъ дать подарокъ вдвое больше, нежели какой они получили отъ Пертинакса, провозгласили его Императоромъ и въ боевомъ порядкѣ ввели въ Римъ. Сенатъ собрался и подтвердилъ этотъ выборъ, и Юліанъ вступилъ во владѣніе дворцемъ, который не былъ еще очищенъ отъ слѣдовъ послѣдняго кровопролитія. Но хотя Сенатъ и былъ такъ робокъ, что призналъ этого покупщика императорской власти, въ провинціяхъ напротивъ извѣстіе объ умерщвленіи Пертинакса и о продажѣ съ молотка имперіи возбудило всеобщее негодованіе, а въ легіонахъ явный бунтъ. Три арміи, почти въ одно время, провозгласили Императорами своихъ генераловъ: Иллирійская *Л. Септимія Севера*, Сирійская *Песценнія Нигера*, а Британская *Клодія Альбина*. Очевидно, что только рядъ междоусобныхъ войнъ могъ рѣшить, кому изъ четырехъ претендентовъ владѣть имперіей. Септимій былъ къ Риму ближе всѣхъ и поспѣшилъ занять столицу. По приближеніи его, когда объявлена была амнистія всѣмъ, кромѣ убійцъ Пертинакса, Юліанъ былъ оставленъ возвыспившею его гвардіею, и Сенатъ осмѣлился те-

перь низложить его и 1-го Іюня предать казни *). Септимій Северъ (193—211), владѣвшій столицею и признанный Сенатомъ, имѣлъ значительное преимущество передъ своими соперниками. Во-первыхъ онъ обратился противъ Нигера, и чтобы обезопасить себя со стороны Альбина, призналъ его Цезаремъ. Византія была ключемъ позиціи Нигера; впрочемъ Северъ имѣлъ столько войска, что могъ въ одно и то же время и вести осаду города, и преслѣдовать непріятеля въ открытомъ полѣ; такимъ образомъ, послѣдовали быстро одна за другою три рѣшительныя битвы; побѣдою при Кизикѣ Северъ открылъ себѣ дорогу на Востокъ; послѣ сего, при Никеѣ, его закаленныя въ битвахъ войска нанесли Сирійскимъ легіонамъ второе пораженіе, и прежде, нежели Нигеръ успѣлъ отступить въ Египетъ и тамъ снова утвердиться, въ Киликіи при Иссѣ, на мѣстѣ, прославленномъ побѣдою Александра Великаго, онъ былъ въ 195 г. настигнутъ и принужденъ къ сраженію, въ которомъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ. Не смотря на гибель Нигера, Византія, страшась строгости Севера, защищалась съ безпримѣрнымъ упорствомъ, и въ самомъ дѣлѣ, побѣдитель поступилъ съ симъ знаменитымъ городомъ, принужденнымъ въ 196 году къ сдачѣ, съ чрезвычайною жестокостью. Его укрѣпленія были срыты, права отняты, и онъ обращенъ былъ въ мѣстечко и подчиненъ лежавшему насупротивъ его городу Перинту. Едва Северъ побѣдилъ Нигера и покорилъ Востокъ, какъ Альбинъ уже попялъ, что онъ принятъ въ соправители только для вида и что онъ долженъ страшиться всего отъ козней Императора. Потому, онъ вступилъ съ нимъ въ открытую войну и тѣмъ больше надѣялся на успѣхъ, что Сенатъ держалъ его сторону. Северъ поспѣшилъ въ Галлію, куда также перешелъ изъ Британніи и Альбинъ; въ кровопролитнѣйшемъ

*) Діонъ Кассій, (lib. LXXIII, cap. 17) лично ненавидѣвшій Юліана и описавшій его паденіе и смерть съ злорадованіемъ врага, говоритъ, что онъ передъ смертью съ плачемъ воскликнулъ: τί δεινὸν ἐποίησα: τίνα ἀπέκτεινα; (т. е. что я сдѣлалъ ужаснаго? кого я убилъ?) сравн. *Herodian.* lib. II, cap. 13.

сраженіи при Ліонѣ, въ Февралѣ 197 г., война рѣшена была въ пользу перваго. Альбинъ былъ убитъ, и Северъ послалъ въ Римъ отрубленную голову своего противника вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ грозилъ местію всѣмъ сенаторамъ, державшимъ его сторону. И дѣйствительно, по прибытіи туда, онъ велѣлъ умертвить 42 сенаторовъ и постоянно давалъ чувствовать Сенату, который держалъ въ рабской зависимости и страхѣ, свою жестокость и презрѣніе. И такъ Северъ утвердилъ свою власть на военной силѣ, и, чтобы не зависѣть отъ презираемаго имъ Сената, поставилъ себя въ зависимость отъ солдатъ, давъ имъ преимущества, которыя навсегда ослабили въ войскѣ древнюю дисциплину и духъ повиновенія *). Онъ старался удержать ихъ отъ мятежа постоянными занятіями и тотчасъ по окончаніи войны съ Альбиномъ повелъ ихъ на Востокъ противъ Парѳянъ, но во время сего похода нѣсколько разъ испыталъ ихъ непослушаніе и не имѣлъ другаго средства поддерживать ихъ расположеніе къ себѣ, какъ подарками и снисхожденіемъ, которые, если на время и устраняли зло, увеличивали его въ будущности. Парѳянское царство, по причинѣ внутреннихъ раздоровъ, было уже близко къ своему паденію; оттого Северъ безъ труда проникъ далеко во внутренность страны, разграбилъ многіе города и взятую въ нихъ добычу раздѣлилъ между солдатами. Возвращаясь изъ сего похода, онъ, прежде нежели отпра-

*) *Herodian.* lib. III, cap. 8: τοῖς τε στρατιώταις ἐπέδωκε χρήματα πλεῖστα, ἄλλα τε πολλὰ συνεχώρησεν, ἃ μὴ πρότερον εἶχον. Καὶ γὰρ τὸ σιτηρέσιον αὐτοῖς πρῶτος ηὔξησε καὶ δακτυλίοις χρυσοῖς χρήσασθαι ἐπέτρεψε, γυναιξί τε συνοικεῖν. ἅπερ ἅπαντα σωφροσύνης στρατιωτικῆς καὶ τοῦ πρὸς τὸν πόλεμον εὐσταλοῦς τε καὶ ἑτοίμου ἀλλότρια ἐνομίζετο, καὶ πρῶτός τε ἐκεῖνος τὸ πάνυ αὐτῶν ἐῤῥωμένον καὶ τὸ σκληρὸν τῆς διαίτης, τό τε εὐπαθὲς πρὸς τοὺς πόνους καὶ εὔτακτον, μετ' αἰδοῦς πρὸς ἄρχοντας, ἐπανέτρεψεν (т. е. Воинамъ онъ далъ много денегъ и уступилъ имъ многое другое, чего они прежде не имѣли. Онъ первый увеличилъ ихъ паекъ, позволилъ носить золотыя кольца и жениться. Все это почиталось несвойственнымъ военной дисциплинѣ, бодрости и готовности къ войнѣ. Онъ же первый уничтожилъ всю простоту и суровость ихъ образа жизни, готовность къ трудамъ и военную дисциплину съ уваженіемъ къ начальству.)

вился въ Римъ, пробылъ нѣсколько времени на Востокѣ, въ Сиріи и Египтѣ. По прибытіи въ Римъ, онъ заботился съ неутомимою дѣятельностію объ искорененіи вкравшихся въ управленіе государственными дѣлами злоупотребленій и смотрѣлъ за соблюденіемъ правосудія съ такою строгостью, что объ немъ говорили, что ему надлежало бы или совсѣмъ не родиться, или не умирать *). Бывъ самъ въ молодости правовѣдомъ и адвокатомъ, Северъ приблизилъ къ себѣ отличнѣйшихъ тогдашнихъ юристовъ, и въ числѣ ихъ Папиніана, Павла и Ульпіана. Но чѣмъ благодѣтельнѣе было дѣйствіе его строгости на внутреннее управленіе, тѣмъ разительнѣе кажется слабость, съ какою онъ попускалъ управлять собою любимцу своему Плавтіану и оставлялъ безъ вниманія всѣ несправедливости сего корыстолюбца. Плавтіанъ надѣялся еще болѣе упрочить свою силу, выдавъ свою дочь за старшаго сына Северова, Бассіана, но этотъ-то бракъ и былъ причиною его паденія. Гордый и свирѣпый принцъ неохотно, и только по требованію отца, согласился на сей союзъ; онъ показывалъ къ своей супругѣ презрѣніе, а къ отцу ея самую непримиримую ненависть, и успокоился только тогда, когда лишилъ его жизни, обвинивъ, въ 204 г., въ заговорѣ на жизнь Императора. Северъ часто обвинялъ М. Аврелія въ томъ, что онъ пожертвовалъ своимъ долгомъ къ государству и человѣчеству родительской любви и не имѣлъ силы отрѣшить отъ престолонаслѣдія недостойнаго Коммода, между тѣмъ какъ самъ, въ подобномъ случаѣ, поступилъ нисколько не лучше. Онъ имѣлъ отъ супруги своей, Юліи Домны, двухъ сыновей: Бассіана, который болѣе извѣстенъ подъ именемъ *Антонина Каракаллы*, и *Гету* **). Ни строгость отца, ни пре-

*) *Ael. Spartian.* in vit. Sev. cap. 18: De hoc senatus ita judicavit: *illum aut nasci non debuisse, aut non mori.*

**) Я слѣдую въ этомъ Греческимъ писателямъ, которые называютъ Юлію Домну матерью, какъ Каракаллы, такъ и Геты, между тѣмъ какъ Латинскіе (Спарціанъ, въ hist. Aug. и Аврелій Викторъ) весьма странно утверждаютъ, что Каракалла родился отъ перваго брака Севера съ Марціею, и что, слѣдовательно, онъ былъ Юліи Домнѣ пасынокъ, а Гетѣ сведеный братъ.

красныя качества матери не могли образовать изъ нихъ хорошихъ людей. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ дурное общество развратило ихъ, и дѣтская ссора сдѣлала непримиримыми врагами. Съ безпокойною заботою о будущемъ, Северъ видѣлъ постоянно возраставшую взаимную ненависть своихъ сыновей; онъ думалъ пресѣчь ее, показывая къ нимъ равную любовь; назначилъ ихъ обоихъ своими наслѣдниками; но это послужило только къ увеличенію ихъ вражды, потому что Каракалла видѣлъ въ возвышеніи брата нарушеніе своихъ правъ. Въ 208 г., Северъ, не смотря на свои преклонныя лѣта и слабое здоровье, отправился въ Британію, вѣроятно съ намѣреніемъ удалить своихъ сыновей изъ Рима, и въ походѣ, подъ своимъ надзоромъ, пріучить къ дѣятельности. Въ это время, сѣверные Шотландскіе горцы, прорвавшись чрезъ построенный противъ нихъ валъ, начали снова дѣлать вторженія въ Римскую провинцію, и Северъ употребилъ три года на возстановленіе въ ней спокойствія и безопасности. Онъ далеко проникъ во внутренность гористой страны, прорубалъ лѣса, прокладывалъ дороги, и если бы смерть не прекратила дальнѣйшихъ его предпріятій, навѣрное смирилъ бы или совсѣмъ искоренилъ дикихъ обитателей ея. Скорбь, причиненная ему поведеніемъ Каракаллы, ускорила его кончину, и послѣдніе часы его были возмущены заботами о будущемъ. Онъ умеръ въ Эборакѣ, или Іоркѣ, 4 Февр. 211 года. Передъ смертью, онъ еще разъ увѣщевалъ своихъ сыновей жить въ согласіи и давалъ правила, которыми они должны были руководствоваться въ управленіи государствомъ, и которыя вели еще къ большему утвержденію военнаго деспотизма *).

По смерти Севера оба брата, *Каракалла* (211 — 217) и *Гета* (211 — 212) приняли правленіе; но можно было предвидѣть, что такое отношеніе, при ненависти, раздѣлявшей ихъ съ самаго дѣтства, не

*) По свидѣтельству Діона Кассія (lib. LXXVI, cap. 15), послѣднія слова Севера къ дѣтямъ были: Ὁμονοεῖτε, τοὺς στρατιώτας πλουτίζετε, τῶν ἄλλων πάντων καταφρονεῖτε (т. е. Будьте согласны, обогащайте воиновъ, всѣхъ же другихъ презирайте.)

могло долго существовать между ними. Новые Императоры поспѣшили возвратиться въ Римъ и уже во время сего пути предосторожностями, которыми одинъ старался оградить себя отъ козней другаго, они представили провинціямъ печальное и соблазнительное зрѣлище непримиримой братской вражды: они никогда не ѣли за однимъ столомъ, не спали подъ одною кровлею, и, по прибытіи въ Римъ, тотчасъ раздѣлили дворецъ на двѣ части, которыя, подобно непріятельскимъ лагерямъ, оградили укрѣпленіями и стражею. Напрасно старалась мать примирить враждующихъ братьевъ: она успѣла воспрепятствовать формальному раздѣленію государства, но этимъ только ускорила гибель одного изъ сыновей своихъ. При свиданіи въ ея покояхъ, на которое она склонила ихъ въ надеждѣ примирить, по знаку Каракаллы, нѣсколько центуріоновъ съ обнаженными мечами ворвались въ комнату и умертвили Гету въ объятіяхъ матери. По совершеніи сего злодѣянія, Каракалла бросился въ лагерь преторіанцевъ и объявилъ, что онъ принужденъ былъ умертвить своего брата, потому что иначе не могъ спасти собственной жизни. Большой подарокъ склонилъ гвардію на его сторону, и съ 212 Каракалла сталъ править одинъ. За смертію Геты скоро послѣдовала казнь всѣхъ друзей его, и, по показанію Діона, погибло до 20,000 человѣкъ приверженцевъ его, въ томъ числѣ и Папиніанъ, который отказался юридически оправдать братоубійство. Каракалла угрожалъ смертію самой матери, если она не прекратитъ слезъ объ убитомъ сынѣ. Однако онъ хотѣлъ оказать своему брату всевозможныя почести и велѣлъ покорному Сенату включить его въ число боговъ, прибавивъ съ злобною насмѣшкою: *sit divus, dum non sit vivus.* Впрочемъ, Каракалла не былъ такимъ ожесточеннымъ чудовищемъ, чтобы послѣ братоубійства не терзаться угрызеніями совѣсти; пребываніе во дворцѣ въ Римѣ сдѣлалось ему несноснымъ; онъ положилъ удалиться въ пограничныя провинціи, чтобы въ шумѣ военной жизни заглушить упреки своей совѣсти. Онъ сперва отправился на Рейнскія границы, оттуда въ 215 г. въ Дунайскія провинціи, и потомъ въ 216 г. на Востокъ. Вовсе не имѣя пол-

ководческихъ талантовъ, онъ вздумалъ подражать Александру Великому, и уже изъ этого можно заключить, что онъ былъ не въ полномъ умѣ. Да и не удивительно, если онъ помѣшался: не проходило ночи, въ которую въ безпокойныхъ сновидѣніяхъ не являлись бы предъ нимъ угрожающія тѣни отца и брата. Такое состояніе души его было тѣмъ ужаснѣе, что подъ вліяніемъ его Каракалла совершалъ величайшія жестокости. Такъ, напримѣръ, раздраженный насмѣшками, распространившимися на счетъ его изъ Александріи, онъ велѣлъ, безъ разбора, перебить всѣхъ жителей этого города. Изъ Египта Каракалла выступилъ въ походъ противъ Парѳянъ, и такъ какъ они вовсе не были приготовлены къ оборонѣ, то онъ успѣлъ опустошить нѣсколько областей. Зиму съ 216 на 217 г. онъ провелъ въ Эдессѣ, намѣреваясь весною итти на Парѳянъ, которые между тѣмъ вооружались, но 4-го Апрѣля 217 былъ убитъ однимъ офицеромъ, по имени Марціаломъ. Важнѣйшимъ дѣломъ правленія Каракаллы, касательно внутренняго государственнаго устройства, было *распространеніе права Римскаго гражданства на всѣ провинціи*. Это право, прежде составлявшее честь, которой присоединенные народы домогались, и которую Римляне отстаивали съ оружіемъ въ рукахъ, сдѣлалось теперь бременемъ, и Каракалла далъ его всѣмъ своимъ подданнымъ, чтобы брать со всѣхъ налогъ vicesima hereditatum, измѣненный имъ въ decima. Въ продолженіе четырехъ дней по смерти Каракаллы, государство оставалось безъ главы; въ пятый, префектъ преторіанцевъ, *М. Опелій Макринъ* (217 — 218) былъ избранъ легіонами Императоромъ, и Сенатъ призналъ его въ семъ достоинствѣ. Новый Императоръ тотчасъ объявилъ цезаремъ девятилѣтняго сына своего, *Антонина Діадумена*. Впрочемъ, Макринъ, съ самаго начала, поставилъ себя не въ очень выгодное положеніе и не умѣлъ воспользоваться даже и тѣми немногими выгодами, какія имѣлъ. Купивъ миръ у Парѳянъ, которые, въ отмщеніе за нападеніе Каракаллы, были готовы вторгнуться въ Римскія владѣнія, онъ внушилъ своимъ солдатамъ презрѣніе къ себѣ, а стремленіемъ къ преобразованіямъ возбудилъ

ихъ ненависть. Вмѣсто того, чтобъ распустить армію и отвести легіоны на ихъ постоянныя квартиры, онъ простоялъ всю зиму въ Сиріи; вскорѣ между солдатами распространились на счетъ Императора неблагопріятные слухи, и особенно, будто бы онъ былъ виновникомъ смерти Каракаллы. Неудовольствіе войска готово было обнаружиться явнымъ бунтомъ; не доставало только повода извнѣ, и этотъ поводъ подала сестра Императрицы Юліи Домны, родомъ изъ Сиріи. Юлія Домна, получивъ извѣстіе о смерти Каракаллы, сама себя лишила жизни. Сестра ея, Юлія Меза, по повелѣнію Макрина, должна была оставить дворъ и съ огромнымъ богатствомъ и двумя дочерьми, Соэмиссою и Маммеею, удалилась въ Эмезу. Ея дочери обѣ были вдовы — и имѣли по сыну — Соэмисса отъ брака съ Варіемъ Марцелломъ Варія Бассіана, Маммея отъ брака съ Генезіемъ Марціаномъ Алексіана, или Александра. Онѣ положили свои сокровища въ храмѣ Сирійскаго идола Геліогабала и этимъ доставили въ немъ юному Бассіану мѣсто верховнаго жреца. Бассіанъ былъ юноша красивой наружности, и великолѣпная жреческая одежда придавала еще болѣе блеску его красотѣ. Римскіе солдаты, стоявшіе въ окрестностяхъ Эмезы, посѣщая храмъ, съ удивленіемъ смотрѣли на него; имъ показалось въ чертахъ лица его нѣкоторое сходство съ Каракаллою, и женщины не постыдились подтвердить распространившуюся молву, что онъ сынъ покойнаго Императора; деньги довершили остальное, такъ, что Бассіану стоило только показаться въ лагерѣ, находившемся при Эмезѣ, чтобы тотчасъ быть провозглашену Императоромъ. Послѣ того онъ потребовалъ, чтобъ и прочіе легіоны послѣдовали примѣру Эмезскихъ войскъ и присоединились къ принцу, рѣшившемуся отмстить за смерть отца и притѣсненіе войска. Макринъ счелъ возстаніе сіе столь незначительнымъ, что не поспѣшилъ самъ подавить его, но послалъ префекта преторіанцевъ Ульпія Юліана, который былъ своими солдатами не только оставленъ, но даже убитъ. Тогда Бассіанъ, съ собравшимися къ нему со всѣхъ сторонъ войсками, выступилъ на своего противника, и нашелъ его на одинъ день пути отъ Антіохіи. Сраженіе рѣшилось

въ пользу Бассіана, потому что Макринъ бросился въ бѣгство, не дождавшись конца. Но это спасло ему жизнь только на нѣсколько дней: задержанный противными вѣтрами въ Халкедонѣ, онъ былъ схваченъ посланными Бассіана, и 8-го Іюня 218 г., вмѣстѣ съ сыномъ, убитъ. Бассіанъ (218 — 222) сперва принялъ почтенное имя М. Авреліи Антонина, но скоро перемѣнилъ его на *Геліогабала*; онъ былъ 15-тилѣтній юноша безъ всякаго воспитанія, изнѣженный и невоздержный. Получивъ неограниченную власть и вмѣстѣ съ нею несмѣтныя богатства, онъ не замедлилъ запятнать себя всѣми пороками, какіе только можетъ внушить развращенная фантазія и утонченная чувственность; но изображеніе безстыдныхъ поступковъ его не прилично ни языкамъ, ни правамъ нашихъ временъ. Онъ послалъ напередъ въ Римъ свою статую, въ фантастической одеждѣ Сирійскаго жреца солнца, чтобы доставить Сенату случай почтить его въ изображеніи, а самъ предался въ Никомедіи величайшему распутству, и по прибытіи въ слѣдующемъ году въ Римъ, началъ вести жизнь безпримѣрную въ Исторіи, по сусвѣрію, сладострастію и жестокости. Собственно дѣлами правленія занимались женщины: Меза и Соемисса получили мѣсто и голосъ въ Сенатѣ, который безъ прекословія покорился этому новому и величайшему униженію, какое только онъ испыталъ со времени своего существованія. Солдаты, возвысившіе столь недостойнаго Императора, вскорѣ сами стали стыдиться своего выбора *) и обратили взоры на двоюроднаго брата его, Алексіана, или, какъ онъ въ послѣдствіи назывался, Александра, за воспитаніемъ котораго Маммея смотрѣла съ величайшею заботливостью, и котораго предохраняла отъ всякаго пагубнаго вліянія. Хитрая и ловкая Меза, послѣ тщетныхъ стараній удержать Геліогабала въ предѣлахъ внѣшняго приличія, увидѣла неизбѣжность его паденія, и чтобы онъ не увлекъ за собою всей фа-

*) *Aelius Lampridius* v. Anton. Heliogab. cap. 5. говоритъ: Quis enim ferre posset principem, per cuncta cava corporis libidinem recipientem, quum ne belluam quidem talem quisquam ferat?

миліи, рѣшилась воспользоваться расположеніемъ солдатъ для возвышенія втораго своего внука Александра. Съ великою хитростію убѣдила она Геліогабала усыновить своего двоюроднаго брата и объявить Цезаремъ. Въ этомъ званіи, Александръ, своими любезными качествами, своею неукоризненною нравственностію, пріобрѣлъ всеобщую любовь арміи и народа. Это возбудило зависть и соревнованіе въ Геліогабалѣ, и послѣ напрасныхъ попытокъ развратить его, онъ сперва хотѣлъ чрезъ Сенатъ уничтожить его назначеніе въ Цезари, но Сенатъ имѣлъ столько твердости, что, если не противорѣчилъ, то по крайней мѣрѣ, молчаніемъ отклонилъ сіе предложеніе. Послѣ того онъ старался убить его, но бдительность матери и привязанность солдатъ охраняли юнаго Цезаря, какъ отъ тайнаго, такъ и отъ явнаго насилія, и когда Геліогабалъ не оставлялъ своихъ козней, раздраженные солдаты убили его самого вмѣстѣ съ матерью, 11 Марта 222 года, и Александръ остался одинъ Императоромъ, подъ опекою бабки своей Мезы; но правленіе скоро перешло въ руки Маммеи, потому что Меза умерла уже въ слѣдующемъ году, и эта благоразумная женщина, чтобы уничтожить и видъ соблазнительнаго для Римлянъ женскаго владычества, одобрила законъ, навсегда запрещавшій женщинамъ засѣдать въ Сенатѣ.

Воспитанный въ правилахъ самой чистой нравственности *), *Александръ Северъ* (222—235) слѣдовалъ имъ и въ правленіи. Съ согласія Сената былъ составленъ изъ сенаторовъ государственный совѣтъ изъ 16 чле-

*) Если Маммея и не была, какъ говоритъ Орозій, Христіанкою, то во всякомъ случаѣ Христіанская религія и нравственность очевидно имѣли великое вліяніе на образованіе Александра. Онъ былъ великимъ почитателемъ Христа, хранилъ его образъ между портретами извѣстнѣйшихъ по своимъ добродѣтелямъ мужей и Ael. Lampridius (Alex. cap. 43) говоритъ: Christo templum facere voluit eumque inter deos recipere. Тотъ же писатель (cap. 51) разсказываетъ объ Александрѣ: clamabat saepius quod a quibusdam sive Judaeis sive Christianis audierat et tenebat, idque per praeconem, cum aliquem emendaret, dici jubebat: *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris.* Quam sententiam usque adeo dilexit, ut et in Palatio et in publicis operibus praescribi juberet.

новъ, и президентомъ его поставленъ Ульпіанъ; его дѣятельность особенно была направлена къ тому, чтобы загладить всѣ слѣды предшествовавшаго правленія и замѣнить достойнѣйшими мужами всѣхъ возвышенныхъ тогда ничтожныхъ людей. Воспитаніе, полученное Александромъ, казалось, обѣщало государству благоденствіе на долгое время, но юный Императоръ не имѣлъ довольно энергіи, чтобъ пріобрѣсть прочный авторитетъ противъ владычества солдатъ. Какъ ненадежно было счастіе государства, это показываетъ бунтъ солдатъ, имѣвшій цѣлію и слѣдствіемъ смерть Ульпіана. Александръ поставилъ его преторіанскимъ префектомъ; гвардейцы, любившіе въ юномъ Императорѣ свое созданіе, приписывали всѣ вредныя для нихъ мѣры не ему, а своему префекту. Ульпіану стоило только быть другомъ законовъ и защитникомъ народа, чтобы считаться противникомъ интересовъ войска. Въ 228 г. противъ него открылся страшный мятежъ. Три дня граждане защищали жизнь его; они прекратили бой и предоставили его своей участи только тогда, когда солдаты начали жечь домы. Ульпіанъ искалъ спасенія во дворцѣ у ногъ Императора, но солдаты послѣдовали за нимъ и туда; напрасно Александръ покрывалъ его своею порфирою и противопоставлялъ ихъ ярости свою власть и просьбы; только смерть Ульпіана могла ихъ успокоить. Правительство, въ отношеніи къ солдатамъ, было такъ слабо, что не дерзнуло тотчасъ судить и казнить главныхъ виновниковъ мятежа, но сдѣлало это уже въ послѣдствіи и то со многими предосторожностями. Также погибъ бы и историкъ Діонъ Кассій, начальствовавшій легіонами въ Панноніи, если бъ Императоръ не позволилъ ему выйти въ отставку. Онъ удалился на свою родину въ Никею и тамъ въ 229 г. окончилъ свое обширное историческое твореніе *). Опасность, отъ которой такъ счастливо спасся Діонъ Кассій, висѣла, подобно мечу Дамокла, надъ головою Императора и наконецъ разразилась, когда онъ, будучи вызванъ новымъ врагомъ, угрожавшимъ государству, не удовлетворилъ

*) Онъ оканчиваетъ свою исторію слѣдующими стихами Гомера (Il. XI, vs. 163):

ожиданіямъ солдатъ. Причиною сей новой опасности былъ переворотъ, происшедшій на Востокѣ и слѣдствіемъ котораго было *паденіе Парѳянскаго и основаніе Ново-Персидскаго царства*. Парѳія начала клониться къ паденію съ того момента, какъ подверглась Римскому вліянію, и Римляне пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ, какъ въ политикѣ, такъ и на войнѣ. Мы видѣли уже, что Траянъ проникалъ глубоко во внутренность страны, и что Септимій Северъ грабилъ Парѳянскія столицы. Возмущеніе сатраповъ, споры за престолъ и пораженія отъ враговъ внѣшнихъ поставили уже государство на край погибели, когда, въ 216 г., Артабанъ IV (Арзакъ XXXI) вступилъ на престолъ. Въ правленіе сего государя случилось нападеніе Каракаллы, за которое удовлетворилъ деньгами Макринъ. Должно считать истиннымъ несчастіемъ для Римской Имперіи, что въ то самое время, когда сѣверные варвары сдѣлались отважнѣе въ своихъ нападеніяхъ, слабое Парѳянское царство пало, и на развалинахъ его возникло другое, которое съ именемъ древней Персіи возобновило и всѣ ея притязанія. Персъ *Арджиръ Бабегановъ*, Греками называемый Артаксерксомъ, служившій съ отличіемъ въ войскѣ Артабана, производилъ свой родъ отъ древней династіи Персовъ, хотя время и несчастіе повергли его фамилію въ столь подчиненное положеніе. Онъ пріобрѣлъ расположеніе Дарабшіадскаго правителя и сдѣлался его наслѣдникомъ. Что побудило его поднять оружіе противъ Артабана, того не говорятъ ни Персидскіе, ни Римскіе или Греческіе писатели *); сколько извѣстно, этотъ отважный человѣкъ умѣлъ возбудить въ свою пользу національ-

Ἕκτορα δ' ἐκ βελέων ὕπαγε Ζεὺς, ἔκ τε κονίης,
Ἔκ τ' ἀνδροκτασίης, ἔκ θ' αἵματος, ἔκ τε κυδοιμοῦ.

По переводу *Гнѣдича:*

Гектора-жъ Зевсъ-промыслитель отъ стрѣлъ удалилъ и отъ праха,
Внѣ пораженья поставилъ, и крови, и бурной тревоги).

*) Желающему познакомиться съ Персидскими источниками совѣтуемъ обратиться къ History of Persia, Малькольма.

ную гордость Персовъ и вооружить ихъ противъ Парѳянскаго царя. Греческіе писатели разсказываютъ о трехъ сраженіяхъ, данныхъ Артабаномъ своему противнику; Персидскіе напротивъ, говорятъ только объ одномъ трехдневномъ сраженіи, которое, по Малькольму, происходило въ долинѣ Рам-Гормузѣ, недалеко отъ города Шустера. Въ этомъ сраженіи, въ 226 г., Парѳянскій царь вмѣстѣ съ побѣдою потерялъ и жизнь. На общемъ собраніи въ Балкѣ, въ Хорасанѣ, Арджиръ былъ признанъ государемъ, и Арсакидская фамилія смирилась передъ его счастіемъ. Послѣ сего онъ возобновилъ Персидское царство и принялъ титулъ царя царей (Шаханъ Шахъ); основанная имъ династія называется Сассанидскою, потому что Арджиръ, по своему происхожденію отъ Сассана, производилъ себя, по Персидской генеалогіи, отъ Ахеменидовъ. Первымъ дѣломъ его было возстановленіе Зороастровой религіи. Получивъ послѣ столь долгаго угнетенія власть, маги воспользовались ею для преслѣдованія всѣхъ другихъ религій; не только были разрушены Парѳянскіе храмы, и статуи обоготворенныхъ Парѳянскихъ царей съ позоромъ разбиты, но даже и язычники Греки, Іудеи и Христіане испытали ихъ ненависть. Новый царь считалъ себя въ правѣ требовать всего, чѣмъ владѣли въ періодъ высочайшаго своего блеска древніе Персидскіе монархи. Оттого Арджиръ отправилъ посольство къ Римскому Императору съ требованіемъ возвратить всѣ нѣкогда подвластныя Персамъ провинціи, покоренныя Римлянами, и довольствоваться владычествомъ надъ Европою. Такое требованіе равнялось объявленію войны, и Александръ, не вдаваясь въ переговоры, выступилъ самъ на Востокъ, предводительствуя гвардіею и легіонами. Онъ провелъ тамъ долгое время, и хотя успѣлъ защитить предѣлы своей Имперіи, но въ то же время потерялъ уваженіе солдатъ, потому что мать, сопровождавшая его въ семъ походѣ, по излишней заботливости и изъ страха за его жизнь и здоровье, не допускала его дѣлить съ ними военныхъ трудовъ и опасностей. Слѣдствія сего неуваженія обнаружились весьма скоро, когда Императоръ, по возвращеніи съ Востока, въ 235 г., прибылъ на Рейнскія

границы. Максиминъ, начальствовавшій здѣсь, былъ родомъ изъ Ѳракіи, но происхожденіемъ варваръ; отецъ его былъ Готѳъ, а мать Аланка. За 35 лѣтъ до сего времени, своимъ необыкновеннымъ ростомъ, силою и ловкостію, онъ обратилъ на себя вниманіе Септимія Севера и былъ принятъ имъ въ конную гвардію, сперва рядовымъ, а вскорѣ потомъ произведенъ и въ офицеры. По смерти Каракаллы, онъ, не желая служить убійцѣ своего благодѣтеля, вышелъ въ отставку; также и въ правленіе развратнаго Геліогабала жилъ въ отдаленіи, и за то тѣмъ болѣе возвышенъ Александромъ, при которомъ прошелъ всѣ чины и наконецъ сдѣлался главнокомандующимъ надъ Рейнскими легіонами. Солдаты гордились своимъ полководцемъ, называли его своимъ Аяксомъ и Геркулесомъ, и Императоръ показывалъ къ нему такую благосклонность, что даже хотѣлъ выдать свою сестру за его сына. Когда прибылъ Александръ, Максиминъ произвелъ со своими солдатами маневры, и контрастъ между дѣятельнымъ полководцемъ и Императоромъ, который, въ сопровожденіи матери, былъ праздным зрителемъ ихъ упражненій, долженъ былъ тѣмъ сильнѣе поразить солдатъ, что послѣдній часто отдавалъ приказанія касательно дисциплины. Неудовольствіе на это превратилось въ ропотъ, и когда Императоръ отказалъ во многихъ требованіяхъ, сдѣланныхъ ему Галльскими легіонами, они возмутились и принудили Максимина принять надъ ними начальство. Въ Мартѣ 235 г., недалеко отъ Майнца, Императоръ былъ убитъ вмѣстѣ съ матерью. Хотя войско изъявило искреннее сожалѣніе объ умерщвленіи Александра и наказало виновниковъ, однако Максиминъ успѣлъ утвердиться, и грубѣйшею, но за то сильнѣйшею частію войска былъ признанъ Императоромъ.

Максиминъ (235—238) есть лучшій представитель владычества солдатъ; произволъ арміи возвысилъ грубаго Ѳракійскаго поселянина въ правители утонченнаго и образованнаго Римскаго міра, и конечно такая несообразность должна была привести государство въ самое напряженное состояніе. Дѣйствительно, въ сознаніи Максимина, что знатные Римляне презираютъ его за низкое происхожденіе и варварское не-

вѣжество, таился источникъ несказанныхъ жестокостей; такъ какъ равномѣрно онъ отпялъ суммы, назначенныя на травлю звѣрей и зрѣлища, то скоро сдѣлался ненавистнымъ въ Римѣ для всѣхъ сословій, и не доставало только внѣшняго повода къ обнаруженію всеобщаго противъ него озлобленія. Такой случай доставила Африка, гдѣ взбунтовавшаяся чернь провозгласила Императоромъ, 80-ти лѣтняго старца, правителя *Гордіана*, вмѣстѣ съ сыномъ, который также назывался Гордіаномъ, и принудила къ принятію порфиры. Сенатъ, едва получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, тотчасъ призналъ обоихъ Гордіановъ и объявилъ Максимина врагомъ отечества. Весь городъ пришелъ въ страшное волненіе, и въ безпорядкахъ, господствовавшихъ въ продолженіе многихъ дней, приверженцы Максимина подверглись жесточайшимъ насиліямъ. Но между тѣмъ, какъ это происходило въ Римѣ, въ Африкѣ Гордіаны были низвергнуты. Ихъ личный врагъ, правитель Мавританіи, Капелліанъ, вывелъ противъ нихъ войско; молодой Гордіанъ проигралъ сраженіе и былъ убитъ, а отецъ его прекратилъ жизнь самоубійствомъ. Капелліанъ, именемъ Максимина, вступилъ въ управленіе провинціею, но въ то же время готовилъ силы, чтобы, въ случаѣ его неудачи, самому облечься въ порфиру. При извѣстіи о приговорѣ Сената, Максиминъ пришелъ въ страшное бѣшенство *), и, пылая мщеніемъ, двинулся противъ Италіи. Сенату не представлялось на выборъ ничего другаго, какъ побѣдить или погибнуть. Онъ еще прежде выбралъ изъ среды своей двадцать консулярныхъ особъ и облекъ ихъ неограниченною вла-

*) *Jul. Capitolin.* Maximin. cap. 17: Ubi hoc senatusconsultum Maximinus accepit, homo natura ferus sic exarsit, ut non hominem sed belluam putares. Jaciebat se in parietes, nonnunquam terrae se prosternebat. Exclamabat incondite, arripiebat gladium, quasi senatum posset occidere, conscindebat vestem regiam, alios verberibus afficiebat, et nisi de medio recessisset, ut quidam sunt auctores, oculos filio adolescentulo sustulisset. Causa autem iracundiae contra filium haec fuit, quod eum Romam ire jusserat, quum primum imperator factus est, et ille patris nimio amore neglexerat; putabat autem, quod si ille Romae fuisset, nihil ausurus esset senatus.

стію для защищенія Италіи, но эта мѣра, принятая до низверженія Гордіановъ, послѣ оказалась несообразною съ обстоятельствами. Оттого Сенатъ, въ 237 г., выбралъ также изъ своихъ сочленовъ двухъ Императоровъ, опытнаго Генерала *Клодія Пупіена Максима* и искуснаго въ дѣлахъ гражданскихъ *Децима Целія Бальбина*. Но едва этотъ выборъ сдѣлался извѣстнымъ, какъ солдаты и народъ громкимъ крикомъ изъявили свое неудовольствіе и потребовали еще третьяго Императора, который бы не совсѣмъ принадлежалъ Сенату. Чтобы не допустить въ такую критическую минуту, когда должно было соединить всѣ силы противъ приближающагося Максимина, возникнуть въ городѣ раздору, Сенатъ уступилъ и провозгласилъ Императоромъ еще *Гордіана* III, внука перваго и племянника втораго Гордіана, погибшихъ въ Африкѣ. Весною 238 г. Максиминъ явился въ Италіи, но съ изнуреннымъ отъ разныхъ недостатковъ и недовольнымъ войскомъ. Онъ осадилъ Аквилею и встрѣтилъ геройское сопротивленіе. Въ ярости на безуспѣшность своихъ приступовъ, онъ сдѣлался жестокимъ и несправедливымъ къ своимъ собственнымъ солдатамъ, такъ, что они, въ 238 г., убили его вмѣстѣ съ сыномъ и признали Императоровъ, избранныхъ Сенатомъ. Радость о паденіи свирѣпаго варвара была неописанна, но не продолжительна. Римъ, можетъ быть, во все время своего долгаго существованія не былъ свидѣтелемъ такихъ ужасныхъ сценъ, какія предшествовали низверженію Максимина и слѣдовали за нимъ. Но извѣстія объ этомъ времени такъ недостаточны, что самыя важныя обстоятельства остаются для насъ темными и непонятными. Вообще дѣла происходили такимъ образомъ: по умерщвленіи Максимина, Максимъ отослалъ его армію на границы, напротивъ гвардію взялъ съ собою въ Римъ. Она съ злобою смотрѣла на торжественный въѣздъ трехъ Императоровъ въ городъ, и общая ненависть къ гражданской власти, которая столько времени спустя въ первый разъ дала Императора, вскорѣ соединила ее съ преторіанцами, находившимися въ Римѣ. 15 Іюля 238 года они напали на дворецъ, умертвили Максима и Бальбина, взяли

тринадцатилѣтняго Гордіана съ собою въ лагерь и провозгласили Императоромъ его одного. Сначала Гордіанъ находился подъ руководствомъ матери и евнуховъ; наконецъ, по совѣту своего учителя Мисѳея, сбросилъ съ себя это постыдное иго. Онъ сдѣлалъ сего отличнаго человѣка префектомъ преторіанцевъ, женился на его дочери Транквиллинѣ, и вскорѣ, слѣдуя твердымъ и безкорыстнымъ его совѣтамъ, увидѣлъ утвержденіе своей власти. Чтобы пріучить юнаго Императора къ военной жизни, Мисѳей повелъ его сперва на Германскія границы, а оттуда на Востокъ противъ Персовъ. Основатель Сассанидской династіи, Арджиръ, въ 240 г. умеръ, и ему наслѣдовалъ сынъ его *Шапуръ* или *Сапоръ* I. Пользуясь происшедшими въ Римской Имперіи безпорядками, онъ вторгнулся въ Месопотамію, и такъ какъ часть Римскаго войска перешла на его сторону, то онъ такъ далеко проникъ въ Сирію, что угрожалъ самой Антіохіи. Но какъ скоро Гордіанъ явился, Персы отступили и вывели гарнизоны изъ занятыхъ ими городовъ. Чтобы отплатить за нападеніе на Сирію, Гордіанъ сталъ готовиться къ опустошительному вторженію въ Персію, но во время сихъ приготовленій, смерть похитила Мисѳея и съ нимъ главную опору юнаго Императора. Арабъ *Юлій Филиппъ*, заступившій мѣсто Мисѳея, искалъ выгодъ не его, но своихъ собственныхъ: онъ съ намѣреніемъ возбудилъ въ арміи неудовольствіе, и въ 244 г., по умерщвленіи Императора, самъ облекся въ порфиру. Онъ заключилъ съ Персами миръ и возвратился въ Римъ праздновать столѣтнія игры. Сіе торжество представляло тѣмъ болѣе величественнаго, что въ 248 г. по Р. Х. протекло ровно 1000 лѣтъ отъ основанія Рима. Римляне съ жадностью предались зрѣлищамъ, которыя самымъ блестящимъ образомъ были приготовлены для такого достопамятнаго торжества, и забыли всѣ перенесенныя опасности и униженія. Этотъ народъ воиновъ и законодателей, нѣкогда состоявшій изъ 35 трибъ, теперь разлился на милліоны покоренныхъ его оружіемъ народовъ, и армія, составленная изъ наемниковъ всѣхъ націй, своимъ выборомъ давала ему повелителей.

Непосредственно за торжествомъ 1000-лѣтняго существованія Рима, насталъ порядокъ вещей, грозившій государству совершеннымъ паденіемъ. Провинціи были наводнены Германцами, между тѣмъ, какъ похитители верховной власти терзали государство своими распрями. Германскій міръ, дотолѣ раздѣленный на множество мелкихъ племенъ и поколѣній, въ третьемъ столѣтіи, вдругъ принимаетъ другой видъ; древнія имена описанныхъ Тацитомъ народовъ исчезаютъ; образуются подъ новыми именами большія массы, и замѣтно рѣшительное раздѣленіе Германцевъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, по древнему обыкновенію, еще обожала силы природы въ лѣсахъ и источникахъ, между тѣмъ какъ другая приняла распространившуюся съ сѣвера религію Одинову. Причинъ этого явленія должно искать въ нашествіи поклонниковъ Одина, *Саксовъ* и *Готѳовъ*, изъ которыхъ первые утвердились на сѣверѣ Германіи, а послѣдніе разлились по юго-востоку и такимъ образомъ приблизились къ Дунайской границѣ Имперіи *). Нашествіе и утвержденіе Саксовъ въ Германіи произвело на прочія Германскія племена, не хотѣвшія ни покориться владычеству,

*) Воспоминаніе о Скандинавскомъ происхожденіи Готѳовъ и Саксовъ сохранилось въ народныхъ преданіяхъ. Такъ *Іорнандъ* (de reb. Get. cap. 3) говоритъ о Готѳахъ: Ex hac igitur Scanzia insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum, cum rege suo Berig Gothi quondam memorantur egressi. Когда *Видукиндъ* писалъ свое сочиненіе Res gestae Saxonicae, то уже происхожденіе Саксовъ было темно (nimia vetustate omnem fere certitudinem obscurante); не смотря на то, онъ говоритъ lib. I, cap. 3: Pro certo autem novimus, Saxones his regionibus navibus advectos et loco primum applicuisse, qui usque hodie nuncupatur Hadolaun.

ни принять религіи этихъ пришельцевъ, то дѣйствіе, что они соединились въ большія массы. Такимъ образомъ возникли *Франки* и *Аллеманы*. Народы между Рейномъ и Везеромъ, между которыми главнѣйшіе были Хауки, Херуски, Катты, Сигамбры, соединились, подъ именемъ Франковъ, сперва вѣроятно противъ своихъ Скандинавскихъ единоплеменниковъ, хотѣвшихъ покорить ихъ и ввести у нихъ свою религію, а потомъ, защитившись отъ нихъ, противъ Имперіи. Тѣмъ же обстоятельствомъ обязаны своимъ происхожденіемъ и Аллеманы: и они образовались изъ многихъ племенъ, соединившихся для обороны отъ чуждаго ига, и потомъ, когда это удалось, къ общему нападенію на Римскія владѣнія. Если къ симъ народамъ, которые вдругъ приняли столь грозный видъ, прибавить также политически возрожденную Персидскую націю, то увидимъ, *что отъ Эвфрата до устьевъ Рейна воинственные народы въ видѣ большой дуги обложили Римскую Имперію, и какъ бы по данному знаку обнаживъ мечи, вдругъ устремились на нее.* И въ то самое время, когда Персы побѣдоносно перешли восточные, а Германцы западные предѣлы государства, внутри его явилось столько Императоровъ, сколько было армій, или такъ называемые *тридцать тирановъ*. Хотя Римляне успѣли возстановить единство государства и безопасность границъ, однако, для прочнаго утвержденія сего состоянія, необходима была перемѣна въ системѣ правленія, и Діоклеціанъ, избранный въ 285 го-

ду въ Императоры, постановилъ исполненіе сего преобразованія главною задачею своего правленія.

Еще не прошли радость и восторгъ Римлянъ отъ неописаннаго великолѣпія, съ какимъ Филиппъ торжествовалъ тысячелѣтіе города и государства, какъ одно печальное извѣстіе за другимъ пробудило ихъ отъ упоенія. На Рейнѣ и Дунаѣ Германцы начали непріятельскія дѣйствія, а легіоны, вмѣсто того, чтобъ защищать границы, провозглашали своихъ генераловъ Императорами. Филиппъ выступилъ въ походъ противъ *Кв. Траяна Деція*, возвышеннаго Мезійскими легіонами, и встрѣтилъ его при Веронѣ; здѣсь въ 249 г. произошло сраженіе, въ которомъ Филиппъ былъ разбитъ и погибъ; его сынъ, принятый имъ въ соправители, убитъ въ Римѣ. Правленіе Деція (249—251) не было ни счастливѣе, ни продолжительнѣе правленія его предшественника. Онъ долженъ былъ тотчасъ итти противъ Готѳовъ, которые въ несмѣтномъ числѣ перешли Дунай и осадили Никополь. Хотя, по приближеніи Императора, они и сняли осаду, но только для того, чтобы обратиться къ другому важнѣйшему городу, Филиппополю, и этимъ движеніемъ или принудить Римлянъ къ сраженію, или овладѣть городомъ. Дѣйствительно Деній поспѣшилъ къ нему на помощь, но Готѳы, нечаянно напавъ, разбили его, и взятіе Филиппополя было непосредственнымъ слѣдствіемъ сей побѣды. Повѣствуютъ, что сотни тысячъ погибли въ несчастномъ городѣ, подъ мечами дикихъ побѣдителей. Въ числѣ плѣнныхъ находился Прискъ, братъ Императора Филиппа; Готѳы были уже столь хитры, что не упустили случая употребить это обстоятельство въ свою пользу. Они заставили Приска объявить себя Императоромъ и такимъ образомъ продолжали войну, не какъ враги Римлянъ, но какъ союзники ихъ Императора Приска, противъ его соперника Деція. Сей

*) *Ammian. Marcellin.* lib. XXXI, cap. 5: Post clades acceptas illatasque multas et saevas excisa est Philippopolis, centum hominum millibus (nisi fingunt annales) intra moenia jugulatis.

послѣдній собралъ между тѣмъ войско и въ 251 г. снова напалъ на Готѳовъ; онъ привелъ ихъ въ столь затруднительное положеніе, что за миръ и свободное отступленіе они хотѣли возвратить всю добычу. Но Деціи, надѣясь истребленіемъ ихъ устрашить хищныхъ Германцевъ отъ дальнѣйшихъ набѣговъ, не согласился на предложенія Готѳовъ и этимъ принудилъ ихъ къ отчаянному сопротивленію, которое стоило ему жизни: онъ погибъ въ сраженіи, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ, и Римская армія отступила въ безпорядкѣ. Это новое пораженіе смирило гордость легіоновъ, и они, казалось, спокойно дожидались, какъ распорядится Сенатъ упразднившимся престоломъ. Сенатъ назначилъ двухъ Императоровъ: младшаго сына Деціева, *Гостиліана*, и любимаго войскомъ генерала, *К. Вибія Галла* (251—253); но такъ какъ Гостиліанъ вскорѣ потомъ умеръ, то Галлъ поставилъ на его мѣсто сына своего *Волузіана*. Новый Императоръ болѣе всего заботился объ освобожденіи Дунайскихъ провинцій отъ побѣдоносныхъ Готѳовъ; но, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать оружіемъ, онъ золотомъ купилъ удаленіе непріятеля и не только оставилъ ему добычу, но и позволилъ взять съ собою плѣнныхъ; въ то же время онъ обѣщалъ имъ ежегодную дань, если они не будутъ безпокоить границъ Имперіи. Такою постыдною политикою онъ раздражилъ противъ себя генераловъ и легіоны, и когда Эмиліанъ, главнокомандующій Паннонской арміи, разбилъ хищническую толпу Готѳовъ и отнятую у нихъ добычу раздѣлилъ между своими солдатами, они провозгласили его Императоромъ. Эмиліанъ тотчасъ пошелъ противъ Италіи и при Сполето встрѣтилъ своего противника; но прежде нежели дѣло дошло до сраженія, Галлъ былъ убитъ, вмѣстѣ съ Волузіаномъ. По смерти его, Эмиліанъ написалъ къ Сенату письмо и объявилъ, что онъ поручаетъ ему все государственное управленіе, а самъ будетъ только его генераломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ онъ въ короткое время обезопасить предѣлы государства, и на востокѣ, и на западѣ. Сенатъ съ благодарностію принялъ его покорность и увѣренія, и какимъ надеждамъ онъ тогда предался, доказываютъ сохранив-

шіяся его монеты, на которыхъ Эмиліанъ представленъ какъ Hercules Victor и Mars Vindex. Но для оправданія сихъ надеждъ, Эмиліану не доставало, если не талантовъ, то по крайней мѣрѣ времени: онъ правилъ не больше четырехъ мѣсяцевъ. Генералъ *И. Лициній Валеріанъ*, посланный Галломъ привести къ нему изъ Галліи на помощь легіоны, пришелъ слишкомъ поздно для спасенія Императора и, по крайней мѣрѣ, рѣшился отмстить за него. Эмиліаново войско стояло еще при Сполето; узнавъ о приближеніи и намѣреніи Валеріана, солдаты, не желая подпасть его гнѣву, умертвили Эмиліана и признали Императоромъ Валеріана.

Валеріанъ (253—260) и принятый имъ въ соправители сынъ его, *Галліенъ* (253—268), вступили на престолъ въ то время, когда враги со всѣхъ сторонъ устремились на Имперію *). Франки прошли чрезъ всю Галлію и Испанію и распространили свои опустошительные набѣги даже до противолежащихъ береговъ Африки. Аллеманы чрезъ Швейцарію и Ретійскія Альпы вторгнулись въ самую Италію и угрожали столицѣ, которая не видала непріятеля подъ стѣнами своими со временъ Аннибала. Еще отважнѣе и баснословнѣе были морскіе походы Готѳовъ. Овладѣвъ Крымомъ, они сперва опустошали оттуда берега Понта Эвксинскаго, потомъ чрезъ Босфоръ и Геллеспонтъ проникли въ Архипелагъ; богатые острова

*) Oros. hist. lib VII. cap. 22: Solvuntur repente permissu Dei adhuc circumpositae relictaeque gentes, laxatisque habenis in omnes Romanorum fines invehuntur. Germani, Alpibus, Rhaetia totaque Illyria penetrata, Ravennam usque perveniunt. Allamanni Gallias pervagantes etiam in Italiam transeunt. Graecia, Macedonia, Pontus, Asia Gothorum inundatione delentur. Nam Dacia trans Danubium in perpetuum aufertur. Quadi et Sarmatae Pannonias depopulantur. Germani ulteriores abrasa potiuntur Hispania. Parthi (i. e. Persae) Mesopotamiam auferunt, Syriam corrodunt. Exstant adhuc per diversas provincias in magnarum urbium ruinis parvae et pauperes sedes, signa miseriarum et nominum indicia servantes, ex quibus nos quoque in Hispania Tarraconem nostram ad consolationem miseriae recentis ostendimus. Et ne quid forte Romani corporis ab hac dilaceratione cessaret, conspirant intrinsecus tyranni, consurgunt bella civilia, funditur ubique sanguis Romanorum, Romanis barbarisque saevientibus.

этого моря и берега Греціи и Малой Азіи много потерпѣли отъ ихъ хищничества и страсти къ разрушенію. Въ одно время съ сими набѣгами сѣверныхъ народовъ, вторгнулся въ Римскія владѣнія Персидскій Царь Сапоръ. Валеріанъ самъ поспѣшилъ на востокъ, а оборону запада предоставилъ сыну своему Галліену. Поставивъ сперва города въ оборонительное положеніе отъ морскихъ нападеній Готѳовъ, онъ пошелъ навстрѣчу Персамъ, а въ 260 г., при Эдессѣ, далъ имъ сраженіе, но былъ разбитъ, и при свиданіи съ Сапоромъ, вѣроломно захваченъ въ плѣнъ. Персидскій Царь гордился тѣмъ, что назначилъ Римской Имперіи Императора, а настоящаго продержалъ въ вѣчномъ плѣну. Нѣкто Циріадъ принялъ отъ него императорскую порфиру и повелъ своего покровителя въ Сирію. Его вторженіе было такъ неожиданно, что онъ напалъ въ расплохъ на Антіохію, въ то время, какъ жители этого города сидѣли въ театрѣ. Оттого Антіохійцы, не думая о защитѣ, оставили городъ на грабежъ и разрушеніе непріятелю. Впрочемъ, Персы не думали утвердиться въ Сиріи, но возвратились съ добычею и плѣнными, предоставивъ Циріада собственной его участи. Разсказываютъ, что Сапоръ обходился съ плѣннымъ Валеріаномъ весьма надменно, что онъ водилъ его всегда за собою въ императорской одеждѣ и въ цѣпяхъ, и, садясь на лошадь, становился ему на спину; говорятъ также, что по смерти Валеріана изъ трупа его сдѣлали мумію и хранили какъ памятникъ побѣды Персовъ надъ Римлянами. Но если въ семъ разсказѣ многое прибавлено и преувеличено, то по крайней мѣрѣ съ достовѣрностью извѣстно, что Валеріанъ всю жизнь свою провелъ въ бѣдственномъ плѣну. Сынъ его Галліенъ нисколько не пытался освободить отца, ни деньгами, ни оружіемъ *). Довольствуясь обороною Италіи, онъ съ трудомъ выходилъ изъ своего бездѣйствія и охотнѣе занимался науками и изящными наслажденіями жизни, нежели дѣлами государственными. От-

*) Галліенъ принялъ извѣстіе о несчастіи своего отца съ такимъ равнодушіемъ, что по словамъ *Trebell. Poll.* vit. Gallien. cap. 17, только сказалъ: scieḃam patrem meum esse mortalem.

того неудивительно, что бразды правленія въ слабой рукѣ Галліена не могли уже поддерживать единства Имперіи, и что явилось столько же Императоровъ, сколько было арміи. Требеллій Полліонъ, написавшій ихъ исторію, силится довести число ихъ до *тридцати*, для того, чтобы доказать справедливость названія *тридцати тирановъ*, которое онъ далъ имъ; но ихъ было не больше двадцати: Цирiадъ, Макріанъ, Баллиста, Оденатъ и Зиновія, на Востокѣ; Постумій, Лолліанъ, Викторинъ съ матерью Викторіею, Маріи и Тетрикъ, въ Галліи; Ингѣнуй, Регилліанъ и Авреолъ, на Дунаѣ; Сатурнинъ, Требелліанъ, Пизонъ и Валентъ, въ Греческихъ провинціяхъ; Эмиліанъ, въ Египтѣ, и Цельзъ, въ Африкѣ. Большая часть сихъ Императоровъ правила не долго; они также насильственно были низвержены, какъ и возвышены. Только исторія Одената и его супруги Зиновіи заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія. Оденатъ былъ княземъ одного Аравійскаго племени, кочевавшаго въ пустынѣ, окружавшей Пальмиру, и вмѣстѣ гражданиномъ этого города, который, со времени основателя своего, Саломона, мало по малу, достигъ самаго цвѣтущаго состоянія и принялъ Греческое образованіе. Положеніе среди пустыни защищало его отъ опустошеній, которымъ такъ часто подвергались Сирія и Палестина, и общественное богатство его выказывалось въ тѣхъ величественныхъ зданіяхъ и храмахъ, которыхъ развалины еще и нынѣ приводятъ путешественниковъ въ изумленіе. Когда побѣдоносные Персы стали угрожать и Пальмирѣ, Оденатъ принялъ на себя защиту города. Предводительствуя Аравитянами, гражданами Пальмиры и остатками разсѣянной Римской арміи, онъ выступилъ навстрѣчу Персамъ и при Эвфратѣ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Съ этого времени онъ принялъ титулъ *Царя Пальмирскаго* и объявилъ супругу свою Зиновію и старшаго сына Ирода соправителями. Войну противъ Персовъ онъ продолжалъ счастливо и дѣятельно и отнялъ у нихъ занятую ими Месопотамію. Такъ какъ въ то же время онъ низвергъ и умертвилъ Баллисту, провозгласившаго себя на Востокѣ Императоромъ, то Галліенъ назначилъ его правителемъ Востока (Dux Orientis) и,

кажется, позволилъ ему принять и императорскій титулъ. Онъ правилъ Востокомъ со славою и счастіемъ до 267 года; но вмѣстѣ съ сыномъ Иродомъ, былъ вѣроломно убитъ, однимъ изъ своихъ родственниковъ, который хотѣлъ отомстить за полученную отъ него обиду. Правленіе приняла, за младшихъ своихъ сыновей, супруга его Зиновія. Римская Имперія, въ правленіе Галліена, представляла странное зрѣлище: похитители верховной власти вели войны между собою и противъ законнаго государя; и то прогоняли варваровъ, то призывали ихъ къ себѣ на помощь. Среди сихъ неустройствъ, Римскій и варварскій міръ пришли въ такое волненіе, что трудно было предвидѣть, когда и въ какомъ видѣ государство выйдетъ изъ сего хаоса. Впрочемъ, всѣ были увѣрены въ томъ, что пока живъ Галліенъ, нечего и думать о возстановленіи единства Имперіи. Оттого лучшіе и преданнѣйшіе ему доселѣ офицеры положили наконецъ умертвить его. Въ 268 г. Дунайскіе легіоны провозгласили Императоромъ своего главнокомандующаго, Авреола, и потребовали, чтобъ онъ повелъ ихъ черезъ Альпы въ Италію. Галліенъ, мало безпокоившійся объ отпаденіи другихъ провинцій, но до сихъ поръ постоянно защищавшій Италію, выступилъ навстрѣчу своему противнику, разбилъ его и принудилъ заключиться въ стѣнахъ Милана. Во время осады сего города префектъ гвардіи Геракліанъ и генералы Марціанъ и Цекропій составили заговоръ на жизнь Императора и привели его въ исполненіе слѣдующимъ образомъ: однажды поздно вечеромъ, въ то время, когда Галліенъ сидѣлъ за столомъ, пронзвели ложную тревогу, подъ предлогомъ, что непріятель сдѣлалъ нечаянную вылазку. Галліенъ тотчасъ выскочилъ изъ за стола, и не надѣвъ вооруженія, не собравъ гвардіи, бросился на копя; въ смятеніи и темнотѣ неизвѣстною рукою ему нанесенъ былъ смертельный ударъ, но передъ кончиною онъ успѣлъ еще назначить преемникомъ лучшаго изъ своихъ генераловъ, *М. Авреліа Клавдія*, и такъ какъ и войско, и Сенатъ подтвердили его выборъ, то Клавдій принялъ правленіе; онъ продолжалъ осаду Милана и принудилъ Авреола къ сдачѣ; сей послѣдній былъ, по тре-

бованію солдатъ, казнепъ. Чтобы представить вполнѣ картину бѣдствій Галліенова времени, должно прибавить къ анархіи, раздиравшей Имперію, продолжительный голодъ, распространившійся по большей части областей; а какъ голодъ рѣдко проходитъ безъ заразы, то къ довершенію несчастій настала моровая язва, опустошившая провинціи, пощаженныя непріятелемъ. Пятнадцать лѣтъ свирѣпствовала она. Въ продолженіе нѣкотораго времени, въ Римѣ умирало ежедневно по 5,000 человѣкъ; въ Александріи вымерла половина народонаселенія, и если изъ сихъ частныхъ примѣровъ судить объ общемъ, то можно, согласно съ Гиббономъ, принять, что въ тѣ немногіе годы война, голодъ и моръ истребили цѣлую половину человѣческаго рода. Впрочемъ, при разсматриваніи сихъ бѣдствій, не должно забывать, что къ распространенію Христіанскаго ученія болѣе всего способствовали несчастія, нужды и гоненія. Времена, подобныя этимъ двадцати бѣдственнымъ годамъ Римской Имперіи, всегда побуждаютъ человѣка углубляться въ самого себя, и гдѣ могъ онъ найти больше утѣшенія, какъ не въ религіи положительной, которая лучше всякой другой учитъ переносить несчастія и возвышаться надъ ними! Оттого не удивительно, что число Христіанъ теперь необыкновенно умножилось, и Христіанская религія проникла во всѣ слои общества *). И если Христіанство не сдѣлалось еще господствующею вѣрою, то только оттого, что армія оставалась еще въ совершенномъ язычествѣ.

Съ *Клавдіемъ* (268 — 270) начинается лучшее время для Римскаго Государства; этимъ оно обязано было способностямъ новаго Императора: онъ показалъ столько примѣровъ справедливости въ управленіи, столько строгости и полководческаго генія въ дѣлахъ воинскихъ, что всѣ писатели Христіанскіе и языческіе, друзья и враги происходившей отъ него Кон-

*) Одинъ изъ отцевъ Церкви *Тертулліанъ* (Apolog. cap. 37) уже въ началѣ 3-го столѣтія могъ воскликнуть къ язычникамъ: Hesterni sumus et vestra omnia implevimus, urbes, insulas, castella, municipia, conciliabula, castra ipsa, tribus, decurias, palatium, senatum. Sola vobis reliquimus templa.

стантиновой фамиліи, воздаютъ ему равную хвалу. Клавдій прежде всего обратилъ оружіе не противъ остававшихся еще хищниковъ верховной власти, но противъ варваровъ. Поразивъ Аллемановъ, онъ пошелъ во Ѳракію, чтобы прекратить наконецъ опустошенія, производимыя Готѳами, которые почти ежегодно повторяли свои хищническіе набѣги, на морѣ и на сушѣ. Разбивъ и уничтоживъ отдѣльныя толпы Готѳовъ, онъ успѣлъ, при Наиссѣ, въ Верхней Мезіи, нанесть имъ рѣшительный ударъ: въ этомъ сраженіи Готѳы были побѣждены и бѣжали на Гемусъ, гдѣ были осаждаемы до тѣхъ поръ, пока недостатки всякаго рода и болѣзни не истребили ихъ совершенно; но эти болѣзни, сдѣлавшіяся столь гибельными для Готѳовъ, сообщились Римскому лагерю, и жертвою ихъ, въ 270 году, былъ самъ Клавдій. Передъ смертью онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ генерала Авреліана, и согласіе арміи подтвердило его выборъ. Братъ Клавдія, Квинтиллъ, принявшій въ Римѣ императорскій титулъ, при извѣстіи о выборѣ Авреліана самъ лишилъ себя жизни.

Л. Домицій Авреліанъ началъ службу съ нижнихъ чиновъ. Онъ былъ сынъ поселянина одной изъ Дунайскихъ провинцій и вступилъ въ армію сперва рядовымъ; проходя всѣ военныя степени, достигъ высшихъ чиновъ. По рекомендаціи Императора Валеріана, онъ былъ усыновленъ Сенаторомъ Ульпіемъ Криспитомъ и женился на его дочери. Вступивъ въ связь съ одною изъ первѣйшихъ Римскихъ фамилій, онъ заставилъ совершенно забыть о своемъ низкомъ происхожденіи, которое уже возвысилъ славою своихъ заслугъ. Авреліанъ довершилъ начатое Клавдіемъ возстановленіе государства. Для сей цѣли, онъ считалъ особенно важнымъ введеніе древней дисциплины и наблюдалъ ее со всею строгостью и даже часто съ жестокостью *). Впрочемъ, онъ самъ подавалъ

*) Авреліанъ писалъ къ одному изъ своихъ генераловъ: Si vis tribunus esse, imo si vis vivere, manus militum contine. Nemo pullum alienum rapiat, ovem nemo contingat. Uvam nullus auferat, segetem nemo deterat, oleum, sal, lignum nemo exigat, annona sua contentus sit. De praeda hostis, non de lacrymis provincialium habeat.

во всемъ примѣръ, и такимъ образомъ, вмѣстѣ со страхомъ, внушилъ солдатамъ уваженіе къ себѣ за свое безпристрастіе, удивленіе къ своимъ способностямъ и любовь за свой воинскій духъ. Во-первыхъ онъ принудилъ Готѳовъ къ твердому и прочному миру. Онъ уступилъ имъ провинцію Дакію по ту сторону Дуная; за то они обязались выставлять въ Римскую армію 2,000 легкой конницы вспомогательнаго войска и прекратить набѣги на Римскія области. Въ обезпеченіе сего договора Готѳскіе князья отдали Императору своихъ сыновей и дочерей, и это обстоятельство много способствовало къ сліянію Римскаго міра съ Германскимъ: молодые Готѳскіе князья воспитывались въ глазахъ Императора, учились Римскимъ наукамъ и искусствамъ и вступали съ Римлянами въ дружескія отношенія, между тѣмъ какъ княжны выходили замужъ за Римскихъ офицеровъ. Эти связи скрѣпляли дружбу и довѣріе обѣихъ націй, и миръ на Дунайской границѣ былъ надолго обезпеченъ. Въ то время, какъ Авреліанъ былъ занятъ на Дунаѣ, Аллеманы вторглись въ Италію. Авреліанъ поспѣшилъ на защиту этой главной страны, но при Плаценціи попалъ въ засаду, поставленную ему непріятелями, и потерялъ значительную часть своего войска. Побѣдоносные Аллеманы устремились на Римъ, но Авреліанъ, употребивъ большія усилія, оправился отъ удара, послѣдовалъ за ними и пораженіемъ въ Умбріи принудилъ ихъ къ отступленію. Аллеманы, проигравъ на пути еще двѣ битвы, купили миръ за условіе не тревожить границъ и доставлять вспомогательное войско. Вторженіе Аллемановъ повергло Римъ въ страшную тревогу. По опредѣленію Сената обратились за совѣтомъ къ сивиллинскимъ книгамъ, и, по указанію ихъ, Римъ съ окрестностями былъ съ мистическими обрядами освященъ жертвами и процессіями. Но благоразумнѣйшіе мало полагались на эти воображаемыя оборонительныя средства и думали объ укрѣпленіяхъ болѣе существенныхъ. Дѣйствительно, положено было укрѣпить Римъ, и начато возведеніе стѣнъ, но, по причинѣ обширности горо-

да, оно окончено только въ правленіе Проба *). По счастливомъ изгнаніи варваровъ и утвержденіи безопасности границъ договорами, Авреліану предстоялъ еще трудный подвигъ—возстановить единство государства. Изъ узурпаторовъ, явившихся въ правленіе Галліена, въ Галліи утвердился *Тетрикъ*, а на востокѣ *Зиновія*. Тетрикъ, которому порфира давно уже сдѣлалась бременемъ, вступилъ съ Авреліаномъ въ тайные переговоры, потому что, страшась своихъ солдатъ, онъ не смѣлъ ни явно сложить императорское достоинство, ни покориться Авреліану. Впрочемъ, онъ сдѣлалъ все возможное для облегченія ему побѣды; но, не смотря на невыгодное положеніе, въ которое онъ поставилъ свое войско при Шалонѣ въ Шампаньи, не смотря на то, что при началѣ битвы самъ перешелъ на сторону Авреліана, его легіоны оказали отчаянное сопротивленіе и не уступили, пока не были побиты до единаго человѣка, не дешево продавъ впрочемъ жизнь свою. Слѣдствіемъ Шалонской побѣды было покореніе Испаніи, Галліи и Британніи. Теперь оставался неприсоединеннымъ одинъ Востокъ, гдѣ царствовала, именемъ обоихъ младшихъ сыновей своихъ, Тимолая и Геренніана, Зиновія и съ твердостію мужа держала бразды правленія. Зиновія славилась своимъ происхожденіемъ отъ Птоломеевъ; она была прекрасна и привлекательна, подобно прабабкѣ своей Клеопатрѣ, только цѣломудреннѣе и предпріимчивѣе ея. Помощникомъ ея былъ Лонгинъ, который, изъ учителя Греческаго языка, сдѣлался первымъ ея министромъ и имѣлъ наибольшее вліяніе на всѣ ея рѣшенія и намѣренія. Онъ вну-

*) Римъ и прежде имѣлъ стѣны, но теперь въ первый разъ былъ огражденъ укрѣпленіями во всемъ своемъ объемѣ, и въ этомъ смыслѣ *Зосимъ* правъ, когда говоритъ: ἐτειχίσθη τότε ἡ Ῥώμη πρότερον ἀτείχιστος οὖσα. (т. е. Римъ, прежде не имѣвши стѣнъ, былъ окруженъ стѣнами). Во времена Тацита ни одному Римлянину не приходило и въ голову, чтобъ варвары когда либо дерзнули осадить на границѣ Римскіе легіоны въ ихъ лагерѣ: neque unquam id malorum exspectabatur, ut oppugnatum ultro legiones nostras venirent; а теперь, едва прошло 200 лѣтъ, Римъ долженъ былъ самъ ограждаться стѣнами и тѣмъ явно сознаться въ упадкѣ государства.

шилъ ей мысль возстановить независимое отъ Рима Греческое царство. Зиновія тогда принадлежали Сирія, Египетъ и часть Малой Азіи, и теперь была самая удобная пора положить конецъ распространенію ея владычества и утвержденію трона, если Римляне не хотѣли навсегда потерять востокъ. Оттого Авреліанъ, какъ скоро присоединилъ отпавшія провинціи на западѣ и привелъ всѣ дѣла въ порядокъ, въ 272 г. отправился съ войскомъ въ Азію. Зиновія сосредоточила свои главныя силы въ Сиріи, и тамъ, при Эмезѣ, произошло рѣшительное сраженіе. Римляне сами считали чудомъ побѣду, одержанную ими здѣсь *). Проигравъ битву, Зиновія возвратилась въ свою столицу Пальмиру; хотя Авреліанъ шелъ за нею по слѣдамъ и заперъ ее въ городѣ, однако она надѣялась тѣмъ легче отразить его, что ожидала помощи отъ Персовъ; по этому, на требованіе Авреліана о сдачѣ, она отвѣчала письмомъ, исполненнымъ самыхъ гордыхъ и оскорбительныхъ для него выраженій. Впрочемъ, кажется, Персы и не думали помогать Зиновіи, или можетъ быть они были заняты своими дѣлами по случаю смерти Сапора въ 271 и его наслѣдника Ормизда въ 272 году. И такъ Зиновія ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ, и когда открывшійся въ Пальмирѣ недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ сдѣлалъ дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ, она оставила городъ и на верблюдѣ бѣжала въ Персію. Она уже была у Эвфрата, когда посланные за нею въ погоню настигли ее и, взявъ въ плѣнъ, отвели въ Римскій лагерь. Послѣ того Пальмирцы отворили Императору ворота и выдали совѣтниковъ и генераловъ своей царицы. Мужество и твердость оставили Зиновію, и предъ строгимъ Авреліаномъ она обнаружила слабость своего пола. Она сложила всю вину на своихъ министровъ, и они, въ томъ числѣ и Лонгинъ, должны были заплатить за это жизнію.

*) *Vopiscus* in Aurelian. cap. 25, приписываетъ побѣду Римлянъ чуду: Quumque Aureliani equites fatigati jam pene discederent ac terga darent, subito *vi numinis*, quod postea proditum, *hortante quadam divina forma*, per pedites etiam equites restituti sunt.

Зиновія сама послѣдовала за Императоромъ въ Римъ, чтобы служить украшеніемъ его тріумфа. Впрочемъ, Авреліанъ не дошелъ еще до Европы, какъ получилъ извѣстіе, что Пальмирцы возмутились снова. Онъ тотчасъ поспѣшилъ назадъ, взялъ городъ приступомъ и въ гнѣвѣ не пощадилъ его отъ ярости солдатъ. Всѣ жители, безъ различія пола и возраста, были побиты, и городъ потерпѣлъ ударъ, отъ котораго уже не оправился. И хотя Авреліанъ сдѣлалъ нужныя распоряженія для возстановленія его, однако время больше благопріятствовало разрушенію, нежели созиданію, и Пальмира мало по малу поникла въ развалины, которыя стоятъ и понынѣ, какъ диво пустыни. Авреліанъ отправился отсюда въ Египетъ, куда, повидимому, бѣжали многіе жители Пальмиры. Какъ бы то ни было, только тамъ открылось возмущеніе, и нѣкто *Фирмъ* былъ провозглашенъ мятежниками Императоромъ. Впрочемъ, Авреліану не стоило большаго труда подавить это возстаніе и возстановить прекращенный подвозъ хлѣба къ Риму *). По возвращеніи изъ Азіи, Авреліанъ торжествовалъ въ 274 году блистательный тріумфъ. Впереди, въ длинной процессіи, передъ глазами жадныхъ до зрѣлищъ Римлянъ, были ведены дикіе звѣри изъ всѣхъ странъ свѣта, потомъ плѣнники въ своей національной одеждѣ, и въ числѣ ихъ Тетрикъ и Зиновія,—послѣдняя въ золотыхъ цѣпяхъ; далѣе везли всякаго рода добычу; за нею на тріумфальной колесницѣ, запряженной четырьмя оленями, слѣдовалъ самъ Авреліанъ; Сенатъ и войско заключали шествіе. Между тѣмъ Императоръ пробылъ въ Римѣ не долго. Онъ чувствовалъ себя предъ Сенатомъ и народомъ не въ своей стихіи: его мѣсто было начальство надъ войскомъ; оттого онъ въ слѣдующую же весну поспѣшилъ занять

*) Замѣчательно письмо, которымъ Императоръ извѣщаетъ Римскій народъ объ этомъ радостномъ событіи. *Vopisc.* in Firm. cap. 5: Nihil est, Romani Quirites, quod timere possitis. Canon Aegypti, qui suspensus per latronem improbum fuerat, integer veniet. Sit vobis cum Senatu concordia, cum equestri ordine amicitia, cum praetorianis affectio. Ego efficiam, ne sit aliqua sollicitudo Romana. *Vacate ludis, vacate circensibus. Nos publicae necessitates teneant, vos occupent voluptates.*

легіоны какою нибудь новою войною. Онъ повелъ ихъ на Востокъ противъ Персовъ, которымъ не было отомщено за пораженіе Валеріана. Онъ дошелъ уже до Византіи и готовился къ переправѣ въ Азію, какъ въ это время открылъ плутовство своего секретаря и съ обыкновенною своею жестокостію пригрозилъ ему наказаніемъ. Зная неизбѣжность своей участи, секретарь видѣлъ, что онъ ничего не потеряетъ, если отважится на самое отчаянное средство для своего спасенія. Искусно подписавшись подъ руку Императора, онъ составилъ списокъ лицъ, будто бы осужденныхъ на смерть, и въ числѣ ихъ помѣстилъ имена первыхъ генераловъ и офицеровъ арміи, которые, узнавъ отъ него о предстоящей имъ опасности, рѣшились предупредить ее и въ Мартѣ 275 г. умертвили Авреліана. Легіоны искренно сожалѣли о потерѣ, хотя и строгаго, но побѣдоноснаго Императора, и особенно, когда былъ обнаруженъ обманъ, котораго онъ сдѣлался жертвою. Секретарь былъ наказанъ, и генералы, допустившіе этому презрѣнному человѣку обмануть себя, изъявили свое раскаяніе тѣмъ, что никто изъ нихъ не домогался порфиры. Изъ сего отношенія проистекло странное обстоятельство: армія подчинилась совершенно волѣ Сената и предоставила ему выборъ новаго Императора изъ своей среды. Сенатъ отказался и возвратилъ право выбора арміи; войско во второй разъ обратилось къ Сенату, и когда тотъ все еще не хотѣлъ согласиться, предложеніе было повторено и отвергнуто съ обѣихъ сторонъ въ третій разъ. Въ сихъ переговорахъ прошло болѣе полугода, и если теперь, когда Имперія была безъ главы, не явилось ни одного узурпатора и не обнаружилось ни одного мятежа, ни вторженія непріятельскаго, то въ этомъ можно видѣть благодѣтельныя слѣдствія строгости Авреліановой. Когда наконецъ 25 Сентября Сенатъ приступилъ къ избранію изъ своей среды Императора, выборъ палъ на 75-тилѣтняго старца, *М. Клавдія Тацита*, неспособнаго къ сему высокому призванію, какъ по своей глубокой старости, такъ и по занятіямъ, которымъ онъ дотолѣ посвящалъ свое время. Тацитъ возвратилъ Сенату нѣкоторыя права, и сенаторы предались самой не-

умѣренной радости о возстановленіи древняго своего значенія *); но надежды ихъ были мечты, которыя чрезъ нѣсколько же мѣсяцевъ разлетѣлись, не оставивъ и слѣда. Тацитъ, по прибытіи къ войску, тотчасъ обнаружилъ свою неспособность внушить въ солдатахъ къ себѣ уваженіе. Онъ умеръ въ шестой мѣсяцъ по принятіи правленія, неизвѣстно, отъ рукъ ли солдатъ, или отъ болѣзни. Войско, стоявшее на Востокѣ, не обращаясь болѣе къ Сенату, провозгласило Императоромъ генерала *М. Аврелія Проба*, между тѣмъ какъ въ Римѣ братъ Тацита, *Флоріанъ*, принялъ императорскій титулъ и былъ признанъ Сенатомъ и Европейскими провинціями. Впрочемъ, прежде нежели дошло до междоусобія, Флоріанъ былъ убитъ своими людьми, и Пробъ одинъ остался Императоромъ. *Пробъ* (276—282), подобно Авреліану, возвысился изъ рядовыхъ и своими военными подвигами прославился во всѣхъ странахъ Имперіи; принимая правленіе, онъ былъ еще въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества; такой человѣкъ, конечно, былъ способнѣе Тацита занимать императорскій тронъ. Онъ открылъ свое правленіе славнымъ подвигомъ — освобожденіемъ Галліи, которая со времени правленія Тацита сдѣлалась добычею Франковъ, Вандаловъ и Бургундцевъ. Не довольствуясь ихъ изгнаніемъ, онъ вознамѣрился напасть на нихъ въ собственной ихъ странѣ и попытаться еще разъ покорить Германію; онъ убѣдился, что не обративъ Германіи въ Римскую провинцію **), нельзя и думать о продолжительномъ спокойствіи границъ. Но это предпріятіе, не удававшееся во времена Августа, теперь было совершенно

*) Вопискъ (vit. Florian. cap. 5) сообщаетъ циркулярное письмо, которымъ Сенатъ извѣщалъ города имперіи, что онъ принялъ опять въ свои руки управленіе государствомъ и выборъ Императоровъ; также нѣсколько частныхъ писемъ, въ которыхъ одинъ сенаторъ высказываетъ другому свою радость о настоящемъ и надежды на будущее: Floret Roma, floret tota respublica. Imperatores damus, principes facimus; possumus et prohibere, qui coepimus facere. Dictum sapienti sat est.

**) Vopiscus (Prob. cap. 14), говоритъ, что Пробъ, изгнавъ Германцевъ изъ Галліи, хотѣлъ ихъ обезоружить; sed visum est, id non posse fieri, nisi si limes Romanus extenderetur *et fieret Germania tota provincia.*

невыполнимо: Римъ потерялъ уже силу и стремленіе къ завоеваніямъ и долженъ былъ только защищаться, и если этого не видно еще изъ цѣлаго хода событій, то попытка Проба показала это самымъ яснымъ образомъ глазамъ всего свѣта. Хотя онъ, въ 277 г., и перешелъ чрезъ Рейнъ, хотя и проникъ во внутренность Германіи, но вскорѣ увидѣлъ невозможность исполненія своего плана и довольствовался проведеніемъ укрѣпленій отъ Регенсбурга на Дунаѣ до Рейна, долженствовавшихъ затруднять вторженія Германцевъ. Въ то же время онъ поселилъ множество плѣнныхъ Германцевъ въ Галліи и другихъ частяхъ Имперіи и принялъ цѣлыя толпы ихъ въ Римское войско. Опасность, которая могла произойти отъ принятія Германскаго элемента въ нѣдра государства, старался онъ отклонить тѣмъ, что размѣстилъ Германскія войска между легіонами *). Такъ же какъ въ Галліи онъ поступилъ и на Дунайской границѣ, населивъ опустѣлыя провинціи Германцами. Но эти мѣры не принесли желанныхъ плодовъ. Германцы, не терпѣвшіе трудовъ и привыкшіе на родинѣ заниматься только войною и звѣриною ловлею, были неспособны къ земледѣлію. Любя свободу и праздность, они часто возмущались, и Пробъ, вмѣсто обезпеченія будущности государства, привилъ къ нему еще новый безпокойный и опасный элементъ. Уже при жизни Проба многіе Германцы оставили свои жилища и старались проложить себѣ обратный путь въ отечество оружіемъ. Даже Франки, поселенные имъ на восточномъ берегу Эвксинскаго Понта, не смотря на дальнее разстояніе и неизвѣстность моря, движимые тоскою по родинѣ, отыскали дорогу къ устью Рейна. Между тѣмъ Императоръ успѣлъ на время водворить тишину на Германскихъ границахъ и оттого могъ итти на Востокъ; тамъ онъ установилъ мирныя отношенія съ Персами; между тѣмъ генералы его отразили отъ Египта племя Негровъ, Блеммійцевъ. Пробъ, возвратившись съ Востока, праздновалъ столь же блистательный тріумфъ какъ и Авреліанъ; только будучи миролюбивѣе его,

*) Онъ обыкновенно говорилъ: Sentiendum esse, non videndum, quum auxiliaribus barbaris Romanus juvatur.

онъ не искалъ новыхъ лавровъ, но старался успокоить государство и уврачевать раны, нанесенныя ему вторженіями непріятелей и похитителями верховной власти. Чтобы не оставлять солдатъ въ бездѣйствіи, онъ сталъ употреблять ихъ для полевыхъ работъ и велѣлъ имъ насадить виноградъ на холмахъ Галліи и Паннониі. Досель воинъ охотно занимался работами, которыя, по видимому, согласовались съ его званіемъ, какъ наприм. проведеніемъ военныхъ дорогъ, построеніемъ укрѣпленій и т. п.; но къ полевымъ работамъ Пробъ употребилъ его въ первый разъ. Не разсчитавъ, сколько можно было ему полагаться на послушаніе солдатъ, онъ былъ такъ неумѣренъ въ своихъ требованіяхъ, что наконецъ вывелъ ихъ изъ терпѣнія. Уже многократныя возмущенія, какъ напримѣръ *Сатурнина* въ Египтѣ, *Боноза* и *Прокула* въ Галліи, обнаружили нѣкоторое непріязненное расположеніе умовъ къ Императору: оно наконецъ выказалось явно въ 282 г., когда онъ собралъ армію на Дунаѣ, чтобы вести ее противъ Персовъ. Но, до выступленія къ походъ, онъ заставилъ солдатъ, по своему обыкновенію, заниматься тяжкими работами; велѣлъ имъ въ странѣ около Спрміума рыть каналы, чтобы осушить болота и тѣмъ сдѣлать землю здоровѣе и способнѣе къ обработыванію. Въ одинъ изъ жаркихъ дней Августа солдаты вдвойнѣ почувствовали непріятность своего положенія и начали громко роптать, что ихъ, какъ преступниковъ, съ неумолимою строгостью употребляютъ на общественныя работы. Когда Пробъ самъ вышелъ къ нимъ и сталъ съ запальчивостью попуждать ихъ, негодованіе превратилось въ явный бунтъ. Они напали на Императора и умертвили его. Это убійство было слѣдствіемъ минутнаго раздраженія; ярость солдатъ прошла тотчасъ по удовлетвореніи и превратилась въ горькое раскаяніе; они жалѣли о своей поспѣшности и, припоминая хорошія качества убитаго Императора, забывали все, что терпѣли отъ его строгости *). Легіоны провозгласили преемникомъ Проба префекта гвардіи, *М. Аврелія Кара.*

*) *Vopisc.* Prob. cap. 21: Postea tamen ingens ei sepulcrum

Каръ (282—283) былъ старикъ, посѣдѣвшій подъ оружіемъ, и имѣлъ двухъ уже взрослыхъ сыновей: старшаго, *Карина*, онъ назначилъ своимъ соправителемъ, съ титуломъ Августа, и послалъ въ Галлію, для защищенія этой страны отъ Германцевъ, а младшаго, *Нумеріана*, сдѣлалъ Цезаремъ и взялъ съ собою на Востокъ, куда въ 283 г. выступилъ противъ Персовъ. Такъ какъ Персы, надъ которыми тогда царствовалъ Барамъ, или Варарамъ II, повидимому, заняты были тогда войною на Индѣйской границѣ, то Каръ, не встрѣчая сопротивленія, проникъ за Тигръ и овладѣлъ городами Ктезифономъ и Селевкіею. Онъ приготовилъ уже все къ дальнѣйшему походу, какъ однажды во время страшной грозы внезапно умеръ *). Онъ былъ нездоровъ и лежалъ въ палаткѣ; такъ какъ она во время грозы вмѣстѣ съ нимъ сгорѣла, то всѣ думали, что онъ убитъ громомъ. Мѣста, пораженныя молніею, по понятіямъ Римлянъ, считались несчастными: оттого солдаты послѣ такого пророческаго событія не хотѣли итти далѣе, и Нумеріанъ, заступившій мѣсто отца, долженъ былъ вести ихъ назадъ. Этотъ государь былъ во всемъ противоположенъ своему брату, и между тѣмъ, какъ Каринъ соединялъ въ себѣ качества Геліогабала и Домиціана, Нумеріанъ обѣщалъ собою втораго Александра Севера. Онъ былъ подобно ему тихъ и кротокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ же изнѣженъ. Персидскій походъ очень вредно подѣйствовалъ на его слабое сложеніе; знойный климатъ такъ разстроилъ его глаза, что онъ не могъ сносить дневнаго свѣта, и оттого на походѣ несли его въ крытыхъ носилкахъ. Префектъ гвардіи, Аррій Аперъ, тесть молодаго Императора, правилъ всѣми дѣлами и ежедневно объявлялъ арміи повелѣнія Императора, который не выходилъ изъ своихъ носилокъ или па-

elatis aggeribus omnes pariter milites fecerunt cum titulo hujusmodi inciso marmori: *Hic Probus imperator et vere probus situs est, victor omnium gentium barbararum, victor etiam tyrannorum.*

*) *Vopisc.* Car. cap. 8: Quum igitur aegrotaret atque in tentorio jaceret, ingenti exorta tempestate, immani corruscatione, immaniori tonitru exanimatus est.

латки. Войско достигло Халкедона; вдругъ распространился слухъ, что Нумеріана нѣтъ больше въ живыхъ, и Аперъ, такъ долго скрывавшій это, тѣмъ самымъ обличилъ себя, какъ виновника его смерти. Солдаты ворвались въ императорскій шатеръ и нашли его трупъ. Аперъ былъ схваченъ и въ цѣпяхъ привлеченъ предъ собравшуюся армію. Тотчасъ составился изъ генераловъ и офицеровъ совѣтъ объ избраніи новаго Императора, и выборъ палъ на *М. Валерія Діоклеціана* (Regens Domesticos). Принявъ предлагаемое ему достоинство и торжественною клятвою оправдавъ себя отъ всякаго участія въ умерщвленіи Нумеріана, Діоклеціанъ велѣлъ привести скованнаго Апера и убилъ его собственною рукою *). Каринъ не призналъ Діоклеціана, и между ними дѣло дошло до междоусобной войны; она продолжалась семь мѣсяцевъ и была рѣшена въ Августѣ 285 г. битвою при Маргѣ, въ Мезіи; хотя Каринъ и одержалъ въ этомъ сраженіи верхъ, но былъ потомъ убитъ однимъ изъ своихъ офицеровъ, котораго сильно оскорбилъ; оттого Діоклеціанъ былъ признанъ Императоромъ обѣими арміями.

Діоклеціанъ понялъ, что настоящій образъ правленія государства нуждается въ перемѣнахъ. Чтобы воспрепятствовать распаденію Имперіи на многія государства, онъ принялъ систему раздѣленія верховной власти между нѣсколькими лицами; самъ Императоръ могъ быть только въ одномъ мѣстѣ, но долженъ былъ въ одно и то же время присутствовать во многихъ мѣстахъ: здѣсь

*) Когда Діоклеціанъ былъ еще простымъ солдатомъ, одна Друида въ Галліи предсказала ему: Imperator eris, quum Aprum occideris. Въ слѣдствіе этого пророчества онъ не пропускалъ ни одного случая убить вепря, но такъ какъ всегда другіе дѣлались Императорами, то онъ, смѣясь надъ собою, говаривалъ: Ego semper apros occido, sed alter semper utitur pulpamento. Поразивъ Апера, какъ убійцу Нумеріана, онъ воскликнулъ: *Tandem Aprum fatalem occidi.*

для отраженія непріятельскаго набѣга, тамъ для обузданія мятежнаго духа легіоновъ и честолюбія генераловъ; оттого Діоклеціанъ рѣшился оставить императорское достоинство единымъ по идеѣ, но въ самомъ дѣлѣ представителями его назначить нѣсколькихъ Императоровъ. Для того, въ 286 году, объявилъ онъ своимъ соправителемъ *М. Валеріана Максиміана*, желая замѣстить особу Императора въ двухъ обширныхъ частяхъ Имперіи, на Востокѣ и на Западѣ. Діоклеціанъ принялъ титулъ *Іовія* (Jovius), а Максиміанъ — *Геркулія* (Herculius), и льстивые панегиристы воспользовались симъ случаемъ, чтобы сказать, что въ то время какъ всевидящее око Юпитера управляетъ ходомъ міра, непобѣдимая десница Геркулеса очищаетъ землю отъ чудовищъ и тирановъ. Но самыя событія скоро опровергли эти ласкательства и показали, что два Императора не въ состояніи нести бремя правленія и защищать границы. Оттого Діоклеціанъ рѣшился удвоить число правителей. Въ 292 г. оба Императора, принявъ сами титулъ Августовъ, избрали себѣ по Цезарю: Діоклеціанъ — *К. Галерія*, а Максиміанъ — *Флавія Констанція Хлора*. Съ той поры, за основаніе новаго правленія принято было, чтобы каждый разъ главами Имперіи и представителями величества императорскаго достоинства были два Августа и два Цезаря; по смерти, или по добровольномъ отреченіи Августовъ, ихъ мѣсто должны были заступать Цезари и потомъ тотчасъ сами избирать и усыновлять себѣ новыхъ Цезарей. Этою системою было отнято у арміи право

избранія Императоровъ, и утвержденъ такой порядокъ престолонаслѣдія, который, повидимому, обѣщалъ государству долгую и счастливую будущность. Новыя формы быстро измѣнили весь бытъ государства; отъ древнихъ основаній остались одни только имена, и Діоклеціанъ довершилъ бы преобразованіе, если бы принялъ за животворный элементъ введеннаго имъ устройства Христіанскую религію; но такъ какъ онъ не только исключилъ ее, но даже старался совсѣмъ уничтожить, то его системѣ не доставало внутренней силы, потребной для продолжительнаго существованія, и она рушилась тотчасъ по отреченіи своего основателя отъ престола.

Четыре правителя раздѣлили между собою провинціи слѣдующимъ образомъ: Діоклеціанъ удержалъ за собою Востокъ, Максиміанъ Италію и Африку съ принадлежащими къ нимъ островами, оба Цезаря приняли въ управленіе пограничныя области: Констанцій—Галлію, Британнію и Испанію, а Галерій—Дунайскія провинціи. Впрочемъ, дѣленіе сіе не препятствовало одному производить судъ и расправу и начальствовать надъ войскомъ въ области другаго. Постановленное однимъ считалось повелѣніемъ всѣхъ четверыхъ, и вообще эти четыре правителя были принимаемы за одно нравственное лице. Дѣйствіе сего новаго учрежденія долженъ былъ прежде всего почувствовать Римъ. Доселѣ онъ считался средоточіемъ Имперіи и столицею Императора, но съ того момента, какъ верховная власть была раздѣлена, онъ потерялъ свое прежнее значеніе. Максиміанъ основалъ свою резиденцію въ Миланѣ, Діоклеціанъ въ Никомедіи, Констанцій въ Трирѣ, и Галерій въ Спрміумѣ. Преторіянцы, все еще имѣвшіе постоянныя квартиры въ Римѣ, съ этого времени сдѣлались безполезны и могли быть только вредны. Діоклеціанъ распустилъ ихъ и на мѣсто ихъ поставилъ въ Римъ

два Иллирійскіе легіона, подъ именемъ Іовіанцевъ и Геркуліанцевъ, не столько для защиты, сколько для сохраненія въ городѣ тишины и порядка. Естественнымъ слѣдствіемъ ниспаденія Рима было совершенное униженіе Сената. Это правительственное мѣсто, бывшее такъ долго источникомъ общественной власти, теперь лишилось всего вліянія и представляло собою одинъ памятникъ древности, только по имени продолжавшій свое существованіе, подобно консульству и другимъ остаткамъ прежняго правленія. Что касается до провинцій, то онѣ только чувствовали тягость налоговъ, которые, по причинѣ усиленія арміи и умноженія числа чиновниковъ, должны были возвыситься *). Дѣйствительно, съ сего времени до паденія Имперіи постоянно слышны жалобы, и упадокъ благосостоянія среднихъ классовъ показываетъ явно, что онѣ были не безъ основанія. Такъ какъ жалобы эти раздавались въ правленіе Императоровъ, имѣвшихъ различный характеръ, то изъ сего видно, что угнетеніе и истощеніе провинцій происходило не отъ личнаго характера монарха, но заключалось въ самой системѣ правленія. Всего разительнѣе обнаруживаются слѣдствія новой системы въ положеніи Императора и въ устройствѣ его двора. Императоръ сложилъ съ себя всѣ доселѣ имъ носимыя республиканскія имена консула, народнаго трибуна и т. п., а удержанный имъ титулъ Императора означалъ уже не начальника надъ войскомъ, но государя Римской Имперіи. Титулъ *Dominus*, который еще прежде давала лесть придворныхъ и который носили нѣкото-

*) Авторъ сочиненія *de mortibus persecutorum*, находящагося въ твореніяхъ Лактанція, изображаетъ это нѣсколько преувеличенно, но въ главныхъ основаніяхъ справедливо. Cap. 7: Adeo major coeperat numerus accipientium, quam dantium, ut enormitate indictionum consumtis viribus colonorum desererentur agri et culturae verterentur in sylvam. Et, ut omnia terrore complerentur, provinciae quoque in frusta concisae, multi praesides et plura officia singulis regionibus et paene jam civitatibus incubare; item rationales multi et vicarii praefectorum, quibus omnibus civiles actus admodum rari, sed condemnationes tantum et proscriptiones frequentes, exactiones rerum innumerabilium, non dicam crebrae sed perpetuae, et in exactionibus injuriae non ferendae.

рые Императоры по гордости, сдѣлался теперь законнымъ, и въ оффиціальныхъ бумагахъ Императоръ значился: *Dominus noster Imperator*; Греки употребляли *Βασιλεὺς*. Пышному титулу соотвѣтствовалъ столь же пышный церемоніялъ, окружавшій блескомъ особу Императора. Діоклеціанъ возложилъ на себя діадему, и въ одеждѣ и устройствѣ двора принялъ за образецъ Персовъ. Само собою разумѣется, что такой благоразумный человѣкъ, какъ Діоклеціанъ, сдѣлалъ это не изъ тщеславія, но что въ основаніи его поступка лежала политическая мысль. Онъ хотѣлъ видимымъ образомъ возвысить въ глазахъ народа императорское достоинство, и какъ скоро однажды былъ составленъ имъ планъ освободить государство отъ владычества солдатъ, то естественно, что онъ старался поставить Императора на такое мѣсто, гдѣ бы онъ былъ безопаснѣе отъ буйнаго своеволія солдатъ, нежели доселѣ. Всего легче можно было достигнуть этого, поставивъ Императора на такую высоту, съ которой онъ заставлялъ бы народъ уважать себя и являлся предъ нимъ въ видѣ какого-то божества. Подобно какъ Августъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ своимъ современникамъ, касательно сущности императорскаго достоинства, такъ поступалъ теперь Діоклеціанъ въ отношеніи къ своимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что тотъ старался скрыть неограниченную власть Императора подъ республиканскими формами, а этотъ напротивъ силился, въ восточныхъ формахъ, выказать ее всему свѣту въ большемъ блескѣ, нежели какъ она была въ дѣйствительности. Доступъ къ особѣ Императора, сдѣлавшейся священною, становился со дня на день труднѣе; входы во дворецъ были строго охраняемы многочисленными, назначенными для разныхъ службъ, толпами придворныхъ, а внутреннія покои ввѣрены были бдительности евнуховъ. Вмѣстѣ со введеніемъ восточнаго двора возникло и распредѣленіе чиновъ по степенямъ, которое отселѣ считалось основнымъ столпомъ государства. *Нравственныя узы, которыя налагали на Императоровъ авторитетъ Сената и еще не совсѣмъ забытое имя республики, пали, и Римское государ-*

ство приняло характеръ и формы восточной деспотіи.

Раздѣленіе верховной власти, не смотря на сопряженныя съ нимъ неудобства, принесло на время пользу въ томъ отношеніи, что узурпаторы были подавлены, и приняты лучшія мѣры для обороны границъ отъ набѣговъ варваровъ. Констанцій опять присоединилъ къ государству Британнію, гдѣ сперва *Каравзій*, и, по умерщвленіи его, *Аллектъ* провозгласили себя Императорами, между тѣмъ какъ въ то же время Діоклеціанъ низвергъ узурпатора, по имени *Ахиллеса*, въ Египтѣ, а Максиміанъ другаго, *Юліана*, въ Африкѣ. Государство снова почувствовало себя безопаснымъ и могущественнымъ, и ораторы того времени съ восторгомъ говорятъ, что междоусобныхъ войнъ должно искать только у народовъ, которымъ не дано въ удѣлъ счастіе быть Римлянами *). Римляне показали свое превосходство также и противъ Персовъ, когда вступили съ ними въ войну за занятіе Армянскаго престола. Уже во время существованія Парѳянскаго царства, Арменія была яблокомъ раздора между Римлянами и Парѳянами. Персидское царство, занявъ мѣсто Парѳянскаго, возобновило притязанія его на Арменію. Покровительствуемый Римлянами претендентъ на Армянскую корону, Тиридатъ, былъ вытѣсненъ, но съ помощію Римлянъ воротился и, пользуясь внутренними раздорами Персовъ, держался нѣкоторое время спокойно. Но когда Нарзесъ, какъ называютъ его Греки, въ 293 г., соединилъ все царство подъ своимъ скипетромъ, Тиридатъ снова былъ выгнанъ. Діоклеціанъ

*) Ruunt omnes in sanguinem suum populi, quibus non contigit esse Romanis. Эти ораторы, извѣстные подъ именемъ *Panegyrici veteres*, были большею частію профессорами краснорѣчія въ Галльскихъ училищахъ и говорили свои похвальныя рѣчи или въ присутствіи Императоровъ, или въ особенно торжественные дни, при многочисленномъ собраніи. Они обнимаютъ время отъ Діоклеціана до Ѳеодосія Великаго. И не смотря на то, что въ рѣчахъ ихъ съ высокопарностью выраженій соединены величайшее преувеличеніе событій и самая низкая лесть, мы должны обращаться и къ нимъ для извлеченія изъ этого моря надутыхъ фразъ, хотя нѣсколькихъ чертъ, поясняющихъ Исторію.

счелъ постыднымъ оставить Римскаго кліента безъ помощи. Онъ вызвалъ съ Дуная на Востокъ Цезаря Галерія, и хотѣлъ, по присоединеніи къ нему Египетской арміи, совокупными силами напасть на непріятеля. Но Галерій не дождался его. Не смотря на малочисленность своей конницы, онъ пошелъ одинъ противъ непріятеля и отправился по той самой дорогѣ, по которой нѣкогда шелъ противъ Парѳянъ Крассъ. Онъ имѣлъ почти одинаковую съ нимъ участь. Будучи запертъ между Каллиникомъ и Каррами, онъ успѣлъ спастись только съ большою потерею. Діоклеціанъ холодно принялъ Цезаря, погубившаго своею безразсудною горячностью Римское войско, и въ наказаніе за опрометчивость далъ ему торжественный выговоръ. Галерій напрягъ теперь всѣ силы, чтобы смыть съ себя это пятно. Собравъ на Дунаѣ новую армію, онъ опять прибылъ на Востокъ, въ 297 году, и теперь направилъ путь чрезъ Арменію, между тѣмъ, какъ Діоклеціанъ выставилъ обсерваціонный корпусъ на Эвфратѣ и такимъ образомъ раздѣлилъ силы непріятеля. Потерпѣвъ за опрометчивость въ первый походъ пораженіе, теперь Галерій своею предусмотрительностью выигралъ побѣду. Онъ самъ прокрался шпіономъ въ непріятельскій станъ, и, составивъ планъ къ нападенію, такъ искусно привелъ его въ исполненіе, что овладѣлъ Персидскимъ лагеремъ со всѣми находившимися въ немъ сокровищами и царскимъ гаремомъ: самъ Нарзесъ, будучи раненъ, съ трудомъ спасся отъ плѣна. Слѣдствіемъ сей побѣды былъ благоразумный миръ. Пылкій Галерій хотѣлъ было воспользоваться побѣдою для покоренія всей Персіи, но Діоклеціанъ удовольствовался только нѣкоторыми уступками со стороны Персидскаго монарха. Само собою разумѣется, что спорная Арменія была въ числѣ ихъ, и что Персы должны были отказаться отъ своихъ притязаній на Месопотамію. Границы между обѣими державами были прочно утверждены, и Діоклеціанъ построилъ на нихъ военныя укрѣпленія. Теперь, по обезпеченіи границъ отъ непріятелей и по низверженіи похитителей престола, Діоклеціану казалось, что для совершеннаго возстановленія единства государства недостаетъ только одного — истре-

бленія Христіанъ. Впрочемъ, изъ осторожности, онъ долго опасался раздражить многочисленную партію Христіанъ, которую онъ ненавидѣлъ и которой боялся. Только мало по малу переходилъ онъ къ мѣрамъ болѣе строгимъ и наконецъ началъ уже рѣшительное ихъ преслѣдованіе. Въ 302 году вышелъ эдиктъ, долженствовавшій, повидимому, положить конецъ Христіанской религіи: онъ былъ не столько направленъ противъ личности Христіанъ, сколько противъ отправленія богослуженія. Имъ повелѣвалось разрушеніе Христіанскихъ церквей во всей Римской Имперіи, и подъ смертною казнію запрещались тайныя собранія, для какой бы то ни было религіозной цѣли; имущества Христіанскихъ церквей предписано отобрать и продать съ публичнаго торга, а священныя книги Христіанской религіи сжечь. Наконецъ эдиктомъ постановлено считать Христіанъ неспособными къ занятію должностей и къ защищенію своихъ правъ предъ судомъ. Волненіе, произведенное симъ эдиктомъ, и встрѣченное Императоромъ сопротивленіе побудили его во второмъ эдиктѣ предписать начальникамъ городовъ строжайшія мѣры для обращенія Христіанъ силою въ язычество; въ слѣдствіе чего повсюду открылось гоненіе, но вмѣсто того, чтобъ погубить Христіанскую религію, оно, немного лѣтъ спустя, открыло ей путь къ владычеству *). Во второй годъ гоненія на Христіанъ, оба Августа торжествовали свои побѣды блистательнымъ тріумфальнымъ въѣздомъ въ Римъ. Этотъ тріумфъ замѣчателенъ какъ послѣдній, который видѣлъ Римъ. Діоклеціану, привыкшему въ присутствіи своемъ къ торжественному молчанію и нѣмому повиновенію восточныхъ подданныхъ, не понравился свободный языкъ Римлянъ: громкія укоризны, встрѣченныя имъ здѣсь, и нецеремонное обхожденіе Римлянъ показались ему такъ

*) При исполненіи этого эдикта Констанцій отличался особенною снисходительностью; авторъ сочиненія de mort. persecutorum, отзывается объ немъ съ похвалою: Nam Constantius, ne dissentire a majorum praeceptis videretur, conventicula, id est parietes, qui restitui poterant, dirui passus est, verum autem Dei templum, quod est in hominibus, incolume servavit.

нестерпимы, что онъ въ самую дурную погоду оставилъ Римъ и удалился въ Равенну, отличавшуюся нездоровымъ климатомъ. Болѣзнь, постигшая его здѣсь, еще болѣе усилилась во время продолжительнаго и труднаго путешествія сухимъ путемъ въ Никомедію. Почти цѣлый годъ онъ находился въ такомъ опасномъ положеніи, что нѣсколько разъ распространяли извѣстіе о его смерти. Даже по выздоровленіи иногда обнаруживались въ немъ слѣды душевнаго разслабленія; оттого Діоклеціанъ, чувствуя себя болѣе неспособнымъ къ правленію, рѣшился оставить тронъ. Что Діоклеціанъ сдѣлалъ добровольно, на то товарищъ его, Максиміанъ, согласился по принужденію. Оба Августа, въ Маѣ 305 года, въ одинъ день сложили съ себя достоинство: впрочемъ, они удержали за собою значительныя помѣстья и доходы. Діоклеціанъ удалился на свою родину въ Далмацію, гдѣ, въ окрестностяхъ Салоны, отличающихся прекраснымъ мѣстоположеніемъ, построилъ дворецъ, который послужилъ основаніемъ нынѣшнему Спалатро. Здѣсь прожилъ онъ еще девять лѣтъ, занимаясь садоводствомъ, и наслажденія сельской жизни были для него такъ пріятны, что онъ отвергъ всѣ просьбы снова принять правленіе: напротивъ Максиміанъ, избравшій себѣ мѣстопребываніе въ южной Италіи, не такъ доволенъ былъ частною жизнію и въ открывшихся теперь безпорядкахъ снова явился дѣйствующимъ лицемъ.

Какъ ни искусно была придумана Діоклеціанова система для отвращенія безпокойствъ, грозившихъ извнѣ, но въ ней самой заключался опасный врагъ — несогласіе правителей, которое не замедлило обнаружиться. Естественно, что оттого рушилась система, основанная на безусловномъ согласіи государей, и прежнія неустройства съ большею силою возобновились въ государствѣ. Соединеніе всей Имперіи подъ однимъ скипетромъ сдѣлалось теперь единственнымъ сред-

ствомъ къ возстановленію спокойствія, и это совершилъ сынъ Констанція, *Константинъ Великій*. Этимъ преимущественно обязанъ онъ тому, что успѣлъ привлечь на свою сторону Христіанъ, и взялся за ихъ дѣло, какъ за свое собственное. *Такимъ образомъ изъ хаоса политическихъ неустройствъ, которымъ снова должна была подвергнуться Римская Имперія, Христіанская религія вышла побѣдоносною и господствующею, и возвышеніемъ ея преобразованіе, начатое Діоклеціаномъ, было довершено окончательно.*

На упраздненныя мѣста Августовъ вступили доселѣ бывшіе Цезари, Констанцій и Галерій, и теперь надлежало назначить двухъ новыхъ Цезарей. Всего естественнѣе было бы облечь симъ достоинствомъ сына Констанціева, *Константина*, и сына Максиміанова, *Максенція*, но Галерій склонилъ выборъ на двухъ своихъ друзей и ратныхъ сподвижниковъ, *Флавія Севера* и *К. Максимина*, и Констанцій, для избѣжанія споровъ, согласился на это. Новые Цезари получили себѣ въ удѣлъ: Северъ — Италію, а Максиминъ—Египетъ и Сирію. Юный Константинъ*), воспитывавшійся при дворѣ Діоклеціана, и занимавшій на Востокѣ одно изъ высшихъ офицерскихъ мѣстъ, будучи обойденъ при выборѣ, не только оскорбился этимъ, но даже страшился за личную свою безопасность и искалъ случая оттуда удалиться. Онъ выпросилъ себѣ у Галерія позволеніе сопровождать своего отца въ походѣ, предпринятомъ въ 306 г. противъ жителей гористой Шотландіи, и тотчасъ по полученіи его отправился съ величайшею поспѣшностію изъ Никомедіи въ Галлію, гдѣ нашелъ Констанція совсѣмъ готовымъ къ отплытію. Онъ прибылъ очень кстати, потому что лѣтомъ въ 306 году отецъ

*) Мы имѣемъ о немъ превосходную монографію: Leben Constantins des Großen von Manso.

его умеръ въ Іоркѣ, и этотъ случай, который могъ при Галеріи сдѣлаться ему гибельнымъ, теперь открылъ ему дорогу къ власти. Армія провозгласила сына умершаго Августа его преемникомъ, и Константинъ, послѣ немногихъ отговорокъ, которыя должны были извинить его въ глазахъ Галеріи, согласился. При извѣстіи о семъ происшествіи, Галеріи сперва пришелъ въ бѣшенство, но потомъ, когда страсть уступила спокойному размышленію, онъ, не порицая и не одобряя выбора солдатъ, назначилъ Константина Цезаремъ на мѣсто Севера, получившаго достоинство Августа. Хотя такимъ образомъ Діоклеціанова система, повидимому, и была спасена, однако вмѣшательство солдатъ нанесло ей смертельный ударъ. Едва солдаты возобновили провозглашеніемъ Константина свое старое право, какъ вслѣдъ за этимъ граждане Рима и остатки преторіянцевъ стали стараться о возвращеніи своего еще старѣйшаго права на избраніе Императоровъ. Северъ хотѣлъ распространить одинъ весьма возвышенный Галеріемъ налогъ на свободные отъ податей города, и именно на Римъ. Римляне доселѣ все сносили, но когда, по повелѣнію прежняго Иллирійскаго поселянина, ихъ стали пересчитывать какъ стадо и вздумали унизить міродержавный городъ до степени податныхъ, озлобленіе народа обнаружилось явнымъ бунтомъ. Остатки преторіянцевъ пристали къ мятежникамъ, и Максенцій, сынъ Максиміана, жившій недалеко отъ Рима, склонилъ ихъ провозгласить его Императоромъ (въ Окт. 306 г.). Максиміанъ отказался отъ власти неохотно и давно скучалъ своею жизнію въ Луканіи; посему слѣдствіемъ возвышенія сына его было то, что онъ самъ прибылъ въ Римъ и также опять облекся въ порфиру. Приверженцы Максенція надѣялись дѣйствовать посредствомъ прежняго Императора на войско, и въ самомъ дѣлѣ, когда Северъ двинулся съ частію войска къ Риму для подавленія мятежа, ветераны перешли на сторону Максиміана, и Северъ, съ немногими вѣрными, бѣжалъ въ Равенну. Хотя городъ сей былъ по своему положенію довольно крѣпокъ и могъ удержаться до прибытія Галеріи, однако Северъ былъ такъ напуганъ измѣною солдатъ, что сдался, на усло-

він чтобъ ему сохранили жизнь. Но только что Максиміанъ захватилъ его въ свои руки, то и велѣлъ сказать ему, что если онъ не хочетъ подвергнуться насилію, то пусть самъ себя добровольно лишитъ жизни. Северъ пожелалъ, чтобъ ему пустили изъ жилъ кровь. Тогда Максиміанъ и Максенцій сдѣлались господами Италіи, но имъ надлежало защитить ее отъ Галерія, который шелъ уже съ сильнымъ войскомъ. Чтобы укрѣпиться противъ него, они искали союза съ Константиномъ, и для заключенія его Максиміанъ ѣздилъ въ Галлію. Константинъ не отказался отъ соединенія, женился на Максиміановой дочери, Фаустѣ, и принялъ титулъ Августа, но удержался отъ дѣятельнаго участія въ сей борьбѣ и берегъ свои силы для благопріятнѣйшаго времени. Походъ Галерія на Италію былъ вовсе неудаченъ; страшась быть оставленнымъ и выданнымъ своими солдатами и подвергнуться одинакой участи съ Северомъ, Галерій выступилъ поспѣшно изъ Италіи въ Дунайскія провинціи. Здѣсь, на мѣсто Севера, онъ назначилъ Августомъ своего военнаго товарища *Лицинія*, такъ, что Римская Имперія имѣла теперь шесть Императоровъ, изъ коихъ трое господствовали на Востокѣ и трое на Западѣ. Впрочемъ, число ихъ скоро опять уменьшилось до четырехъ: Максиміанъ, разсорившись съ сыномъ, бѣжалъ къ зятю своему Константину и былъ имъ въ 310 г. умерщвленъ; въ слѣдующемъ году умеръ въ Мезійскомъ городѣ Сардикѣ Галерій; послѣ него Максиминъ принялъ титулъ Августа и запялъ всѣ Галеріевы провинціи на Востокѣ. Такимъ образомъ Римская Имперія находилась снова подъ правленіемъ четырехъ Императовъ и почти въ томъ самомъ видѣ, какой далъ ей Діоклеціанъ при первомъ своемъ дѣленіи: не доставало только согласія прежнихъ государей. Напротивъ того, настоящіе правители были такъ недружны между собою, что вражда ихъ должна была обнаружиться. Въ такомъ положеніи дѣлъ больше всѣхъ могъ надѣяться на успѣхъ тотъ, кто склонитъ на свою сторону Христіанъ, и ни одинъ изъ четырехъ государей не имѣлъ столько правъ на довѣренность Христіанъ, какъ Константинъ, который обходился съ ними съ тою же снис-

ходительностью, какъ и его отецъ, и котораго мать, Елена, была ревностная Христіанка. Борьбу началъ Максенцій: слишкомъ полагаясь на многочисленность своихъ войскъ, онъ, подъ предлогомъ отмщенія за смерть отца, объявилъ Константину войну. Съ этого мгновенія образовались двѣ партіи: Максенцій соединился съ Максиміномъ, а Константинъ съ Лициніемъ. Но Максенцій никогда не предводительствовалъ войскомъ и всю прелесть власти полагалъ въ роскошныхъ удовольствіяхъ; напротивъ того жизнь Константина протекла въ постоянномъ напряженіи и дѣятельности, и когда между ними дошло дѣло до войны, можно было предвидѣть, чѣмъ она кончится. Не смотря на превосходство силъ своего противника, Константинъ предупредилъ его и въ 312 году явился въ Италіи; одержавъ побѣду при Туринѣ, онъ овладѣлъ всею Верхнею Италіею. Максенцій собралъ многочисленное войско около Рима, и Константинъ пошелъ противъ него туда. Передъ сраженіемъ, рѣшившимъ здѣсь, въ Окт. 312 г., войну, Константинъ велѣлъ поставить на императорскихъ знаменахъ крестъ, какъ символъ побѣды, и именемъ Христа украсить щиты *). Константиновы солдаты были большею частію Христіане, и мысль, что теперь въ первый разъ они сражаются въ открытомъ полѣ за славу и честь религіи, за которую доселѣ проливали свою кровь только какъ мученики, должна была довести энтузіасмъ ихъ до высочайшей степени. По этому сраже-

*) Константинъ въ послѣдствіи объявилъ, что видѣлъ въ облакахъ крестъ съ надписью вокругъ: hoc signo vinces. По словамъ Лактанція, крестъ представился ему знаменіемъ побѣды въ сновидѣніи: Commonitus est in quiete Constantinus, ut coeleste signum Dei notaret in scutis atque ita proelium committeret. Facit, ut jussus est, et transversa X litera summo capite circumflexo Christum in scutis notat. Чтобы уразумѣть, какую великую перемѣну въ понятіяхъ предполагаетъ возвышеніе креста на знаменахъ, должно знать, что крестъ, какъ орудіе казни рабовъ, возбуждалъ въ Римлянахъ только мысль о преступленіи и позорѣ. Цицеронъ въ рѣчи за Рабирія восклицаетъ: Nomen ipsum crucis absit non modo a corpore civium Romanorum, sed etiam a cogitatione, oculis, auribus. И этотъ столь презираемый крестъ сдѣлался теперь украшеніемъ знаменъ Римскихъ легіоновъ!

ніе при Мильвійскомъ Мосту, близъ Рима, есть одно изъ тѣхъ всемірныхъ событій, которыя должно считать началомъ совершенно новыхъ отношеній. Это была не борьба двухъ Императоровъ о власти, но борьба новой религіи съ старою: въ виду Капитолія, гдѣ, въ продолженіе столькихъ столѣтій, стоялъ тронъ Юпитера, возвысился противъ орла крестъ, и побѣда, одержанная здѣсь Константиномъ, есть великій шагъ въ развитіи человѣчества: потому что орелъ былъ низложенъ, и на стѣнахъ Капитолія водруженъ торжествующій крестъ. Максенцій погибъ въ бѣгствѣ: въ тѣснотѣ онъ былъ бѣгущими столкнутъ съ Мильвійскаго Моста въ Тибръ и въ немъ утонулъ. Трупъ его нашли уже на другой день, и отрубленная голова его украсила вступленіе Константина въ Римъ. Лициній, бывшій въ этой войнѣ союзникомъ Константина и женившійся на сестрѣ его Констанціи, съ такимъ же успѣхомъ кончилъ войну въ слѣдующемъ году съ Максиминомъ. И онъ также воспользовался энтузіасмомъ Христіанъ. Удивительно, съ какою быстротою распространяется развитіе идей, когда онѣ къ тому уже созрѣли. За одиннадцать лѣтъ предъ симъ Императоры хотѣли эдиктомъ подавить Христіанскую религію, а теперь ихъ легіоны украшаются ея символами, молятся ея словами и приписываютъ свою побѣду божескому чуду, а не своему мужеству! Потерпѣвъ при Адріанополѣ пораженіе и отчаявшись въ возможности удержаться противъ своего соперника, Максиминъ принялъ ядъ въ Іюлѣ 313 г. Его семейство постигла печальная участь: по повелѣнію Лициніи, жена его была утоплена въ рѣкѣ Оронтѣ, сынъ убитъ и родственники преслѣдуемы. Въ то же время лишены жизни и всѣ остававшіеся еще въ живыхъ родственники прежнихъ Императоровъ, какъ-то: дѣти Галерія и Севера, дочь и вдова Діоклеціана. Римская Имперія была раздѣлена теперь между двумя Императорами, которые впрочемъ вовсе не имѣли желанія назначеніемъ новыхъ Цезарей возобновить систему Діоклеціана, но каждый изъ нихъ явно стремился къ возстановленію единства государства подъ своимъ скипетромъ. При такихъ отношеніяхъ Императоровъ другъ къ другу, не могло быть

недостатка въ столкновеніяхъ, а слѣдовательно и въ поводахъ къ войнѣ, какъ скоро ея ищутъ. Уже въ 314 г. дошло между ними до враждебныхъ дѣйствій. Окт. 8-го, 314 г., при Цибалисѣ, недалеко отъ впаденія Дравы въ Дунай, они вступили въ битву; хотя Лициній и былъ разбитъ, но онъ собралъ во Ѳракіи новое войско и при Мардіи далъ своему противнику второе сраженіе, которое было однако же нерѣшительно: хотя Константинъ и удержалъ за собою поле битвы, однако потерпѣлъ самъ весьма значительный уронъ. Оттого онъ счелъ за лучшее вступить въ мирные переговоры, которые гордо отвергъ передъ сраженіемъ. А какъ необходимъ былъ миръ для Лицинія, это видно изъ сдѣланныхъ имъ пожертвованій: онъ уступилъ побѣдителю Грецію, Македонію, Иллирію, Паннонію и Западную Мезію. Такимъ образомъ Константинъ соединилъ подъ своею властію большую и сильнѣйшую часть Имперіи, и между тѣмъ, какъ Лициній угнеталъ своихъ подданныхъ, преслѣдовалъ Христіанъ и прибѣгалъ ко всякимъ мѣрамъ для собранія денегъ, Константинъ дѣйствовалъ то какъ полководецъ, то какъ законодатель, и всегда къ пользѣ подданныхъ; слѣдовательно, съ матеріяльнымъ превосходствомъ надъ своимъ противникомъ соединилъ еще превосходство нравственное. И такъ, когда чрезъ восемь лѣтъ между ними снова открылась война, то она рѣшилась въ пользу Константина. Сухопутное войско Лициніево было разбито при Адріанополѣ въ Іюлѣ 323 г., и частію отъ бурь, частію отъ нападеній непріятелей погибъ и флотъ. Лицинію оставалось только искать защиты и средствъ къ сопротивленію въ Азіи; но побѣдитель съ энергіею и быстротою, дѣлавшими безполезнымъ всякое сопротивленіе, преслѣдовалъ его и тамъ. Потерпѣвъ пораженіе при Хризополѣ въ 324 г., Лициній могъ надѣяться только на милость и великодушіе соперника. По ходатайству его супруги, ему была обѣщана жизнь, съ условіемъ отказаться отъ власти; но Константинъ нарушилъ слово и велѣлъ въ слѣдующемъ году умертвить его вмѣстѣ съ сыномъ Лициніаномъ.

„Государство, снова соединенное подъ властію Константина Великаго, явилось совершенно преобразованнымъ во внутреннемъ своемъ составѣ. Хотя Діоклеціанова мысль о раздѣленіи верховной власти и не исполнилась, однако это не воспрепятствовало развитію всѣхъ прочихъ элементовъ его системы. Проистекшее изъ нея новое раздѣленіе провинцій, умноженіе чиновниковъ и отдѣленіе гражданской власти отъ военной дали государству видъ совершенно отличный отъ прежняго. Если бы только однѣ формы правленія могли доставить государству благоденствіе, то какъ счастлива должна бы быть съ этого времени Римская Имперія, въ которой для каждой государственной потребности существовала особая должность и множество чиновниковъ? Но вмѣсто того, чтобъ укрѣпить силы государства, такое управленіе, съ постоянно возрастающимъ числомъ должностныхъ лицъ, истощало ихъ, и вело только къ увеличенію налоговъ, сдѣлавшихся наконецъ для подданныхъ неуплатимыми.

Вся Имперія раздѣлялась на четыре префектуры. Первая, *Praefectura Orientis*, заключала въ себѣ всѣ Азіятскія провинціи, Египетъ, Оракію и Мезію до Гемуса и дѣлилась на *пять діокезовъ* и 48 *провинцій*. Вторая, *Praefectura Illyrici*, подраздѣлялась на *два діокеза* и *одинадцать провинцій*, и къ ней принадлежали всѣ прибрежныя страны Эгейскаго и Іонійскаго Морей съ землями при-Дунайскими. Третья, *Praefectura Italiae*, имѣла *три діокеза* и *двадцать девять провинцій*. Она состояла изъ Италіи съ островами и изъ Африки. Четвертая, *Praefectura Galliarum*, также дѣлилась на *три діокеза* и *двадцать девять провинцій* и заключала въ себѣ Галлію, Испанію и Британнію. Главою префектуры былъ praefectus praetorio, кото-

рый впрочемъ вовсе не имѣлъ уже военной власти, но былъ только главнымъ судьею, управлялъ финансами и завѣдывалъ полиціею. Ему подчинены были vicarii, или представители отдѣльныхъ діокезовъ префектуры, а провинціями, на которыя дѣлился каждый діокезъ, управляли, въ зависимости отъ викаріевъ, rectores provinciarum. Только объ столицы Имперіи, прежняя—Римъ и новая—Константинополь, имѣли своихъ особенныхъ префектовъ. Низшихъ чиновниковъ, которыхъ было множество и съ разными наименованіями, можно раздѣлить на три класса: одни служили по части судебной, другіе занимались сборомъ податей, третьи заготовленіемъ государственныхъ бумагъ; ихъ положеніе было въ точности опредѣлено и степень въ іерархіи чиновниковъ означена извѣстнымъ титуломъ *). Начальство надъ войскомъ было совершенно отдѣлено отъ гражданской власти, и въ этомъ видна политическая мысль, служащая основаніемъ всей системѣ. Прежніе намѣстники провинцій соединяли съ гражданскимъ управленіемъ начальство надъ войскомъ; но ввѣренную имъ силу они часто употребляли во зло для похищенія верховной власти; доказательствомъ тому служитъ множество узурпаторовъ, являвшихся со временъ Коммода. Это привело къ мысли утвердить могущество и безопасность Императора на ослабленіи власти чиновниковъ, и отдѣленіемъ гражданской власти отъ военной уравновѣсить ихъ одну другою. И такъ, правители провинцій вовсе не имѣли военной власти, для которой поставлены были два новые военачальника, *magister peditum* и *magister equitum*. Подъ ихъ начальствомъ находились 35 генераловъ, которые распредѣлены

*) Эти титулы были: 1) Nobilissimi; 2) Illustres; 3) Spectabiles; 4) Clarissimi; 5) Perfectissimi; 6) Egregii. Самое лучшее свѣдѣніе о цѣломъ составѣ чиновниковъ можно найти въ *Notitia dignitatum utriusque imperii*, cum commentar. Gu. Panciroli, in Graevii thes. antiqq. Rom. Tom. VII. p. 1309. Это важное сочиненіе вышло, стараніями Ed. Boecking'a, въ новомъ изданіи подъ заглавіемъ: Notitia dignitatum et administrationum omnium in partibus orientis et occidentis. Bonnae, 1839—41. Извлеченіе изъ него находится у *Guizot*, Cours d'histoire moderne, Tom. III, p. 213.

были по областямъ слѣдующимъ образомъ: три генерала командовали войскомъ въ Британніи, шесть въ Галліи, одинъ въ Испаніи, одинъ въ Италіи, пять въ верхне-Дунайскихъ и четыре въ нижне-Дунайскихъ провинціяхъ, восемь въ Азіи, три въ Египтѣ, четыре въ Африкѣ. Они назывались *duces* или *comites*, и получали, сообразно съ своимъ знатнымъ чиномъ, столь большое жалованье, что могли содержать до 200 человѣкъ прислуги и до 150 лошадей. Самый высшій кругъ сановниковъ составляли приближенные Императора или императорскій Дворъ. Первый придворный чиновникъ былъ *praepositus sacri cubiculi* или оберъ-каммергеръ, которому было подчинено множество постельничихъ, пажей, силенціаріевъ, словомъ все, что должно было служить потребностямъ и роскоши императорской фамиліи. Вторую высшую должность при дворѣ занималъ *magister officiorum*: онъ начальствовалъ надъ гвардіею и служилъ Императору посредникомъ для всѣхъ, не имѣвшихъ права входа ко Двору. Третій высшій чиновникъ при Дворѣ былъ *quaestor*, который завѣдывалъ не финансами, какъ во времена Республики, но заготовленіемъ всѣхъ распоряженій, выходившихъ изъ императорскаго кабинета. Мѣсто же министра финансовъ отправлялъ четвертый высшій чиновникъ Двора, *comes sacrarum largitionum*: онъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи государственные доходы, между тѣмъ, какъ для удѣльныхъ или частныхъ доходовъ Императора поставленъ былъ пятый придворный чиновникъ, *comes rerum privatarum divinae domus*. Эти пять придворныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ другими сановниками составляли въ то же время *consistorium principis* или государственный совѣтъ. Естественнымъ слѣдствіемъ умноженія чиновниковъ и увеличенія придворнаго штата было возвышеніе налоговъ. Установленіе податей составило теперь особую науку и было опредѣлено съ большою послѣдовательностью. Три предмета были обложены податью: голова, недвижимое имѣніе и ремесло. Поголовная подать была собираема, смотря по имуществу, и между тѣмъ, какъ трое или четверо бѣдныхъ платили сколько слѣдовало съ одной головы, богатый долженъ былъ платить, какъ будто у него были

три или четыре головы *). Подать съ недвижимаго имѣнія была собираема съ такою точностью, что сдѣлалась хронологическою эрою. Она называлась *indictio* отъ подписаннаго Императоромъ пурпуровыми чернилами повелѣнія, въ которомъ время собранія этой подати опредѣлено чрезъ каждыя 15 лѣтъ. Этотъ налогъ касался небольшой и, при тогдашнихъ отношеніяхъ сословій, богатѣйшей части подданныхъ, другихъ же можно было только обложить податью на ихъ ремесло. Это дѣлалось посредствомъ такъ называемаго *chrysargyrum*, или *collatio auri lustralis*. Всѣ торговые люди, ремесленники, даже самыя постыдныя и грязныя ремесла были обложены податью. Сюда принадлежитъ множество другихъ налоговъ, какъ-то: содержаніе почтъ, попеченіе о проѣзжающихъ съ императорскими письмами и продовольствіе солдатъ во время похода. Наконецъ, подданные должны были платить еще одну подать, которой начало положено было уже во времена Республики и которая удержала свое прежнее имя *coronarum aurum*, только получила другой характеръ. Первоначально это былъ добровольный даръ, которымъ покоренные или союзные города привѣтствовали Республику при какомъ либо счастливомъ событіи; онъ состоялъ обыкновенно изъ золотыхъ вѣнцевъ, которые потомъ были полагаемы въ храмѣ Юпитера. При Императорахъ дары сіи получили другое значеніе: при восшествіи Императора на престолъ, провинціи привѣтствовали его не только словами, но также и золотыми вѣнцами; обычай сдѣлался закономъ, такъ что при каждомъ важномъ событіи въ императорской фамиліи, какъ рожденіи дитяти, свадьбѣ, и т. п., положено было подносить coronarum aurum. Такимъ образомъ, то, что первоначально было добровольнымъ даромъ, въ теченіе времени сдѣлалось неизбѣжною податью; дворъ принималъ золото, какъ liberum donum, но подданные подносили его, какъ тягостный налогъ.

*) Этимъ объясняется остроумная эпиграмма богатаго поэта Сидонія Аполлинариса:

Geryones nos esse puta monstrumque tributum,
Hic capita, ut vivam, tu mihi tolle tria.

Въ то время, какъ государство принимало формы все болѣе и болѣе механическія, въ нѣдрахъ его, чрезъ принятіе Христіанства, распространился и утвердился новый организмъ, давшій новую жизнь отдѣльнымъ государственнымъ частямъ. Новозавѣтная Церковь Божія, основанная Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ и Апостолами съ ихъ преемниками, въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ распространенная во всѣхъ предѣлахъ и за предѣлами Римской Имперіи, при своемъ божественномъ ученіи, священнодѣйствіяхъ, таинствахъ и законахъ, имѣла и свою священную *Іерархію*; оттого она не приняла устройства отъ государства, но внесла въ него свое собственное устройство *). Между тѣмъ, слѣдствіемъ соединенія Церкви съ государствомъ было то, что не только церковная, но и государственная власть имѣла бдительнѣйшее попеченіе о чистотѣ исповѣданія Православной Вѣры. Съ этого времени и каждое уклоненіе отъ всеобщаго ученія Церкви принимаемо было за желаніе нарушить порядокъ и спокойствіе государства. Такъ какъ въ то время, когда Константинъ Великій соединилъ подъ своимъ скипетромъ всю Имперію, ложное ученіе Александрійскаго пресвитера Арія о лицѣ Іисуса Христа нашло многихъ послѣдователей, то Императоръ, для пресѣченія возникшей ереси, созвалъ, въ 325 г. въ Никею *первый Вселенскій Соборъ*.

*) Объ устройствѣ и состояніи Церкви въ первыхъ трехъ вѣкахъ см. Церковно-Библ. Ист. Митр. Филарета и Церковн. Истор. Архим. Иннокентія, отдѣл. I.

Арій училъ, что только Бога Отца слѣдуетъ представлять несотвореннымъ и существующимъ отъ вѣка, но что Сынъ и Св. Духъ должны считаться сотворенными и исшедшими отъ Бога Отца и вмѣстѣ ему подчиненными. Для пресѣченія этой ереси и уничтоженія соблазна Церкви, Константинъ Великій (въ 325 г.) созвалъ въ Никею Вселенскій Соборъ. 19 Іюня Императоръ лично открылъ собраніе, на которое явилось 318 епископовъ, въ сопровожденіи множества пресвитеровъ, діаконовъ и прочаго духовенства; рѣчь, которою онъ открылъ Соборъ, была латинская, но она тотчасъ была переведена на греческій языкъ, и всѣ бесѣды велены были по-гречески. Слѣдствіемъ сихъ совѣщаній было то, что соборъ составилъ Вселенскій Символъ Вѣры, въ коемъ Господа нашего Іисуса Христа исповѣдуетъ единосущнымъ съ Отцемъ (ὁμοούσιον, consubstantialem). 25 Августа Соборъ былъ закрытъ. Императоръ подтвердилъ его постановленія и объявилъ, что всякій непринявшій ихъ будетъ наказанъ ссылкою. Хотя Аріанская ересь еще долго существовала и особенно усилилась въ правленіе Константинова преемника, однако Православное ученіе Вселенскаго Собора восторжествовало во всей вселенной.

Естественнымъ слѣдствіемъ великихъ перемѣнъ, происшедшихъ при Константинѣ въ управленіи и состояніи религіи Римскаго Государства, было основаніе новой императорской резиденціи. Принятый Имперіею восточный характеръ не сообразовался болѣе съ воспоминаніями, связанными съ Римомъ, и самая новая религія повидимому требовала другаго средоточія. Въ самомъ дѣлѣ основаніе Константинополя было почти еще важнѣе въ церковномъ, нежели въ политическомъ отношеніи. Къ политическому соперничеству, въ которое вступила новая резиденція съ древнимъ Римомъ, присоединилось еще соперничество рели-

гіозное, и всемірно историческое значеніе основанія Константинополя заключается въ томъ, что онъ служилъ оплотомъ развившихся въ Восточной Церкви началъ противъ Западной Церкви—оплотомъ, котораго не могъ представить ни Іерусалимъ, ни Антіохія, ни Александрія, потому что эти города подпали въ 7-мо столѣтіи подъ власть Магометанъ.

Константинъ долго колебался въ выборѣ мѣста для заложенія новой столицы. Иліонъ, Сардика, Сингей, Халкедонъ поперемѣнно обращали на себя его вниманіе, пока наконецъ выгоды, которыя представляло превосходное положеніе Византіи, не рѣшили его въ пользу этого города. Когда онъ съ тѣми же обрядами, съ какими, по преданію, Ромулъ основалъ Римъ, обводилъ плугомъ пространство для новой столицы, и одинъ изъ свиты ему замѣтилъ, что, по его мнѣнію, отдѣлено уже больше мѣста, нежели сколько нужно для обширнаго города, Императоръ отвѣчалъ: «я слѣдую за невидимымъ путеводителемъ, который идетъ предо мною, и не остановлюсь, пока онъ не захочетъ этого.» При заложеніи новой столицы, Константинъ имѣлъ въ виду дать ей такую обширность и блескъ, которыя поставили бы ее выше Рима, и данныя имъ привилегіи жителямъ, вмѣстѣ съ выгодами, представляемыми этимъ городомъ для ремеслъ и торговли, скоро превратили развалины Византіи въ первый городъ Римской Имперіи. По достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ освященіе новаго города, названнаго по имени своего возобновителя *Константинополемъ*, происходило 11 Мая 330 года.

Литература этого времени представляетъ въ своемъ развитіи также совершенное преобразованіе духовнаго состоянія міра. Собственно живой, современный интересъ, противорѣчіе между язычествомъ и Христіанствомъ, яснѣе всего отражает-

ся въ литературѣ. Большая часть людей всегда равнодушны къ тому, что пользуется мирнымъ и спокойнымъ отъ всякихъ нападеній существованіемъ, но то же самое тотчасъ возбуждаетъ участіе ихъ, когда подвергнется нападенію, или когда опасности грозятъ существованію его. Язычество, на которое въ Цицероново время образованныя сословія смотрѣли не только равнодушно, но которое даже и осмѣивали во многихъ учрежденіяхъ, теперь, когда въ Христіанствѣ явился ему опасный врагъ, нашло ревностныхъ почитателей, и именно въ тѣхъ самыхъ философахъ, которые такъ много содѣйствовали ослабленію его. Воодушевленію къ Христіанству противосталъ фанатисмъ язычества, и средину между обоими занимали умы холодные и насмѣшливые. Представителемъ и выраженіемъ сего послѣдняго класса является Лукіанъ. Впрочемъ, онъ не простой насмѣшникъ: въ его ироніи скрывается страшная истина, съ которою онъ, безпощадно обнажая и выказывая пустоту всего современнаго ему языческаго образованія, возвѣщаетъ его паденіе. Его насмѣшки направлены противъ философіи, поэзіи, миѳологіи и богопочитанія язычества. Но разрушительная сила Лукіановыхъ твореній была пагубна только для того, что созрѣло къ разрушенію, а не для того, чему назначено было занять мѣсто стараго и отжившаго свой вѣкъ; онъ только болѣе растравлялъ раны, которыми страдалъ древній міръ, между тѣмъ какъ Христіанству всѣми своими остротами не могъ причинить ни малѣйшаго вреда. Чтеніе насмѣшекъ

Лукіана надъ философіею и миѳологіею удостовѣряетъ, что поэзія уже не въ состояніи была одушевлять язычество, и что, если языческой религіи суждено было получить новый полетъ въ противоположность Христіанской, то не иначе какъ съ помощью новыхъ соединенныхъ съ нею идей. А откуда было взять ихъ? Ученіе послѣдователей Аристотеля было сжато въ сухую оболочку формулъ; скептицисмъ не обѣщалъ ничего, кромѣ самаго безотраднаго взгляда на жизнь; а что касается до стоическаго и епикурейскаго ученія, то, хотя они и сообщаютъ правила для жизни, но не даютъ ни какихъ идей. Духъ чувствовалъ передъ христіанствомъ свою потребность погрузиться въ безконечное и начать оттуда, гдѣ до сихъ поръ оканчивалась философія, начать Богомъ. Оттого обратились къ сочиненіямъ Платона, въ которыхъ скрывался богатый родникъ поэтическихъ и умозрительныхъ идей и, по соединеній съ ученіемъ Пиѳагора и религіозными понятіями Востока, образовали изъ сего эклектицисма особенную систему, подъ именемъ *новоплатонисма* или *новопиѳагореизма*, сдѣлавшуюся модною философіею того времени по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя сообщили духу такое направленіе. Особенный характеръ этой школы состоитъ въ томъ, что она стремится достигнуть всеобщаго и абсолютнаго и не ищетъ, подобно догматической системѣ, критерія истины, но преимущественно заботится о томъ, чтобы привести духъ въ единство съ самимъ собою. Возвышенность духа и энтузіасмъ служатъ равномѣрно от-

личительными ея признаками, но это пламенное воодушевленіе питается по большой части аллегоріями и мистическими толкованіями, которыя она распространяетъ на все. Находятъ, что начало сего новаго направленія совпадаетъ съ началомъ Христіанства. *Филонъ*, Александрійскій Іудей, жившій во время Калигулы, старался въ многочисленныхъ своихъ сочиненіяхъ, философско-богословскаго содержанія, согласить умозрѣнія языческой философіи съ священными книгами Іудеевъ и думалъ достигнуть этой цѣли тѣмъ, что подразумѣвалъ подъ буквальнымъ смысломъ словъ глубочайшее значеніе. *Гностики* продолжали это направленіе, стараясь о соединеніи идей Зороастровой религіи съ идеями религіи Христіанской и Іудейской. Но окончательное образованіе этой эклектической системѣ далъ уже *Аммоній Саккa*, Египетскій Грекъ, учившій въ третьемъ столѣтіи въ Александріи, и особенно его ученикъ *Плотинъ*. Аммоній называлъ себя θεοδίδακτος и утверждалъ, что ему дано вдохновеніе свыше; его ученики зашли еще далѣе: они стремились углубленіемъ въ самихъ себя освободить душу отъ тѣлесныхъ узъ и увѣряли себя, что постигли эту тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ получили власть надъ природою и міромъ духовъ. И такъ философія вступила въ союзъ съ магіею. Плотинъ дѣйствительно часто игралъ роль чародѣя и заклинателя духовъ и этимъ шарлатанствомъ привлекъ гораздо больше приверженцевъ изъ высшаго сословія, нежели сколько доставила бы ему одна философія. Три ученика его, *Геренній*, *Ам-*

моній и *Порфирій*, люди съ отличными талантами, были проповѣдниками его ученія. Хотя новоплатоники были отъявленными противниками Христіанства, однако они обратили многихъ къ Вѣрѣ, противъ которой вооружались. Вошедшій въ моду мистицисмъ, занявшій у язычниковъ мѣсто миѳологіи, всего яснѣе представляется намъ въ латинскомъ писателѣ *Л. Апулеѣ*, который былъ родомъ изъ Мадавры въ Африкѣ. Онъ пріобрѣлъ славу волшебника и чародѣя и былъ даже обвиненъ въ судѣ какъ чернокнижникъ. Апологія, написанная имъ въ свою защиту, равно какъ и сочиненіе de Daemone Socratis служатъ главнымъ источникомъ къ познанію тогдашнихъ представленій о мірѣ духовъ. Изъ обозрѣнія всего хода событій видно, что все, возникшее изъ духовной жизни древняго міра, истощилось. Литература и искусства вступили на новую дорогу, также какъ и образъ правленія и государственное устройство, и все убѣждаетъ насъ въ той мысли, что *древнее время кончилось и настало новое.*

При разборѣ Христіанскихъ писателей не должно терять изъ виду, что нѣкоторые изъ нихъ, происходя изъ языческихъ фамилій, получили первоначальное образованіе въ школахъ языческихъ философовъ; принятое ими направленіе совершенно противоположно новоплатоническому. Послѣдователи сей школы принимали за основаніе философію и иногда вносили въ нее ученіе Христіанской религіи, между тѣмъ какъ Христіанскіе писатели начинали съ религіи, и приложеніемъ философіи подтверждали ее ученымъ

образомъ. Но легко усмотрѣть, что обѣ стороны имѣли пунктъ, въ которомъ могли сходиться и дѣйствовать другъ на друга, и дѣйствительно находятъ, что Христіане посѣщали иногда школы новоплатониковъ, такъ какъ и послѣдніе школы Христіанъ. Изъ греческихъ отцевъ Церкви я упомяну во-первыхъ о *Юстинѣ* философѣ, изъ сочиненій котораго до насъ дошли двѣ апологіи Христіанства и разговоръ съ Іудеемъ Трифономъ. Другой писатель, *Климентъ Александрійскій*, превосходилъ его обширностью познаній, живостью воображенія и основательною ученостью. Въ своемъ λόγος προτρεπτικός онъ превосходно старается обратить язычниковъ въ Христіанскую религію, показывая, что она одна содержитъ въ себѣ истинную философію. Въ восьми книгахъ богословскихъ и философскихъ положеній, которымъ дано названіе Στρωματεῖς, Климентъ является творцемъ мистическо-аллегорическаго изложенія. Данное Климентомъ направленіе съ успѣхомъ продолжалъ способнѣйшій изъ учениковъ его, *Оригенъ*. Изъ многочисленныхъ его сочиненій, простиравшихся, по словамъ нѣкоторыхъ, до нѣсколькихъ тысячъ, особенно важны апологія Христіанства противъ Цельса и толкованія; онъ первый ввелъ троякое изъясненіе Библіи, въ аллегорическомъ, моральномъ и буквальномъ смыслѣ. Не менѣе замѣчателенъ *Евсевій Кесарійскій*, современникъ и біографъ Константина Великаго. Онъ былъ основателемъ Христіанской исторіографіи: ибо и исторія, въ слѣдствіе новыхъ взглядовъ на жизнь, сдѣлавшихся вмѣстѣ съ Христіанствомъ господствующи-

ми, получила новый духъ и форму; она раздѣлилась на священную и политическую, и Евсевій въ своей церковной исторіи и хроникѣ оставилъ потомству образцы для обоихъ родовъ. Также пятнадцать книгъ его praeparatio evangelica носятъ совершенно историческій характеръ. Изъ западныхъ отцевъ Церкви древнѣйшіе: *Иринѣй*, *Тертулліанъ*, *Кипріянъ*, *Арнобій* и *Лактанцій*, современники Діоклеціана и Константина; послѣдній, взявъ за образецъ Цицерона, облекалъ Цицероновскимъ краснорѣчіемъ Христіанскія идеи. Предъ этими великими интересами ослабѣваютъ всѣ другія направленія древней литературы. Что древность отжила свой вѣкъ, это видно изъ того, что тогда уже читали древнихъ поэтовъ и историковъ, такъ точно, какъ и мы, съ ученымъ разборомъ. Изъ ученыхъ сборниковъ, оставшихся отъ этого періода, для насъ дороже всего Пиръ Софистовъ *Атенея*, жизнеописанія философовъ *Діогена Лаэрція* и variae historiae и historia animalium *Эліана*. Является и въ это время человѣкъ съ истинно древнимъ духомъ, *Лонгинъ*, но онъ остался непонятнымъ и подвергся порицаніямъ какъ *φιλαρχαῖος*. Что касается до поэзіи и историческихъ описаній, то, какъ на греческомъ, такъ и на латинскомъ, они равно далеки отъ всякой оригинальности. Поэзія сдѣлалась пустою игрою и превратилась нѣкоторымъ образомъ въ мозаическую работу, потому что стихотворцы составляли свои стихи изъ фразъ прежнихъ поэтовъ и облекали чувствованія свои въ формы Виргиліевы или другихъ образцовыхъ поэтовъ; такой поэзіи соотвѣтствовалъ и

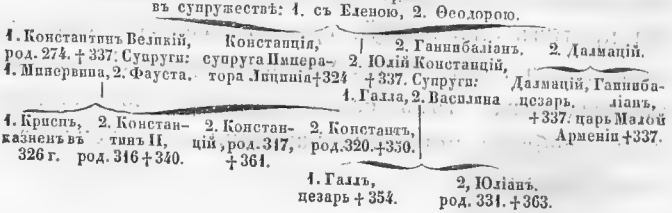
выборъ предметовъ, каковы напримѣръ рыбная ловля и охота, вдохновившія *Оппіана*, и ловля птицъ, воспѣтая *Діонисіемъ Харакеномъ*. Но изъ этого упадка поэзіи возникъ новый родъ литературы, *романъ*. Происхожденіе его относится къ половинѣ втораго столѣтія, впрочемъ онъ является, какъ и все сначала, еще несовершеннымъ. Не въ лучшемъ состояніи находилась и исторія; напрасный трудъ искать въ ней безпристрастія, здраваго сужденія и свободы отъ предразсудковъ. И такъ результатъ, представляющійся самымъ разительнымъ образомъ изъ обзора литературы отъ смерти М. Аврелія до Константина Великаго, есть тотъ, что древнее образованіе отцвѣло, но что подобно тому, какъ сѣмена увядшаго растенія падаютъ на землю и изъ нихъ произрастаютъ новыя, такъ и плоды духовнаго развитія древности или уже перешли, или готовились къ переходу въ Христіанство, чтобы расцвѣсти снова.

Зрѣлище чрезвычайно любопытное и поучительное представляется намъ теперь: древнее образованіе, находясь уже при послѣднемъ издыханіи, вдругъ, какъ бы исполненное юношескаго огня, возстаетъ и еще разъ оспариваетъ поле у новаго. Подъ предводительствомъ Императора, ума необыкновеннаго, оно выступаетъ снова на сцену, но этимъ только обнаруживаетъ свое безсиліе и сдѣланнымъ напряженіемъ ускоряетъ свою и безъ того уже близкую кончину. Императоръ, безъ пользы расточившій свои силы на это безуспѣшное предпріятіе, былъ племянникъ Константина Великаго, *Юліанъ*. Исторгнутый вмѣстѣ съ све-

деннымъ братомъ своимъ Галломъ изъ рукъ убійцъ, перерѣзавшихъ по смерти Константина всѣхъ родственниковъ сего Императора по боковой линіи, Юліанъ, казалось, не могъ ждать другой участи, кромѣ пожизненнаго заключенія въ какой нибудь изъ государственныхъ темницъ. Въ продолженіе своей несчастной юности онъ научился искать отрады въ наукахъ, и среди уединенія душа его пріобрѣла великую энергію, которая только, къ сожалѣнію, въ слѣдствіе несчастій его юности, получила ложное направленіе. Въ первыхъ Христіанскихъ Императорахъ онъ видѣлъ убійцъ своихъ родителей и тирановъ своего дѣтства, и перенесъ ненависть къ дѣтямъ Константина и на исповѣдуемую ими религію. Отвращеніе къ Христіанству пробудило въ немъ любовь къ язычеству; онъ совершенно погрузился въ древній міръ и сдѣлался восторженнымъ приверженцемъ старинныхъ обыкновеній и идей, начинавшихъ тогда исчезать. Такъ возрасталъ Юліанъ, въ противорѣчіи съ идеями ему современными и напитанный идеями прошедшаго. Онъ желалъ силы и вліянія, можетъ быть, для того только, чтобы снова ввести прошедшее въ жизнь настоящую. И обстоятельства способствовали этому. Констанцій, оставшись, по смерти братьевъ, одинъ главою государства, искалъ въ своихъ родственникахъ опоры противъ опасностей, грозившихъ его фамиліи; онъ сперва возвысилъ Юліанова брата Галла, а потомъ, когда тотъ своею неосторожностью вовлекъ себя въ погибель, назначилъ Цезаремъ самого Юліана.

Вторая половина правленія Константина Великаго протекла почти вся въ тишинѣ и спокойствіи. Со времени Августа, онъ первый торжествовалъ тридцатилѣтіе своего правленія въ такое время, когда государство наслаждалось глубочайшимъ миромъ и было столько же страшно врагамъ сосѣднимъ, сколько уважаемо въ отдаленныхъ странахъ. Оттого онъ могъ безъ опасенія на закатѣ дней своихъ предпринять войну противъ Персовъ. Со времени мира, заключеннаго Діоклеціаномъ съ Нарзесомъ, Персы не прерывали дружественныхъ отношеній къ Римлянамъ. Нарзесу, въ 302 г. наслѣдовалъ Ормисдъ II, преемникомъ котораго въ 309 г. былъ Шапуръ или Сапоръ II. Еще въ 333 г. Сапоръ отправилъ въ Константинополь пословъ съ дарами и получилъ отъ Константина подобныя же доказательства дружелюбнаго расположенія. Причина разрыва ихъ неизвѣстна; мы знаемъ только, что Сапоръ черезъ три года потребовалъ возвращенія провинцій, уступленныхъ по договору съ Діоклеціаномъ. Получивъ въ этомъ отказъ, онъ началъ враждебныя дѣйствія. Весною 337 г. Константинъ вознамѣрился самъ отправиться къ войску, но, застигнутый внезапною болѣзнію, умеръ въ Никомедіи 22-го Мая 337 г. Сколько счастливъ былъ Константинъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, столько несчастливъ въ семействѣ *). Старшій сынъ его *Криспъ* сдѣлался жертвою интригъ мачихи своей Фаусты и былъ въ 326 г. умерщвленъ по приказанію отца; въ послѣдствіи, когда открылась его невинность, Константинъ отмстилъ за сына, повелѣвъ умертвить виновницу его погибели. За смертію

*) Генеалогическія отношенія Константинова дома были слѣдующія:



Криспа наслѣдство перешло къ сыновьямъ Фаусты, *Константину II*, *Констанцію* и *Константу*, и дѣйствительно они всѣ трое получили одинъ за другимъ цезарское достоинство и были допущены къ участію въ правленіи. Въ то же время Константинъ Великій возвысилъ также своихъ племянниковъ, *Далмація* и *Аннибаліана*, назначивъ перваго цезаремъ, а втораго царемъ Малой Арменіи. Но родственники Константина по боковой линіи имѣли противъ себя сильную партію при дворѣ и въ арміи; отъ дѣленія государства между столь многими принцами опасались новыхъ раздоровъ и междоусобій, и еще не было погребено тѣло Константина, какъ армія громогласно объявила, что править государствомъ могутъ только сыновья умершаго Императора. Константиновы братья и племянники дожидались прибытія Констанція въ Константинополь, куда перевезено было тѣло Императора, и надѣялись получить отъ него защиту и подтвержденіе дарованныхъ имъ правъ; но Констанцій былъ слишкомъ слабъ, чтобы выйти съ честію изъ затруднительнаго положенія, въ которое былъ поставленъ по пріѣздѣ въ столицу; оттого новое правленіе началось страшною сценою убійствъ. Констанцій не воспрепятствовалъ умерщвленію обоихъ своихъ дядей, шести двоюродныхъ братьевъ и многихъ другихъ родственниковъ императорской фамиліи. Отъ смерти были спасены только Галлъ и Юліанъ, дѣти Юлія Констанція, первый двѣнадцати, а второй шести лѣтъ *). Послѣ сего происшествія, распоряженія Константина Великаго, касательно раздѣленія государства, не могли уже быть исполнены; оттого сыновья его въ слѣдующемъ году, на съѣздѣ въ Сирміумѣ, такъ раздѣлили между собою Имперію: Кон-

*) Что касается до участія Констанція въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, то Юліанъ складываетъ всю вину на него одного; Св. Аѳанасій, также бывшій злѣйшимъ врагомъ Констанція, подтверждаетъ это; съ нимъ соглашается и Зосимъ; но намъ кажется, что слова Евтропія лучше всего характеризуютъ роль Констанція въ этой трагедіи; онъ говоритъ что это произошло: *sinente potius quam jubente*, и оба Виктора выраженіями (*incertum, quo suasore* и *vi militum*) даютъ разумѣть, что они считаютъ Констанція болѣе слабымъ, нежели виновнымъ.

стантинъ II получилъ Префектуру Галльскую, Константъ Префектуру Италійскую и Иллирійскую, а Констанцій Префектуру Восточную. Вмѣстѣ съ восточными провинціями Констанцій долженъ былъ взять на свою часть и войну съ Персами, которая съ небольшими промежутками продолжалась во все его правленіе, хотя безъ славы, однако и безъ вреда для Римлянъ; крѣпости Месопотаміи, особенно Низибисъ, мужественно и счастливо выдержавшая трикратную осаду, препятствовали успѣхамъ непріятеля. Между тѣмъ какъ эти дѣла занимали Констанція на Востокѣ, братья его Константинъ и Константъ начали споръ за владѣніе Италіею, и такъ какъ не могли рѣшить его переговорами, то между ними открылась война. Не приготовившись надлежащимъ образомъ, Константинъ вторгнулся въ область своего брата и проникъ до Аквилеи, но здѣсь попалъ въ поставленную ему засаду и былъ убитъ въ 340 г. Въ слѣдствіе сего обстоятельства Константъ сдѣлался владѣтелемъ больше нежели двухъ третей Римской Имперіи. Сначала онъ съ большимъ жаромъ принялся за дѣла правленія, но его дѣятельность весьма скоро уступила склонности къ удовольствіямъ. Заботясь только объ удовлетвореніи ея, онъ предоставилъ правленіе министру финансовъ Марцеллину и начальнику тѣлохранителей Магненцію, ко вреду угнетенныхъ подданныхъ и наконецъ къ собственной своей погибели. Магненцій, родомъ Франкъ, скоро пересталъ довольствоваться однимъ отправленіемъ императорской власти: честолюбіе его стремилось къ самому сану, и Марцеллинъ доставилъ ему средства подкупить солдатъ. Когда все было приготовлено къ исполненію сего дерзкаго предпріятія въ Отенѣ, гдѣ тогда находился дворъ, Магненцій пригласилъ знатнѣйшихъ чиновниковъ къ себѣ на пиръ; дождавшись времени, когда гости были довольно разгорячены виномъ, онъ рѣшился предоставить себя на произволъ минутнаго увлеченія, и, надѣвъ багряницу и діадему, вошелъ въ комнату пирующихъ. Заговорщики тотчасъ провозгласили его Императоромъ и Августомъ, прочіе, или не успѣвъ одуматься, или по страху, послѣдовали ихъ примѣру. Гвардія не-

медленно подтвердила выборъ новаго Императора, и казна, которою онъ завладѣлъ, дала ему средства, поддерживать возмущеніе, если бы даже Константъ захотѣлъ противиться. Константъ былъ на охотѣ въ этотъ несчастный для него день, и извѣстіе о возмущеніи и измѣнѣ войскъ такъ поразило его, что онъ, сложивъ всѣ знаки своего достоинства и переодѣвшись, старался убѣжать въ Испанію, откуда хотѣлъ отправиться моремъ на Востокъ. Но при подошвѣ Пиреней, въ 350 г., онъ былъ настигнутъ посланными за нимъ въ погоню и убитъ. Галлія, Испанія и Британнія присягнули въ вѣрности Магненцію, а по паденіи *Непотіана*, сына Константиновой сестры Евтропіи, провозгласившаго себя Императоромъ въ Римѣ, должна была покориться ему и Италія. Напротивъ того, Иллирійскіе легіоны считали себя въ правѣ сами избрать Императора и провозгласили Августомъ своего старшаго генерала *Ветраніона*. Такимъ образомъ Римскій міръ увидѣлъ себя снова во власти трехъ враждующихъ между собою Императоровъ и долженъ былъ ждать новыхъ междоусобій, если Констанцій не согласится на примиреніе съ своими соперниками; но Констанцій съ твердостью, какой едва можно было ожидать отъ него, отказался отъ всякихъ переговоровъ съ убійцею своего брата, и если склонился признать соправителемъ Ветраніона, то сдѣлалъ это для того только, чтобы отвлечь его отъ интересовъ Магненція. Въ самомъ дѣлѣ Ветраніонъ, обольщенный симъ признаніемъ, объявилъ себя за Констанція и въ 351 году имѣлъ съ нимъ въ Сардикѣ свиданіе. Здѣсь Констанцій привлекъ на свою сторону офицеровъ Ветраніонова войска деньгами, а солдатъ рѣчью: всѣ объявили, что признаютъ Императоромъ одного только сына Константинова; послѣ сего Ветраніонъ добровольно сложилъ съ себя корону и возвратился къ частной жизни *). Не такъ легко было одолѣть

*) Hist. miscell. ap. Murator. script. rer. Ital. T. I, p. 47: Porro Constantius auferens ei coronam simul et purpuram clementer ei locutus est, monens, ut sub schemate privato quiesceret, quod ejus utique aetati convenientius, quam habere nomen

Магненція, шедшаго уже съ сильнымъ войскомъ, котораго главную силу составляли Германцы. Положеніе Констанція было тѣмъ затруднительнѣе, что и Персидскій Царь, не безпоконвшій въ продоженіе нѣкотораго времени Римскихъ предѣловъ, началъ опять враждебныя дѣйствія. Тогда Констанцій вспомнилъ о своихъ двоюродныхъ братьяхъ Галлѣ и Юліанѣ, которые доселѣ содержались въ государственномъ, такъ сказать, заключеніи; гроза, собравшаяся надъ Константиновымъ домомъ, требовала защитниковъ, которые бы изъ него происходили; такимъ образомъ, въ 351 г., Констанцій положилъ вызвать своихъ родственниковъ изъ ихъ уединенія. Онъ поставилъ старшаго изъ нихъ, Галла, Цезаремъ, женилъ его на сестрѣ своей Константинѣ и, назначивъ ему столицею Антіохію, поручилъ защищать отъ Персовъ Востокъ. Галлъ не забылъ своего брата Юліана: онъ выхлопоталъ ему возвращеніе отцовскаго наслѣдія и позволеніе продолжать на свободѣ свои ученыя занятія. И въ самомъ дѣлѣ, честолюбіе Юліана, казалось, не имѣло въ виду другой цѣли, кромѣ славы искуснаго софиста; но онъ таилъ въ себѣ великую энергію духа и опасные планы. Возвышеніе брата открыло ему надежду на возможность нѣкогда осуществить то, что онъ задумалъ въ глубинѣ своего сердца. Впрочемъ, сперва еще надобно было дождаться, который изъ двухъ Императоровъ одержитъ верхъ въ открывшейся войнѣ. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ сраженіемъ при Мурзѣ на Дравѣ, въ Сентябрѣ 351 г. Констанцій лично не предводительствовалъ войскомъ и провелъ все время битвы въ молитвѣ въ одной изъ ближнихъ церквей, но генералы его одержали побѣду надъ Магненціемъ, хотя только по долгомъ и кровопролитномъ сопротивленіи. Искусство обольщенія, съ такимъ успѣхомъ употре-

sollicitudinibus onustum. Jussitque ei sumtus uberrimos ex publicis functionibus exhiberi. Cumque Prusae in Bithynia Vetranio moraretur, Constantius scripsit ei, dicens, quia multorum ei bonorum causa fuisset, quem a tantis cogitationibus et malis sibi provenientibus liberasset, nec se bene fecisse, quia quae sibi praestare debuerat, illi potius impendisset.

блепное противъ войска Ветраніопова, проникло и въ лагерь Магненція; солдаты толпами оставляли его и переходили на сторону Констанція, и между тѣмъ какъ флотъ утвердилъ власть его въ Африкѣ и Испаніи, онъ самъ въ 352 г. безъ большаго труда покорилъ Италію. Въ слѣдующемъ году Констанцій проникъ за Альпы въ Галлію и разбилъ своего противника во второй разъ, при Систеронѣ на Дуранцѣ. Тогда Магненцій не могъ больше полагаться на вѣрность своихъ солдатъ; говоря остатку своихъ войскъ рѣчь, которою старался воспламенить ихъ мужество къ новой борьбѣ, онъ получилъ въ отвѣтъ: «да здравствуетъ Императоръ Констанцій!» Страшась быть выданнымъ въ руки соперника подкупленными и вѣроломными солдатами, онъ велѣлъ умертвить свое семейство и самъ бросился на мечъ; братъ его Деценцій, возведенный имъ въ Цезари, послѣдовалъ его примѣру. Такимъ образомъ Констанцій соединилъ теперь снова всю Имперію подъ своимъ скипетромъ, но чѣмъ обширнѣе открылось для его дѣятельности поприще, тѣмъ больше обнаруживались его слабость и неспособность, также какъ и зависимость отъ евнуховъ. Своимъ генераламъ и министрамъ онъ не довѣрялъ, а евнухамъ поручалъ всѣ дѣла безъ подозрѣнія. Неограниченною властью надъ Императоромъ и дворомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и надъ государствомъ, въ особенности пользовался евнухъ Евсевій *). Этотъ-то временщикъ, непосредственно по низложеніи Магненція, поселилъ въ Императорѣ подозрѣніе противъ Галла и старался убѣдить его не только лишить принца данной ему власти, но и самой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, неосторожное поведеніе Галла доставляло врагамъ его довольно поводовъ для клеветы и обвиненія, такъ что наконецъ и самъ Юліанъ не отваживался защищать его. Императоръ послалъ въ Антіохію коммиссію, подъ предсѣдательствомъ префекта Домиціана и квестора Монція, для разсмотрѣнія состоянія восточныхъ дѣлъ

*) *Амміанъ Марцеллинъ* (lib. XVIII, cap. 4) иронически показываетъ всю силу Евсевія, говоря; apud quem, si vere dici debeat, Constantius multum potuit.

и убѣжденія Цезаря на поѣздку въ Италію. Коммиссіи дана была инструкція дѣйствовать противъ Галла съ величайшимъ уваженіемъ; но Домиціанъ своимъ высокомѣріемъ произвелъ сцену, которая погубила и его, и Цезаря. Въ собраніи, въ которомъ Галлъ принималъ императорскую коммиссію, Домиціанъ до того забылся, что тотчасъ объявилъ Цезарю повелѣніе немедленно ѣхать въ Италію; не довольствуясь тѣмъ, что высказалъ это рѣзкимъ и оскорбительнымъ тономъ, онъ присовокупилъ къ тому угрозу, что Цезарь за всякую отсрочку подвергнется наказанію. Раздраженный такимъ надменнымъ поведеніемъ, Галлъ пришелъ въ чрезвычайный гнѣвъ и велѣлъ на мѣстѣ схватить дерзкаго и бросить въ темницу. Квесторъ Монцій принялъ сторону своего товарища, и между Цезаремъ и императорскою коммиссіею началась открытая война. Галлъ вооружилъ гвардію и потребовалъ на защиту своей особы содѣйствія жителей Антіохіи. Этотъ необдуманный шагъ имѣлъ самыя несчастныя слѣдствія. Народъ захватилъ Домиціана и Монція и послѣ страшныхъ мученій и поруганія бросилъ искаженные трупы ихъ въ Оронтъ. Послѣ сего Цезарю конечно не оставалось инаго средства къ спасенію, кромѣ открытаго возстанія; но онъ позволилъ Констанцію обмануть себя и попалъ въ разставленную западню. Чтобы обезоружить его, Констанцій вывелъ мало по малу всѣ старые легіоны и потомъ въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ пригласилъ его ко двору. Галлъ не могъ уклониться отъ этого приглашенія, неоднократно повторяннаго, и въ 354 г. рѣшился ѣхать въ слѣдъ за супругою, которая отправилась впередъ, но на пути умерла. До Константинополя онъ ѣхалъ еще съ полнымъ блескомъ императорскаго достоинства, но, оставивъ за собою стѣны этого города, скоро долженъ былъ замѣтить, что съ нимъ обращаются уже не такъ какъ съ Цезаремъ и что свита его начинаетъ принимать видъ конвоя. По прибытіи въ Петтау, въ Норикѣ, наконецъ отложили всякое притворство. Здѣсь онъ былъ отданъ отряду солдатъ и подъ прикрытіемъ ихъ плѣнникомъ отвезенъ въ Истрійскій городокъ Полу, тотъ самый,

гдѣ былъ убитъ Криспъ. Сюда прибылъ судить его евнухъ Евсевій; пытками онъ вынудилъ отъ него признаніе въ преступленіяхъ, заслуживавшихъ смертную казнь. Императоръ подписалъ смертный приговоръ, который былъ такъ скоро исполненъ, что отмѣненіе его опоздало. Теперь, кромѣ Констанція, отъ всего многочисленнаго потомства Констанція Хлора оставался въ живыхъ одинъ Юліанъ, сведенный братъ Галла. Евнухи очень желали бы умертвить и его, но за него вступилась Императрица Евсевія, которая противоставила вліянію евнуховъ свое собственное. Ей обязанъ онъ, что не сдѣлался жертвою козней своихъ враговъ и что, послѣ семимѣсячнаго пребыванія при дворѣ въ Миланѣ, получилъ позволеніе удалиться въ Аѳины. Шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ этой древней столицѣ музъ, онъ считаетъ счастливѣйшимъ временемъ своей жизни, и если что возмущало нѣсколько его счастіе, такъ это было только ненавистное для него принужденіе, скрывать свое вѣрованіе въ языческихъ боговъ и отвращеніе къ Христіанству. Но уже въ 355 г. онъ снова былъ вызванъ въ Миланъ, потому что Констанцій чувствовалъ, что правленіе государствомъ ему одному не по силамъ, супруга же его Евсевія своими увѣреніями, что Галлъ и Юліанъ также непохожи другъ на друга характерами, какъ нѣкогда были Домиціанъ и Титъ, убѣдила женить Юліана на сестрѣ своей Еленѣ и съ титуломъ Цезаря назначить правителемъ Заальпійскихъ провинцій. Въ посланіи къ Аѳинскому народу, Юліанъ самъ изобразилъ впечатлѣніе, произведенное на него этимъ назначеніемъ, и то, какую страшную роль разыгрывалъ онъ, мѣняя книги на оружіе и философскій плащъ на императорскую багряницу. Онъ былъ облеченъ въ это достоинство въ торжественномъ собраніи. Солдаты съ говоромъ одобренія приняли молодаго Цезаря, еще нѣсколько робкаго и застѣнчиваго, но огненные взоры котораго обѣщали героя, и когда Констанцій кончилъ свою длинную и витіеватую рѣчь, дружнымъ ударомъ оружія изъявили свое согласіе на его возвышеніе.

Юліанъ, вдругъ вызванный изъ ученаго кабинета въ военный станъ и отъ книгъ къ оружію, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ въ Исторіи Римскихъ Императоровъ *). Если смотрѣть на него безъ пристрастія и предразсудковъ, то онъ представляется человѣкомъ съ большими способностями, пылкимъ воображеніемъ и сильными страстями; онъ могъ бы совершить великое, если бы понялъ свое время и сообразно съ нимъ дѣйствовалъ. Но, къ сожалѣнію, несчастія юности поставили его на ложный путь, и онъ сдѣлался ревностнымъ почитателемъ язычества. Въ слѣдствіе такого направленія, все существо его принимаетъ какой-то неестественный видъ, и вся жизнь его и дѣятельность носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то пустоты, такъ что остается только сожалѣть, что человѣкъ съ такимъ умомъ увлекся нелѣпостями, къ вѣрованію въ которыя долженъ былъ самъ себя принуждать. Будучи Цезаремъ, онъ скрывалъ еще свое отпаденіе отъ Христіанской религіи, но какъ скоро войско провозгласило его Августомъ, онъ сталъ въ непріяз-

*) Объ образѣ мыслей, отношеніяхъ и дѣлахъ Юліана мы знаемъ во всей подробности и изъ самыхъ лучшихъ источниковъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ собственное его сочиненіе: *Juliani Imperatoris opera, ex ed. Ez. Spanhemii; Lips.* 1696; потомъ, кромѣ Зосима, до насъ въ цѣлости дошла часть Исторіи *Амміана Марцеллина*, содержащая въ себѣ время его правленія. Амміанъ описываетъ политическую исторію того времени, хотя слогомъ безвкуснымъ и надутымъ, но съ большою подробностью и знаніемъ. *Либаній*, со стороны язычниковъ, и *Григорій Богословъ*, со стороны Христіанъ, принадлежатъ также къ числу хорошихъ источниковъ для его Исторіи. Изъ новыхъ сочиненій лучшія: A. Neander, Ueber den Kaiser Julian und sein Zeitalter. Leipz., 1812, и C. Ullmann, Gregor von Nazianz, der Theologe. Darmstadt, 1827.

ненныя отношенія съ Констанціемъ и торжественно объявилъ себя поклонникомъ языческихъ боговъ. Прежде, нежели дѣло дошло до войны, Констанцій въ 361 году умеръ, и богоотступникъ, не встрѣчая никого, кто осмѣлился бы оспаривать у него престолъ, на 31 году своего возраста остался единовластнымъ повелителемъ всего государства.

До сихъ поръ Юліанъ скрывалъ свои религіозныя убѣжденія; только немногіе философы и языческіе жрецы знали его тайну и съ надеждой и желаніемъ ожидали его правленія; онъ самъ исполнялъ всѣ обряды христіанскаго богопочитанія и даже, будучи Цезаремъ, продолжалъ для снисканія любви солдатъ и народа показывать лицемѣрное усердіе къ Христіанской религіи *). Казалось, эта необходимость скрывать свой образъ мыслей отъ народа, до тѣхъ поръ, пока онъ имѣлъ нужду въ его расположеніи, могла бы вразумить его, какъ было неосновательно и противно духу времени принятое имъ направленіе, если бъ его не ослѣплялъ фанатизмъ; а Юліанъ впалъ въ фанатизмъ съ того самаго момента, какъ оставилъ Христіанство и обратился къ язычеству. Констанцій послалъ Юліана въ Галлію, между тѣмъ какъ самъ положилъ возвратиться на Востокъ. До отъѣзда онъ посѣтилъ Римъ, и въ память сего посѣщенія велѣлъ перевести сюда и поставить въ циркѣ Египетскій обелискъ, который былъ назначенъ отцемъ его для Константинополя и находился тогда въ Александріи; это тотъ самый обелискъ, который можно видѣть и теперь на площади передъ Латеранскою церковью,

*) *Amm. Marcell.* lib. XXI, cap. 2: Utque omnes nullo impediente ad sui favorem illiceret, adhaerere cultui Christiano fingebat, a quo jam occulte desciverat, arcanorum participibus paucis, haruspicinae auguriisque intentus et ceteris, quae Deorum semper fecere cultores. Et ut haec interim celarentur, feriarum die, quam celebrantes mense Januario Christiani Epiphania dictitant, progressus in eorum ecclesiam, solemniter numine orato discessit.

куда онъ перенесенъ по приказанію Папы Сикста V. 357 и 358 годы Констанцій провелъ на Дунаѣ, занимаясь устроеніемъ тамошнихъ пограничныхъ дѣлъ, и потомъ въ 359 г. поспѣшилъ на Востокъ, гдѣ Саворъ снова вторгнулся въ Месопотамію и овладѣлъ крѣпостью Амидою. Положеніе Юліана въ Галліи было еще затруднительнѣе, нежели положеніе брата его, Галла, въ Антіохіи; но чѣмъ яснѣе онъ видѣлъ опасность своего положенія, тѣмъ осторожнѣе дѣйствовалъ и старался не подавать своимъ поведеніемъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію. Поступая такимъ образомъ, онъ достигъ наконецъ полной свободы и тогда обнаружилъ мужество, знаніе и терпѣніе, заслуживающія тѣмъ большаго уваженія, что поле его дѣятельности было для него совершенно ново. Онъ очистилъ Галлію отъ варваровъ, занимавшихъ часть ея со времени похищенія верховной власти Магненціемъ. Во-первыхъ, въ 357 г., имѣя при себѣ не больше 13,000 человѣкъ, онъ поразилъ при Страсбургѣ многочисленное войско Аллемановъ и, пользуясь этою побѣдою, перешелъ черезъ Рейнъ и тѣснилъ Аллеманскія племена до тѣхъ поръ, пока они не стали просить перемирія. Потомъ онъ обратился противъ Франковъ, и хотя не могъ вытѣснить ихъ изъ занятой ими въ Нидерландахъ земли, но крайней мѣрѣ принудилъ къ миру и признанію прочныхъ границъ. Послѣ этихъ подвиговъ превосходное управленіе страною еще болѣе увеличило его славу, такъ что уста всѣхъ были исполнены хвалами ему: самые враги его при императорскомъ дворѣ подтверждали это, въ надеждѣ возбудить тѣмъ зависть и соревнованіе въ Констанціи. Не трудно было поселить подозрѣніе въ слабой и недовѣрчивой душѣ Императора. И такъ при дворѣ положили обезоружить Цезаря. Спокойствіе, которымъ наслаждалась Галлія, доставило самый естественный предлогъ къ отозванію оттуда лучшихъ войскъ на угрожаемый Персами Востокъ. Въ 360 г. прибыли въ Парижъ, гдѣ Юліанъ утвердилъ свое мѣстопребываніе, императорскіе послы съ повелѣніемъ, чтобы онъ тотчасъ отправилъ въ Азію четыре полные легіона. Между этими войсками находились многіе, такъ называемые Foederati, изъ

Германцевъ, которымъ было именно обѣщано, что ихъ никогда не будутъ употреблять въ дѣло по ту сторону Альпъ. Юліанъ повиновался приказанію Императора, но въ то же время поставлялъ на видъ и опасность исполненія его. Въ самомъ дѣлѣ, войско обнаружило сильное негодованіе на то, что его разлучаютъ съ вождемъ, который такъ часто водилъ его къ побѣдамъ и какъ отецъ заботился о немъ. Особенно обнаружилъ мятежный духъ отрядъ, проходившій черезъ Парижъ. Солдаты выслушали прощальную рѣчь Юліана съ безмолвіемъ, которое, подобно штилю на морѣ, предвѣщало приближеніе бури. Въ полночь они въ безпорядкѣ собрались передъ дворцемъ и требовали Юліана, намѣреваясь провозгласить его Августомъ. Принималъ ли Юліанъ участіе въ этомъ дѣлѣ, или нѣтъ—рѣшить невозможно. Онъ, повидимому, пришелъ въ смущеніе и страхъ, велѣлъ запереть ворота и показался не прежде какъ въ 9 часовъ утра. Какъ скоро онъ явился, солдаты овладѣли его особою и, по варварскому обычаю, поднявъ вверхъ на щитахъ, съ оглушительнымъ крикомъ провозгласили Августомъ. Послѣ такого поступка Юліанъ не могъ уже отказаться отъ власти, не оставивъ своихъ друзей и приверженцевъ на жертву самому жестокому преслѣдованію. И такъ отъ имени его и войска было отправлено къ Констанцію посольство съ извѣстіемъ о случившемся и съ просьбою о подтвержденіи. Если бы Юліану предстояло имѣть дѣло съ однимъ Констанціемъ, у котораго не было ни дѣтей, ни другихъ наслѣдниковъ, то конечно онъ легко успѣлъ бы устранить всѣ препятствія; но Констанцій находился подъ вліяніемъ евнуховъ, которые, погубивъ Галла, страшились мщенія Юліанова. Они убѣдили Императора обѣщать ему прощеніе, если онъ откажется отъ титула Августа. Письмо, содержавшее въ себѣ это условіе, было читано предъ всею Галльскою арміею, и когда дошли до мѣста, гдѣ говорилось о сложеніи титула, то войско прервало чтеніе громкимъ восклицаніемъ: Auguste Juliane, ut provincialis, ut miles et reipublicae decrevit auctoritas! Другое мѣсто письма, гдѣ Императоръ укоряетъ своего двоюроднаго брата въ неблагодарности и напоминаетъ,

что онъ призрѣлъ сиротство его, возбудило въ Юліанѣ самыя горькія чувствованія: «Какъ,» вскричалъ онъ «и убійца моего отца осмѣливается напоминать мнѣ, что я сирота?» Такъ какъ Констанціевы условія были отвергнуты, то рѣшеніе зависѣло отъ оружія. *Юліанъ торжественно объявилъ, что онъ поручаетъ себя и свое дѣло волѣ безсмертныхъ боговъ, и этими словами выразилъ вмѣстѣ съ отпаденіемъ отъ Констанція и свое отпаденіе отъ Христіанской Религіи.* Въ то время, какъ Юліанъ въ слѣдующемъ году вступилъ въ Иллирійскую Префектуру, войско Констанціево шло ускореннымъ маршемъ отъ Евфрата во Ѳракію. Императоръ самъ сопровождалъ его, но на пути занемогъ и, доѣхавъ не дальше какъ до Мопсокрены, городка при подошвѣ Киликійскихъ Горъ, умеръ въ Ноябрѣ 361 года. Евсевій и прочіе евнухи охотно устранили бы Юліана отъ наслѣдства; они думали, что Христіане, страшась отступника, станутъ дѣйствовать за одно съ ними; однако не нашлось никого, кто бы, хотя съ малѣйшею надеждою на успѣхъ, отважился выступить противъ него, и армія съ негодованіемъ отказалась продолжать войну, къ которой не было теперь никакого повода. Такимъ образомъ и Констанціево войско признало Юліана Императоромъ.

Прежде нежели приступимъ къ ближайшему разсматриванію Юліанова правленія, намъ должно сдѣлать краткій обзоръ спорамъ, раздѣлявшимъ и волновавшимъ Христіанскую Церковь во все продолженіе царствованія Констанція. Только изъ этого можно объяснить себѣ, почему язычники отважились еще разъ оспаривать у Христіанъ побѣду. Они видѣли въ раздорахъ Христіанъ зародышъ паденія, между тѣмъ какъ эта самая ревность и энтузіасмъ, съ которыми были защищаемы спорныя мнѣнія, и служили доказатель-

ствомъ, что интересы Христіанства слились съ духомъ народа.

Аріанизмъ, подъ конецъ жизни Константина Великаго, снова вошелъ въ милость. Арій и прочіе слѣдовавшіе его ученію епископы были вызваны изъ ссылки; напротивъ, ревностный защитникъ Никейскаго Собора, Архіепископъ Александрійскій *Аѳанасій*, сосланъ въ Галльскій городъ Триръ. Единосущность, встрѣтившая на Западѣ всеобщее вѣрованіе, теряла на Востокѣ одного приверженца за другимъ. Въ такомъ положеніи оставались дѣла по смерти Константина Великаго. Изъ наслѣдниковъ его, оба, управлявшіе Западомъ, Констаптинъ II и Константъ были послѣдователями ученія о Единосущности, между тѣмъ какъ Констанцій, съ большею частію своихъ восточныхъ подданныхъ, присталъ къ Аріанизму. Впрочемъ онъ долженъ былъ позволить Аѳанасію снова занять свой архіепископскій престолъ, потому что Константинъ требовалъ этого и, въ случаѣ отказа, грозилъ войною. Но, по смерти Константина, Аѳанасій принужденъ былъ опять оставить Александрію и бѣжалъ сперва къ Римскому Епископу, а потомъ ко двору Императора Константа, который сдѣлалъ этому знаменитому святителю почетный пріемъ и показалъ столь живое участіе къ его дѣлу, что силою хотѣлъ возвратить его въ Александрію и велѣлъ для этого вооружить войско и флотъ. Умерщвленіе Константина хотя и отклонило эту религіозную войну, однако, при открывшемся теперь междоусобіи, Констанцій такъ опасался вліянія Аѳанасія, что, не желая имѣть его противъ себя, добровольно возстановилъ его права. Но, сдѣлавшись по низверженіи Магненція единодержавнымъ государемъ всей Имперіи, онъ устремилъ все свое стараніе на то, чтобы доставить ученію Арія господство и на Западѣ и принудить западныхъ епископовъ подтвердить приговоръ, произнесенный надъ Аѳанасіемъ восточными епископами. Съ этою цѣлью онъ дважды созывалъ соборы, въ 353 году въ Арлѣ и въ 355 въ Миланѣ. Большая часть епископовъ изъ страха подписала осужденіе Аѳанасія и приняла Аріанское ученіе, но многіе и

знаменитѣйшіе согласились лучше лишиться своихъ мѣстъ и итти въ ссылку, нежели отречься отъ своей вѣры. Аѳанасій бѣжалъ въ пустыню и скрывался въ ней до самой смерти своего гонителя. Хотя за его голову обѣщана была награда, однако не нашлось никого, кто бы дерзнулъ заслужить ее. Какъ скоро Аріане сдѣлались господствующею партіею и не были удерживаемы узами общей борьбы съ послѣдователями ученія о Единосущности, то скрывавшіяся доселѣ несогласія во мнѣніяхъ выступили наружу и расколы размножились. Никто столько не радовался этому, какъ оставшіеся вѣрными язычеству: ибо, хотя и были издаваемы противъ идолопоклонства строжайшіе законы *), однако, повидимому, они не исполнялись, и какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ стояло еще много ихъ храмовъ. Правда, блескъ ихъ и число поклонниковъ уменьшались со дня на день, но раздоры Христіанъ и образъ мыслей Юліана еще разъ блеснули язычникамъ надеждою, что онъ возстановитъ древнюю религію, и Юліанъ, тотчасъ по принятіи правленія, не замедлилъ выступить врагомъ Христіанства.

Ничто яснѣе не показываетъ неизбѣжности паденія язычества, какъ попытка Юліана возстановить его. Она имѣла на своей сторонѣ всѣ выгоды и, не смотря на то, не удалась; очевидное доказательство, что время язычества прошло. Всѣ мѣры, принятыя Юліаномъ для подавленія Христіанства, не принесли ничего, но только озлобили противъ него большую часть подданныхъ, и безъ сомнѣнія, если бъ преждевременная смерть Юліана, въ войнѣ противъ Персовъ, не положила

*) Констанцій издалъ законъ (Cod. Theodos. lib. XVI, tit. 10, lex. 4), которымъ запрещалось подъ смертною казнію совершеніе языческихъ жертвоприношеній: volumus etiam cunctos a sacrificiis abstinere. Quod si quis aliquid forte hujusmodi perpetraverit, gladio sternatur: facultates etiam perempti fisco decernimus vindicari.

конца гоненію на Христіанъ, дѣло дошло бы до самыхъ жестокихъ столкновеній.

Юліанъ началъ свое царствованіе не только исправленіемъ вкравшихся при его предшественникахъ злоупотребленій, но и наказаніемъ за совершенные тогда проступки. За исключеніемъ нѣсколькихъ опрометчивыхъ поступковъ, сдѣланныхъ имъ при этомъ случаѣ, правленіе его является достойнымъ подражанія и представляется тѣмъ въ большемъ блескѣ, чѣмъ разительнѣе контрастъ между простотою и дѣятельностью его и поведеніемъ его предшественниковъ. Самые Христіанскіе писатели признаютъ, что отступникъ, если и измѣнилъ Богу, то не былъ невѣренъ міру *). Касательно религіи, онъ объявилъ въ началѣ своего правленія совершенную свободу: онъ думалъ, что если будетъ возстановлять изгнанныхъ епископовъ и оказывать равную терпимость всѣмъ сектамъ, то размножитъ внутреннія раздоры Христіанской Церкви и рушитъ ея основанія; въ то же время особеннымъ покровительствомъ надѣялся онъ воззвать язычество къ новой жизни. Такъ какъ онъ награждалъ каждаго отступника отъ Христіанской Религіи, то можно представить, что его отпаденіе нашло многихъ подражателей; особенно старался онъ объ обращеніи въ идолопоклонство солдатъ и достигъ своей цѣли, расточивъ на это столько денегъ, что могъ бы на нихъ принять на жалованье цѣлыя Германскія племена. Второю косвенною мѣрою противъ Христіанской Религіи было покровительство Іудеямъ и стараніе возстановить Іерусалимскій храмъ. Жизнь и страданія Іисуса сдѣлали Іерусалимъ для Христіанъ священнѣйшимъ мѣстомъ на земли; оттого Юліанъ думалъ, что нельзя нанести Христіанству чувствительнѣйшаго удара, какъ возвращеніемъ этого города Іудеямъ и возстановленіемъ Соломонова храма. Іудеи, для которыхъ соединеніе ихъ націи вокругъ храма было любимою мыслію, помогали планамъ Императора своимъ имуществомъ и дѣятель-

*) Христіанскій поэтъ *Прудепцій* говоритъ о немъ: Perfidus ille Deo, sed non et perfidus orbi.

ностью, и Христіане смотрѣли съ тревожнымъ ожиданіемъ на заложеніе зданія, готовившаго посрамленіе имъ и ихъ религіи. Впрочемъ они надѣялись и вѣрили, что небо спасетъ честь свою чуднымъ знаменіемъ, и не обманулись. Землетрясеніе разбросало основанія строенія, и пламя, вырвавшееся изъ нѣдръ земли и поразившее работавшихъ, распространило такой ужасъ, что никто не дерзалъ продолжать постройку зданія, противъ котораго небо такъ явно обнаружило свой гнѣвъ *). Но чѣмъ больше было торжество Христіанъ, тѣмъ сильнѣе злобились язычники, и Юліанъ началъ забывать, что онъ обязанъ быть справедливымъ и противъ Христіанъ; онъ началъ помышлять о насильственныхъ мѣрахъ. Вообразивъ, что виною упадка Римскаго Государства была единственно Христіанская Религія, онъ мало по малу, посредствомъ софистическихъ умозаключеній, дошелъ до того, что искорененіе этой ненавистной богамъ религіи сталъ считать своимъ долгомъ **). Доселѣ онъ употреблялъ противъ Христіанъ насмѣшки, презрѣніе и немилость, но теперь, видя ихъ недѣйствительность, началъ мало по малу давать имъ чувствовать свою силу. Во-первыхъ, онъ издалъ законъ, которымъ запрещалъ Христіанамъ учиться грамматикѣ и риторикѣ ***). Онъ оправдывалъ это несправедливое

*) *Ammian. Marcellin.* lib. XXIII, cap. 1: Ambitiosum quondam apud Hierosolymam templum, quod post multa et interneciva certamina, obsidente Vespasiano posteaque Tito, aegre est expugnatum, instaurare sumptibus cogitabat immodicis, negotiumque maturandum Alypio dederat Antiochensi, qui olim Britannias curaverat pro praefectis. Cum itaque rei idem fortiter instaret Alypius juvaretque provinciae rector, metuendi globi flammarum prope fundamenta crebris assultibus erumpentes fecere locum, exustis aliquoties operantibus, inaccessum; hocque modo, elemento destinatius repellente, cessavit inceptum.

**) Онъ примѣнилъ къ себѣ и Христіанамъ 2 стиха, въ которыхъ у Гомера (Od. X. 73) Эолъ отказываетъ Улиссу въ попутномъ вѣтрѣ;

Οὐ γάρ μοι θέμις ἐστί, κομίζεμεν ἠ ἐλεαίρειν
Ἄνδρας, οἵ κε θεοῖσιν ἀπεχθῶντ' ἀθανάτοισιν.

Ибо я не могу ни содѣйствовать вѣтромъ попутнымъ,
Ни сожалѣть о мужахъ безсмертнымъ богамъ ненавистныхъ.

***) *Julian.* Epp. 42. (Opp. ed. Spanh. p. 422) *Orosius* lib. VII,

запрещеніе тѣмъ, что люди, полагающіе столько достоинства въ своей Вѣрѣ, не заслуживаютъ того, чтобъ учиться наукамъ, и что тотъ, кто презираетъ боговъ Гомера и Демосѳена, недостоинъ объяснять ихъ сочиненія. Оттого Христіане были удалены со всѣхъ публичныхъ каѳедръ, и такъ какъ молодое поколѣніе не могло оставаться безъ образованія, а учиться теперь позволено было только у языческихъ софистовъ, то эта мѣра могла бы имѣть великія слѣдствія, если бы отступникъ царствовалъ долѣе. Второю насильственною мѣрою Юліана противъ Христіанъ было повелѣніе возстановить всѣ разрушенные ими при прежнихъ правителяхъ языческіе храмы. Исполненіе сего повелѣнія въ рукахъ языческихъ чиновниковъ, надѣявшихся жестокостью противъ Христіанъ заслужить милость Императора, подало поводъ ко многимъ кровавымъ сценамъ и жестокимъ гоненіямъ во всѣхъ частяхъ государства. Юліанъ имѣлъ намѣреніе усилить еще насильственныя мѣры противъ Христіанъ; впрочемъ, вѣроятно, чтобы они спокойно покорились дальнѣйшимъ ограниченіямъ: хотя они и увѣряли, что слезы и молитвы ихъ единственное оружіе противъ безбожнаго тирана, на главу котораго ежедневно призывали мщеніе оскорбленнаго неба, но въ то же время давали замѣтить, что всякое терпѣніе имѣетъ предѣлъ, и что если они доселѣ повиновались, то не изъ слабости, а потому что не хотѣли нарушать заповѣди. Судя по этому, надлежало ожидать самыхъ худыхъ послѣдствій, если бъ Юліанъ возвратился побѣдителемъ изъ похода противъ Персовъ, предпринятаго имъ въ 363 г. Для этого похода онъ соединилъ лучшую часть Римскихъ военныхъ силъ. Онъ самъ пошелъ внизъ по Эвфрату до того мѣста, гдѣ самый малый промежутокъ отдѣляетъ эту рѣку отъ Тигра. Здѣсь онъ положилъ перейти черезъ Тигръ и здѣсь же долженъ былъ соединиться съ нимъ Царь Армянскій, вмѣстѣ съ под-

cap. 30: Aperto tamen praecepit edicto, ne quis Christianus docendorum liberalium studiorum professor esset. И прибавляетъ: Sicut a majoribus nostris compertum habemus, omnes ubique propemodum officium quam fidem deserere maluerunt.

крѣплявшими его Римскими генералами, которымъ онъ далъ приказаніе спуститься сюда по лѣвому берегу Тигра. Онъ велѣлъ также слѣдовать за собою находившемуся на Эвфратѣ флоту и, разсчитывая на каналъ, соединявшій эту рѣку съ Тигромъ, думалъ перевести по немъ суда. Но такъ какъ онъ нашелъ каналъ заваленнымъ, то долженъ былъ сперва съ большими усиліями его вычистить. Хотя такимъ образомъ онъ и достигъ Тигра и при Ктезифонѣ перешелъ черезъ него, но, не найдя здѣсь ожидаемыхъ изъ Арменіи подкрѣпленій, увидѣлъ себя въ весьма непріятномъ положеніи. Не было возможности ни итти впередъ на Востокъ, ни отступить по той же дорогѣ; оставалось только направить путь вверхъ по Тигру, и такъ какъ онъ не могъ въ этомъ походѣ вести за собою кораблей, не употребивъ на это половину своей арміи, то принужденъ былъ сжечь ихъ. Никто въ Римскомъ войскѣ не зналъ дороги: должно было ввѣриться Персидскимъ проводникамъ, которые, отдаливъ сперва Императора съ арміею отъ рѣки, чрезъ плодоносныя страны, завели наконецъ въ широкую пустыню и тамъ скрылись, оставивъ Римлянъ на произволъ судьбы. Въ то же время начали появляться со всѣхъ сторонъ многочисленныя толпы Персовъ, которые при всякомъ случаѣ старались затруднять имъ путь и вредить. Хотя Юліанъ и достигъ берега, но невозможно было переправиться черезъ рѣку безъ кораблей и въ виду непріятеля. И такъ должно было продолжать походъ на Армению, но для сего перехода надлежало употребить двадцать дней, и войско должно было нести провіантъ на все это время на себѣ, потому что въ странахъ, лежавшихъ на пути Римлянъ, Персы истребили всѣ запасы, которыхъ не успѣли вывезти. Повсюду, гдѣ дорога становилась трудною, являлись Персидскіе стрѣлки и всадники, и къ трудностямъ похода, недостатку въ съѣстныхъ припасахъ и опасностямъ боя, присоединился еще свойственный тѣмъ странамъ палящій зной, отъ котораго потерпѣли особенно Галльскіе и Германскіе легіоны. Не смотря на все это, Римляне продолжали свой путь, хотя медленно, но мужественно. Юліанъ самъ подавалъ во всемъ примѣръ и сдѣлался

жертвою своей отважности. Однажды, когда онъ, днемъ, по причинѣ зноя снялъ панцырь, Персы напали на Римлянъ. Не теряя времени на вооруженіе, Юліанъ поспѣшилъ на мѣсто битвы, обратилъ непріятелей въ бѣгство, но, погнавшись за ними, былъ пораженъ дротикомъ. Онъ упалъ безъ чувствъ съ лошади и былъ перенесенъ въ поставленный наскоро шатеръ. Юліанъ показалъ въ послѣднія минуты великую твердость и достоинство: онъ говорилъ, что платитъ долгъ природѣ безъ страха и печали, что философія и религія научили его считать смерть не несчастіемъ, а счастіемъ, и что въ увѣренности, что онъ не сдѣлалъ въ жизни своей никакого зла, умираетъ съ спокойною совѣстью. «Благодарю вѣчное существо, что оно не попустило мнѣ умереть ни отъ жестокости тирана, ни отъ кинжала заговорщиковъ, ни отъ страданій продолжительной болѣзни; боги послали мнѣ прекрасную смерть, среди славнаго поприща, и я съ радостью покоряюсь ихъ велѣнію.» Касательно престолонаслѣдія, онъ отказался сдѣлать рѣшительное распоряженіе *). Сдѣлавъ завѣщаніе и отпустивъ офицеровъ, онъ бесѣдовалъ еще о существѣ души съ сопровождавшими его въ походѣ философами и около полуночи на 25-е Іюня 363 г. испустилъ духъ.

Что бы представить, какое впечатлѣніе произвела смерть Юліана на обѣ партіи, для этого нужно читать сочиненія того времени. Горесть язычниковъ и радость Христіанъ при извѣстіи объ оной были равно безпредѣльны. Но какъ ни много выиграло отъ этого Христіанство, однако для государства смерть его была чувствительною потерею; войско, окруженное непріятелемъ и угро-

*) *Амміанъ Марцеллинъ* (lib. XXV, cap. 3) сохранилъ предсмертную рѣчь его; слова его касательно престолонаслѣдія были слѣдующія: Super imperatore vero creando caute reticeo, ne per imprudentiam dignum praeteream, aut nominatum, quem habilem reor, anteposito forsitan alio, in discrimen ultimum tradam.

жаемое голодомъ, потеряло съ Юліаномъ послѣднюю надежду на спасеніе. И дѣйствительно, избранный на мѣсто Юліана, *Іовіанъ*, не могъ иначе выйти изъ этого стѣсненнаго положенія, какъ заключеніемъ съ Персами постыднаго мира; уничтоженіемъ же всѣхъ постановленій Юліана противъ Христіанъ и обнародованіемъ эдикта о вѣротерпимости, который успокоилъ партіи и прекратилъ волненія, грозившія государству внутренними потрясеніями, онъ оказалъ великую услугу. Впрочемъ, онъ умеръ уже въ началѣ 364 года. Его преемникъ *Валентиніанъ* принялъ къ себѣ въ соправители брата своего *Валента* и раздѣлилъ съ нимъ государство: ему оставилъ Востокъ, а Западъ удержалъ за собою. Это раздѣленіе государства на двѣ половины было прочно и скоро утвердилось различною политикою, которую оба Императора принуждены были принять.

Положеніе дѣлъ по смерти Юліана требовало необходимо скорѣйшаго избранія новаго Императора. Для этого на слѣдующій день собрались всѣ высшіе начальники войска. Но немногіе часы, протекшіе отъ смерти Императора до этого собранія, успѣли пробудить духъ партій, и уже легко можно было отличить прежнихъ друзей Констанція отъ друзей Юліана. Раздѣленіе арміи въ виду непріятеля имѣло бы самыя печальныя послѣдствія: по этому благоразумнѣйшіе поспѣшили поднесть діадему префекту Саллюстію. Никто не могъ сказать что либо противъ этого выбора, кромѣ самого избраннаго: онъ отвергъ предложеніе. Генералы рѣшили уже до времени отложить избраніе, какъ вдругъ немногіе голоса провозгласили Императоромъ и Августомъ одного придворнаго чиновника, primicerium domesticorum, *Флавія Іовіана*. Это провозглашеніе было повторено стражею, стоявшею около шатра, и скоро раздалось по всему лагерю,

такъ что генералы поспѣшили соединить свои голоса съ голосомъ войска. Іовіанъ, обязанный такимъ нечаяннымъ возвышеніемъ, можетъ быть, своей ревности къ Христіанской Религіи, принялъ избраніе. Онъ прежде всего приказалъ продолжать путь, но походъ становился со дня на день затруднительнѣе, потому что Персы, узнавъ о происшедшемъ въ Римскомъ станѣ, начали живѣе нападать на отступающихъ. На четвертый день по смерти Юліана Римляне достигли города Дуры и здѣсь пытались построить черезъ Тигръ мостъ, но не успѣли, а между тѣмъ прошло два дня, такъ что они теперь охотно склонялись на сдѣланныя имъ Сапоромъ мирныя предложенія. Во время переговоровъ протекло еще четыре дня; запасы Римлянъ совершенно истощились и имъ не оставалось на выборъ ничего другаго, кромѣ голодной смерти или принятія мира, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Сколь ни постыденъ былъ заключенный съ Персами договоръ, но онъ былъ необходимъ. По Дурскому трактату Римляне возвратили Персамъ провинціи, уступленныя сими послѣдними Діоклеціану, и пожертвовали крѣпостями Низибисомъ и Сингарою; съ трудомъ выпросили для жителей этихъ несчастныхъ городовъ печальное позволеніе удалиться съ своимъ движимымъ имуществомъ*). Этимъ унизительнымъ договоромъ Іовіанъ началъ свое правленіе, но, не смотря на то, что вступилъ въ предѣлы государства, запятнанный безславіемъ, онъ имѣлъ въ глазахъ большей части подданныхъ одно преимущество, которое перевѣшивало всѣ его недостатки: онъ былъ ревностный Христіанинъ. Онъ немедленно уничтожилъ всѣ постановленія Юліана противъ Христіанской Церкви и возвратилъ ей отнятыя права. Въ то же время обнародовалъ эдиктъ, которымъ признавалъ законнымъ существованіе не только всѣхъ

*) Амміанъ обвиняетъ Іовіана, что онъ нарочно поспѣшилъ заключить миръ, изъ страха къ Юліанову родственнику, Прокопію, стоявшему съ войскомъ въ Арменіи: Adulatorum instabat globus timido principi, Procopii metuendum subserens nomen eumque adfirmans, nisi rediret, cognito Juliani interitu, cum intacto milite, quem regebat, novas res, nullo renitente, moliturum.

Христіанскихъ сектъ, но даже и язычниковъ и обезпечивалъ ихъ императорскимъ покровительствомъ. Лично Императоръ показывалъ себя послѣдователемъ ученія о Единосущности, и постоянный поборникъ этого символа Вѣры, Аѳанасій, въ глубокой старости имѣлъ еще отраду видѣть свои труды и страданія вознагражденными императорскою милостью. Онъ не только опять занялъ свой архіепископскій престолъ, но и былъ приглашенъ ко двору въ Антіохію, гдѣ получилъ самый почетный пріемъ. Онъ скоро воротился въ Александрію и управлялъ своею паствою еще въ продолженіе десяти лѣтъ, не переставая въ то же время руководствовать своими совѣтами и всю Православную Церковь, которой былъ самою твердою опорою. Передъ отъѣздомъ Аѳанасій обѣщалъ Императору долгое и мирное царствованіе, но его желаніе не исполнилось. Іовіанъ зимою выѣхалъ изъ Антіохіи въ Константинополь, но достигъ только Дадастаны, маленькаго города между Анцирою и Никеею. Здѣсь онъ ночевалъ и на другой день (26-го Февраля 364 г.) найденъ на постели мертвымъ. Кажется, причиною смерти Императора было то, что онъ по неосторожности легъ спать въ комнатѣ, только что выбѣленной, которой нездоровый воздухъ сдѣлался еще заразительнѣе отъ угольевъ, принесенныхъ для нагрѣванія ея. Въ продолженіе десяти дней по кончинѣ Іовіана престолъ оставался незанятымъ. Наконецъ въ Никеѣ, главной квартирѣ арміи, генералы собрались для новаго выбора. Опять обратились къ префекту Саллюстію и опять получили отказъ. Но Саллюстій указалъ на *Валентиніана*, опытнаго и любимаго войскомъ генерала. Валентиніанъ объявилъ 28-го Марта соправителемъ брата своего *Валента*. Не зная Греческаго языка, Валентиніанъ чувствовалъ себя на Востокѣ какъ въ чужой странѣ, по этому предоставилъ его своему брату, а самъ принялъ правленіе надъ Западомъ.

Валентиніанъ провелъ все свое правленіе въ войнѣ съ Германцами, но съ помощью отличныхъ генераловъ, между которыми особенно возвысился

своими заслугами *Ѳеодосій*, отецъ въ послѣдствіи бывшаго Императоромъ Ѳеодосія Великаго, успѣлъ наконецъ утвердить безопасность границъ и поддержать спокойствіе внутри. По смерти его, въ Ноябрѣ 375 года, правленіе перешло въ слабыя руки сына его *Граціана*, который принялъ къ себѣ въ соправители несовершеннолѣтняго брата своего *Валентиніана II*, между тѣмъ какъ Востокъ имѣлъ не лучшаго государя въ Валентѣ, и въ это самое время произошло движеніе въ Готеской націи и, съ такъ называемымъ *великимъ переселеніемъ народовъ*, начался для Римской Имперіи повый рядъ войнъ и опасностей.

Въ какія слабыя руки попали по смерти Валентиніана I бразды правленія, видно уже изъ одного факта: генералъ Ѳеодосій, только что предъ тѣмъ увѣнчавшій свои подвиги подавленіемъ мятежа въ Африкѣ, получилъ въ награду позорную смерть. Не трудно было представить молодому Граціану услугу Ѳеодосія преступленіемъ и его вѣсъ въ государствѣ опаснымъ: Ѳеодосій былъ схваченъ, запутанъ въ процессъ, приговоренъ къ смерти и въ 376 г. казненъ въ Карѳагенѣ. Валентъ, съ самаго начала своего правленія, показалъ себя неспособнымъ и недостойнымъ занимать престолъ, и скоро исключительнымъ предпочтеніемъ аріанизму и жестокостью, съ которою были собираемы налоги и недоимки, возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Это показалось *Прокопію* *), единственному, находившемуся еще въ живыхъ, родственнику Юліана, благопріятною минутою оставить убѣжище, въ которомъ доселѣ скрывался, и внушило ему бодрость отважиться на смѣлое предпріятіе. Въ 365 году онъ явился собранному близъ Констаптино-

*) Какимъ образомъ и въ какомъ близкомъ родствѣ находился Прокопій съ Юліаномъ, въ точности неизвѣстно; Греки означаютъ его въ отношеніи къ тому и другому словомъ ἀνέψιος.

поля войску и былъ провозглашенъ отъ него Императоромъ. Послѣ того онъ овладѣлъ Константинополемъ и далъ своему дѣлу вѣсъ и народность вступленіемъ въ бракъ со вдовою Императора Констанція, у которой осталась отъ него дочь, пятилѣтнее дитя. Воспоминаніе о домѣ Константина Великаго пробудилось въ ветеранахъ во всей силѣ, и когда маленькую Принцессу проносили по рядамъ старыхъ воиновъ, то они въ восторгѣ говорили, что будутъ защищать до послѣдней капли крови это порфирородное дитя. Возстаніе распространилось по Ѳракіи и Виѳиніи и казалось тѣмъ опаснѣе, что Валентъ потерялъ все присутствіе духа и въ страхѣ не могъ ни на что рѣшиться. Однако твердость и мужество его генераловъ и министровъ не допустили его до паденія; генералы дѣйствовали на Прокопіевыхъ солдатъ своимъ вліяніемъ, сокровища Валентовы подкрѣпили это моральное дѣйствіе; по этому, когда въ 366 г. при Наколіи во Фригіи дошло до сраженія, Прокопій былъ не только оставленъ солдатами, но и выданъ своему противнику. Онъ былъ тотчасъ казненъ; равной съ нимъ участи подверглись и многіе другіе, которыхъ обвиняли въ участіи въ его замыслѣ. Такъ какъ Прокопій находился въ связяхъ съ Дунайскими Готѳами, то слѣдствіемъ подавленія его была война съ ними, продолжавшаяся три года и кончившаяся въ 369 г. миромъ, по которому они, хотя и пришли въ свое прежнее отношеніе къ Имперіи, но съ нѣкоторыми тягостными ограниченіями: прекращена прежняя свобода въ сношеніяхъ и уничтожена плата ежегодныхъ денежныхъ подарковъ, которые до сихъ поръ получала отъ государства большая часть Готоскихъ князей. Непосредственно по окончаніи Готѳской войны, Валентъ долженъ былъ поспѣшить на Востокъ, гдѣ Персы заняли Арменію и угрожали Малой Азіи. По Дурскому договору Царь Армянскій Арзакъ долженъ былъ признать власть Персовъ, но такъ какъ Сапоръ не могъ полагаться на его вѣрность, то выжидалъ только благопріятной минуты, чтобы торжественно овладѣть этою страною. Война Валента съ Готѳами показалась самымъ удобнымъ для этого временемъ. Сапоръ пригласилъ Армянскаго Царя къ

себѣ, и Арзакъ былъ такъ неосторожент, что въ 369 г. явился ко двору Персидскаго Царя; въ честь его былъ данъ блестящій праздникъ, и среди забавъ и удовольствій онъ былъ схваченъ и ослѣпленъ. Онъ прожилъ еще нѣкоторое время въ Экбатанской тюрьмѣ, и неизвѣстно, собственною ли рукою прекратилъ свою плачевную жизнь, или былъ умерщвленъ по повелѣнію Сапора. Сынъ его, Пара, былъ спасенъ матерью, и этотъ Принцъ служилъ теперь попеременно игрушкою то Римлянамъ, то Персамъ, пока Римляне, испытавъ его вѣроломство, не велѣли умертвить его. Впрочемъ, война за замѣщеніе Армянскаго престола еще продолжалась, но наконецъ прекратилась сама собою, потому что престарѣлый Саноръ, столько же лѣтъ жившій, сколько и правившій, не чувствовалъ болѣе прежней силы и честолюбія, и взоры Римлянъ скоро отъ береговъ Эвфрата обратились къ берегамъ Дуная, гдѣ необыкновенное событіе вдругъ возвѣстило начало великаго переселенія народовъ.

Что Германцы стали уже твердою ногою въ Римскомъ мірѣ, это лучше всего видно изъ того, что множество Римскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ были Германскаго происхожденія, но ни нравы, ни образованіе ихъ не могли еще имѣть господствующаго вліянія на Римскую жизнь; напротивъ теперь, когда вдругъ цѣлыя войска ихъ съ женами и дѣтьми вторгались въ Имперію, отношеніе измѣнилось, и міръ, сдѣлавшійся теперь повсюду Христіанскимъ, быстро переходитъ въ характеръ варварства. Первый толчекъ къ этому движенію подало *вторженіе Гуновъ въ Европу* и *происшедшія отъ этого неустройства между Готѳами.* Готѳская нація раздѣлялась тогда на двѣ различныя и отдѣльныя политическія части: поселившіеся со времени Авреліа-

на въ Дакіи и на Дунаѣ назывались Вестъ-Готѳами и были управляемы родоначальниками, носившими названіе судей; замѣчательнѣйшіе изъ этихъ вождей были тогда *Атанарихъ*, *Фритигернъ* и *Алавифъ*. Готѳы, поселившіеся въ нынѣшней Россіи, къ которымъ принадлежали также Германскія племена, Ругіійцы, Гепиды, Герулы и Вандалы, назывались Остготѳами и находились въ то время подъ правленіемъ Царя *Германриха*. Его царство простиралось отъ береговъ Балтійскаго Моря до Дона и было, по своей обширности и могуществу, славнѣйшимъ послѣ Римскаго и Персидскаго. Но оно не выдержало напора Гунновъ, и въ слѣдствіе этого Остготѳское дворянство оставило страну; также и Вестготѳы уклонились отъ борьбы съ Гуннами и обратились къ Императору съ просьбою о дозволеніи поселиться на Римской землѣ. Просьба ихъ была исполнена, но скоро между ними и Римскими чиновниками открылись несогласія, а потомъ дѣло дошло и до войны. Въ 378 г. при Адріанополѣ произошло несчастное для Римлянъ сраженіе: Валентъ самъ былъ убитъ, и восточныя провинціи, лишенныя теперь всякой защиты, сдѣлались бы жертвою Готѳскихъ опустошеній, если бъ Императоръ Граціанъ не послалъ туда принятаго имъ въ соправители *Ѳеодосія Великаго*, который явился спасителемъ ихъ. Онъ успѣлъ привести Готѳовъ къ покорности и къ прочному поселенію въ назначенныхъ имъ областяхъ, и подавленіемъ аріанисма успокоилъ Востокъ также и въ религіозномъ отношеніи.

Что совершили или потерпѣли Гунны до вступленія ихъ въ сношенія съ Римскимъ Государствомъ, мы не знаемъ, да и не имѣемъ нужды знать *). Для насъ они получаютъ историческое значеніе только съ того момента, какъ переходятъ черезъ Азовское Море. Судя по описаніямъ, какое дѣлаютъ о нихъ современные писатели, видно, что они состояли изъ Монгольскихъ ордъ. Отвратительная наружность Монголовъ всегда возбуждала ужасъ въ народахъ Кавказскаго происхожденія, отличающихся стройностью своихъ формъ; это случилось и теперь: дикій и безобразный видъ Гунновъ исполнилъ одинаковымъ ужасомъ и отвращеніемъ, какъ Грековъ и Римлянъ, такъ и Готѳовъ: тѣ и другіе приняли ихъ не за людей, но первые за двуногихъ звѣрей, а послѣдніе за злыхъ духовъ **). Что касается до политическаго устройства Гунновъ при первомъ ихъ появленіи, то оно представляло такой же дикій видъ, какъ и ихъ наружность: отдѣльныя орды ихъ не зависѣли одна отъ другой, но въ совокупности образовали страшную массу физическихъ силъ, которая, будучи неизвѣстною намъ причиною приведена въ движеніе, съ не-

*) Французскій писатель прошедшаго столѣтія, *Дегинъ*, занимавшійся историческими изысканіями, посвятилъ всю свою жизнь на изслѣдованіе Исторіи Гунновъ, и сколько могъ рѣшилъ этотъ вопросъ отчасти въ своемъ обширномъ твореніи: *Histoire des Huns*, отчасти въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, находящихся въ Mémoires de l'Academie des Inscriptions. Для этого онъ старался согласить Китайскихъ лѣтописцевъ и Монгольскія преданія съ разсказами западныхъ, но достигъ своей цѣли только съ помощію множества гипотезъ, странныхъ толкованій и натянутаго словопроизводства, которыя тѣмъ меньше имѣютъ цѣны, чѣмъ онѣ искусственнѣе. Теперь его изысканія совсѣмъ потеряли вѣсъ, и я упоминаю о нихъ потому только, что результаты ихъ приняты Гиббономъ.

**) *Амміанъ Марцеллинъ* въ своемъ превосходномъ описаніи (lib. XXXI, cap. 2) называетъ Гунновъ prodigiosae formae et pandi, ut bipedes existimes bestias vel quales in commarginandis pontibus effigiati stipites dolantur incompte. *Іорнандъ* (de reb. Get. cap. 24) говоритъ: Erat eis quaedam, si dici fas est, deformis offa, non facies, habensque magis puncta, quam lumina. Между Готѳами господствовало повѣрье, что такіе безобразные люди произошли отъ смѣшенія колдуней съ лѣсными духами, и подобное мнѣніе естественно еще болѣе увеличило ихъ отвращеніе къ нимъ и ужасъ.

удержимою силою устремилась впередъ, увлекая за собою, или сокрушая все, что встрѣчала на своемъ пути *). Къ Гуннамъ присоединилось уже Турецкое племя Алановъ, когда они въ 375 году появились на границахъ Остготѳскаго Царства. Престарѣлый Король его Германрихъ вооружился для отраженія этого нападенія, но подвластныя Остготѳамъ Славянскія племена, повидимому, охотнѣе желали соединиться съ непріятелемъ, нежели сражаться противъ него. Два Роксолана, оскорбленные Германрихомъ, съ жадностью схватились за этотъ случай къ отмщенію. Они нанесли старому Королю рану, отъ которой онъ черезъ нѣсколько недѣль умеръ. Это несчастное событіе, равно какъ и недовѣрчивость къ покореннымъ племенамъ, привели Готѳовъ въ замѣшательство, нерѣшительность и уныніе, и когда сынъ и наслѣдникъ Германриха, *Витимеръ*, вышелъ наконецъ съ своими Готѳами на встрѣчу Гуннамъ и далъ имъ рѣшительное сраженіе, то былъ разбитъ и погибъ самъ. Въ слѣдствіе сего страшнаго пораженія почти вся Остготѳская нація покорилась Гуннамъ, только небольшая часть ея, взявъ съ собою малолѣтняго сына павшаго Короля, *Витериха*, и вручивъ опеку надъ нимъ двумъ Готѳскимъ вождямъ, долго находившимся въ Римской службѣ, Алатею и Сафраксу, проложила себѣ путь подъ предводительствомъ ихъ до рѣки Данаста или Днѣстра, отдѣлявшаго ихъ отъ Вестготѳовъ. Сіи послѣдніе сначала положили защищаться за этою рѣкою, но когда увидѣли, что она не удерживаетъ легкихъ коней Гуннскихъ, то совершенно упали духомъ, и между вождями обнаружилось несогласіе: часть Вестготѳовъ послѣдовала за Атанарихомъ въ лѣса и горы Трансильванія, нынѣшней Семиградской Области, а остальные, подъ предводительствомъ Алавифа и Фритигерна, пошли къ берегамъ Дуная и обратились съ просьбою о покровительствѣ и мѣстѣ для поселенія къ Римскому Императору; они указывали на широкія и пустыя равнины Мезіи и умоляли о поз-

*) *Ammian. Marcellin.* l. c. Aguntur autem nulla severitate regali, sed tumultuario optimatum ductu contenti perrumpunt, quidquid inciderit.

воленіи занять эти мѣста. Валентъ находился въ Антіохіи и не сводилъ еще глазъ съ театра Персидской войны, какъ вдругъ получаетъ извѣстіе, что Царство Готоское пало, и что большая часть этой націи покрываетъ берега Дуная и умоляетъ о принятіи въ предѣлы Имперіи. Ихъ положеніе требовало скораго и опредѣленнаго рѣшенія, и такъ какъ при дворѣ видѣли въ принятіи ихъ не столько опасность, сколько пользу для государства, то положили исполнить ихъ просьбу. Вестготоы ревностью епископа *Улфилы* были уже обращены въ Христіанскую Вѣру и слѣдовательно сдѣлались способными къ началамъ высшаго образованія; они обѣщали быть на Римской землѣ вѣрными союзниками и защитниками государства. Однако, изъ предосторожности, Римское правительство соединило принятіе ихъ съ слѣдующими условіями: они должны были выдать оружіе, представить своихъ дѣтей въ заложники вѣрности и платить за доставляемые имъ съѣстные припасы наличными деньгами. Тотчасъ по полученіи императорскаго повелѣнія Готоы начали переходить черезъ Дунай, и, не смотря на безчисленное множество собранныхъ здѣсь судовъ, переправа продолжалась нѣсколько дней. Съ достовѣрностью можно принять, что число вступившихъ въ предѣлы государства весною 376 г., кромѣ женъ и дѣтей, простиралось до 200,000 человѣкъ способныхъ носить оружіе. Чтобы удержать такую массу варваровъ, не знавшихъ никакой дисциплины, въ порядкѣ и повиновеніи, нужно было большое искусство, но какъ ни искусны, можетъ быть, были управлявшіе тогда Оракіею, Максимъ и Лупицинъ, однако они употребили свои дарованія только для собственныхъ выгодъ. Сперва они оставили при Готоахъ оружіе и потомъ стали продавать имъ самые дурные припасы по непомѣрно дорогой цѣнѣ. Готоы скоро почувствовали недостатокъ, и это необходимо должно было довести ихъ до отчаянія; они начали производить насилія и перестали повиноваться распоряженіямъ Римскаго правительства. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда также и бѣжавшіе отъ Гунновъ Остготоы пришли, подъ предводительствомъ Сафракса и Алатея, съ своимъ несовершеннолѣтнимъ

Королемъ Витерихомъ къ берегамъ Дуная и просили, чтобъ и имъ дозволили вступить въ Имперію на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приняты ихъ единоплеменники Вестготѳы. Имъ было отказано, но они, дождавшись удаленія отъ берега Римскихъ войскъ, также переправились черезъ рѣку и стали твердою ногою на Римской землѣ. Такимъ образомъ, въ области Имперіи находились двѣ массы варваровъ, одни независимые и непріязненные, другіе готовые къ разрыву и войнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, несправедливые поступки Римскихъ чиновниковъ принудили Вестготѳовъ нарушить договоръ, и при Марціанополѣ они обнаружили свое неудовольствіе явнымъ возстаніемъ. Лупицинъ хотѣлъ поправить все дѣло истребленіемъ Готѳовъ и напалъ на нихъ недалеко отъ Марціанополя, но потерпѣлъ страшное пораженіе. Можно себѣ представить, что Готѳы, оставшись побѣдителями, выместили понесенныя ими несправедливости на жителяхъ провинціи *). Къ нимъ присоединилось множество варваровъ, поселившихся здѣсь съ давнихъ временъ, или принятыхъ въ Римскую военную службу; Ѳракійскіе рудокопы также возмутились и показали имъ горные проходы, даже Гунны и Аланы перешли черезъ Дунай, теперь никѣмъ не охраняемый, и пристали къ Готѳамъ, чтобы дѣлить съ ними добычу и опасности войны. Въ продолженіе всего 377 года дѣйствія противъ Готѳовъ были безуспѣшны: они перешли черезъ Гемусъ и опустошали открытую страну до самой Ѳессаліи. Надлежало страшиться за существованіе государства, если скоро не будетъ положено конца распространенію ихъ опустошеній. По этому Валентъ перевелъ въ Европу Азіятскіе легіоны, между тѣмъ какъ племянникъ его Граціанъ шелъ къ нему на помощь съ силами Запада; но Валентъ, увлеченный нетерпѣніемъ, вознамѣрился рѣшить дѣло до прибытія Граціана, и 9-го Августа 378 г., при Адріанополѣ, напалъ на варваровъ. Здѣсь Римляне потерпѣли такое страшное пораженіе, что Амміанъ срав-

*) Illa dies, говоритъ Іорнандъ, Gothorum famem Romanorumque securitatem ademit, coeperunique Gothi jam non ut advenae et peregrini, sed ut cives et domini possessoribus imperare.

пиваетъ его съ Каннскимъ: двѣ трети войска и большая часть генераловъ остались на мѣстѣ битвы, и самъ Императоръ погибъ. Несчастіе при Каннахъ постигло Римъ въ цвѣтѣ его силъ; ударъ, нанесенный ему при Адріанополѣ, былъ не менѣе гибеленъ и засталъ государство въ то время, когда оно клонилось къ паденію. Между тѣмъ какъ тогда онъ спасенъ былъ Фабіемъ Максимомъ, такъ и теперь нашелъ себѣ спасителя въ Ѳеодосіи Великомъ *). Отецъ его, какъ выше сказано, былъ казненъ въ Африкѣ. Ѳеодосій, тогда уже занимавшій въ арміи высокій постъ, хотя и не былъ замѣшанъ въ дѣло отца, однако счелъ благоразумнымъ оставить службу и жить частнымъ человѣкомъ; онъ удалился на свою родину въ Испанію, и тамъ, недалеко отъ Валладолида, занимался управленіемъ своего наслѣдственнаго имѣнія. Изъ этого уединенія онъ былъ, въ 379 г., вызванъ Граціаномъ ко двору, именованъ Августомъ и получилъ въ управленіе Востокъ, съ тѣмъ, чтобы очистить его сперва отъ варваровъ. Ѳеодосій оправдалъ выборъ Граціана. Онъ не вступалъ съ Готѳами въ рѣшительное сраженіе, но ограничивался только обороною укрѣпленныхъ городовъ и нанесеніемъ непріятелю вреда въ небольшихъ схваткахъ; между тѣмъ, въ тоже время умѣлъ искусно поселять между ними раздоръ и пользоваться имъ. По смерти Фритигерна, у Готѳовъ не было одного всѣми признаннаго главы; вожди ихъ заключили съ Ѳеолосіемъ отдѣльные договоры, и въ теченіе четырехъ лѣтъ по-

*) Здѣсь оканчивается сочиненіе *Амміана Марцеллина*, которому мы обязаны подробнѣйшими извѣстіями о послѣднемъ двадцатилѣтіи: онъ заключаетъ его слѣдующими словами: Haec ut miles quondam et Graecus a principatu Caesaris Nervae exorsus adusque Valentis interitum pro virium explicavi mensura, nunquam, ut arbitror, sciens silentio ausus corrumpere vel mendacio. Scribant reliqua potiores aetate doctrinisque florentes; quos id, si libuerit, aggressuros procudere linguas ad majores moneo stilos. Однако, ни совѣтъ его, ни примѣръ не нашли послѣдователей; по этому въ исторіи Ѳеодосія Великаго мы опять должны обратиться къ темнымъ источникамъ, изъ которыхъ главный есть разсказъ *Зосима*, къ служащимъ дополненіемъ къ нему, скуднымъ хроникамъ, или многословнымъ и пустымъ панегирикамъ.

слѣ Адріанопольской битвы, благоразумiемъ Ѳеодосія Готѳы были во всѣхъ мѣстахъ приведены къ покорности и къ мирному заселенію назначенныхъ имъ областей. Вестготѳамъ отведены были мѣста во Ѳракіи, а Остготѳамъ въ Фригіи и Лидіи. Живя вмѣстѣ и по законамъ и обычаямъ предковъ, *Готѳы образовали въ нѣдрахъ Имперіи первое Германское военное государство.* Это отношеніе должно представлять себѣ такъ, что Готѳы были какъ бы приняты Императоромъ въ Римскую службу и въ вознагражденіе за это получили себѣ во владѣніе земли; они имѣли собственныхъ вождей, но признавали Императора своимъ военнымъ Королемъ. Въ договорѣ, заключенномъ съ ними Ѳеодосіемъ, между прочимъ находилось условіе, что Готѳы всегда должны имѣть наготовѣ для Восточнаго Императора 40,000 войска. Ѳеодосій надѣялся, что поселившіеся въ Имперіи варвары въ слѣдующей же генераціи измѣнятъ свой характеръ и сольются съ Римлянами по духу и образованію, но его надежда не исполнилась; напротивъ того, варварскій элементъ утвердилъ свою самостоятельность и простеръ свое вліяніе до самаго императорскаго двора. Явленіе Ѳеодосія на Востокѣ имѣло важныя слѣдствія также и въ религіозномъ отношеніи. Онъ былъ ревностный католикъ *) и въ самомъ началѣ правленія такъ рѣшительно обнаружилъ свой противо-аріанскій образъ мыслей, что паденіе аріанизма было очевид-

*) Въ 380 г. 28 Февраля, въ самый день крещенія своего, совершеннаго православнымъ епископомъ Ѳессалоникскимъ, Ахолiемъ, Ѳеодосій обнародовалъ слѣдующій эдиктъ: Cunctos populos, quos Clementiae nostrae regit temperamentum, in tali volumus religione versari, quam divinum Petrum Apostolum tradidisse Romanis religio usque nunc ab ipso insinuata declarat, quamque Pontificem Damasum sequi claret, et Petrum, Alexandriae episcopum, virum apostolicae sanctitatis, hoc est: ut secundum apostolicam disciplinam evangelicamque doctrinam Patris et Filii et Spiritus Sancti unam deitatem sub parili majestate et sub pia trinitate credamus. Hanc legem sequentes Christianorum catholicorum nomen jubemus amplecti, reliquos vero dementes vesanosque judicantes haeretici dogmatis infamiam sustinere, nec conciliabula eorum ecclesarium nomen accipere, divina primum vindicta, post etiam metus nostri, quem ex coelesti arbitrio sumserimus, ultione plectendos.

дно. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе правленія Ѳеодосія, эта ересь была повсюду уничтожена и только у обращенныхъ въ Христіанскую Вѣру Германскихъ народовъ она существовала еще долѣе.

И Западъ скоро подчинился вліянію Ѳеодосія. Послѣ умерщвленія Граціана онъ выступилъ защитникомъ его несовершеннолѣтняго брата Валентиніана II противъ узурпатора Максима, и когда Валентиніанъ не могъ утвердиться и былъ убитъ Франкомъ Арбогастомъ, то онъ не призналъ возвышеннаго симъ послѣднимъ Императора Евгенія, но самъ объявилъ притязанія на Западъ. Эта борьба особенно замѣчательна, потому что съ обѣихъ сторонъ сражались и рѣшили ее варвары подъ предводительствомъ своихъ національныхъ Князей. Ѳеодосій одержалъ побѣду и еще разъ, т. е. въ послѣдній, соединилъ всю Римскую Имперію подъ однимъ скипетромъ.

Между тѣмъ какъ Ѳеодосій благоразуміемъ и твердостью освободилъ Востокъ отъ непріятеля, снискалъ уваженіе подданныхъ и внушилъ страхъ врагамъ, Граціанъ потерялъ на Западѣ вмѣстѣ съ трономъ и жизнь. Въ 383 году Максимъ, военный сподвижникъ и соотечественникъ Ѳеодосія, былъ провозглашенъ Британскими легіонами Императоромъ и, какъ онъ утверждалъ, принужденъ принять порфиру; послѣ чего онъ перешелъ въ Галлію, гдѣ недовольныя войска, вмѣсто сопротивленія, также признали его. Вѣроломно оставленный своими, Граціанъ рѣшился бѣжать, намѣреваясь искать защиты по ту сторону Альпъ у брата своего Валентиніана; но былъ въ Ліонѣ задержанъ, выданъ посланнымъ за нимъ въ погоню офицерамъ Максима и ими умерщвленъ. Все это произошло съ такою быстротою, что Ѳеодосій, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о возмущеніи Максима, узналъ также объ успѣхахъ его и смерти Граціана. Не смо-

тря на горесть, причиненную этою вѣстью, когда прибыли отъ Максима послы для переговоровъ, Ѳеодосій долженъ былъ больше руководиться политикою, нежели своими чувствами. Результатомъ переговоровъ было признаніе Максима Императоромъ, съ тѣмъ, чтобы онъ довольствовался префектурою Галльскою, между тѣмъ какъ Иллирійская, Италія и Африка остались во владѣніи Граціанова брата, Валентиніана II, за несовершеннолѣтіемъ котораго правила мать его Юстина. Такимъ образомъ Римскій міръ снова былъ раздѣленъ между тремя Императорами. Ѳеодосій и Максимъ держались православнаго ученія, Императрица Юстина напротивъ предалась аріанизму и за это вступила съ Архіепископомъ Миланскимъ Амвросіемъ и своими подданными въ жесточайшій раздоръ. Никто не смотрѣлъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ на эту распрю двора Валентиніана II съ православнымъ народомъ, какъ Императоръ Максимъ, который, основываясь на этомъ, вознамѣрился лишить юнаго Императора принадлежавшей ему части Имперіи. Въ 387 г. онъ съ такою быстротою перешелъ Альпы и вторгнулся въ Италію, что Юстина едва успѣла бѣжать съ сыномъ въ Аквилею, и между тѣмъ какъ Максимъ сдѣлался такимъ образомъ, почти не обнажая меча, господиномъ всего Запада, Юстина сѣла на корабль и прибыла въ Ѳессалонику ко двору Ѳеодосія Великаго, умоляя о помощи. Хотя Ѳеодосій сильно упрекалъ ее за приверженность къ аріанизму, однако, какъ собственныя выгоды, такъ и долгъ благодарности побудили его употребить всѣ силы на возвращеніе похищеннаго трона изгнанному государю. Война, предпринятая въ 388 г. противъ Максима, была не такъ трудна, какъ казалась: одержавъ побѣду надъ полководцемъ Максима Андрагатомъ, Ѳеодосій съ такою быстротою явился съ своимъ войскомъ, составленнымъ изъ Готѳовъ, Гунновъ и Алановъ, предъ стѣнами Аквилеи, что Максимъ, находившійся въ ней, не имѣлъ времени принять мѣръ къ оборонѣ. Солдаты ему измѣнили: захвативъ его въ свои руки, они сорвали съ него знаки императорскаго достоинства и, привлекши въ непріятельскій лагерь, повергли къ ногамъ Ѳеодосія. Самъ им-

ператоръ охотно простилъ бы ему, но войско требовало его казни за смерть Граціана и изгнаніе Валентиніана; по этому Ѳеодосій предоставилъ его ярости солдатъ, и онъ былъ убитъ; той же участи подвергся и сынъ его Викторъ, умерщвленный по повелѣнію Франкскаго генерала Арбогаста. Ѳеодосій имѣлъ теперь въ своемъ распоряженіи всю Имперію, и хотя въ общественныхъ актахъ упоминалъ имя юнаго Валентиніана, однако во все время своего пребыванія на Западѣ правилъ одинъ. Впрочемъ благородному Императору и не приходило на мысль отнять престолъ у брата своего благодѣтеля; напротивъ, отправляясь въ 391 г. на Востокъ, онъ возвратилъ ему государство въ хорошемъ устройствѣ и цвѣтущемъ состояніи. Валентиніанъ II избралъ своею резиденціею Триръ, гдѣ обыкновенно жилъ и Граціанъ. При немъ министромъ и помощникомъ въ правленіи находился Арбогастъ, снискавшій расположеніе Ѳеодосія вѣрностію къ Граціану и пріобрѣтшій новыя права на его довѣренность заслугами, оказанными въ войнѣ противъ Максима. Возвышенный въ санъ magistri Galliarum, онъ, пользуясь своимъ мѣстомъ, запялъ Франками всѣ офицерскія мѣста и такимъ образомъ поставилъ войско въ совершенную отъ себя зависимость. Вскорѣ по отъѣздѣ Ѳеодосія, Валентиніанъ замѣтилъ, что онъ представляетъ одну только тѣнь правителя, а что дѣйствительная власть въ рукахъ Арбогаста. Желая освободиться отъ этой зависимости, онъ въ одно время обратился съ просьбою къ Архіепископу Амвросію и Императору Ѳеодосію, но, не имѣя терпѣнія дожидаться, что предпримутъ они для утвержденія между нимъ и всемогущимъ министромъ сносныхъ отношеній, онъ призвалъ къ себѣ дерзкаго Франка и съ трона, сидя на которомъ принялъ его, вручилъ ему бумагу, содержавшую увольненіе его отъ всѣхъ должностей. Надменный варваръ, разорвавъ ее въ клочки, съ презрѣніемъ бросилъ ихъ на полъ и, обратясь къ Императору, сказалъ: Nec imperium mihi dedisti, nec auferre poteris. Раздраженный въ высочайшей степени такою дерзостью Валентиніанъ выхватилъ у одного изъ тѣлохранителей мечъ, но ему не дали употребить его на противъ Ар-

богаста, ни противъ самого себя. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены Валентиніанъ былъ найденъ задушеннымъ на своей постели. Кто былъ виновникомъ этого злодѣянія, въ томъ нельзя было сомнѣваться, хотя Арбогастъ и старался представить смерть Императора самоубійствомъ. Онъ не польстился императорскимъ титуломъ, но, довольствуясь тѣмъ, что можетъ править именемъ другаго, возложилъ корону на своего прежняго секретаря, ритора Евгенія, достигшаго, по милости его, чина magistri officiorum. Впрочемъ Ѳеодосій не признавалъ похитителя, но вооружился къ войнѣ, и въ 294 г., окончивъ свои приготовленія, съ многочисленнымъ войскомъ, котораго ядро составляли Готѳы, выступилъ въ походъ; между Готѳами находился также Аларикъ, изучавшій теперь въ школѣ Ѳеодосія военное искусство Римлянъ, которое въ послѣдствіи употребилъ противъ нихъ. Равнымъ образомъ и Арбогастъ вооружился для поддержанія на тронѣ своего творенія, и какъ со стороны Ѳеодосія Готѳы, такъ подъ знаменами Евгенія преимущественно сражались Франки и Аллеманы. Арбогастъ, занявъ твердую позицію между Альпами и Адріатическимъ Моремъ, ждалъ нападенія, и дѣйствительно Ѳеодосій тотчасъ приступилъ къ окопамъ, за которыми тотъ укрѣпился съ своимъ Императоромъ. Сперва Ѳеодосій былъ отраженъ съ великою потерею; второй приступъ былъ счастливѣе. Ѳеодосію много помогло то, что въ рѣшительную минуту поднялся страшный вихрь и подулъ прямо въ лице непріятелю *); побѣда, одержанная имъ здѣсь, была такъ значительна, что совсѣмъ кончила войну. Евгеній былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ; Арбогастъ, не видя средства къ спасенію, бросился на свой мечъ. Ѳеодосій завоевалъ такимъ образомъ во

*) Поэтъ *Клавдіанъ* въ слѣдующихъ трехъ прекрасныхъ стихахъ воспѣваетъ благоволеніе неба къ Ѳеодосію; въ нихъ кажется страннымъ только примѣненіе къ христіанѣйшему и православнѣйшему изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ Императоровъ языческой миѳологіи:

O nimium dilecte Deo, cui fundit ab antris
Aeolus armatas hyemes, cui militat Aether,
Et conjurati veniunt ad classica venti.

второй разъ Западъ Имперіи и теперь опять соединилъ съ Востокомъ.

Важнѣйшая сторона правленія Ѳеодосія Великаго заключается въ дѣятельности его относительно Религіи и Церкви; изъ нея проистекло не только возвышеніе и утвержденіе Христіанской Іерархіи, но и совершенное подавленіе и уничтоженіе язычества. Съ возрастаніемъ Церкви вліяніе духовенства усилилось тѣмъ быстрѣе, что Ветхій Завѣтъ представлялъ развитію его твердое и широкое основаніе. Чтеніе ветхозавѣтныхъ книгъ незамѣтно и безъ всякихъ посторонніхъ стараній такъ дѣйствовало на духъ времени, что родилось представленіе, что Христіанское духовенство находится въ такомъ же отношеніи къ императорамъ и королямъ, въ какомъ являются намъ первосвященники Ветхаго Завѣта предъ Іудейскими царями. Ѳеодосій Великій былъ первый, при которомъ духовенство дало силу и значеніе этому праву, и, покорившись ему, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что признаетъ его. Далѣе Христіане уже въ тиши составили теорію, что правительство, попускающее безпрепятственно совершаться преступленію или оставляющее его безъ наказанія, дѣлается нѣкоторымъ образомъ само виновнымъ въ немъ, и примѣнили это правило къ идолослуженію, которое естественно должно было являться въ глазахъ каждаго Христіанина преступленіемъ противъ истиннаго Бога. Такимъ образомъ правила терпимости мало по малу незамѣтно исчезли, и въ благочестивомъ Ѳеодосіи Церковь нашла себѣ усерднаго поборника. Языческая ре-

лигія не имѣла уже силъ противостоять направленному противъ нея гоненію, и паденіе ея совершилось съ такою быстротою, что, спустя 28 лѣтъ по смерти Ѳеодосія, законодатель могъ бы усомниться, есть ли еще въ Римской Имперіи хотя одинъ язычникъ.

Ничто столько не споспѣшествовало къ утвержденію духовной власти, какъ церковное покаяніе Ѳеодосія Великаго, принятое имъ съ покорностью и смиреніемъ. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее происшествіе: въ 390 году, въ то время, какъ Императоръ находился въ Италіи, жители Ѳессалоники умертвили своего коменданта Ботериха. Въ первомъ гнѣвѣ, при извѣстіи объ этомъ убійствѣ, Ѳеодосій велѣлъ въ наказаніе истребить всѣхъ гражданъ мятежнаго города, и этотъ строгій приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе прежде, нежели онъ успѣлъ спокойно размыслить и раскаяться въ своей жестокости. Подъ предлогомъ игръ жители были собраны въ циркъ, и всѣ неосторожные, послѣдовавшіе этому приглашенію, должны были заплатить за входъ жизнію. Когда циркъ наполнился зрителями, вооруженные солдаты напали на беззащитную толпу и перебили всѣхъ безъ различія пола и возраста. Число убитыхъ полагаютъ отъ 7000 до 15,000. Какъ скоро извѣстіе объ этомъ кровопролитіи достигло Милана, тогдашней резиденціи Ѳеодосія, Архіепископъ Амвросій прервалъ съ Императоромъ всѣ сношенія, и когда послѣдній хотѣлъ войти въ соборную церковь, то Архіепископъ остановилъ его и воспретилъ входъ въ домъ Господень: «Ты подражалъ,» сказалъ онъ ему, «Царю Давиду въ преступленіи, такъ подражай ему и въ покаяніи.» Восемь мѣсяцевъ продолжалось отлученіе Ѳеодосія отъ Церкви, на которое осудилъ его Архіепископъ. Часто мысль, что Церковь, открывающая свободный доступъ рабамъ и нищимъ, заперта для него, приводила его въ негодованіе, но Амвросій оставался непреклоннымъ и объявилъ, что Императоръ можетъ лишить его жизни, но что не

въ его власти уничтожить приговоръ Церкви. Наконецъ, по прошествіи восьми мѣсяцевъ, Θеодосію позволено было принести покаяніе, по обнародованіи въ доказательство своего раскаянія эдикта, которымъ онъ положилъ между произнесеніемъ и исполненіемъ смертнаго приговора тридцатидневный срокъ. Покаяніе происходило всенародно въ Миланской соборной церкви. Повелитель полвселенной, представъ въ одеждѣ кающагося и повергшись на землю, громко молилъ Бога о прощеніи. Только послѣ такого униженія Амвросій снялъ съ него проклятіе и снова принялъ въ лоно Церкви. Въ этой достопамятной сценѣ духовная власть является вдругъ въ колоссальномъ видѣ; то, что развивалось въ тиши, совершилось теперь на самомъ дѣлѣ въ примѣръ потомству. Θеодосій съ самаго начала своего правленія стремился къ совершенному уничтоженію идолопоклонства. Въ 381 году, въ томъ самомъ, когда въ Константинополѣ происходилъ второй Вселенскій Соборъ, онъ запретилъ переходъ въ языческую вѣру; въ 390 объявлена тяжкая казнь за посѣщеніе капищъ и правительство не препятствовало народу, исполненному фанатизма, разрушать славнѣйшіе языческіе храмы. Напрасно другъ Юліана, Либаній, написалъ свое краснорѣчивое сочиненіе *περὶ τῶν ἱερῶν*, посвященное Θеодосію. Правительство не обращало вниманія на насилія, которымъ подвергалась ненавистная ей религія. Однако, не смотря на то, что языческіе храмы были или обращены въ Христіанскіе или разрушены, упорные язычники находили еще средства уклоняться отъ закона и соблюдать обряды своей религіи. Поэтому, въ 392 г., Θеодосій издалъ эдиктъ, которымъ запретилъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, всякое почитаніе идоловъ; по одержаніи побѣды надъ Евгеніемъ онъ распространилъ этотъ эдиктъ на всю Имперію *). Этотъ эдиктъ достигъ

*) Этотъ эдиктъ, изданный VI Id. Nov. Constantinopoli, Arcadio Aug. II et Rufino Coss. находится въ Cod. Theodos. XVI, 10, 12, и содержитъ въ себѣ слѣдующее: Nullos omnino ex quolibet genere, ordine hominum, dignitatum, vel in potestate positus vel honoro perfunctus, sive potens sorte nascendi seu humilis ge-

своей цѣли, потому что отселѣ запрещено было, какъ явное, такъ и тайное отправленіе языческаго богослуженія, и такимъ образомъ слѣдующая генерація возрасла совершенно подъ вліяніемъ Христіанства. Единственное противодѣйствіе, оказанное язычествомъ при концѣ своего существованія, состоитъ въ жалобахъ писателей, каковы напр. были Евнапій, Либаній и Зосимъ, которые упадокъ государства ставили въ вину Христіанской Религіи, и перевѣсъ варваровъ представляли слѣдствіемъ оставленія языческихъ боговъ. Эти жалобы нашли повсюду столь громкій отголосокъ, что два Христіанскіе духовные приняли на себя трудъ опровергнуть ихъ и отклонить обвиненіе, будто Христіанство причиною всѣхъ бѣдствій, постигшихъ государство: Орозій написалъ свою Всемірную Исторію и бл. Августинъ превосходное сочиненіе De civitate Dei.

Соединеніе Востока съ Западомъ продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ, потому что, хотя Ѳеодосій былъ еще въ полной силѣ, и его лѣта, по видимому, обѣщали долгое и счастливое царствованіе, однако въ слѣдствіе безпокойствъ послѣдняго похода въ немъ развилась болѣзнь, которой зародышъ онъ носилъ уже въ себѣ, съ такою быстротою, что менѣе нежели черезъ четыре мѣсяца по низверженіи Евгенія, 17 Января 395 г., онъ окончилъ свою славную жизнь. Передъ смертью Ѳеодосій назначилъ западную половину Имперіи своему меньшему сыну, одинадцатилѣтнему *Гонорію*, вручивъ надъ нимъ опеку одному

nere, conditione, fortuna, in nullo penitus loco, in nulla urbe sensu carentibus simulacris vel insontem victimam caedat, vel secretiore piaculo larem igne, mero genium, penates nidore veneratus accendat lumina, imponat thura, serta suspendat. Потомъ въ четырехъ параграфахъ исчисляются наказанія, положенныя за нарушеніе какой либо статьи этого эдикта.

искусному и испытанной вѣрности полководцу, Вандалу Стиликону; а старшій *Аркадій*, имѣвшій тогда 18 лѣтъ, получилъ себѣ въ удѣлъ Востокъ. Оба сына великаго Императора, кажется, не имѣли большихъ способностей отъ природы, а данное имъ воспитаніе нисколько не содѣйствовало къ исправленію врожденныхъ недостатковъ. По этому и Аркадій, не смотря на то, что по своему возрасту могъ бы править самъ, подчинился совершенно сперва вліянію Галла Руфина, и, по паденіи его, евнуху Евтропію и супругѣ своей Евдоксіи. Хотя идея, что обѣ отдѣльныя части государства должны составлять одно политическое цѣлое не исчезала и продолжала дѣйствовать долго еще въ Средніе Вѣка на понятія и политическую систему міра, однако, не смотря на то, взаимное отчужденіе ихъ усиливалось постоянно, потому что онѣ обѣ начали слѣдовать различной политикѣ, и каждая ревностно старалась уклониться отъ вліянія своей соперницы. Этими отношеніями воспользовался предпріимчивый Готѳъ, *Аларикъ*, для пріобрѣтенія силою оружія присоединившимся къ нему и избравшимъ его своимъ Королемъ Вестготѳамъ выгодныхъ мѣстъ въ принадлежавшей къ Восточной Имперіи части Иллирійской Префектуры.

По смерти Ѳеодосія, на Востокѣ, именемъ совершеннолѣтняго Аркадія, правилъ Галлъ Руфинъ также самовластно, какъ Стиликонъ въ качествѣ Гоноріева опекуна на Западѣ. Оба они завидовали другъ другу, и каждый старался низвергнуть своего соперника. Въ этой борьбѣ Стиликонъ одержалъ верхъ. Хитрый Руфинъ положилъ женить Императора Аркадія на

своей дочери, и это нанесло первый ударъ его вліянію. Евнухи, замѣтивъ, что Императоръ согласился на этотъ бракъ болѣе изъ страха къ своему министру, нежели по склонности, основали на этомъ планъ къ низверженію Руфина: они обратили вниманіе Императора на Евдоксію, дочь одного Франка, находившагося въ Римской службѣ, по имени Бауто, и успѣли возбудить въ немъ любовь къ ней. Евнухъ Евтропій такъ искусно велъ всѣ эти придворныя интриги, что Руфинъ не прежде замѣтилъ обманъ, какъ уже послѣ брака Аркадія съ Евдоксіею. Чувствуя, что его вліяніе и сила начинаютъ колебаться, Руфинъ искалъ сколько возможно подкрѣпить ихъ внѣшними средствами и между прочимъ потребовалъ отъ Стиликона возвращенія принадлежащихъ къ восточной арміи легіоновъ, которые всѣ еще оставались на Западѣ. Стиликонъ отослалъ ихъ безпрекословно, но подъ предводительствомъ преданнаго ему генерала, Готоа Гайны, съ которымъ, безъ сомнѣнія, напередъ уговорился о планѣ умерщвленія Руфина. Когда войска, въ Ноябрѣ 395 г., подошли къ Константинополю, то Императоръ, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, вышелъ, въ сопровожденіи Руфина, принять опору и огражденіе своего трона; по данному Гайною знаку Руфинъ былъ окруженъ Готоами и убитъ. Впрочемъ, Стиликонъ не пріобрѣлъ ничего этимъ открытымъ убійствомъ своего соперника, потому что съ этого времени начали править именемъ слабаго и тѣломъ и душею Аркадія евнухъ Евтропій и Императрица Евдоксія, а Гайна, за чинъ magistri militum, измѣнилъ видамъ Стиликона и посвятилъ свой мечъ и войско на защиту независимости Восточной Имперіи. Что не удалось Руфину на Востокѣ, того достигъ Стиликонъ на Западѣ; въ 398 г. онъ выдалъ дочь свою Марію за четырнадцатилѣтняго Гонорія и тѣмъ еще болѣе утвердилъ свое вліяніе, хотя этого почти и не было нужно при такомъ слабомъ и беззаботномъ Государѣ какъ Гонорій, который проводилъ все время внутри двора, не знаемый ни народомъ, ни войскомъ. Чѣмъ болѣе Императоръ скрывался отъ взоровъ подданныхъ, тѣмъ самостоятельнѣе развивалась власть полководцевъ; они пріобрѣ-

тали вліяніе на варваровъ и могли набирать изъ нихъ армію. Когда правительство Восточной Имперіи отвергло услуги, предложенные Готоскимъ вождемъ Аларихомъ, этотъ предпріимчивый человѣкъ склонилъ своихъ единоплеменниковъ къ нарушенію договора, заключеннаго съ Ѳеодосіемъ Великимъ. Готоы снова разлили опустошеніе по Ѳракіи, Македоніи и Ѳессаліи и, не встрѣчая сопротивленія, въ 396 г. чрезъ Ѳермопилы проникли въ самую Грецію. Овладѣвъ судами, стоявшими въ Греческихъ гаваняхъ, они дѣлали опаснымъ плаваніе по Адріатическому Морю и угрожали берегамъ самой Италіи. Стиликонъ не могъ спокойно смотрѣть на это, даже если бы и желалъ менѣе вмѣшиваться въ дѣла Восточнаго государства. Потому, для предупрежденія приготовленій Готоовъ противъ Италіи, онъ снарядилъ флотъ и переправился на немъ съ войскомъ въ Пелопоннесъ. Готоы отступили передъ нимъ въ горы Аркадіи и тамъ были имъ окружены. Въ этомъ опасномъ положеніи Аларикъ выказалъ свой великій талантъ полководца: онъ успѣлъ счастливо пробиться въ Эпиръ, въ слѣдствіе чего Константинопольскій дворъ, чтобы не имѣть въ немъ опаснаго врага и въ Стиликонѣ тягостнаго союзника, согласился на его требованія. Аларикъ былъ возвышенъ въ санъ magistri militum восточной части Иллирійской Префектуры, и его войскамъ даны въ этой провинціи во владѣніе земли *). Въ этой уступчивости скрывалось признаніе въ слабости, которое долженствовало пробудить въ славолюбивой душѣ Аларика чувство собственнаго превосходства и стремленія къ новымъ завоеваніямъ. Приведенные въ удивленіе подвигами своего вождя, Готоы избрали Аларика своимъ Королемъ. По дре-

*) Поэтъ Клавдіанъ (in Eutrop. lib. II, vs. 213) выражаетъ негодованіе, возбужденное во всѣхъ подвластныхъ Риму странахъ этою уступчивостью, въ слѣдующихъ сильныхъ стихахъ:

— — — Qui foedera rumpit,
Ditatur, qui servat eget. Vastator Achivae
Gentis et Epirum nuper populatus inultam
Praesidet Illyrico. Jam quos obsedit amicus
Ingreditur muros, illis responsa daturus,
Quorum conjugibus potitur natosque peremit.

внему обычаю онъ былъ поднятъ на щиты и съ радостными кликами провозглашенъ Королемъ Вестготѳовъ. Конечно онъ былъ еще Королемъ безъ царства, но уже въ минуту своего возвышенія онъ замышлялъ новыя завоеванія. На первый разъ, однако-жъ, пользуясь пріобрѣтеннымъ имъ выгоднымъ положеніемъ, онъ ограничился только лучшимъ вооруженіемъ Готѳовъ изъ государственнаго арсенала и далъ имъ на время отдыхъ для новыхъ предпріятій. Между тѣмъ какъ Стиликонъ, въ 398 г., снова покорилъ Африку, гдѣ братъ прежняго узурпатора Фирма, Гильдонъ, провозгласилъ себя Императоромъ, на Востокѣ былъ низверженъ Евтропій, за то что вступилъ въ ссору съ Императрицею и Гайною. Гайна старался стать въ Восточной Имперіи на то же мѣсто, которое Стиликонъ съ такою славою занималъ въ Западной, но у него не было для этого довольно благоразумія и энергіи, и злоупотребленіемъ своей власти онъ ускорилъ свое паденіе. По изгнаніи и умерщвленіи Гайны, Восточная Имперія пользовалась нѣкоторое время спокойствіемъ, которое было нарушаемо только церковными несогласіями. Императрица Евдоксія, оскорбленная порицаніями, громко говоренными противъ нея Архіепископомъ Константинопольскимъ *Іоанномъ Златоустомъ*, не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не отмстила этому краснорѣчивому и достойному святителю. Съ сею цѣлію, соединившись съ его богословскими противниками, главою которыхъ былъ Архіепископъ Александрійскій, Ѳеофилъ, она составила въ Халкедонѣ Соборъ и велѣла ему осудить и низложить Златоуста. Но волненіе народа, принявшаго сторону Архіепископа, не допустило привести этотъ приговоръ въ исполненіе, и правительство должно было само возвратить ему отнятый престолъ. Впрочемъ, утвердить доброе согласіе между строгимъ и прямымъ Златоустомъ и Императрицею было невозможно, и уже по прошествіи немногихъ мѣсяцевъ приговоръ противъ него былъ возобновленъ. На этотъ разъ правительство приняло сильныя и дѣйствительныя мѣры. Отрядъ Готѳскаго войска обуздывалъ народъ въ то время, какъ Архіепископъ, въ Іюнѣ 404 г., былъ схваченъ и отправленъ въ горо-

докъ Кукузъ, находившійся на самыхъ дальнихъ предѣлахъ Киликіи. Въ этомъ изгнаніи онъ прожилъ еще три года и скончался въ 407 году; здѣсь-то въ самомъ блестящемъ свѣтѣ является его значеніе, потому что почитатели его приходили къ нему сюда изъ отдаленнѣйшихъ странъ, и дѣятельною перепискою, отъ которой до насъ дошли 242 письма, продолжалъ онъ управлять дѣлами Христіанскаго міра. Западъ Римской Имперіи съ такимъ живымъ участіемъ принялъ его сторону, что Гонорій грозилъ брату своему войною, если онъ не возвратитъ несправедливо низложеннаго и изгнаннаго Архіепископа. Хотя смерть Златоуста и отвратила слѣдствія этого несогласія, но 30 лѣтъ спустя Восточная Церковь и правительство признали свою несправедливость. Мощи Архіепископа были перенесены въ торжественной процессіи въ Константинополь; тогда царствовавшій Императоръ Ѳеодосій II отправился на встрѣчу имъ въ Халкедонъ и при приближеніи ихъ повергся на землю, умоляя Святаго о прощеніи за отца своего Аркадія и мать Евдоксію.

Едва утвердившись въ восточной части Иллирійской Префектуры, Аларикъ стремился поставить себя въ тѣ же отношенія и къ Западной Имперіи, и потребовалъ у Стиликона западной части пріобрѣтенной имъ префектуры. Подобно какъ на Востокѣ, онъ и здѣсь старался поддержать свое требованіе оружіемъ, но Стиликонъ выгналъ его изъ Италіи. Между тѣмъ въ Италію вторгнулись другія толпы варваровъ, и Стиликонъ заключилъ съ Аларикомъ союзъ и дружбу; онъ думалъ, что, смиривъ его гордость, можетъ даровать ему то, въ чемъ долженъ былъ отказать его дерзкому требованію. Но для спасенія Италіи онъ принужденъ былъ вывести войска изъ Британніи и Галліи, и слѣдствіемъ того

была потеря Галльской Префектуры, гдѣ одинъ узурпаторъ былъ провозглашенъ Императоромъ, подъ именемъ Константина III. При дворѣ Гонорія всю вину этихъ несчастій слагали на Стиликона и происшедшее по волѣ Провидѣнія приписывали его умышленнымъ распоряженіямъ. Въ робкомъ Гонорін не трудно было возбудить подозрѣніе противъ министра, но такъ какъ невозможно было открыто напасть на этого сильнаго человѣка и низвергнуть его, то Императоръ долженъ былъ вступить въ заговоръ противъ собственнаго своего слуги. Стиликонъ, увѣренный въ своей безопасности и невинности, презиралъ ковы враговъ своихъ, и дѣйствительно никогда не является онъ въ лучшемъ свѣтѣ, какъ въ то время, когда Императоръ, которому въ продолженіе стольких лѣтъ онъ служилъ защитой и опорою, измѣнически погубилъ его.

Приготовившись достаточно къ войнѣ, Готѳскій король Аларикъ въ 402 г. вторгнулся въ Италію, въ намѣреніи доставить себѣ такое же важное мѣсто и на Западѣ, какое имѣлъ на Востокѣ. Между тѣмъ, какъ Стиликонъ собиралъ войско, Гонорій искалъ убѣжища въ Равеннѣ, и этотъ городъ по причинѣ своего твердаго положенія и удобства бѣжать изъ него моремъ, сдѣлался отселѣ императорскою резиденціею. Стиликонъ, прибывъ въ Италію съ войсками, выведенными имъ изъ Британніи и Галліи и набранными въ Германіи, нашелъ Готѳовъ при Асти и въ Св. Недѣлю 403 г., при Полленціи, принудилъ къ сраженію, которое хотя и не было совершенно рѣшительнымъ, однако главныя преимущества котораго остались на сторонѣ Римлянъ. Готѳы, потерявъ обозъ и плѣнныхъ, отступили, наблюдаемые и преслѣдуемые Стиликономъ, и въ томъ же году были имъ еще разъ поражены при Веронѣ. Стиликонъ,

давъ почувствовать Готѳскому Королю превосходство своихъ силъ, согласился на его требованіе, такъ что теперь вся praefectura Иллирісі поступила въ управленіе Аларика. Договоръ Стиликона съ Аларикомъ послужилъ первымъ поводомъ къ сомнѣнію въ его вѣрности. Подозрительность народа искала подъ простою и естественною политикою скрытныхъ плановъ честолюбія, и такимъ-то образомъ произошло то, что усилія этого полководца защитить и доставить бо́льшую крѣпость государству были первымъ и главнымъ орудіемъ, употребленнымъ врагами къ его низверженію. Лишь только была отклонена опасность, грозившая со стороны Аларика, какъ новая буря разразилась надъ Италіею. Въ 405 г. явилась многочисленная толпа варваровъ, составленная изъ различныхъ Германскихъ народовъ, и требовала, чтобы ее приняли въ Римскую службу на тѣхъ же условіяхъ, какъ и войска Аларика; вождемъ ея былъ *Радагайсъ*, родомъ Готѳъ, и подъ начальствомъ его находилось 12,000 знатныхъ людей съ своею дружиною. Стиликонъ не хотѣлъ впустить эти орды въ предѣлы государства; впрочемъ онъ былъ не въ силахъ удержать этотъ потокъ людей, устремившійся чрезъ проходы Граубинденскіе и Тирольскіе на Италію; онъ не препятствовалъ опустошительному разлитію его по долинамъ Ломбардіи, пока наконецъ не нашелъ средства смирить его въ Апеннинахъ. Здѣсь искуснымъ маневрами онъ умѣлъ поставить варваровъ въ такое тѣсное положеніе, что они или погибли отъ меча и голода или принуждены были сдаться. Самъ Радагайсъ попалъ въ плѣнъ и былъ умерщвленъ; прочихъ плѣнниковъ Стиликонъ размѣстилъ по легіонамъ, для пополненія ихъ послѣ потерь, понесенныхъ въ эти двѣ войны. Но вмѣсто награды за спасеніе Италіи онъ заслужилъ неблагодарность. Несправедливость времени и зависть мелочныхъ душъ видѣли въ его связяхъ съ варварами преступные замыслы, и то, чему онъ не могъ воспрепятствовать, приписывали его распоряженіямъ. Именно, въ то время, какъ онъ защищалъ Италію, Галлія и Испанія сдѣлались добычею варваровъ, а въ Британніи явился узурпаторъ. Нѣкто *Константинъ* былъ въ

407 г. провозглашенъ Британскими легіонами Императоромъ; онъ тотчасъ перешелъ въ Галлію и, поразивъ посланнаго противъ него Готѳскаго генерала Сара, овладѣлъ и этою провинціею. Онъ употребилъ все, что было въ его власти для очищенія ея отъ варваровъ, и въ 408 г. занялъ также Испанію, куда послалъ сына своего Константа, давъ ему въ руководители генерала Геронція. Послѣ того, какъ вся praefectura Galliarum подпала подъ власть его, Гонорій не могъ долѣе отказывать въ признаніи его Императоромъ, чего онъ домогался. Враги Стиликона при Равеннскомъ дворѣ воспользовались этими происшествіями для возбужденія противъ него подозрѣній Императора; выдумали, будто онъ намѣренъ, въ союзѣ съ Аларикомъ, итти противъ Константинополя и поставить на Востокѣ Императоромъ своего сына Евхерія. Одинъ изъ первыхъ придворныхъ чиновниковъ, Олимпій, вкрался въ довѣренность Гонорія и былъ руководителемъ заговора, составившагося теперь при дворѣ противъ могущественнаго министра. Всѣ подобныя историческія происшествія покрыты завѣсою непзвѣстности. Впрочемъ, если государь долженъ вступать въ заговоръ противъ своего подданнаго, то это доказываетъ только неестественное между ними отношеніе, а вовсе еще не преступленіе, и въ самомъ дѣлѣ, вся вина Стиликопа, по видимому, состояла только въ томъ, что вліяніе его превозмогало вліяніе государя. Римская армія стояла тогда въ Верхней Италіи, но обнаруживала совершенно различныя чувства: одна часть была предана Стиликону, другая ненавидѣла его за то, что онъ предпочиталъ ей первую. Между этими врагами Стиликона важнѣйшій былъ Готъ Саръ. Потому Олимпій склонилъ его къ участію въ заговорѣ, который рѣшили привести въ исполненіе во время предположеннаго Императоромъ личнаго смотра войскамъ. Съ этою цѣлью Гонорій отправился изъ Равенны чрезъ Болонью въ Павію. Стиликонъ, находившійся въ свитѣ Императора, кажется, проникъ замыселъ; но крайней мѣрѣ, онъ остался при преданной ему части войска въ Болоньи, между тѣмъ какъ Императоръ продолжалъ путь въ Павію. Здѣсь, на четвертый

день по прибытіи его, всѣ приверженцы министра были умерщвлены, и если подумать, что почти всѣ высшіе государственные сановники были изъ его друзей, то можно представить, сколько упразднилось теперь мѣстъ и какое произошло отъ того разстройство. Какъ скоро пришло въ Болонью извѣстіе объ этомъ кровопролитіи, стоявшая тамъ армія обнаружила готовность не только защищать своего полководца, но и отомстить за него и за смерть его друзей; она требовала, чтобъ онъ тотчасъ велъ ее противъ Императора. Стиликонъ не могъ рѣшиться на этотъ крайній шагъ и не хотѣлъ даже для своей защиты явиться въ видѣ измѣнника, какимъ представила его клевета враговъ. Онъ удалился въ Равенну въ убѣжище одной церкви, надѣясь, можетъ быть, что время откроетъ его невинность. Между тѣмъ Гонорій, руководимый совѣтами Олимпія, одобрилъ и наградилъ солдатъ за совершенныя ими убійства и послалъ въ Равенну два повелѣнія: одно — посадить Стиликона подъ стражу, а другое — казнить его, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, употребить противъ него то или другое. Когда ему показали одно только повелѣніе арестовать его, то онъ оставилъ убѣжище и отдался въ руки своихъ враговъ; но едва увидѣли они его въ своей власти, какъ тотчасъ объявили ему смертный приговоръ, который и былъ приведенъ въ исполненіе 23 Августа 408 г. Сынъ его Евхерій былъ замѣшанъ въ дѣло отца и раздѣлилъ его участь; всѣ остававшіеся еще въ живыхъ друзья Стиликона были преслѣдуемы и лишаемы жизни. Черезъ четыре мѣсяца обнародованъ императорскій эдиктъ, въ которомъ Стиликонъ былъ заклейменъ именемъ praedo publicus и упрекаемъ въ расточеніи казны на варваровъ. Какъ бы ни думали о немъ, однако нельзя не сознаться, что онъ обладалъ великою энергіею и талантами, какъ въ военныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, и что заслуги, оказанныя имъ государству, важны и очевидны, между тѣмъ какъ преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ, темно и невѣроятно.

Самыя обстоятельства отомстили за оказанную Стиликону несправедливость. Гонорій увидѣлъ,

чего лишился въ немъ, когда уже было поздно. Варвары, доселѣ удерживаемые въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Риму уваженіемъ или страхомъ къ военнымъ талантамъ Стиликона, теперь устремились на Западную Имперію; къ тому же присоединилась необходимая по понятіямъ Германцевъ кровная месть и желаніе добычи. Все это побудило Готѳовъ и Алановъ возстать противъ Императора и его новаго министра Олимпія. Главою вооружившихся для мщенія явился Аларикъ; онъ вторгнулся въ Италію и самодержавно дѣйствовалъ въ ней, между тѣмъ какъ Гонорій сидѣлъ за стѣнами Равенны; въ 410 г. онъ овладѣлъ Римомъ и выместилъ на немъ свое негодованіе на упорство Императора, но въ томъ же году смерть положила конецъ его дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Хотя преемникъ его, *Атаульфъ*, также живо чувствовалъ военное превосходство Германцевъ надъ Римлянами, однако сознавалъ и то, что послѣдніе имѣютъ на своей сторонѣ превосходство умственнаго образованія. Онъ расчелъ, что лучше воспитать Готѳовъ для гражданской жизни подъ вліяніемъ Римскаго устройства и законовъ, нежели основывать на развалинахъ Имперіи варварское государство; потому заключилъ съ Гоноріемъ договоръ, по которому, вмѣстѣ съ рукою принцессы Плацидіи, получилъ земли въ Галліи. Его появленіе въ этой странѣ и дѣятельность Римскаго генерала Констанція произвели то, что узурпаторы были низвергнуты, и поселившіеся въ Галліи и Испаніи

Германскіе народы признали, по крайней мѣрѣ, Императора своимъ верховнымъ главою.

По умерщвленіи Стиликона, тысячи Готѳовъ, Алановъ и другихъ варваровъ обратились къ Аларику съ изъявленіемъ готовности быть ему путеводителями и храбрыми сподвижниками, если онъ поведетъ ихъ въ Италію для мщенія. Готѳскій Король принялъ вызовъ и выступилъ мстителемъ за смерть Стиликона: между прочимъ, онъ потребовалъ, чтобы правительство дало ему мѣсто убитаго министра и утвердило магистромъ utriusque militiae. Получивъ отказъ, онъ въ 407 г. вторгнулся въ Италію. Онъ нашелъ ее совершенно беззащитною, потому что, въ слѣдствіе умерщвленія Стиликона и распоряженій новаго министра Олимпія, не осталось ни одного легіона отъ войскъ, которымъ Гонорій не задолго предъ тѣмъ дѣлалъ смотръ *). Оттого Аларикъ дошелъ до самой Равенны, не встрѣтивъ сопротивленія. Не теряя времени на осаду этой крѣпости, онъ пошелъ на Римъ, намѣреваясь возвѣстить свои повелѣнія изъ древней столицы Римской Имперіи. Римъ не видалъ въ стѣнахъ своихъ непріятеля съ тѣхъ поръ, какъ былъ взятъ Галлами, а со временъ Аннибала, Римъ не видалъ его и передъ братами; онъ не былъ приготовленъ къ выдержанію осады, и когда Готѳы отрѣзали подвозъ, то въ немъ открылся страшный голодъ **). По этому Римскій Сенатъ долженъ былъ, безъ предварительнаго доклада Императору, вступить отъ своего имени въ переговоры съ Аларикомъ и заплатить за снятіе осады значительную сумму. Въ

*) Въ какомъ духѣ были распоряженія новаго министра, видно изъ слѣдующаго: Eos qui Catholicae sectae sunt inimici, intra palatium militare prohibemus. *Nullus sit nobis aliqua ratione conjunctus, qui a nobis fide et religione discordat.*

**) *Зосимъ* разсказываетъ, что чернь въ Римѣ требовала, чтобы позволено было продавать человѣческое мясо, и Св. *Іеронимъ*, въ письмѣ (ep. 96) *Ad Principiam virginem* выражается объ открывшемся въ Римѣ недостаткѣ слѣдующими словами: Ad nefandos cibos erupit esurientium rabies et sua invicem membra laniarunt, dum mater non parcit lactanti infantiae et recipit utero, quem paulo ante effuderat.

концѣ 408 г., Аларикъ отступилъ въ *Тусцію* и занялъ тамъ зимнія квартиры. Во время пребыванія его здѣсь, присоединеніе множества невольниковъ варварскаго происхожденія подкрѣпило его силы, и шуринъ его Атаульфъ привелъ къ нему также новыя толпы Готѳовъ и Гунновъ. Аларикъ ждалъ, какъ будутъ приняты предложенія, сдѣланныя имъ Равенискому двору, но хотя, по видимому, низверженіемъ Олимпія преграда къ примиренію между Императоромъ и Готѳскимъ Королемъ и была устранена, однако, не смотря на то, ни Гонорій, ни новый министръ его, Іовій, не соглашались на возведеніе его въ санъ генералиссимуса. Тогда Аларикъ принялъ, для достиженія желаемаго другой путь: онъ заставилъ Римлянъ провозгласить Императоромъ префекта города, *Аттала*, и конечно получилъ отъ него все, въ чемъ отказывалъ ему Гонорій; самъ сдѣлался magister utriusque militiae, а зять его Атаульфъ comes domesticorum. Впрочемъ, Атталъ былъ для Готѳскаго Короля только орудіемъ для устрашенія Гонорія; онъ надѣялся, что явленіе претендента на императорское достоинство уменьшитъ гордость Гонорія и сдѣлаетъ его уступчивѣе, но когда это не сбылось, то онъ низложилъ созданнаго имъ Императора и за непреклонность Гонорія рѣшился излить свое мщеніе на Римъ. Въ третій разъ, въ 410 г., Аларикъ явился передъ столицею, и хотя Римляне приготовились къ оборонѣ, но это не помогло; ночью съ 23 на 24 Августа, Готѳамъ была отворена Porta Salariana, и военный крикъ непріятеля, пробудившій испуганныхъ жителей, возвѣстилъ имъ, что побѣдитель міра теперь самъ въ свою очередь достался на произволъ Германскихъ племенъ. Три дня продолжалось опустошеніе, и только одно облегчало ужасы бѣдствія, разразившагося во всевозможныхъ видахъ надъ несчастнымъ городомъ: Готѳы, будучи Христіанами, не касались до достоянія церквей и также до всего того, что было снесено туда жителями *). Многіе

*) *Орозій* (lib. VII, cap. 39) и бл. *Августинъ* (de civ. Dei lib. III, cap. 29) показываютъ, что Христіанская религія многократно полагала преполы дикости и лютости непріятеля.

Римляне и Италіянцы бѣжали изъ отечества, и берега Африки и Азіи до самаго Іерусалима были покрыты эмигрантами изъ благороднѣйшихъ фамилій, лишившихся при этомъ случаѣ всего своего имущества *). Чрезъ нѣсколько дней Аларикъ оставилъ разграбленный Римъ и направилъ походъ на Южную Италію съ намѣреніемъ покорить Сицилію, а оттуда и Африку; но его планы не удались. Онъ съ горестью видѣлъ передъ своими глазами гибель утлыхъ судовъ, на которыхъ хотѣлъ переправить часть своего войска, и въ томъ же году умеръ. Готоы погребли своего Короля въ руслѣ рѣки Бузентина и избрали ему преемникомъ шурина его, *Атаульфа*. Новый Король тотчасъ сталъ стремиться къ примиренію съ Римскимъ правительствомъ. Въ послѣдствіи онъ самъ открылъ свои мысли и намѣренія одному гражданину города Нарбонны, отъ котораго узналъ ихъ Орозій и въ своей исторіи сообщилъ потомству **). По этимъ разсказамъ, Атаульфъ, увѣренный въ своей силѣ и непобѣдимости, прежде всего замышлялъ совершенное измѣненіе тогдашняго порядка вещей; ему казалось не труднымъ истребить имя Рима, утвердить на развалинахъ его владычество Готоовъ и основаніемъ новаго царства пріобрѣсть себѣ славу Августа. Но мало по малу онъ убѣдился, что для основанія государствъ нужна не одна только

*) Св. *Іероним*ъ занимался въ это время въ своемъ уединеніи въ Виѳлеемѣ составленіемъ комментарія на Пророка Іезекіиля, когда эти благородные бѣглецы въ рубищахъ явились въ Палестинѣ, и пораженный столь великимъ и страшнымъ событіемъ, онъ въ этомъ самомъ комментаріи изложилъ свои чувствованія. S. Hieronym. in Ezech. T. III, p. 745.

**) *Oros.* lib. VII, cap. 43: Se inprimis ardenter inhiasse, ut obliterato Romano nomine Romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et vocaret, essètque (ut vulgariter loquar) Gothia, quod Romania fuisset, fieretque nunc Ataulphus, quod quondam Caesar Augustus. At ubi multa experientia probavisset, neque Gothos uno modo parere legibus posse, propter effrenatam barbariem, neque reipublicae interdici leges oportere, sine quibus respublica non est respublica, elegisse se saltem, ut gloriam sibi de restituendo in integrum augendoque Romano nomine Gothorum viribus quaereret, habereturque apud posteros Romanae restitutionis auctor, postquam esse non poterat immutator.

храбрость и военная сила, но также политическій умъ и твердое понятіе о законодательствѣ, и что Готѳы еще не способны нести спасительное имъ мирнаго и благоустроеннаго правленія. Съ этого мгновенія честолюбіе его приняло другое направленіе: онъ усердно желалъ поддержать Римское государство и искалъ славы не въ уничтоженіи, но въ сохраненіи порядка, на которомъ утверждено было зданіе Имперіи. Къ этой перемѣнѣ въ образѣ мыслей Атаульфа, безъ сомнѣнія, много способствовала сестра Гонорія, *Плацидія*. Эта принцесса попала въ руки Готѳовъ, при взятіи ими Рима, и принуждена была слѣдовать за ихъ войскомъ; впрочемъ, съ ней обходились съ приличіемъ и уваженіемъ; въ это время она внушила Королю Атаульфу такую сильную страсть къ себѣ, что онъ сталъ искать ея руки, и между тѣмъ какъ министры Гонорія возвращеніе Плацидіи ставили первымъ условіемъ мира, Атаульфъ настаивалъ, чтобы Императоръ согласился на его бракъ съ нею. Сначала казалось, что отъ этихъ несоединимыхъ требованій переговоры прекратятся, но императорскій дворъ уступилъ и даровалъ Готѳскому Королю то, въ чемъ не могъ бы долго отказывать. И такъ, въ 412 г., между Атаульфомъ и Римскимъ правительствомъ состоялся договоръ, по которому Готѳы были приняты Гоноріемъ въ Римскую службу и обязались снова привести въ повиновеніе отложившуюся Галлію. Неизвѣстно, гдѣ совершилось бракосочетаніе Атаульфа съ Плацидіею, въ Италіи, или въ Галліи; мы знаемъ только, что въ 412 г. Готѳы оставили опустошенную Италію и перешли совершенно въ новую для нихъ страну, гдѣ наконецъ достигли прочнаго утвержденія своего мѣстопребыванія и царства *). Прежде нежели Готѳы явились въ Галліи, Равеннскій дворъ имѣлъ отраду видѣть открывшіяся несогласія между самими узурпаторами. Геронцій возмутился противъ Константина III и, умертвивъ сына его Константа, осадилъ его въ Арлѣ. Впрочемъ, онъ самъ не принялъ порфиры, но облекъ ею друга

*) Geschichte der Westgothen von Dr. Aschbach. Frankfurt a. M. 1827. 8.

своего Максима. Гонорій воспользовался этими благопріятными обстоятельствами для утвержденія своей власти въ Галліи и послалъ туда генерала Констанція, который образовалъ себѣ войско въ Иллиріи. Его появленіе тотчасъ произвело свое дѣйствіе. Геронцій, страшась измѣны, бѣжалъ отъ своей партіи, и когда увидѣлъ невозможность спастись, то лишилъ себя жизни. Возвышенный имъ Императоръ Максимъ искалъ защиты у варваровъ въ Испаніи, но былъ ими въ 422 г. выданъ Гонорію и по повелѣнію его казненъ. Судьба Константина III была также скоро рѣшена; онъ сдался вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Юліаномъ на условіи личной безопасности, и для большей увѣренности вступилъ въ духовное званіе; но ни святость сана, ни данное слово не спасли его: онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ сыномъ. Равная участь постигла и новаго похитителя верховной власти, *Іовина*; онъ былъ въ 413 г. взятъ въ плѣнъ Готѳами и по повелѣнію Атаульфа лишенъ жизни. Самый Атталъ въ послѣдствіи попалъ во власть Гонорія и былъ за свою невольную вину наказанъ отсѣченіемъ руки*). Хотя такимъ образомъ верховная власть Императора была возстановлена, однако эти возмущенія не остались безъ послѣдствій. Такъ, по паденіи Геронція, находившіеся въ его службѣ варвары овладѣли большею частью Испаніи: Свевы подъ предводительствомъ Германриха, поселились въ Галиціи, Аланы, подъ предводительствомъ Атакса, въ Португаліи, Вандалы, подъ предводительствомъ Гундериха, въ Андалузіи. Противъ этихъ Германскихъ государствъ пошелъ теперь Атаульфъ съ своими Готѳами за Пиренеи, но достигъ только Барселоны, гдѣ въ 415 году палъ жертвою кровной мести. Онъ умертвилъ стараго врага своей фамиліи Сара, и былъ за то убитъ друзьями его; убійцы постояли на избраніи въ Короли Вест-

*) *Орозій*, окончившій, въ 417 г., свою исторію, говоритъ о судьбѣ Аттала, lib. VII, cap. 42: Attalus itaque, tamquam inane imperii simulacrum, cum Gothis usque ad Hispaniam portatus est. Unde discedens navi, incerta moliens, in mari captus et ad Constantium comitem deductus, deinde imperatori Honorio exhibitus, truncata manu vitae relictus est.

готѳовъ Сарова брата, *Сигериха*. Впрочемъ, неблагородными поступками съ фамиліею Атаульфа, онъ показалъ себя недостойнымъ возложенной на него власти. Онъ не только велѣлъ умертвить дѣтей его отъ перваго брака, но даже подвергъ оскорбленіямъ и насиліямъ самую сестру Императора, Плацидію. Это возбудило негодованіе Готѳовъ, и уже чрезъ семь дней правленія они умертвили его и провозгласили Королемъ князя *Валлію*. Онъ возвратилъ Плацидію ко двору брата ея, Императора, который выдалъ ее за Констанція, чтобы еще болѣе привязать этого вѣрнаго генерала къ интересамъ своего дома, и потомъ возводилъ его отъ одного достоинства къ другому; наконецъ, въ 421 г., провозгласилъ Августомъ и своимъ соправителемъ. Валлія возобновилъ съ Императоромъ договоръ, въ слѣдствіе котораго Готѳы должны были возвратить Гонорію захваченную варварами Испанію и за то получить въ Аквитаніи землю для поселенія; обѣ стороны сдержали слово. Между 411—418 г. Готѳы покорили всю Испанію, кромѣ Галиціи, въ горахъ которой утвердились Свевы, и кромѣ Южной Португаліи, гдѣ также удержались Вандалы и соединившіеся съ ними Аланы. За исключеніемъ этихъ земель Готѳы возвратили Имперіи всѣ южныя и восточныя провинціи Испаніи, и Гонорій праздновалъ ихъ побѣды тріумфальнымъ въѣздомъ въ Римъ. Въ награду за свои услуги Готѳы получили позволеніе поселиться въ Аквитаніи, и Вестготѳскій Король утвердилъ свою резиденцію въ Тулузѣ. И такъ, со времени Авреліана, когда Вестготѳы поселились въ Дакіи, Готѳы прошли чрезъ всю Римскую Имперію; сперва, по договору съ Ѳеодосіемъ Великимъ, они утвердили свое мѣстопребываніе во Оракіи, потомъ, съ согласія Аркадія, перешли въ Префектуру Иллирійскую и наконецъ, съ дозволенія Гонорія, утвердились въ Аквитаніи. Со времени перехода ихъ черезъ Дунай протекло 43 года; немногіе изъ тѣхъ, которые помнили спокойную и мирную жизнь въ своихъ прежнихъ жилищахъ, были еще въ живыхъ; большая часть родилась и возрасла среди войнъ и походовъ; оттого все это поколѣніе не прежде могло развить сѣмена новой гражданственности,

какъ воспитавшись подъ вліяніемъ формъ Римской политической жизни. Почти въ одно время съ Вестготоами, даны земли въ Галліи другому Германскому племени, Бургундамъ: они поселились въ той части Галліи, которая и нынѣ еще носитъ ихъ имя.

По поселеніи Вестготоовъ и Бургундовъ въ Галліи, образовалась цѣлая цѣпь варваровъ, которая частію облегала, частію пересѣкала Западную Имперію на всемъ протяженіи ея отъ низовьевъ Дуная до самой отдаленной окопечности Пиренейскаго полуострова. Такимъ образомъ, сообщеніе съ странами, лежавшими на сѣверъ отъ этой цѣпи, было отрѣзано; онѣ отложились, и правительство не сдѣлало никакой попытки къ удержанію ихъ въ повиновеніи. *Бритты и соплеменные съ ними Арморики, на сѣверномъ берегу Галліи, объявили себя независимыми; между тѣмъ какъ предводители варваровъ, поселившихся въ областяхъ государства, признавали величество и верховную власть Рима тѣмъ, что принимали титулы Римскихъ должностей и считали за честь называться Socii и Hospites Римлянъ.* Но какъ бы ни было еще сильно обольщеніе въ величіи и могуществѣ государства, однако оно должно было наконецъ исчезнуть, и уже при концѣ жизни Гонорія, государство находилось въ такомъ положеніи, что всякій разсудительный человѣкъ могъ сказать напередъ, что настало время его паденія.

Гонорій возложилъ управленіе государствомъ на зятя своего Констанція, который умеръ въ 421 г., вскорѣ послѣ своего возвышенія въ достоинство Августа. Такъ какъ у Гонорія не было дѣтей, то права на престолъ Западной Имперіи перешли къ рож-

деннымъ отъ Констанція дѣтямъ Плацидіи, дочери *Гонорія* и сыну *Валентиніану*. По смерти своего супруга, Плацидія прибыла ко двору въ Равенну, но оттуда, по несогласію съ братомъ, скоро удалилась въ Константинополь. Восточная Имперія между тѣмъ наслаждалась спокойствіемъ въ сравненіи съ бурями, потрясавшими Западъ. Аркадій умеръ въ 408 г., и такъ какъ сыну его, *Θеодосію II*, тогда было немного больше семи лѣтъ, то Гонорію хотѣлъ было принять на себя опеку надъ нимъ; но она возложена была на префекта Антемія, который и правилъ со славою до 414 г. Молодой Θеодосій былъ воспитанъ больше для обязанностей благочестія, нежели для государственныхъ дѣлъ и воинственныхъ трудовъ. Онъ проводилъ время во внутреннихъ покояхъ дворца, занимаясь невинными играми, и даже, сочетавшись бракомъ съ прекрасною Аѳинянкою Евдоксіею, поручилъ правленіе сестрѣ своей Пульхеріи, которая заняла мѣсто Антемія. Наслаждаясь спокойствіемъ, Восточная Имперія значительно усилилась и могла рѣшительно вмѣшаться въ дѣла Запада, когда Гонорій въ 423 г. умеръ, и за отсутствіемъ законнаго наслѣдника, Валентиніана III, явился узурпаторъ. Нельзя было ошибиться на счетъ состоянія государства тому, кто видѣлъ, что жизнь въ существенныхъ своихъ элементахъ сдѣлалась уже варварскою *). Варварамъ поручали всѣ высшія должности, ими же были отправляемы всѣ маловажныя службы. Епископъ Синезій говоритъ, что по русымъ волосамъ всѣхъ водовозовъ, дровосѣковъ, баньщиковъ и посыльщиковъ можно было узнать ихъ сѣверное происхожденіе; предсѣдатели правительственныхъ коллегій, предводители войскъ и большая часть отвыкшихъ отъ всякой дисциплины солдатъ были также изъ варваровъ. Когда такимъ образомъ варвары получили перевѣсъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни, преобразованіе было уже въ самомъ дѣлѣ совершено, и для устраненія

*) *Synesii*, episcopi Cyrenes, oratio de regno ad Arcadium imperatorem: in opp. a D. Petavio edit. Paris. 1640. fol. Въ этой рѣчи есть нѣсколько весьма хорошихъ мыслей и взглядовъ на современное состояніе общества.

формъ, которыя одинъ еще напоминали о прежнемъ бытѣ, не доставало только внѣшняго повода.

Весьма естественно, что при отношеніяхъ, развившихся въ теченіе Гонорієва правленія въ военномъ сословіи, особа Императора въ той же степени теряла вѣсъ, въ какой особа полководца пріобрѣтала значеніе. Предводители войскъ сдѣлались самостоятельными въ отношеніи къ Императору тѣмъ, что набранныя ими войска больше зависѣли отъ нихъ, нежели отъ правительства. Такимъ образомъ, хотя *Валентиніанъ III* и успѣлъ, съ помощію Восточнаго Императора, занять Западный тронъ, однако, при всемъ томъ, долженъ былъ принять въ свою службу и не увольнять бывшаго въ числѣ враговъ своихъ генерала *Аэція*, не смотря на то, что его интриги были причиною потери Африки, которая подпала подъ власть Вандаловъ. Низвергнувъ своего соперника Бонифація, Аэцій сдѣлался единственнымъ и неограниченнымъ повелителемъ всѣхъ провинцій государства, признававшихъ еще власть Валентиніана III, именемъ котораго онъ правилъ.

Важнѣйшими изъ Римскихъ военачальниковъ въ то время были *Бонифацій*, главнокомандующій военныхъ силъ въ Африкѣ, и *Кастинъ*, въ Италіи; оба питали другъ къ другу непримиримую ненависть, и такъ какъ Бонифацій пользовался особенною благосклонностью Плацидіи, то это было для Кастина достаточнымъ основаніемъ объявить себя противъ этой принцессы и ея сына Валентиніана. Сторону Кастина принялъ Аэцій, генералъ, пользовавшійся у варваровъ большою извѣстностью и уваженіемъ, и находившійся въ одинаковой дружбѣ, какъ съ Готѳами, такъ и съ Гуннами. По смерти Гонорія, Кастинъ и Аэцій тот-

часъ провозгласили Императоромъ бывшаго доселѣ министромъ его, *Іоанна*. Похититель осмѣлился отправить къ Восточному двору посольство съ извѣстіемъ о вступленіи своемъ на престолъ, но оно было весьма дурно принято, и Ѳеодосій тотчасъ принялъ мѣры къ поддержанію оружіемъ принадлежавшихъ его двоюродному брату правъ. Въ 425 г., генералы Ардабурій, начальствуя флотомъ, и сынъ его Аспаръ, командуя сухопутною арміею Восточной Имперіи, при которой находилась также Плацидія съ Валентиніаномъ, выступили въ походъ, и между тѣмъ какъ армія овладѣла Салоною и осадила Аквилею, Ардабурій несчастнымъ образомъ попалъ, съ своимъ адмиральскимъ кораблемъ, въ средину непріятельскаго флота и былъ взятъ въ плѣнъ. Это обстоятельство, сначала по видимому грозившее повредить Валентиніанову дѣлу, скоро оказалось весьма полезнымъ. Ардабурій былъ отвезенъ въ Равенну; тамъ, пользуясь данною ему свободою, онъ подкупилъ Іоанновыхъ солдатъ и высмотрѣлъ удобное для нечаяннаго нападенія мѣсто. По его указанію Аспаръ сдѣлалъ на крѣпость смѣлое покушеніе и, измѣною подкупленныхъ солдатъ проникнувъ въ городъ, захватилъ Іоанна въ собственномъ его дворцѣ. Съ нимъ поступлено какъ съ мятежникомъ; онъ былъ казненъ. Между тѣмъ Аэцій набралъ для Іоанна войско, преимущественно изъ Гунновъ, но прибылъ уже слишкомъ поздно и не могъ спасти его отъ гибели, а мстить за него вовсе не хотѣлъ: для него было все равно—служить ли Императору Іоанну или Императору Валентиніану; приведенное имъ войско обезпечивало ему значительное мѣсто, и въ самомъ дѣлѣ новое правительство должно было принять Аэція въ свою службу, чтобъ только не имѣть его противъ себя. За малолѣтствомъ Валентиніана, которому было не больше пяти лѣтъ, правленіе перешло въ руки матери его, Плацидіи; Аэцій напротивъ сдѣлался при ней главнокомандующимъ военныхъ силъ и первымъ министромъ, между тѣмъ какъ Кастинъ потерялъ всякое вліяніе. Но Аэцій наслѣдовалъ его ненависть къ Бонифацію, и такъ какъ страшился въ немъ соперника, тѣмъ опаснѣйшаго, что послѣдній пользовался при дворѣ большою

милостію, то и рѣшился, во что бы то ни стало, низвергнуть его. Эта частная вражда двухъ мужей, которые вмѣстѣ своими талантами могли бы поддержать и оживить падающее государство, имѣла то слѣдствіе, что также *Африка, Сардинія и Корсика были отторгнуты и сдѣлалась добычею варваровъ.* Аэціи до тѣхъ поръ чернилъ Африканскаго намѣстника предъ Императрицею, пока она не рѣшилась подвергнуть вѣрность его испытанію, которое долженствовало состоять въ томъ, поѣдетъ ли онъ по зову Императрицы въ Италію или нѣтъ. Аэціи постарался, чтобы Бонифацій не принялъ приглашенія; возбудивъ въ Плацидіи подозрѣніе къ своему сопернику; онъ въ то же время предостерегалъ его отъ козней Императрицы и подъ видомъ дружбы увѣдомлялъ по секрету, что Императрица скоро позоветъ его въ Италію и тамъ велитъ схватить и умертвить. Получивъ въ самомъ дѣлѣ приглашеніе, Бонифацій видѣлъ въ немъ подтвержденіе умысловъ, отъ которыхъ Аэцій предостерегалъ его, и рѣшился отложиться. Чтобы найти себѣ опору, онъ обратился въ Испанію къ Вандаламъ и призвалъ къ себѣ на помощь Короля ихъ, *Гейзериха.* Бл. Августинъ, бывшій тогда Епископомъ города Гиппо въ Африкѣ, употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы отклонить его отъ этого несчастнаго намѣренія *), но Бонифацій зашелъ уже слишкомъ далеко для того, чтобы воротиться. Въ 429 году Гейзерихъ съ Вандалами и Аланами, къ которымъ присоединились еще нѣкоторые Готоы и другіе искатели приключеній, пристали къ берегамъ Африки, и эта провинція, до сихъ поръ еще не тронутая сѣверными варварами, равномѣрно слѣлалась ихъ добычею. Изъ всѣхъ народовъ, вторгавшихся въ Римскую Имперію, Вандалы отличались своею страстью къ разрушенію, такъ что имя ихъ обратилось въ этомъ отношеніи въ поговорку. Можно представить себѣ, что должна была потерпѣть Африка,

*) Сохранилось посланіе, писанное тогда Августиномъ къ Бонифацію (Ep. 120), равно какъ и проповѣдь, говоренная имъ въ утѣшеніе своей паствы въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ. (Sermo de tempore barbarico, Opp. Tom. IV p. 453).

когда эти хищныя толпы появились на берегахъ ея *). Они распространили опустошеніе по всей странѣ, и въ слѣдующемъ году овладѣли уже всѣми городами, кромѣ Цирты, Гиппа и Карѳагена. Къ нимъ пристали Африканскіе еретики, особливо разныя секты Донатистовъ, которые воспользовались этимъ несчастіемъ для отмщенія православнымъ за свое долговременное и жестокое угнетеніе. Бонифацій скоро раскаялся въ своей опрометчивости, потому что потерпѣлъ отъ Вандаловъ больше, сколько долженъ былъ страшиться отъ правительства, противъ котораго возмутился. Извѣстіе о внезапномъ отпаденіи Бонифація произвело при Равеннскомъ дворѣ всеобщее изумленіе. Друзья его не могли постигнуть, что побудило его къ такому поступку, и до тѣхъ поръ не успокоились, пока не допскались до истины и не открыли Аэціевыхъ интригъ. Императрица и Африканскій намѣстникъ увидѣли, что оба были обмануты; они примирились, и Бонифацій хотѣлъ скорымъ удаленіемъ Вандаловъ поправить свою ошибку. Но послѣдніе естественно вовсе не хотѣли выпустить изъ рукъ однажды пріобрѣтенныхъ выгодъ и завоеваній, и когда Бонифацій въ соединіи съ генераломъ Аспаромъ вышелъ противъ нихъ съ войскомъ, то былъ ими разбитъ. Бонифацій защищался еще нѣкоторое время въ Гиппо; во время осады этого города умеръ въ 430 г. Бл. Августинъ. По сдачѣ Гиппо, въ слѣдующемъ году Цирта и Карѳагенъ также одинъ за другимъ должны были покориться. Какъ Аспаръ, такъ и Бонифацій отказались отъ надежды на возможность поправить дѣла и удалились, одинъ къ Константинополь, другой въ Равенну. Послѣ этого Вандалы основали въ Африкѣ государство, которое можно назвать государствомъ морскихъ разбойниковъ: они опустошали острова и берега самой Италіи до тѣхъ поръ,

*) Современный писатель, *Victor Vitensis*, оставилъ намъ подробнѣйшее описаніе сдѣланныхъ Вандалами опустошеній въ соч. de persecutione Africana sub Geiserico et Hunnerico, Arianis, Vandalorum regibus. Главный источникъ для исторіи утвержденія Вандаловъ въ Африкѣ есть; *Procopius* de bello Vandalico. Сравн. Geschichte der Vandalischen Herrschaft in Afrika von Dr. Felix Papencordt. Berlin, 1837.

пока наконецъ правительство не утвердило за ними ихъ завоеваній. Возвращеніе Бонифація ко двору обнаружило всю слабость государства; ибо соперничествующіе вожди выступили теперь другъ противъ друга съ войсками Имперіи для рѣшенія своего частнаго спора настоящимъ сраженіемъ. Аэцій находился въ это время въ Галліи и старался объ утвержденіи вліянія Римскаго правительства на варваровъ; едва только пришло туда извѣстіе о благосклонномъ пріемѣ, сдѣланномъ Плацидіею Бонифацію и о назначеніи его главнокомандующимъ, какъ Аэцій тотчасъ двинулся на Италію, чтобы выгнать оттуда своего противника. Бонифацій вышелъ къ нему на встрѣчу и далъ сраженіе, въ которомъ хотя и одержалъ побѣду, но былъ тяжело раненъ, и въ 432 г. умеръ. Аэцій удалился къ своимъ старымъ друзьямъ, Гуннамъ, и, предводительствуя набранною изъ нихъ арміею, принудилъ Императрицу къ примиренію и къ возвращенію ему достоинства главнокомандующаго Римскихъ военныхъ силъ.

Въ то самое время, какъ изъ соединенія Гуннскихъ племенъ возникло колоссальное царство, Имперія къ счастію своему имѣла такого полководца, какъ Аэція, который, будучи Римляниномъ по происхожденію и варваромъ по воспитанію и связямъ, могъ противоставить Гуннамъ не менѣе сильный союзъ Римско-Германскій. Открывающаяся теперь удивительная борьба долженствовала имѣть результатомъ не только то, устоитъ или падетъ Римское Государство, но еще болѣе вопросъ: чьему владычеству и образованію суждено утвердиться на его развалинахъ. Политическое соединеніе Гунновъ подъ скипетромъ *Аттилы* дало тогдашнему міру болѣе опредѣленный видъ: *съ одной стороны образовалась Гунно-Германская держава, съ другой Римско-Германская; въ срединѣ между ними хотя и находились чисто*

Германскіе элементы, какъ Франки и Аллеманы, но они были слишкомъ слабы, и при столкновеніи этихъ огромныхъ массъ не могли играть другой роли, какъ пристать къ той или другой сторонѣ. Вторженіе Гунновъ въ Галлію было отражено битвою на Каталаунской Равнинѣ, а покушеніе на Италію остановлено препятствіями, представляемыми самою природою и искусствомъ Римской дипломатики, и по смерти Аттилы Гуннское Царство распалось, не оставивъ по себѣ другихъ слѣдовъ, кромѣ развалинъ и опустошенія. Въ оставленныхъ ими странахъ утвердили свое мѣстопребываніе Германскіе народы, между которыми сильнѣйшіе были *Гепиды* и *Остготы*.

Мы оставили Гунновъ послѣ побѣды ихъ надъ Готѳами, въ 375 году. Въ слѣдствіе этой побѣды хищническія толпы ихъ съ безчисленными стадами разлились по всему пространству между Волгою и Дунаемъ. Все политическое устройство ихъ тогда состояло въ раздѣленіи на орды. Большая часть ихъ поселилась въ степяхъ южной Россіи, благопріятствовавшихъ ихъ образу жизни, другія напротивъ устремились далѣе на западъ и распространили ужасъ своего имени до самыхъ провинцій Западной Имперіи. Впрочемъ, доколѣ сила и верховная власть у Гунновъ раздѣлена была между множествомъ князей и вождей, они были не такъ опасны для Имперіи, и отдѣльныя орды ихъ, появлявшіяся на границахъ, были или принимаемы въ Римскую службу, или удаляемы деньгами или оружіемъ. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда управленіе Гуннскими дѣлами перешло въ руки одного лица, и Гунны, вмѣстѣ съ покоренными или союзными имъ Германцами, получили главу, въ которомъ какое-то безотчетное чувство превосходства, соединенное съ грозною физическою силою, породило отважные планы. Этотъ глава Гунно-Германской державы былъ *Аттила*, сынъ Мунцука,

Его отецъ Мунцукъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Роасомъ или Ругиласомъ были вождями орды, поселившейся въ Паннонiи; отсюда они принуждали Восточный дворъ платить себѣ дань, между тѣмъ какъ съ Аэціемъ находились въ дружественныхъ отношеніяхъ. Это были тѣ самые Гунны, съ помощію которыхъ Аэцій дважды заставлялъ Императрицу Плацидію уступать себѣ начальство надъ войскомъ. Мунцукъ оставилъ двухъ сыновей, Аттилу и Бледу; они были воспитаны дядею своимъ Роасомъ и по смерти его, въ 433 г., наслѣдовали ему во власти. Они начали свое правленіе тѣмъ, что, не довольствуясь начальствомъ надъ своею ордою, старались покорить также и сосѣднія. Нападая на нихъ, они или умерщвляли, или принуждали бѣжать въ области Восточной Имперіи князей, не хотѣвшихъ уступить имъ. Ненависть обоихъ братьевъ преслѣдовала бѣглецовъ и въ этомъ убѣжищѣ; они вступили въ войну съ Императоромъ Ѳеодосіемъ II, которая кончилась въ 441 г. миромъ постыднымъ для Императора и гибельнымъ для искавшихъ у него защиты князей. Этотъ договоръ былъ подписанъ въ Маргѣ, въ Мезіи; по условіямъ его, платимая доселѣ Гуннамъ Восточнымъ правительствомъ дань была удвоена, и несчастные князья тѣснимыхъ Аттилою ордъ были выданы; они погибли предъ глазами Римлянъ самою мучительною смертью. Въ слѣдующіе послѣ этого годы всѣ прочія Гуннскія племена, равно какъ и обитавшіе между ними и сосѣдніе Германскіе народы, должны были покориться побѣдоноснымъ братьямъ. Составныя части этой исполинской державы были давно уже готовы, и доселѣ не доставало только человѣка, который могъ бы соединить ихъ; такимъ явился Аттила. Такъ какъ вожди отдѣльныхъ ордъ покорялись Аттилѣ потому только, что признавали его умственное превосходство надъ собою, то это царство распалось такъ же быстро какъ и возникло, какъ скоро соединяющая сила перестала въ немъ дѣйствовать. Неизвѣстно, какое участіе принималъ Бледа въ политическомъ соединеніи Гунновъ; знаемъ только то, что въ 445 г. Аттила велѣлъ умертвить своего брата и съ тѣхъ поръ оставался единодержавнымъ повелителемъ Гуннскаго

міра. Чтобы дать своей власти религіозное освященіе, Аттила воспользовался также суевѣріемъ. Случилось, что одинъ Гуннскій пастухъ примѣтилъ, что одна изъ коровъ его ранила себѣ на пастбищѣ ногу; онъ пошелъ по оставленному ею кровавому слѣду и увидѣлъ въ травѣ острый конецъ скрывавшагося въ землѣ желѣза; вытащивъ его, онъ нашелъ, что это былъ необыкновенной величины мечъ. Аттила принялъ его отъ пастуха, какъ мечъ бога войны, и распространилъ молву, что этотъ мечъ ниспосланъ ему и Гуннамъ небомъ, какъ символъ ихъ будущаго владычества надъ всѣми народами земли. Съ этого времени таинственный мечъ сопровождалъ Аттилу во всѣхъ походахъ и сдѣлался главнымъ предметомъ обожанія для всѣхъ народовъ, слѣдовавшихъ за его знаменами. Аттила утвердилъ свою резиденцію на равнинѣ между Дунаемъ, Тиссомъ и Карпатами, и на этомъ мѣстѣ возвысился обширный деревянный городъ, который, подобно Гуннскому царству, такъ же быстро возникъ и такъ же исчезъ, не оставивъ и слѣда своего существованія. Отсюда онъ тѣснилъ Восточную Имперію, и нельзя представить себѣ ничего унизительнѣе и грубѣе того языка, который Аттила и слуги его позволяли себѣ въ сношеніяхъ съ Константинопольскимъ дворомъ. Убѣжденный въ слабости Императора Ѳеодосія, который ничего такъ не боялся, какъ войны съ страшнымъ Гуннскимъ царемъ, онъ объявлялъ одно требованіе за другимъ, и доколѣ живъ былъ Ѳеодосій, Римское правительство покорными посольствами и платою большихъ суммъ старалось отклонить всякій поводъ къ разрыву съ Гуннами *). Но Ѳеодосій умеръ въ 450 г., упавъ съ

*) Въ одномъ изъ этихъ посольствъ прибылъ въ Гуннскую резиденцію историкъ *Приск*ъ; описаніе ея, помѣщенное имъ въ своей исторіи Готѳовъ, по счастію, сохранилось въ извлеченіяхъ Фотія (Excerpt. de legation. p. 33—76 ed. Paris) и даетъ самое лучшее и вѣрное понятіе о бытѣ Гунновъ. *Іорнандъ*, многое заимствовавшій изъ него, безъ сомнѣнія также основываясь на немъ, составилъ слѣдующее описаніе Аттилы, de reb. Get. cap. 35: Erat superbus incessu, huc atque illuc circumferens oculos, ut elati potentia ipso quoque motu corporis appareret. Bellorum quidem amator, sed ipse manu temperans, consilio validissimus,

лошади, и такъ какъ онъ не имѣлъ дѣтей, то ему наслѣдовала сестра его *Пульхерія*. Она вступила въ бракъ съ сенаторомъ *Марціаномъ* и возвела его на престолъ. Она не могла выбрать человѣка достойнѣе: Марціанъ прошелъ всѣ степени гражданскихъ и военныхъ должностей и хотя уже находился въ преклонныхъ лѣтахъ, однако имѣлъ еще столько силы, чтобы чувствовать и поддержать достоинство Имперіи. По этому съ вступленіемъ его на тронъ рабская покорность, которую наблюдалъ Ѳеодосій въ отношеніи къ Гуннскому царю, прекратилась, и Аттила съ той поры оставилъ Константинопольскій дворъ въ покоѣ и обратилъ свои взоры и оружіе на Западъ. Къ нападенію на Западную Имперію съ одной стороны побуждалъ его Вандальскій царь Гейзерихъ, опасавшійся за свои владѣнія въ Африкѣ, съ другой подали поводъ два враждующіе Франкскіе князя, изъ которыхъ одинъ обратился съ просьбою о помощи къ Римлянамъ, а другой къ Гуннамъ. Вмѣстѣ съ рѣшеніемъ поддерживать дѣло своихъ союзниковъ оружіемъ, Аттила объявилъ себя защитникомъ сестры Валентиніана, принцессы Гоноріи. Эта принцесса, какъ говорятъ, желая избавиться отъ строгаго надзора, подъ которымъ ее держали, предложила Аттилѣ свою руку, вручивъ ему чрезъ посланнаго кольцо *). Впрочемъ Аттила не прежде воспользовался этимъ предложеніемъ, какъ когда уже принялъ рѣшительное намѣреніе итти войною на Западъ; теперь онъ потребовалъ руки принцессы Гоноріи и съ нею приличнаго приданаго и, получивъ отказъ, въ 451 г. двинулъ свои силы. Онъ устремился на Галлію; всѣ обитавшія на пути его племена должны были при-

supplicantibus exorabilis, propitius in fide semel receptis. Forma brevis, lato pectore, capite grandiori, minutis oculis, rarus barba, canis aspersus, simo naso, teter colore, originis suae signa restituens.

*) Объ этомъ страномъ поступкѣ принцессы разсказываетъ не только Прокопій, но и Приск и за нимъ *Іорнандъ*, l. c. cap. 42: Ferebatur enim, quia haec Honoria, dum propter aulae decus ad castitatem teneretur, nutu fratris inclusa, clam Eunucho misso Attilam invitasset, ut contra fratris potentiam ejus patrocinio uteretur.

знать его власть и присоединиться къ его войску *). За знаменами его слѣдовали Гепиды и Остготѳы, подъ предводительствомъ королей своихъ Гардериха и Валаміра, далѣе Ругійцы, Гелоны, Скирры, Бургунды, Беллоноты, Невры, Бастарны, Тюринги и другія Германскія и Славянскія племена. Нѣтъ ничего преувеличеннаго въ словахъ Сидонія Аполлинариса, который говоритъ, что для построенія перевозныхъ судовъ вдоль по Рейну были вырублены имъ цѣлыя лѣса. Въ одно время, на пространствѣ отъ Кольмара до Маастрихта, Гунны и союзные съ ними народы перешли черезъ рѣку и потомъ, не встрѣчая отпора и повсюду распространяя опустошеніе, достигли Лоары и осадили Орлеанъ. Между тѣмъ Аэцій съ великою дѣятельностью вооружилъ Вестготѳовъ и прочихъ варваровъ, находившихся въ Римскихъ владѣніяхъ, и поспѣшилъ на помощь къ осажденнымъ. При приближеніи его, Аттила снялъ осаду и отступилъ въ позицію, наиболѣе представлявшую удобства дѣйствіямъ его многочисленной конницы, на поля Шампаніи. Аэцій послѣдовалъ за нимъ туда, и при Мури, недалеко отъ Труа, занялъ холмъ, господствовавшій надъ широкою равниною, называемою Campi Catalaunici. Какъ бы ни было преувеличено описаніе происходившаго здѣсь кровопролитія, во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сраженіе при Мури есть одно изъ самыхъ кровопролитныхъ, встрѣчающихся въ Исторіи **). Оно рѣшилось не въ пользу Аттилы; послѣ тщетныхъ усилій разорвать

*) *Сидоній Аполлинарисъ* обѣщалъ описать подробно Гуннскую войну, но въ письмѣ къ другу, которому далъ это обѣщаніе, говоритъ: Exegeras mihi, ut promitterem tibi, Attilae bellum stylo me posteris intimaturum; coeperam scribere, sed operis arrepti fasce perspecta taeduit inchoasse. И такъ какъ Сидоній не сдержалъ своего слова, то по этому въ исторіи вторженія Гунновъ въ Галлію мы должны почерпать извѣстія изъ весьма мутныхъ источниковъ.

**) Въ historia miscella (ap. Murator. scriptt. rer. Ital. T. I. p. 97) сказано: Eo siquidem proelio centum octoginta millia hominum caesa referuntur, tantumque est sanguinis effusum, ut parvulus, qui ibidem habebatur rivulus, immodicus subito torrens effectus cadavera secum traheret peremptorum.

ряды непріятеля, Гунны начали въ безпорядкѣ отступать, и Вестготы теперь сами напали на нихъ. Хотя Король ихъ Теодерихъ былъ убитъ, однако Готы не прежде замѣтили свою потерю, какъ уже принудивъ Гунновъ искать защиты за своими повозками. Аэцій не отважился напасть на лагерь ихъ, напротивъ, когда Готы удалялись съ новымъ Королемъ своимъ Торисмундомъ, онъ не препятствовалъ Гуннамъ спокойно отступать черезъ Рейнъ. Хотя Галлія при этихъ кровавыхъ сценахъ потерпѣла страшное опустошеніе, но за то была спасена отъ владычества Монголовъ и сохранена для другаго образованія. Между тѣмъ Аттила не оставилъ своего плана противъ Западной Имперіи, только принялъ теперь другой путь; въ слѣдующемъ (452) году онъ вторгнулся въ Италію, и такъ какъ Аэцій, который, по видимому, совсѣмъ не ожидалъ такого нападенія, не принялъ никакихъ мѣръ къ удержанію Гунновъ въ проходахъ Юлійскихъ Альпъ, то они, по взятіи и разрушеніи Аквилеи, разлились по всей Верхней Италіи. Несчастные жители открытой страны бѣжали съ имуществомъ на отмели и острова Адріатическаго Моря, и такимъ образомъ, разрушительный походъ Аттилы послужилъ къ основанію могущественнаго государства; въ числѣ бѣглецовъ, поселившихся между обитавшими здѣсь рыбаками и мореходами, прибыли люди образованнѣйшіе и богатые капиталисты, и изъ этихъ элементовъ, съ теченіемъ времени, возникъ городъ *Венеція* и Венеціянская Республика. Между тѣмъ Аэцій соединилъ всѣ, какія только могъ собрать, Римскія войска и вспомогательный корпусъ, присланный въ Италію Императоромъ Марціаномъ, и занялъ Аппенинскіе проходы. Валентиніанъ бѣжалъ изъ Равенны въ Римъ и отправилъ оттуда къ Гуннскому царю посольство. Оно состояло изъ двухъ искуснѣйшихъ дипломатовъ, Авіена и Тригеція, и изъ уважаемаго всѣми Епископа Римскаго Льва Великаго. Послы нашли царя Гунновъ въ области Мантуанской, которая лѣтомъ всегда нездорова, а преимущественно для сѣверныхъ народовъ. И дѣйствительно, въ Гуннскомъ войскѣ открылись повальныя болѣзни, и Аттила, хорошо видѣвшій затрудненія, могущія встрѣтиться

ему при продолженіи похода, былъ тѣмъ болѣе склоненъ къ выслушанію представленій Римскихъ пословъ. Епископъ Левъ одинъ стяжалъ всю честь окончанія переговоровъ и освобожденія Италіи, и какъ ни много участія имѣла въ этомъ дѣлѣ политика, однако вся слава его предоставлена была религіи. Аттила еще разъ обратился противъ Галліи; но и теперь Готѳы, подъ предводительствомъ Короля своего Торисмунда, дали ему такой сильный отпоръ, что онъ долженъ былъ снова, не сдѣлавъ ничего, удалиться *). Послѣдовавшая вскорѣ послѣ того внезапная смерть его положила конецъ бѣдствіямъ, которыя терпѣли отъ Гунновъ обѣ части Римской Имперіи. Непосредственно по возвращеніи своемъ въ столицу, Аттила умножилъ число своихъ женъ еще одною, по имени Илдико. Этотъ бракъ былъ празднованъ съ необыкновенною пышностью, и Аттила умеръ отъ неумѣренности, которой предался при этомъ случаѣ; когда на другой день вошли въ его шатеръ, то нашли новую супругу въ слезахъ и отчаяніи, а царя умершимъ отъ истеченія крови. Аттила оставилъ столь многочисленное потомство, что Іорнандъ говоритъ о его сыновьяхъ, какъ о какомъ нибудь народѣ **). Старшій изъ нихъ, *Эллакъ*, объявилъ свои притязанія на наслѣдство, но встрѣтилъ соперниковъ въ другихъ братьяхъ; эти несогласія князей были для покоренныхъ Германскихъ народовъ самымъ благопріятнымъ моментомъ къ сверженію Гуннскаго ига. Главою Германцевъ выступилъ Король Гепидовъ Гардерихъ; такимъ образомъ оба элемента, изъ которыхъ образовалось царство Аттилы, пришли въ страшное столкновеніе. Рѣшительное сраженіе произошло въ Паннонiи, на берегахъ одной рѣчки, названной у Іорнанда Нетадомъ, которая впрочемъ неизвѣстна, такъ что мы не можемъ опредѣлить мѣста этого важнаго событія, низпровергшаго въ 453 г. владычество Гунновъ. Гунны были побѣждены въ сраженіи при Нетадѣ. Эллакъ самъ былъ убитъ въ сраженіи, и Гун-

*) Іорнандъ (de reb. Get. cap. 45) есть единственный писатель, упоминающій о второмъ вторженіи Аттилы въ Галлію.

**) Filii Attilae, quorum per licentiam libidinis paene populus fuit.

ская нація распалась. Часть ордъ, подъ предводительствомъ одного изъ сыновей Аттилы, *Денгизиха*, держалась еще нѣкоторое время въ Придунайскихъ странахъ, пока наконецъ, совокупнымъ нападеніемъ Остготѳовъ и Римлянъ не была истреблена совершенно. Голова Денгизиха, публично выставленная въ Константинополѣ, возвѣстила обрадованному народу конецъ его угнетеній отъ грозной силы Гунновъ. Остальныя орды подъ предводительствомъ любимаго сына Аттилы, *Ирнака*, удалились обратно за Днѣпръ и мало по малу исчезли въ степяхъ, изъ которыхъ вышли. Въ оставленныхъ Гуннами странахъ утвердили свое пребываніе ихъ Германскіе побѣдители; Гепиды заняли Дакію, Остготѳы поселились вдоль по Дунаю отъ Вѣны до Сирміума, а прочія племена раздѣлили между собою остальную часть Иллирійской Префектуры.

Изъ паденія Гуннскаго царства больше всего пользы извлекла Восточная Имперія. Это государство было въ своемъ составѣ однороднѣе, нежели Западное, въ которомъ Германскіе элементы получили уже перевѣсъ, и этимъ объясняется, почему оно въ правленіе Марціана и его преемника Льва могло снова укрѣпиться, между тѣмъ, какъ Западъ быстро клонился къ своему паденію. Валентиніанъ ускорилъ его умерщвленіемъ Аэція. Примѣчательно, что паденіе Аэція, названнаго послѣднимъ Римлянином, случилось ровно въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, которое по преданію долженствовало быть послѣднимъ вѣкомъ владычества города Рима. Ибо уже въ Цицероново время было всѣми принято мнѣніе, что двѣнадцать коршуновъ, видѣнныхъ Ромуломъ при основаніи города, значили двѣнадцать столѣтій Римскаго владычества. Это толкованіе, казалось,

приходило въ исполненіе, когда двѣнадцатый вѣкъ существованія города кончился при столь мрачныхъ предзнаменованіяхъ, что сами подданные стали желать уничтоженія Имперіи и наступленія господства варваровъ.

Императору Валентиніану III, который съ 450 г., по смерти своей матери Плацидіи, правилъ одинъ, положеніе Аэція сдѣлалось столь тягостнымъ и казалось столь же опаснымъ, какъ прежде положеніе Стиликона Гонорію. Не понимая того, что положеніе это необходимо вытекало изъ отношеній, въ какихъ тогда находилось государство, и думая, что для того, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ, ему стоитъ только умертвить Аэція, онъ склонился на внушенія евнуха Геракліана и прочихъ придворныхъ, старавшихся изъ зависти оклеветать заслуженнаго полководца. Аэцій своимъ нетерпѣливымъ желаніемъ сочетать бракомъ сына своего Гавденція съ дочерью Валентиніана, Евдоксіею, самъ подалъ нѣкоторый поводъ къ обвиненію, будто онъ стремится къ коронѣ. Такъ какъ Императоръ опасался отказать ему въ этомъ, то, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ рѣшился умертвить его. Въ 454 г., Аэцій былъ позванъ во внутренніе покои дворца для личнаго объясненія съ Императоромъ; въ пылу заведенной съ умысломъ ссоры, Валентиніанъ выхватилъ мечъ и вонзилъ ему въ грудь, а присутствовавшіе при семъ царедворцы послѣдовали примѣру своего повелителя и довершили начатое. Той же участи подвергся и сопровождавшій Аэція во дворецъ преторіанскій префектъ Боэтій. Прежде нежели это происшествіе сдѣлалось гласнымъ, друзья Аэція были одинъ за другимъ приглашаемы во дворецъ и тамъ умерщвляемы. Такой вѣроломный поступокъ возбудилъ всеобщее негодованіе и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большою ошибкою, потому что, какъ сказалъ Императору въ глаза одинъ Римлянинъ, Валентиніанъ отрубилъ себѣ лѣвую руку правою. Находившіяся въ Римской службѣ варварскія войска не ограничились однимъ сожалѣніемъ о смерти своего вождя, но рѣ-

шились мстить и жлали только благопріятнаго къ тому случая. Съ этою цѣлью жаждавшіе мести друзья Аэція соединились съ Римскимъ сенаторомъ *Петроніемъ Максимомъ*, который долженъ былъ мстить Императору за насильственное обезчещеніе своей супруги, и 16 Марта 455 г., когда Валентиніанъ вышелъ на Марсово Поле, заговорщики напали на него и умертвили вмѣстѣ съ находившимся въ его свитѣ евнухомъ Гераклiаномъ. Съ Валентиніаномъ III родъ Ѳеодосія Великаго пресѣкся, и теперь, на лишенный блеска и колеблющійся императорскій тронъ вступилъ *Петроній Максимъ* *). Сколь мало надежды на счастіе и спасеніе представляла ближайшая будущность, видно изъ стѣсненнаго состоянія Римскихъ подданныхъ, потому что по мѣрѣ того, какъ средства къ пріобрѣтенію истощались, требованія и налоги со стороны правительства возрастали, и случалось нерѣдко, что Римскій гражданинъ бѣжалъ къ варварамъ и считалъ жизнь свою у нихъ за счастливую въ сравненіи съ состояніемъ Римскаго подданнаго. Можетъ ли что яснѣе, краснорѣчивѣе выразить упадокъ государства, какъ то, что граждане его предпочитаютъ покровительство варваровъ собственному правительству и желаютъ лучше проводить жизнь между Готѳами и Гуннами, нежели въ родной странѣ подъ управленіемъ своихъ законовъ **)?

*) *Сидоній Аполлинарисъ* (Epp. lib. II, 17) изображаетъ перемѣну, происшедшую съ Максимомъ, по вступленіи его на престолъ, и присовокупляетъ, что онъ часто восклицалъ: Felicem te, Damocles, qui non uno longius prandio regni necessitatem toleravisti.

**) Марсельскій пресвитеръ *Salvianus* (de gubern. Dei) говоритъ: Inter haec vastantur pauperes, viduae gemunt, orphani proculcantur, in tantum, ut multi eorum et non obscuris natalibus editi et liberaliter instituti ad hostes fugiant, ne persecutionis publicae afflictione moriantur; quaerentes scilicet apud barbaros Romanam humanitatem, quia apud Romanos barbaram inhumanitatem ferre non possunt. Et quamvis ab his, ad quos confugiunt, discrepent ritu, discrepent lingua, ipso etiam, ut ita dicam, corporum atque induviarum barbaricarum foedore dissentiant, malunt tamen in barbaris pati cultum dissimilem, quam in Romanis injustitiam saevientem. *Priskъ*, въ описаніи своего посольства, разсказываетъ объ одномъ Грекѣ, который, живя между Гун-

Въ послѣднія двадцать лѣтъ своего существованія Западная Имперія находилась въ состояніи постепеннаго разрушенія; уничтожить или продолжить еще на нѣсколько времени призракъ жизни ея, зависѣло теперь только отъ интересовъ главнокомандующихъ. Такъ Рицимеръ, Гундобальдъ и Орестъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ начальствѣ надъ войскомъ, возводили Императоровъ, чтобы ихъ именемъ дѣйствовать еще съ нѣкоторымъ авторитетомъ на варваровъ, жившихъ въ прежнихъ областяхъ государства, пока наконецъ, въ 476 г., *Одоакръ* не прекратилъ этого. Онъ далъ Императору Ромулу Августулу пожизненное содержаніе и превратилъ также и Италію въ Германское военное государство. Еще нѣсколько времени держался въ Далмаціи Императоръ *Юлій Непотъ*, но по умерщвленіи его, 4 Мая 480 г. исчезъ и послѣдній призракъ императорской власти, и такъ какъ теперь тронъ Западной Имперіи не былъ никѣмъ замѣщенъ, то она сама собою кончила свое существованіе; съ Императоромъ рушились узы, привязывавшіе варваровъ къ Имперіи, и она распалась на столько отдѣльныхъ государствъ, сколько находилось въ объемѣ ея разныхъ варварскихъ народовъ.

Какъ мало Петроній Максимъ былъ способенъ занимать тронъ, это достаточно показали три мѣсяца

нами, усвоилъ себѣ совершенно ихъ характеръ и былъ доволенъ своимъ состояніемъ. Этотъ Грекъ предпочелъ лучше жизнь подъ правленіемъ Аттилы, нежели Ѳеодосія, и прибавляетъ, что законы и постановленія Римлянъ на бумагѣ превосходны, но худы люди, которымъ ввѣрено соблюденіе ихъ, отчего все и клонится къ упадку.

его правленія. Вдова Валентиніана, Евдоксія, принужденная силою выйти за него замужъ, обратилась съ просьбою избавить ее отъ брака съ убійцею ея супруга, къ Вандальскому царю Гейзериху. Гейзерихъ наполнилъ воинами изъ Вандаловъ и Мавровъ всѣ, какіе только могъ собрать, корабли и даже шлюпки и въ Іюнѣ 455 г. вошелъ въ Тибръ. При первой тревогѣ Максимъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ, но былъ убитъ народомъ и солдатами, и въ столицѣ Западной Имперіи господствовало безвластіе, когда передъ нею явились хищныя толпы Гейзериха. Устрашенный городъ послалъ къ нему того же Папу Льва, который былъ такъ счастливъ у Аттилы, но теперь онъ успѣлъ выпросить только то, чтобы Римъ былъ разграбленъ правильно, безъ убійствъ и пожара. Грабежъ и нагруженіе добычи на суда продолжался цѣлые четырнадцать дней. Между вещами и произведеніями искусствъ, увезенными изъ Рима въ Карѳагенъ, находились также и священные сосуды прежняго Іерусалимскаго храма, хранившіеся здѣсь со временъ Тита *). Многія произведенія искусствъ погибли вмѣстѣ съ утлыми судами, несшими ихъ во время переѣзда. Вандалы взяли съ собою также множество плѣнныхъ, особенно изъ высшихъ сословій, въ надеждѣ вытребовать за нихъ богатый выкупъ. Эти несчастные, въ послѣдствіи, когда ихъ не выкупали, подвергались самому недостойному обхожденію, и только Христіанская любовь благородныхъ друзей человѣчества смягчала ихъ жестокую участь; при этомъ случаѣ, Св. Павлинъ Нолянскій и Деограцій, епископъ Карѳагенскій, своими усиліями облегчить бѣдствія страждущихъ собратій, обезсмертили свои имена **). Замѣщеніе упраздненнаго императорскаго тро-

*) Это любопытное извѣстіе сообщаетъ Прокопій (de bello Vandal. lib. II, cap. 9).

**) Hist. miscell. ap. Murator. T. I, p. 97: Vir piissimus Paulinus, Nolanae urbis episcopus, postquam, quidquid habere poterat, in captivorum redemtionem expendit, novissime cum nihil ei aliud, quam ipse sibi solummodo superesset, pro cujusdam viduae filio, maternas non valens piis ferre visceribus lacrimas, cum eadem ad Africam proficiscens, quo jam hostes concesserant, sese barbaro viro vice vicaria in servitium tradidit. Cujus sanctitas cum apud

на приняли на себя Вестготѳы, которыхъ главою въ то время былъ Теодерихъ II. Онъ склонилъ, въ Авг. 455 г., префекта *Фл. Мецилія Авита* къ принятію императорскаго достоинства и обѣщалъ ему свою помощь, за что Авитъ, какъ кажется, уступилъ Вестготѳамъ часть Испаніи; по крайней мѣрѣ Теодерихъ покорилъ себѣ Свевское Царство въ Испаніи, между тѣмъ, какъ Авитъ отправился въ Италію; но здѣсь, не смотря на то, что былъ признанъ Восточнымъ дворомъ, Авитъ встрѣтилъ холодный пріемъ; Римляне называли его Галльскимъ узурпаторомъ, и находившіеся въ Римской службѣ варвары опасались лишиться при немъ прежней силы и вліянія, потому что Авитъ былъ возвышенъ не ими, а Вестготѳами. Между варварскими вождями особенно возвышался тогда *Рицимеръ*; онъ былъ родомъ Свевъ, но въ то же время находился въ родственныхъ связяхъ и съ Готѳами; мать его была дочь Валліи; Рицимеръ отказалъ Авиту въ повиновеніи, чѣмъ ускорилъ его паденіе, потому что Императоръ, за отдаленностью лишенный помощи Готѳовъ, не могъ долѣе держаться; онъ сложилъ корону и замѣнилъ ее епископскою митрою, будучи посвященъ въ Окт. 456 г., по собственному желанію, въ епископы Піаченцы. Но, не считая себя безопаснымъ на епископскомъ престолѣ, онъ бѣжалъ въ Галлію и на пути нашелъ свою смерть. Послѣ него осталась одна только дочь, которая вышла замужъ за поэта Сидонія Аполлинариса. По низверженіи Авита верховная власть находилась въ рукахъ Рицимера, и онъ правилъ съ 16 Окт. 456 до 1 Апр. слѣдующаго года. Если бы Рицимеръ провозгласилъ себя военнымъ Королемъ Италіи, то Западная Имперія уже теперь перестала бы существовать; но онъ считалъ для себя выгоднѣйшимъ подъ именемъ Императора имѣть нѣкоторое вліяніе на всѣхъ жившихъ въ государствѣ варваровъ; по этому онъ долженъ былъ подумать о замѣщеніи упраздненнаго Авитомъ трона; онъ выбралъ для этого друга своего, *Юлія Майоріана*; Восточный Императоръ Левъ I,

barbaram eandem gentem dei nutu cognita fuisset, demum cum omnibus suis civibus ad urbem propriam remeavit.

наслѣдовавшій въ 457 г. Марціану, подтвердилъ его выборъ своимъ признаніемъ и далъ Рицимеру титулъ патриція. Какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Римѣ видѣли, что Западная Имперія не можетъ существовать, если не будетъ возвращена Африка: она была необходима не только для снабженія Италіи и Рима съѣстными припасами, но и потому, что не проходило ни одного года безъ того, чтобъ хищническіе флоты Вандаловъ не дѣлали опустошительныхъ высадокъ на берега Италіи. При обоихъ императорскихъ дворахъ положено было напасть на Вандаловъ соединенными силами. Майоріанъ самъ занимался приготовленіями къ походу и при этомъ случаѣ обнаружилъ столько же искусства, сколько и энергіи; но когда все было кончено, Гейзерихъ внезапно напалъ на Римскій флотъ, стоявшій въ Карѳагенской гавани въ Испаніи, и превратилъ его въ пепелъ. Такимъ образомъ, въ одинъ день онъ разрушилъ дѣло трехъ лѣтъ; это несчастіе было еще важнѣе по своимъ слѣдствіямъ, потому что имъ воспользовался Рицимеръ для низверженія возвышеннаго имъ Императора. Естественно, что человѣкъ съ такимъ спльнымъ характеромъ, какъ Майоріанъ, не могъ долго оставаться въ зависимости отъ Рицимера; но такъ какъ онъ пріобрѣлъ у войска уваженіе къ своей особѣ, то раздраженный патрицій скрывалъ свою злобу до благопріятнаго времени. Истребленіе флота доставило ему желанный случай. Несчастіе, въ которомъ Императоръ былъ вовсе не виноватъ, онъ приписалъ его неспособности и склонилъ войска низложить его. По сему 2 Августа 461 г. Майоріанъ долженъ былъ сложить діадему и порфиру, и такъ какъ онъ черезъ пять дней послѣ того умеръ, то не безосновательна молва, что смерть его была насильственная. Императорскій тронъ оставался незанятымъ до Ноября, и Рицимеръ опять правилъ одинъ, но теперь, при новомъ выборѣ Императора, онъ былъ предусмотрительнѣе и не обращалъ вниманія на заслуги. *Либій Северъ*, котораго онъ, въ Ноябрѣ 461 г., провозгласилъ Императоромъ, былъ такъ незначителенъ и такого неизвѣстнаго происхожденія, что изъ его прежней жизни знаютъ только, что онъ родился въ Лу-

капіи. Послѣдніе лучи императорскаго трона такъ мало придавали блеску тому, кто занималъ его, что онъ какъ былъ, такъ и остался во мракѣ и неизвѣстности. Северъ не былъ признанъ ни военными Королями Германскими, ни намѣстниками въ Галліи и Далмаціи, и его власть простиралась только на тѣ области, въ которыхъ могъ повелѣвать Рицимеръ. Предоставленная самой себѣ Италія вскорѣ подверглась такимъ бѣдствіямъ, что Рицимеръ самъ увидѣлъ невозможность оставаться долѣе въ подобномъ состояніи. По этому, послѣ того какъ Северъ былъ, въ 465 г., низложенъ или умерщвленъ, онъ обратился къ Восточному Императору Льву и предоставилъ ему назначеніе новаго Императора. Левъ наименовалъ Августомъ и послалъ на Западъ зятя Императора Марціана, *Антемія*, который былъ принятъ въ Италіи, въ 467 году, тѣмъ съ большимъ восторгомъ, что явился въ приличномъ своему высокому достоинству видѣ, съ войскомъ и богатою казною. Для утвержденія добраго согласія съ Рицимеромъ, Антеміи выдалъ за него дочь, какъ ни было тяжело для его Римской гордости низойти на такой неровный бракъ *). Дружественныя отношенія между Западомъ и Востокомъ тотчасъ имѣли слѣдствіемъ возобновленіе неудавшагося при Маіоріанѣ плана противъ Вандаловъ. Оба государства напрягли свои силы и вооружили многочисленный флотъ и армію; но предпріятіе рушилось отъ неискусства адмирала Василиска, который вступивъ съ непріятелемъ въ переговоры, тянулъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Гейзерихъ, дождавшись благопріятнаго для себя вѣтра, не

*) *Ennodius* въ своей vita S. Epiphanii (opera ex ed. J. Sirmondi. Paris. 1611, 8) влагаетъ въ уста Императора слѣдующія слова къ Епископу Епифанію: Quamquam inexplicabilis mihi, sancte antistes, adversus Ricimerem causa doloris sit et nihil profuerit, maximis eum a nobis donatum fuisse beneficiis: *quem etiam (quod non sine pudore et regni et sanguinis nostri dicendum est) in familiae stemma copulavimus*, dum indulsimus amori reipublicae, quod videretur ad nostrorum odium pertinere. Quis hoc namque veterum retro principum fecit unquam, ut inter munera, quae pellito Getae dare necesse erat, pro quiete communi filia poneretur?

истребилъ Римскаго флота, напавъ на него съ своими зажигательными судами. Слѣдствіемъ этой второй неудачи противъ Вандаловъ была потеря Сициліи, и Италія, теряя такимъ образомъ одну за другою свои провинціи, все болѣе и болѣе заключалась въ собственныхъ своихъ предѣлахъ. Къ несчастіямъ этой страны присоединилась еще вражда Антемія съ Рицимеромъ, которая скоро превратилась въ открытую войну. Рицимеръ сталъ искать новаго кандидата на тронъ, и выборъ его палъ на сенатора *Олибрія*, который былъ женатъ на дочери Валентиніана III, Плацидіи. Какъ скоро Олибрій согласился на его предложеніе, Рицимеръ тотчасъ пошелъ на Римъ и осадилъ своего тестя. Антемій защищался въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; однако наконецъ Рицимеръ взялъ городъ приступомъ и отдалъ его своимъ солдатамъ на разграбленіе (11 Іюля 472 г.) Это третье опустошеніе Рима варварами было самое ужасное, потому что съ огнемъ и мечемъ непріятельскимъ соединилась еще моровая язва. Антемій былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ. Впрочемъ Рицимеръ не долго пережилъ эту послѣднюю жертву своего честолюбія. Свирѣпствовавшая въ городѣ и войскѣ зараза поразила и его 20 Авг. 472 г. Однако, со смертью Рицимера, въ положеніи дѣлъ не произошло никакой существенной перемѣны. Императоръ долженъ былъ имѣть посредникомъ, между собою и варварскими войсками какого-либо знатнаго варвара, и Олибрій далъ это мѣсто, вмѣстѣ съ титуломъ патриція, родственнику Рицимера, Бургундскому принцу, *Гундобальду*. Такъ какъ Олибрій вскорѣ послѣ того (23 Октября) умеръ, то верховная власть перешла въ руки Гундобальда, и онъ воспользовался ею, подобно Рицимеру, для возведенія на тронъ Императора, подъ именемъ котораго могъ бы самъ править государствомъ. Съ этою цѣлью онъ провозгласилъ Императоромъ одного, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстнаго человѣка, по имени *Глицерія*. Но въ то же время и восточный дворъ позаботился о замѣщеніи западнаго трона, и по старанію Императрицы Верины выборъ палъ на одного изъ родственниковъ ея, *Юлія Непота*, и война за достоинство, потерявшее уже всякій блескъ и силу, воз-

горѣлась бы снова, если бы Гундобальдъ, по случаю смерти отца своего Гундвиха, не долженъ былъ отказаться отъ своего мѣста въ Италіи и возвратиться въ отечество, предоставивъ государство и Гликерія ихъ собственной участи. Оставленный своими Италіянскими подданными, Гликерій покорился Юлію Непоту, который прибылъ туда въ Маѣ 474 г. Гликерій вступилъ въ духовное званіе и былъ поставленъ епископомъ въ Салонѣ. Между тѣмъ Непотъ никакъ не могъ найти у варваровъ должнаго повиновенія; у него не было человѣка, который, подобно Рицимеру и Гундобальду, пользуясь своимъ вліяніемъ на варварскіе народы, доставилъ бы силу и повиновеніе Императорской власти. Единственное важное дѣло Непотова правленія есть уступленіе Вестготѳамъ провинціи Овернь. Наконецъ онъ рѣшился назначить главнокомандующаго и избралъ въ эту должность Ореста, Римлянина по происхожденію, совершеннаго же варвара по характеру, отличавшагося своими полководческими и дипломатическими талантами въ службѣ Аттилы. Орестъ тотчасъ воспользовался врученною ему властью противъ самого Императора: предводительствуя мятежными солдатами, онъ принудилъ его къ бѣгству и на упраздненный тронъ возвелъ, въ Окт. 475 г., не достигшаго еще юношескаго возраста, сына своего *Ромула*. Наскучивъ столь частыми перемѣнами Императоровъ, Германскія войска въ Италіи потребовали отъ Римскаго правительства твердаго и прочнаго опредѣленія своихъ къ нему отношеній и третьей части страны для поселенія. Получивъ отъ Ореста отказъ, они оставили его и обратились къ magister militum *Одоакру*, надѣясь чрезъ него силою достигнуть исполненія своего желанія. Вокругъ Одоакра собрались варвары изъ всѣхъ лагерей и гарнизоновъ Италіи, и онъ повелъ ихъ къ Павіи, гдѣ Орестъ хотѣлъ защищаться. Въ Августѣ 476 г. Одоакръ взялъ Павію, гдѣ Орестъ былъ убитъ. Оттуда побѣдитель двинулся къ Равеннѣ: разбивъ Орестова брата, Павла, онъ овладѣлъ этимъ городомъ и полонилъ самого Императора, Ромула Августула. Одоакръ могъ бы именемъ этого отрока захватить верховную власть и разыгрывать роль Рицимера,

по онъ далъ своимъ войскамъ слишкомъ опредѣленныя обѣщанія. Оттого онъ заставилъ Императора сложить съ себя діадему и порфиру и назначилъ ему мѣстопребываніемъ прежнее помѣстье Лукулла въ Кампаніи, съ пенсіономъ по 6000 золотыхъ монетъ въ годъ. Одоакръ далъ своимъ войскамъ земли въ Италіи и самъ остался главою ихъ, съ титуломъ *Короля*, между тѣмъ, какъ данный ему Восточнымъ дворомъ титулъ *патриція* доставлялъ ему законную власть и надъ Римскимъ народонаселеніемъ Италіи. Впрочемъ, доколѣ Непотъ держался въ Салонѣ, нельзя еще считать государство совершенно павшимъ, и только по умерщвленіи его, 4 Мая 480 г., прекратилось на Западѣ существованіе императорскаго титула, а вмѣстѣ съ нимъ и Имперіи *).

Послѣ того, какъ средняя Галлія, гдѣ Римляне удерживали еще доселѣ свою власть, и островъ Британнія сдѣлались Германскими владѣніями, весь Западъ былъ покоренъ варварскими племенами; въ Средней Галліи возникло *Королевство Франковъ*, а въ Британніи образовалась *Англосаксонская Ептархія*.

Въ Средней Галліи господство Римлянъ поддержалъ поставленный Майоріаномъ намѣстникъ Эгидій; онъ оспаривалъ каждый шагъ у вторгавшихся съ этой стороны варваровъ, и его намѣстничество пережило Западную Имперію. Владѣнія его простирались отъ Рейна до Лоары, и средняя Галлія суждено было, повидимому, остаться областью съ Римскимъ устройствомъ. Но Франки скоро узнали слабость этой провинціи, отторгнутой отъ всякой связи съ государствомъ, и въ то самое время, какъ Эгидій умеръ, передавъ власть сыну своему *Сіагрію*, одинъ пред-

*) Уже Маскои (Geschichte der Teutschen, Bd. I., S. 503) обратилъ вниманіе на то, что уничтоженіе Западной Имперіи случилось не прежде 480 г.

пріимчивый Франкскій вождь, *Меровингъ Хлодвигъ*, успѣлъ соединить подъ своимъ начальствомъ различныя племена своей націи и двинулъ ихъ противъ этого остатка Римскаго господства въ Галліи. Въ 486 г. Хлодвигъ разбилъ Сіагрія при Соассонѣ, и одной этой побѣды достаточно было ему для покоренія всей страны. Всѣ города отворили побѣдителю ворота, и вся Средняя Галлія признала свою зависимость отъ Короля Франковъ *). Такимъ образомъ Галлія раздѣлилась теперь на три Германскія Королевства: Бургундское, Вестготское и Франкское, изъ которыхъ послѣднему суждено было снова соединить всю страну и назвать ее своимъ именемъ. Населеніе Британіи Германцами происходило такимъ же образомъ, какъ и въ прочихъ провинціяхъ Западной Имперіи. Оставленная Римскими войсками Британнія подпала подъ власть Короля Вортигерна, котораго имя доказывало уже Британское происхожденіе. Но онъ не было въ состояніи защитить свое королевство отъ нападеній горныхъ Шотландскихъ племенъ; Бритты, подобно всѣмъ другимъ жителямъ Римскихъ провинцій, не любили военной службы; Вортигерну оставалось только составить себѣ, по примѣру Императоровъ, войско изъ Германскихъ наемниковъ. Съ этою цѣлью онъ принялъ въ 449 г. къ себѣ въ службу двухъ Саксонскихъ пиратовъ, *Генгиста* и *Горсу*, и воспользовался ихъ силами для отраженія Пиктовъ и Скоттовъ. Саксы въ награду за свои услуги получили, по договору, для населенія островъ Танетъ. Но едва стали они здѣсь твердою ногою, какъ и начали усиливаться присоединеніемъ новыхъ пришельцевъ изъ своихъ соотечественниковъ; у береговъ стали появляться новыя толпы Саксонскихъ морскихъ разбойниковъ, и Бритты освобождались отъ нихъ тѣмъ, что принимали въ свою службу. Какъ скоро число ихъ возросло до того, что они были въ состояніи

*) Объ основаніи Франкской Монархіи въ Галліи написано очень много; впрочемъ, для дальнѣйшаго изученія достаточно указать читателю на Lettres sur l'histoire de France par *A. Thierry*, и на «Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte von L. Türk.»

дѣлать новыя требованія и силою достигать ихъ исполненія, то между Бриттами и Саксами возникли несогласія, отъ несогласій дѣло скоро дошло до ссоры, а отъ ссоры и до войны. Толпы морскихъ воиновъ, высаживавшихся одни за другими на берега Британніи, представляли смѣсь всѣхъ племенъ, обитавшихъ по берегамъ Нѣмецкаго Моря *); впрочемъ, могущественнѣйшими изъ нихъ были *Англы* и *Саксы*; оттого соединенное имя ихъ и было принято для означенія націи, съ которою Бритты вступили теперь въ войну за владѣніе островомъ. Во время этой борьбы, продолжавшейся больше столѣтія, Бритты научились снова владѣть оружіемъ и храбро противустали варварамъ. Сынъ Вортигерна, *Вортимеръ*, *Амвросій Авреліанъ* и особенно *Артуръ* мужественно, но безуспѣшно, защищали свободу отечества. Бритты или загнаны были въ горы Валлиса и тамъ удержали свою независимость, или бѣжали за море и поселились въ названной по имени ихъ Бретаньи. Всѣ оставшіеся были безъ всякой пощады истреблены Англосаксами. Это истребленіе туземцевъ имѣло слѣдствіемъ то, что Римское образованіе въ Британніи совершенно исчезло и что Англосаксы не превратились, подобно прочимъ Германскимъ завоевателямъ Римскихъ провинцій, въ Романовъ, но остались по языку и правамъ чистыми Германцами. Утверждая свое господство на островѣ, Англосаксы основали слѣдующія государства: первое было *Кентъ* — Германская форма Латинскаго имени Cantium, — здѣсь утвердился Генгистъ и положилъ основаніе первой Германской державѣ на Британской землѣ; второе, *Суссексъ*, основано Эллою, въ 491 г.; третье, *Вессексъ*, основано Цердикомъ въ 519 г.; черезъ пять лѣтъ (524) утвердился въ Британніи Еркенвинъ и основалъ четвертое Англосаксонское государство, *Эссексъ*; пятое, *Бернидія*, основано въ 547 г. Идою; шестое, *Дейра*, въ 559 г. Эллою; седьмое, *Остъ-Англія*, основано въ 575 г. Оффою, и наконецъ вось-

*) Беда (hist. eccles. Angl. lib. I. cap. 15) исчисляетъ всѣ племена, изъ которыхъ образовалась Англосаксонская нація.

мое, *Мерція*, въ 585 г. Креодою. Такимъ образомъ, на развалинахъ этой Римской провинціи, мало по малу образовались восемь Англосаксонскихъ державъ и независимое Княжество Валлисъ; но такъ какъ два изъ этихъ государствъ, Бернція и Дейра, въ 670 г. соединились и образовали одно государство, *Нортумберландъ*, то обыкновенно называютъ эти Англосаксонскія державы *Ептархіею* *).

Вся Западная Имперія, состоявшая изъ Префектуръ Иллирійской, Италійской и Галльской, теперь распалась на множество Германскихъ государствъ; впрочемъ, оттого отношенія этого варварскаго міра къ Восточной Имперіи не прекратились, и теперь главная цѣль нашего изложенія будетъ состоять въ томъ, чтобы представить *воспитаніе Германцевъ подъ вліяніемъ Христіанской Религіи и остатковъ древняго образованія*. Величіе и вліяніе Рима не исчезло вмѣстѣ съ его владычествомъ: варвары, раздѣлившіе между собою развалины Имперіи, должны были еще смотрѣть на Римъ, какъ на своего отца, съ нѣкотораго рода сыновнимъ уваженіемъ. Если мы разсмотримъ внимательнѣе образованіе, предназначенное для обузданія и воспитанія варваровъ, то найдемъ, что Христіанство имѣло перевѣсъ, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Стоитъ только противопо-

*) Источники для исторіи утвержденія господства и духа Германцевъ въ Британніи, кромѣ вышеприведеннаго сочиненія Бѣды, суть преимущественно *Gildae* sapientis de excidio Britanniae liber querulus и *Nennii* Eulogium Britanniae seu historia Britonum, и то и другое въ *Gale* scriptt. hist. Brit. T. I, Oxon. 1691. Изъ новыхъ сочиненій заслуживаютъ одобренія *Sh. Turner's* history of the Anglo-Saxons. London 1799—1801, III, 8, и первый томъ Geschichte von England von Lappenberg, Hamburg 1834. Также см. Geschichte der Angelsachsen im Ueberblicke von G. Gervinus Frankfurt a. M. 1830.

ставить писателей той и другой стороны и сравнить изъ восточныхъ Императора *Юліана* и софиста *Либанія*, какъ представителей язычества, съ отцами Церкви *Григоріемъ Богословомъ*, *Василіемъ Великимъ*, *Іоанномъ Златоустомъ*, а изъ западныхъ префекта *Симмаха* съ архіепископомъ *Амвросіемъ*, чтобы видѣть, на которой сторонѣ находятся элементы жизни и дальнѣйшаго усовершенствованія. Юліанъ занимался науками въ Аѳинахъ въ одно время съ Григоріемъ и Василіемъ, и эти мужи представляютъ собою любопытный примѣръ того, какъ два даровитые человѣка могутъ быть различны въ своемъ развитіи, если послѣдуютъ двумъ противоположнымъ направленіямъ вѣка. Сдѣлавшись ревностнымъ и восторженнымъ поборникомъ язычества, Юліанъ идетъ на перекоръ природѣ и истинѣ; онъ впадаетъ въ принужденность, и его духъ, который могъ бы чистымъ пламенемъ истины согрѣть и озарить себя и другихъ, теряется въ мишурномъ блескѣ риторики и миѳологіи. Образованіе, кажущееся такъ принужденнымъ въ Юліанѣ, напротивъ того, является весьма естественнымъ въ другѣ его *Либаніи*, потому что онъ, по самому положенію своему въ свѣтѣ, долженъ былъ со всѣмъ усердіемъ стараться о поддержаніи древней литературы и соединеннаго съ объясненіемъ классическихъ писателей знанія, подобно тому, какъ Василій, Григорій и Златоустъ, старались о Христіанскомъ ученіи. Онъ былъ язычникомъ не изъ ненависти къ Христіанству, какъ Юліанъ, а изъ удивленія къ классикамъ; по этому и дѣятельность его не

была такъ односторонна; трудясь для классической литературы, онъ дѣйствовалъ для элемента, который никогда не умретъ и будетъ составлять всегда одну изъ пружинъ дальнѣйшаго развитія человѣческаго рода *). По этому Либаній не является въ отношеніи къ отцамъ Церкви враждебнымъ, но чувствуетъ себя соединеннымъ съ ними узами образованія, почерпнутаго изъ общаго источника классическихъ писателей. Св. Василій въ Константинополѣ и Златоустъ въ Антіохіи были его учениками и оставались съ нимъ постоянно въ дружеской перепискѣ. Однако, какъ ни сходны были формы въ обоихъ направленіяхъ, содержаніе ихъ представляло великое различіе. Что у Юліана производитъ пустой энтузіасмъ и у Либанія искусственное краснорѣчіе, то у отцевъ Церкви является проникнутымъ пламенною и животворною теплотою. Форма одна и та же, но содержаніе даетъ ей душу и освященіе. Для созданія новой формы нуженъ былъ новый языкъ, но пока еще варварскіе языки младенчествовали и не были обработаны, надобно было довольствоваться, по крайней мѣрѣ, перемѣною въ образѣ мыслей и чувствованій **). Хотя Св. Григорій Богословъ и очень растянутъ въ рѣчахъ своихъ,

*) Изъ сочиненій Либанія особенно важны, для уразумѣнія его времени и образованія, его *λόγος περὶ τῆς ἑαυτοῦ τύχης*, его *λόγος πρὸς τοὺς βαρὺν αὐτὸν καλέσαντας*, и его письма.

**) Объ отцахъ Церкви четвертаго столѣтія совѣтую читать Mélanges philosophiques, historiques et littéraires par *Villemain*, гдѣ во 2-мъ томѣ находится Essai sur l'oraison funèbre и въ 3-мъ довольно хорошее изложеніе о краснорѣчіи Греческихъ и Латинскихъ отцевъ Церкви.

хотя онъ слишкомъ обременяетъ свой слогъ миѳологическими и поэтическими примѣненіями, но эти недостатки вознаграждаются у него тонкостью оборотовъ, сильными мыслями и жаромъ, съ какимъ онъ ихъ выражаетъ; въ каждой его рѣчи встрѣчаются мѣста, которыя могутъ стать наравнѣ съ лучшими произведеніями Греческаго краснорѣчія. Что касается до *Василія Великаго*, то строгая важность и энергія служатъ отличительными чертами его духа, и хотя онъ также не чуждъ, какъ и другъ его Григорій, общаго недостатка того времени, излишней утонченности и изысканности въ слогѣ, однако, не смотря на то, видно, что истина и естественность были главными основаніями. Его дѣятельность особенно имѣетъ всемірно-историческое значеніе въ отношеніи къ монастырскому и монашескому быту. *Іоаннъ Златоустъ* есть безспорно величайшій изъ духовныхъ ораторовъ четвертаго столѣтія; если Григорія Богослова ставятъ наряду съ Исократомъ, то Іоанна можно смѣло сравнить съ Демосѳеномъ. И дѣйствительно, многія изъ его рѣчей имѣютъ такой же высокій политическій характеръ, какъ и у Аѳинскаго оратора. Его слова утѣшили и успокоили Антіохійцевъ, трепетавшихъ гнѣва сильно оскорбленнаго ими Императора Ѳеодосія; а какое вліяніе имѣли они на дворъ и народонаселеніе Константинополя, объ этомъ мы имѣли уже случай говорить прежде *). На западѣ мы встрѣчаемъ, въ области литературы, защитникомъ

*) Der h. Johannes Chrysostomus und die Kirche, besonders des Orients in dessen Zeitalter von A. Neander, Berlin 1821 II, 8.

язычества, Римскаго городскаго префекта и первосвященника *Симмаха*. До насъ дошло собраніе его писемъ: слогъ и тонъ ихъ образованъ по письмамъ Плинія Младшаго; но какое различіе представляютъ они по содержанію, духу и мыслямъ! Важнѣйшимъ дѣломъ въ жизни Симмаха было его старапіе о поставленіи на прежнее мѣсто богини Викторіи, которой статуя и жертвенникъ были, по повелѣнію Граціана, вынесены изъ Куріи Сената. Его Relatio ad Imperatorem, въ которомъ онъ всѣми силами старается убѣдить Императора Валентиніана II загладить несправедливость, оказанную его братомъ этой столь важной богинѣ, обратило на себя такое вниманіе, что архіепископъ Миланскій, Амвросій, удостоилъ сдѣлать на него опроверженіе. Впрочемъ, дѣятельность этого знаменитаго святителя больше обращена была на Церковь, нежели на литературу. Онъ придалъ блескъ Богослуженію и далъ направленіе относящимся къ нему искусствамъ, равно какъ и толкованіе Библіи соотвѣтственное потребностямъ Латинскаго міра и вторгнувшихся въ него варваровъ. Мысль, которой въ Среднія Времена слѣдовали во всѣхъ сочиненіяхъ, архитектурѣ, живописи и поэзіи, что въ каждомъ чувственномъ предметѣ въ то же время заключается и должно быть означаемо нѣчто вышечувственное, внесена въ Латинскую Церковь Амвросіемъ. Онъ дѣйствовалъ своимъ ученіемъ и примѣромъ и возбуждалъ къ религіозной дѣятельности также и другихъ; изъ нихъ особенно примѣчателенъ *Бл. Августинъ*, который не менѣе совершилъ для Христіанской

философіи, сколько Амвросій для Богослуженія и изъясненія Библіи. Его идеи на цѣлыя столѣтія дали направленіе всему умственному развитію, и онѣ же послужили источникомъ споровъ столь важныхъ, какъ по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ. Такимъ сильнымъ вліяніемъ на Христіанскую догматику и философію онъ преимущественно обязанъ своему ученію: *Объ отношеніи Божеской благодати къ человѣческой волѣ.*

Такъ какъ многія изъ позднѣйшихъ отношеній и раздоровъ Христіанской Церкви покажутся для насъ непонятными, если мы не будемъ знать Августиновой системы, то по этому считаю за нужное представить вкратцѣ главныя основанія ея. Свобода воли, вредныя слѣдствія грѣхопаденія и необходимость милосердія Божія были всегда признаваемы Церковью, но никто еще не принялъ на себя труда опредѣлить церковными догматами то, что было неудобоопредѣляемаго въ этихъ ученіяхъ. Между тѣмъ, въ Латинской Церкви, уже со времени Тертулліана, утвердилось мнѣніе о сообщеніи грѣха Адамова, какъ способности грѣшить, чрезъ рожденіе, всѣмъ его потомкамъ (tradux animae, tradux peccati). Это мнѣніе не могло остаться безъ слѣдствій, въ отношеніи къ ученію о свободной волѣ и Божескомъ милосердіи. Два монаха, *Пелагій* и *Целестій*, своими изслѣдованіями этого труднаго и важнаго пункта Христіанскаго богословія первые возбудили сильный споръ, и Августинъ принялъ въ немъ живѣйшее участіе словомъ и дѣломъ. Такъ какъ система его образовалась въ борьбѣ съ Пелагіанцами, то по этому мы должны сперва бросить взглядъ на ученіе Пелагія, главныя основанія котораго были: «наслѣдственнаго грѣха нѣтъ. Человѣкъ, посредствомъ своей свободной воли, такъ же легко можетъ избирать доброе, какъ и злое; слѣдовательно, всякій можетъ достигнуть блаженства, какъ *salus* и *vita aeterna*; но Христіанамъ предназначено еще высшее блаженство (regnum coelorum), къ дости-

женію котораго крещеніе есть необходимое условіе. Какъ прежде для облегченія дѣланія добра данъ былъ законъ, такъ и теперь для этого же служили ученіе и примѣръ Христа и особенныя дѣйствія Благодати. Но дѣйствія Благодати всегда сопровождаютъ только свободное расположеніе къ добру. По этому Божіе предопредѣленіе *(praedestinatio)* основывается на одномъ предвидѣніи человѣческихъ поступковъ.» Августинъ давно уже составилъ гораздо строжайшую идею о человѣческой волѣ, но развилъ ее въ первый разъ въ спорѣ съ Пелагіемъ; главныя положенія его системы суть слѣдующія: «чрезъ грѣхопаденіе Адама человѣческая природа разстроилась какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи; грѣхъ его *(peccatum originale, vitium hereditarium)* перешелъ на всѣхъ людей; по этому, они по собственной волѣ своей могутъ дѣлать одно зло. Богъ положилъ отъ вѣка спасти чрезъ посланіе Христа изъ этой развращенной массы только нѣкоторыхъ, а прочихъ предоставить заслуженной погибели. Хотя крещеніе и сообщаетъ человѣку отпущеніе всѣхъ грѣховъ, равно какъ и первороднаго, но не уничтожаетъ нравственной испорченности его. По этому одна благодать Божія возбуждаетъ въ избранныхъ вѣру, любовь и силу къ совершенію добра. Всѣ другіе, не получившіе благодати, не имѣютъ никакой части въ искупленіи, и подежатъ осужденію, и притомъ не временному, а вѣчному» *). Легко представить, какія слѣдствія должны были имѣть подобные взгляды, принятые Латинскою Церковью; не смотря на то, они не переставали возбуждать отъ времени до времени противорѣчія и служили нѣкоторымъ образомъ оселкомъ, на которомъ изощрялся философскій духъ Среднихъ Вѣковъ.

Большая часть сочиненій Бл. Августина относится къ развитію его догматической системы, или принадлежитъ къ Богословію; напротивъ его

*) Gieſeler's Lehrbuch der Kirchengeſchichte, Bd. I, S. 420—433 (dritte Auflage, Bonn 1831).

Confessiones, *Retractationes* и 22 книги *de civitate Dei* имѣютъ всеобщій интересъ; сверхъ того особенно заслуживаютъ быть замѣченными еще его письма, *soliloquiorum libri duo* и сочиненіе *de vera religione*. Форма сочиненій его часто искусственна и не чужда ложнаго направленія современной риторики: однако, не смотря на то, духъ новаго времени замѣтенъ въ нихъ ощутительно, и неизвѣстные языческой древности взгляды на міръ и чувства проявляются повсюду. Въ сравненіи съ такими мужами, какъ Августинъ и даже Амвросій, *Св. Іеронимъ* стоитъ гораздо ниже; впрочемъ, не смотря на то, онъ заслуживаетъ быть упомянутымъ вмѣстѣ съ этими великими своими современниками. Его переводъ Библіи на Латинскій языкъ сдѣлался каноническимъ и составляетъ главную часть *Vulgata*; также его комментаріи на многія изъ библейскихъ писаній драгоцѣнны, какъ сами по себѣ, такъ и по обстоятельствамъ, при которыхъ были написаны. Что касается до свѣтской литературы, то она движется неизмѣнно по старому пути. Если мы броснмъ взглядъ на поэзію, то находимъ въ ней Виргиліевы фразы и стихи постоянно господствующимъ элементомъ; древняя поэзія, съ своимъ чисто пластическимъ характеромъ, все еще находится въ противорѣчіи съ духомъ Христіанства, теряющимся въ своемъ стремленіи къ безконечному, и потому новыхъ цвѣтовъ поэзіи можно было ожидать не прежде, какъ по образованіи этого Христіанскаго элемента для нея въ фантазіи и языкѣ варваровъ. Славнѣйшіе Христіанскіе стихотворцы того времени: *Пру-*

денціи, *Авитъ*, *Ювенкъ* и *Седулій*, хотя и обязаны Христіанству нѣкоторыми новыми мыслями и живыми чувствованіями, однако они не освобождаются изъ зависимости отъ старой формы, и всего охотнѣе облекаютъ то, что хотятъ сказать, въ Виргиліевы фразы *). Гораздо больше силы и жизни представляютъ произведенія поэтовъ, соединявшихъ съ языческими формами также и языческій образъ мыслей; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ суть *Авзоній* и *Клавдіанъ*, хотя и они не меньше другихъ грабили древнихъ поэтовъ. Такъ напримѣръ Авзоніевъ *Cento nuptialis* весь составленъ изъ Виргиліевыхъ стиховъ, только у него имъ приданъ другой смыслъ, и слова цѣломудреннѣйшаго изъ Римскихъ поэтовъ по чувствамъ и выраженіямъ, обращены въ грязное сквернословіе. Тотъ же недостатокъ имѣютъ и Epigrammata; только его *Mosella* — любопытное описаніе страны, орошаемой Мозелемъ,—чисто, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Клавдіанъ обладаетъ рѣшительнымъ поэтическимъ талантомъ, только предметъ его твореній больше историческій, нежели поэтическій. Клавдіанъ, подобно Лукану, историкъ въ стихахъ. Онъ пользовался покровительствомъ воспѣтаго имъ Стиликона, и въ надеждѣ на его сильную протекцію, часто позволялъ себѣ остроты на счетъ высшихъ сановниковъ, но этимъ нажилъ себѣ

*) Слѣдующіе три стиха Седулія:

Omnipotens genitor, tandem miseratus ab alto,
Postquam cuncta dedit coelo constare sereno,
Omnibus in terris divinum aspirat amorem —

взяты изъ разныхъ мѣстъ Виргиліевой Энеиды (lib. V, vs. 726, lib. III, vs. 518, и lib. VIII, vs. 373) и соединены въ одно цѣлое.

враговъ и, кажется, по паденіи Стиликона, не избѣжалъ ихъ мести *). Въ томъ же родѣ, хотя съ меньшими способностями и еще въ безцвѣтнѣйшей формѣ, *Сидоній Аполлинарисъ* воспѣлъ послѣднихъ Римскихъ Императоровъ, начиная отъ тестя своего Авита до Антемія. Гораздо важнѣе и любопытнѣе стихотворенія его письма, какъ живой памятникъ ума и характера того времени. Изъ Латинскихъ историковъ здѣсь заслуживаютъ быть упомянутыми трое: *Евтропій*, *Амміанъ Марцеллинъ* и *Орозій*,—изъ Греческихъ одинъ Зосимъ. Евтропій написалъ только *Breviarium historiae Romanae*, но это небольшое сочиненьице было во времена Карла В. передѣлано Павломъ Діакономъ и въ послѣдствіи еще распространено нѣкоторымъ Ландульфомъ (Landulphus Sagax). Въ этой формѣ оно носитъ заглавіе *historia miscella*, и важно потому, что при передѣлкѣ его воспользовались точно и добросовѣстно многими для насъ несуществующими источниками. Но если Евтропій слишкомъ кратокъ, то Амміанъ Марцеллинъ напротивъ уже чрезъ мѣру растянутъ. Будучи природнымъ Грекомъ, онъ писалъ по Латыни съ трудомъ, и его надутый слогъ неопосенъ. Если-же, не обращая вниманія на форму, смотрѣть только на содержаніе, то его сочиненіе принадлежитъ къ лучшимъ

*) Напр. Клавдіанъ написалъ на двухъ префектовъ, изъ которыхъ одинъ, *Маллій*, отличался недѣятельностью, а другой, *Адріанъ Фарскій*, хотя и показывалъ себя дѣятельнымъ, но только для своихъ выгодъ, слѣдующую ѣдкую эпиграмму:

Mallius indulget somno noctesque diesque,
Insomnis Pharius sacra, profana rapit.
Omnibus hoc, Italae gentes, exposcite votis,
Mallius ut vigilet, dormiat ut Pharius.

историческимъ источникамъ, потому что оно написано съ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла. Орозій въ своей исторіи имѣлъ въ виду постоянно одну цѣль, опровергнуть обвиненія язычниковъ противъ Христіанства и доказать, что всѣ бѣдствія происходятъ отъ грѣха. Какъ ученикъ и другъ Св. Августина, онъ принимаетъ его ученіе о грѣхѣ и благодати, и конечно весьма любопытно видѣть Всеобщую Исторію, написанную съ этой точки зрѣнія. Въ слѣдствіе такого направленія очень естественно, что у Орозія встрѣчается много высокихъ мыслей и глубокихъ чувствованій. Въ противоположность строгой важности Орозія, Зосимъ является весьма пустымъ и легкомысленнымъ, и дѣйствительно, въ его Исторіи можно найти менѣе всего основательныхъ сужденій; но Зосимъ имѣетъ одно преимущество, показывающее его съ очень выгодной стороны: онъ одинъ среди бывшей тогда въ модѣ у всѣхъ писателей высокопарности и натянутыхъ риторическихъ прикрасъ, сохранилъ простой и спокойный слогъ. Примѣчательное явленіе литературы этого періода суть грамматики и энциклопедіи. Когда древній міръ переходилъ въ варварство, въ то время собрать остатки древняго образованія и привести ихъ въ такую форму, въ которой бы они могли служить основаніемъ новому, было весьма важно. Къ славнѣйшимъ грамматикамъ четвертаго и пятаго вѣковъ принадлежатъ *Донатъ*, *Нонній Марцеллъ*, *Фестъ* и *Сервій*, которыхъ сочиненія и способъ объясненія древнихъ писателей господствовали въ Среднія Времена во всѣхъ школахъ. Что

они сдѣлали для объясненія древнихъ классиковъ, то *Макровій*, жившій въ царствованіе Гонорія, сдѣлалъ для философіи. Его *Commentarius ex Cicerone in somnium Scipionis*, служитъ основаніемъ мистическому значенію чиселъ, принятому въ Средніе Времена; также въ своихъ *Saturnalia* онъ оставилъ родъ энциклопедіи, знакомящей насъ со многими писателями, которыхъ безъ того мы не знали бы можетъ быть и именъ. Въ одно время съ совершеннымъ распаденіемъ Западной Имперіи, вышла другая хрестоматія и энциклопедія, и это твореніе есть какъ бы послѣдній подарокъ падающаго царства варварамъ; по крайней мѣрѣ, она была принята у нихъ за основаніе всего образованія, и находившееся въ ней раздѣленіе наукъ сдѣлалось неизмѣннымъ правиломъ. Эта энциклопедія, которой сочинитель назывался *Марціанъ Минней Феликсъ Капелла*, извѣстна подъ заглавіемъ *Nuptiae philologiae et Mercurii*. Она состоитъ собственно изъ двухъ только книгъ, но къ нимъ прибавлены еще семь о семи свободныхъ искусствахъ въ приданое за Филологіею, при вступленіи ея въ бракъ съ Меркуріемъ. Эти семь свободныхъ искусствъ раздѣляются на *Trivium*, куда относится грамматика, діалектика и риторика, и *Quadrivium*, заключающій въ себѣ геометрію, ариѳметику, астрономію и музыку. При этомъ должно замѣтить, что къ геометріи была присоединена скудная географія, а къ музыкѣ ученіе о размѣрѣ. Впрочемъ, Латинскій и Греческій языкъ все еще составляли письменный языкъ Христіанскаго міра, только въ

формѣ столь далекой отъ классической, что для уразумѣнія ея нуженъ былъ особенный ключъ *).

Уничтоженіе на Западѣ императорскаго достоинства и распаденіе Имперіи на Германскія Королевства не имѣло ближайшимъ слѣдствіемъ другой перемѣны, кромѣ нѣкоторой, такъ сказать, перестановки въ прежнихъ политическихъ отношеніяхъ: именно, Германцы, считавшіеся доселѣ подчиненными, сдѣлались теперь господствующими, а политическое устройство Римлянъ подчиненнымъ. По этому послѣднее не могло дѣйствовать на варваровъ въ цѣлости, а только по частямъ, и чтобы теперь образованіе продолжало свое развитіе, нужно было иное побужденіе, и его доставила Церковь, равно священная, какъ для жителей провинцій, такъ и для Германцевъ. И такъ здѣсь мѣсто упомянуть о новой силѣ, присоединившейся къ Церкви и оказавшей ей въ воспитаніи варваровъ существенную помощь — о монашествѣ.

Аскитство было въ характерѣ Христіанства; въ стремленіи къ небу само собою заключалось презрѣніе къ землѣ и желаніе отрѣшиться отъ узъ, привязывающихъ чувственнаго человѣка къ земному. Поэтому уже давно являлись строгіе аскиты, которые, не отдѣляясь еще отъ міра, отказывались отъ всѣхъ прелестей и наслажденій его и посвящали всю свою жизнь на преодолѣніе чувственныхъ потребностей и пожеланій. Но во время Константина В. аскиты на-

*) И этимъ ключемъ мы обязаны лексиконамъ *Du Fresne du Cange*, изъ которыхъ одинъ (glossarium mediae et infimae graecitatis; Lugd. Bat. 1688, II, fol.) содержитъ Греко-Византійскій, а другой (glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Paris. 1678 VI, fol.) Латино-варварскій языкъ.

чали внѣшнимъ образомъ показывать свое отреченіе отъ міра, удаляясь въ уединеніе; отсюда произошло троякое названіе ихъ: *пустынники*, *монахи*, *отшельники*, что впрочемъ сначала значило одно и тоже. Первый пустынникъ былъ Св. *Антоній*. Пожертвовавъ въ цвѣтѣ лѣтъ всѣмъ своимъ имѣніемъ и надеждами въ свѣтѣ, онъ удалился въ пустыню для снисканія небесныхъ благъ. Его примѣръ нашелъ тѣмъ многочисленнѣйшихъ послѣдователей, чѣмъ больше это направленіе основывалось на духѣ времени. Уже при Антоніи поселившіеся вокругъ его шалаша составили нѣкоторое общество, но *Пахомій* первый, въ 346 г., основалъ на островѣ рѣки Нила, Табеннѣ, монашескую обитель (*κοινόβιον*, claustrum), и отселѣ началось различіе между монахами, подчинявшимися извѣстнымъ правиламъ общежитія, и между пустынниками и отшельниками, которые продолжали искать уединенія. Въ то же время, *Аммонъ* основалъ монастырь на Нитрійской Горѣ, а *Иларіонъ* въ пустынѣ близъ Газы. Такимъ образомъ иночество скоро распространилось по всей Сиріи, а оттуда и въ другія страны Азіи. Восточные монахи получили уставъ отъ Василія Великаго, главными правилами котораго были бѣдность, повиновеніе начальнику (*Ἄββας*, *Ἡγούμενος*, *Ἀρχιμανδρίτης*) и цѣломудріе. Впрочемъ, монахи не пользовались такимъ уваженіемъ, какъ пустынники, потому что народъ судилъ о святости по мѣрѣ лишеній и умерщвленія плоти, которымъ человѣкъ подвергалъ себя. Изъ многихъ видовъ, въ которыхъ выразилось это направленіе, особенно заслуживаетъ быть упомянутымъ необыкновенное самоистязаніе, выдержанное однимъ молодымъ Сиріецемъ, по имени *Симеономъ*. Оставивъ монастырь, въ которомъ жизнь показалась ему не довольно строгою, онъ утвердилъ свое пребываніе на одной горѣ, недалеко отъ Антіохіи, и тамъ сперва приковалъ себя къ цѣпи; но вскорѣ потомъ началъ собирать въ кучу лежавшіе вокругъ него каменья, и мало по малу выстроилъ себѣ столпъ въ 60 футовъ вышины. На этомъ столпѣ Симеонъ прожилъ съ 420 г. сорокъ лѣтъ. Такое необыкновенное умерщвленіе плоти доставило отшельнику величайшее удивленіе и уваженіе.

Толпы народа непрестанно повергались на колѣни предъ его столпомъ, умоляя о благословеніи, и каждое его слово и приказаніе было принимаемо и исполняемо, какъ высшій приговоръ. Его примѣръ нашелъ подражателей; изъ нихъ особеннымъ уваженіемъ и вліяніемъ пользовался *Св. Даніилъ*, воздвигшій свой столпъ близъ Константинополя. На Западѣ иночество проникло уже по совершенномъ образованіи своемъ на Востокѣ. Тамъ оно укоренилось и быстро распространилось подъ покровительствомъ знаменитѣйшихъ духовныхъ особъ: Амвросія, Августина и Іеронима. На Востокѣ заселены были монахами пустыни, на Западѣ прибрежные острова Средиземнаго и Адріатическаго Морей. Но на Западѣ иночество должно было принять другой видъ, нежели на Востокѣ. Суровость климата не дозволяла той простоты въ одеждѣ и скудости пищи, какою довольствовались восточные монахи. Скоро открылось и другое важное различіе: западные монахи оставили ремесла и стали заниматься переписываніемъ книгъ и науками. Оттого на Западѣ, запятомъ варварами, монастыри сдѣлались хранилищама образованія; имъ обязаны мы сохраненіемъ остатковъ древней образованности, перешедшихъ въ Средніе Вѣка.

Хотя Западъ не составлялъ уже части Римской Имперіи, однако не исчезло еще очарованіе, столько времени производимое на Германцевъ величествомъ Императоровъ. На Восточнаго Императора перешли теперь всѣ притязанія, которыя прежде имѣли Западные Императоры. Эти притязанія были отчасти признаны, потому что Германскіе Короли съ радостью принимали титулы Римскихъ сановниковъ, даваемые имъ Константинопольскимъ дворомъ *). Продолжались также и прежнія отно-

*) *Григорій Турскій* описываетъ, какую радость показалъ Король Франковъ, Хлодвигъ, при полученіи Римскаго чина, Hist. eccl. Francor. lib. II, cap. 38: Igitur ab Anastasio codicillos de

шенія, такъ что, когда Императоръ хотѣлъ освободиться отъ обременительнаго содержанія варварскихъ войскъ, то долженъ былъ по прежнему отводить имъ земли въ бывшей Западной Имперіи. Такимъ образомъ Остготѳы, подъ предводительствомъ *Теодериха Великаго*, двинулись по указанію Константинопольскаго правительства на Италію и, по разбитіи Одоакра, основали тамъ царство, которое, подъ мудрымъ правленіемъ Теодериха, было славно и могущественно, но тотчасъ по смерти его начало клониться къ паденію *).

По паденіи Гуннскаго Царства, Остготѳы, подъ предводительствомъ трехъ братьевъ изъ древняго королевскаго дома, *Валамира*, *Теодемира* и *Витимера*, поселились въ частяхъ Паннонін и Мезіи. Отсюда они часто безпокоили Восточную Имперію и не прекращали своихъ набѣговъ до тѣхъ поръ, пока Императоръ не купилъ у нихъ мира платою ежегодной дани. При этомъ случаѣ, сынъ Теодемира, *Теодерихъ*, отправленъ заложникомъ ко двору Императора Льва, гдѣ и былъ воспитанъ. Этотъ принцъ былъ единственною надеждою Готѳовъ, потому что изъ всѣхъ трехъ братьевъ у одного Теодемира былъ сынъ. По смерти дядей и отца, въ 475 г., Теодерихъ дѣйствительно принялъ одинъ правленіе надъ Остготѳами, и предпріимчивый и славолюбивый духъ его тотчасъ выказался въ притѣсненіи Греческой Имперіи. Царствовавшій тогда Императоръ Зенонъ, послѣ тщетныхъ усилій смягчить его уступкою земли и знаками отличій, указалъ ему, въ 489 г., на Ита-

consulatu accepit et in basilica beati Martini tunica blattea indutus est et chlamyde, imponens vertici diadema. Tunc ascenso equo aurum argentumque praesentibus populis manu propria spargens voluntate benignissima erogavit et ab ea die tamquam consul et Augustus est vocitatus.

*) Geschichte des Ostgothischen Reiches in Italien von J. C. F. Manso. Breslau. 1824.

лію. Походъ Готѳовъ былъ настоящимъ переселеніемъ народа, потому что они взяли съ собою женъ и дѣтей и все движимое имѣніе. Открывъ себѣ дорогу побѣдою надъ Гепидами, Теодерихъ чрезъ Юлійскія Альпы проникъ до рѣки Изонзо, гдѣ ждалъ его Одоакръ. Въ происшедшей здѣсь битвѣ Остготѳы остались побѣдителями, а Одоакръ отступилъ за Эчь. Тамъ, при Веронѣ, Теодерихъ нанесъ своему противнику второе пораженіе, однако, не смотря на то, такъ мало надѣялся еще на свои силы, что въ слѣдующемъ же году долженъ былъ просить помощи у своихъ единоплеменниковъ, Вестготѳовъ. Получивъ ее, онъ, въ третій разъ, разбилъ Одоакра въ 490 г. при Аддѣ и принудилъ его отступить и запереться въ Равеннѣ. Этотъ городъ по своимъ укрѣпленіямъ и единственному положенію считался одною изъ лучшихъ крѣпостей Италіи, и Одоакръ за стѣнами его болѣе трехъ лѣтъ противился силамъ Теодериха. Между тѣмъ, какъ уже вся страна покорилась Готѳамъ, онъ сдался не иначе, какъ на условіяхъ, заключенныхъ при посредствѣ Равеннскаго епископа, по силѣ которыхъ ему дано было, какъ кажется, участіе въ правленіи Италіею *). Но подобное условіе не могло быть исполнено, и уже чрезъ нѣсколько дней по сдачѣ города, въ Мартѣ 493, Одоакръ, приглашенный на пиръ, былъ вѣроломнымъ образомъ убитъ. Основаніе Остготѳскаго Царства не произвело никакой перемѣны въ отношеніи къ жителямъ Италіи; по примѣру народовъ, пришедшихъ съ Одоакромъ, Остготѳы также взяли себѣ третью часть земли. Такъ какъ Римляне удержали свои законы, а Готѳы не оставляли своихъ, оттого на одномъ и томъ же мѣстѣ возникли два государства, не имѣвшія между собою никакой другой связи, кромѣ од-

*) *Прокопій* сообщаетъ содержаніе его въ слѣдующихъ словахъ: Οἵ τε Γότθοι καὶ οἱ ἀμφὶ Ὀδόακρον ὑπὸ διαλλακτῇ τῷ Ῥαβέννης ἱερεῖ ἐς λόγους ἀλλήλους ξυνίασιν, ἐφ' ᾧ Θευδέριχος καὶ Ὀδόακρος ἐν Ῥαβέννῃ ἐπὶ τῇ ἴσῃ καὶ ὁμοίᾳ διαίτην ἕξουσιν. (т. е. Готѳы и бывшіе съ Одоакромъ при посредничествѣ Равенскаго епископа примирились на взаимныхъ условіяхъ, по которымъ Теодерихъ и Одоакръ должны были жить въ Равеннѣ, пользуясь совершенно одинакими правами.)

ного общаго главы, а во всемъ прочемъ: въ языкѣ, закопахъ, правахъ и занятіяхъ обѣ націи были совершенно различны. Къ тому должно еще присовокупить и то, что Готѳы были Аріанскаго исповѣданія и слѣдовательно не сходились съ Римлянами даже и въ религіи. Послѣднее обстоятельство особенно возбудило противъ Готѳовъ духовенство и народъ, и оттого Готѳское Царство не могло еще здѣсь утвердиться. Впрочемъ, подъ правленіемъ Теодериха, Италія начала снова приходить въ цвѣтущее состояніе *); съ Константинопольскимъ дворомъ онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и въ дѣлахъ Германскаго міра голосъ его имѣлъ большой вѣсъ и рѣшительное вліяніе. Къ несчастію, подъ конецъ правленія, онъ вступилъ съ своими Римскими подданными въ религіозный споръ. Византійское правительство издало противъ Аріанъ строгія постановленія; Теодерихъ, какъ Аріанинъ и глава Аріанскаго народа, не могъ стерпѣть этого и грозилъ такъ-же поступить въ своихъ владѣніяхъ съ католиками, если гоненія на его единовѣрцевъ не будутъ прекращены. Въ слѣдствіе такихъ отношеній, онъ началъ подозрѣвать своихъ подданныхъ въ тайныхъ связяхъ съ Императоромъ, и его досада была тѣмъ сильнѣе, что главами недовольныхъ явились люди, которымъ онъ болѣе всѣхъ довѣрялъ. Этимъ объясняется, отчего Теодерихъ велѣлъ арестовать и обвинить въ государственной измѣнѣ сенатора *Боэтія*, его тестя *Симмаха* и Папу *Іоанна*. Заключенію Боэтія мы обязаны прекраснымъ сочиненіемъ его *de consolatione philosophiae*. Боэтій изображаетъ въ немъ свои чувствованія, когда съ вершины блеска и почестей увидѣлъ себя низвергнутымъ въ глубочайшую бездну несчастія; онъ ищетъ утѣшенія въ урокахъ и примѣрахъ философіи, которая является ему въ видѣ женщины. Онъ былъ казненъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, въ 525 г.; таже участь постигла и Симмаха.

*) Теодерихъ особенно воспользовался въ дѣлахъ правленія дарованіями ученаго *М. Аврелія Кассіодора*, который въ своемъ *Variarum libri XII* приводитъ почти всѣ сдѣланныя имъ постановленія.

Теодерихъ скоро раскаялся въ этой жестокости, сдѣлавшей его ненавистнымъ въ глазахъ Римскихъ подданныхъ его. Образъ убитаго не давалъ ему нигдѣ покоя, и мученія совѣсти ускорили его смерть, послѣдовавшую 30 Августа 526 г. *) Царство Теодериха Великаго состояло изъ Италіи, Сициліи, за исключеніемъ Лилибея, принадлежавшаго Вандаламъ, Далмаціи, части Паннопіи, обѣихъ Реціи, Норика и Прованса. Это царство, основанное и сохраненное въ цѣлости его сильною рукою, должно было подвергнуть испытанію свою крѣпость, когда, по смерти его, правленіе перешло въ руки дитяти и женщины. Теодерихъ не оставилъ по себѣ сына, но внука, Аталариха, рожденнаго отъ дочери своей, Амалазунты, вдовы Евтариха. Наслѣднику было въ то время не больше восьми лѣтъ, и Амалазунта, вмѣстѣ съ надзоромъ за воспитаніемъ его, получила также въ свои руки и правленіе. Тогда тотчасъ выказалась противуположность обоихъ политическихъ устройствъ и образованій, соединенныхъ въ Остготскомъ Королевствѣ. Амалазунта хотѣла познакомить своего сына со всѣми науками и искусствами Римлянъ; Готѳы смотрѣли на это съ неудовольствіемъ, опасаясь, чтобы юный Государь не сталъ чуждаться своихъ національныхъ правовъ и обычаевъ; они успокоились только по устраненіи ея отъ опеки надъ молодымъ

*) *Procop.* de bell. Goth. lib. I, p. 310: Δειπνοῦντι δέ οἱ ἔχθυος μεγάλου κεφαλὴν οἱ θεράποντες παρετίθεσαν. Αὕτη Θευδερίχῳ ἔδοξε κεφαλὴ Συμμάχου νεοσφαγοῦς εἶναι, καὶ τοῖς μὲν ὀδοῦσιν ἐς χεῖλος τὸ κάτω ἐμπεπηγόσι, τοῖς δὲ ὀφθαλμοῖς βλοσυρόν τι καὶ μανικὸν ὁρῶσιν ἀπειλοῦντι οἱ ἐπιπλεῖστον ἐῴκει. Περιδεὴς δὲ τοῦ τέρατος τῷ ὑπερβάλλοντι γενόμενος καὶ ῥιγώσας ἐκτόπως, ἐς κοίτην τὴν αὑτοῦ ἀπεχώρησε δρόμῳ, τριβώνιά τε πολλὰ ἐπιθεῖναι κελεύσας ἡσύχαζε. Τὴν δ' ἐς Σύμμαχον καὶ Βοήτιον ἁμαρτάδα ἔκλαιεν. ἀποκλαύσας δὲ καὶ περιαλγήσας τῇ συμφορᾷ ἐτελεύτησεν. (т. е. За обѣдомъ слуги подали ему на столъ голову большой рыбы. Теодериху показалось, что это голова недавно убитаго Симмаха, и что она, прикусивъ зубами нижнюю губу и смотря на него глазами выражающими дикость и бѣшенство, страшно грозитъ ему. Испуганный необыкновеннымъ явленіемъ и дрожа какъ бы въ лихорадкѣ, онъ бѣгомъ бросился къ постели, и велѣвъ покрыть себя многими одеждами, успокоился. Онъ оплакивалъ свой грѣхъ противъ Симмаха и Боэтія; оплакавъ же и объявивъ свое сожалѣніе объ этомъ несчастіи, скончался.)

Королемъ. Аталарихъ перешелъ теперь въ другую крайность: предался порочнымъ удовольствіямъ, которыя и свели его преждевременно въ могилу; онъ умеръ въ 534 году. Амалазунта, уже рѣшившаяся удалиться къ императорскому двору въ Константинополь, теперь осталась въ Италіи, надѣясь получить въ свои руки правленіе. Изъ древней царской фамиліи оставался еще въ живыхъ только племянникъ Теодериха, Теодатъ; ему-то рѣшилась она предложить свою руку съ условіемъ, чтобъ онъ довольствовался однимъ именемъ и видомъ королевской власти; но правленіе предоставилъ бы одной ей. Теодатъ поклялся во всемъ, чего отъ него требовали, но едва былъ признанъ Готѳами Королемъ, какъ тотчасъ сталъ стараться объ удаленіи Амалазунты; умертвивъ сперва вѣрнѣйшихъ ея приверженцевъ, онъ потомъ заточилъ и ее на островѣ Волзинскаго Озера, гдѣ она въ томъ же году, по приказанію его, была умерщвлена. Теодатъ раздражилъ противъ себя Византійскаго Императора, принявшаго участіе въ судьбѣ Амалазунты въ то самое время, когда побѣдоносное войско его стояло насупротивъ Италіи на берегу Африки и, гордясь ниспроверженіемъ Вандальскаго Царства, ждало только повода, чтобъ исторгнуть изъ рукъ варваровъ и это родовое владѣніе Римской Имперіи.

Возстановленіе Западной Имперіи могло, при настоящихъ обстоятельствахъ, произойти двоякимъ образомъ: или чрезъ покореніе западныхъ странъ и возстановленіе тамъ Восточнымъ Императоромъ императорскаго престола, или чрезъ соединеніе всѣхъ, или большей части западныхъ провинцій, подъ скипетромъ какого либо Германскаго короля съ титуломъ Императора. Сначала казалось, что ходъ дѣлъ принимаетъ первое направленіе, потому что въ правленіе *Юстиніана*, Восточная Имперія получила не только новую жизнь внутри, но и

пріобрѣла снова такую славу и такую увѣренность въ своихъ военныхъ силахъ, что была въ состояніи предпринять завоеваніе Запада. Африка и Италія, по разрушеніи основавшихся въ нихъ Германскихъ королевствъ, сдѣлались опять Римскими провинціями.

Съ возвышеніемъ на престолъ Марціана, Восточная Имперія ожила духомъ. Марціану, въ 457 г., наслѣдовалъ *Левъ I*; онъ выдалъ дочь свою Аріадну за своего одноземца, Зенона Исаврійца, и родившійся отъ этого брака сынъ, *Левъ II*, былъ, по смерти Императора, въ 474 г., объявленъ его преемникомъ. Но такъ какъ онъ въ томъ же году умеръ, то на престолъ вступилъ его отецъ. Зенонъ царствовалъ до 491 г.; по смерти его, супруга его Аріадна возвела на престолъ *Анастасія*, которому отдала свою руку. По смерти Анастасія въ 518 г. былъ облеченъ въ порфиру начальникъ гвардіи *Юстинъ*. Происходя изъ самаго низкаго званія, мужествомъ и вѣрностью онъ постепенно дослужился до высшихъ военныхъ чиновъ, и теперь, не смотря на то, что не умѣлъ ни читать, ни писать, былъ поставленъ главою государства въ то время образованнѣйшаго въ свѣтѣ. Его правленіе важно только потому, что открыло путь къ престолу племяннику его Юстиніану. Не имѣя самъ дѣтей, Юстинъ усыновилъ его и, какъ будущаго наслѣдника, воспиталъ въ Константинополѣ со всѣмъ раченіемъ. Не задолго до кончины онъ сдѣлалъ его соправителемъ, и по смерти его, въ 527 г., *Юстиніанъ* безпрепятственно вступилъ на престолъ. Хотя Юстиніанъ началъ свое правленіе поступкомъ, обѣщавшимъ не много хорошаго, женившись на актрисѣ Ѳеодорѣ, однако этотъ бракъ не имѣлъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какихъ страшились сначала, потому что Ѳеодора своимъ поведеніемъ умѣла изгладить воспоминаніе о своей прежней распутной жизни, и ея вліяніе на Юстиніана было больше къ пользѣ, нежели ко вреду государства. Что касается до дѣятельности Юстиніана въ отношеніи къ внут-

тренпему устройству государства, то во первыхъ обращаетъ на себя наше вниманіе сдѣланное по повелѣнію его собраніе законовъ. Жизнь въ Восточной или Византійской Имперіи получила уже, въ сравненіи съ прежнею Римскою, совершенно особенный характеръ, такъ что направленія, вышедшія изъ латинскаго элемента Римскаго государства, не могли продолжать своего существованія въ самостоятельномъ теперь государствѣ Греческомъ. Этому подверглось и право; давно уже чувствовали потребность привести законы въ систему, и Юстиніанъ тотчасъ по вступленіи на престолъ постарался объ исполненіи этого. Подъ предсѣдательствомъ ученаго Трибоніана составлена была коммиссія, и обнародованныя ею, въ 533 г., *Институціи* и *Пандекты* или *Дигесты* были результатомъ значительнаго и полезнаго труда. Юстиніановъ corpus juris сталъ считаться отселѣ источникомъ и совокупностью всѣхъ законныхъ опредѣленій, всѣ же другіе источники права потеряли свою силу и почитаемы были только какъ памятники древности. Въ то же время Іоаннъ Схоластикъ, въ послѣдствіи бывшій патріархомъ, собралъ всѣ постановленія, относящіяся до Восточной Церкви. При Юстиніанѣ процвѣтало также и зодчество, и построенный имъ Софійскій Соборъ служитъ прекраснымъ памятникомъ современной архитектуры; равно благодѣтельно было правленіе Юстиніана для торговли и мануфактуръ; при немъ и отчасти по его старанію было перенесено въ Европу *шелководство*; сверхъ того заслуживаютъ быть упомянуты и изъ внутреннихъ мѣръ — закрытіе въ Аѳинахъ философскихъ школъ и уничтоженіе консульства. На мѣсто прекращеннаго такимъ образомъ счисленія времени по консульствамъ начали вести лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра, и за исходный пунктъ приняли 1 Сентября 5508 г. до Р. Х. Эта эра осталась господствующею въ Греческой Имперіи до самаго паденія ея, между тѣмъ какъ Латинская Церковь и въ этомъ совершенно отклонилась отъ нея, принявъ за исходный пунктъ своей эры Рождество Христово. Также и военныя предпріятія Юстиніана представляютъ что-то величественное: во первыхъ, его оружію покорилось царство

Вандальское, противъ котораго послѣдніе Западные Императоры столько разъ напрасно составляли союзъ съ Восточными. Вандалы скоро почувствовали слѣдствія своего состоянія, они сдѣлались изнѣженными *). Изобиліе страны и богатая добыча отъ разбойничьихъ набѣговъ увлекли ихъ въ развратную жизнь, которая ослабила силу народа. Гейзерихъ умеръ въ 478 г. Начинающійся упадокъ государства обнаружился уже при сынѣ и наслѣдникѣ его *Гунперихѣ*. Мавры возмутились, и ихъ не могли привести въ повиновеніе, а католики, сильно преслѣдуемые, были озлоблены противъ Аріанскаго правительства. Въ царствованіе обоихъ слѣдующихъ Королей, *Гундамунда* (486—497) и *Тразамунда* (497—524), всѣ попытки къ покоренію Мавровъ и обращенію католиковъ остались безуспѣшны, и Вандальское царство заключало такимъ образомъ въ нѣдрахъ своихъ партіи, готовыя подать руку всякому внѣшнему непріятелю. Въ такомъ состояніи находились дѣла въ Африкѣ, когда, по смерти Тразамунда, въ 524 г., на престолъ вступилъ сынъ Гунпериха, *Гильдерихъ*. Этотъ Государь совершенно не походилъ характеромъ на своего жестокаго отца: онъ былъ тихъ и кротокъ и тотчасъ по вступленіи на престолъ издалъ для католиковъ эдиктъ вѣротерпимости. Въ то же время онъ вступилъ въ дружественныя сношенія съ Константинопольскимъ правительствомъ и особенно съ Юстиніаномъ, который, хотя тогда и не былъ еще Императоромъ, но уже имѣлъ вліяніе на весь дворъ. Но его стремленіе соединить Римскій и варварскій элементы своего царства оскорбило Вандаловъ, и число недовольныхъ было такъ велико, что предпріимчивый человѣкъ могъ воспользоваться помощію ихъ къ своему возвышенію. Старшій послѣ Гильдериха въ королевской фамиліи, *Гелимеръ*, объявилъ себя пред-

*) *Procopius* (de bello Vand. lib. II, cap. 6) называетъ Вандаловъ самымъ изнѣженнымъ народомъ своего времени: ἔθνων γὰρ ἁπάντων, ὧν ἡμεῖς ἴσμεν, ἁβρότατον μὲν τὸ τῶν Βανδίλων, ταλαιπωρότατον δὲ τὸ τῶν Μαυρουσίων τετύχηκεν εἶναι. (т. е. Ибо изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ Вандалы были народомъ самымъ изнѣженнымъ, Мавры же самымъ способнымъ къ перенесенію трудовъ.)

водителемъ недовольныхъ и составилъ такую грозную партію, что Гильдерихъ, не смѣя сопротивляться, въ 531 г добровольно отказался отъ престола, на который и вступилъ Гелимеръ. Гильдерихъ, вмѣстѣ съ двумя племянниками, былъ заключенъ въ темницу. Императоръ Юстиніанъ, какъ другъ низложеннаго Короля, считалъ себя въ правѣ вмѣшаться въ Вандальскія дѣла; онъ писалъ къ Гелимеру и требовалъ освобожденія Гильдериха, но письмо его не только что осталось безъ отвѣта, но еще сдѣлало положеніе узниковъ гораздо хуже: Гильдерихъ былъ еще строже охраняемъ, и одинъ изъ племянниковъ его, котораго похититель больше всего опасался, былъ ослѣпленъ. Оскорбленный такимъ неуваженіемъ къ своему ходатайству, Юстиніанъ вторично написалъ къ Гелимеру и потребовалъ, чтобы онъ немедленно выдалъ ему узника, въ противномъ случаѣ грозилъ ему войною. Когда Гелимеръ отвѣчалъ на это письмо высокомѣрнымъ отказомъ, война была рѣшена: начальство надъ арміею, назначенною противъ Вандаловъ, было поручено Велизарію, полководцу варварскаго происхожденія, но уже доказавшему свои военныя дарованія и вѣрность въ войнахъ на Персидскихъ границахъ. Въ Іюнѣ 533 года, Велизарій вышелъ изъ Константинопольской гавани и высадилъ благополучно свое войско, при мысѣ Caput Vada, на разстояніи пятидневнаго пути отъ Карѳагена. На дорогѣ къ этому городу, католики повсюду принимали его сторону, между тѣмъ какъ Вандалы собирались при Децимѣ, въ десяти миляхъ отъ Карѳагена. Происшедшее здѣсь сраженіе было чрезвычайно счастливо для Велизарія, потому что непосредственнымъ слѣдствіемъ его было взятіе Карѳагена. Побѣдоносный вождь избралъ себѣ для жительства королевскій дворецъ, и торжественно возсѣвъ, во имя своего Императора, на Вандальскій тронъ, показалъ, что существованіе Гейзерихова царства прекратилось. Хотя Гелимеръ, ободренный подкрѣпленіемъ, которое привелъ къ нему изъ Сардиніи брать его Тцано, и рѣшился еще испытать счастія, однако послѣ вторичнаго пораженія при Трикамарѣ, окруженный на горѣ Папуѣ императорскими войсками, не видя никакого

средства къ спасенію, принужденъ былъ сдаться. Взятіемъ въ плѣнъ Короля покореніе Африки было кончено, и Велизарій, сдавъ устроеніе завоеванной имъ провинціи и управленіе ею присланнымъ отъ Императора чиновникамъ, съ богатою добычею и съ своимъ плѣнникомъ возвратился въ Константинополь. Въ числѣ добычи находились также священные сосуды прежняго Іерусалимскаго храма, которые, какъ мы выше замѣтили, были увезены Гейзерихомъ въ Карѳагенъ. Императоръ подарилъ ихъ Христіанской церкви въ Іерусалимѣ, и такимъ образомъ, послѣ долгаго странствованія, они возвратились опять въ первоначальное мѣсто своего назначенія, только уже при другихъ обстоятельствахъ и для другой цѣли. Съ плѣннымъ Гелимеромъ Юстиніанъ обошелся милостиво и далъ ему въ Галатіи богатыя помѣстья, гдѣ онъ спокойно провелъ остатокъ дней своихъ. Что касается до остальной участи Вандаловъ, то молодые воины ихъ были большею частію размѣщены по легіонамъ, а прочіе или исчезли, смѣшавшись съ племенами Маврскими, или бѣжали въ горы Атласа и тамъ удерживали свою независимость. Къ Вандальскому царству принадлежалъ также Лилибей, на островѣ Сициліи. Этотъ городъ, по паденіи Вандаловъ, былъ занятъ Готѳами и послужилъ теперь Императору предлогомъ къ объявленію имъ войны. Въ 535 году, Велизарій вышелъ на берегъ въ Сицилію съ 7000 войскомъ, между тѣмъ какъ другой Греческій генералъ, Мундъ, двинулся сухимъ путемъ въ Далмацію. Вся Сицилія покорилась Велизарію, за исключеніемъ Панорма, который былъ защищаемъ Готѳскимъ гарнизономъ и могъ быть взятъ только приступомъ. Вѣсть о быстромъ завоеваніи Сициліи, равно какъ и приближеніи Мунда къ Салонѣ и опасеніе враждебныхъ дѣйствій со стороны Франковъ, съ которыми Юстиніанъ заключилъ союзъ, повергли Теодата въ величайшій страхъ. Онъ уже видѣлъ себя, подобно Гелимеру, низложеннымъ съ престола и взятымъ въ плѣнъ, и, чтобъ предупредить это несчастіе, съ покорностью обѣщалъ принять всѣ условія, какія Императору угодно будетъ предписать; но во время переговоровъ представились обстоятельства, ободрив-

шія его. Велизарій долженъ былъ возвратиться изъ Сициліи въ Африку, для подавленія открывшагося тамъ мятежа, Мундъ палъ въ одной схваткѣ при Салонѣ, а Франки согласились за деньги не тревожить Теодата. Ослѣпленный этимъ, повидимому, благопріятнымъ оборотомъ счастія, Теодатъ отказался отъ всѣхъ сдѣланныхъ Императору обѣщаній и велѣлъ тотчасъ посадить подъ стражу Юстиніановыхъ пословъ, прибывшихъ къ нему въ Равенну. По этому война возобновилась. Для возстановленія спокойствія въ Африкѣ достаточно было одного появленія Велизарія. Онъ вышелъ на берегъ, въ 536 г., близъ Регіума и, не встрѣчая сопротивленія, дошелъ до самаго Неаполя; здѣсь находился сильный Готѳскій гарнизонъ, и Велизарію было бы трудно взять этотъ городъ, если бы онъ не открылъ высохшаго водопровода, чрезъ который могъ напасть въ-расплохъ. Посредствомъ этой хитрости, онъ дѣйствительно успѣлъ овладѣть Неаполемъ. Бездѣйствіе Короля, который все еще не принималъ никакихъ мѣръ къ воспрепятствованію дальнѣйшимъ успѣхамъ непріятеля, возбудило въ Готѳахъ негодованіе и недовѣрчивость. Они собрались близъ Рима, объявили Теодата недостойнымъ престола и возвели на его мѣсто *Витигеса*, извѣстнаго своею храбростью и опытностью въ военномъ дѣлѣ. Теодатъ хотѣлъ спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Равенну, но былъ настигнутъ и умерщвленъ однимъ обиженнымъ имъ Готѳомъ. Новый Король счелъ за лучшее оставить въ Римѣ только гарнизонъ, а между тѣмъ собрать при Равеннѣ всѣ Готѳскія силы. По прибытіи въ этотъ городъ, первою его заботою было вступленіе въ бракъ съ дочерью Амалазунты, Матазунтою, чтобъ этимъ родствомъ съ прежнею королевскою фамиліею тѣмъ вѣрнѣе утвердиться на престолѣ. Между тѣмъ Велизарій подошелъ къ Риму, и такъ какъ жители приняли его сторону, то Готѳы, будучи не въ состояніи одни дать отпоръ, оставили городъ и вышли чрезъ Фламинскія Ворота, въ то время, какъ Велизарій вступалъ въ Римъ чрезъ Porta Asinaria (9 Декабря 536 г.). Онъ тотчасъ возобновилъ разрушившіяся укрѣпленія, снабдилъ городъ съѣстными припасами и приготовилъ все къ осадѣ,

принявъ намѣреніе дожидаться непріятеля въ Римѣ, и при удобныхъ случаяхъ истреблять его здѣсь. Хотя силы Готѳовъ, съ которыми Витигесъ, весною 357 г., явился предъ стѣнами Рима, простирались до 150,000, однако, не смотря на то, Велизарій защищался съ такимъ геніальнымъ искусствомъ, что Готѳы не могли ни взять города приступомъ, ни принудить къ сдачѣ голодомъ. Потерявъ большую часть своего войска, они принуждены были отступить, въ Мартѣ 538 г., послѣ осады, продолжавшейся годъ и девять дней *). Послѣ этого война продолжалась, ограничиваясь городами Верхней Италіи, изъ которыхъ одни, какъ напримѣръ Миланъ, перешли на сторону Императора и были осаждаемы Готѳами, а другіе, оставшіеся въ рукахъ Готѳовъ, были осаждаемы войсками Императора. Подкрѣпленіе, присланное къ Велизарію, подъ начальствомъ евнуха Нарзеса, только повредило дѣлу, потому что, отъ зависти послѣдняго къ Велизарію, произошло раздѣленіе въ арміи, досель повиновавшейся одному мановенію своего вождя. Пользуясь этимъ, Готѳы снова овладѣли Миланомъ и за отпаденіе наказали его самымъ жестокимъ образомъ. Такой печальный результатъ несогласія военачальниковъ заставилъ Императора отозвать Нарзеса и окончаніе войны поручить одному Велизарію. Запертый имъ въ Равеннѣ Витигесъ долженъ былъ сдаться въ концѣ 539 г. Готѳы, исполненные удивленія къ герою, съ столь незначительными силами ниспровергшему тронъ Теодериха Великаго, предложили Велизарію корону, но онъ остался вѣренъ Императору и, поручивъ управленіе покоренными областями Италіи двумъ изъ своихъ генераловъ, отплылъ съ плѣннымъ Королемъ и доставшимися въ добычу сокровищами въ Константинополь. Невозможно описать тѣхъ опустошеній и бѣдствій, которыя нанесла Италіи эта война. Истощенной странѣ нужно было спокойствіе, а вмѣсто того, вскорѣ по отбытіи Велизарія, война

*) Прокопій, находившійся почти безотлучно при особѣ Велизарія и проведшій съ нимъ большую часть осады, описалъ ее самымъ подробнымъ образомъ. De bello Goth. lib. I, cap. 19 до конца книги, и lib. II, cap. 1—10.

открылась снова. Со взятіемъ въ плѣнъ и отведеніемъ въ Константинополь Витигеса Готѳы не считали еще своего престола ниспровергнутымъ и, собравшись вокругъ племянника Витигесова, *Урайя*, предложили ему корону. Хотя онъ самъ и отказался, но склонилъ выборъ на *Ильдебальда*, который находился въ родствѣ съ королевскимъ домомъ Вестготѳовъ, и въ 540 г., въ Павіи, единственномъ городѣ, оставшемся еще въ рукахъ Остготѳовъ, Ильдебальдъ дѣйствительно былъ провозглашенъ Королемъ. Не смотря на ничтожность силъ новаго короля, потому что все войско его состояло не больше какъ изъ 1000 человѣкъ, обстоятельства благопріятствовали возстановленію Готѳской державы. Императорскій дворъ послалъ въ Италію намѣстникомъ Александра Логотета, который наиболѣе заботился о наполненіи казны и собственнаго кармана; этимъ онъ такъ отчуждилъ отъ себя сердца жителей, что большая часть желала опять владычества Готѳовъ. Не лучше поступалъ онъ и съ императорскимъ войскомъ, которое по этому служило очень не ревностно, и когда наконецъ намѣстникъ послалъ его за По, подъ предводительствомъ Виталія, то оно было разбито. Эта побѣда должна была, повидимому, утвердить тронъ Ильдебальда, но онъ самъ былъ ненавидимъ за умерщвленіе Урайя, которому былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Пользуясь открывшимися по этому неудовольствіемъ, одинъ оскорбленный Ильдебальдомъ Гепидъ, по имени Вила, умертвилъ его, въ 541 г. Находившіеся въ Готѳскомъ войскѣ Ругійцы провозгласили на мѣсто его своего соотечественника, *Ераріха*, между тѣмъ какъ Готѳскіе вожди признали Королемъ племянника Ильдебальдова, *Тотилу*. Это разногласіе черезъ пять мѣсяцевъ было устранено умерщвленіемъ Ераріха, и въ 542 году всѣми признанъ былъ Королемъ Тотила. Онъ быстро возвысилъ свое царство и, разбивъ императорскихъ полководцевъ, милостивымъ и ласковымъ обхожденіемъ привлекъ къ себѣ сердца Италіянцевъ. При такихъ обстоятельствахъ и самъ Велизарій, во второй разъ присланный въ Италію въ 544 г., могъ только замедлить успѣхи Готѳовъ, но не остановить ихъ; оттого онъ обрадовался, когда его, въ 548 г., ото-

звали въ Константинополь. По удаленіи Велизарія Готѳы овладѣли снова большею частію Италіи и всею Сициліею, и въ 550 году царство Теодериха Великаго, за исключеніемъ Равенны и принадлежавшаго къ ней морскаго берега, вступило опять въ прежніе предѣлы. Но это быстрое и блестящее возстановленіе Готѳскаго престола послужило только къ тому, чтобы тѣмъ разительнѣе выказать его паденіе. Юстиніанъ долго колебался, кому поручить начальство надъ войскомъ, назначеннымъ противъ Готѳовъ; наконецъ выборъ его палъ на евнуха Нарзеса. Прибывъ въ Италію, онъ тотчасъ вознамѣрился кончить дѣло рѣшительнымъ ударомъ. Не осаждая городовъ, онъ прямо пошелъ въ 552 г. отъ Равенны черезъ Умбрію на Римъ. На этомъ пути Тотила встрѣтилъ его, и при Сигиллѣ между ними произошло сраженіе, проигранное Готѳами. Смерть Тотилы содѣлала побѣду Римлянъ рѣшительною. Готѳскій Король умеръ отъ ранъ въ Капраѣ, куда бѣжалъ послѣ сраженія. Въ такомъ же положеніи, какъ и за тринадцать лѣтъ, по взятіи въ плѣнъ Витигеса, были и теперь побѣжденные Готѳы; они возвратились за По и выбрали своимъ Королемъ *Тея*. Тей съ остатками Готѳскихъ силъ двинулся къ Кумамъ, гдѣ хранились Готѳскія сокровища. Когда Нарзесъ заперъ его здѣсь, то ему оставалось или покориться, или умереть. Тей предпочелъ плѣну славную смерть. Въ Мартѣ 553 г. онъ вступилъ въ отчаянный бой и погибъ вмѣстѣ съ своею дружиною; съ нимъ *пало царство Остготѳское* *). Хотя Готѳы, находившіеся на лѣвой сторонѣ За По, просили помощи у Франковъ и Аллеманновъ, и еще въ томъ же году два Аллеманскіе князя Лейтарисъ и Буцелинъ перешли за Альпы съ 75,000 войскомъ; но эти полчища, которыя можно сравнить съ вторгавшимися нѣкогда въ Италію толпами Радагайса, нашли здѣсь равную съ ними участь. Болѣзни и оружіе Нарзеса истребили ихъ совершенно и вся Италія

*) Мѣсто, въ которомъ Прокопій (de bell Goth. lib. IV, cap. 35) изображаетъ этотъ послѣдній бой Готѳской націи на жизнь или смерть, заслуживаетъ по своему краснорѣчію быть прочитаннымъ въ подлинникѣ.

стала провинціею Восточной Имперіи. Управленіе ею поручено главнокомандующему, подъ именемъ *Ексарха*, который избралъ своею резиденціею Равенну. Ему подчинены были, поставленные во всѣхъ городахъ и принадлежащихъ къ нимъ округахъ, такъ называемые Duces, и гражданство каждаго города получило снова военное устройство. Распространеніе Восточной Имперіи на Западѣ является тѣмъ замѣчательнѣе, что Юстиніанъ въ это же самое время долженъ былъ вести войну съ Персами и съ варварами на Дунаѣ. Со времени Сапора II, который послѣ продолжительной борьбы съ Констанціемъ и Юліаномъ достигъ наконецъ своей цѣли и далъ своему царству твердыя границы, столкновенія между Греками и Персами были такъ незначительны, что не заслуживаютъ особеннаго упоминанія, но черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи Юстиніана на престолъ въ Персіи воцарился мужъ, извѣстный въ исторіи Востока за величайшаго и мудрѣйшаго изъ царей. Это былъ сынъ и наслѣдникъ Кобада, *Хозрой I Нуширванъ*. Онъ достигъ престола въ 531 г., по устраненіи и умерщвленіи двухъ старшихъ братьевъ своихъ. Потомъ твердою рукою установилъ онъ порядокъ внутри, соблюденіемъ строжайшаго правосудія снискалъ себѣ народную любовь и покровительствомъ наукамъ—славу; наконецъ захотѣлъ онъ славы побѣдителя и вторгнулся въ Греческую Имперію. Въ 540 г. его войска наводнили Сирію; Греки были такъ мало приготовлены къ этому вторженію, что Персидскій царь успѣлъ собрать огромную контрибуцію съ большей части городовъ и сжечь Антіохію. Если Имперія при первомъ ударѣ и не была въ состояніи отразить нападеніе, то имѣла однако довольно силы, чтобы по крайней мѣрѣ отмстить за него. Велизарій, только что передъ тѣмъ повергшій къ подножію императорскаго трона плѣннаго Короля Остготѳовъ, тотчасъ выступилъ въ походъ для изгнанія Персовъ изъ Сиріи. Вторженіемъ въ Персію онъ принудилъ Хозроя оставить эту страну. Въ слѣдующіе годы война ведена была на границахъ и почти всегда съ перевѣсомъ на сторонѣ Грековъ, такъ что когда наконецъ въ 561 году заключенъ былъ миръ, то все осталось

по прежнему. Въ отношеніи къ варварамъ, жившимъ при Дунаѣ, Юстиніанъ слѣдовалъ древней политикѣ обуздыванія одного народа другимъ. Такъ онъ противоставилъ Гепидамъ Лонгобардовъ и посѣялъ между обоими этими народами непримиримую вражду. Между тѣмъ изъ Азіи по временамъ выходили въ Европу новыя орды, которыя Греки также должны были, для своего избавленія отъ нихъ, или надѣлять землями, или удовлетворять ежегодною платою денегъ. Такъ въ правленіе Юстиніана пришли *Авары*, и императоръ, чтобы не имѣть ихъ своими противниками, принялъ къ себѣ на жалованье. *Болгары* также нѣсколько разъ вторгались въ предѣлы имперіи и въ 559 году столица обязана своимъ спасеніемъ отъ нихъ только храбрости и присутствію духа Велизарія. Несомнѣнные знаки вѣрности и повиновенія законамъ, показанные этимъ отличнымъ полководцемъ, казалось, долженствовали бы поставить его выше всякихъ подозрѣній; однако, не смотря на то, несправедливость и неблагодарность отравили послѣдніе дни героя. Въ 561 г. онъ былъ обвиненъ въ участіи въ заговорѣ противъ жизни Императора и въ слѣдствіе этого недоказаннаго доноса лишенъ имѣнія и почестей. Хотя его невинность скоро обнаружилась и онъ получилъ опять свободу и прежнія почести, однако глубокое негодованіе на неблагодарность правителя, которому служилъ съ непоколебимою вѣрностію цѣлые 40 лѣтъ, ускорило его смерть; онъ умеръ 13 Марта 565 г. *). Императоръ Юстиніанъ пережилъ его только 8-ью мѣсяцами; онъ умеръ 14 Ноября 565 г. и такъ какъ у него не было дѣтей, то на престолъ вступилъ сынъ сестры его Вигиляніи, *Юстинъ II или младшій*.

При наслѣдникѣ Юстиніана часть Италіи подпала власти *Лонгобардовъ*. Покоривъ страну, названную по имени ихъ Лонгобардіею, они осно-

*) Что Велизарій былъ лишенъ зрѣнія и ходилъ, прося милостыни, — это вымыслъ позднѣйшихъ временъ. Это ложное извѣстіе о судьбѣ Велизарія въ первый разъ упоминается въ Хиліадахъ *Іоан. Тцеца*, монаха, жившаго въ 12-мъ столѣтіи.

вали въ ней государство на болѣе твердыхъ основаніяхъ, нежели на какія опирались царства Одоакрово и Теодорихово; потому что Лонгобарды по истребленіи или изгнаніи прежнихъ владѣльцевъ земли вступили въ полное владѣніе завоеванною страною, и такъ какъ Римское народонаселеніе было низведено въ состояніе рабства, то вся находившаяся въ рукахъ ихъ Италія приняла совершенно Германскій характеръ *).

Что касается до древнѣйшей Исторіи Лонгобардовъ, основывающейся на преданіяхъ и пѣсняхъ, какъ разсказываетъ ее Павелъ Діаконъ, то мы можемъ ее удобно пропустить. Въ своемъ движеніи съ Сѣвера на Югъ Лонгобарды, подобно прочимъ Германскимъ народамъ, образовали войско, котораго военнымъ королемъ, въ то время какъ они приблизились къ Дунаю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ предѣламъ восточной Имперіи, былъ *Авдоинъ*. Онъ былъ принятъ Юстиніаномъ на жалованье и служилъ ему орудіемъ къ обузданію Гепидовъ. Поэтому отселѣ между Лонгобардами и Гепидами происходила постоянная война. Она особенно усилилась, когда у Лонгобардовъ по смерти Авдоина въ 566 г. верховная власть перешла къ сыну его *Албоину*, а у Гепидовъ къ сыну прежняго Короля ихъ Турисина, *Кунимунду*, государямъ, которые, питая другъ къ другу личную ненависть, сдѣлали изъ своей вражды народную войну. Подкрѣпленные союзомъ съ Аварами, Лонгобарды одержали верхъ; Кунимундъ былъ убитъ и Албоинъ велѣлъ изъ черепа его сдѣлать кубокъ, а дочь его, Розамунду, взялъ себѣ въ супруги. Съ сего времени

*) Исторія Лонгобардовъ отъ ихъ выхода изъ Скандинавіи до уничтоженія самостоятельности Лонгобардскаго Королевства написана въ 8-мъ столѣтіи Павломъ Діакономъ; De gestis Longobardorum libri VI., ap. Murator, script. rer. Ital. T. I. — Лучшимъ сочиненіемъ о Лонгобардахъ почитается H. Leo's Geschichte der Italienischen Staaten, Bd. 1, S. 55—203.

имя Гепидовъ исчезаетъ изъ Исторіи; дворянство и люди свободные, уцѣлѣвшіе отъ пораженія, пристали къ Лонгобардамъ и исчезли между ними, а оставшіеся въ прежней свой землѣ смѣшались съ народами, которые въ послѣдствіи завладѣли ею. Въ слѣдствіе дружественныхъ отношеній Лонгобардовъ къ императорскому двору, Албоинъ послалъ Нарзесу въ походѣ его противъ Тотилы 2500 вспомогательнаго войска. Эти Лонгобарды сражались подъ Греческими знаменами до самаго окончанія войны и потомъ, получивъ щедрую награду, съ богатою добычею возвратились на родину. Этотъ походъ, можетъ быть, тогда уже возбудилъ въ Лонгобардахъ мысль завоевать Италію; но, какъ кажется, война съ Гепидами и уваженіе къ Нарзесу удержали короля ихъ отъ исполненія ея. Но едва эта война была кончена и Нарзесъ былъ отозванъ въ Италію, какъ Лонгобарды тотчасъ пришли въ движеніе. Къ нимъ пристали 20,000 Саксовъ и множество другихъ странствующихъ воиновъ изъ всѣхъ Германскихъ земель и народовъ, и въ Апрѣлѣ 568 г. все войско выступило изъ Паннонія въ походъ. Лонгобарды отдали землю, въ которой доселѣ жили, своимъ союзникамъ Аварамъ, съ условіемъ, въ случаѣ удачнаго завоеванія Италіи, удержать ее за собою и отдать ее, если Албоинъ принужденъ будетъ съ своимъ народомъ возвратиться безъ успѣха. Съ начала Лонгобарды не встрѣтили на своемъ пути ни малѣйшаго сопротивленія и спокойно спустились съ Юлійскихъ Альпъ на плодоносныя долины, которыя еще оттуда привѣтствовали радостными кликами, какъ будущее свое владѣніе. Католическіе епископы и духовные сперва бѣжали отъ дикихъ Лонгобардовъ, которые хотя и были Христіанами, но принадлежали Аріанскому исповѣданію; Албоинъ понялъ однако, что, для успѣшнаго окончанія предпріятія, ему необходимо было дружеское расположеніе Католическаго духовенства. Для того утвердилъ онъ за Тревизскимъ епископомъ, покорившимся ему добровольно, всѣ владѣнія и права его церкви, и этотъ примѣръ кротости побудилъ бѣглецовъ къ отправленію прежнихъ своихъ должностей. Большая часть городовъ верхней Италіи поко-

рилась, только Павія не отворяла воротъ, но и она послѣ трехлѣтней осады въ 572 принуждена была сдаться. Раздраженный долгимъ сопротивленіемъ, Албоинъ поклялся истребить всѣхъ жителей города, но при въѣздѣ въ него, конь, на которомъ онъ сидѣлъ, споткнувшись упалъ. Этотъ случай побудилъ его отмѣнить жестокое рѣшеніе. Онъ велѣлъ возвѣстить жителямъ, что ихъ жизнь въ безопасности, и утвердилъ въ Павіи свою резиденцію. Вскорѣ по взятіи города Албоинъ погибъ отъ руки убійцы. На пиру, данномъ имъ въ Веронѣ, разгоряченный виномъ, онъ потребовалъ себѣ свой самый любезный кубокъ—черепъ убитаго имъ Короля Куниимунда. Когда эта чаша обошла кругомъ, онъ велѣлъ снова наполнить ее виномъ и поднести Королевѣ Розамундѣ съ просьбою, чтобы она выпила въ воспоминаніе о своемъ отцѣ. Розамунда поклялась за это оскорбленіе отмстить кровавою местію и успокоилась не прежде, какъ умертвивъ своего супруга 28 Іюня 573 г. съ помощію молочнаго брата его, Гельмихиса, и сильнѣйшаго изъ рыцарей его свиты, Передея, которыхъ успѣла склонить на свою сторону *). Она хотѣла возвесть на престолъ любовника своего Гельмихиса, но всѣ Лонгобарды были такъ раздражены умерщвленіемъ Албоина, что Розамунда съ дочерью своею Албзуинтою, Гельмихисомъ, Передеемъ и частію королевской казны бѣжала къ Греческому Эксарху Лонгину въ Равенну. Лонгобарды провозгласили Королемъ самаго уважаемаго изъ своихъ вождей, по имени *Клефа*. Въ правленіе его Лонгобарды распространили свои завоеванія на Югъ и основали Герцогство Беневентъ; впрочемъ всѣ морскіе берега и Южная Италія остались за Греками. Въ покоренныхъ странахъ Лонгобарды становились полными господами земли; прежніе владѣльцы или были истреблены или обращены въ рабовъ и должны были отдавать третью часть всѣхъ продуктовъ **). — По смерти Клефа, который былъ

*) Подробное описаніе событій, характеризующихъ правы Лонгобардовъ, можно найти у Павла Діакона, Кн. II. гл. 28.

**) Пав. Діак., кн. II, 32: His diebus multi nobilium Romanorum interfecti sunt, reliqui vero, per hostes divisi, ut tertiam

убитъ въ 575 году, Лонгобарды не избирали Короля, а оставили прежнее военное устройство подъ начальствомъ 36 Duces или Герцоговъ. И это состояніе продолжалось до 584 г., въ которомъ сынъ Клефа *Автарисъ* былъ провозглашенъ Королемъ. Втотичное соединеніе Лонгобардской державы подъ властію одного Короля было тѣмъ необходимѣе, что Греки заключили союзъ съ Франками, чтобы съ помощію ихъ выгнать Лонгобардовъ изъ Италіи, однако сіи послѣдніе, подъ предводительствомъ Короля своего Автариса, счастливо отразили какъ Франковъ, такъ и Грековъ. — Автарисъ умеръ въ 591 году и Лонгобарды, очарованные прекрасными качествами супруги его Теодолинды, предоставили ей выборъ короля. Она отдала престолъ вмѣстѣ съ рукою своею Агилульфу. Въ его правленіе и преимущественно при содѣйствіи Теодолинды было положено основаніе *обращенія Лонгобардовъ къ Католической Церкви*, и отношенія ихъ къ Римскому Престолу дѣлаются отселѣ важными во Всемірной Исторіи.

Значеніе, пріобрѣтенное Римскими Епископами до паденія Западной Имперіи, не прекратилось и по распаденіи ея; напротивъ того Римскій Престолъ является средоточіемъ, и Епископъ защитникомъ всей западной Католической Церкви противъ Аріанскихъ правительствъ. Утвердившееся на такихъ отношеніяхъ вліяніе Римскаго Епископа получило такъ-же и законное основаніе, когда Аббатъ *Діонисій Малый* внесъ декреты и письма Римскихъ Епископовъ въ собраніе Каноновъ, изданное имъ въ 520 г., и такимъ образомъ доставилъ имъ равный авторитетъ съ постановленіями Соборовъ. Отселѣ на Западѣ все болѣе и болѣе стали привыкать къ мысли, что престолъ Св.

partem suarum frugum Longobardis persolverent, tributarii efficiuntur.

Петра есть единственный и истинный источникъ Православной Вѣры. — Основанiе Лонгобардскаго Царства сдѣлало Римскаго Епископа независимѣе и въ политическомъ отношенiи. Такъ какъ Римъ поселенiемъ Лонгобардовъ какъ бы отдѣлился отъ Ексархата, то Епископъ сталъ важнѣйшею политическою особою какъ для города, такъ и для всей страны; онъ былъ также и высшiй свѣтскiй чиновникъ. Dux, поставляемый Равеннскимъ Ексархомъ, въ глазахъ толпы стоялъ ниже его. Такимъ то образомъ Епископъ могъ считаться настоящимъ государемъ Рима и при каждомъ несогласiи съ Императорскимъ дворомъ надѣяться на содѣйствiе всей, сколько принадлежало еще Римлянамъ, Италiи. Эти отношенiя развились изъ естественнаго хода дѣлъ, безъ особеннаго вліянiя личныхъ качествъ мужей, занимавшихъ Римскiй Епископскiй Престолъ. Первое замѣчательное лицо въ ряду Римскихъ Папъ послѣ паденiя Западной Имперiи есть *Григорiй I Великiй* *). Онъ при помощи Теведелинды положилъ начало обращенiю Лонгобардовъ, котораго успѣхи были потомъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше народъ привыкалъ къ Римскому языку и образованiю. Можно принять за время совершеннаго прекращенiя Аріанисма 664 г., въ которомъ Герцогъ Беневентскiй *Гримоальдъ*, католикъ, сдѣлался Королемъ Лонгобардскимъ, потому что послѣ этого, если гдѣ и были еще вмѣстѣ духовные католическiе и Аріанскiе, они слились воедино.

*) Gregor I. der Große nach ſeinem Leben und ſeiner Lehre geſchildert von G. J. Th. Lau. Leipz. 1845.

Григорій Великій былъ потомокъ одной изъ древнѣйшихъ Римскихъ благородныхъ фамилій, gens Anicia. Это знаменитое происхожденіе вмѣстѣ съ необыкновенными способностями души открывало ему самое блестящее поприще. Но скоро наскучивъ міромъ, онъ отказался отъ него и посвятилъ себя вполнѣ занятію науками. Наслѣдовавъ отъ предковъ богатое имѣніе, онъ основалъ на свой счетъ семь монастырей и въ одномъ изъ нихъ постригся самъ. Впрочемъ, не много спустя, онъ снова долженъ былъ оставить монастырское уединеніе; Римскій Епископъ, Пелагій, отправилъ его 579 г. посланникомъ въ Константинополь. Въ этомъ званіи оказалъ онъ Римской Церкви столько услугъ, что никого не было достойнѣе его для занятія престола Св. Петра. И такъ, по смерти Пелагія въ 590 г., Григорій долженъ былъ уступить единодушному желанію Римскаго народа и духовенства и принять этотъ высокій санъ. Онъ долго отказывался, но, согласившись, явился твердымъ и рѣшительнымъ и пожертвовалъ духу и обязанностямъ новаго своего назначенія всѣми личными склонностями. Онъ первый сталъ именоваться Servus servorum Dei. Его правленіе, продолжавшееся отъ 590 до 604 г., особенно важно въ исторіи двумя событіями: обращеніемъ Англосаксовъ въ Христіанскую Вѣру и распространеніемъ Католическаго ученія между Лонгобардами. Григорій имѣлъ уже случай до своего вступленія на Папскій Престолъ видѣть Англосаксовъ, продаваемыхъ въ Римѣ въ рабство, и тогда положилъ самъ отправиться миссіонеромъ въ Англію. Но такъ какъ теперь онъ не могъ лично выполнить своего намѣренія, то поручилъ это другимъ, и успѣхъ оправдалъ вполнѣ его надежды. Посланная Григоріемъ миссія, подъ начальствомъ одного Римскаго монаха, именемъ Августина, обратила Англосаксовъ въ Христіанскую Вѣру и при томъ такъ, что по ученію ея Римскій Епископъ или Папа былъ главою Христіанства. Англосаксы смотрѣли на свою церковь какъ на Римскую колонію, считали Папу своимъ верховнымъ пастыремъ; его приговоры были для нихъ закономъ; такимъ образомъ не проходило почти года, чтобы изъ Англіи не отправлялись пилигримы въ Римъ на

поклоненіе, которые всякій разъ возвращались еще съ большимъ уваженіемъ къ престолу Св. Петра. Такъ какъ обращеніе Германскихъ племенъ въ собственной Германіи было совершено Англосаксами, и слѣдовательно высокое понятіе о величіи Папы, которымъ были проникнуты проповѣдники, распространилось и между этими народами, то можно съ основательностію сказать, что присоединеніемъ Англіи къ престолу Св. Петра Григорій положилъ главное основаніе всеобщему вѣрованію въ первенство Римской Церкви на Западѣ. Естественно, что обращеніе Лонгобардовъ занимало Христіанское усердіе Григорія, и здѣсь ему очень помогли его отношенія къ Королевѣ Тевделиндѣ. Она была католичка; ея вліяніе произвело то, что Лонгобарды начали не только лучше обращаться съ Католическими Духовными, но и сами переходить въ ихъ Церковь. Григорій находился съ Тевделиндой въ постоянной перепискѣ; ей посвятилъ онъ свой Діалогъ или четыре книги о житіи Святыхъ и часто дарилъ ее священнѣйшими вещами; къ числу ихъ относится и такъ называемая Ломбардская *Желѣзная Корона* *). Какъ скоро Лонгобарды подчинились Римскому языку и образованію, Римское Духовенство, какъ образованнѣйшее, получило рѣшительный перевѣсъ надъ Аріанскимъ. Что касается до политической Исторіи Лонгобардовъ, то Агилульфу въ 615 г. наслѣдовалъ сынъ его *Адельвальдъ*, но онъ возбудилъ противъ себя такую ненависть, что въ 625 г. былъ низвергнутъ и на его мѣсто былъ возведенъ супругъ Гундеберга, дочери Тевделинды, *Аріовальдъ*. За нимъ и, какъ кажется, по выбору пережившей его супруги, слѣдовалъ въ 636 г. *Ротарисъ*. Правленіе этого Короля примѣчательно по двумъ отношеніямъ: онъ покорилъ западный берегъ верхней Италіи и ве-

*) Muratorii de corona ferrea comment. Lips. 1719. 8. Эта корона была собственно золотая, только вокругъ нея былъ обвитъ обручемъ желѣзный гвоздь отъ креста Спасителя. Она хранилась въ первой католической церкви Лонгобардовъ, построенной Тевделиндою во имя Св. Іоанна въ Монцѣ, и этому приписывается обычай, почему въ послѣдствіе Нѣмецкіе Короли должны были какъ короли Лонгобардовъ короноваться въ Монцѣ.

лѣлъ написать Лонгобардскіе законы. Ротарисъ царствовалъ до начала 653 г. и оставилъ престолъ сыну своему *Родоальду*, но этотъ погибъ въ слѣдующемъ же году, и такъ какъ Лонгобарды все еще уважали память Теодолинды, то новый король былъ избранъ изъ ея фамиліи; это былъ сынъ брата ея, *Аріберта I.*; онъ царствовалъ до 663; оставшіеся послѣ него два сына *Бертари* и *Гундеберта* раздѣлили между собою царство. Но такъ какъ не возможно было опредѣлить съ точностію границъ ихъ владѣній, то согласіе между ними было непродолжительно. Во время открывшейся за это вражды Герцогъ Беневентскій *Гримоальдъ*, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, убилъ Гундеберта, выгналъ Бертари и самъ сдѣлался Королемъ въ 664 г.; при немъ было кончено обращеніе Лонгобардовъ въ Католическую Вѣру. Хотя этотъ результатъ былъ достигнутъ не прежде какъ чрезъ 60 лѣтъ по смерти Григорія, не смотря на то онъ былъ однакоже плодомъ усилій этого великаго и ревностнаго Папы.

Григорій Великій далъ Римской Церкви направленіе, слѣдуя которому при его преемникахъ, она постоянно приближалась къ своей цѣли—достиженію первенства надъ прочими Церквами. Въ этомъ стремленіи Римскому Епископу всего нужнѣе было стараться поставить себя скокько возможно въ меньшую зависимость отъ всякой свѣтской власти, и въ продолженіе 7 и 8-го столѣтій ему были опасны въ этомъ отношеніи только два государя: Императоръ Византійскій, къ владѣніямъ котораго принадлежалъ Римъ, и Король Лонгобардскій, который охотно желалъ бы присоединить его къ своему Царству. Но необыкновенное стеченіе обстоятельствъ спасло Папскій Престолъ изъ этого затруднительнаго положенія: открывшееся вскорѣ въ Греческой Имперіи иконоборство

подало Папѣ поводъ, при единодушномъ одобреніи Итальянцевъ, отказать Императору въ повиновеніи, а противъ Лонгобардовъ онъ нашелъ себѣ сильную опору въ Франкахъ, ибо у сихъ послѣднихъ въ это самое время возвысилась новая династія, которая для своего утвержденія имѣла нужду въ религіозномъ освященіи, и такимъ образомъ руководимые взаимными выгодами Папа и Каролинги соединились. — Посему намъ надлежитъ теперь довесть *Исторію Франковъ* до начала этой связи между Папскимъ Престоломъ и Каролингскою Династіею. Франки безспорно составляютъ корень новѣйшаго образованія и имя ихъ нѣкоторымъ образомъ по праву осталось у жителей Востока для означенія всѣхъ принадлежащихъ къ Европейскому образованію народовъ. Они обязаны этимъ только своему географическому положенію. Между тѣмъ какъ другіе Германскіе народы, поселившіеся внутри Римской Имперіи, находились среди чуждой имъ гражданской жизни, безъ всякаго сообщенія съ первопачальными правами, чего естественнымъ слѣдствіемъ было то, что они должны были или истребить образованіе, или подчиниться ему, — положеніе Франковъ представляло совершенно иной видъ. Большая масса ихъ оставалась постоянно на землѣ Германской, и выходцы, утвердившіеся въ Римской Галліи, находились съ ними въ политической связи, пополняли ими свои силы и такимъ образомъ сохранили свою самостоятельность. И такъ Франки преимущественно предъ всѣми народами были призваны развить Германскія начала

и воспитаться подъ вліяніемъ Римскихъ постановленій безъ потери собственнаго своего характеря *). Франки начали дѣлиться на двѣ массы, на *Франковъ Салійскихъ и Франковъ Рипуарскихъ*, уже съ тѣхъ поръ, какъ стали переходить на лѣвый берегъ Рейна. Поселившіеся на завоеванной землѣ назывались *Салійцами*, **) а оставшіеся на родинѣ и въ прежнихъ отношеніяхъ *Рипуарцами*, то есть нѣкоторымъ образомъ хранителями и защитниками Рейнскаго берега. Впрочемъ, въ этомъ дѣленіи нельзя еще видѣть образованія двухъ особенныхъ государствъ; напротивъ, здѣсь безпрестанно являлось множество вождей, которые пользовались большимъ или меньшимъ уваженіемъ, смотря по многочисленности своей дружины. Въ

*) Исторію и состояніе образованности Франковъ съ перваго ихъ появленія всего лучше можно узнать изъ сочиненій Георгія Флоренція Григорія, обыкновенно называемаго по его Епископству просто Григоріемъ Турскимъ. Онъ происходилъ изъ одной знатной Римской фамиліи въ Оверньи, пошелъ въ духовное званіе и въ 575 г. былъ выбранъ въ Епископы города Тура. Въ этомъ высокомъ санѣ онъ управлялъ своею паствою въ продолженіи 20 лѣтъ и съ такою славою, что по смерти былъ удостоенъ Церковію быть причисленнымъ къ лику святыхъ. Григорій въ началѣ своего творенія объявляетъ цѣль его подобно эпическому поэту въ слѣдующихъ словахъ: Scripturus sum bella regum cum gentibus adversis, Martyrum cum paganis, ecclesiarum cum haereticis. — И этотъ предметъ онъ излагаетъ въ двухъ сочиненіяхъ: въ книгѣ *de gloria Martyrum* и въ *historia ecclesiastica Francorum*. Въ слогѣ и сужденіяхъ онъ подражалъ книгамъ Ветхаго Завѣта и старался воспользоваться всякимъ случаемъ къ назиданію и къ возбужденію Христіанскихъ чувствованій, чѣмъ существенно подѣйствовалъ на церковныя и политическія понятія слѣдующаго поколѣнія. Продолжатель его, извѣстный подъ именемъ Фредегарія, довелъ исторію Франковъ до 640 г. Въ его твореніи не видно уже духа и силы его предшественника. Ср. J. W. Loebell, Gregor von Tours und seine Zeit. Leipz. 1839.

**) Правильное производство этого имени — отъ глагола *salian*, добывать; Салійскими Франками назывались тѣ, которые жили на землѣ, собственнымъ оружіемъ добытой.

положеніи Франковъ произошла великая перемѣна съ того времени, какъ одинъ Салійскій вождь, Меровингъ Хлодвигъ, успѣлъ покорить Римскую провинцію Галлію. Хлодвигъ какъ человѣкъ умный и дальновидный воспользовался своею удачею для основанія въ Галліи державы, которая поставила бы его въ состояніе соединить подъ своимъ скипетромъ всѣхъ Франковъ и открыть имъ путь къ владычеству надъ всѣми Германскими племенами.

Побѣдою при Соассонѣ, ниспровергшею, какъ выше сказано, въ 486. г. владычество Римлянъ въ Галліи, Хлодвигъ изъ незначительнаго вождя одного племени вдругъ сдѣлался могущественнымъ Королемъ. Первымъ дѣломъ его было обезпеченіе состоянія своихъ сподвижниковъ; онъ наградилъ ихъ землями и этимъ съ одной стороны обязалъ ихъ къ дальнѣйшей службѣ, съ другой пріобрѣлъ себѣ въ нихъ постоянное войско, родъ гарнизона для удержанія въ покорности и повиновеніи завоеванной страны. Въ тоже время молва о его подвигахъ и счастіи привлекла къ нему многихъ изъ Франковъ Рипуарскихъ. Всякій, кому было худо дома, оставлялъ родину съ твердою увѣренностію на хорошій пріемъ и щедрое вознагражденіе и шелъ на службу къ этому новому государю. Хлодвигъ показалъ не менѣе благоразумія въ поведеніи съ покоренными провинціялами. Онъ старался болѣе всего о пріобрѣтеніи расположенія своихъ новыхъ подданныхъ, не теряя въ тоже время уваженія и старыхъ сподвижниковъ. Средство къ достиженію этой цѣли нашелъ онъ въ сословіи, имѣвшемъ самое большое вліяніе на народъ, въ католическомъ духовенствѣ. Хлодвигъ покровительствовалъ духовнымъ еще будучи язычникомъ и наконецъ, склонясь на ихъ убѣжденія, согласился самъ принять крещеніе и вступить въ Католическую Вѣру. Этимъ поступкомъ онъ пріобрѣлъ вдругъ и расположеніе Епископовъ и любовь провинціяловъ не только въ

своихъ владѣніяхъ, но и въ тѣхъ частяхъ Галліи, которыя находились еще подъ властію Аріанъ—Бургундовъ и Вестготѳовъ. Крещеніе его совершено было въ первый день Пасхи въ 497 г. Архіепископомъ Реймскимъ Св. Ремигіемъ. Обращеніе въ Христіанскую Вѣру со стороны Хлодвига было дѣломъ чисто политическимъ, а со стороны сподвижниковъ, послѣдовавшихъ его примѣру, одною только формою, по этому и непосредственныя слѣдствія сего дѣйствія были только политическія, а не нравственныя. Вообще Франкское Государство при Меровингахъ хотя и носило имя христіанскаго, но въ сущности не было имъ; эта перемѣна собственно произведена была Каролингами въ соединеніи съ Папою. Первая война, веденная Хлодвигомъ по утвержденіи своемъ въ Галліи, была противъ Аллемановъ. Могущественнѣйшій изъ Рипуарскихъ вождей, Сигбертъ, имѣвшій свое мѣстопребываніе въ Кёльнѣ, вступилъ съ Аллеманами въ войну и просилъ у Хлодвига помощи. При Цюлпихѣ (Толбіякѣ) въ 496 г. дошло до сраженія, и когда побѣда стала по видимому клониться на сторону непріятеля, то Хлодвигъ далъ обѣтъ креститься, если Христіанскій Богъ поможетъ ему. Въ слѣдствіе этого обѣта находившіеся въ Франкскомъ войскѣ провинціялы изъ Христіанъ съ новою силою ударили на врага и побѣда осталась за Хлодвигомъ. Всѣ сѣверныя земли Аллеманіи до Неккара должны были теперь покориться Франкамъ. Ближайшимъ предпріятіемъ Хлодвига былъ походъ противъ Бургундовъ. Бургундскій Король Гундобальдъ, съ которымъ мы имѣли случай познакомиться, какъ съ племянникомъ и преемникомъ Рицимера, сперва раздѣлилъ съ братьями власть, но потомъ умертвилъ ихъ одного за другимъ. Дочь одного изъ этихъ Королей, Клотильда, была за Хлодвигомъ, и такимъ образомъ право мести за кровь перешло къ Франкамъ. Впрочемъ Хлодвигъ, счастливо совершивъ въ Бургундію два похода, въ 506 г. удовольствовался только наложеніемъ на Гундобальда ежегодной дани. Непосредственно послѣ этого Хлодвигъ выступилъ противъ Вестготѳовъ, чтобы дать имъ почувствовать свою власть. Вестготѳскій Король Аларикъ II вышелъ къ нему на встрѣчу, и

въ 507 г. близъ Поатье между ними произошло сраженіе. Лишившись короля, который былъ убитъ въ сраженіи, Готѳы бросились въ бѣгство и предоставили побѣду Франкамъ. Побѣда была рѣшительная, и Хлодвигъ болѣе всего обязанъ этимъ содѣйствію католическаго духовенства и провинціяловъ. Католическіе Епископы отворяли побѣдителю ворота и съ торжествомъ вводили въ свои города. Съ этихъ поръ за Готѳами осталась въ Галліи только provincia Narbonnensis, и во владѣніи Хлодвига находилась почти вся нынѣшняя Франція за исключеніемъ Эльзаса и Рейнской долины. Сдѣлавшись такимъ образомъ государемъ обширной державы, Хлодвигъ умертвилъ всѣхъ Салійскихъ и Рипуарскихъ вождей и склонилъ Франковъ провозгласить себя верховнымъ вождемъ на войнѣ и судьею во время мира; однако, не смотря на это соединеніе всѣхъ Франковъ подъ властію одного дома, все еще замѣтно большое различіе между поселившимися въ завоеванной Галліи и оставшимися въ землѣ своихъ предковъ. Франкское народонаселеніе въ Галліи есть непосредственное войско короля; оно получало отъ него вмѣсто жалованья земли, за что было обязано идти въ походъ по первому его приказанію. И такъ, между тѣмъ какъ въ Галліи король могъ требовать военной подчиненности и дисциплины, въ собственной землѣ Франковъ онъ могъ созывать войско и предводительствовать имъ только тогда, когда предпріятіе было рѣшено и одобрено всѣми свободными Франками.

По смерти Хлодвига въ 511 г., четыре сына его раздѣлили между собою старыя и новыя Франкскія земли. Это дѣленіе государства составляетъ для дальнѣйшаго развитія Франкской исторіи весьма важный моментъ. Первымъ слѣдствіемъ его было то, что различіе между обѣими массами Франковъ стало дѣлаться замѣтнѣе; возникли двѣ большія части, изъ которыхъ одна образовалась изъ Галльскихъ завоеваній, а другая

изъ собственной земли Франковъ съ принадлежащими къ ней Нѣмецкими племенами; земля Галльскихъ Франковъ получила имя *Нейстріи*, земля Нѣмецкихъ Франковъ — *Австразіи*. Такъ какъ въ Галліи Римскій языкъ долженъ былъ сдѣлаться господствующимъ и у Франковъ, то чужой языкъ еще болѣе способствовалъ отдѣленію Нейстріи отъ Австразіи. Вторымъ слѣдствіемъ дѣленія было то, что каждый изъ королей, подстрекаемый мыслію о единствѣ государства, стремился къ соединенію всего подъ своимъ скипетромъ, и для достиженія этой цѣли не страшился совершить ни какого злодѣйства. Посему мы видимъ отселѣ между членами королевской фамиліи безпрерывныя междоусобія, видимъ какъ они стараются истребить ядомъ и кинжаломъ другъ друга. Слѣдствія такихъ раздоровъ въ королевской фамиліи должны были имѣть великое вліяніе на политическое состояніе Франкскаго государства, и дѣйствительно въ видѣ его произошла существенная перемѣна, когда въ 613 г., при Клотарѣ II, оно снова составило одно цѣлое.

Первое дѣленіе государства между сыновьями Хлодвига происходило такимъ образомъ: старшій изъ нихъ, *Дитрихъ I*, получилъ Королевство Австразійское, т. е. родовыя земли Франковъ въ Германіи и Нидерландахъ и всегда считался главою фамиліи, а эта часть Франкской монархіи собственнымъ средоточіемъ власти; братья его *Клодомеръ*, *Хильдебертъ и Клотаръ* раздѣлили между собою Нейстрію. Резиденціею перваго былъ Орлеанъ, втораго Парижъ и третьяго Соассонъ. Важнѣйшее событіе въ правленіе этихъ королей есть увеличеніе государства присоединеніемъ Турингіи и Бургундіи. Завоеваніе Турингіи было пред-

припято и совершено королемъ Австразійскимъ, Дитрихомъ. Король Турингскій Германфридъ, не желая дѣлить власти съ двумя своими братьями, одного изъ нихъ убилъ, другаго съ помощію Дитриха выгналъ; но такъ какъ онъ не далъ за это обѣщаннаго вознагражденія, то Дитрихъ вступилъ съ нимъ въ войну, которая кончилась въ 530 г. уничтоженіемъ Турингскаго королевства и присоединеніемъ его къ Австразіи. Между тѣмъ присоединили къ Франкскому государству Бургундію. Тамъ по смерти Гундобальда въ 516 г. наслѣдовалъ престолъ сынъ его Сигмундъ. Чтобы обезопасить себя отъ Франковъ, Сигмундъ принялъ Католическую Вѣру и женился на Остготѳской принцессѣ, Остроготѣ. Но по смерти ея, пожертвовавъ оставшимся отъ нея сыномъ ненависти новой своей супруги, онъ раздражилъ противъ себя Остготѳскаго короля и такимъ образомъ лишился его помощи. Нейстрійскіе короли не упустили воспользоваться этимъ моментомъ; въ 523 г., не встрѣтивъ сопротивленія, они вторгнулись въ Бургундію, и преслѣдуемый ими король вмѣстѣ съ братомъ своимъ Годомаромъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Послѣдній счастливо спасся, а Сигмундъ былъ захваченъ въ плѣнъ Клодомеромъ въ монастырѣ Св. Маврикія въ Валлисѣ и со всѣмъ семействомъ отвезенъ въ Орлеанъ. Для обезпеченія завоеванія, въ Бургундіи былъ оставленъ и надѣленъ землею Франкскій гарнизонъ. Но Годомаръ скоро возвратился и, принявъ начальство надъ Бургундами, выгналъ Франковъ. Для подавленія этого возстанія Клодомеръ поспѣшилъ въ Бургундію, умертвивъ напередъ Сигмунда со всею фамиліею; хотя онъ и разбилъ Годомара въ 524 г., но самъ палъ въ сраженіи. Оба Нейстрійскіе короля, пользуясь смертію брата, не только овладѣли Бургундіею, но захватили и прочія владѣнія его, умертвивъ собственными руками дѣтей его, кромѣ Клодоальда, который пошелъ въ монастырь и въ послѣдствіи былъ причисленъ Католическою Церковью къ лику Святыхъ; его имя живетъ по-нынѣ въ Сенъ-Клу, получившемъ отъ него свое названіе. Изъ оставшихся сыновей Хлодвига прежде всѣхъ умеръ Дитрихъ I, въ 534 г., оставивъ наслѣдникомъ сына сво-

его *Тевдеберта I*, которому въ 547 г. наслѣдовалъ также сынъ, *Тевдебальдъ*: послѣдній умеръ въ 533 г. бездѣтнымъ, и такимъ образомъ съ нимъ прекратилась эта вѣтвь Меровингскаго дома. Третій сынъ Хлодвига, Хильдебертъ, также не имѣлъ дѣтей; когда онъ умеръ въ 558 году, то Клотаръ I соединилъ снова все государство подъ однимъ скипетромъ. Это соединеніе продолжалось до 561 года, въ которомъ онъ умеръ.—Клотаръ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей, которые и раздѣлили опять государство: *Сигбертъ I* получилъ Австразію, *Хариберть* Парижъ, *Гунтрамъ* Орлеанъ, *Хильперихъ I* Соассонъ. Изъ этихъ четырехъ государей Сигбертъ былъ всѣхъ могущественнѣе, а Хильперихъ умнѣе и дальновидиѣе. Скоро оба эти короля поссорились, и этотъ раздоръ, за женщинъ начатый и женщинами веденный, есть собственно періодъ возвышенія служащаго или леннаго дворянства. Сигбертъ женился на Вестготеской принцессѣ *Брунгильдѣ*; доставленное ему этимъ бракомъ значеніе послужило для честолюбиваго брата его побужденіемъ также искать руки Вестготеской принцессы. Въ 567 г. онъ получилъ въ супруги сестру Брунгильды, Гальзуинту, но съ условіемъ распустить всѣхъ своихъ женъ и довольствоваться, какъ Христіанину, одною. Между тѣмъ одна изъ нихъ, Фредегунда, была имъ такъ страстно любима, что онъ не могъ оставить ее; за это скоро между нимъ и новою супругою начались несогласія, и когда Гальзуинта однажды утромъ была найдена на своей постели мертвою, то не трудно было найти виновника, тѣмъ болѣе, что Хильперихъ тотчасъ послѣ сего женился на Фредегундѣ. Съ этого времени Брунгильда стала питать противъ Фредегунды, какъ противъ убійцы своей сестры, самую непримиримую злобу и первымъ слѣдствіемъ ея было то, что Сигбертъ, склонившись на неотступныя просьбы супруги, пошелъ на брата войною; но въ то время, какъ довелъ его до самаго крайняго положенія, самъ погибъ отъ руки убійцы въ 575 г. Гунтрамъ взялъ подъ свою защиту оставшагося послѣ него сына *Хильдеберта II* и утвердилъ его въ отцовскомъ наслѣдіи; когда подобная смерть постигла въ 584 г. и Хильпе-

риха, то Гунтрамъ показалъ такую же заботливость и о его сынѣ *Клотарѣ II* и доколѣ былъ живъ, умѣлъ своимъ посредничествомъ поддерживать равновѣсіе и миръ между обѣими сторонами. По смерти Гунтрама въ 593 г. оставались въ живыхъ только два короля, Хильдебертъ въ Австразіи и Клотаръ въ Нейстріи, оба подъ управленіемъ своихъ матерей, женщинъ, смертельно ненавидѣвшихъ другъ друга; весьма естественно, что между ними не прекращалась открытая или тайная вражда, и Фредегунда, какъ благоразумнѣйшая, одержала въ этой борьбѣ верхъ. Брунгильда возбудила противъ себя въ Австразійскихъ вельможахъ такую ненависть, что они постоянно свыкались съ мыслію присоединиться къ Нейстрійскому королю. Это расположеніе умовъ обнаружилось бы гораздо ранѣе, еслибы Хильдебертъ II не умеръ въ 596 г. и Брунгильда не была устранена отъ правленія и опеки надъ своими внуками *Тевдебертомъ II и Дитрихомъ II*; но когда молодые короли достигли совершеннолѣтія, то она снова возъимѣла прежнее вліяніе и утвердилась тѣмъ надежнѣе, что въ происшедшей между братьями ссорѣ, Дитрихъ, совершенно находившійся подъ ея вліяніемъ, одержалъ въ 612 году верхъ и умертвилъ *Тевдеберта* со всею его фамиліею. Но къ несчастію ея онъ не долго пережилъ свою побѣду; Дитрихъ умеръ въ 613 г. и Австразійцы выказали теперь Брунгильдѣ свою ненависть. Когда по смерти Дитриха она вывела малыхъ четырехъ сыновей его, выдавая ихъ за своихъ правнуковъ, и хотѣла одного изъ нихъ провозгласить королемъ, то недовольные вступили въ союзъ съ сыномъ Фредегунды, Клотаромъ, королемъ Нейстрійскимъ. Душею всѣхъ этихъ движеній противъ Брунгильды были Епископъ Мецскій Арнульфъ и Пипинъ Ландепскій, родопачальники Каролингскаго дома. Приглашенный ими и ихъ партіею Клотаръ вторгнулся въ Австразію; войско, съ которымъ Брунгильда вышла къ нему на встрѣчу, частію перешло къ нему, частію разсѣялось; она сама была взята въ плѣнъ и сдѣлалась жертвою ненависти Австразійцевъ. Она была обвинена во всѣхъ убійствахъ, совершенныхъ въ продолженіе 40 лѣтъ въ королев-

ской фамиліи, и послѣ трехдневной пытки принуждена была сознаться во всемъ, чего отъ нея хотѣли. Наконецъ она была приговорена къ смертной казни, привязана къ дикой лошади, которая и замучила ее до смерти. Ея мнимые правнуки также были убиты, и вся Франкская монархія подъ скипетромъ Клотара II составила снова одну державу.

Междоусобныя войны Меровинговъ по естественному порядку вещей имѣли не столько вліянія на свободныхъ Франковъ, сколько на служащихъ Королямъ; сіи послѣдніе сдѣлались теперь тѣмъ важнѣе, чѣмъ были необходимѣе, и такимъ образомъ время семейныхъ раздоровъ между Меровингами есть колыбель леннаго дворянства. Но съ возвышеніемъ служащаго дворянства возрастало также значеніе и его вождя, *Майордома*. Будучи главнымъ надсмотрщикомъ надъ всѣмъ принадлежащимъ королевскому дому и двору, онъ естественно былъ также начальникомъ и служащаго дворянства, владѣвшаго королевскими помѣстьями. Быстрыя и насильственныя перемѣны правителей въ послѣднее время послужили къ прочнѣйшему утвержденію власти Майордома, и Клотаръ II, соединивъ въ 613 г. всю Франкскую монархію, долженъ былъ каждой изъ трехъ главныхъ частей ея, Австразіи, Нейстріи и Бургундіи, дать особеннаго Майордома. Съ тѣхъ поръ, когда бывали случаи, въ послѣдствіи нерѣдкіе, что короли по молодости не могли сами принимать въ походахъ начальства надъ своимъ дворянствомъ, сіе послѣднее привыкало все болѣе и болѣе считать своимъ настоящимъ представителемъ Майордома, замѣнявшаго короля. Съ этого време-

ни Майордомъ сдѣлался главнымъ вождемъ и первымъ министромъ, и при воспитаніи королей, происходившемъ подъ его надзоромъ, старался истребить въ нихъ всякую мысль объ управленіи самимъ страною; но такъ какъ мѣсто Майордома не было наслѣдственнымъ и переходило попеременно въ разныя фамиліи, то оттого оно послужило въ тоже время средствомъ къ усиленію и возвышенію надъ прочими нѣкоторыхъ фамилій; каждая изъ нихъ при занятіи этого важнаго сана пользовалась кратковременною властію для прочнаго утвержденія своего вліянія образованіемъ собственной свиты. И съ того мгновенія, какъ нѣкоторые вельможи достигли такого могущества, что, опираясь на своихъ многочисленныхъ приверженцевъ, могли вступить въ открытую борьбу, сила правительства пала невозвратно, и чтобы она никогда не могла подняться, то старались никогда не допускать государей до совершеннолѣтія. Меровингскіе принцы получали королевскій титулъ въ дѣтствѣ и рѣдко жили долѣе, нежели сколько нужно было для оставленія по себѣ наслѣдника, по рожденіи котораго они обыкновенно умирали и тотъ же порядокъ повторялся съ слѣдующимъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одной фамиліи не удалось, подъ именемъ украшенныхъ титуломъ королей Меровинговъ, захватить всю власть въ свои руки. Со времени Клотара II особенно начинаетъ возвышаться *фамилія Каролинговъ;* она утвердила свое значеніе на соперничествѣ Австразійцевъ съ Нейстрійцами; захвативъ сперва Майордоматъ въ Австразіи, она

старалась потомъ занять тоже мѣсто и въ прочихъ частяхъ государства. Когда эта цѣль была достигнута, Каролингская фамилія могла считаться царствующею, и для похищенія короны ей не доставало одного освященія религіею. Задачею этой новой династіи было утвержденіе во Франкской монархіи Христіанской Вѣры и не только соединеніе, но и образованіе изъ всѣхъ Германскихъ племенъ одной націи.

Характеръ и состояніе образованности соединенныхъ въ Франкскомъ государствѣ народовъ лучше всего можно видѣть изъ ихъ законовъ *). Если станемъ разсматривать нить племенъ, образовавшихъ въ послѣдствіи Нѣмецкій народъ, то встрѣчаемъ повсюду въ ихъ характерахъ великое разнообразіе. Первымъ изъ этихъ племенъ были *Саксы*; они поклонялись еще Одину и не были совершенно покорены Франками; всѣ попытки къ ихъ обращенію и покоренію доселѣ не удавались. Первое сословіе у нихъ образовали жрецы Ethelingi, второе—Frilingi, и третье Lazzi. О политическомъ устройствѣ Саксовъ мы знаемъ только то, что они раздѣлялись на три массы: на Вестфальцевъ, Енгерцевъ и Остфальцевъ, которые хотя и имѣли общій сеймъ, однако рѣдко являлись соединенными. — Саксы, по своему внутреннему устройству и религіи, были вовсе не похожи на прочія пять племенъ и не имѣли съ ними ничего общаго, кромѣ языка. Съ сосѣдями своими *Тюрингцами* они жили почти въ постоянной враждѣ. У сихъ послѣднихъ, напротивъ, мы не находимъ и слѣдовъ Одиновой религіи; въ то время тамъ господствовало удивительное смѣшеніе Христіанства съ древне-германскимъ язычествомъ. Хотя Тюрингцы принадлежали къ Австразіи, однако удержали свои собственныя политическія и религіозныя учрежденія; Христіанская

*) Barbarorum leges antiquae cum notis et glossariis. Collegit F. Paul. Canciani. Venetiis. 1781—1792. 5 Tom. in folio.

религія въ той формѣ, въ какой развилась въ западной церкви, была введена здѣсь Св. Бонифаціемъ, и народность подавлена была не прежде какъ въ правленіе Каролинговъ. Напротивъ, третье племя, *Баварцы*, приняло Христіанство вмѣстѣ съ господствомъ Франковъ. Впрочемъ, главою его все еще былъ Герцогъ или Dux изъ рода Агилолфинговъ. Четвертое главное племя были *Аллеманы* или, какъ назывались они въ послѣдствіи, *Швабы*. Часть ихъ покорилась Франкамъ съ 496 г., а остальные покорились по распаденіи Остготскаго царства. Христіанство у нихъ было уже введено; но осталось еще много слѣдовъ язычества; это видно изъ строгихъ постановленій Аллеманскихъ законовъ о соблюденіи воскресныхъ и праздничныхъ дней. Аллеманы имѣли главою, подобно Баварцамъ, герцога, зависѣвшаго отъ Франкскихъ королей. О *Фризахъ*, пятомъ племени, мы знаемъ гораздо менѣе. Они сопротивлялись владычеству Франковъ и Христіанской религіи съ такимъ же упорствомъ, какъ и Саксы, и долѣе и чище всѣхъ сохранили свою народность и древне-германскія постановленія. Шестое главное племя, положившее основаніе соединенію прочихъ подъ властію одной фамиліи, были *Франки*. Отъ раздѣленія на Франковъ, оставшихся на прежней землѣ, и на Франковъ, поселившихся въ покоренной Галліи, между ними произошло совершенное различіе; это особенно замѣтно въ ихъ языкѣ. Въ Нидерландахъ и странахъ при—Рейнскихъ, гдѣ Римскій элементъ мало смѣшался съ собственнымъ германскимъ, говорили чисто по Нѣмецки, но отъ предѣловъ Нидерландовъ съ Пикардіи начинается *патуа*, смѣсь Нѣмецкаго языка съ Латинскимъ. Внутри Галліи Франки жили разсѣянно, по сему естественно, что Латинскій языкъ получилъ у нихъ перевѣсъ, но что къ нему примѣшались также нѣкоторые обороты и названія Нѣмецкія. Такимъ образомъ пограничный патуа мало по малу распространился по всей Галліи и сдѣлался въ Нейстріи народнымъ языкомъ. Отъ подобныхъ причинъ тотъ же случай повторился и въ Бургундіи. Слѣдствіемъ этого смѣшенія языковъ было то, что Латинскій въ своей древней классической формѣ

остался языкомъ письменнымъ; такъ какъ и законы были написаны по-латыни, то отсюда для тѣхъ, которые намѣревались занимать должности судей и членовъ суда, возникла потребность усвоивать себѣ Латинское образованіе, по крайней мѣрѣ столько, сколько нужно для того, чтобы быть въ состояніи читать и понимать законы *).

Но при всемъ различіи племенъ, вошедшихъ въ составъ Франкской державы, между ними существовало нѣчто общее, что могло быть положено въ основаніе государства — это были *судъ* и *Церковь*. Пользуясь обоими этими элементами, Каролинги положили конецъ неустройствамъ, раздиравшимъ ихъ государство, и смягчили дикіе и необузданные нравы своихъ подданныхъ.

Франкскій король считался въ своемъ королевствѣ верховнымъ судьею; подъ его знаменемъ производился судъ, но самый приговоръ былъ дѣломъ людей, родомъ и званіемъ равныхъ съ подсудимымъ.— Все Государство раздѣлялось на извѣстное число судебныхъ округовъ или pagi; начальникомъ каждаго округа былъ *Графъ*, при которомъ въ качествѣ подчиненныхъ судей и помощниковъ находились Centenarius и Tunginus или Decanus. Нижній судъ завѣдывалъ всѣми дѣлами, требовавшими для своей дѣйствительности судебнаго подтвержденія, слѣдовательно всѣми контрактами, дарственными записями, куплею, продажею и т. п., но власть его прекращалась, какъ скоро дѣло становилось спорнымъ и принимало характеръ процесса; тогда оно поступало въ окружный судъ и было рѣшаемо приговоромъ комитета изъ

*) Сколь трудно было это, особенно для Франковъ Нѣмецкихъ, о томъ свидѣтельствуютъ находимыя во многихъ кодексахъ Франкскихъ законовъ такъ называемыя *Малбергскія глоссы*. Эти глоссы суть переводъ трудныхъ выраженій или мѣстъ, находившійся между строками Латинскаго текста, и получили свое названіе отъ Малберга (Mallum) или публичнаго суда, въ которомъ употреблялись.

семи свободныхъ мужей, которые назывались у Франковъ *Рахинбургіами*. Хотя на рѣшенія ихъ и можно было жаловаться, однако не въ высшій, а только въ другой судъ. Если обвиненный успѣвалъ доказать несостоятельность сдѣланнаго противъ него приговора, то каждый изъ семи Рахинбурговъ долженъ былъ заплатить ему по 15 солиди пени; въ противномъ случаѣ каждый изъ нихъ получалъ такую же сумму отъ истца. Не покорявшійся судебному приговору былъ объявляемъ лишеннымъ покровительства законовъ, и имѣніе его было конфискуемо. Обвиненный долженъ былъ привесть въ свое оправданіе доказательства и могъ сдѣлать это четырьмя различными способами: 1) письменными актами, 2) свидѣтелями, 3) клятвою, и наконецъ 4) судомъ Божіимъ. Кто не былъ въ состояніи представить ни письменныхъ доказательствъ, ни свидѣтелей, имѣлъ право прибѣгнуть къ клятвѣ, только не одинъ, но кромѣ того долженъ былъ найти себѣ порукъ, такъ называемыхъ Conjuratores, въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по важности дѣла. Впрочемъ, клятва ихъ не касалась самаго дѣла, а только характера замѣшаннаго въ немъ лица; они клялись, что считаютъ его человѣкомъ правдивымъ, честнымъ и неспособнымъ къ ложной клятвѣ. Если обвиненный не могъ найти порукъ, то ему оставалось только предать себя на судъ защитника невинности—Бога. Древнѣйшая форма Божія суда была слѣдующая: подвергавшійся долженъ былъ вытащить изъ котла, наполненнаго кипяткомъ, кольцо или камень, и если рука оставалась послѣ этого невредимою, то невинность его была доказана; въ противномъ случаѣ онъ былъ признаваемъ виновнымъ. Въ теченіе времени число и значеніе судовъ Божіихъ увеличилось; кромѣ описаннаго испытанія водою вошло въ употребленіе еще испытаніе огнемъ и крестомъ, далѣе жребій, а всего болѣе поединокъ. Можно было ожидать, что у такого воинственнаго народа, какъ Франки, поединокъ сдѣлается самымъ употребительнымъ судомъ, и дѣйствительно этотъ родъ суда Божія не только чаще всего встрѣчается, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже повелѣвается законами съ устраненіемъ всякихъ другихъ доказательствъ. За

исполненіемъ приговора въ дѣлахъ гражданскихъ наблюдали королевскіе чиновники, а въ дѣлахъ уголовныхъ самъ обвинитель.*) Если же судебное устройство, по единству заключавшихся въ немъ правилъ, могло быть принято за основаніе общей государственной системы, то этой цѣли должно было еще болѣе достигнуть церковное устройство, извнѣ полученное. — Значеніе Епископовъ и прочаго духовенства въ Галліи достигло высокой степени уже во время владычества Римлянъ. Церкви наполнены были приношеніями вѣрныхъ, и Епископы считались отцами народа, являясь въ опасности мудрыми совѣтодателями и по возможности ходатаями и защитниками его отъ всякаго притѣсненія со стороны свѣтской власти. Золотое время духовенства настало собственно со времени принятія Хлодвигомъ и Франками Католической Вѣры. Значительные дары, приносимые Франками in remedium animae, обогатили Церковь, а притязанія ея на право убѣжища въ самомъ обширномъ смыслѣ усилили ея вліяніе. Въ то же время духовенство успѣло дать своему имѣнію значеніе достоянія Божія, и эта мысль, принятая за правило, полагаетъ начало новому развитію. Каждый король, заботившійся о спасеніи души своей, спѣшилъ, для снисканія Божіей милости, освобождать достояніе Божіе отъ одного налога за другимъ, такъ что ко времени возвышенія Каролингской династіи церковныя владѣнія пользовались уже совершенною свободою отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Ни сборщикъ податей, ни королевскій судья не имѣлъ въ нихъ никакой власти. При такихъ средствахъ Церковь не только доставляла присоединявшимся къ ней большое вліяніе въ государствѣ, но и обезпечивала ихъ отъ всѣхъ перемѣнъ счастія; свѣтскіе владѣльцы могли отнимать у своихъ вассаловъ помѣстья или лены, но не смѣли коснуться имѣнія Епископскаго, если не хотѣли быть виновными въ покушеніи на

*) Подробное и основательное свѣдѣніе о Германскомъ судопроизводствѣ можно извлечь изъ Maurer's Geschichte des altgermanischen und namentlich des altbaierischen öffentlich-mündlichen Gerichtsverfahrens. Heidelberg, 1824. 4.

достояніе Божіе. По сему весьма естественно, что и Франки стали также стремиться къ занятію духовныхъ должностей, принялись за ученыя занятія, т. е. начали учиться письму и постановленіямъ канонническаго права и мало по малу вытѣснять Римлянъ съ Епископскихъ мѣстъ. Слѣдствіемъ этого вторженія Франковъ въ Церковь было то, что высшихъ духовныхъ должностей достигали люди, не имѣвшіе ни способностей, ни понятія о своемъ достоинствѣ, люди, охотнѣе обращавшіеся съ мечемъ нежели съ перомъ, и которымъ приличнѣе было бы находиться въ рядахъ воиновъ, нежели въ духовной процессіи. Всѣ недостатки народнаго характера Франковъ, все грубое и порочное ихъ тогдашняго образованія съ силою вторгнулось въ Церковь. *) Въ самомъ дѣлѣ, чтобы сдѣлать ее, такимъ образомъ оскверненную, снова Христіанскою, нужно было второе обращеніе. Впрочемъ и въ этомъ униженномъ видѣ постоянно сохраняла она могущественное начало единства и порядка. И такъ Церковь, равно какъ и судебное устройство, послужила основаніемъ для утвержденіа Каролингской державы, и Графы съ одной стороны, Епископы съ другой были дѣйствительно ея опорами.

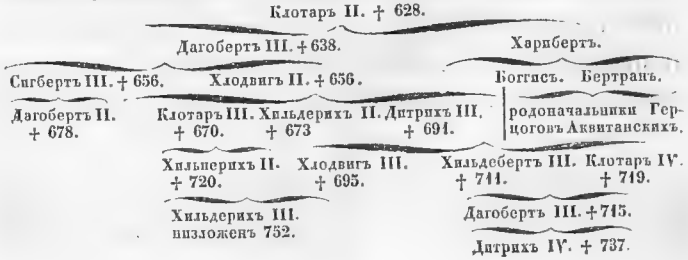
Пользуясь соперничествомъ Австразійскихъ вельможъ съ Нейстрійскими, родоначальники Каролингскаго дома *Арнульфъ Мецскій* и *Пипинъ Ляденскій* захватили верховную власть и стали править именемъ Меровингскихъ принцевъ; но высокое происхожденіе и санъ окружали Меровинговъ въ глазахъ народа какъ бы какимъ освященіемъ, которое долго еще служило имъ защитою и оградою отъ домогательствъ вельможъ, хотя они и были низведены на степень королей по

*) Григорій Турскій представляетъ полный списокъ пороковъ Франкскаго духовенства, въ числѣ которыхъ пьянство, сладострастіе, прелюбодѣяніе и клятвопреступленіе были самыми обыкновенными.

одному названію *). Посему, когда уже сынъ Пипина, Гримоальдъ, вздумалъ возложить на себя Австразійскую корону, то приверженность народа къ Меровингамъ и зависть вельможъ рушили его планъ; Австразійцы охотнѣе согласились покориться королю Нейстріи, и Гримоальдъ заплатилъ за свое неблаговременное предпріятіе жизнію. Его паденіемъ была увлечена вся Каролингская фамилія и должна была отказаться отъ дѣлъ правленія и удалиться въ свои помѣстья.

Пипинъ Ландепскій владѣлъ большими наслѣдственными помѣстьями между Маасомъ и Silva Carbonaria — лѣсомъ, выходившимъ изъ Арденскаго хребта къ сѣверу до этой рѣки и составлявшимъ первоначальную границу между Франками Салійскими и Рипуарскими. Онъ вступилъ въ самую тѣсную связь съ знатнѣйшею духовною особою въ Австразіи, Епископомъ Мецскимъ, Арнульфомъ, выдавъ дочь свою *Беггу* за сына его *Анзигиса*. Съ начала седьмаго столѣтія эти два мужа управляли Австразіею совершенно по своей волѣ; они въ 613 г. дали ходу дѣлъ тотъ рѣшительный оборотъ, по которому Клотаръ II сдѣлался единъ государемъ всей Меровингской державы. Но такъ какъ Клотаръ достигъ владычества надъ Австразіею не оружіемъ, а отпаденіемъ и измѣною, то дол-

*) Не смотря на ничтожность послѣднихъ Меровинговъ, ихъ имена все еще занимаютъ мѣсто въ Исторіи, почему непремѣнно нужно знать ихъ генеалогію:



женъ былъ надѣлить щедрыми наградами всѣхъ при этомъ помогавшихъ ему и во первыхъ конечно людей, управлявшихъ всѣмъ заговоромъ, Епископа Арнульфа и Пиппина Ландепскаго. Пиппинъ сдѣланъ былъ Майордомомъ Австразіи, а Арнульфъ воспитателемъ Клотарова сына *Дагоберта I.*, который въ 622 г. былъ провозглашенъ Австразійскимъ королемъ.—Дагобертъ, пришедши въ возрастъ, почувствовалъ всю тягость зависимости отъ чужой воли и по смерти отца старался отъ нея освободиться. Клотаръ II умеръ въ 628 г. и Дагобертъ завладѣлъ теперь большею частію Нейстріи, удѣливъ младшему брату своему, Харіберту, одну только Аквитанію. Послѣдній избралъ своею резиденціею Тулузу; преемники его утвердились въ ней независимо, такъ что эта вѣтвь Меровингскаго дома пережила паденіе старшаго колѣна своей фамиліи. Сдѣлавшись королемъ Нейстріи, Дагобертъ тотчасъ предпринялъ поѣздку въ новое свое Королевство, и такъ какъ Епископъ Арнульфъ въ это время умеръ, то онъ рѣшился свергнуть съ себя иго, которому былъ подчиненъ; и такъ онъ не возвратился въ Австразію, но утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Парижѣ. Хотя Пиппинъ тотчасъ поспѣшилъ къ нему для поддержанія прежняго своего вліянія, однако, прибывъ туда, нашелъ уже, что довѣренностію короля пользуется другой, Нейстрійскій Майордомъ Эга. Между тѣмъ король, зная силу Пиппина въ Австразіи и опасаясь отъ оскорбленнаго честолюбія его какихъ либо безпокойствъ, не отпускалъ его и подъ разными благовидными предлогами удерживалъ при дворѣ. Но въ Австразіи оставался сынъ Пиппина, Гримоальдъ, зять Анзигисъ и родственникъ, Епископъ Кельнскій, Куппбертъ, и Пиппину стоило одного мановенія, чтобы съ помощію ихъ сдѣлать тамъ все, что угодно. Интриги Каролингской фамиліи и ея приверженцевъ были направлены къ тому, чтобы возбудить въ Австразійцахъ неудовольствіе на удаленіе короля въ Нейстрію; представляли перепесеніе столицы въ Парижъ началомъ постыдной зависимости отъ ненавистныхъ Нейстрійцевъ и постоянно дѣйствовали такъ, чтобы или самъ король принужденъ былъ возвратиться въ Австразію, или по-

слать туда королемъ несовершеннолѣтняго сына своего, *Сигберта*. Какъ своекорыстна была цѣль, такъ же своекорыстны были и средства, употребленныя для достиженія ея. Со времени переселенія народовъ Богемія, Оберпфальцъ, Мейссенъ и Карнитія были заняты Славянскими народами, которыхъ Франки называли однимъ общимъ именемъ Виндовъ или Вендовъ. Часть этихъ Вендовъ, будучи принуждена покориться Аварамъ, подверглась отъ этого грубаго народа самому жестокому и унизительному обхожденію, такъ, что наконецъ рѣшилась взяться за оружіе. Одинъ Франкъ по имени *Само*, занимавшійся въ этихъ странахъ торговлею, принялъ надъ ними начальство. Онъ показалъ имъ силы ихъ и научилъ такъ хорошо пользоваться ими, что они возвратили свою независимость. *Само*, въ благодарность, былъ провозглашенъ королемъ въ 624 г. Торговыя сношенія, существовавшія и прежде между Франками и Славянами, теперь естественно еще болѣе усилились, когда надъ послѣдними господствовалъ Франкъ. Но они прекратились въ 630 году, по случаю разграбленія и умерщвленія нѣкоторыхъ Франкскихъ купцевъ. И когда Само отказался отъ требуемаго за это удовлетворенія, то Дагобертъ повелѣлъ Австразійцамъ напасть на Славянъ и въ то же время склонилъ Лонгобардовъ изъ Италіи вторгнуться въ ихъ земли. Теперь Австразійскимъ вельможамъ представился случай доказать необходимость самимъ имѣть короля: они не принимали никакихъ мѣръ къ оборонѣ и позволяли Славянамъ опустошать страну во всѣхъ направленіяхъ до тѣхъ поръ, пока Дагобертъ въ 633 г. не исполнилъ ихъ желанія и не далъ Австразіи короля, четырехъ-лѣтняго сына своего, Сигберта III. Съ этихъ поръ объ опустошительныхъ набѣгахъ Славянъ не было и слуху; Австразійцы мужественно и съ большимъ успѣхомъ защищали свои границы. Конечно эта перемѣна произошла не отъ четырехлѣтняго короля, но отъ того, что вельможи, и особенно приверженцы Каролинговъ, не имѣли причины быть недовольными. Пиппинъ не могъ долѣе оставаться въ Нейстріи, потому что Австразія имѣла теперь собственнаго короля. И такъ онъ снова всту-

пилъ въ управленіе государствомъ, а зятю своему, Анзигису, и Епископу Кельнскому, Куппберту, поручилъ воспитаніе короля. Но такъ какъ Австразійцы успокоились только тогда, когда получили себѣ особеннаго короля, то соревнованіе пробудилось и въ Нейстрійцахъ. Чтобы не подпасть по смерти Дагоберта зависимости Австразійцевъ, они потребовали въ томъ же году, въ которомъ Сигбертъ былъ отправленъ въ Австразію, чтобы у нихъ назначенъ былъ наслѣдникомъ престола младшій сынъ его Хлодвигъ II. И дѣйствительно по смерти Дагоберта въ 638 г. Хлодвигъ II, также дитя, былъ провозглашенъ Нейстрійскимъ королемъ. Такъ какъ изъ Меровингской фамиліи оставались теперь только двое дѣтей, и правленіе перешло въ руки честолюбивыхъ вельможъ, то можно было предвидѣть, что господствующія партіи въ обѣихъ странахъ не упустятъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ возвыситься и уничтожить королевскую власть. Съ этихъ поръ королямъ не давали достигнуть зрѣлаго возраста и достаточной самостоятельности для того, чтобы они не могли сами принять правленіе; но какъ скоро у нихъ рождался наслѣдникъ, они обыкновенно исчезали, и на ихъ мѣсто являлось новое дитя, которое въ свою очередь подвергалось той же участи. Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ отношеній была вражда за первенство и верховную власть между самыми вельможами. Тотчасъ по смерти Пиппина Ляпденскаго, въ концѣ 639 г., достоинство Майордома послужило для знатныхъ яблокомъ раздора и причиною опаснаго дѣленія на партіи. Каролингская партія стояла за Пиппинова сына *Гримоальда*; напротивъ всѣ недовольные чрезвычайнымъ возвышеніемъ этой фамиліи пристали къ сторонѣ Сигбертова Гофмейстера Оттона. Гримоальдъ одержалъ надъ ними верхъ и утвердился въ правленіи. Между тѣмъ король Сигбертъ возмужалъ; онъ достигъ 21 года и имѣлъ уже сына Дагоберта, слѣдовательно для Майордома наступило время удалить его и продолжать правленіе подъ именемъ дитяти Дагоберта. Но Гримоальдъ не довольствовался этимъ, а хотѣлъ доставить своей фамиліи и самый тронъ. Конечно такой быстрый переворотъ избавилъ

бы Каролингскую фамилію отъ долгаго боковаго пути, которымъ она должна была итти къ тропу; но этотъ путь былъ необходимъ, потому что главное дѣло состояло въ перемѣнѣ не особы правителя, а коренныхъ законовъ; медленно и мало по малу должны были образоваться новые взгляды на государство и Церковь, прежде нежели народъ могъ привыкнуть видѣть своимъ государемъ кого-либо другаго, а не Меровинга. Посему попытка Гримоальда не могла имѣть успѣха, но она послужила урокомъ для его потомковъ и показала, что не должо похищать короны открытою силою. Тотчасъ по смерти Сигберта въ 656 г. Гримоальдъ отослалъ Дагоберта въ одинъ Ирландскій монастырь и потомъ объявилъ, что Дагобертъ умеръ и что Сигбертъ усыновилъ и назначилъ наслѣдникомъ его сына Хильдеберта и требовалъ, чтобы Австразійцы признали его королемъ. Но противъ этого возстали не только противники Каролингской фамиліи, но даже многіе приверженцы ея. Недовольные призвали Нейстрійскаго короля Хлодвига II. Гримоальдъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Хильдебертомъ, безъ труда былъ взятъ въ плѣнъ, выданъ Меровингу и по повелѣнію его умерщвленъ въ темницѣ; что случилось съ Хильдебертомъ, неизвѣстно. Послѣ этого вся Каролингская фамилія должна была оставить дворъ и лишилась всякаго политическаго вліянія; она удалилась въ свои родовыя помѣстья. Особы, тогда ее составлявшія, были Ансигисъ съ женою своею Беггою и братъ его Клодульфъ. У перваго былъ сынъ, *Пипинъ Геристальскій*, у послѣдняго *Мартинъ*. Кромѣ того находилась еще въ живыхъ сестра Бегги, Св. Гертруда. Низверженная фамилія подверглась въ своемъ уединеніи большимъ притѣсненіямъ. Нѣкто Гундовинъ, Франкъ, оскорбленный Ансигисомъ во время его могущества, убилъ его и захватилъ часть наслѣдственныхъ Каролингскихъ владѣній. Беззащитныя женщины, Бегга и Гертруда, должны были съ терпѣніемъ переносить всѣ насилія; но они воспитывали мстителей за нанесенныя ихъ дому обиды въ Пипинѣ и Мартинѣ.

Удаленіе Каролинговъ не произвело въ положеніи дѣлъ никакой перемѣны; оно только открыло многимъ другимъ поприще, на которомъ они такъ возвысились. Въ Австразіи слѣдуютъ одинъ за другимъ многіе короли, даже Дагобертъ II прибываетъ изъ Ирландіи; но ни одинъ изъ нихъ не могъ выйти изъ-подъ зависимости сильныхъ вассаловъ. Сіи послѣдніе были между собою въ непримиримой враждѣ; достоинство Майордома переходило изъ рукъ въ руки; едва одинъ начиналъ себя считать довольно утвержденнымъ, какъ вдругъ являлся другой, который хитростію или силою низвергалъ его. Наконецъ въ Нейстріи Майордомъ Эброинъ успѣлъ утвердить свою власть такъ же прочно, какъ прежде Пипинъ въ Австразіи. Но когда онъ захотѣлъ распространить ее также и на эту страну, то Австразійцы воспротивились. Тогда настало для Каролинговъ рѣшительное мгновеніе возвратить себѣ прежнюю силу, и Пипинъ Геристальскій не упустилъ его, но воспользовался имъ съ большимъ благоразумiемъ. Побѣдою при Тестри въ 687 г. онъ сдѣлался главою всего Франкскаго государства и подъ именемъ Dux et Princeps omnium Francorum правилъ имъ до самой своей смерти, въ 714 г.

Въ Нейстріи Хлодвигъ II умеръ въ 656 г. Изъ трехъ его сыновей, Клотара III, Хильдериха II и Дитриха III, двое первыхъ скоро умерли и въ живыхъ оставался только послѣдній. Въ 674 г., между тѣмъ какъ вельможи спорили, кому владѣть особою короля, вдругъ является Эброинъ съ человѣкомъ, котораго выдаетъ за Меровингскаго принца, и находитъ столько приверженцевъ, что успѣваетъ захватить настоящаго

Меровинга, Дитриха, послѣ чего мнимый Меровингъ, сыгравъ свою роль, исчезаетъ, а Эброинъ именемъ Дитриха начинаетъ править государствомъ. Его насильственные поступки съ знатными Нейстрійцами имѣли слѣдствіемъ то, что они толпами бѣжали въ Австразію и возбуждали тамъ всѣхъ къ сопротивленію. И такъ, когда Эброинъ потребовалъ, чтобы Австразійцы признали Дитриха III своимъ королемъ, и они отвѣчали отказомъ, война между обѣими частями Франкской монархіи была неизбѣжна. Въ это самое время Пипинъ, который между тѣмъ возмужалъ, обратилъ на себя взоры всей Австразіи; собравъ вокругъ себя приверженцевъ своей фамиліи, онъ отмстилъ Гундовину за смерть своего отца. Храбрость, показанная имъ въ этомъ предпріятіи, и великодушіе, съ которымъ онъ наградилъ своихъ приверженцевъ, привлекли къ нему всеобщее вниманіе и напомнили Австразійцамъ о его дѣдѣ по матери, котораго имя онъ носилъ. Вся Каролингская партія соединилась снова въ 680 г. вокругъ Пипина и его двоюроднаго брата Мартина, и такъ какъ они стали такимъ образомъ предводителями значительной силы, то управленіе дѣлами Австразіи само собою перешло въ ихъ руки. Впрочемъ сначала они дѣйствовали неудачно. Въ 680 г. при деревнѣ Лукофао, между Парижемъ и Лаономъ, произошло сраженіе, въ которомъ Австразійцы были разбиты. Пипинъ спасся бѣгствомъ, а Мартинъ, вѣроломно захваченный побѣдителемъ, былъ убитъ. Но Эброинъ не долго пережилъ свою побѣду; онъ погибъ въ 682 г. отъ руки жестоко оскорбленнаго имъ Франка Эрменфрида. Пипинъ продолжалъ войну противъ Нейстрійцевъ; въ этой борьбѣ онъ явился защитникомъ народной независимости Австразійцевъ, въ слѣдствіе чего они все болѣе и болѣе привыкали повиноваться ему. Для возстановленія правъ изгнанныхъ Эброиномъ Нейстрійцевъ, Австразійцы предприняли въ 687 г. походъ. Пипинъ, провозглашенный вождемъ (Dux), предводительствовалъ имъ. При Тестри на Соммѣ онъ одержалъ блестящую побѣду и преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля до тѣхъ поръ, пока не захватилъ Дитриха вмѣстѣ съ Нейстрійскою казною. Теперь все

было пріобрѣтено, и мѣры, принятыя имъ для прочнаго обезпеченія пріобрѣтеннаго, лучше всѣхъ панегириковъ писателей, льстившихъ Каролингской фамиліи, свидѣтельствуютъ о его умѣ и дальновидности. Онъ ввелъ изгнанныхъ Нейстрійцевъ въ прежнія права и этимъ составилъ себѣ сильную партію въ странѣ, прежде чуждавшейся и мысли о зависимости отъ какого либо Австразійца. Потомъ онъ призналъ Дитриха королемъ, но отдалъ его подъ хорошій присмотръ, и, чтобы не повторилось дѣленіе монархіи, то принялъ за правило никогда не оставлять въ живыхъ больше одного Меровинга. Наконецъ, младшаго сына своего, Гримоальда, онъ возвелъ въ санъ Majordomus palatii, а старшему, Дрого, отдалъ Шампань подъ именемъ герцогства. Самъ же утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Австразіи, въ которой отселѣ не было уже ни Короля, ни Майордома, и правилъ изъ Кельна всѣмъ государствомъ. Его власть была тѣмъ прочнѣе, что въ глазахъ народа онъ являлся только орудіемъ Короля и не дѣлалъ ничего безъ согласія высшаго духовенства и дворянства. Съ этою цѣлью онъ умѣлъ весьма дальновидно воспользоваться военными собраніями Франковъ, происходившими обыкновенно весною, а въ послѣдствіи также и осенью. На нихъ, когда народъ устанавливался въ строй, являлся Король; привѣтствуемый военными восклицаніями, онъ проѣзжалъ по рядамъ въ красивой, везомой быками, колесницѣ, которою правилъ шедшій подлѣ молодой крестьянинъ. Потомъ предъ глазами народа онъ восходилъ на тронъ и тогда princeps Пипинъ, державшій его въ продолженіи всего остальнаго года какъ-бы въ заключеніи, долженъ былъ наравнѣ съ другими показывать одинакую подчиненность. Королю представляли чужестранныхъ пословъ, и princeps по повелѣнію Короля громкимъ голосомъ, во всеуслышаніе, давалъ имъ отвѣты. Всѣ новые законы и поставленія были обнародываемы отъ имени Короля и съ одобренія вельможъ. По окончаніи государственныхъ дѣлъ, Король возвращался съ тою же церемоніею, съ какою пріѣзжалъ, и жилъ дома небольшими доходами и съ малочисленною прислугою до слѣдующаго года, когда его опять

призывали для подобнаго же представленія *). Удаливъ отъ себя такою искусною политикою всякій упрекъ въ самовластіи, Пипинъ нашелъ себѣ опору какъ въ народѣ, такъ и въ вельможахъ, и немногіе голоса, раздававшіеся противъ него, были заглушаемы всеобщимъ рукоплесканіемъ, съ какимъ принимали его мѣры и предложенія. Такимъ образомъ въ Франкскомъ государствѣ, не задолго предъ тѣмъ раздираемомъ междоусобіями и приближавшемся къ распаденію, сильною рукою этого мужа снова былъ водворенъ порядокъ и спокойствіе, и онъ могъ устремить теперь силы, истощавшіяся прежде во внутреннихъ раздорахъ, противъ враговъ внѣшнихъ. Военныя предпріятія Пипина были направлены преимущественно противъ Фризовъ и Аллемановъ, и хотя мы не знаемъ о нихъ ничего подробнаго, однако видимъ, что онъ не оставлялъ войска безъ упражненія, пріобрѣлъ военную славу и прочнѣе утвердилъ владычество своего дома.

Между тѣмъ Каролингскій Домъ, едва утвержденный личными талантами Пипина, грозилъ уже пасть отъ того же, что погубило и Меровинговъ: отъ фамильныхъ раздоровъ. Казалось, что съ смертью Пипина ниспровергнется и все зданіе его могущества. Сынъ Пипина, Карлъ Мартелъ, вмѣсто того, чтобы мирно и спокойно наслѣдовать основанную отцемъ власть и силу, долженъ былъ еще разъ пріобрѣсть ихъ оружіемъ. Чѣмъ яснѣе обнаружилось въ этихъ событіяхъ могущество и назначеніе Каролингскаго Дома и

*) Einhard. vit. Carol. M. cap. 1. Ann. Mettens. ad a. 692: Singulis vero annis in Kalendis Martii, generale cum omnibus Francis, secundum priscorum consuetudinem, concilium agebat. In quo ob regii nominis reverentiam eum, quem sibi ipse propter humilitatis et mansuetudinis magnitudinem praefecerat, praesidere jubebat. Ipse vero praecinctus robore, comitante divino auxilio, regnum Francorum interius justitia et pace, exterius prudentissimis consiliis, auxiliante Domino, gubernabat.

безсиліе его противниковъ, тѣмъ прочнѣе установилось его первенство по прекращеніи всѣхъ безпокойствъ, которыя хотя потрясли, однако не ниспровергли его.

У Пипина были двѣ жены — принцесса Баварская *Плектруда* и *Алфея*, и отъ каждой изъ нихъ онъ имѣлъ по два сына, отъ первой Дрого и Гримоальда, а отъ послѣдней Карла и Гильдебранда; но такъ какъ двоеженство воспрещено Христіанскою религіею, то духовенство употребило всѣ усилія, чтобы убѣдить его развестись съ одною изъ нихъ, и успѣло въ томъ. Плектруда осталась при своихъ правахъ и ея дѣти были признаны законными и имѣющими право на наслѣдство; напротивъ того Алфея должна была развестись съ мужемъ, и дѣтей ея Церковь причислила къ незаконнорожденнымъ; къ концу жизни Пипина несчастье за несчастьемъ вторгалось въ его домъ. Старшій сынъ его Дрого умеръ въ 710 г., не оставивъ потомства, а младшій, Гримоальдъ, на пути къ умирающему отцу, былъ заколотъ въ 714 г. въ Литтихѣ. Хотя Гримоальдъ и оставилъ послѣ себя сына Тевдовальда, но онъ былъ еще дитятею, а Пипинъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи. Еслибы теперь Плектруда дѣйствительно старалась о выгодахъ своего дома, то согласилась бы уступить право на преемничество сыну прежней своей соперницы Алфеи, юному величественному и полному силы Карлу, но зависть не допустила ее до этого, и она не прежде успокоилась, какъ вынудивъ у умирающаго Пипина завѣщаніе, по которому малютка Тевдевальдъ, естественно подъ ея опекою, долженъ былъ одинъ наслѣдовать ему во власти. Для большаго обезпеченія она велѣла схватить обоихъ своихъ пасынковъ, Карла и Гильдебранда, и держать подъ стражею. Слѣдствія такого поведенія обнаружились тотчасъ по смерти Пипина, 16 Декабря 714 г. Нейстрійцы не признали правленія Плектруды. Обрадованные случаемъ свергнуть съ себя зависимость, Нейстрійскіе вельможи выдали одного монаха, по имени Даніила, за Меровингскаго принца подъ именемъ Хильперика II и провозгласили

его королемъ, приставивъ къ нему Майордомомъ Франка Раганфрида. Для подавленія этого мятежа вассаллы Каролингскаго Дома хотя и выступили съ юнымъ Тевдевальдомъ противъ Нейстрійцевъ, но были разбиты, и когда въ 715 г. умеръ также и Тевдевальдъ, то разстройство увеличилось, потому что теперь Австразійцы не хотѣли больше признавать власти Плектруды; она же, напротивъ, никакъ не могла согласиться на освобожденіе Карла. Въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ приверженцы Каролингскаго Дома въ самомъ дѣлѣ сочли чудомъ, когда Карлъ, освободившись изъ темницы, внезапно явился передъ ними *). Между тѣмъ положеніе Карла сначала было чрезвычайно затруднительно. Не имѣя еще достаточныхъ силъ, чтобы дать отпоръ врагамъ въ открытомъ полѣ, онъ долженъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, когда Нейстрійцы, явившись предъ Кельномъ, принудили его мачиху къ выдачѣ имъ части государственной казны. Но въ слѣдующемъ году онъ почувствовалъ себя въ состояніи къ принятію рѣшительныхъ мѣръ. Весною, въ 717 году, онъ двинулся въ походъ; Нейстрійцы, подъ предводительствомъ короля Хильперика и Майордома Раганфрида, выступили ему на встрѣчу, и при деревнѣ Виніакѣ, недалеко отъ Камбре, оба войска расположились станомъ. Сраженіе послѣдовало 20 Марта; оно должно было рѣшиться судомъ Божіимъ **), и это рѣшеніе было совершенно въ пользу Карла. Нейстрійцы были разбиты на голову. Карлъ не пошелъ вслѣдъ за бѣглецами въ Парижъ, но возвратился въ Австразію,

*) Annales Mettenses привѣтствуютъ появляющагося Карла слѣдующими словами: Tunc, veluti cum sol radios praeclaros eclipsin ad modicum passos cuncto exerit orbi, sic Karolus, Pippini dignissimus haeres, languentibus et paene desperantibus de salute populis robustissimus defensor illuxit; ut autem aperte cunctanti plebi apparuit, tanto favore tantaque gratulatione ab universis susceptus est, ac si dominator eorum Pippinus ad eorum consolationem revixisset.

**) Ann. Mettens. ad a. 717: Illum, ut crastino die ad bellum praepararet, ammonebant, ut ibi divinae justitiae judicium subiret, et quis deinceps Francorum regnum regere deberet, divina potestas declararet.

чтобы сперва тамъ утвердить свою власть. Теперь Плектруда должна была выдать ему государственную казну и возвратиться въ частное состояніе. Сдѣлавшись такимъ образомъ владѣтелемъ Австразіи, Карлъ тотчасъ сталъ стремиться къ возстановленію власти своего дома также и въ Нейстріи. Онъ противопоставилъ Хильпериху другаго Меровинга, Клотара IV, и въ 718 году вторгнулся въ Нейстрію; здѣсь все должно было покориться ему, между тѣмъ какъ Хильперихъ искалъ убѣжища у герцога Аквитаніи Ейдо. Хотя послѣдній происходилъ самъ изъ Меровингскаго Дома, однако не осмѣлился сопротивляться побѣдоносному Карлу и выдалъ ему бѣглеца. Это положило конецъ неустройствамъ, и все возвратилось въ прежнюю колею, только Карлъ началъ обращаться съ Меровингскими королями, именемъ которыхъ правилъ, еще съ меньшимъ уваженіемъ, нежели его отецъ.

При всемъ униженіи Меровингскихъ королей, освященіе, соединенное въ народномъ мнѣніи съ ихъ родомъ, все еще имѣло такую силу, что даже при совершенной неспособности къ правленію не могло лишить ихъ уваженія. По этому мало было отнять у Меровинговъ власть,—должно было лишить ихъ и принадлежавшаго имъ по мнѣнію народа величества, чего не иначе можно было достигнуть, какъ доставленіемъ Каролингской фамиліи такого освященія, которое поставило бы ихъ въ глазахъ народа выше Меровинговъ. Такое освященіе было христіанское миропомазаніе рукою Римскаго Епископа или Папы. Каролингскому дому представились въ это время самыя благопріятныя обстоятельства къ тѣсному союзу съ Папою. Но, прежде нежели Германцы стали принимать приговоры Папы за повелѣнія Божіи и повиноваться имъ, они долженствовали

быть совершенно обращены въ Христіанство, и это дѣло совершили Англосаксонскіе миссіонеры, и особенно *Св. Бонифацій*.

Франки сами показали мало дѣятельности въ обращеніи прочихъ Германскихъ племенъ: они предоставили это бѣднымъ монахамъ изъ Валлиса и Ирландіи или Англосаксамъ; послѣдніе, поставлявшіе первенство Папы главнымъ правиломъ Христіанскаго ученія, наконецъ захватили все исключительно въ свои руки. Первый Англосаксонскій проповѣдникъ, дѣйствовавшій по инструкціямъ Папы, былъ Св. Виллибрордъ. Онъ прибылъ въ Фрисландію въ то самое время, какъ Пиппинъ Геристальскій только что покорилъ эту страну и желалъ утвердить свое завоеваніе введеніемъ Христіанской религіи. По этому Пиппинъ принялъ его съ радостію, и когда Виллибрордъ былъ возведенъ Папою въ Архіепископскій санъ, то Пиппинъ далъ ему во владѣніе Утрехтъ. Виллибрордъ находился еще въ живыхъ, когда въ 716 г. прибылъ въ Фрисландію соотечественникъ его *Винфридъ* или *Бонифацій*. Уже изъ времени прибытія его можно видѣть, что тогда нечего было дѣлать и ревностнѣйшему проповѣднику, потому что по смерти Пиппина все пришло въ волненіе и повсюду угрожали опасности. Бонифацій отправился сперва въ Римъ къ Папѣ Григорію II, который умѣлъ достойно оцѣнить его и поощрить къ Апостольскимъ трудамъ. Напутствуемый Папскимъ благословеніемъ, Бонифацій въ 718 г. отправился въ Турингію и провелъ тамъ время своего искуса, такъ что превзошелъ ожиданія самого Папы. По этому Григорій, чтобы еще болѣе привязать его къ интересамъ Св. Престола, призвалъ его въ 723 году въ Римъ, посвятилъ въ Епископы и въ этомъ санѣ заставилъ дать торжественную клятву на гробѣ Св. Петра. Въ этой клятвѣ Бонифацій обѣщалъ намѣстнику Апостола Петра, Папѣ Григорію, равно какъ и его преемникамъ, учить католической вѣрѣ, во всей чистотѣ держаться единства ея и никогда никакимъ образомъ не нарушать цѣлости одной и всеобщей Церкви. Далѣе онъ обѣщалъ безусловно повиноваться Папѣ и удаляться отъ всякаго со-

общества со всѣми проповѣдниками, которыхъ ученіе не согласно съ Римскимъ. Съ новою ревностію Бонифацій возвратился въ Германію: онъ привезъ съ собою одобрительныя письма Карлу Мартелу и подъ покровительствомъ его началъ теперь дѣйствовать совсѣмъ иначе, нежели въ первый разъ. Въ продолженіе 12 лѣтъ вторичнаго пребыванія его въ Германіи, язычники крестились толпами; множество монаховъ и монахинь, друзей или учениковъ и ученицъ этого благочестиваго мужа, распространилось по всей Германіи и приняло на себя попеченіе и смотрѣніе за начатымъ имъ твореніемъ. Въ 736 г. Христіанская Вѣра Римскаго исповѣданія была введена и вліяніе Папы утверждено во всѣхъ Германскихъ странахъ, принадлежавшихъ тогда къ Франкскому государству. Теперь оставалось только Германофранкскую іерархію соединить въ одно тѣло, котораго главою былъ бы Папа, и это составляетъ третье отдѣленіе дѣятельности Св. Бонифація. Для испрошенія на это Апостольскаго совѣта и благословенія, онъ въ третій разъ отправился въ Римъ. Папа Григорій III, занимавшій съ 731 г, престолъ Св. Петра, наградилъ неутомимаго и счастливаго проповѣдника возведеніемъ въ санъ Архіепископа и Викарія Св. Престола въ Германіи и Галліи. На возвратномъ пути, проѣзжая чрезъ Баварію, Бонифацій тотчасъ сдѣлалъ употребленіе изъ новой своей власти, устроивъ тамошнюю церковь. Онъ раздѣлилъ герцогство на четыре округа: Зальцбургскій, Фрейзингенскій, Регенсбургскій и Пассаускій, и поставилъ на учрежденныя въ этихъ городахъ Епископства лучшихъ своихъ учениковъ. Въ 741 г. онъ основалъ Епископства Вирцбургское и Эйхштедское, основанныя имъ для Турингіи и Гессена. Епископства Эрфуртское и Бюрабургское скоро были упразднены, потому что были присоединены къ Майнцу, когда тамъ въ 745 г., по низложеніи недостойнаго Гвиліба, самъ Бонифацій занялъ Епископскій Престолъ. Это послѣднее обстоятельство важно тѣмъ, что возвысило Майнцъ на степень Архіепископства и содѣлало его главою какъ основанныхъ уже, такъ и всѣхъ могущихъ образоваться въ послѣдствіи церквей въ Германіи. Такимъ образомъ

Бонифацій создалъ Германскую Церковь и поставилъ ее въ самую тѣсную связь съ Папскимъ Престоломъ, и если обратить вниманіе на всю важность послѣдствій такого отношенія, то можно сказать, что рѣдко удавалось человѣку одною только личною дѣятельностію, при столь ограниченныхъ внѣшнихъ средствахъ, совершить такой великій переворотъ, какой совершилъ Св. Бонифацій.

Съ того мгновенія, какъ народы Франкской монархіи были приготовлены чтить приговоры Папы за вдохновенные свыше, Каролингамъ былъ указанъ путь, которымъ они могли достигнуть трона. Карлъ Мартелъ, покровительствовавшій распространенію и утвержденію Христіанства между язычниками Германцами, въ тоже время храбростію своею защитилъ Христіанскій міръ отъ нашествія Магометанъ и доставилъ этимъ своему дому новый религіозный блескъ. Теперь Каролингамъ оставалось сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы достигнуть престола; мы оставимъ ихъ въ этомъ положеніи и обратимся къ исторіи происхожденія Магометанства, преобразовавшаго и соединившаго Востокъ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи.

II. СОЕДИНЕНІЕ ВОСТОКА ПОСРЕДСТВОМЪ МАГОМЕТАНСКОЙ РЕЛИГІИ, И ЗАПАДА ПОСРЕДСТВОМЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ДОСТОИНСТВА И УСИЛЕНІЯ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ, ДО НАЧАЛА КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

622—1095.

Изъ всѣхъ Азіатскихъ народовъ, ни одинъ не имѣлъ такого высокаго призванія къ сліянію образованія отдѣльныхъ націй и къ произведенію новаго, какъ Аравитяне. Они, какъ и Германцы, никогда не были порабощены иноземнымъ завоевателемъ; состояніе, въ какомъ мы ихъ находимъ въ началѣ VII столѣтія, мало отличалось отъ того, въ которомъ они находились и въ первобытной древности, потому что кочевая жизнь, къ которой большая часть Аравитянъ принуждаема была свойствомъ почвы, предполагаетъ одни и тѣ же условія, она задерживаетъ народъ на одной и той же степени образованія, съ которой онъ тогда только можетъ сойти, когда завоюетъ другую землю. Наконецъ Аравитяне имѣли ту выгоду, что ихъ преданія сходны были съ Ветхимъ Завѣтомъ и имѣли общее основаніе съ Іудейскою и Христіанскою Религіею *). Кааба въ Меккѣ была для Ара-

*) Что касается до источниковъ Аравійской Исторіи, то изъ многочисленныхъ магометанскихъ источниковъ лучшимъ считается Абульфеда, по основательности изслѣдованій, по спокойному и простому изложенію и безпристрастнымъ сужденіямъ. Его «Annales muslemici» перевелъ на Латинскій языкъ Рейске

витянъ, раздѣлившихся на многія племена, религіознымъ средоточіемъ; имъ стоило только однажды соединиться для общаго интереса и направить себя къ извѣстной цѣли для того, чтобы сдѣлаться сильнѣйшею націею. Такого результата достигъ Магометъ. Въ 611 году, онъ выступаетъ какъ проповѣдникъ между Аравитянами, ему удалось вдохнуть въ Аравійскія племена воинскую храбрость и энтузіасмъ и, воззвавъ изъ политическаго раздробленія, превратить во всемірныхъ побѣдоносныхъ воителей.

Политическое устройство Аравитянъ, какъ и всѣхъ прочихъ номадовъ, было очень просто: все ихъ политическое раздѣленіе было естественно, потому что оно основывалось на происхожденіи и знатности рода; даже различіе въ образѣ жизни, зависѣвшей отъ свойства почвы, Аравитяниnъ старался объяснить происхожденіемъ; по этому *Гадези* или жители городовъ почитались совершенно отличными отъ *Бедуиновъ* или степныхъ жителей; первые начинали свою родословную предкомъ Іоктаномъ, производя его по прямой линіи отъ Ноя; послѣдніе же отъ сына Авраамова Измаила. — Бедуины раздѣлялись на племена, управляемыя старѣйшинами или шейхами; ясно, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ могло составиться большое войско изъ Бедуиновъ, разсѣянныхъ по степямъ, и также изъ племенъ, раздѣленныхъ родовою ненавистію. Напротивъ *Гадези*, жившіе въ плодородномъ Іеменѣ и также по берегамъ Чермнаго Моря, достигли извѣстной степени политическаго образованія по самому своему образу жизни;

(Lipsiae, 1754. IV). Потомъ важно его сочиненіе «de vita et rebus Mohammedis» (textum Arabicum edidit et latine vertit Johan. Gagnier. Oxon. 1723); также его географія Аравіи. Hammer-Purgstall, Gemälde-Saal von Lebensbeschreibungen großer moslimischer Herrscher der ersten sieben Jahrhunderte. Leipz. und Darmstadt 1837—39. 6 Bde.

они занимались торговлею, ремеслами и земледѣліемъ. Между всѣми городами Іемена въ особенности замѣчательна Мекка, потому что она уже задолго до появленія Магомета была религіознымъ средоточіемъ для Аравійскихъ племенъ. Каждое племя избирало предметомъ своего обожанія какое нибудь созвѣздіе, изображеніе котораго обыкновенно ставилось въ Каабѣ въ Меккѣ. Еще до Магомета у Аравитянъ существовали многія религіозныя обыкновенія, какъ то: обрѣзаніе, путешествіе въ Мекку, гдѣ приносились жертвы и совершалось очищеніе. При такомъ религіозномъ значеніи Мекки, племя, владѣвшее городомъ и ключами Каабы, пользовалось высокимъ уваженіемъ между прочими и было почтеннѣйшимъ въ Аравійскомъ мірѣ какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Около 464 года городомъ и святынею овладѣлъ Измаильтянинъ Козай изъ племени Корейшъ; тогда какъ до сихъ поръ и то, и другое было во власти Іоктанидовъ. Ключи отъ Каабы и господство надъ Меккою перешло теперь къ фамиліи Гашемидовъ, знатнѣйшей изъ племени Корейшъ. Сынъ и наслѣдникъ Гашема, Абдалъ-Моталлебъ, защитилъ Мекку отъ нападенія Абиссинцевъ. Онъ прожилъ 110 лѣтъ и оставилъ 6 дочерей и 13 сыновей. Между его дѣтьми Абдаллахъ, отецъ Магомета, отличался умомъ и красотою. Магометъ родился 21 Апрѣля 571 года. Оспротѣвъ съ раннихъ лѣтъ и будучи лишенъ наслѣдства своими дядями, изъ которыхъ Абу-Талебъ принялъ его въ свое семейство, онъ былъ предоставленъ самому себѣ и своимъ собственнымъ силамъ. Это то уединеніе могло содѣйствовать, какъ мы видимъ изъ жизни другихъ знаменитыхъ мужей, его умственному развитію. Отъ 25 до 40 лѣтъ занимался онъ торговыми дѣлами Кидиджи, богатой купеческой вдовы, на которой онъ въ послѣдствіи женился, предпринималъ поѣздки по торговымъ дѣламъ и нерѣдко выѣзжалъ за границы Аравіи. Каждый годъ на мѣсяцъ Рамаданъ удалялся онъ въ пещеру Хару, находящуюся близъ Мекки; о чемъ онъ замышлялъ въ этомъ уединеніи, то стало извѣстно свѣту тогда, когда онъ въ 611 году, вооружившись обольстительною силою поэтическаго краснорѣчія, объ-

явилъ себя пророкомъ Божіимъ и началъ учить новымъ религіознымъ вѣрованіямъ. Магометанство только потому можно назвать новою религіею, что оно уничтожило у Аравитянъ звѣздопочитаніе и идолопоклонство и развило въ душѣ ихъ скрытый зародышъ единобожія; главнымъ пунктомъ его ученія было единство Бога и предопредѣленіе свыше всѣхъ событій; преданность волѣ Божіей и вѣра въ Провидѣніе составляли духъ Исламизма. Магометъ не выдавалъ себя за такого пророка, который пришелъ все разрушать, но который, находясь въ непосредственной связи съ предыдущими пророками, назначенъ исполнить проповѣданное ими откровеніе. Въ его ученіи упоминается о шести пророкахъ: Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Іисусѣ и Магометѣ, которые передавали человѣчеству откровеніе Божіе все въ большемъ совершенствѣ. Магометанская религія заключаетъ въ себѣ два главныхъ основныхъ члена: 1) Богъ единъ и 2) Магометъ пророкъ Божій; она предписываетъ три обязанности: *молитву*, *постъ и милостыню*; таковая вѣра и исполненіе этихъ обязанностей даютъ право на вступленіе въ рай, и наслажденія, которыхъ тамъ можно надѣяться, описаны имъ самыми яркими красками чувственности, тогда какъ невѣрующаго ожидаютъ мученія ада.

Сперва Магометъ своимъ ученіемъ имѣлъ мало успѣха и былъ подверженъ пренебреженію и преслѣдованію со стороны другихъ Корейшидовъ. Когда же власть надъ Меккою перешла въ руки главы другой фамиліи, Оммайядской, Абу Софіяна, тогда пророкъ не былъ болѣе безопасенъ въ своемъ отечествѣ и долженъ былъ спастись, въ 622 году, бѣгствомъ въ Медину. Здѣсь удалось ему съ помощію оружія достигнуть того, чего онъ не могъ прежде достигнуть убѣжденіемъ. Мекка должна была ему сдаться, и Кааба, очищенная отъ идоловъ, сдѣлалась средоточіемъ все-

го міра, принявшаго ученіе Магомета. Самъ Магометъ только дожилъ до покоренія всѣхъ Аравійскихъ племенъ, которыя большею частію принимали добровольно его ученіе, ознаменованное блистательнымъ счастіемъ воинскимъ. Послѣ его смерти тесть его, Абубекеръ, выступилъ въ качествѣ *Калифа-Рессуль-Алла*, преемника пророка Божія; онъ, сдѣлавшись главою правовѣрныхъ, не только старался охранять основанное Магометомъ царство, но еще въ *Коранѣ* далъ ему твердую, постоянную опору.

Первыми послѣдователями Магометова ученія были его жена *Кадидша*, рабъ *Сейдъ*, его двоюродный братъ *Али*, сынъ *Абу-Талеба*, и его другъ *Абубекеръ*. Ничто не могло препятствовать Магомету, ни первоначальные незначительные успѣхи его ученія, ни поношеніе и ненависть его противниковъ; онъ продолжалъ проповѣдывать свое ученіе и распространять его по другимъ колѣнамъ чрезъ пилигримовъ, посѣщавшихъ Каабу. Пока еще живъ былъ *Абу-Талебъ*, Магометъ въ Меккѣ былъ безопасенъ, хотя прочіе Корейшиды до такой степени были ему непріязненны, что изъ-за него прекратили всѣ сношенія съ Гашемидами. Но положеніе дѣлъ перемѣнилось, когда умеръ Абу-Талебъ и Оммайядъ Абу-Софіанъ наслѣдовалъ ему въ завѣдываніи городомъ и святынею. Этотъ ревностный поклонникъ звѣздъ, для рѣшенія судьбы Магомета, немедленно собралъ на совѣтъ Корейшидское и другія союзныя племена. Здѣсь положено было убить его, а чтобы лишить Гашемидовъ возможности совершить кровавое мщеніе, одинъ изъ каждаго племени долженъ былъ обагрить мечъ свой въ крови пророка. Вечеромъ того же дня, въ который его враги рѣшились на это злодѣйство, Магометъ счастливо удалился изъ *Мекки* въ *Медину*, гдѣ еще прежде его ученіе нашло доступъ и гдѣ онъ теперь былъ принятъ съ энтузіасмомъ. Бѣгство Пророка изъ Мекки въ Медину было въ ночи съ 15 на

16 Іюля 622; съ этого времени начинается *Геджира* или лѣтосчисленіе Магометанъ. *)

Въ Мединѣ, вокругъ смѣлаго проповѣдника соединились всѣ его послѣдователи, и съ этихъ поръ новое ученіе оказало всю свою силу тѣмъ, что было въ состояніи соединить разнообразные элементы, доселѣ враждовавшіе, и составить изъ нихъ одно цѣлое. *Могадшеримъ* (такъ назывались убѣжавшіе изъ Мекки послѣдователи Пророка), и *Ансаримъ*, его защитники, обитавшіе въ Мединѣ, составили теперь одну политическо-религіозную общину. Магометъ изъ Медины вступилъ въ борьбу съ Корейшидами; съ этихъ поръ начинается война его съ неправовѣрными, война, внесенная Магометомъ въ число религіозныхъ обязанностей и почитаемая имъ за главное условіе блаженства. Во время этой войны съ Корейшидами введены были у Магометанъ еще другіе религіозные обряды какъ на примѣръ воздержаніе отъ употребленія вина. Во все продолженіе этой войны счастіе постоянно было на сторонѣ Магомета, такъ что въ 628 году онъ могъ предписать условія при заключеніи перемирія между обѣими партіями. **) Теперь Магометъ обратилъ свое оружіе противъ Іудеевъ, жившихъ въ Аравіи, которые могли бы получить новое политическое значеніе, столь для нихъ вожделѣнное, если бы они признали Магомета за ожидаемаго Мес-

*) Такъ какъ Магометане считаютъ годы по лунѣ, и такъ какъ ихъ 33 года равняются 32 нашимъ солнечнымъ годамъ, то при переложеніи магометанскаго лѣтосчисленія на наше и на оборотъ нужно поступать слѣдующимъ образомъ: если магометанское число года означается числомъ меньше 33, то нужно придать только 621 годъ христіанскаго лѣтосчисленія, именно столько, сколько протекло отъ Р. Х. до эры магометанской; если же магометанское число года болѣе 33, то, раздѣливъ это число на 33, частное нужно вычесть изъ даннаго числа и полученное такимъ образомъ число прибавить къ 621. Христіанскій годъ будетъ переведенъ на магометанскій, если мы изъ даннаго числа вычтемъ 621, остатокъ раздѣлимъ на 32 и къ нему придадимъ частное.

**) *Abulfeda*, T. I. p. 127: decennium ab armis cessetur. Cui volupe fuerit, interea se ad factionem et protectionem Muhammedis adjungere, id integrum illi esto. Qui cum Coraischitis causam communicare malit, illi pariter liceto.

сію, но они отвергли требованія Пророка; по этому и были покорены оружіемъ. Когда же послѣдняя ихъ крѣпость, Хайбаръ, была въ рукахъ Магомета, онъ отправилъ пословъ къ Персидскому Царю, Византійскому Императору и къ Аравитянамъ-Христіанамъ, жившимъ на границахъ Сиріи подъ управленіемъ Грековъ, и требовалъ отъ нихъ принятія его ученія. При Персидскомъ дворѣ и въ Константинополѣ, гдѣ желали союза съ Аравитянами, его пословъ приняли ласково и обошлись съ ними очень хорошо; Аравійскіе же Христіане не только осмѣяли ихъ, но еще одинъ изъ пословъ былъ убитъ. Это смертоубійство было поводомъ къ первой войнѣ Магометанъ съ Греческимъ государствомъ. Для отмщенія за смерть своего посла, Магометъ отправилъ въ 629 году противъ Имперіи трехъ-тысячное войско. Въ этомъ первомъ походѣ начальствовалъ его рабъ Сейдъ, перенесшій за границы Аравіи знамена Пророка. Изъ обстоятельства, что благородные Аравитяне безъ ропота повиновались приказанію бывшаго раба, явствуетъ, что Исламъ могъ бы уничтожить различіе между сословіями и фамиліями. Въ Сентябрѣ 629 г. произошла битва между Сейдомъ и Греками, при Мутѣ. Сейдъ палъ въ началѣ сраженія, и Каледъ, сынъ Валида, отступилъ съ ослабѣвшимъ войскомъ, не одержавъ побѣды. Между тѣмъ Корейшиды нарушили перемиріе, и Магометъ долженъ былъ отправиться для покоренія Мекки. Его врагъ Абу-Софіянъ, попавшись ему въ плѣнъ, долженъ былъ избрать или смерть, или Исламъ. *)

По низложеніи Абу-Софіяна уже ничто не могло препятствовать вступленію Магомета въ Мекку. Покореніе города произошло въ Февралѣ 630 года; онъ получилъ свое прежнее значеніе, и Кааба для новой религіи осталась тѣмъ же, чѣмъ была для прежней. Въ томъ же году, единственно храбростью Магомета, при Гонаннѣ было побѣждено многочисленное войско Бедуиновъ. За симъ слѣдовало постепенное по-

*) Trepidus Abu-Sofian Islamismum profitebatur, говоритъ Абульфеда объ этомъ родоначальникѣ Оммайядскихъ Калифовъ.

кореніе всѣхъ Аравійскихъ племенъ. Вѣротерпимость была оказываема только послѣдователямъ писаннаго закона, т. е. Іудеямъ и Христіанамъ; они могли оставаться вѣрными своей религіи, но должны были платить незначительную поголовную дань; напротивъ того всѣ прочія религіи были истребляемы мечемъ.

Со времени покоренія Аравіи, Магометъ началъ думать, что его религіозная дѣятельность кончилась, и какъ скоро онъ это почувствовалъ и высказалъ *), силы его начали ослабѣвать. Онъ захворалъ въ Іюлѣ 632 года и умеръ на рукахъ своей супруги Аѣши, дочери Абубекера. Еслибы Магометъ успѣлъ назначить себѣ преемника, то вѣроятно не обошелъ бы Али, своего двоюроднаго брата и супруга своей дочери Фатимы, главу Гашемидовъ; но онъ умеръ, не сдѣлавъ никакого завѣщанія. Тесть Пророка, Абубекеръ, уже во время его болѣзни исправлявшій всѣ его обязанности, теперь сдѣлался его преемникомъ или калифомъ. Въ этомъ санѣ его признали всѣ, исключая Гашемидовъ, объявившихъ себя за Али. Между тѣмъ Али отказался самъ отъ своихъ притязаній — одни говорятъ, что тотчасъ, другіе же спустя 6 мѣсяцевъ, и призналъ калифомъ Абубекера. Когда Аравійскій Полуостровъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ его оставилъ Пророкъ, перешелъ къ его преемникамъ, то завоеваніемъ Гиры и Босры подъ начальствомъ полководцевъ, воспитанныхъ въ школѣ Пророка, между которыми отличались въ особенности Каледъ, Абу-Обейда и Амру, началось распространеніе Аравійскаго могущества. Кратковременное правленіе Абубекера очень важно по собранію Корана **). Въ этой книгѣ собраны всѣ изреченія Пророка, и такимъ

*) Hodie complevi vobis religionem vestram et perfeci beneficia mea erga vos.

**) Der Koran oder das Gesetz der Moslemen durch Muhammed den Sohn Abdallahs. Снова переведенъ съ Арабскаго Др. Сам. Фр. *Г. Ваалемъ*, на основаніи прежняго перевода Ф. Е. *Бойзена*. Галле, 1828. См. Muhammeds Religion nach ihrer inneren Entwickelung und ihrem Einflusse auf das Leben der Völker, von Joh. Jos Ign. Döllinger. Regensburg, 1838.

образомъ составлена для Магометанскаго міра постоянная религіозная и законодательная книга.

Такъ какъ нѣкоторые хотѣли поставить преданія или *сунну* на ряду съ написанною и достовѣрно самимъ Пророкомъ преподанною частію Магометанскаго ученія, и такъ какъ эти преданія не всѣми были признаны, то и произошелъ непримиримый, глубоко укоренившійся расколъ.

Абубекеръ умеръ уже въ Августѣ 634 года; онъ во время своей болѣзни поручилъ Омару отправленіе общественной молитвы; казалось, что онъ этимъ объявилъ уже его своимъ наслѣдникомъ; и дѣйствительно, по смерти его Омаръ былъ признанъ Калифомъ.

Омаръ, преемникъ Абубекера, положилъ начало быстрому распространенію Магометанскаго владычества въ Азіи и Африкѣ. Персидское царство раздираемо было смутами и близко было къ паденію, когда въ первый разъ подверглось нападенію Аравитянъ; оно покорилось, не смотря на то, что оказало мужественное сопротивленіе. Въ лицѣ послѣдняго царя Іездегерда пала династія Сассанидовъ, и Персія не только сдѣлалась Аравійскою провинціею, но приняла также Исламъ. Греческая Имперія не имѣла силъ защитить свои отдаленныя провинціи противъ неукротимой храбрости Аравитянъ; она потеряла Сирію и Египетъ, которые также покорились власти и вѣрѣ Калифовъ.

Цвѣтущее состояніе, въ какомъ Персидское государство находилось подъ правленіемъ *Нушірвана*, во время правленія его преемниковъ начало быстро приходить въ упадокъ. Его сынъ, Ормиздъ IV, царствовалъ съ 579 года столь неблагоразумно и жестоко, что въ 590 году былъ низвергнутъ. Хотя его сыну, *Хозру-Парвизу*, удалось возсѣсть на отцевскомъ тронѣ, однако онъ возбудилъ противъ себя сословіе жре-

цовъ; а въ такомъ государствѣ, какъ Персидское, гдѣ маги были дѣйствующею пружиною, это было величайшимъ несчастіемъ для царя и государства. Хозру былъ низверженъ съ престола и заключенъ въ темницу, гдѣ кончилъ свою бѣдственную жизнь, будучи снѣдаемъ скорбію, во время мятежа, произведеннаго въ 628 году его сыномъ *Шируйе-Кобадомъ*. Восемь мѣсяцевъ сынъ его наслаждался плодами своего жестокаго поступка съ отцемъ, поступка противнаго даже законамъ природы; Персидское царство послѣ его смерти сдѣлалось добычею узурпаторовъ, которые оспаривали другъ у друга корону. Въ такомъ разстроенномъ положеніи Персію застигли Аравитяне, когда начали распространять свое владычество по берегамъ Эвфрата. Грозное появленіе ихъ заставило Персовъ примириться, и всѣ партіи въ 632 году соединились и возвели на престолъ Сассанидскаго принца *Іездегерда*. Этотъ послѣдній укрѣпился на своемъ новомъ мѣстѣ, когда Аравитяне, уже прежде безпокоившіе границы, въ 636 г. вторгнулись въ предѣлы Персіи съ многочисленнымъ войскомъ. Царь выслалъ противъ нихъ своего полководца *Рустана*, и на равнинахъ Кадезіи завязалась битва, въ которой побѣду одержали Магометане. Послѣдствія этого пораженія были важны тѣмъ, что Персы упали духомъ и убѣждены были въ томъ, что насталъ послѣдній день самобытности ихъ отечества и ихъ религіи, и что они не въ состояніи болѣе сопротивляться. Самыя сильныя позиціи были ими оставлены, самые укрѣпленные города сданы по ихъ передачѣ, и Царь долженъ былъ бѣжать въ Хольванъ Мидійскій; между тѣмъ Аравитяне вступили въ Мадаинъ, Персидскую столицу. Городъ былъ совершенно разграбленъ. Его положеніе и воздухъ не поправились Аравитянамъ: они оставили его и основали Куфу для мѣстопребыванія новаго правительства. По завоеваніи всей Ассиріи, Аравитяне стали преслѣдовать царя Іездегерда въ Мидіи; въ 637 году, при Джалулѣ, произошло второе сраженіе. И здѣсь Персы потерпѣли пораженіе; хотя они собрали еще разъ свои силы для третьей битвы за свободу и религію, но при Негавендѣ, въ 642 году, были разбиты въ третій разъ. Царь

искалъ защиты за рѣкою Оксомъ у Турковъ и Китайцевъ, но прежде нежели могъ что нибудь сдѣлать, онъ въ 652 г. былъ убитъ; съ нимъ прекратилась царствовавшая въ Персіи династія Сассанидовъ. Такъ какъ Зороастрова религія въ то время еще не была терпима Аравитянами, то Персы должны были теперь принять Исламъ.

Въ одно время съ этимъ важнымъ завоеваніемъ, Аравитяне распространили свое господство и религію по смежнымъ съ Аравіею провинціямъ Греческой Имперіи. Это государство въ слабое правленіе Юстина II потеряло уже часть той энергіи, которая развилась во время правленія предшествовавшаго государя. Тяготясь правленіемъ, Юстинъ въ 574 году усыновилъ начальника своихъ тѣлохранителей *Тиверія*, который въ 578 г. по смерти *Юстина* и вступилъ на престолъ. Тиверій правилъ государствомъ твердо и бережливо. Эти два качества были чрезвычайно важны для такого государства, какъ Византійское, но онъ умеръ въ 582 году, и ему наслѣдовалъ имъ самимъ избранный, храбрый генералъ *Маврикій*. Строгость дисциплины, имъ вводимая, ожесточила войско, и въ 602 году оно возстало противъ Маврикія и провозгласило императоромъ центуріона *Фоку*. Партія, непріязненная Императору, на ипподромѣ соединилась со взбунтовавшимися солдатами; Маврикій попался въ руки своихъ противниковъ и по приказанію Фоки былъ казненъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Неспособность и жестокость Фоки скоро отдалили отъ него всѣхъ приверженцевъ и друзей. Даже его зять Криспъ составилъ союзъ съ *Гераклiемъ*, сыномъ Африканскаго намѣстника, и помогъ ему низвергнуть тирана. Фока былъ захваченъ въ 610 году и казненъ, и Гераклій, не размысливъ, принялъ предложенный ему императорскій санъ. Въ его правленіе произошла важная перемѣна. Аравитяне соединились, составили сильное государство и выступили врагами Византійской Имперіи. Провинція Сирія прежде всего потерпѣла отъ ихъ нападенія. Абу-Обейда съ своимъ помощникомъ Каледомъ предводительствовалъ войскомъ, которое въ 633 году вторгнулось въ Сирію и остановилось предъ Дамаскомъ. При Айнадинѣ былъ разбитъ намѣст-

никъ Сирія, спѣшившій на помощь Дамаску. Тщетно жители Дамаска защищались съ мужествомъ; ихъ городъ въ 634 году былъ частію взятъ приступомъ, частію самъ сдался на капитуляцію. Знатнѣйшіе изъ жителей Дамаска оставили городъ, который вскорѣ послѣ этого сдѣлался столицею Магометанскаго міра. Исламъ получилъ въ немъ перевѣсъ и подавилъ, или, лучше сказать, вытѣснилъ оттуда Христіанство. Въ слѣдующемъ году сдалась Эмеза, и очевидно, что вся Сирія должна была перейти въ руки Магометанъ, если они не будутъ отражены какою нибудь сверхъестественною силою. Императоръ Гераклій послалъ въ Азію всѣ войска, безъ которыхъ можно было обойтись въ Европѣ; они, соединившись съ Азіятскими силами при рѣчкѣ Іермукѣ, напали на непріятелей. Не смотря на храброе сопротивленіе, Греческое войско было совершенно разбито, и вся страна сдѣлалась добычею побѣдителей. Аравитяне теперь устремились на Іерусалимъ, городъ равнымъ образомъ священный и для нихъ; по четырехъ-мѣсячной осадѣ патріархъ Софроній предложилъ капитуляцію, съ условіемъ, чтобы Калифъ лично утвердилъ ее и самъ бы принялъ этотъ городъ. Омаръ согласился на это условіе. Онъ въ 637 году предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ на верблюдѣ, на котораго также было навьючено все необходимое для дороги. Подписавши капитуляцію, Омаръ вступилъ въ городъ. Онъ оставилъ въ цѣлости всѣ Христіанскіе храмы, только приказалъ построить великолѣпную мечеть на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился Соломоновъ храмъ. Калифъ не подумалъ о томъ, чтобы сдѣлать своею резиденціею Іерусалимъ или какой нибудь другой Сирійскій городъ, но, окончивши всѣ дѣла, для которыхъ пріѣзжалъ сюда, онъ возвратился въ Медину, къ гробу Пророка. Его полководцы между тѣмъ продолжали завоеваніе Сиріи. Хотя Гераклій самъ не замедлилъ появиться на полѣ брани, но, не видя нигдѣ ни средствъ, ни силъ къ сопротивленію, оставилъ провинцію, которая по его удаленіи въ 639 году досталась Магометанамъ. Моавія, сынъ Абу-Софіяна, былъ первымъ Магометанскимъ правителемъ Сиріи. Здѣсь онъ положилъ начало могуществу своего дома, такъ что,

когда въ лицѣ его фамилія Оммайядовъ вступила на престолъ Калифовъ, Сирія сдѣлалась средоточіемъ, а Дамаскъ столицею Аравійскаго государства.

Когда еще Сирія не вся была покорена, Амру вознамѣрился уже завоевать другую провинцію Греческой имперіи, Египетъ. Такое предпріятіе не представляло затрудненій, потому что эта земля, по причинѣ спора о природѣ Іисуса Христа, распалась на двѣ партіи. Большая часть Египтянъ не послѣдовала рѣшенію Халкедонскаго Собора (451), «что Христосъ заключаетъ въ одномъ лицѣ двоякую природу»; они остались Монофизитами. Хотя партія Монофизитовъ или Коптовъ была многочисленнѣе, но она была угнетаема и преслѣдуема противниками своими—оставшимися вѣрными православному ученію — Мельхитами, которыхъ защищало правительство. Лишь только Амру, въ 638 году, завоеваніемъ Пелузіума открылъ себѣ дорогу въ Египетъ, какъ тотчасъ вступилъ въ союзъ съ недовольными Коптами. Одинъ изъ свѣтскихъ начальниковъ этой партіи заключилъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго Копты подчинились Калифу, но только подъ условіемъ, чтобы онъ щадилъ и охранялъ ихъ вѣру; за то они обязались ему платить поголовную дань, ежегодно по 2 золотыхъ. Такъ какъ эта подать бралась только со взрослыхъ, то Египтяне облегчили себя въ финансовомъ отношеніи, а въ отношеніи къ церковнымъ дѣламъ имъ объявлена была вѣротерпимость, въ чемъ до сихъ поръ отказывало имъ Греческое правительство. Православные Греки, едва составлявшіе десятую часть народонаселенія въ Египтѣ, переходомъ Коптовъ на сторону непріятелей, были поставлены въ самое затруднительное положеніе. Они поспѣшно удалились въ Александрію, и здѣсь такимъ образомъ сосредоточивались всѣ силы православныхъ; между тѣмъ Магометане и Копты съ своей стороны съ равнымъ упорствомъ начали осаду. Такъ какъ у Амру не было флота, для того, чтобы запереть городъ съ морской стороны, то было совершенно невозможно голодомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ, и Греческое правительство долго могло бы твердо держаться въ Египтѣ, если бы оно внушало въ жителей болѣе бодрости; но Гераклій упалъ духомъ при столь мно-

гихъ неудачахъ, понесенныхъ имъ въ концѣ своего царствованія, начатаго съ такою славою. Онъ слабо поддерживалъ защитниковъ Александріи, и они въ 640 году вышли изъ города и сдали его непріятелю. Амру пощадилъ городъ. Разсказъ объ участи Александрійской библіотеки основывается единственно на авторитетѣ Сирійскаго историка Абуль-Фараджи; этотъ разсказъ давно уже отнесенъ къ области вымысловъ. Древняя драгоцѣнная библіотека, собранная Птоломеями, источникъ Александрійской учености, уже давно не существовала въ своемъ прежнемъ видѣ, и книги, сожженныя по приказанію Омара, заключали въ себѣ большею частію богословскія препія о спорныхъ пунктахъ, которыя уже въ продолженіе многихъ столѣтій занимали и колебали Церковь. Амру принялъ на себя управленіе провинціею, завоеваніемъ которой Аравитяне были обязаны его политикѣ и храбрости. Онъ уничтожилъ всѣ попытки Грековъ возвратить Египетъ; Римская имперія потеряла и эту землю и Сирію навсегда.

При столь быстромъ распространеніи Магометанскаго владычества, не возможно было сохранить прежній образъ Аравійской жизни въ его простомъ видѣ. Самъ Калифъ Омаръ могъ питаться однимъ ячменнымъ хлѣбомъ и овощами, могъ ходить въ поношенной одеждѣ, но его примѣръ, равно какъ и его запрещеніе были не въ состояніи удержать вліяніе власти и богатствъ, которыя достались столь неожиданно правовѣрнымъ. Уже Османъ, преемникъ Омара, былъ обвиненъ въ томъ, что для своихъ выгодъ опустилъ выгоды религіи и государства, и когда, по умерщвленіи его въ 656 году, наконецъ Али вступилъ на престолъ Калифовъ, то онъ встрѣтилъ столько противниковъ, что необходимо должно было произойти междоусобіе. Между тѣмъ Моавія, сынъ

Абу-Софіяна, выступилъ зачинщикомъ мятежа, и самъ себя провозгласилъ Калифомъ; такъ возобновилась родовая ненависть между Оммайядами и Гашемидами, но теперь эта ненависть раздираетъ и волнуетъ весь Магометанскій міръ. Такъ какъ Али отвергнулъ Сунну, то съ этою войною начались также враждебныя отношенія Суннитовъ къ Шіитамъ. Побѣда доставила Суннитамъ перевѣсъ и право образовать правовѣрную общину. Между тѣмъ потомки и приверженцы Али продолжали противодѣйствовать Калифату, какъ въ религіозныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Моавія, въ качествѣ Калифа, утвердилъ свое пребываніе въ Дамаскѣ, гдѣ онъ до этого времени уже имѣлъ резиденцію, какъ правитель Сиріи, и это перенесеніе резиденціи изъ отечества, свойственнаго Аравійскому образованію и Аравійской жизни, имѣло слѣдствіемъ то, что мало по малу изглаживались слѣды патріархальнаго быта правителей правовѣрныхъ, и держава Калифовъ мало по малу переходила въ военный деспотисмъ *).

Омаръ въ 643 году былъ убитъ въ Мединской мечети однимъ Персомъ, который вознамѣрился отмстить верховному главѣ Мусульманъ за несчастія своего отечества. Когда же Абдерраманъ, котораго Омаръ назначилъ себѣ преемникомъ, не принялъ калифскаго сана и Али отказался признать Сунну, то выборъ новаго Калифа былъ предоставленъ шести прежнимъ товарищамъ Магомета. Онъ палъ на Османа, секретаря Пророка. Его правительственныя мѣры возбудили повсюду неудовольствіе, а удовлетвореніе жалобъ од-

*) Geschichte der Chalifen. Nach handschriftlichen größtentheils noch unbenutzten Quellen bearbeitet von Dr. Gustav Weil. Mannheim, 1846.

нихъ дѣлало другихъ дерзновеннѣе и неотступнѣе. Изъ Куфы, изъ Бассоры, изъ Египта и изъ степей собрались цѣлыя толпы въ окрестности Медины и предложили Калифу или исполнить ихъ требованія, или сложить съ себя санъ. Когда же Османъ, находясь въ мечети, изъявилъ на нихъ негодованіе, то обѣ партіи начали бросать каменьями; самъ Калифъ былъ тяжело раненъ, и его отнесли домой. Али явился посредникомъ: онъ побудилъ Калифа удовлетворить требованіямъ бунтовщиковъ, но они, видя во всемъ этомъ одинъ обманъ, вломились въ домъ Калифа и убили его, въ Іюнѣ 656 года. Только теперь Али достигъ того, что самъ онъ и его друзья почитали его правомъ—господства надъ правовѣрнымп. Именно это притязаніе Али посѣяло во многихъ непріязнь къ нему, и его возвышеніе встрѣтило противорѣчіе. Многіе изъ знатныхъ Мусульманъ, между ними Айеша, супруга Пророка, не признали его въ новомъ санѣ; другіе же, признавшіе его прежде, теперь удалились отъ него. Одинъ изъ нихъ привезъ въ Дамаскъ окровавленную одежду Османа, гдѣ Моавія, сынъ Абу-Софіяна, вывѣсилъ ее въ мечети и призывалъ правовѣрныхъ къ отмщенію. Моавія, отмщая за смерть Османа и объявляя себя преемникомъ, какъ бы назначеннымъ предшествовавшимъ Калифомъ, явился главою партіи, непріязненной Али. Сперва Али обратилъ свое оружіе на Айешу, удалившуюся въ Бассору, въ сопровожденіи Тальхи и Цобаира, двухъ изъ немногихъ оставшихся друзей Пророка. Близъ этого города, при Харибѣ, 6 Ноября 656 года, произошло сраженіе, которое извѣстно подъ названіемъ *верблюжьяго дня*, потому что Айеша находилась на мѣстѣ близкомъ къ сраженію, сидя на верблюдѣ, и своимъ присутствіемъ и примѣромъ ободряла воиновъ. Не смотря на то, что число приверженцевъ ея враговъ было многочисленнѣе, она была разбита. *Цобаиръ* и *Тальха* пали, Айеша была взята въ плѣнъ. Али отпустилъ вдову Пророка въ Медину, не причинивъ ей оскорбленія, гдѣ на гробѣ своего супруга она должна была ожидать рѣшенія; самъ же онъ обратился противъ Моавіи, съ которымъ соединился также и Амру, и на равнинѣ Саффаинъ произошло замѣчательное сраже-

ніе, въ которомъ воинскій энтузіасмъ Исламизма явился въ полномъ блескѣ, потому что здѣсь обѣ партіи оспаривали другъ у друга побѣду съ равными силами и съ одинакимъ образомъ мыслей. Отъ оружія, не имѣвшаго здѣсь успѣха, перешли къ приговору судей: со стороны Али былъ избранъ Абу-Муза, со стороны Моавіи Амру. Абу-Муза сперва предложилъ отрѣшить обоихъ совмѣстниковъ, и Амру согласился на это. Основываясь на томъ, что Али былъ отрѣшенъ своимъ приверженцемъ, Амру произнесъ приговоръ въ пользу Моавіи и снова провозгласилъ его Калифомъ. Естественно, что теперь снова должна была запылать брань между обоими претендентами, и ей, казалось, не будетъ предѣла, потому что наконецъ образовалась третья партія—Харедшитовъ, требовавшая точнаго исполненія приговора судей. Этого нельзя было достигнуть мирнымъ образомъ; оттого Харедшиты положили лишить жизни Моавію, Али и Амру, какъ нарушителей спокойствія и единства между правовѣрными. Три фанатика изъ этой партіи приняли на себя исполненіе убійства. Амру спасся только тѣмъ, что убійца ошибся въ лицѣ и умертвилъ другаго вмѣсто него. Моавія получилъ тяжелую, но не смертельную рану. Одинъ Али палъ подъ кинжаломъ убійцы въ Куфской мечети, 22 Января 661 г. Ираканы провозгласили Калифомъ Гассана, старшаго сына Али, но онъ добровольно уступилъ свою власть Моавіи за значительную пенсію, которою и пользовался, въ Мединѣ, до конца своей жизни, 669 года. Его братъ Гуссейнъ былъ честолюбивѣе; по смерти Моавіи онъ въ качествѣ Калифа пошелъ войною на сына и наслѣдника его, Іезида, но былъ подавленъ превосходствомъ силъ. Шіиты, составлявшіе большую часть Магометанскаго міра, продолжали смотрѣть на потомковъ Али, какъ на истинныхъ преемниковъ Пророка, и въ нѣдрахъ этой партіи постоянно рождались секты, противныя Калифату, не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи *). Моавія остался Калифомъ

*) Хорошее систематическое изложеніе религіозныхъ расколовъ и сектъ въ Исламѣ можно найти въ введеніи къ «Expo-

въ Дамаскѣ, и этотъ главный городъ Сиріи сдѣлался столицею Магометанскаго міра.

Магометанскій міръ отдѣлялся отъ Христіанскаго Средиземнымъ Моремъ. Берега этого моря, отдѣляя Европу отъ Азіи и Африки, въ двухъ мѣстахъ такъ сближаются, что море течетъ тамъ подобно сильной рѣкѣ. Эти два мѣста были самыми удобными пунктами, чрезъ которые Магометанизмъ могъ найти себѣ дорогу въ Европу; но одно изъ тѣхъ мѣстъ, Геллеспонтъ и Босфоръ, было защищаемо твердынею Константинопольскою. Всѣ попытки Ислама были сокрушаемы твердостью стѣнъ этой столицы, Греческимъ огнемъ и мужествомъ ея защитниковъ, и во все продолженіе среднихъ вѣковъ съ этой стороны Константинополь былъ оплотомъ Христіанства. Также и на западномъ концѣ Срезиземнаго Моря Африка такъ сближается съ Европою, что проливъ, раздѣляющій двѣ части свѣта, походитъ болѣе на сильную рѣку; сюда-то и устремился Исламъ, проложилъ себѣ путь чрезъ Ливійскія степи въ Греческую провинцію въ Африкѣ, покорилъ ее и потомъ чрезъ проливъ Геркулесовыхъ Столбовъ перешелъ въ Европу.

Греческій Императоръ Гераклій умеръ въ 641 году, вскорѣ по покореніи Египта Аравитянами, оставивъ въ сильномъ разстройствѣ государство сыну своему Константину III. Ученіемъ объ одной волѣ въ Іисусѣ Христѣ старался онъ прекратить пагубный раздоръ Монофизитовъ съ Православною Церковью; но оттого раздоръ не только не прекратился, но еще

sé de la religion de Druzes, tiré de livres religieux de cette secte par M. le baron *Silvestre de Sacy*. Paris, 1838.

усилился; явились противники Монофелитовъ, которые и осудили ихъ какъ еретиковъ. Константинъ III царствовалъ менѣе года; утверждаютъ, что онъ умеръ отъ яду, поднесеннаго ему порочною мачихою Мартиною для того, чтобы очистить путь къ престолу сыну ея Гераклеону. Мартина, однакоже, не могла удержаться. Въ 642 году произошло возмущеніе, и на престолъ былъ возведенъ старшій сынъ Константина, Константъ. Гераклеону отрубили носъ, а матери его вырѣзали языкъ, и обоихъ заключили въ монастырь. Убіеніемъ Константа, въ 668 году, прекратилось его безславное правленіе; ему наслѣдовалъ сынъ его *Константинъ IV Погонатъ*. При немъ усилились нападенія Аравитянъ на Греческое государство съ моря и съ суши. Ихъ флотъ опустошалъ берега Малой Азіи и наконецъ, въ 670 году, появился даже предъ Константинополемъ. Аравитяне были воспламенены къ самымъ смѣлымъ и отчаяннымъ нападеніямъ фанатическою надеждою, что завоеватели столицы Греческаго государства получатъ прощеніе грѣховъ и самую богатую награду: въ этомъ мірѣ—добычу, въ будущемъ—райскія наслажденія. Они были однако же отражены; и не смотря на то, что семь лѣтъ продолжали нападенія, должны были отступить съ потерею большой части флота и болѣе 30,000 войска. Въ 678 году, Императоръ и Калифъ заключили перемиріе на 30 лѣтъ. Въ 680 году созванъ былъ Вселенскій Соборъ въ Константинополь: онъ открылъ свое засѣданіе 7 Сентября и кончилъ его 16 Сентября 681 года. На немъ Константинъ возвратилъ Церкви миръ, нарушенный раздорами Монофелитовъ. Монофелиты были прокляты, а въ отношеніи спорнаго пункта положили признавать въ Іисусѣ Христѣ двѣ природы и двѣ воли. Въ 685 году умеръ Константинъ IV; онъ передалъ правленіе старшему сыну своему *Юстиніану II Ринотмету*. Чрезмѣрными налогами онъ возбудилъ противъ себя большое неудовольствіе, которое еще болѣе усилилось оттого, что онъ былъ очень несчастливъ въ войнѣ съ Аравитянами и отдалъ имъ Арменію и Греческія провинціи въ сѣверной Африкѣ. Въ 695 году это неудовольствіе обратилось въ явное возстаніе. Осужденнаго Импера-

торомъ на заточеніе генерала *Леонтія* народъ облекъ въ порфиру, и Юстиніанъ, на защиту котораго никто не поднялъ руки, былъ схваченъ и привлеченъ къ трону Леонтія. Народъ съ громкимъ крикомъ требовалъ его смерти, но Леонтій сжалился при видѣ такого униженія своего прежняго повелителя; онъ приказалъ только отрубить ему носъ и, обезобразивъ, отправилъ въ ссылку въ Таврическій Херсонесъ. Здѣсь Юстиніанъ услышалъ, что мщеніе постигло узурпатора; чрезъ три года Леонтій былъ низверженъ и съ отрубленнымъ носомъ заточенъ въ монастырь *Апсимаромъ*, который Африканскими легіонами и былъ провозглашенъ Императоромъ. Апсимаръ взошелъ на престолъ подъ именемъ *Тиверія II*; онъ не умѣлъ снискать ни любви, ни уваженія подданныхъ. Юстиніанъ питалъ еще надежду возвратить себѣ престолъ. Онъ убѣжалъ къ Болгарамъ и за большую плату получилъ отъ нихъ подкрѣпленіе. Лишь только появился онъ въ 705 году съ Болгарскимъ войскомъ предъ стѣнами Константинополя, ворота отворились ему, и онъ предался удовольствію мщенія, столь давно желаннаго имъ. Оба его противника, Леонтій и Апсимаръ, исторгнутые одинъ изъ монастыря, другой изъ чертоговъ, были связаны и повержены къ ногамъ Императора, который нашелъ особенное удовольствіе въ томъ, что поставилъ ногу на спину каждаго изъ нихъ, и въ такомъ положеніи смотрѣлъ въ теченіе часа на игры въ циркѣ; потомъ оба были казнены. Въ своемъ мщеніи Императоръ зашелъ слишкомъ далеко: въ яростн онъ безъ разбору подвергалъ ужаснымъ наказаніямъ праваго и виноватаго. Испуганные этимъ жители Херсонеса, провозгласили въ 711 году Императоромъ Армянина *Бардана*, который принялъ названіе *Филиппика*. Флотъ также перешелъ на его сторону, и онъ поплылъ къ Константинополю. Юстиніанъ, оставленный своими Болгарскими вспомогательными войсками, былъ со всѣмъ своимъ семействомъ выданъ своему противнику и осужденъ на смерть. Имъ прекратилась Гераклійская династія, которая правила въ продолженіе ста лѣтъ. Филиппикъ уже въ 713 году былъ низверженъ и ослѣпленъ въ сдѣдствіе возстанія вой-

ска; его мѣсто занялъ Артемій, подъ именемъ *Анастасія* II. Въ 716 году произошелъ во флотѣ мятежъ, который обыкновенно предшествовалъ революціи; взбунтовавшіеся матросы облекли въ порфиру одного морскаго офицера, подъ именемъ *Θеодосія III*, и Анастасій заключился въ монастырь. Но командующій сухопутнымъ войскомъ Левъ Исаврiецъ не призналъ узурпатора и отправился противъ него. Θеодосій не въ состояніи былъ противиться сухопутному войску, и въ 717 году *Левъ III Исаврійскій* вступилъ въ Константинополь Императоромъ.

Будучи отраженъ отъ Константинополя, Исламъ избралъ себѣ иной путь въ Европу—черезъ Африку. Аравитяне уже въ 647 году пытались изъ Египта проникнуть въ западную Африку и дошли до Триполиса. Подобное предпріятіе было бы невозможно для другаго народа; Аравитянинъ же въ Ливійскихъ степяхъ нашелъ природу своего отечества, и на своемъ верблюдѣ или быстромъ конѣ превозмогалъ всѣ трудности, которымъ подвергались Персы и предъ которыми трепетали Римскіе легіоны. Моавія, приглашенный Африканцами освободить ихъ отъ тяжкихъ притѣсненій Греческаго правительства, поручилъ своему полководцу Акбару завоеваніе Африки. Этотъ отважный воинъ проникъ до береговъ Атлантическаго Океана, но изъ всѣхъ завоеваній своихъ могъ удержать за собою только основанную имъ Аравійскую колонію—укрѣпленный городъ Кайрванъ въ Туниссской области; дальнѣйшіе успѣхи Аравійскаго оружія въ Африкѣ были остановлены крамолами, раздиравшими Магометанскій міръ по смерти Моавіи. Моавія назначилъ себѣ преемникомъ своего сына *Іезида I*, который, по смерти отца, въ 680 году и вступилъ на престолъ Пророка, но не былъ признанъ приверженцами Аліева Дома. Іездъ умеръ въ 683 году; его сынъ и наслѣдникъ, *Моавія II*, пережилъ его только однимъ мѣсяцемъ. Тогда возникло страшное несогласіе; приверженцы Оммайядскаго Дома избрали Калифомъ *Мервана I*, родственника Оммайядовъ, а въ Аравіи Калифомъ былъ признанъ *Абдаллахъ*, сынъ Цобайра. Мерванъ былъ убитъ въ сраженіи, въ 685 году; сынъ его *Абдолъ-Малекъ* тотчасъ занялъ его мѣсто. Въ

692 году завоеваніемъ Мекки и смертію Абдаллаха кончилась война. Когда Абдолъ-Малекъ признанъ былъ Калифомъ и въ Магометанскомъ мірѣ водворилось прежнее согласіе, тогда возобновленъ былъ и походъ противъ Африки, доселѣ наслаждавшейся миромъ. Намѣстникъ Египта, Гассанъ, получилъ приказаніе начать войну; ему позволено было распоряжаться доходами провинціи и 40,000 войска. Въ 694 году онъ устремился на Карѳагенъ, и хотя овладѣлъ этимъ городомъ, но при приближеніи Греческаго войска долженъ былъ снова оставить его. За то въ началѣ слѣдующаго года, взявши городъ вторично, онъ предалъ его пламени; послѣ этого втораго разрушенія, Карѳагенъ не возникалъ уже болѣе изъ своихъ развалинъ. При Утикѣ Гассанъ нанесъ Грекамъ рѣшительный ударъ, послѣ чего они бросились на корабли и отплыли, оставивъ непріятелямъ провинцію, защищать которую не имѣли уже силъ. Съ удаленіемъ Грековъ еще не кончилось завоеваніе Африки; нужно было обратить въ Исламъ Мавровъ или Берберовъ, а это было не легче покоренія ихъ силою оружія. Калифъ *Абдолъ-Малекъ* не дожилъ до этого: онъ умеръ въ 705 году. Обращеніе Мавровъ въ Исламизмъ, произведенное Музою съ сыномъ, совершилось при его преемникѣ Валидѣ I. Переходъ изъ Африки въ Испанію былъ такъ заманчивъ для Аравитянъ, что они не могли не воспользоваться представившимся къ тому удобнымъ случаемъ, особенно когда нашли себѣ между Вестготѳами друзей, которые облегчили для нихъ оный.

Вестготѳская монархія въ Испаніи съ самаго начала своего существованія заключала въ себѣ двѣ противоположности, которыя не позволяли развиться тамъ единству и силѣ: противоположность между Аріанизмомъ и Католицизмомъ, и послѣ преобладанія сего послѣдняго, противоположность между національнымъ характеромъ Вестготѳовъ и провинціяловъ. Пытались слить Вестготѳовъ и провинціяловъ въ одинъ народъ, но для

достиженія этого нужны были сильные короли и мирныя отношенія. Такѣ какъ Испаніи не доставало ни того, ни другаго, то предпринятое сліяніе этихъ двухъ различныхъ націй должно было болѣе разстроить монархію, чѣмъ скрѣпить ее неразрывными узами единства. Если мы представимъ себѣ положеніе государства, раздираемаго партіями, гдѣ вельможи отвыкли отъ строгой военной дисциплины и гдѣ народъ, угнетенный иноземными завоевателями, надѣялся получить облегченіе, а не увеличеніе лежавшаго на немъ бремени, то насъ не удивить быстрое паденіе Вестготѳскаго государства. Одно сраженіе доставило Аравитянамъ господство надъ Испаніею, между тѣмъ какъ Вестготѳы стѣснены были въ сѣверныхъ горахъ полуострова. *) Дальнѣйшему успѣху Аравійскаго оружія въ Европѣ воспрепятствовала побѣда Карла Мартела, одержанная при Турѣ, въ 732 году. Обширное Франкское государство, управляемое твердою рукою Каролинговъ, оставалось оплотомъ Христіанства противъ Ислама.

Съ той минуты, какъ Аравитяне овладѣли берегами сѣверной Африки, они стали устремлять свои алчные взоры на противолежащую Испанію. Тогдашній Испанскій король *Витица* чувствовалъ, что для спа-

*) Рядъ королей Вестготѳскихъ, бывшихъ послѣ Аларика, павшаго въ битвѣ съ Хлодвигомъ, былъ слѣдующій: *Амаларихъ* (507—531); *Тейдесъ* (—548); *Тейдискл* (—549): *Агила* (—554); *Атанагильдъ* (—567); *Лiува I* и *Леовигильдъ* вмѣстѣ до 572; потомъ одинъ послѣдній до 586; *Реккаредъ* (—601); *Лiува II* (—603); *Витерихъ* (—610); *Гундемаръ* (—612); *Сизебутъ* (—620); *Реккаредъ II* (—621); *Свинтила* (—631): *Сизенандъ* (—636); *Хинтила* (—640); *Тулга* (—641); *Хвинтазуинтъ* (—652); *Реккасуинтъ* (—672); *Вамба* (—680); *Ервигъ* (—687); *Егица* (—701); *Витица* (—710); *Родерикъ* (—711).

сепія Испаніи необходимо разомъ пресѣчь всѣ злоупотребленія, истощавшія силы государства. Но онъ поступалъ слишкомъ самовластно и жестоко, такъ что вооружилъ противъ себя большую часть духовенства и вельможъ. Когда онъ приказалъ ослѣпить одного изъ потомковъ прежнихъ Королей, герцога *Теодофрида*, боясь его притязаній, сынъ сего послѣдняго, Родерикъ, увлекаемый жаждою мести, принялъ начальство надъ противниками государя и въ 710 году провозглашенъ былъ Королемъ. Для Африканскихъ Аравитянъ, эта междоусобная война въ Испаніи была чрезвычайно пріятна. Витица былъ низверженъ и умеръ въ томъ же году, но вмѣстѣ съ нимъ не пала его партія; два сына его, Эба и Сизебутъ, отправились къ Музѣ, Аравійскому правителю Африки, но остались въ сношеніяхъ съ своею партіею въ Испаніи, главою которой былъ Севильскій Архіепископъ Оппасъ. Около того же времени, когда Аравитяне начали нападать на Вестготѳскую монархію, Родерикъ, по неосторожности, нанесъ смертельную обиду коменданту Цеуты, графу Юліану, въ рукахъ котораго находились какъ бы ключи ко всей Испаніи. Юліанъ перешелъ на сторону дѣтей Витицы и не только передалъ союзникамъ ихъ, Аравитянамъ, Цеуту, но и пригласилъ перейти въ Испанію. Муза, для испытанія своихъ новыхъ союзниковъ, отправилъ сперва въ Андалузію одного изъ своихъ полководцевъ, Тарифа. Магометанъ пристало къ берегу не больше 500 всадниковъ въ мѣсяцѣ Рамаданъ 91 года Гедширы (710). Юліанъ въ залогъ вѣрности сдалъ Аравитянамъ свой крѣпкій замокъ, который и понынѣ носитъ данное Аравитянами названіе *Алжезира*. Муза не замедлилъ послать туда сильное войско. Весною 711 года Аравійскій полководецъ Тарикъ присталъ къ Испанскимъ берегамъ, при мысѣ, получившемъ отъ него настоящее свое названіе *Гибралтара* (Gibel-al-Tarik), и когда къ нему присоединилась вся недовольная партія Вестготѳовъ, то при Хересъ-де-ла-Фронтера на Гвадалетѣ далъ онъ королю Родерику сраженіе: паденіе Родерика склонило побѣду на сторону Магометанъ. Этою побѣдою воспользовались они не для того, чтобы возвести на тронъ дѣтей Витицы, но чтобы за-

воевать Испанію для самихъ себя. Тарикъ быстро овладѣлъ Андалузіею, Гранадою и Мурціею; самъ Муза, соревнуя славѣ Тарика, перешелъ въ Испанію съ значительнымъ подкрѣпленіемъ и завоевалъ нынѣшнюю Португалію. Большая часть городовъ сдалась на капитуляціе, по которой жителямъ оставлено было ихъ судопроизводство и управленіе церковными дѣлами; они только должны были платить поголовную дань, не смѣли строить ни одной новой церкви и препятствовать переходу въ Исламъ. Съ городами, не хотѣвшими заключать договора, обошлись строже: они были населены Магометанскими колонистами и сдѣлались въ послѣдствіи главными мѣстами Аравійскаго могущества и образованія. Тѣ Вестготы, которые не хотѣли повиноваться новому порядку вещей, удалились въ сѣверныя части страны, въ нагорныя области Галицію, Астурію и Бискаію; здѣсь они удержали свою независимость и избрали себѣ новаго Короля Пелагія, одного изъ потомковъ древнихъ Королей. Аравитяне ввели въ Испаніи тотъ же образъ правленія, который вводили во всѣхъ покоренныхъ земляхъ; тогда тамъ начали процвѣтать торговля и земледѣліе, такъ что Испанія въ средніе вѣка принадлежала къ самымъ цвѣтущимъ, самымъ образованнымъ и благоустроеннымъ государствамъ всего свѣта. Но Муза не думалъ ограничиться завоеваніемъ одной Испаніи; онъ смотрѣлъ на покореніе этой земли какъ на начало покоренія всей Европы; какъ вдругъ среди этихъ смѣлыхъ замысловъ былъ отозванъ Калифомъ Валидомъ, которому внушена была недовѣрчивость къ нему. Пока Муза возвращался въ Дамаскъ, Валидъ умеръ; ему наслѣдовалъ въ 715 году Солиманъ, братъ его. Новый Калифъ не былъ расположенъ къ Музѣ, и сей послѣдній, вмѣсто награды за свои услуги, встрѣтилъ неблагодарность и наказаніе. Онъ былъ присужденъ къ публичному наказанію плетьми и къ денежной пени, которой не въ состояніи былъ заплатить; его сыновья были замѣшаны въ дѣло отца и тоже погибли. Преемники Музы въ Испаніи старались распространить Магометанское владычество за Пиренеями; они стали твердою ногою въ Септиманіи, завоевавъ въ 719 году Нарбонну. Меж-

ду Сарацинскими владѣніями и собственною Франкскою землею лежало герцогство Аквитанія, которое, хотя и наслаждалось независимостію подъ властію тогдашняго герцога Ейдона, но въ то же время было подвержено опасности съ двухъ сторонъ: съ одной ему угрожали Испанскіе Сарацины, съ другой Каролингъ, Карлъ Мартелъ, который боялся Ейдона, какъ потомка Меровингскаго дома. Будучи не въ силахъ противостать ни той ни другой сторонѣ, Ейдонъ долженъ былъ избрать одно изъ двухъ: или присоединиться къ Сарацинамъ, или вступить въ зависимость Каролинга. Сначала Ейдонъ склонился на сторону Сарациновъ, но когда въ 732 году Абдерраманъ, Аравійскій правитель Испаніи, проникъ за Пиренеи, то герцогъ Аквитанскій счелъ за лучшее обратиться къ Карлу. Онъ убѣжалъ при приближеніи непріятеля и, прибывъ въ Франкскій лагерь, далъ на будущее время Карлу обѣтъ ненарушимой вѣрности, съ условіемъ, чтобы сей послѣдній защитилъ его герцогство. Впрочемъ Карлъ для собственной защиты долженъ былъ уже помочь Аквитанскому герцогу, потому что Абдерраманъ быстро проникъ до Пуатье и повернулъ прямо на Туръ, намѣреваясь овладѣть сокровищами церкви Св. Мартина, обогащенной вкладами. Карлъ занялъ позицію между Туромъ и Пуатье; въ продолженіе семи дней стояли обѣ арміи одна противъ другой, и въ Октябрѣ 732 года завязалась битва. Франкское вооруженіе, твердая правильность рядовъ, ихъ сѣверная тѣлесная сила противопоставляли непреодолимую преграду бурнымъ нападеніямъ Сарациновъ. Франки сперва занимали оборонительную позицію и только тогда стали наступать, когда Аравитяне начали ослабѣвать, испуганные паденіемъ своего предводителя Абдеррамана. Ночью Сарацины оставили свой лагерь и бѣжали со всевозможною скоростью. Преслѣдовать ихъ Карлъ предоставилъ Ейдону, а самъ возвратился въ Австразію, не сознавая, можетъ быть, той важной услуги, которую оказалъ міру *). И дѣйствительно, въ современ-

*) Isidor. Chron. ap. Bouquet Tom II, p. 721. Roderic. Tolet. hist. Arab. cap. 14. Какъ эта битва изображалась, это видно изъ

ныхъ сказаніяхъ Франкскихъ лѣтописцевъ слегка упоминается о пораженіи Аравитянъ между Туромъ и Пуатье, какъ будто это было однимъ изъ обыкновенныхъ воинскихъ подвиговъ Карла. Только позднѣйшіе писатели оцѣнили важность опасности, угрожавшей Европейскому образованію, и оттого все съ большею подробностью стали изображать пораженіе, отвратившее ее. Съ каждымъ столѣтіемъ это событіе описывалось въ болѣе преувеличенномъ видѣ; подвиги, совершенные Карломъ и заслужившіе ему названіе «Мартелъ», изобрѣтены позднѣйшими писателями. Несомнѣнно только то, что побѣдою надъ Магометанами увеличилось значеніе Каролинговъ для Христіанства.

Между тѣмъ въ Магометанскомъ мірѣ воспламенилъ новую войну раздоръ, который еще въ степяхъ Аравіи разъединилъ Гашемидовъ и Оммайядовъ. Отрасль Гашемидовъ, происходящая отъ Абу-Талеба и носящая названіе Фатимидской, съ своими притязаніями и надеждами впала въ религіозный мистицисмъ. Приверженцы Гашемидовъ обратились къ потомкамъ Абуль-Аббаса, другаго дяди Пророка, и Аббасидамъ въ 750 году удалось низвергнуть Оммайядовъ съ престола Пророка. Одинъ только Оммайядъ Абдерраманъ успѣлъ уйти въ Испанію. Слѣдствіемъ его удаленія было нарушеніе единства въ Калифатѣ. Когда онъ въ Испаніи былъ принятъ и признанъ Калифомъ, то Аббасидскому Калифату противопоставленъ былъ Оммайядскій въ Испаніи. Съ этихъ поръ перестали взирать на политическое единство въ Магометанскомъ мірѣ, какъ на религіозную потребность.

Annal. Mett. ad. a 732 и также у Павла Діакона hist. Longob. lib. VI, cap. 46.

Оммайяды ни въ одной Магометанской землѣ, кромѣ Сиріи, не были искренно любимы и признаваемы; всѣ живо помнили, что Абу-Софіанъ долѣе и упорнѣе всѣхъ сопротивлялся Пророку, и что обращеніе его дома не было добровольное, но принужденное; всѣ помнили, что они достигли возвышенія не правымъ путемъ и что они могли утвердить за собою власть не иначе, какъ пролитіемъ благороднѣйшей и чистѣйшей крови Аравійской. При такомъ положеніи и направленіи умовъ, Калифъ Омаръ II, наслѣдовавшій Солиману въ 717 году, такъ сильно почувствовалъ затруднительное положеніе своего дома и несправедливость своихъ притязаній, что вознамѣрился уступить свое достоинство одному изъ Гашемидовъ. Его родственники воспротивились ему, и онъ былъ отравленъ въ 720 году. Теперь вступаютъ на престолъ братья Солимана, *Іезидъ II* (720—724) и *Гешамъ* (—743); оба подали поводъ своимъ противникамъ Гашемидамъ къ справедливымъ жалобамъ и безпокойствамъ: первый—своею изнѣженностью, послѣдній—своего скупостію. Съ злобною радостью взирали Гашемиды на то, какъ въ продолженіе одного года (743—744) три Калифа, *Валидъ II*, *Іезидъ III* и *Ибрагимъ* поперемѣнно низвергали другъ друга, и какъ наконецъ послѣдняго низвергнулъ съ престола Месопотамскій намѣстникъ Мерванъ, занявшій его мѣсто подъ именемъ Мервана II. Это несогласіе въ Оммайядской фамиліи было явнымъ признакомъ паденія ея могущества; и теперь настала минута для Гашемидовъ явно возстать противъ нихъ. Ибрагимъ, сынъ Магометова правнука Абуль-Аббаса, выступилъ главою Гашемидской партіи.

Аббассиды выбрали черный цвѣтъ для отличія отъ Оммайядовъ, которые имѣли и знамена, и чалмы бѣлаго цвѣта; весь Магометанскій міръ, отъ Инда до Атлантическаго Океана, раздѣлился на двѣ партіи и принялъ сторону или чернаго, или бѣлаго цвѣта. Между обѣими партіями, въ каждой землѣ, въ каждомъ городѣ, начались кровавыя распри. Хотя Ибрагимъ въ 748 г., во время своего путешествія въ Мекку, и былъ убитъ всадниками Мервана, но за то его два малолѣтніе брата, Абуль-Аббасъ и Альмансоръ, спас-

лись отъ преслѣдованій Оммайядовъ и до тѣхъ поръ скрывались въ Куфѣ, пока не подняли за себя почти всей Персіи. Въ 750 году Абуль-Аббасъ публично осмѣлился выступить въ достоинствѣ Калифа и совершить молитву въ Куфской мечети, въ качествѣ законнаго преемника Пророка. Оммайядскій намѣстникъ былъ изгнанъ, и Персія присягнула Аббассидскому Калифу. Мерванъ спѣшилъ съ сильнымъ войскомъ подавить возстаніе и встрѣтилъ противниковъ при рѣкѣ Цабъ. Долго не рѣшалась участь сраженія, пока Оммайядскій Калифъ не сошелъ съ коня, будучи побуждаемъ къ тому естественною нуждою. Между тѣмъ конь отвязался и въ испугѣ побѣжалъ по полю битвы; войско было встревожено мыслію, что Калифъ палъ, и обратилось въ бѣгство. Аббассиды выиграли побѣду; уже въ Апрѣлѣ 750 года развѣвалось черное знамя на стѣнахъ Дамаска. Мерванъ II, въ Августѣ этого же года, былъ убитъ въ Египтѣ, въ Бузирисѣ. Все, что только принадлежало къ Оммайядскому Дому, испытало тогда мщеніе Аббассидовъ, только одинъ Оммайядъ *Абдерраманъ-Бенъ-Моавія*, двадцатилѣтній юноша, спасся отъ преслѣдованій и поисковъ своихъ враговъ. Его несчастіе и его юношеская красота повсюду привлекали къ нему сострадательныя сердца; ему вездѣ оказывали помощь, и такимъ образомъ, въ своемъ бѣгствѣ въ Мавританскій городъ Тахартъ переходилъ онъ изъ одной земли въ другую. Отсюда его призвали Испанцы, которые положили отдѣлить свою землю отъ государства Калифовъ. Въ 755 году присталъ онъ къ берегамъ Испаніи съ 1000 солдатъ, набранныхъ изъ присоединившихся къ нему Африканскихъ племенъ, принявшихъ въ немъ участіе. Здѣсь онъ основалъ тронъ, независимый отъ Аббассидовъ. Хотя Гашемиды побѣдили враговъ и овладѣли престоломъ Пророка, но все же имя Али не переставало быть знаменемъ, около котораго собирались всѣ недовольные настоящими вѣрованіями. Какъ скоро появилась мысль, что раздѣленіе правовѣрныхъ на многія государства не противно религіи, то воспослѣдовало раздробленіе Калифата на многія отдѣльныя магометанскія государства;

а это раздробленіе въ особенности характеризуетъ времена правленія Аббассидскихъ Калифовъ.

Сколь слабымъ источникомъ умственнаго образованія былъ Исламъ для своихъ поборниковъ, ясно видно изъ мертваго механизма, въ кругу котораго съ самаго начала заключено было богословское образованіе и находящееся съ нимъ въ связи законовѣдѣніе Аравитянъ; все это было до того наполнено матеріяльными и формальными знаніями, что совершенно невозможно было вникнуть въ самую сущность этихъ наукъ. За то Магометанскій духъ съ большимъ рвеніемъ и счастіемъ обратился къ занятіямъ точными науками: медицина, математика чистая и прикладная и архитектура, занятыя Аравитянами у Грековъ, были обработаны ими съ тѣмъ бо́льшимъ успѣхомъ, что Оммайядскіе Калифы въ особенности старались о поддержаніи этого стремленія. Вскорѣ въ государствѣ Калифовъ самымъ превосходнымъ образомъ развился свойственный Аравійскому образованію элементъ — поэзія. Уже до временъ Магомета существовали священныя поэтическія произведенія, которыя сохранились посредствомъ письма. При ежегодномъ народномъ собраніи въ Меккѣ, гимны, которые обыкновенно писались на листахъ золотыми литерами, вѣшались въ храмѣ и назывались или *Моаллакатъ* (повѣшенные), или *Модагабатъ* (позолоченные). Чѣмъ богаче и разнообразнѣе становилась Аравійская жизнь, въ слѣдствіе завоеваній правовѣрныхъ, тѣмъ болѣе расширялась область ихъ поэзіи; Дамасскій Дворъ былъ наполненъ поэтами; импровизація была обык-

новеннымъ явленіемъ. Отъ каждаго образованнаго человѣка требовалось, чтобы онъ могъ стихами выражать свои чувствованія, и въ числѣ Калифовъ были знаменитые стихотворцы; особенно прославились Али и Іезидъ I.

Мы оставляемъ теперь Магометанскій міръ, грозно стоявшій противъ Христіанскаго вдоль береговъ Средиземнаго Моря и уже достигшій Пиренеевъ. Обратимъ теперь наше вниманіе на Западъ. Въ нѣдрахъ Христіанскаго Европейскаго міра возникло несогласіе, имѣвшее весьма важныя слѣдствія, именно: иконоборство въ Константинополѣ подало Папамъ поводъ отдѣлиться отъ Греческой имперіи; но, находясь въ беззащитномъ положеніи, они прибѣгли къ покровительству Франковъ, и королей ихъ вѣнчали короною западныхъ императоровъ. Съ этихъ поръ произошелъ разрывъ между Западною и Восточною имперіями и между Римскою и Греческою Церковью. Иконоборство, подавшее поводъ къ этому ходу дѣлъ, произошло отъ стремленія Императора Льва III, уничтоженіемъ иконопочитанія обратить въ Христіанство Магометанъ и Іудеевъ, жившихъ въ его имперіи. Хотя его сыну и наслѣднику, Константину V, канонически церковнымъ закономъ удалось уничтожить иконопочитаніе, но не возможно было отмѣнить обычай, глубоко укоренившійся въ Греческомъ духѣ; оттого теперь, въ противуположность партіи приверженной къ императорамъ и называемой *Εἰκονοκλάσται*, образовалась другая непріязненная партія *Εἰκονολάτραι* *).

*) Fr. Chr. Schlossers Geschichte der bilderstürmenden Kaiser des Oströmischen Reiches. Frankfurt a. M. 1812, 8.

Выше было уже сказано, что въ 717 году вступилъ на Византійскій престолъ мужественный Императоръ Левъ III Исаврієцъ. Казалось, съ его правленія начнется періодъ счастія и благосостоянія для Византійской Имперіи. Къ сожалѣнію, онъ началъ преслѣдовать иконопочитателей и къ уничтоженію ихъ напрягалъ силы свои. Не обращая вниманія на противорѣчіе достойнѣйшихъ и ученѣйшихъ духовныхъ лицъ, Левъ въ 726 году, въ такъ называемомъ *Силенціумѣ*, т. е. собраніи свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ, объявилъ отмѣненіе иконопочитанія. Огорченный сопротивленіемъ, оказаннымъ особенно монахами, онъ началъ поступать въ этомъ дѣлѣ, какъ самовластный государь; въ первомъ эдиктѣ онъ только совѣтовалъ, но въ эдиктѣ 728 года уже приказывалъ выносить изъ церквей всѣ изображенія ангеловъ, святыхъ и мучениковъ. Патріархъ Германъ отказался подписать этотъ эдиктъ и въ 730 году самъ сложилъ съ себя свой санъ. Новый Патріархъ Анастасій сталъ угождать Императору, и эдикты противъ иконопочитанія выходили уже съ утвержденіемъ духовенства. Но всѣми этими мѣрами нельзя было отклонить сопротивленія; хотя оно и было подавлено въ столицѣ военною силою, за то тѣмъ сильнѣе разгорѣлось въ отдаленныхъ провинціяхъ. Въ Италіи Римскія и Венеціанскія области отложились отъ Императора и присоединились къ Папѣ; равнымъ образомъ императорскіе эдикты слабо исполнялись и въ прочихъ провинціяхъ: монахъ Іоаннъ Дамаскинъ въ своихъ сочиненіяхъ, принятыхъ съ восторгомъ, взялъ на себя обязанность защитника иконъ и утверждалъ, что Императоръ присвоилъ себѣ власть, которая ему вовсе не прилична *). Къ концу правленія

*) Іоаннъ Дамаскинъ писалъ Λόγοι ἀπολογητικοὶ πρὸς τοὺς διαβάλλοντας τὰς ἁγίας εἰκόνας (op. ed. Le Quien, T. I. p. 305 sqq.): въ этомъ сочиненіи онъ говорятъ: ὑπείκομεν σοὶ, ὦ βασιλεῦ, ἐν τοῖς κατὰ τὸν βίον πράγμασιν, φόροις, τέλεσι, δοσιληψίαις, ἐν οἷς σοὶ τὰ καθ' ἡμᾶς ἐγκεχειρίσται, ἐν δὲ τῇ ἐκκλησιαστικῇ καταστάσει ἔχομεν τοὺς ποιμένας, τοὺς λαλήσαντας ἡμῖν τὸν λόγον καὶ τυπώσαντας τὴν ἐκκλησιαστκὴν θεσμοθεσίαν. (т. е. Царь, мы повинуемся тебѣ во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ, въ уплатѣ налоговъ, пошлинъ, податей, относительно чего мы совершенно вручены тебѣ, что же ка-

Льва, землетрясеніе, обратившее въ груды развалинъ многіе города Азіи и также часть Константинополя, подало поводъ врагамъ Императора представить это несчастіе, какъ слѣдствіе гнѣва Божія за иконоборство. Народъ съ тѣмъ бо́льшею готовностью принялъ такое объясненіе постигшаго его бѣдствія, чѣмъ неохотнѣе платилъ вновь наложенныя подати, необходимыя для возобновленія зданій. Левъ своими мѣрами произвелъ только то, что въ его царствѣ образовались двѣ партіи εἰκονολάτραι, и εἰκονοκλάσται, (иконопочитателей и иконоборцевъ). Изъ чтителей иконъ составилась столь сильная партія, что она могла даже имѣть замыслы о возведеніи на престолъ одного изъ своихъ приверженцевъ. Когда въ 741 году Константинъ V Копронимъ наслѣдовалъ отцу въ правленіи и держался его основныхъ положеній, касательно иконоборства, то чтители иконъ противопоставили новому Императору шурина его Артавазда; изъ четырехъ Византійскихъ армій, разставленныхъ по квартирамъ въ Азіи, только двѣ остались вѣрными Императору, остальныя же перешли на сторону бунтовщика. Константинополь также принялъ сторону послѣдняго и Патріархъ Анастасій объявилъ себя за иконы, слѣдовательно противъ Императора-иконоборца. Не смотря на то, что перевѣсъ находился на сторонѣ Артавазда, Константинъ побѣдилъ его превосходствомъ ума и воинскаго таланта. При Сардахъ, въ 743 году, онъ въ первый разъ разбилъ Артавазда, и вскорѣ послѣ того Артаваздовъ сынъ Никита испыталъ ту же участь при Анкирѣ; тотчасъ послѣ этой побѣды Константинъ явился предъ стѣнами Константинополя. Хотя его надежда войти въ городъ съ помощью своихъ приверженцевъ и была уничтожена бдительностью противника, но и сей послѣдній былъ обольщенъ ожиданіемъ освобожденія. Никита, составившій изъ остатковъ своей партіи новое войско и спѣшившій на помощь Константинополю, былъ отраженъ Константиномъ, и въ Октябрѣ не только раз-

сается до церковнаго устава, то мы имѣемъ пастырей, проповѣдующихъ намъ Слово Божіе и утвердившихъ церковное законоположеніе.)

бить, но и полоненъ при Никомедіи. 2 Ноября 743 г. Константинъ взялъ городъ штурмомъ. Бѣжавшій Артаваздъ былъ настигнутъ и схваченъ, и подвергся участи, равной съ своимъ сыномъ, — онъ былъ ослѣпленъ. Константинъ остался вѣренъ своимъ основнымъ положеніямъ касательно иконъ, тѣмъ болѣе, что въ почитателяхъ ихъ страшился политической ему непріязненной партіи; но минувшія опасности заставили его быть болѣе осторожнымъ. Онъ оставилъ Патріарха Анастасія на его мѣстѣ, подвергнувъ только постыдному наказанію; медлилъ исполненіемъ своихъ плановъ до тѣхъ поръ, пока не водворилъ спокойствія въ потрясенномъ государствѣ и не обезопасилъ престола для себя и своей фамиліи. Съ крайнею осмотрительностью и умѣренностью началъ онъ уничтожать иконы и то лишь тогда, когда успѣлъ снискать себѣ приверженность и вѣрность своего войска во время счастливой войны съ Сарацинами, и когда новорожденный сынъ его былъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Въ 753 году онъ открывалъ нѣсколько силенціумовъ, гдѣ положено было возобновить и опредѣлить точнѣе прежнія постановленія противъ иконъ. Въ то же время старался онъ ввести эти постановленія во всемъ государствѣ, такъ что они появились сперва въ тѣхъ провинціяхъ, правители которыхъ были ему преданы. Скоро послѣ того Патріархъ Анастасій умеръ, и упраздненіе высокаго духовнаго сана въ государствѣ, при честолюбивыхъ видахъ Епископовъ на Патріаршій престолъ, послужило Константину средствомъ сдѣлать ихъ уступчивѣе въ отношеніи къ его цѣли. Теперь ясно было, что при выборѣ новаго Патріарха Императоръ будетъ соображаться съ бо́льшимъ или меньшимъ рвеніемъ, съ какимъ избираемое лице поддерживало его завѣтные планы. Онъ могъ надѣяться на то, что иконопоклоненіе будетъ уничтожено церковнымъ закономъ, и дѣйствительно, въ 754 году, на соборѣ въ Константинополѣ иконопочитаніе было уничтожено. Опираясь на это рѣшеніе, Императоръ приказалъ вынести изъ церквей образа, но только со всевозможною бережливостью, потому что онъ уважалъ ихъ, какъ произведенія искусства. На послѣднемъ духов-

помъ собраніи Константинъ избралъ Патріархомъ Епископа Силейскаго Константина.

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ иконоборства было отдѣленіе Папъ отъ Византійской Имперіи. Но оттого Римъ подвергся опасности сдѣлаться добычею Лонгобардовъ, которые старались воспользоваться его беззащитнымъ и уединеннымъ положеніемъ. Къ счастію Папы, положеніе дѣлъ Франковъ доставило ему защиту этой могущественной націи противъ грозныхъ нападеній Лонгобардовъ; Каролингской фамиліи нужны были Папскій санъ и авторитетъ для утвержденія похищенной власти; съ другой стороны и Папа нуждался въ помощи Каролинговъ для утвержденія своей самостоятельности. Съ того времени, какъ сынъ Карла Мартела, Пиппинъ Короткій, получивъ Папское разрѣшеніе, низложилъ съ престола послѣдняго Меровинга Хильдериха III и самъ овладѣлъ Франкскою короною, заключенъ былъ важный союзъ, привязавшій Каролингскую династію къ престолу Св. Петра.

Лишь только иконоборство показалось въ Константинополѣ, какъ Римъ отказался повиноваться Императору еретику и ввѣрился управленію Папы. *Григорій II* (715—731) былъ первый Папа, управлявшій Римомъ независимо отъ императорскихъ чиновниковъ. Преемникъ его, Григорій III, утвердился на престолѣ, и Римляне подчинились своимъ верховнымъ пастырямъ съ чрезвычайнымъ энтузіасмомъ, потому что питали отвращеніе къ иконокластамъ и сверхъ того получили отъ Папы облегченіе податей. Но въ тоже время открылись и невыгоды: сперва Византійское правительство возложило запрещеніе на владѣнія Римской Церкви въ Сициліи и Нижней Италіи, потомъ Лонгобарды пытались овладѣть Римомъ. Въ правле-

ніе Гримоальда, овладѣвшаго королевскою властью въ 664 г., Лонгобардское государство было совершенно католическимъ; по смерти его, въ 671 году, возвратилась изгнанная имъ прежде царствовавшая фамилія, и это возвращеніе было поводомъ къ цѣлому ряду похитителей и войнъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ то, что герцоги становились все болѣе и болѣе независимыми отъ королей. Наконецъ Лунтпрандъ, сынъ Анспранда, въ 713 году сдѣлался Королемъ. Этотъ мужественный Государь водворилъ въ государствѣ порядокъ и тишину. Лунтпрандъ воспользовался отпаденіемъ Италіи отъ Византійской Имперіи, для пріобрѣтенія новыхъ областей и городовъ. Сначала онъ имѣлъ интересы общіе съ Папою; но скоро, по охотѣ къ завоеваніямъ, Лонгобарды обратились и на самый Римъ. Папа боялся, что принужденъ будетъ уступить Лонгобардамъ и сдѣлаться не болѣе какъ Епископомъ Лонгобардскаго государства, между тѣмъ какъ въ это самое время онъ, съ помощію Бонифація, успѣлъ привязать къ своему престолу народы Германіи. Въ такой бѣдѣ, Григорій III, въ 739 г., обратился съ убѣдительною просьбою о помощи къ Карлу Мартелу. Сей послѣдній стерва хотѣлъ быть только посредникомъ; и дѣйствительно, его переговоры произвели на Лонгобардовъ такое сильное впечатлѣніе, что они обѣщали прекратить свои нападенія на Римъ. Но они не сдержали своего обѣщанія, и Папа въ 740 году вторично просилъ помощи у Карла. Онъ обѣщалъ Карлу консульство, слѣдовательно свѣтскую охранительную власть надъ Римомъ, и прислалъ ему также ключи отъ гроба Св. Петра и цѣпи, въ которыя былъ закованъ этотъ апостолъ. Прежде нежели Карлъ могъ склониться на такія блистательныя предложенія, онъ заболѣлъ и умеръ, 21 Октября 741 года. Карлъ съ 737 года правилъ государствомъ, не возводя на престолъ никого изъ Меровинговъ, и его власть была такъ сильна, что онъ предъ смертію могъ раздѣлить между своими сыновьями государство, какъ наслѣдственное владѣніе. Надобно было ожидать, что дѣти Карла, принявъ правленіе въ то время, когда не было Короля, не только не возведутъ на престолъ Меровин-

га, но еще сами примутъ королевскій титулъ; но тотчасъ по смерти Карла въ нѣдрахъ Каролингской фамиліи начались раздоры; многочисленные враги новаго господствующаго рода воспользовались этими раздорами, дабы еще разъ сдѣлать попытку низвергнуть его. Въ ту минуту, когда ближе всего стояли къ трону, Каролинги должны были еще разъ низойти, уступить одному изъ Меровинговъ и сражаться за свое политическое существованіе. Карлъ Мартелъ отъ своей первой супруги имѣлъ двухъ сыновей, Карломана и Пипина Короткаго, отъ второй же одного сына, Грифона. Мать послѣдняго выхлопотала также и ему участокъ въ государствѣ. Когда Карломанъ получилъ Австразію, Пипинъ Нейстрію, Грифону назначенъ былъ небольшой участокъ между владѣніями обоихъ братьевъ. При жизни Карла, его старшіе сыновья не выходили изъ повиновенія, но лишь только онъ умеръ, они уничтожили распоряженіе касательно Грифона и раздѣлили государство снова, а Грифона съ матерью держали въ заточеніи. Въ слѣдствіе такого фамильнаго раздора поднялась вся партія, противная Каролингамъ, такъ что оба брата, страшась за безопасность своего могущества, въ 742 году возвели на престолъ новаго Меровингскаго короля, Хильдериха III. И дѣйствительно, теперь Каролингскому Дому было оказано не малое сопротивленіе; приверженцы плѣннаго Грифона вступили въ союзъ съ Одилономъ, герцогомъ Баварскимъ, и Гуноальдомъ, герцогомъ Аквитанскимъ, который наслѣдовалъ своему отцу Ейдону, въ 735 году. — Такимъ образомъ братья-Каролинги подверглись опасности внутренней и внѣшней. Они уничтожили замыслы своихъ противниковъ, быстро выступивъ противъ нихъ. Сперва они разбили Баварскаго герцога Одилона при Лехѣ и принудили его покориться; потомъ напали на Аквитанскаго герцога Гуноальда, который во время ихъ пребыванія въ Баваріи предпринялъ опустошительный походъ за Лоару, и принудили его вступить въ прежнюю зависимость. Гаттонъ, родной братъ Гуноальда, кажется, помогалъ Франкамъ; по крайней мѣрѣ извѣстно то, что Гуноальдъ, тотчасъ по удаленіи Франковъ, приказалъ ослѣпить своего брата.

Этотъ поступокъ точилъ его совѣсть подобно червю, и для успокоенія ея онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ постригся. Вмѣсто его, съ согласія братьевъ Каролинговъ, сталъ править его храбрый сынъ Вейфаръ. Старшій изъ Каролинговъ, также наскучивъ міромъ, пошелъ искать въ монастырѣ покоя и уединенія. Въ 747 году онъ передалъ правленіе Пипину и, принявши постригъ отъ Папы Захарія, удалился сперва въ монастырь на горѣ Зоракте, откуда потомъ перешелъ въ обитель Монтекассино, гдѣ и прожилъ до 754 года. Кажется, его сынъ Дрогонъ умеръ въ дѣтствѣ, потому что въ послѣдствіи о немъ болѣе не упоминаютъ. Теперь одинъ Грифонъ съ своими притязаніями остался противникомъ единодержавія Пипина, который тщетно старался склонить его на свою сторону довѣрчивостью, давши ему свободу и щедро надѣливши его. Грифонъ пересталъ возбуждать на брата враговъ и нарушать спокойствіе только послѣ того, какъ былъ убитъ въ 750 году. Смертію его устранено было послѣднее препятствіе, удалявшее Каролинговъ отъ престола. Теперь, когда Пипинъ остался одинъ и былъ обезпеченъ преданностію духовенства, вельможъ и всего народа, когда онъ могъ успокоить свою совѣсть—теперь первымъ шагомъ Пипина было вступленіе на престолъ. Но для успокоенія народа и искорененія предразсудка, что только одинъ изъ Меровинговъ можетъ быть законнымъ королемъ Франковъ, Пипинъ обратился къ Папѣ, потому что утвержденіе послѣдняго въ глазахъ народа должно было, какъ кажется, отвратить ненависть къ похищенію престола Пипиномъ. Дѣйствительно, труды Св. Бонифація и его помощниковъ много содѣйствовали къ распространенію всеобщаго вѣрованія, что воля Неба возвѣщается чрезъ намѣстника Св. Петра. Тогда Пипинъ послалъ своего любимца Фольрада, Сенденисскаго аббата, и Бурхарда, Епископа Вирцбургскаго, и приказалъ имъ спросить Папу Захарія: что согласнѣе съ волею Неба: чтобъ тотъ носилъ титулъ королевскій, кто ничего не дѣлаетъ, или чтобъ престолъ принадлежалъ тому, кто на самомъ дѣлѣ исполняетъ королевскія обязанности? Когда Папа, въ 752 году, отвѣчалъ въ пользу послѣдняго вопроса,

и когда отвѣтъ этотъ былъ возвѣщенъ собравшемуся въ Соассонѣ народу и одобренъ имъ, тогда Св. Бонифацій чрезъ помазаніе и Христіанское благословеніе посвятилъ короля Пипина; послѣдній Меровингъ, Хильдерихъ III, былъ постриженъ и заключенъ въ монастырь Св. Бертина *). Оттого что Каролингская династія проложила себѣ путь къ престолу при содѣйствіи Церкви и достигла короны не столько по волѣ народа, сколько по повелѣнію Божію, въ устройство Франкскаго государства вошло новое правило. При коронованіи Пипина въ первый разъ введенъ былъ обрядъ помазанія, заимствованный изъ Ветхаго Завѣта; въ первый разъ Государь сталъ почитаться какъ помазанникъ Божій, признанный и утвержденный Небомъ. Съ этихъ поръ Короли начали писать: Dei Gratia, Божіею Милостію; это не какая нибудь канцелярская форма; но этимъ указывалось на источникъ, изъ котораго проистекаетъ ихъ право.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ восшествія на престолъ Пипина было рѣшительное вмѣшательство Франковъ въ дѣла Италіи. За услугу, оказанную Папою, Пипинъ отплатилъ ему важнѣйшею, защитивъ его отъ Лонгобардовъ. Лонгобардское государство было въ зависимости отъ Франкскаго, въ то время, когда Папа *по дару* Пипина сдѣлался владѣтельнымъ княземъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ титулъ патриція и соединенную съ нимъ охранительную власть надъ Римомъ,

*) Единственное современное сказаніе о возвышеніи Пипина находится у Фредегарія (cont. III. 113). Онъ говоритъ, что видѣлъ, когда привезено было Папское согласіе на утвержденіе въ королевскомъ достоинствѣ Пипина и его супруги Бертрады при всеобщемъ одобреніи Франковъ. Слѣдующее поколѣніе полагаетъ, что Пипинъ и его династія обязаны своею короною единственно Папѣ; «Zacharias per auctoritatem apostolicam jussit Pipinum regem fieri» есть выраженіе большей части хроникъ, написанныхъ при Карлѣ Великомъ, или вскорѣ послѣ его смерти.

Пиппинъ и его фамилія надолго были привязаны къ Римскому престолу.

Съ 740 года, когда Папа обратился къ Карлу Мартелу, но не получилъ обѣщанной помощи, по причинѣ его смерти, онъ съ трудомъ держался противъ Лонгобардовъ. Къ счастію Папскаго престола, по смерти Луитпранда, въ 744 г., его внукъ и соправитель Гильдебрантъ тотчасъ былъ изгнанъ, и на Лонгобардскій престолъ взошелъ набожный Рахисъ. Во все продолженіе его правленія Римъ наслаждался спокойствіемъ; но когда, въ 749 году, онъ пошелъ въ монастырь, то его преемникъ Айстульфъ тотчасъ возобновилъ прежнія притѣсненія. Для списканія защиты противъ Лонгобардовъ, преемникъ Захарія, Стефанъ III, рѣшился лично отправиться къ Франкскому Двору. По своемъ прибытіи, въ 753 году, нашелъ онъ у Короля и вельможъ самый почетный пріемъ. Папа пробылъ во Франкскомъ государствѣ всю зиму съ 753 года по 754 годъ; онъ воспользовался этимъ временемъ для того, чтобы еще разъ короновать самого Пиппина и его сыновей Карла и Карломана; вскорѣ онъ наименовалъ Короля Римскимъ патриціемъ, дабы тѣмъ на долгое время привязать его къ интересамъ Церкви, защищеніе которыхъ Пиппинъ принялъ на себя съ этимъ титуломъ: весною 754 года Франкскимъ войскомъ и народнымъ собраніемъ былъ опредѣленъ походъ противъ Лонгобардовъ и немедленно предпринятъ въ сопровожденіи Папы. Лонгобарды были слишкомъ слабы для сопротивленія Франкамъ на открытомъ полѣ; вся ихъ надежда основывалась на защитѣ Альпійскихъ проходовъ, посему, когда они не могли удержать ихъ за собою, война скоро кончилась. Айстульфъ былъ принужденъ покориться строгимъ условіямъ: онъ долженъ былъ вознаградить Пиппина за военные убытки, долженъ былъ обѣщать ежегодную дань и прежде всего возвратить завоеванныя земли. Онѣ не были возвращены Греческому Императору, но должны были составлять участокъ Папскаго престола; Папа успѣлъ убѣдить Короля Пиппина, что все, составлявшее собственность Греческой Имперіи и въ послѣднее время

завоеванное Лонгобардами, было достояніемъ Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. Послѣ этого Пиппинъ приказалъ передать завоеванныя земли Апостоламъ, или, что все равно, Папѣ *). Но полученіе сего подарка не было еще сопряжено съ владѣніемъ этими землями; Лонгобарды должны были сперва отдать ихъ, и прежняя сильная и непримиримая вражда между ними и Римлянами теперь увеличилась еще болѣе отъ Пиппинова подарка. Лонгобарды принимали этотъ подарокъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, Римляне въ самомъ обширномъ, и, по причинѣ столкновенія интересовъ, Лонгобарды стали снова въ непріязненное положеніе къ Риму. Папа опять обратился къ Франкамъ и умолялъ о помощи въ жалостныхъ выраженіяхъ **). Хотя Пиппинъ съ уваженіемъ поддерживалъ просьбу Папы, однако въ этотъ разъ Франки не съ такою готовностію какъ прежде изъявили согласіе на походъ за Альпы. Пиппину было очень трудно уничтожить противорѣчіе вельможъ, имѣвшихъ вліяніе въ государствѣ. Въ 756 году Франкское войско, чрезъ гору Ценисъ, снова вторгнулось въ Италію, и лишь только появились тамъ Франки, война была уже рѣшена. Айстульфъ долженъ былъ, для поддержанія мира, согласиться на условія, которыя были еще строже первыхъ: онъ долженъ былъ немедленно уступить Папѣ все подаренное Пиппиномъ и признать себя зависимымъ отъ Франковъ. Тщетно Греческій Императоръ Константинъ V старался возвратить себѣ Итальянскія области и до того унизился, что даже сватался за своего сына Льва Гислу, дочь Пиппина; Папа

*) Annales Mettenses ad a. 754 такъ говорятъ объ этомъ дарѣ; Pippinus vero accepta benedictione domini Apostolici in pace cum abire permisit, *tradens ei Ravennam, Pentapolim, Narnias et Cecanum* et quidquid in illis partibus continebatur. Кромѣ этого о дарѣ Пиппиновомъ упоминается въ письмахъ Каролинговъ, и слѣдовательно, это свидѣтельство имѣетъ достаточную достовѣрность.

**) Адресъ письма былъ слѣдующій: Dominis excellentissimis Pippino, Carolo et Carolomano, tribus regibus et nostris Romanorum Patriciis, seu omnibus Episcopis, abbatibus, presbyteris et monachis, seu gloriosis ducibus, comitibus vel cuncto exercitui regni et provinciae Francorum.

умѣлъ воспрепятствовать этому дѣлу. Послѣднее посольство, по этому случаю отправленное къ Пиппину Константиномъ въ 757 г., еще замѣчательно тѣмъ, что оно, между прочими дарами, привезло органъ, который Франки услышали въ первый разъ. Вѣроятно спокойствіе Италіи было бы не продолжительно, если бы Айстульфъ прожилъ еще хотя нѣсколько лѣтъ; но онъ, упавъ съ лошади, умеръ въ томъ же году, въ которомъ долженъ былъ смириться. Теперь и Папа, и Франкскій Король имѣли вліяніе на Лонгобардскій престолъ. Герцогъ Тусскій *Дезидерій* обѣщалъ Папѣ дружественное сосѣдство и получилъ Лонгобардскую корону по смерти Айстульфа. Съ этихъ поръ начались дружескія отношенія между Лонгобардами, Папою и Франками. Король Дезидерій условился съ Королемъ Пиппиномъ на взаимный бракъ между дѣтьми; сынъ Аделгисъ долженъ былъ жениться на Пиппиновой дочери и сынъ Пиппина Карлъ на дочери Дезидерія. И дѣйствительно совершенъ былъ бракъ Карла съ Дезидератою, дочерью Дезидерія, хотя Папа всѣми силами старался воспрепятствовать этому союзу. Франкская коммиссія, вмѣстѣ съ Папскими и Дезидеріевыми депутатами, привела въ порядокъ всѣ спорные пункты; такимъ образомъ, въ 760 году, положено было основаніе прочному миру, который не былъ нарушенъ во всю жизнь Пиппина. Свободнымъ же временемъ Пиппинъ воспользовался для покоренія Аквитаніи. Война началась въ слѣдствіе того, что Герцогъ этой земли не хотѣлъ исполнить требованій Пиппина. Въ продолженіе восьми лѣтъ (760–768) Вейфаръ оказывалъ мужественное сопротивленіе, но долженъ былъ уступить превосходству силъ противника; въ 768 году, во время бѣгства своего за Пиренеи, былъ онъ схваченъ и убитъ по приказанію Пиппина. Сей послѣдній въ этомъ походѣ сильно занемогъ и, почувствовавъ приближеніе смерти, сдѣлалъ распоряженіе на будущее время. Онъ призвалъ къ себѣ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и съ ихъ согласія раздѣлилъ государство между двумя своими сыновьями Карломъ и Карломаномъ. Послѣ чего онъ умеръ, 24 Сентября 768 года, на 54 году отъ рожденія.

Въ Исторіи рѣдки примѣры, чтобы четыре мужа слѣдовали одинъ за другимъ на одномъ и томъ же поприщѣ, и чтобы каждый изъ нихъ продолжалъ начатое своимъ предшественникомъ. Это случилось однако же при первыхъ четырехъ Каролингахъ, начиная съ Пипина Геристальскаго. При *Карлѣ Великомъ*, принятая Каролингами система достигла окончательнаго совершенства *). Какъ прежде Карлъ Мартелъ долженъ былъ бороться съ фамильными раздорами и потомъ сынъ его Пипинъ, такъ и теперь Карлъ Великій, сдѣлавшись единодержавнымъ Государемъ Франковъ, долженъ былъ испытать семейные раздоры, прежде нежели могъ выказать свои таланты.

Сначала Карлъ Великій царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Карломаномъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, оба брата должны были подавить возстаніе въ Аквитаніи, гдѣ Гуноальдъ, проживши 25

*) Чѣмъ важнѣе и необходимѣе Исторія Карла Великаго, тѣмъ пріятнѣе для насъ, что мы имѣемъ для нея подробные и вѣрные источники. Этимъ мы обязаны стараніямъ Карла, какія онъ прилагалъ къ обученію своего народа. Первое мѣсто, между монографами Карла Великаго, занимаетъ небольшое сочиненіе Эйнгарда или Егингарда «*De vita et conversatione Caroli Magni*», написанное по образцу и стилю Светонія и заключающее въ себѣ драгоцѣннѣйшія извѣстія объ общественной и частной жизни Карла. Для дополненія могутъ служить: *Monachi Egolismensis* vita Caroli Magni (ap. Du Chesne. T. II. Bouquet T. V.) и *Monachi Sangallensis* de vita et gestis Caroli Magni libri II (ap. Pertz monum. T. II.) Изъ хроникъ въ особенности важны лѣтописи Эйнгарда, Annales Mettenses, Annales Fuldenses и Annales Sancti Bertini. Составители этихъ лѣтописей были не одни монахи, которые рѣдко выходили за стѣны монастырскіе, но также люди, жившіе въ мірѣ и раздѣлявшіе труды съ Карломъ. Также сохранилось богатое сокровище извлеченій изъ писемъ и законовъ временъ Карла Великаго. Новыя біографіи Карла Великаго написаны Д. Г. Гегевишемъ, 1791, in-8; Г. К. Диппольтомъ, 1810, in-8; Г. Г. Бредовымъ, 1814, in-8. Можно найти дополненія къ этому въ «жизни Алкуина», изданной мною въ 1829. in-8.

лѣтъ въ монастырѣ, снова принялъ герцогскій титулъ. Во время похода въ Аквитанію, въ 769 году, обнаружился раздоръ между братьями. Карломанъ оставилъ своего брата на дорогѣ и удалился съ своимъ войскомъ; Карлъ уже въ этомъ случаѣ показалъ свой твердый духъ. Не смотря на малочисленность своего войска, онъ вторгается въ Аквитанію, разбиваетъ герцога Гуноальда, загоняетъ его въ горы и успокоивается только тогда, когда послѣдній попадается въ руки его. Война была кончена, но не кончился еще болѣе усилившійся раздоръ между братьями; ненависть Карломана тѣмъ болѣе увеличивалась, чѣмъ счастливѣе было предпріятіе Карла. Съ каждымъ мгновеніемъ нужно было ожидать, что раздоръ между братьями превратится въ явную войну; но мать заблаговременно стала между ними посредницею, и ей-то удалось, въ 770 году, съ помощію Папы возстановить дружественныя отношенія между братьями. Это согласіе не было бы продолжительно, если бы Карломанъ не умеръ 6 Декабря 771 года. Такъ какъ его дѣти были несовершеннолѣтни и слѣдовательно не могли управлять государствомъ, то Карлъ Великій былъ провозглашенъ Королемъ также и въ участкѣ Карломана; вдова послѣдняго съ дѣтьми удалилась къ Лонгобардскому Королю Дезидерію.

Защита, оказанная Дезидеріемъ дѣтямъ Карломана, была причиною непріязненныхъ отношеній Лонгобардовъ къ Карлу. Въ 773 году Карлъ перешелъ чрезъ Альпы и завоеваніемъ Вероны и Павіи, въ 774 году, положилъ конецъ самостоятельности Лонгобардскаго государства. Тщетны были всѣ попытки возстановить его; Тассилонъ, Герцогъ Баварскій, принявшій участіе въ этомъ дѣлѣ, палъ вмѣстѣ съ Лонгобардскимъ царствующимъ домомъ и *Баварія, равно какъ Лонгобардская Италія присоединены были къ Франкскому государству.*

Изъ бѣгства вдовы Карломана къ Дезидерію, можно заключить уже о непріязненныхъ отношеніяхъ послѣдняго къ Карлу Великому; и дѣйствительно они существовали еще съ того времени, когда Карлъ отвергъ свою супругу, дочь Дезидерія, и отослалъ ее къ отцу. Король Лонгобардскій былъ глубоко оскорбленъ этимъ поступкомъ и пылалъ мщеніемъ; оттого дѣти Карломана не только нашли у него пріемъ и покровительство, но и защиту своихъ правъ на Франкскій престолъ. Дезидерій предложилъ Папѣ Адріану I, наслѣдовавшему престолъ Св. Петра въ 772 году, по смерти Стефана, короновать дѣтей Карломана. Когда Адріанъ отвергъ такое предложеніе, то снова начались непріязненныя отношенія Лонгобардовъ къ Риму, и, чтобы избавить Папу отъ ихъ притѣсненій, Карлъ осенью 773 года поспѣшилъ ему на помощь. Лишь только Франки успѣли зайти въ тылъ Лонгобардамъ, занявшимъ Альпійскіе проходы, какъ война была уже рѣшена; вся трудность состояла теперь въ осадѣ Павіи, гдѣ находился самъ Дезидерій, и въ осадѣ Вероны, куда бросился Аделгисъ, сынъ Дезидерія. Этотъ послѣдній городъ, куда удалилась также вдова Карломана съ дѣтьми своими, не могъ держаться; послѣ того, какъ Аделгисъ ушелъ оттуда и сѣлъ на корабль въ Пизѣ, съ тѣмъ, чтобы уѣхать въ Константинополь, Верона должна была отворить ворота Франкамъ. Дѣти Карломана попались въ руки Карла; ихъ дальнѣйшая участь неизвѣстна, но можно принять за достовѣрное, что Карлъ заточилъ ихъ въ монастырь. Такъ какъ Павія сопротивлялась долѣе, то Карлъ воспользовался зимою, въ продолженіе которой армія его осаждала городъ, для поѣздки въ Римъ. Здѣсь онъ скрѣпилъ личнымъ дружествомъ союзъ съ Папою, заключенный для обоюдныхъ выгодъ. Въ Апрѣлѣ 774 года Карлъ возвратился въ лагерь, стоявшій предъ Павіею. Городъ, изнуренный голодомъ, сдался въ половинѣ Мая, и Дезидерій, вмѣстѣ съ супругою, былъ отвезенъ за Альпы и заключенъ въ одномъ изъ Нидерландскихъ монастырей. Тогда Карлъ самъ принялъ титулъ Лонгобардскаго Короля; онъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ завоеванномъ королевствѣ, только оставилъ

въ Павіи Франкскій гарнизонъ; но этою мѣрою не была еще отклонена опасность, потому что нужно было ожидать со стороны Лонгобардовъ новыхъ попытокъ возстановить древнюю королевскую фамилію. Фамилія Дезидеріева была еще свободна и имѣла довольно силъ; его сынъ Аделгисъ нашелъ у Византійскаго правительства тѣмъ болѣе готовое подкрѣпленіе, чѣмъ неравнодушнѣе смотрѣли тамъ на утвержденіе Франковъ въ Италіи. Сестры Аделгиса, изъ которыхъ одна была выдана за Тассилона, Баварскаго Герцога, другая же за Аригиса, Герцога Беневентскаго,—склонили мужей своихъ принять участіе въ интересахъ своей фамиліи. Къ тому же Лонгобарды не были довольны Франкскимъ правительствомъ. Это неудовольствіе Лонгобардовъ превратилось въ явное возстаніе, прежде нежели Аделгисъ окончилъ переговоры и вооруженіе; въ 775 году Лонгобардскіе Герцоги возстали подъ предводительствомъ *Ротгауда* Фріульскаго и провозгласили своимъ Королемъ принца Аделгиса. Возмущеніе было подавлено самимъ Карломъ. Въ 776 г., онъ появился въ Италіи съ Франкскимъ войскомъ, и по паденіи *Ротгауда* все смирилось предъ превосходствомъ Карловыхъ силъ. Слѣдствіемъ этого мятежа было измѣненіе образа правленія: герцогства были раздроблены на графства, конфискованныя имѣнія были предоставлены Франкамъ, на духовныя мѣста были посажены также Франки, и Франкскіе гарнизоны были разставлены по всѣмъ тѣмъ городамъ, которые участвовали въ возстаніи. Конечно, эта неудача первой попытки должна была затруднить новыя покушенія. Какъ ни силенъ былъ новый союзъ, какъ ни хорошо былъ составленъ планъ возстановленія Лонгобардскаго престола, но все исполненіе его было уничтожено въ 788 году, частію бдительностью Карла, частію же неблагопріятными обстоятельствами. Тассилонъ, Герцогъ Баварскій, надѣясь дать Карлу сильный отпоръ, вступилъ также въ этотъ союзъ, и когда онъ не удался, то Герцогъ потерялъ и силу, и мужество. За союзъ съ врагами Франкскаго государства онъ долженъ былъ, по закону, лишиться жизни, и дѣйствительно былъ осужденъ на смерть, но Карлъ смягчилъ при-

говоръ: Тассилонъ долженъ былъ только заключиться въ монастырь; семейство отрѣшеннаго Герцога подверглось той же участи. Карлъ обратилъ въ коронное владѣніе всѣ земли, принадлежащія павшему Агилолфингскому роду; Герцогство Баварія было раздроблено на графства и управлялось графами, которыхъ Король могъ поставлять и низвергать по произволу, какъ коронныхъ чиновниковъ.

Когда Баварцы и Лонгобарды вошли въ составъ Каролингской монархіи, то не доставало однихъ Саксовъ для того, чтобы всѣ Германскіе народы, живущіе на материкѣ, составили одно государство. Саксы сами своими набѣгами вызвали Франковъ на войну, и такимъ образомъ началась продолжительная и упорная война, во время которой Карлъ старался подчинить Саксовъ не только въ политическомъ отношеніи, но еще и произвести тамъ религіозную и духовную перемѣну, и счастливо достигъ своей цѣли.

Уже отецъ Карла Пипинъ положилъ начало покоренію и обращенію Саксовъ; въ 758 году онъ наложилъ на нихъ дань и принудилъ дать въ заложники столько же жрецовъ Одина, сколько послалъ туда Христіанскихъ священниковъ для проповѣдыванія Евангелія. По смерти Пипина, эти священники были выгнаны изъ Саксоніи, и Саксы тотчасъ вторгнулись въ Франкское государство, ознаменуя свой слѣдъ опустошеніемъ и хищничествомъ, такъ что теперь Франки желали вступить съ ними въ формальную и открытую войну *). Такимъ образомъ въ 772 году началась Саксонская война. Въ своемъ первомъ походѣ

*) Einhard. vit. Caroli M. cap. 7: Quibus adeo Franci sunt irritati, ut jam non vicissitudinem reddere, sed apertum contra eos bellum suscipere dignum judicarent. Susceptum est igitur adversus eos bellum, quod magna utrimque animositate, tamen majore Saxonum, quam Francorum damno per triginta tres annos gerebatur.

на Саксовъ, Карлъ, ниспровергнувъ святыню *), выказалъ стремленіе къ уничтоженію Одиновой религіи насильственнымъ образомъ, и съ этого мгновенія Одиновы жрецы были его смертельными врагами. Такъ какъ онъ силою уничтожалъ всякое сопротивленіе и тотчасъ подавлялъ и наказывалъ каждое возстаніе, то ему въ 777 году удалось подчинить Саксовъ, какъ Франкскому владычеству, такъ и Христіанской религіи. Въ это время противники Короля, между которыми въ особенности отличился знатнѣйшій Эделингъ Витикиндъ, удалились, и прочіе Саксы на сеймѣ въ Падерборнѣ дали обѣтъ вѣрности Королю и Христіанской религіи. Съ этого времени Саксонія была и долженствовала быть спокойна; дѣйствительно были запрещены большія вооруженныя собранія; Франкскіе чиновники, управляя многочисленнымъ вооруженнымъ народомъ, блюли за тишиною; вмѣсто разрушенныхъ языческихъ алтарей возникли теперь Христіанскіе храмы и часовни; духовенство также утвердилось въ этой землѣ; оно желало десятины и получило ее, хотя и насильственнымъ образомъ. Все было спокойно до 782 года, когда Карлъ, по возвращеніи изъ Рима, объѣхалъ всю Саксонію. Король наслаждался плодами трудовъ своихъ; онъ думалъ, что теперь безбоязненно можетъ положить начало введенію тамъ Франкскаго государственнаго устройства. На собраніи при Липпе составилъ онъ Саксонское ополченіе и приказалъ ему, вмѣстѣ съ восточною Франкскою арміею, итти на Славянъ, жившихъ между Эльбою и Салою. Въ первый разъ, по прошествіи долгаго времени, Саксы пошли вмѣстѣ въ большомъ количествѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣ чувства огорченія, изливаемыя въ безсильныхъ одинокихъ жалобахъ, теперь нашли отголосокъ въ тысячахъ сердецъ. Какъ по-

*) Между Саксонскими святынями, ниспровергнутыми во время этого похода, находился также Ирминсуль, который по отрывку Ейнгарда, сохранившемуся у Адам. Брем., lib. I. cap. 5, былъ ни что иное какъ высокій, странно выросшій древесный стволъ. Тамъ говорится: Truncum ligni non parvae magnitudinis in altum erectum sub divo colebant, patria eum lingua *Irminsul* appellantes, quod Latine dicitur *universalis columna.*

токъ, долго удерживаемый плотиною, съ большею яростью прорываетъ себѣ путь, такъ точно и неволя Саксовъ мгновенно превратилась въ непремѣнное намѣреніе обратить оружіе не на враговъ ненавистныхъ имъ Франковъ, но на самихъ Франковъ. Вмѣсто того, чтобы соединиться съ восточнымъ Франкскимъ ополченіемъ, они напали на него и разбили при горѣ Зюнтелѣ. Все это произошло какъ бы въ нѣкоторомъ опьянѣніи; когда, по утоленіи ярости, здравый разсудокъ занялъ мѣсто страстей, тогда Витикиндъ и жрецы, почитая себя болѣе виновными, убѣжали въ Данію, прочіе же оставались въ нѣмомъ страхѣ, ожидая своей участи. Очевидно, что нужно было страшиться негодованія и мщенія Карла, потому что все, что онъ создалъ годами, было разрушено теперь въ одну минуту. И дѣйствительно, не было границъ огорченію Карла; вооруживъ поспѣшно новое войско, онъ проникъ съ нимъ до рѣки Аллера и, не принимая оправданія, по которому все возстаніе было взнесено на Витикинда и другихъ бѣглецовъ, онъ, собравъ всѣхъ Эделинговъ и жрецовъ, которыхъ только засталъ, казнилъ ихъ всѣхъ, числомъ 4500 въ Ферденѣ, на берегахъ Аллера. Вмѣсто ожиданнаго страха, эта кровавая мѣра возбудила въ Саксахъ жажду мести; вся земля поднялась на Франковъ; Витикиндъ и другіе бѣглецы возвратились, и Карлъ долженъ былъ поспѣшно удалиться изъ Саксоніи. Такимъ образомъ въ началѣ 783 года вся Саксонская нація возстала на Франковъ и притомъ съ большимъ ожесточеніемъ, нежели при началѣ войны. Въ этомъ году произошли два единственныя генеральныя сраженія, которыя даны были въ теченіе всей этой продолжительной войны, одно при Детмольдѣ (Theotmelli) другое при рѣкѣ Газѣ. Хотя и въ томъ и другомъ Карлъ остался побѣдителемъ, но онъ не прежде покорилъ Саксовъ, какъ сокрушивъ ихъ силу ужаснымъ опустошеніемъ земли. Въ 785 году Саксы умоляли о пощадѣ своего имущества и жизни и покорились сами. На этотъ разъ ихъ покорность была особенно продолжительна, потому что Витикиндъ, который до того времени постоянно являлся главою всѣхъ возмущеній, теперь пришелъ къ Франкамъ и крестился.

Это лице одно изъ такихъ, которыя становятся замѣчательны, не оставивъ по себѣ никакого образа; которыя бросаютъ за собою огромную тѣнь, причемъ нельзя узнать тѣла, отъ котораго она падаетъ. Его переходъ къ Франкамъ равно какъ его обращеніе къ Христіанству повергаетъ его снова въ неизвѣстность; дальнѣйшая его участь и смерть покрыты непроницаемымъ мракомъ.

Изданіемъ строгаго закона на Падерборнскомъ сеймѣ въ 785 году, Карлъ старался дать прочнѣйшее основаніе Христіанству, возстановленному въ Саксоніи *), и это состояніе Христіанства дѣйствительно пустило корни. Хотя и случались частныя возмущенія, управляемыя Транзальбингами и Датчанами, но всѣ они не могли превратиться во всеобщее возстаніе, и такъ какъ вскорѣ Королю удалось привлечь къ себѣ духовныхъ Эделинговъ щедростью и милостью, то въ слѣдствіе договора, заключеннаго въ 803 году, Саксы, жившіе на лѣвомъ берегу Эльбы, должны были войти въ составъ Франкскаго государства **). И такъ Саксы, удержавъ за собою прародительскую личную свободу, не платили податей и почитались равными Франкамъ; такимъ выгоднымъ результатомъ они обязаны упорству, съ которымъ такъ долго презирали могущество Франковъ; съ другой стороны, Карлъ также достигъ своей цѣли: онъ обратилъ Саксовъ въ Христіанство и вывелъ ихъ изъ грубаго состоянія. Между прочимъ все еще были упрямцы, которые не соглашались принять этотъ миръ, столь выгодный для Саксовъ; они удалились, за Эльбу къ Транзальбингамъ и Датчанамъ и, пылая мщеніемъ, начали отсюда опустошать морскою войною берега Франкскаго государства. Съ этихъ поръ становились все чаще нападенія такъ называемыхъ Норманскихъ

*) Этотъ законъ «Capitulatio de partibus Saxoniae» находится въ собраніи Франкскихъ капитуляцій у Baluze Tom. I. p. 249.

**) *Einhard.* vit. Carol. M. cap. 7.: Ea conditione a rege proposita et ab illis suscepta, tractum per tot annos bellum constat esse finitum, ut abjecto daemonum cultu et relictis patriis caerimoniis, christianae fidei atque religionis sacramenta susciperent et *Francis adunati unus cum eis populus efficerentur.*

морскихъ разбойниковъ. Карлъ нашелъ средство также и противъ возмутителей Трансалбингвъ: онъ выводилъ ихъ съ женами и дѣтьми изъ ихъ земли и населялъ ими Франконію и Фландрію, гдѣ и понынѣ имена городовъ и мѣстечекъ напоминаютъ объ этомъ переселеніи. Послѣ чего Славянскій народъ Оботриты, вѣрные союзники Карла, получили отъ него въ даръ эту опустѣвшую полосу земли. Въ то же время, на правомъ берегу Эльбы были заложены укрѣпленія, занятыя Франкскими гарнизонами, и дважды въ годъ, во время Пасхи и въ день Пятидесятницы, установлено было всеобщее крещеніе, куда каждый долженъ былъ приносить своихъ дѣтей, если за несоблюденіе такого обряда не хотѣлъ подвергнуться смертной казни. Повсюду возникли церкви и монастыри, и вся Саксонія была раздѣлена на 8 Епископствъ: Оснабрюкъ, Ферденъ, Бременъ и Падерборнъ были уже заложены между 783-795 годами; теперь прибавлено было еще четыре новыхъ: Миндень, Гальберштатъ, Гильдесгеймъ и Мюнстеръ. И съ этой поры уже не слышно болѣе возвращенія къ язычеству; такъ дѣйствительны были мѣры, принятыя Карломъ для воспитанія возникающаго поколѣнія въ Христіанскомъ духѣ.

Прочія войны Карла Великаго ведены были не столько для распространенія его государства, сколько для обезопасенія границъ. При этомъ постоянномъ правиломъ Карла Великаго было построеніе укрѣпленій по ту сторону собственныхъ границъ государства и учрежденіе такъ называемыхъ марковъ, для охраненія границъ государства. Эти укрѣпленія составляли, такъ сказать, военную линію, обвивавшую всю его Имперію. Такимъ образомъ за Пиренеями возникъ *Испанскій Маркъ*, къ югу отъ Дуная *Аварскій Маркъ* или *Австрія*, къ востоку отъ Эльбы возникъ цѣлый рядъ зависимыхъ Славянскихъ княжествъ, которыя къ Франк-

скому государству находились въ тѣхъ же отношеніяхъ какъ и маркграфства.

Самымъ опаснымъ и уже по самой природѣ непріязненнымъ сосѣдомъ Франковъ были Испанскіе Сарацины. Съ того времени, какъ Франки овладѣли Аквитаніею, Сарацины были совершенно вытѣснены изъ Галліи, и Франкское государство раскинуло свои предѣлы до самыхъ Пиренеевъ: въ 777 году Карлу представился случай переступить за эти горныя твердыни. Изъ числа недовольныхъ возвышеніемъ въ Калифы Оммайяда Абдеррамана, два Эмира, именно Юсуфъ и Ибнъ-аль-Араби, управлявшіе сѣверными провинціями Испаніи, обратились теперь къ Франкамъ: они сами пришли къ Карлу въ Падерборнъ и обѣщали ему покорность, ежели онъ окажетъ имъ помощь. Въ 778 году Карлъ предпринялъ походъ за Пиренеи при благопріятномъ предзнаменованіи, потому что въ этомъ же году умеръ Калифъ Абдеррамапъ, и Гешамъ, его сынъ, назначенный его наслѣдникъ, долженъ былъ теперь оспаривать тронъ у старшихъ братьевъ Абдаллаха и Сулеймана. Не смотря на это Карлъ ожидалъ здѣсь такого сильнаго сопротивленія, что долженъ былъ собрать войско не только изъ частей своего государства, смежныхъ съ Испаніею, но также и изъ отдаленныхъ странъ. Онъ раздѣлилъ это сильное войско на двѣ части; одну, чрезъ Памплону — которая отворила ему ворота — довелъ онъ самъ до Сарагоссы, гдѣ съ нимъ соединилась другая часть, шедшая чрезъ Барцелону. Сарагосса должна была сдаться, и Ибнъ-аль-Араби назначенъ ея правителемъ, впрочемъ въ зависимости отъ Франкскаго правительства; въ Барцелонѣ же оставленъ Франкскій графъ, и теперь этотъ городъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ *Испанскаго Марка*, какъ названо было это новое пріобрѣтеніе.—Чрезъ утвержденіе Франковъ за Пиренеями, Христіанско-Романское образованіе стало въ соприкосновеніе съ Аравійскимъ. Въ то же время положеніе Готескихъ королей въ Астуріи сдѣлалось свободнѣе и безопаснѣе: они заключили съ Карломъ союзъ, и, чтобы болѣе

заинтересовать его, назвали себя его вассалами. На возвратномъ пути обозъ, тянувшійся за Франкскимъ войскомъ, въ Ронсевальской долинѣ потерпѣлъ нападеніе отъ хищныхъ Басковъ, и по истребленіи отряда, прикрывавшаго его, былъ совершенно расхищенъ. Это пораженіе, вмѣстѣ съ расхищеніемъ обоза, получило историческое значеніе потому, что послужило точкою исхода сказанію о Карлѣ и его герояхъ. Въ числѣ падшихъ находились нѣкоторые изъ первыхъ сановниковъ Карла и именно Маркграфъ Рутландъ или Роландъ *). Симъ послѣднимъ именемъ воспользовались поэты среднихъ вѣковъ; прежде всѣхъ Лже-Турпинъ начинаетъ воспѣвать родъ Роланда, его гигантскій ростъ и его исполинскіе подвиги. Трубадуры и Труверы продолжали заниматься имъ дотолѣ, пока наконецъ Болрдо и Людовико Аріосто своими стихотвореніями не покрыли вѣчною славою героя, имя котораго только однажды появляется въ Исторіи, и то въ сраженіи съ разбойниками.

Югозападныя границы Франкскаго государства уже съ 778 года были обезопасены маркомъ; такой же маркъ нужно было основать тамъ, гдѣ Государство граничило съ Аварами; и для основанія Аварскаго Марка, который въ послѣдствіи назывался Австрійскимъ, Карлъ предпринималъ многіе походы на Аваровъ. Въ первомъ походѣ, въ 790 году, Франки проникли до того мѣста, гдѣ Раабъ соединяется съ Дунаемъ. Даже тогда, когда Карлъ по причинѣ важныхъ занятій въ слѣдующіе годы продолжалъ войну не съ столь сильнымъ натискомъ, съ какимъ онъ ее началъ, — его вниманіе безпрестанно устремляемо было на Аваровъ. Самъ онъ большею частію оставался въ Дунайскихъ земляхъ, тогда какъ его пограничные графы продолжали войну. Для удобности сообщенія онъ составилъ планъ соединенія Рейна съ Дунаемъ, посредствомъ рѣкъ Редница и Альтмюля, изъ которыхъ первый впадаетъ въ Майнъ, послѣдній

*) *Einhard.* vit. Caroli M. cap. 9: In quo proelio Eggihardus regiae mensae praepositus, Anselmus comes palatii et *Hruodlandus* Britannici limitis praefectus, cum aliis compluribus interficiuntur.

въ Дунай, и такимъ образомъ онъ хотѣлъ открыть чрезъ Германію водяной путь изъ Сѣвернаго Моря въ Черное. Но исполненіе этого предпріятія, начатое въ 793 году, не удалось, по причинѣ неспособности рабочихъ. И тѣмъ не менѣе Карлу дѣлаетъ честь то, что онъ возымѣлъ такую великую и смѣлую мысль, исполненіе которой предоставлено было нашему столѣтію. Между тѣмъ Франки составили себѣ партію между самыми Аварами и приготовили все къ рѣшительному нападенію, которое и воспослѣдовало въ 796 году. Карлъ самъ управлялъ походомъ, раздавая приказанія, исполненіе которыхъ возложено было на его втораго сына Пиппина, которому помогалъ отличнѣйшій полководецъ Эрикъ, Графъ Фріульскій. Вся Аварія была покорена, и вмѣстѣ съ Рингомъ, резиденціею Аварскихъ Государей, достались Франкамъ столь несмѣтныя сокровища, что лѣтописцы говорятъ, что бѣдные доселѣ Франки разомъ разбогатѣли *). Карлъ не присоединилъ къ своему государству земли Аваровъ, также и не измѣнилъ тамъ образа правленія, онъ только утвердилъ тамъ тогдашняго Хана и удовольствовался тѣмъ, что поставилъ Аваровъ въ зависимость отъ себя, и навсегда сокрушилъ ихъ силу; въ тоже время онъ обезопасилъ юговосточныя границы государства, заложивъ тамъ Австрійскій Маркъ.

Восточныя границы Франкскаго государства примыкали къ Славянскимъ землямъ. Еще нѣкоторые изъ нихъ жили на лѣвомъ берегу Эльбы, между коими Сорабы или Сорбы всѣхъ упорнѣе сопротивлялись Франкскому владычеству. Въ первый годъ IX столѣтія Карлъ запялся покореніемъ ихъ; они должны были не только стать въ зависимость, но также сдѣлаться непосредственными подданными Карла, потому

*) *Einhard.* cap. 13: Omnis pecunia et congesti ex longo tempore thesauri direpti sunt, neque ullum bellum contra Francos humana potest memoria recordari, quo illi magis ditati et opibus aucti sunt. Quippe cum usque in id temporis pene pauperes viderentur, tantum auri et argenti in regia repertum, tot spolia pretiosa in proeliis sublata, ut merito credi possit, hoc Francos Hunis juste eripuisse, quod Huni prius aliis gentibus injuste eripuerant.

что онъ почиталъ Эльбу естественнымъ предѣломъ государства. Въ 806 году Сорабы были покорены Карломъ, старшимъ сыномъ Карла; ихъ Князь Милидухъ былъ убитъ и вмѣсто избираемаго изъ среди племени главы поставленъ былъ Франкскій чиновникъ. Въ это же время, для безопасности Франкскаго господства, были заложены укрѣпленія, Магдебургъ на Эльбѣ и Галле на Салѣ. Вся эта страна мало по малу принимала Германскіе нравы, и прежніе Славянскіе владѣльцы земли обращены въ крѣпостное сословіе. Славяне, жившіе на правомъ берегу Эльбы, признали надъ собою власть Франковъ, частію добровольно, какъ напримѣръ Оботриты, частію же были къ тому принуждены, какъ напримѣръ Вильцы, Гелиноны и Смельдинги; они однако удержали своихъ князей и въ Карлѣ признавали только своего верховнаго Короля. Съ этихъ поръ имя Catolus принято было въ Славянскомъ языкѣ для означенія достоинства Короля, точно такъ же какъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, для означенія верховной свѣтской власти, оно произведено было отъ имени Цезарь (Caesar).

Когда Франкское Государство, очерченное мечемъ Карла Великаго и окруженное со всѣхъ сторонъ охранительными гарнизонами пограничныхъ марковъ, сдѣлалось сильнѣйшимъ не только въ Европѣ, но вообще во всемъ тогда извѣстномъ свѣтѣ, то Византійскіе Императоры и Сарацинскіе государи въ Азіи стали искать дружества съ Карломъ. При такой величинѣ и обширности государства, управленіе имъ было чрезвычайно просто и сообразно съ цѣлью, такъ что очень легко можно было дѣйствовать во всѣхъ его частяхъ. Каждый округъ имѣлъ графа для свѣтскихъ дѣлъ и епископа для духовныхъ. Каждые полгода, при смотрѣ войскъ, оба эти чиновника являлись къ Королю и къ собравшемуся народу и здѣсь публично давали отчетъ въ управленіи. Графъ и епископъ должны были наблюдать другъ за другомъ. Карлъ имѣлъ средство противъ злоупотребленій чиновниковъ въ случаѣ, ежели они были бы слишкомъ снисходительны другъ къ другу; это средство было столь же просто, сколь дѣйствительно; именно онъ выбиралъ изъ свѣтскаго или изъ духовнаго званія людей, къ которымъ

могъ имѣть довѣренность, и посылалъ ихъ въ провинціи въ качествѣ королевскихъ коммиссаровъ, или Missi Dominici. Эти коммиссары, имѣя въ рукахъ своихъ неограниченную власть, являлись неожиданно и имѣли право уничтожать несправедливости на самомъ мѣстѣ, и даже при случаѣ наказывать злоупотребителей.

Какъ ни высоко стоялъ Карлъ въ главѣ государства, столь могущественнаго и столь хорошо устроеннаго, но все же стеченіе многихъ обстоятельствъ внушало ему стремленіе къ высшему значенію, и онъ зналъ какъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, такъ что ему удалось возстановить *Западную Римскую Имперію* и самому сдѣлаться Западнымъ Императоромъ *).

Хотя Карлъ съ титуломъ патриція имѣлъ охранительную власть надъ Римомъ и надъ Святымъ престоломъ, но все же Византійскіе Императоры по праву были государями Рима и Римской области. Такія отношенія не могли долго существовать, послѣ того какъ Папа сдѣлался главою Франкскаго духовенства. Надобно было и по праву уничтожить зависимость Папскаго престола отъ Византійской Имперіи, такъ какъ она на самомъ дѣлѣ уже не существовала. Это могло легче всего случиться тогда, когда Карлъ займетъ мѣсто древнихъ Западныхъ Императоровъ и въ правахъ своихъ сравняется съ Восточными. Съ этою политическою необходимостью соединялось также и желаніе самого Карла Великаго: возвысить свое достоинство на степень соразмѣрную его власти. Понятіе о величіи Римскаго Императора имѣло еще такую силу въ общемъ мнѣніи, что Королевская власть Германскаго Государя почиталась подчиненною власти Императора, — и тогда какъ духовная власть стояла выше свѣтской, въ системѣ свѣтскихъ властей

*) Возстановленіе Западной Имперіи подробно изложено въ моей книгѣ Zeiten Mundi стр. 218—246.

первую степень занималъ Императоръ, а потомъ за нимъ слѣдовалъ Король. Ласкательство, которое твердило Карлу, что онъ, по своему мотуществу, своей мудрости и славѣ своего государства, занимаетъ первое мѣсто между земными властями, хотя теорія назначаетъ ему только третье,—не столько могло успокоить Карла, сколько возбудить въ немъ желаніе дѣйствительно занять степень, имъ заслуженную *). Мысль о возстановленіи Западной Римской Имперіи имѣла основаніе, какъ въ самыхъ обстоятельствахъ, такъ и въ славолюбіи Карла. Для этого нужно было только получить внѣшнее право, что могло исполниться двоякимъ образомъ: или Византійскій Дворъ долженъ былъ наименовать его Императоромъ, или Папа долженъ былъ возобновить Западную Имперію; но съ Византійскимъ Дворомъ Карлъ во многомъ имѣлъ непріязненныя отношенія и слѣдовательно не могъ ничего ожидать отъ него; ему можно было прибѣгнуть только къ Папѣ, какъ къ человѣку въ особенности къ тому способному, потому что онъ, какъ представитель Неба въ глазахъ Германцевъ, могъ дать право на все. Адріану I, занимавшему тогда престолъ Св. Петра, не было случая исполнить желаніе Карла: для него выгоднѣе было оставаться между Византійскимъ правительствомъ и Франкскимъ Государствомъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ; преемникъ Адріана, Левъ III, напротивъ того находился въ такомъ положеніи, что для него помощь и милость Франкскаго Короля были необходимы; по этому онъ не могъ ихъ отвергнуть. Левъ III, къ концу 795 года, былъ возведенъ на Св. престолъ своими приверженцами, и такимъ образомъ немедленно поднялъ противъ себя противную партію, которая искала случая низложить его. Два родственника прежняго Папы, Кампулъ и Пасхаль, были главами пар-

*) *Alcuin* Ep. 80 (opp. T. I. p. 117 ed. Froben): Tres personae in mundo, hucusque altissimae fuerunt: *Apostolica Sublimitas*, quae beati Petri, principis Apostolorum, sedem vicario munere regere solet. Alia est *Imperialis dignitas* et secundae Romae secularis potentia. Tertia est *Regalis dignitas*, in qua vos (Карлъ) Domini nostri Iesu Christi dispensatio rectorem populi christiani disposuit, ceteris praefatis dignitatibus potentia excellentiorem, sapientia clariorem, regni dignitae sublimiorem.

тіи, непріязненной Льву; они сперва возбуждали народъ, распуская дурные слухи о поведеніи Папы, и потомъ приступили къ явному насилію. 25 Апрѣля 799 года напали они на него открытымъ образомъ, на улицѣ, стащили съ лошади и хотѣли ослѣпить и отрѣзать языкъ. Такъ какъ они не могли совершить этого злодѣянія на улицѣ, то потащили его въ ближнюю монастырскую церковь, но тутъ имъ помѣшали совершить этотъ беззаконный поступокъ, и они оставили его обагреннаго кровію. Тѣ, съ помощію которыхъ Папа спасся изъ рукъ злодѣевъ, не полагаясь на его безопасность въ Римѣ, отправили его въ Сполето, подъ защиту тамошняго Франкскаго правителя. Сей послѣдній немедленно извѣстилъ Карла о случившемся въ Римѣ и получилъ приказаніе отъ Короля отправить Папу къ нему въ лагерь въ Падерборнъ. Хотя Король и всѣ Франки приняли Льва съ честію, приличною главѣ Церкви, но, при изслѣдованіи дѣла, Карлъ поступалъ безпристрастно. Приверженцы и друзья Папы, почитая оскорбленною не только личность Льва, но и Церковь, которой онъ поставленъ представителемъ, требовали немедленнаго возвращенія Папѣ его достоинства и строгаго наказанія его враговъ; но Карлъ выслушалъ также и враговъ Папы, старавшихся оправдать свой поступокъ, взнося на Папу тяжкія обвиненія касательно его поведенія. Они предложили, что Левъ можетъ спокойно оставить престолъ, котораго сдѣлался недостоинъ, и долженъ исправить и скрыть свои поступки въ монастырскомъ уединеніи. И такъ Карлъ имѣлъ право учредить справедливое изслѣдованіе, которое было однако же несообразно съ понятіемъ духовенства о величіи и авторитетѣ Папы *). Происшедшіе по этому случаю переговоры кончились тѣмъ, что Карлъ отказался отъ законнаго изслѣдованія, за то Папа долженъ былъ короновать его Рим-

*) Алкуинъ, котораго можно почитать представителемъ Франкскаго духовенства, выразился, что Церковь устоитъ или падетъ вмѣстѣ съ Папою (suo domino aut stabit aut cadet ecclesia), и не однократно подтверждаетъ правило: Apostolicam sedem judiciariam esse non judicandam. V. *Alcuin*, Ep, N. 92.

скимъ Императоромъ. Это средство помогло Королю исполнить свое завѣтное желаніе, Папѣ же помогло возвратить себѣ престолъ, а духовенству достигнуть уваженія; только враги и обвинители Льва проиграли: они были принесены въ жертву выгодамъ прочихъ. Папа былъ отправленъ въ Римъ подъ военнымъ прикрытіемъ, и Король намѣревался послѣдовать за нимъ для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Но изслѣдованіе было одною только формою. Именно, по прибытіи Карла, 24 Ноября 800 года, въ Римъ, немедленно въ церкви Св. Петра были собраны всѣ духовные, которые и объявили, что не осмѣливаются судить Апостольскаго намѣстника, потому что онъ поставленъ надъ всѣми церквами Божіими, и Папѣ оставалось только съ Евангеліемъ въ рукахъ произнести очистительную клятву. Онъ сдѣлалъ это и безъ дальнихъ споровъ былъ признанъ законнымъ Папою. Его враги, по его просьбѣ, были пощажены и только изгнаны изъ Рима и вообще изъ Италіи. Во время этихъ дѣлъ наступилъ праздникъ Рождества Христова. Въ первый день праздника (25 Декабря 800 г.) Карлъ находился во время службы въ церкви Св. Петра. Онъ занялъ мѣсто противъ алтаря, на которомъ Папа совершалъ обѣдню; вдругъ сей послѣдній подходитъ къ нему и возлагаетъ на него драгоцѣнную корону при радостномъ восклицаніи Римскаго народа: »Здравіе и побѣда Карлу, Богомъ вѣнчанному Августу, великому и миролюбивому Римскому Императору!» Послѣ такого возгласа Папа поздравилъ Карла, который теперь замѣнилъ титулъ Римскаго патриція титуломъ Римскаго Императора и Августа *). Съ этого времени Карлъ почиталъ себя равнымъ Византійскимъ Императорамъ и заботился о томъ, чтобы они его признали. Легко можно понять, что Византійскіе Императоры неохотно рѣшились на

*) Einhard. Ann. ad a. 801: Leo papa coronam capiti ejus imposuit, cuncto Romanorum populo adclamante: *Karolo Augusto, a Deo coronato magno et pacifico imperatori Romanorum, vita et victoria!* Post quas laudes ab eodem pontifice more antiquorum principum adoratus est, ac deinde, omisso Patricii nomine, Imperator et Augustus appellatus.

такое признаніе, потому что до сихъ поръ, слѣдуя теоріи, они почитали себя верховными государями всѣхъ западныхъ провинцій; но съ признаніемъ Западнаго Римскаго Императора должны были уничтожиться всѣ ихъ притязанія. Теперь Императоръ былъ не только законнымъ обладателемъ города и Римскаго княжества, но имѣлъ право требовать власти надъ южною Италіею и Сициліею. Такія отношенія продолжались до 812 года, когда тогдашній Императоръ Михаилъ I постигнулъ необходимость признать Карла въ санѣ «Βασιλεύς» «Imperator»; но все же Восточные Императоры, хотя нѣкоторые изъ нихъ и признали достоинство Западныхъ, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій не переставали протестовать противъ нихъ и долгое время не хотѣли принять въ братство и товарищество Западнаго Императора.

Чѣмъ болѣе увеличивалось значеніе и сила духовенства чрезъ связи Карла съ Римскимъ престоломъ, тѣмъ болѣе стремился онъ вывести его изъ грубаго состоянія, въ какомъ засталъ, и дать ему образованіе, достойное его призванія. Онъ желалъ, чтобы епископы и аббаты отличались не воинскими дѣлами, но духовнымъ и ученымъ образованіемъ; а для этого ему нужно было учредить школы. Съ помощью отличныхъ ученыхъ, которыхъ онъ созывалъ отвсюду и между которыми особенно замѣчателенъ его учитель, Англосаксъ Алкуинъ, ему удалось достигнуть своей цѣли, такъ что онъ оставилъ послѣ себя духовенство совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели въ какомъ его засталъ. Вліяніе Карловыхъ распоряженій наилучшимъ образомъ обнаружилось въ соревнованіи и общемъ участіи, которыя духовенство принимало въ ученыхъ спорахъ тогдашняго времени; Западъ обязанъ ихъ учености подавле-

ніемъ ложнаго ученія Адопціанистовъ, — и ихъ благоразумной умѣренности обязанъ онъ справедливымъ рѣшеніемъ вопроса объ иконахъ, который долго потрясалъ и еще продолжалъ потрясать и тревожить Востокъ.

Новое, основанное Ургельскимъ епископомъ Феликсомъ ученіе, что Христосъ по божественной природѣ есть истинный Сынъ Божій, но по человѣческой только усыновленный, было одобрено въ Испаніи и южной Франціи, такъ что теперь Адопціанисты, какъ назывались послѣдователи новаго ученія, угрожали Церкви такимъ же расколомъ, какъ нѣкогда Аріане. Карлъ тотчасъ постигъ важность и значеніе этого дѣла; онъ употребилъ однако же противъ отступниковъ не насиліе, но наставленіе и убѣжденіе; онъ привелъ въ движеніе перья богослововъ, и не было почти ни одного отличнаго пастыря того времени, который не писалъ бы чего нибудь противъ Адопціанисма. Когда же Феликсъ, въ 794 году, на Соборѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ былъ осужденъ и потомъ въ 799 году въ Ахенѣ опровергнутъ на публичномъ торжественномъ диспутѣ съ Алкуиномъ, то и Адопціанисмъ сталъ мало по малу терять своихъ послѣдователей и свою важность. Какъ мирно ни кончилось это дѣло, но оно могло быть очень опасно, если бы бразды правленія были въ рукахъ менѣе ловкихъ и менѣе мощныхъ. Однако же дѣло это имѣло благодѣтельныя послѣдствія, потому что послужило духовенству средствомъ оправдать на дѣлѣ свое образованіе, и также дало имъ возможность продолжать его. По своей образованности Франкское духовенство было въ состояніи произнести самостоятельное сужденіе и въ важнѣйшемъ богословскомъ спорномъ пунктѣ того времени—ученіи объ иконахъ. Хотя иконопочитаніе, какъ мы уже прежде показали, и было уничтожено Константинопольскимъ Соборомъ и совершенно подавлено энергіею Константина V Копронима, по все же многочисленная партія втайнѣ осталась вѣрною иконамъ и ожидала благопріятнѣйшаго

времени для того, чтобы снова выступить явно. Казалось, время это настало, когда въ 775 году умеръ Константинъ, и сынъ его и преемникъ Левъ IV былъ менѣе строгъ и непоколебимъ въ отношеніи къ подавленной партіи. Послѣдняя снова подняла свою главу и въ Императрицѣ Иринѣ, супругѣ Льва, нашла себѣ тайную сильную покровительницу. Когда же Левъ узналъ о поступкахъ своей супруги, то уже было поздно поправить сдѣланную ошибку, потому что онъ вслѣдъ за тѣмъ умеръ, 8 Сентября 780 года, и Ирина приняла бразды правленія вмѣстѣ съ опекою надъ малолѣтнимъ сыномъ, Константиномъ VI Порфирородным. Ирина не могла смотрѣть безъ сокрушенія на состояніе, въ какомъ находилось иконопочитаніе, и нужно было ожидать, что она воспользуется верховною властью надъ государствомъ для возвращенія иконопочитанію прежняго значенія. Впрочемъ надобно было опасаться сильнаго сопротивленія, не только со стороны ветерановъ въ войскѣ, но также большей части епископовъ, потому что Константинъ посадилъ на епископскія мѣста враговъ иконъ; также не менѣе нужно было опасаться народа. Естественно, что въ продолженіе пятидесятилѣтняго существованія иконоборства, большая часть живущаго поколѣнія выросла подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда догматовъ. Для того, чтобы произвести столь важную перемѣну, какова была возстановленіе иконъ, Императрица должна была искать не менѣе важнаго случая: такой случай представился, когда Патріархъ Павелъ отказался отъ должности. Павелъ, который прежде взошелъ на престолъ патріаршій, подтвердивъ отреченіе отъ иконопочитанія присягою, въ 784 году внезапно оставляетъ свой дворецъ, заключается въ монастырь, слагаетъ съ себя патріаршія украшенія, одѣвается во власяницу и посыпаетъ голову пепломъ. На вопросъ о причинѣ такого страннаго поступка, онъ отвѣтствуетъ, что раскаяніе низложило его съ престола, на который онъ взошелъ съ помощью ужасныхъ преступленій, отрекшись отъ иконъ; въ то же время онъ трогательно проситъ всѣхъ заблаговременно позаботиться о спасеніи души, и объясняетъ, что проклятіе, висящее надъ всею Имперіею, можно

отвратить не иначе какъ уничтоженіемъ безбожнаго опредѣленія противъ иконъ. Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ, и по смерти Павла, случившейся въ этомъ же году, его преемнику оставалось только продолжать начатое. И дѣйствительно, избранный Патріархъ Тарасій принялъ новый санъ, но только съ условіемъ рѣшить на всеобщемъ Соборѣ, нужно ли признать или отвергнуть почитаніе иконъ. Въ 786 году былъ назначенъ Вселенскій Соборъ въ Константинополѣ, и такъ какъ Папа Адріанъ и Патріархи: Антіохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій прислали туда депутатовъ, то это собраніе, начавшее свои дѣйствія въ Августѣ 786 года въ Константинополѣ, получило дѣйствительно значеніе Вселенскаго; но старые солдаты, служившіе при Львѣ и Константинѣ, не допустили предъ своими глазами совершиться тому, что они почитали поруганіемъ тѣни своихъ прежнихъ предводителей. До открытія собранія, они заняли Церковь Двѣнадцати Апостоловъ, въ которой должно было произойти это торжество, и подняли такой ужасный и неистовый крикъ, что Патріархъ не могъ выговорить ни слова, а Императрица, чтобы не подвергнуться оскорбленію, должна была оставить засѣданіе. По удаленіи приверженцевъ Двора, остались въ церкви одни враги иконъ, подъ защитою солдатъ, и учредили совѣщаніе, на которомъ снова подтверждены были всѣ положенія противъ иконъ. Но отъ этой неудачной попытки Императрица не поникла духомъ; она сдѣлалась напротивъ того еще осмотрительнѣе; этотъ случай открылъ ей препятствія, которыя нужно было превозмочь для того, чтобы новая попытка имѣла ожиданный успѣхъ. Обезоруживъ и удаливъ ветерановъ и окруживъ себя вновь набранною гвардіею, Императрица созвала въ Сентябрѣ 787 года Соборъ въ Никею. Такъ какъ сюда были приглашены только тѣ епископы, которые мыслили сообразно съ планами Императрицы, или тѣ, которые изъявили готовность измѣнить свой образъ мыслей, то рѣшеніе этого Собора не могло быть сомнительно. Опредѣленія Константинопольскаго Собора были уничтожены и преданы проклятію вмѣстѣ съ ихъ послѣдователями; иконопочитаніе было возстановлено. Од-

нако же, для отвращенія злоупотребленій и примиренія интересовъ противныхъ партій, образъ почитанія иконъ былъ опредѣленъ точнѣе на будущее время; положено было различіе между Λατρεία и προσκύνησις. Первое должно было воздавать Божеству, послѣднее же Святымъ и ихъ изображеніямъ. Для подтвержденія положеній, Соборъ изъ Никеи перешелъ въ столицу. Императрица съ сыномъ подписала акты Собора при громкомъ и радостномъ крикѣ собравшихся. Эти акты, какъ вселенскіе, должны были имѣть силу во всемъ Христіанскомъ мірѣ. Они были посланы къ Папѣ Адріану съ тѣмъ, чтобы онъ сообщилъ ихъ западнымъ Королямъ. Между тѣмъ Карлъ Великій не хотѣлъ безпрекословно покориться рѣшенію Собора, созваннаго безъ участія его самого и его духовенства, особенно же потому, что тогда онъ былъ въ разрывѣ съ Византійскимъ Государствомъ, и что этотъ образъ окончанія и рѣшенія спора объ иконахъ былъ непонятенъ западнымъ народамъ. Для рѣшенія этого дѣла Карлъ созвалъ на особенный Соборъ всю западную Церковь. Болѣе 300 епископовъ, аббатовъ и другихъ подчиненныхъ духовныхъ собралось въ 794 году во Франкфуртѣ на Майнѣ; они отвергли рѣшеніе Никейскаго Собора, потому что имѣли ложное понятіе, переводя «προσκύνησις» словомъ «adoratio». Они твердо положили, что статуи и образа находятся въ церкви для украшенія и для напоминанія, но что имъ не должно воздавать поклоненія*). Это рѣшеніе было возобновлено при Людовикѣ Благочестивомъ, сынѣ и наслѣдникѣ Карла, когда въ Византійскомъ Государствѣ возникло снова иконоборство. Императрица Ирина съ помощью чтителей иконъ удалила своего сына и овладѣла властью одна, но ея правленіе приняло несчастный оборотъ. Въ 802 году она была низвергнута съ престола и сослана на Лесбосъ, гдѣ въ слѣдующемъ году окончила жизнь въ бѣдности. Ея пре-

*) Для оправданія Франкфуртскаго Собора обнародованы были «Libri Carolini,» составленные Алкуиномъ подъ Карловымъ именемъ. Послѣднее и лучшее изданіе этого замѣчательнаго сочиненія было Геймаково. Оно вышло въ 1731 г. въ Ганноверѣ подъ заглавіемъ: Augusta concilii Nicaeni II censura.

емникъ Никифоръ I былъ такъ занятъ поправленіемъ финансовъ, что оставилъ религію въ покоѣ. Онъ откупился отъ нападеній Калифа Гарунъ-Аль-Рашида, былъ побѣдоносенъ противъ Болгаръ до 811 года, когда принудилъ ихъ къ отчаянному сопротивленію и самъ потерпѣлъ пораженіе, въ которомъ и палъ. Хотя тяжело раненый сынъ его Ставракій и былъ провозглашенъ Императоромъ, но принужденъ былъ отказаться отъ короны въ пользу своего родственника *Михаила I Рангабе*. Сей послѣдній, какъ уже сказано было, въ 812 году призналъ Карла Великаго въ Императорскомъ санѣ; онъ былъ слабъ и его неспособность возбудила большое неудовольствіе, особенно въ войскѣ. Это неудовольствіе превратилось въ возстаніе, когда проиграна была битва съ Болгарами, въ окрестностяхъ Адріанополя; въ 813 году войско провозгласило Императоромъ храбраго Армянина Льва и побудило его принять корону. Потомъ Левъ V безъ сопротивленія былъ впущенъ въ столицу и взошелъ на престолъ; онъ пощадилъ жизнь своего слабаго предшественника, котораго лишилъ престола, и даже не истребилъ его сыновей. Партія, съ помощью которой Левъ возвысился, питала отвращеніе къ иконамъ, и Левъ также раздѣлялъ съ нею это отвращеніе. По усмиреніи Болгаръ, въ 814 году, началъ онъ свои дѣйствія противъ иконъ тѣмъ, что назначилъ коммиссію, которая должна была собрать акты, написанные на собраніяхъ, бывшихъ при Константинѣ V, и представить ему мнѣнія прежнихъ отцевъ Церкви касательно иконъ. Это донесеніе коммиссіи утвердило Императора въ принятомъ имъ мнѣніи, и онъ потребовалъ отъ патріарха Никифора согласія уменьшить число образовъ, а когда сей послѣдній отказалъ исполнить его требованіе, то Императоръ употребилъ насиліе. Въ 815 году, на шумномъ собраніи, патріархъ Никифоръ былъ низложенъ съ патріаршаго престола и возведенъ злѣйшій врагъ иконъ—Ѳеодоръ. Онъ немедленно созвалъ собраніе, которымъ были уничтожены акты Никейскаго Собора и возобновлены положенія Константина Копронима. Только позволено было почитаніе креста, и хотя приверженцы иконъ, главою которыхъ былъ ученый монахъ Ѳеодоръ Студита, на-

прягали всѣ силы поддержать свои виды, но Императоръ все же поставилъ на своемъ: всѣ образа, за исключеніемъ креста, были вынесены. Чѣмъ болѣе увеличивалось число противниковъ Императора, тѣмъ приманчивѣе были виды какого нибудь честолюбца овладѣть престоломъ съ помощью ихъ. Одинъ изъ друзей и военныхъ сподвижниковъ Льва, Михаилъ Косноязычный, не могъ устоять противъ искушенія. Онъ самъ измѣнилъ себѣ своею болтливостью, былъ схваченъ въ 820 году и допрошенъ на канунѣ Рождества Христова. Когда онъ сознался въ своей измѣнѣ, то Императоръ въ ужасномъ гнѣвѣ приказалъ бросить его въ печь, которою нагрѣвалась дворцовая баня; но его супруга на колѣняхъ просила его и заклинала не омрачать такою жестокостью величайшаго праздника Христіанъ. Левъ неохотно согласился на отсрочку; съ крайнею предусмотрительностью и строгостью отдалъ онъ Михаила подъ стражу, и хотя держалъ при себѣ ключи къ тяжкимъ оковамъ, въ которыхъ находился этотъ опасный преступникъ, все же сей послѣдній въ эту же самую ночь нашелъ случай повѣстить своимъ друзьямъ, что онъ выдастъ ихъ какъ соучастниковъ, если они не спасутъ его. Здѣсь нужно было дѣйствовать быстро, и ихъ предпріятіе скоро исполнилось. Поутру въ праздникъ друзья Михаила пришли въ дворцовую церковь въ священнической одеждѣ, съ спрятанными мечами, и лишь только появился Императоръ, они напали на безоружнаго и умертвили его. Михаилъ былъ посаженъ на престолъ въ тяжкихъ оковахъ, отъ которыхъ тотчасъ не могли найти ключей, и весь дворъ присягнулъ окованному. *Михаилъ II Косноязычный* въ отношеніи образовъ объявилъ полную терпимость: «да будетъ непреложно,» писалъ онъ къ отрѣшенному Патріарху Никифору, «держать Церковь въ томъ состояніи, въ какомъ я ее нашелъ; никто не долженъ говорить *за* и *противъ* иконъ, но что бы каждый вѣровалъ и поступалъ такъ, чтобы могъ дать отвѣтъ предъ Богомъ и своею совѣстью.» Но когда взбунтовался генералъ Ѳома, поддерживаемый Калифомъ Аль-Мамуномъ, и объявилъ свои притязанія на престолъ, то Михаилъ вступилъ въ перегово-

ры съ иконопочитателями для того, чтобы не допустить ихъ соединиться съ своимъ политическимъ непріятелемъ; но лишь только онъ въ 823 году разбилъ и уничтожилъ своего противника при Адріанополѣ, какъ тотчасъ снова сталъ въ прежнія отношенія къ почитателямъ иконъ. А для того, чтобы лишить помощи Папы тѣхъ, которые питали къ нему вражду, онъ обратился къ преемнику Карла Великаго Людовику Благочестивому съ просьбою не давать убѣжища иконопочитателямъ и также побудить Папу, чтобы онъ не пускалъ ихъ въ Римъ и пересталъ поддерживать ихъ возстанія противъ правительства (*). По прибытіи Греческихъ пословъ Людовикъ въ началѣ 825 года созвалъ въ Парижѣ Соборъ, который подтвердилъ положенія Франкфуртскаго, составленныя въ 794 году, и отправилъ къ Папѣ пословъ для того, чтобы побудить его согласиться на это рѣшеніе.

Немногіе государи были такъ счастливы на политическомъ поприщѣ, какъ Карлъ Великій, и на закатѣ дней своихъ онъ могъ спокойнымъ взоромъ окинуть минувшее. Съ 806 года доживалъ онъ свои дни въ пріятной тишинѣ; не участвовалъ болѣе лично въ войнахъ; большую часть года проводилъ въ Ахенѣ и занимался охотою въ Арденискихъ, или, когда пріѣзжалъ въ свои Верхнерейнскія дачи, въ Вогезскихъ Горахъ. Онъ пользовался уваженіемъ всего міра, которое изъявляли ему чрезъ посольства. Тѣмъ чувствительнѣе былъ для него ударъ, похитившій двухъ сыновей его въ короткое время; его второй сынъ Пипинъ умеръ въ 810 году, а старшій Карлъ,

*) Между богатыми дарами, присланными Михаиломъ Франкскому Двору, находилось сочиненіе Діонисія Ареопагита: «О небесной іерархіи», которое потомъ, по приказанію Карла Лысаго, было переведено съ греческаго на латинскій.

6 Декабря слѣдующаго года. На него Императоръ полагалъ всѣ надежды на сохраненіе и продолженіе основанныхъ учрежденій, и эти надежды унесены были въ могилу вмѣстѣ съ любимымъ сыномъ. Съ этого времени никогда уже не видѣли его веселымъ; его удрученная душа искала спокойствія и утѣшенія въ религіозныхъ занятіяхъ; свѣтскими же дѣлами занимался онъ только для того, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія касательно управленія Франкскимъ Государствомъ на будущее время. Въ 812 году назначилъ онъ внука своего Бернгарда, сына Пипина, Королемъ Италіи и далъ ему, въ качествѣ перваго министра, своего двоюроднаго брата Адельгарда, аббата Корбійскаго. Въ слѣдующемъ году велѣлъ онъ своему единственному законному, оставшемуся въ живыхъ сыну Людовику пріѣхать изъ Аквитаніи ко Двору въ Ахенъ, и предъ собраніемъ всего государства и войска объявилъ его наслѣдникомъ и какъ государь и отецъ далъ ему послѣднія увѣщанія. Сперва Карлъ велѣлъ всѣмъ присягнуть своему сыну какъ Королю, потомъ спросилъ вельможъ: одобрятъ ли они, если онъ передастъ своему сыну достоинство Римскаго Императора. Все собраніе, до глубины души и даже до слезъ тронутое разлукою съ державнымъ старцемъ, немедленно изъявило на это согласіе. Такимъ образомъ слѣдующее воскресенье было назначено для совершенія этого торжественнаго обряда. Въ этотъ день Карлъ въ императорскомъ украшеніи, съ коропою на головѣ, пришелъ въ Маріинскую Церковь; здѣсь на главномъ алтарѣ ле-

жала другая корона. Когда предъ всѣмъ собраніемъ онъ увѣщевалъ сына любить Бога, въ точности соблюдать заповѣди Божіи, охранять Церковь, кротко обращаться съ братьями, сестрами и родственниками, исполнять всѣ обязанности правителя, и когда получилъ отъ сына громкую публичную клятву, жить сообразно съ этими наставленіями, тогда велѣлъ ему взять съ алтаря корону и возложить ее на себя собственными руками. Торжественная обѣдня заключила эту трогательную и незабвенную сцену. Опершись на Людовиковы плеча, возвращался престарѣлый Императоръ во дворецъ; потомъ онъ немедленно отправилъ своего сына обратно въ Аквитанію; они разстались для того, чтобы болѣе уже не увидѣться. Съ удаленіемъ Людовика Карлъ съ каждымъ днемъ становился слабѣе; его обыкновенное лекарство — постъ и строгая діэта — болѣе всего ускорило конецъ его жизни; 21 Января онъ уже болѣе не могъ встать съ постели и готовился къ смерти; 27 Января принялъ онъ Святыхъ Таинъ подъ обоими видами, и на слѣдующее утро, 28 Января 814 года, скончался на 72 году своей жизни. О его характерѣ можетъ быть только *одно* мнѣніе *); какъ великій человѣкъ и какъ великій государь онъ долго жилъ

*) Einhard. (vit. Car. M. cap. 8.) характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: Rex omnium, qui sua aetate gentibus dominabantur, et prudentia maximus et animi magnitudine praestantissimus, nihil in his, quae vel suscipienda erant vel exsequenda, aut propter laborem detrectavit aut propter periculum exhorruit, verum unumquodque secundum suam qualitatem et subire et ferre doctus nec in adversis cedere, nec in prosperis falso blandienti fortunae assentiri solebat.

въ памяти западныхъ народовъ, и въ такомъ видѣ, которымъ его историческое значеніе характеризуется наилучшимъ образомъ, именно какъ Христіанскій герой въ противоположность магометанскимъ и языческимъ. Пусть соединенный имъ Германскій міръ распадется на свои составныя части, все же останется основанное имъ политическое и религіозное образованіе, и установленныя имъ отношенія будутъ краеугольнымъ камнемъ, около котораго станутъ вращаться всѣ средніе вѣка. Но самымъ лучшимъ и блистательнымъ образомъ является его величіе въ противоположности съ его преемникомъ. Въ слабой десницѣ Людовика Благочестиваго бразды правленія ослабли, и разнородныя національности, входившія въ составъ Каролингской державы, при явномъ стремленіи къ самобытному образованію и развитію, разъединились. Плодомъ правленія Людовика было распаденіе Франкскаго Государства: принявъ отъ своего отца державу благоустроенную, онъ оставилъ ее послѣ своей смерти въ крайнемъ разстройствѣ *).

Считая себя слабымъ и неспособнымъ сосредоточить разнородныя національности, входившія въ составъ Каролингскаго государства, Людовикъ рѣшился въ 817 г. устроить для главныхъ націй особые Дворы, долженствовавшіе находиться въ распоряженіи его сыновей; причемъ королевичи обязаны были пра-

*) *Thegani* vita Ludovici Pii и Anonymi vita et actus Ludovici Pii суть замѣчательнѣйшія записки современниковъ о правленіи и характерѣ Людовика. Примѣчательно новое сочиненіе: Ludwig der Fromme. Geschichte der Auflösung des großen Frankenreichs, von Fr. Funk. Frankf. a. M. 1832.

вить сообразно требованіямъ націи. Старшаго сына Лотаря назначилъ онъ своимъ соправителемъ и помощникомъ, остальныхъ же двухъ возвелъ въ королевское достоинство. Пиппинъ былъ сдѣланъ Королемъ Аквитанскимъ, а Людовикъ Королемъ Баварскимъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого распоряженія было возстаніе Бернгарда, Короля Италійскаго. Бернгардъ занялъ Альпійскія тѣснины и заградилъ Франкамъ входъ въ Италію; впрочемъ онъ былъ побужденъ къ необдуманному возстанію партіею, которая оставила его въ минуту опасности. Какъ скоро Людовикъ двинулся съ войскомъ, Бернгардъ долженъ былъ ему сдаться безпрекословно. Въ 818 году, въ Ахенѣ онъ былъ судимъ предъ народомъ и приговоренъ къ смерти. Мягкосердый дядя охотно простилъ бы Бернгарда, но совѣтники побудили Императора, по крайней мѣрѣ, ослѣпить ослушника. Ослѣпленіе было совершено съ такою лютостью, что Бернгардъ, три дня спустя, умеръ отъ слѣдствій исполненія приговора. Италію получилъ старшій сынъ Императора Лотарь; тишина и порядокъ готовы были возвратиться, какъ вдругъ преждевременная кончина Людовиковой супруги Ирмингарды, умершей 5 Октября 818 года, дала пагубное направленіе ходу дѣлъ. Такъ какъ съ этихъ поръ Императоръ все болѣе и болѣе предавался своему влеченію къ жизни созерцательной, то придворная партія опасалась, чтобы онъ вовсе не отказался отъ государственныхъ дѣлъ. Ея польза требовала всячески стараться о томъ, чтобы Императоръ болѣе и болѣе привязывался къ мірской жизни; казалось, ни одинъ узы не были въ этомъ случаѣ надежнѣе узъ брачныхъ. Въ 819 году придворные уговорили Людовика ко вступленію во второй бракъ, и Людовикъ избралъ своею супругою прелестную Юдиѳь, дочь Баварскаго графа Вельфа. Ревность Людовиковыхъ сыновей отъ перваго брака, возбужденная этимъ новымъ союзомъ, получила дѣйствительное основаніе, когда въ 823 году Юдиѳь родила Императору сына, по имени Карла Лысаго. Съ того мгновенія, какъ рожденіе принца посѣяло сѣмена раздора въ Императорской фамиліи, всѣ удаленные отъ Двора и этимъ обиженные люди стали искать и нашли себѣ точку

опоры въ сыновьяхъ отъ перваго брака. Образовались двѣ различныя партіи: партія придворная, въ главѣ которой стояли Императрица Юдиѳь и графъ Бернгардъ Септиманскій, и партія противная, представителями которой были духовныя и свѣтскія лица съ большими способностями, какъ-то: Вала, Архіепископъ Агобардъ, Гугонъ, тесть Лотаря, и графъ Матфридъ. Ненависть этой партіи прежде всего употребила своимъ орудіемъ клевету: Императрицу обвиняли въ непозволительной связи съ Бернгардомъ и зашли такъ далеко въ своихъ показаніяхъ, что Карла Лысаго не признавали сыномъ Императора. Все это приготовляло умы къ сильному волненію, которое и не замедлило обнаружиться, когда Людовикъ именнымъ приказомъ (per edictum) обнародовалъ въ 829 году, что сынъ его отъ втораго брака получитъ особый участокъ въ государствѣ. Едва это сдѣлалось извѣстнымъ, какъ всѣ недовольные собрались при Дворѣ Пиппина; они представили ему, что Юдиѳь и Бернгардъ держатъ Людовика въ нѣкотораго рода нравственной зависимости и требовали, чтобы онъ освободилъ своего отца изъ этого состоянія. Молодой Король благосклонно выслушалъ предложенія, по которымъ дѣйствія противъ его честолюбивой мачихи не казались ему преступными, но похвальными. Въ слѣдствіе этого Пиппинъ двинулся въ 830 году изъ Аквитаніи съ войскомъ, и придворная партія впала у всѣхъ въ такую ненависть, что Людовикъ, всѣми оставленный, долженъ былъ отдаться на произволъ своего сына, который заключилъ его самого и принудилъ Юдиѳь постричься и удалиться въ монастырь Св. Радегунды, въ Пуатье. Въ Маѣ Лотарь прибылъ изъ Италіи и, одобривъ распоряженія, отправилъ къ своему отцу монаховъ, коимъ поручилъ уговорить и приготовить его ко вступленію въ монастырь. Но Пиппинъ не хотѣлъ этого; онъ желалъ только усмирить свою мачиху и избавить отца отъ сѣтей коварной жены, но не имѣлъ намѣренія свергнуть его съ престола. Такимъ образомъ уже не было согласія между братьями, когда младшій, Людовикъ, прибылъ изъ Баваріи и, принявъ сторону Пиппина, подкрѣпилъ его намѣреніе, по которому должно бы-

ло созвать государственные чины для приведенія въ порядокъ запутанныхъ дѣлъ. Касательно мѣста собранія партіи были между собою несогласны; противники Императора требовали созвать чины въ Романской части государства, доброжелатели — напротивъ — въ Германской части *). Для Людовика Благочестиваго было весьма важнымъ преимуществомъ то, что собраніе было назначено въ Нимвегенѣ. Оно, какъ и можно было ожидать, возстановило Императора, и обрадованный Людовикъ, освободивъ супругу и сына изъ монастырскаго заключенія, простилъ всѣмъ своимъ врагамъ. Юдиѳь, очистясь клятвою отъ взводимыхъ на нее обвиненій, снова приняла титулъ Императрицы и вступила во всѣ свои права; Бернгардъ Септиманскій также занялъ при Дворѣ свое прежнее мѣсто. Все пришло въ прежнее состояніе; впрочемъ увеличилась ненависть съ одной стороны и недовѣрчивость съ другой. Слабый Императоръ снова подпалъ вліянію своей супруги, и сцены 830 года снова повторялись, когда Императоръ въ 832 г. захотѣлъ составить особый удѣлъ для сына Юдиѳи изъ назначенныхъ Пиппину земель. Всѣ три сына Людовика отъ перваго брака подняли оружіе противъ отца, и такъ какъ сей послѣдній равнымъ образомъ ополчился, то казалось, что дѣло рѣшитъ одна кровавая брань. Для водворенія мира не замедлилъ явиться Папа Григорій IV. Онъ отказался отъ Людовика и принялъ сторону его сыновей: примѣръ его подѣйствовалъ рѣшительно, и Императоръ, почти всѣми оставленный, долженъ былъ поручить себя великодушію своихъ сыновей. Онъ немедленно былъ разлученъ съ супругою и съ сыномъ и отвезенъ въ монастырь Св. Медарда въ Соассонѣ, гдѣ употреблены были всѣ усилія, чтобъ принудить его вступить въ духовное званіе. Но Людовикъ упорно отказывался: отказъ его не былъ дѣломъ честолюбія, но только слѣдствіемъ любви къ своей супругѣ и ея сы-

*) Сочинитель vita et actus Ludovici Pii говоритъ о Людовикѣ: diffidens Francis magisque se credens Germanis, — мѣсто замѣчательное, потому что здѣсь дѣлается различіе между Франками Романскими и Германскими.

ну, которыхъ онъ, по утратѣ власти, почиталъ погибшими *). Когда всѣ представленія не могли достигнуть своей цѣли, противники избрали иной путь: его принудили къ всенародному церковному покаянію, думая черезъ то сдѣлать его неспособнымъ ко вторичному принятію власти, потому что по Франкскимъ законамъ очистившійся всенароднымъ покаяніемъ не могъ быть снова въ военную службу. Какимъ же образомъ Людовикъ, не будучи воиномъ, могъ оставаться Королемъ Франкскимъ и Императоромъ Римскимъ? И въ самомъ дѣлѣ бразды верховнаго правленія принялъ одинъ Лотарь. Но тогда пробудилась зависть остальныхъ двухъ братьевъ къ Лотарю: Пиппинъ и Людовикъ Нѣмецкій требовали освобожденія отца, и, видя необходимость подкрѣпить свои требованія оружіемъ, двинулись противъ Лотаря, одинъ изъ-за Лоары, другой изъ-за Рейна и притомъ съ такою быстротою, что честолюбецъ, не успѣвъ вооружиться, долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Освободившись такимъ образомъ, Людовикъ въ 834 году снова приказалъ облечь себя во имя Церкви въ царственное достоинство, недавно у него отнятое Церковью, и вызвалъ свою супругу съ сыномъ изъ монастыря, въ который они были заключены по распоряженію Лотаря. Непосредственнымъ слѣдствіемъ втораго возстановленія Императора было устраненіе Лотаря: онъ былъ лишенъ Императорскаго достоинства и заключенъ въ одной Италіи, оставленной ему въ удѣлъ. Такимъ образомъ онъ былъ отрѣзанъ отъ всякаго сообщенія съ другими частями государства. Тогда все, что страшилось Императорскаго гнѣва, искало защиты Лотаря: такимъ образомъ, дурные соки, столь много вредившіе Франкскому государственному организму, казалось, были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, откуда не могли заражать всего тѣла. Съ 835 года нѣсколько времени все шло хорошо, и государство, мало по малу сосредоточивая свои силы,

*) Сохранилась трогательная жалоба Людовика у Du Chesne scriptt. rer. Franc. T. II, pag. 336; а жестокія возраженія сыновей Императора помѣщены во 2-мъ томѣ твореній Св. Агобарда, который писалъ ихъ.

было на пути къ исцѣленію отъ нанесенныхъ ему ранъ. Но прежняя болѣзнь все еще находилась въ самомъ сердцѣ, а именно: существовалъ принцъ, еще не пристроенный и жила мать, пользовавшаяся своимъ вліяніемъ на Императора для того, чтобъ пристроить этого принца. Если бы Людовикъ имѣлъ хотя нѣсколько твердости въ характерѣ, то возвелъ бы младшаго сына въ санъ духовный; онъ могъ бы ему предоставить архіепископское достоинство, но онъ въ 837 году, когда Карлу Лысому исполнилось 14 лѣтъ, вручилъ ему оружіе и слѣдовательно оставилъ его навсегда въ свѣтскомъ состояніи. Придворная партія тотчасъ составила планъ въ пользу Карла, и какъ этотъ планъ ни былъ несправедливъ и оскорбителенъ для Пипина и Людовика Нѣмецкаго, но Людовикъ Благочестивый согласился на предложенное ему. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы старшаго сына Лотаря привлечь на сторону сведеннаго брата, и потомъ ихъ обоихъ возвысить на счетъ остальныхъ двухъ братьевъ. Этотъ планъ начали уже приводить въ исполненіе по смерти Пипина, случившейся въ 838 году; теперь Людовика Нѣмецкаго ограничили одною Баваріею, а все государство раздѣлили на двѣ большія половины, изъ коихъ одну долженъ былъ получить Лотарь, а другую Карлъ. Въ слѣдствіе сего Людовикъ Нѣмецкій, оскорбленный такою несправедливостію, вооружился, чтобы силою защитить то, что онъ почиталъ своимъ правомъ. Императоръ выступилъ противъ него, но еще до окончанія войны заболѣлъ. Онъ хотѣлъ ѣхать водою въ Ингельгеймъ, но на Рейнѣ такъ ослабѣлъ, что каждую минуту ожидали его смерти; его привезли на одинъ Рейнскій островъ, гдѣ онъ и умеръ 20 Іюня 840 года. Передъ смертію онъ завѣщалъ передать скипетръ и корону старшему сыну Лотарю и заставилъ его поклясться именемъ умирающаго отца въ томъ, что онъ будетъ защищать своего сведеннаго брата и почитать свою мачиху.

По смерти Людовика Благочестиваго, его сыновья находились въ такихъ между собою отно-

шеніяхъ, что о примиреніи нельзя было и думать. Людовикъ Нѣмецкій и Карлъ Лысый соединились противъ старшаго брата Лотаря, старавшагося вытѣснить ихъ обоихъ, и принудили его къ раздѣленію государства, которое дѣйствительно и произошло въ 843 году, въ Вердюнѣ. Такимъ образомъ неустройства, начавшіяся при Людовикѣ Благочестивомъ, кончились распаденіемъ державы на три государства.

Людовикъ Нѣмецкій и Карлъ Лысый, заключивъ союзъ противъ Лотаря, коего честолюбіе и корысть угрожали ихъ интересамъ, въ 841 году соединили свои войска. Они положили или принудить брата къ выгодному договору, или рѣшить дѣло оружіемъ; такъ какъ Лотарь не внималъ предложеніямъ, дѣло 25 Іюня 841 года дошло до битвы при Фонтене, окончаніе коей было принято за судъ Божій. Хотя поле сраженія осталось за двумя соединившимися братьями, однакожъ побѣжденный Лотарь не призналъ ихъ правъ, но всѣ свои силы устремилъ къ тому, чтобъ раздѣлить ихъ и занять каждаго въ его области. Лотарь не былъ разборчивъ въ средствахъ для достиженія своей цѣли. Произведши мятежъ въ Аквитаніи и принудивъ тѣмъ самымъ Карла Лысаго усмирить ее, онъ въ то же время возмутилъ Саксовъ, чтобъ занять Людовика. Онъ даже вступилъ въ связи съ Скандинавами и подстрекалъ ихъ къ хищническимъ вторженіямъ въ владѣнія братьевъ. Со временъ угнетенія своихъ соплеменниковъ въ Саксоніи, весь Скандинавско-Одиновъ міръ объявилъ месть и опустошительную войну міру Франкско-Христіанскому, — но, пока жилъ Карлъ Великій, всѣ ихъ предпріятія были подавляемы его рѣшительными мѣрами. При Людовикѣ Благочестивомъ мѣры эти стали приходить въ упадокъ, а послѣ его смерти и совсѣмъ прекратились. Приглашеніе одного изъ Франкскихъ королей было сигналомъ ко вторженію, коего слѣдствіемъ было то, что съ той поры не проходитъ ни одного года безъ

того, чтобы Норманны не сожгли какого нибудь города, не опустошили какой нибудь страны и не увели цѣлыя тысячи въ неволю. Съ другой стороны поднялись Магометане. Сарацинскіе пираты опустошали берега Италіи, входили въ Рону и далеко проникали во внутренность страны. Такимъ образомъ, въ то время, какъ сами Франки плачевными распрями разрушали твореніе Карла Великаго, элементы языческій и магометанскій, дотолѣ имъ обузданные, снова пришли въ движеніе, чтобы совокупно съ Франками довершить гибель Христіанскаго образованія, насажденнаго Карломъ. Лотарю однакожъ, не смотря на всѣ его коварные замыслы, не удалось раздѣлить соединившихся противъ него братьевъ. Весною 842 года, они съ своими войсками сошлись при Страсбургѣ, и вслухъ, въ глазахъ своихъ войскъ поклялись отнынѣ быть вѣрными другъ другу, причемъ Людовикъ говорилъ на Романскомъ языкѣ, для того, чтобъ быть понятнымъ войску Карла, а Карлъ на Нѣмецкомъ языкѣ, чтобъ показать воинамъ своего брата, что онъ равнымъ образомъ будетъ поступать честно *). Вмѣстѣ съ обоими братьями и вассалы клятвенно обязались не помогать клятвопреступнику противъ брата. Отъ Страсбурга братья двинулись вдоль по Рейну: повсюду отряды Лотаря или удалялись, или переходили на ихъ сторону, а Лотарь при ихъ приближеніи бѣжалъ изъ Ахена, разграбивъ церкви и государственную казну. Овладѣвъ столицею Франкскаго Го-

*) Нитгардъ — Nithardus — (hist. lib. III, cap. 5) сохранилъ въ своемъ текстѣ клятву на Романскомъ и Германскомъ языкѣ:

Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, dist di in avant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvaraeio cist meon fradre Karlo et in adjudha et in caduna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar dist, in o quid il mi altresi fazet; et ab Ludher nul plaid nunquam prindrai, qui meon vol cist meon fradre Karle in damno sit.

In Godes minna ind in thes Christianes folches ind unser bedhero gealtnissi, fon thesemo dage frammordes, so fram so mir Got gewizci indi madh furgibit, so haldih thesan minan bruodher, soso man mit rehtu sinan bruodher scal, in thiu, thaz er mig sosoma duo, indi mit Ludheren in nohheiniu thing ne geganga, the minan willon imo ce scadhen werhen.

сударства *), соединившіеся братья судебнымъ порядкомъ стали искать управы противъ Лотаря, и испуганный братъ просилъ мира. Въ Іюнѣ всѣ три брата имѣли свиданіе на Саонскомъ островѣ, при Маконѣ; они поклялись жить въ мирѣ и положили выбрать восемьдесятъ коммиссаровъ для новаго раздѣленія государства; Лотарь въ качествѣ старшаго брата имѣлъ право на любую часть. 1 Октября коммиссія собралась въ Мецѣ, но такъ какъ Лотаря подозрѣвали въ тайномъ и своекорыстномъ вмѣшательствѣ въ ея занятія, то она была перенесена въ Кобленцъ. Переговоры однакожъ не достигли своей цѣли, потому что коммиссія не имѣла вѣрныхъ свѣдѣній о величинѣ и предѣлахъ государства; къ довершенію всего этого, въ самой коммиссіи произошли несогласія, что и было причиною ея закрытія. Но съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, подпялись со всѣхъ сторонъ жалобы, и Короли принуждены были заключить миръ; положили на первый случай хранить миръ до тѣхъ поръ, пока коммиссары не соберутъ падлежащихъ свѣдѣній о величинѣ и границахъ государства. Какъ скоро свѣдѣнія были собраны, произошло 10-го Августа 843 года и самое раздѣленіе въ Вердюнѣ, положившее основаніе прочному миру. Въ слѣдствіе этого дѣлежа возникли двѣ державы—Германія и Франція, и между ними образовалось третье государство, долго служившее для нихъ яблокомъ раздора. Людовику Нѣмецкому предоставлены были всѣ Франкскія земли на правомъ берегу Рейна, и кромѣ того на лѣвомъ берегу Майнцъ, Вормсъ и Шпейеръ, съ ихъ епархіями. Такъ какъ Майнцскій Архіепископъ считался Примасомъ Германіи, а Вормскій, и Шпейерскій Епископы находились отъ него въ зависимости, то весьма естественно, что эти епархіи должны были войти въ составъ Людовикова участка, потому что въ противномъ случаѣ измѣнялось устройство Церкви. Лотарь сверхъ Италіи принялъ во владѣніе полосу земли, ограничиваемую рѣками Шельдою, Маасомъ,

*) Нитгардъ (lib. IV, cap. 1) говоритъ объ Ахенѣ: quod tunc sedes prima Franciae erat.

Рейномъ, Роною и Арденнскими Горами, слѣдовательно получилъ на свою долю Нидерланды, Лотарингію, Эльзасъ, Швейцарію и Бургундію. Все остальное было уступлено Карлу Лысому, который такимъ образомъ соединилъ подъ своимъ скипетромъ большую часть нынѣшней Франціи. Такимъ разрушеніемъ огромной Франкской Монархіи кончились безпорядки, возникшіе при Людовикѣ Благочестивомъ *).

Раздѣленіе государства по Вердюнскому договору хотя и не должно было уничтожить его внутренняго единства, но по самому ходу событій легко можно было ожидать, что разнородныя національности еще рѣзче отдѣлятся одна отъ другой, и духовное различіе между Германскою и Романскою частями Каролингской державы, между Франціею Тейдисскою (Francia Theudisca) и Франціею Латинскою (Francia Latina), все болѣе и болѣе дѣлается замѣтнымъ. Продолжительная война, окончаніемъ коей было раздѣленіе, ввергла государство въ такое онѣмѣніе и слабость, что Короли долго не были въ силахъ защитить свои границы отъ нападеній Скандинавскихъ и Сарацинскихъ пиратовъ.

Названіе Франковъ принадлежитъ преимущественно Романскимъ Франкамъ, и прежняя Галлія принимаетъ

*) Главнымъ источникомъ для исторіи распаденія Франкскаго Государства служитъ сочиненіе: Nithardi de dissensionibus filiorum Ludovici Pii libri quatuor. Сочинитель, внукъ Карла Великаго, заключаетъ свое произведеніе слѣдующими словами, въ которыхъ выражается тревожное воспоминаніе о блестящемъ времени Карла Великаго и скорбь на судьбу настоящаго времени: Temporibus bonae recordationis magni Caroli, qui evoluto jam paene anno tricesimo decessit, pax illis atque concordia ubique erat; at nunc ubique dissensiones et rixae sunt manifestae. Tunc ubique abundantia atque laetitia, nunc ubique perjuria atque moestitia.

названіе Франціи (Francia), между тѣмъ какъ чисто-Германскія племена, соединенныя подъ скипетромъ Людовика, получили названіе Нѣмцевъ. Словомъ Нѣмецкій (Deutsch), во времена цвѣтущаго состоянія Каролингской державы, еще не разъединенной, означали языкъ Германскій; языкомъ Тейдисскимъ (Theudisca lingua) называлось то нарѣчіе, на которомъ въ 842 году Карлъ Лысый далъ клятву, и это слово Theudisca было перенесено на всѣ племена, говорившія на этомъ языкѣ и соединенныя съ 843 года въ одну націю. Такимъ образомъ, въ первыя времена существованія Нѣмецкаго государства, языкъ служилъ звѣномъ соединенія между племенами, входившими въ составъ его. Распаденіе же государства, повлекшее за собою раздробленіе военныхъ силъ, сдѣлалось весьма ощутительнымъ при нападеніи Скандинавовъ. Впрочемъ Германія мало терпѣла отъ хищническихъ набѣговъ. Это весьма понятно, если примемъ въ разсчетъ, что ея приморье гораздо меньше приморья Франціи, и что Саксы съ Фризами, столь же сдружившіеся съ моремъ какъ и Нормапны, долго удерживали морскихъ разбойниковъ отъ вторженій. Между тѣмъ Франція, во все продолженіе правленія Карла Лысаго, подвергалась ужаснѣйшимъ опустошеніямъ: Скандинавы не довольствовались одними высадками, но держались въ странахъ по нѣскольку мѣсяцевъ, принуждали цѣлыя области платить контрибуцію, и при появленіи военной силы съ торжествомъ уплывали на своихъ ладьяхъ, обремененныхъ добычею. Для обозрѣнія удовольствуемся исчисленіемъ ряда годовъ съ указаніемъ на значительные города, разрушенные Скандинавами, равно какъ и на области, ими опустошенныя. Въ 847 году разгромили они приморскіе берега Аквитаніи; долго, но тщетно, осаждали Бордо; въ удѣлѣ Лотаря разрушили они торговое мѣстечко Дорштатъ. Въ 848 году измѣна Жидовъ предала въ ихъ руки Бордо; городъ былъ разграбленъ и превращенъ въ пепелище. Въ 849 году выжгли они Перигe (Perigueux, Petrocorium). Въ 850 году морской Король Рюрикъ ворвался въ устье Рейна и такъ крѣпко держался въ Нидерландахъ, что Лотарь, не будучи въ состояніи изгнать его, принужденъ былъ уступить

ему во владѣніе занятыя имъ области. Въ 856 году Норманны разрушили Орлеанъ, въ 857 году выжгли Парижъ. Тоже самое повторяется и въ слѣдующихъ годахъ, и только тогда, когда они удаляются отъ своихъ лодокъ во внутреннія области, въ хроникахъ является извѣстіе: a nostris intercepti atque ex parte profligati sunt.

Въ то время, какъ отдѣльныя части Каролингской державы отдѣлились одна отъ другой не только въ политическомъ, но и нравственномъ отношеніи, въ то время, какъ пала власть королевская, возвышается другое начало, еще взлелѣянное Карломъ Великимъ: начало духовное. По мѣрѣ того, какъ Король ослабѣвалъ, Папа все смѣлѣе и смѣлѣе высказывалъ свои притязанія; архіепископы и епископы въ такой же мѣрѣ дѣлались покорными власти Папъ, въ какой вассалы становились съ теченіемъ времени независимыми отъ власти королевской. Въ то время, какъ строгая система чиновъ свѣтскихъ во Франкскомъ Государствѣ разрушалась, образовывалась система чиновъ духовныхъ, и посему должно было ожидать, что Іерархія возвысится надъ государствомъ, а Папа надъ Императоромъ. Теоретическое основаніе возвышенія Папской власти было изречено лже-Исидоровскими Декреталіями; къ практическому же примѣненію ихъ подалъ поводъ разводъ Короля Лотаря II съ его супругою Титбергою.

Лже-Исидоровскіе Декреталіи составлены и обнародованы во время Людовика Благочестиваго не самими Папами, но Франкскимъ священникомъ. Какъ ни велико было уваженіе, которымъ пользовался Папа у Королей, не смотря на то, Франкское духовенство не хотѣло, чтобъ онъ былъ болѣе, нежели гла-

вою Апостольской Церкви и первымъ архіепископомъ Франкскаго Государства. Гордое духовенство вооружилось противъ преимуществъ Папской власти, равной другимъ властямъ архіепископскимъ, и потому, гдѣ только могло, старалось дать почувствовать Папѣ свое равенство. Но Папа имѣлъ дѣятельныхъ помощниковъ въ народѣ и низшемъ духовенствѣ, посредствомъ которыхъ онъ могъ легко сокрушить гордыню духовенства высшаго, и его объявленіе, что Римскій епископъ искони имѣлъ высшую духовную власть, нашло одобреніе въ подчиненномъ духовенствѣ. Къ этому-то сословію принадлежалъ и тотъ священникъ, который въ 829 году, подъ знаменитымъ именемъ Исидора Севильскаго, пустилъ въ ходъ ложные документы. Цѣлью его намѣренія было прежде всего ограничить власть архіепископовъ и вопреки древнему церковному устройству всѣ дѣла Церкви перенести въ Римъ, подчинивъ ихъ такимъ образомъ приговорамъ Папскаго сѣдалища; потомъ онъ хотѣлъ низложеніе епископа объявить недѣйствительнымъ, коль скоро оно не происходило отъ Папы и не было имъ утверждено; короче — ему хотѣлось подорвать авторитетъ провинціальныхъ синодовъ и поставить на ихъ мѣсто волю Папы. Для достиженія этой цѣли авторъ выдумалъ посланія и декреты Папъ изъ первыхъ четырехъ столѣтій. Важнѣйшія статьи, въ нихъ содержавшіяся, были слѣдующія: Римскій епископъ есть преемникъ и наслѣдникъ Св. Петра, перваго изъ всѣхъ Апостоловъ, на которомъ, какъ на камнѣ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ основалъ свою Церковь такъ, что и врата адовы не одолѣютъ ея. Слѣдовательно, онъ намѣстникъ Христа, а потому и независимый глава всѣхъ Церквей, и своею властію превыше всѣхъ епископовъ. Архіепископъ можетъ имѣть голосъ только въ такихъ дѣлахъ, которыя касаются его паствы: на него можетъ быть апелляція или жалоба къ Папѣ; безъ утвержденія Папы нельзя лишить сана ни одного епископа. Только Папа можетъ созывать соборъ, судить и смѣнять епископовъ, а кто отважится сдѣлать что нибудь подобное безъ его на то соизволенія, тотъ навсегда погубитъ свою душу; ни одинъ священникъ не можетъ быть обви-

нясмъ міряниномъ, а тѣмъ менѣе судимъ; тотъ, кто оскорбляетъ духовное лице какимъ бы то ни было образомъ, оскорбляетъ самого Бога. Хотя обманъ былъ такъ очевиденъ, что, казалось, могъ быть осязаемъ всѣми и каждымъ, не смотря на то, ложныя посланія и декреты съ вѣрою и уваженіемъ были приняты за чистую дѣйствительность. Это поразительное явленіе можно объяснить тѣмъ, что коренныя начала, содержащіяся въ декреталіяхъ, основывались на духѣ того времени; нужно было только высказать находящіяся въ нихъ положенія, привести ихъ въ систему и освятить древностью, чтобы заставить современниковъ признать ихъ; *сущность* ихъ была всѣмъ понятна, а на *форму* не смотрѣли. Теперь нужно было осуществить сколь возможно блистательнѣе эти права, усвоенныя Папѣ декреталіями. Для сего скоро представился самый удобный случай, въ которомъ Папу, такъ сказать, поддерживали право, нравственность и общее мнѣніе. Лотарь I, дотолѣ властолюбивѣйшій изъ всѣхъ братьевъ, послѣ раздѣленія земель, послѣдовавшаго въ Вердюнѣ, сдѣлался спокойнѣе и смиреѣе; свѣтъ ему опостылъ, и онъ наконецъ рѣшился сойти съ политическаго поприща, чтобъ удалиться въ уединеніе монастырское. Онъ постригся въ монастырѣ Прюмѣ, думая скорѣе сдѣлаться причастнымъ вѣчному блаженству, нося схиму вмѣсто порфиры. Вскорѣ послѣ своего постриженія онъ скончался, 28 Сентября 855 года. Изъ трехъ сыновей его, старшій *Людовикъ II* получилъ императорское достоинство и Италію, *Лотарь* Лотарингію, такъ названную по его имени, а младшій *Карлъ*—Провансъ, Ліонъ и часть Гельвеціи. По смерти сего послѣдняго его область была раздѣлена между остальными двумя братьями. Декреталіи въ первый разъ были употреблены противъ Короля Лотаря II. Въ 858 году Лотарь удалилъ отъ себя свою супругу Титбергу, единственно потому, что любилъ другую женщину Вальдраду. Родственники Титберги принудили Короля снова принять отверженную. Чтобъ освободиться отъ ихъ навязчивости, Лотарь обвинилъ свою супругу въ кровосмѣшеніи и невѣрности, и когда она судомъ Божіимъ доказала свою невинность, то Лотарь до тѣхъ

поръ мучилъ свою жертву, пока несчастная не признала себя виновною передъ собраніемъ епископовъ. Титберга была приговорена къ церковному покаянію и заключена въ монастырь. Такъ какъ она бѣжала изъ монастыря къ своимъ родственникамъ, то Лотарь потребовалъ теперь развода. Первый архіепископъ его государства, *Гюнтеръ Кельнскій*, былъ склоненъ на сторону Короля лестнымъ обѣщаніемъ послѣдняго жениться на его племянницѣ; другой архіепископъ *Титгаудъ Трирскій*, софистически убѣжденный нѣкоторыми библейскими изреченіями, также согласился на разводъ. Примѣръ архіепископовъ побудилъ и епископовъ Лотарингскаго Королевства принять то же мнѣніе; въ 862 году, на Ахенскомъ Соборѣ, утвержденъ былъ сей разводъ, послѣ чего Лотарь вступилъ въ бракъ съ Вальдрадою и короновалъ ее. Родственники Титберги не замедлили подать аппеляцію на рѣшеніе Собора. Въ то время на Святомъ престолѣ сидѣлъ Николай I, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и проницательнымъ умомъ, который очень хорошо понималъ, что вмѣшавшись въ эти обстоятельства, съ полнымъ успѣхомъ можно показать свою силу, тѣмъ болѣе, что на его сторонѣ было всеобщее состраданіе къ слабой и гонимой женщинѣ. Николай отправилъ двухъ легатовъ въ Лотарингію съ непремѣннымъ наказомъ объявить разводъ Короля недѣйствительнымъ; но они не были людьми, способными осуществить предпріятіе, задуманное Папою; на Соборѣ, созванномъ въ 863 году въ Мецѣ, они не осмѣлились исполнить даннаго имъ порученія и побудили только архіепископовъ Кельнскаго и Трирскаго отправиться въ Римъ. Гюнтеръ и Титгаудъ, ни мало не медля, отправились въ путь, надѣясь столь ясно и столь для себя выгодно представить дѣло Папѣ, что совершенно были увѣрены получить отъ него согласіе на утвержденіе ихъ рѣшенія. Но какъ худо знали они твердаго и запальчиваго Николая! Какъ скоро Папа узналъ о ходѣ дѣла на Мецкомъ Соборѣ, тотчасъ объявилъ опредѣленія Собора недѣйствительными, запретилъ легатамъ казаться ему на глаза и отрѣшилъ архіепископовъ Кельнскаго и Трирскаго. Лотарингскіе епископы, принимавшіе учас-

тіе въ проступкѣ обоихъ архіепископовъ, оставались подъ судомъ до тѣхъ поръ, пока, смирившись передъ Папою, не испросили у него прощенія *). Николай поступилъ такимъ образомъ, какъ будто былъ къ тому уполномоченъ, и свое полномочіе подтвердилъ лже-Исидоровскими декреталіями. Оба отрѣшенные архіепископа, узнавъ на пути о рѣшеніи своего дѣла, прибѣгли къ Императору Людовику, Лотареву брату, и имъ не трудно было обратить его вниманіе на то, сколь опасны для Императора притязанія Папы **). Императоръ немедленно собралъ войско и пошелъ противъ Рима; онъ намѣренъ былъ наказать Папу за его властолюбіе и принудить его возвратить Лотарингскимъ архіепископамъ прежнее ихъ достоинство. По вступленіи Императора въ Римъ съ войскомъ, Папѣ оставалось только бѣжать въ церковь Св. Петра и искать у алтаря защиты. Въ эту-то замѣчательную критическую минуту, отъ которой зависѣла вся Папская власть, слѣпой случай рѣшилъ все дѣло. Именно: Людовикъ вдругъ по прибытіи своимъ въ Римъ занемогъ лихорадкою. Естественно, что это случилось отъ сильнаго волненія духа и поспѣшности, съ которою Императоръ шелъ въ Римъ; духовные, изъ тайнаго доброжелательства къ Папѣ, не упустили случая представить ему это событіе въ видѣ небеснаго наказанія за преслѣдованіе Церкви. Людовикъ II не имѣлъ твердаго характера. Сколь прежде былъ онъ ожесточенъ словами Гюнтера противъ Папы, столько же теперь былъ устрашенъ увѣщаніями противной партіи. Императоръ дружески пригласилъ Папу Николая на бесѣду, и при этомъ случаѣ произошло то, чего можно было ожидать: Людовикъ чувствовалъ себя слабымъ передъ

*) Какъ высокомѣренъ былъ тонъ Папы, можетъ показать слѣдующее мѣсто: Si quis dogmata, mandata, interdicta, sanctiones vel decreta pro Catholica fide, pro ecclesiastica disciplina, pro correctione fidelium, pro emendatione sceleratorum vel interdictione imminentium vel futurorum malorum a sedis Apostolicae *praesule salubriter promulgata contemserit, anathema sit.*

**) Гюнтеръ сказалъ Императору: Dominus Nicolaus, qui dicitur Papa, qui se Apostolum inter Apostolos adnumerat, totius mundi Imperatorem se facit.

сильнымъ духомъ Николая; его свѣтское величіе преклонилось передъ возвышенностью мужа, имѣвшаго власть распоряжаться ключами рая и ада, и который умѣлъ воспользоваться этимъ съ достоинствомъ и твердостью. Такимъ образомъ Людовикъ лишилъ своей защиты обоихъ отрѣшенныхъ архіепископовъ; онъ повелѣлъ имъ удалиться въ Лотарингію и ожидать тамъ рѣшенія Папы. Архіепископы повиновались приказанію не прежде, какъ повергнувъ рѣзко написанный протестъ на гробъ Св. Петра и показавъ тѣмъ, что они дѣло свое подали на апелляцію самому Апостолу. Архіепископъ Трирскій, возвратившись въ свою эпархію, отказался на время отъ духовныхъ занятій; напротивъ того Гюнтеръ, въ качествѣ архіепископа, попрежнему продолжалъ управлять своею должностью. Вмѣсто того, чтобъ защитить Гюнтера противъ Папы, Лотарь отнялъ у него архіепископство и отдалъ родственнику своей супруги. Поступая такимъ образомъ, Король нисколько не помышлялъ о томъ, что, признавъ поступокъ Папы противъ Гюнтера справедливымъ, онъ тѣмъ самымъ далъ ему власть и надъ собою. Раздраженный Гюнтеръ немедленно поспѣшилъ въ Римъ, чтобъ примириться съ Папою. Хотя Николай I умеръ уже въ 868 г., преемникъ его Адріанъ II продолжалъ дѣйствовать въ его духѣ и Гюнтеръ вручилъ этому Папѣ обязательство, въ которомъ онъ признавалъ Римскаго архіепископа за всемірнаго Папу (*Papa universalis*) и прибавлялъ, что отрѣшенъ по всѣмъ правиламъ Церкви. Слѣдствіемъ сего торжества было то, что все Франкское духовенство подчинилось Папѣ. Король Лотарь долженъ былъ развестись съ Вальрадою и возвратить отверженной Титбергѣ права супруги. Сынъ его Гугонъ, рожденный отъ Вальрады, объявленъ былъ Папою незаконнорожденнымъ; прочіе Короли, надѣявшіеся въ семъ случаѣ быть наслѣдниками Лотаревой области, охотно согласились на Папскій приговоръ, исключавшій Гугона отъ наслѣдства, какъ незаконнорожденнаго. Такъ въ этомъ событіи все соединилось для того, чтобъ споспѣшествовать намѣреніямъ Папы и возвышенію его престола.

Какъ по смерти Лотаря II Лотарингія, такъ точно по смерти Людовика II и императорское достоинство сдѣлалось предметомъ спора между Французскими и Нѣмецкими Каролингами. Равный дѣлежъ окончилъ споръ за Лотарингію, но императорское достоинство не могло быть раздѣлено. Посему Папа не замедлилъ изъявить свои притязанія на раздачу императорской короны, и какъ скоро Карлъ Лысый, желая исхитить императорское достоинство изъ рукъ старшаго брата, формально призналъ эти притязанія, то сіе обстоятельство произвело такія слѣдствія, что по смерти Карла Лысаго Папа Іоаннъ VIII могъ уже предписывать Карлу Толстому условія, на которыхъ предлагалъ ему императорскую корону.

Когда по смерти Лотаря II, случившейся въ 869 г., сынъ его Гугонъ былъ исключенъ изъ наслѣдства какъ незаконнорожденный, государство было раздѣлено между Карломъ Лысымъ и Людовикомъ Нѣмецкимъ. При возстановленіи Римскаго императорскаго достоинства, Карлъ Великій не имѣлъ намѣренія предоставить Папѣ право избранія. Мы уже видѣли, что Карлъ употребилъ Папу только для того, чтобъ свое возвышеніе въ глазахъ подданныхъ явить дѣломъ Божескимъ, и какъ потомъ, не спрашиваясь Папы, онъ непосредственно передалъ императорское достоинство Людовику Благочестивому. Людовикъ также, по примѣру своего отца, провозгласилъ сына своего Лотаря Императоромъ безъ соизволенія Папы, и Лотарь при наименованіи сына своего, Людовика II, поступилъ точно такъ же. И такъ, хотя справедливо, что Папы всегда искали удобнаго случая короновать сихъ Императоровъ, провозглашенныхъ ихъ отцами, и тѣмъ только сообщать имъ истинное Христіанское помазаніе, но никто и прежде этого не думалъ счи-

тать ихъ незаконными Императорами. Таковы были отношенія до Людовика II. Но теперь, когда Людовикъ II въ 875 г. умеръ, не оставивъ сына и никакого завѣщанія касательно того, кому наслѣдовать императорскую корону, тотчасъ явились два претендента, Людовикъ Нѣмецкій и Карлъ Лысый, дяди покойнаго Государя. По старшинству Людовикъ Нѣмецкій имѣлъ преимущество предъ своимъ братомъ, но Карлъ, опираясь на положеніи, *что не право наслѣдства, а Римская Церковь даетъ императорское достоинство*, вовлекъ въ свои интересы Папу Іоанна VIII и множество Италіянскихъ вельможъ, двинулся къ Риму и былъ коронованъ Папою, 25 Декабря 875 г., въ тотъ самый день, въ который за 75 лѣтъ передъ симъ Карлъ Великій возстановилъ достоинство Римскаго Императора. Изъ Рима Карлъ пошелъ въ Павію, гдѣ соединенныя Ломбардскія сословія въ 876 г. признали его Королемъ Лонгобардовъ. Въ Италіи оставилъ онъ своимъ намѣстникомъ графа Бозона, котораго сочеталъ бракомъ съ Ирменгардою, дочерью Людовика II; самъ между тѣмъ поспѣшилъ во Францію, чтобъ приготовиться къ войнѣ съ Людовикомъ Нѣмецкимъ. Кровопролитная брань готова была вспыхнуть между братьями, какъ вдругъ, 28 Августа 876 г., Людовикъ Нѣмецкій неожиданно скончался. Сыновья его раздѣлили между собою отцовское государство по Каролингскому обычаю: старшій, Карломанъ, получилъ Баварію съ зависимыми отъ нея землями Славянскими: Богеміей, Моравіей, Каринтіей и Паннопіей; второй братъ, Людовикъ Младшій, получилъ въ управленіе Франконію, Тюрингію, Саксонію, Фрисландію и Нѣмецкую часть Лотарингіи; третій братъ Карлъ Толстый, вступилъ во владѣніе Аллеманіею. Едва успѣли три брата раздѣлить между собою царство, какъ дядя ихъ, Карлъ Лысый, сталъ угрожать имъ. Онъ хотѣлъ набранное имъ противъ своего брата войско употребить теперь противъ племянниковъ; прежде всего Карлъ желалъ занять Нѣмецкую Лотарингію, равно какъ и принадлежащія къ Германіи епархіи Майнцъ, Вормсъ и Шпейеръ. Ибо съ тѣхъ поръ какъ Франція отдѣлилась отъ Германіи, любимою мечтою Французовъ было считать

Рейнъ своею естественною границею на востокѣ. Но предпріятіе не имѣло успѣха. Людовикъ Младшій, коего земли лежали ближе къ Карлу, бодро выступилъ ему на встрѣчу, и 8 Октября 876 г., при Андернахѣ, нанесъ ему такое ужасное пораженіе, что онъ совершенно потерялъ охоту къ завоеваніямъ въ Германіи. Карлъ Лысый умеръ 6 Октября слѣдующаго года, какъ говорятъ, отравленный своимъ лейбмедикомъ, Жидомъ Седекіею. Сынъ и наслѣдникъ его, Людовикъ Косноязычный, вскорѣ не только помирился съ Людовикомъ Младшимъ, но въ пользу Нѣмецкихъ Каролинговъ отказался отъ всѣхъ притязаній на императорское достоинство. Надлежало получить императорскую корону Карломану Баварскому, какъ старшему изъ этой линіи; но прежде нежели онъ могъ отправиться въ Италію для коронованія, онъ въ 880 г. умеръ. Такъ какъ послѣ него остался только побочный сынъ Арнульфъ, то Людовикъ Младшій запялъ Карломановы земли; впрочемъ Арнульфа сдѣлалъ онъ герцогомъ Каринтійскимъ, въ ленной отъ себя зависимости, а своему брату Карлу Толстому предоставилъ Италію и санъ императорскій; по крайней мѣрѣ, Карлъ ходилъ въ томъ же году за Альпы, короновался императорскою короною и принялъ титулъ Короля Лонгобардскаго.

Въ это время Каролингская династія имѣла несчастіе такъ быстро вымереть, что въ 884 г. Карлъ Толстый, за исключеніемъ Бретаньи и Бургундіи, сдѣлавшихся независимыми, соединилъ подъ своимъ скипетромъ всю монархію Карла Великаго, которая, однакожъ, въ своемъ теперешнемъ составѣ совершенно не походила на твореніе сего великаго Государя. Военное устройство потеряло всю свою силу, и Королю легче было откупаться отъ своихъ враговъ, нежели собирать войско; вотъ причина, почему такъ часто должно было платить Норманнамъ золото, чтобъ прину-

дить ихъ къ отступленію. Такая система откупанія очевидно произвела два вредныя слѣдствія: съ одной стороны, надежда на легкую добычу побуждала Норманновъ къ частымъ вторженіямъ, съ другой, количество благородныхъ металловъ такъ уменьшилось, что стали чеканить фальшивую монету, а чрезъ то потерпѣли промышленность и торговля. Королевскую же власть преимущественно подрывало наслѣдственное право должностей и леновъ. Въ 877 году Карлъ Лысый первый оффиціяльно утвердилъ законность этихъ правъ. Ибо не только лены и достоинства должны были впредь переходить отъ отца къ сыну, но также и графства, причемъ Король сохранилъ только одно формальное право отдавать ихъ въ ленъ наслѣдникамъ *). Впрочемъ это не было новостью, ибо Карлъ сдѣлалъ закономъ то, что уже существовало какъ обычай. Малое число людей, умѣвшихъ въ смутныя времена сохранить свою свободу, отнынѣ должно было искать защиты или у особъ свѣтскихъ, или у Церкви, и сдѣлаться крѣпостнымъ. Свѣтскіе и духовные сановники общими силами стояли противъ народа и по причинѣ слабости Королей все болѣе и болѣе угнетали его. При такихъ обстоятельствахъ, все, что сдѣлалъ Карлъ Великій для благодѣянія и образованности, неминуемо должно было прійти въ упадокъ. Даже для умовъ возвышенныхъ и знаменитыхъ стоило бы нечеловѣческихъ усилій водворить твердость и порядокъ въ этомъ хаосѣ, а для не-

*) Baluz. Capitul. T. II, p. 257.

счастнаго Карла, вступившаго въ то время въ управленіе всѣмъ государствомъ, это было невозможно. Для разрѣшенія этой задачи надлежало явиться новому политическому и военному генію, подобному Карлу Великому. Карлъ Толстый съ молодыхъ лѣтъ былъ подверженъ припадкамъ черной немочи, и это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на его характеръ: онъ сдѣлался съ одной стороны раздражителенъ, вспыльчивъ, непостоянъ въ своихъ необузданныхъ страстяхъ, а въ другомъ отношеніи нерадивъ, безпеченъ, несклоненъ къ труднымъ занятіямъ, или по крайней мѣрѣ, подверженъ скорой усталости. Стоило только выказаться его неспособности выполнить великую роль, къ которой онъ былъ назначенъ судьбою, чтобы произвести всеобщее возстаніе. Сигналъ къ разъединенію монархіи подала Германія низверженіемъ Карла Толстаго и возведеніемъ на престолъ Арнульфа Каринтійскаго.

По смерти Людовика Младшаго, скончавшагося въ 882 году безъ наслѣдниковъ, Карлъ Толстый соединилъ подъ свою власть всѣ земли Нѣмецкихъ Каролинговъ. Французская вѣтвь Каролинговъ также быстро вымерла. Людовикъ Косноязычный скончался въ 879 году. Изъ трехъ сыновей его два старшіе, Людовикъ и Карломанъ, были его наслѣдниками, а младшій, Карлъ Простой, находился еще въ дѣтствѣ. Оба Принца подавали большія надежды; они обѣщали быть доблестными мужами, но судьба не позволила имъ достигнуть зрѣлаго возраста, похитивъ въ самомъ цвѣтѣ юности. Въ 882 году умеръ Людовикъ II, прославившись побѣдою, одержанною надъ Норманнами (*);

*) Сохранилась пѣснь, еще въ тѣ времена сложенная по случаю этой побѣды. Любопытный памятникъ минувшаго, она так-

спустя два года братъ его Карломанъ, опасно раненный на охотѣ, по неосторожности одного изъ своихъ спутниковъ, скончался 6 Декабря 884 года. Такъ какъ третій братъ, Карлъ Простой, былъ только пяти лѣтъ, и государство при тогдашнихъ безпокойствахъ требовало Короля взрослаго и твердаго, то Французскіе вельможи обратились къ единственному совершеннолѣтнему Каролингу, рожденному отъ законнаго брака, Карлу Толстому. Такимъ образомъ сей послѣдній еще разъ соединилъ подъ своимъ скипетромъ монархію Карла Великаго; только Бритты въ Бретани сдѣлались независимыми, а въ Альпахъ и Юрѣ образовалось новое королевство, Бургундія. Основателемъ этого королевства былъ тотъ самый графъ Бозонъ, котораго Карлъ Лысый женилъ на своей племянницѣ, дочери Императора Людовика II. Подстрекаемый честолюбіемъ своей супруги, для которой мысль быть женою зависимаго леннаго владѣтеля была невыносима, рѣшился онъ провозгласить себя Королемъ въ той странѣ, гдѣ у него было больше помѣстій и гдѣ его особенно уважали. Когда онъ склонилъ на свою сторону Папу и пріобрѣлъ сильный вѣсъ между Бургундскимъ духовенствомъ, Архіепископъ Арльскій, назначенный Папою викаріемъ во Франціи, созвалъ въ Октябрѣ 879 года соборъ изъ 23 Епископовъ въ Манталѣ, замкѣ между Вьенною и Валянсомъ; на немъ присутствовали также нѣкоторые свѣтскіе вельможи, коихъ Бозонъ склонилъ на свою сторону. Соборъ открылся жалобами на упадокъ Бургундскаго государства и предложилъ избрать своего собственнаго Короля. Бозонъ, на котораго палъ выборъ, не заставилъ себя долго упрашивать. Давъ обѣщаніе править честно и правосудно, онъ былъ коронованъ въ Короли Бургундскіе Авреліаномъ, Архіепископомъ Ліонскимъ. Это новое государство обнимало весь Провансъ, Дофине, Савоію, графство Бургундію и простиралось такимъ образомъ отъ границъ Лангедокскихъ до Озера Женевскаго. Отъ столицы своей Арль (Arles) или Arelatum оно называется также Арелатскимъ. Каро-

же имѣетъ и поэтическое достоинство. См. Herder's Volkslieder, Bd. 2. S. 227.

линги, въ справедливомъ негодованіи на беззаконное пріобрѣтеніе власти неблагодарнымъ Бозономъ, соединили противъ него всѣ свои силы; но гористое положеніе страны затрудняло войну, и Бозонъ все еще оставался непобѣжденнымъ, когда Каролингская династія подверглась внезапной смертности. Карлъ Толстый не могъ защитить Германіи и Лотарингіи противъ Норманновъ, утвердившихся въ Нидерландахъ и опустошавшихъ оттолѣ города Рейнскіе и Мозельскіе; онъ долженъ былъ выплачивать имъ огромныя денежныя суммы и отдать въ ленъ Фрисландію ихъ предводителю Готфриду. И какъ могъ онъ, вступивъ въ управленіе цѣлою монархіею, постигнуть своимъ духомъ потребности столькихъ областей,—духомъ, который вмѣсто того, чтобы расширяться съ расширеніемъ государства, по причинѣ несчастной болѣзни день ото дня становился все слабѣе? Способности Карла вскорѣ подверглись испытанію. Въ 885 году Норманскій морской Король Зигфридъ появился на Сенѣ съ такимъ флотомъ, какой еще никогда не показывался, а именно съ флотомъ изъ 700 лодокъ, и осадилъ Парижъ. Оба сына графа Роберта Сильнаго, Одонъ и Робертъ, бросились въ городъ и защищали его съ такою бодростью и успѣхомъ, что Императору дано было довольно времени для того, чтобы прійти и освободить городъ отъ осады. Но Карлъ ждалъ до слѣдующаго года (886), и когда уже въ осажденномъ городѣ недостатокъ въ всемъ дошелъ до высочайшей степени, а къ страданіямъ осажденныхъ еще присоединилась зараза, тогда только показался Карлъ Толстый съ войскомъ на Монмартрѣ, въ Октября 886 года. Взоры всего Франкскаго міра были обращены на него съ напряженнымъ вниманіемъ, и все его значеніе зависѣло отъ того, какъ онъ теперь поступитъ. Войско Карла было столь сильно, что могло разбить Норманновъ, но Императоръ предложилъ имъ договоръ: онъ обѣщалъ имъ большую сумму денегъ и указалъ на Бургундію, государство похитителя Бозона; тамъ должны были они жить на зимнихъ квартирахъ, пока имъ не будетъ выдана сумма, которую обѣщали заплатить въ Мартѣ слѣдующаго года. Общее неудовольствіе было отвѣтомъ на этотъ постыд-

ный договоръ (*); общественное мнѣніе цѣлаго государства было противъ Карла Толстаго, когда въ Германіи возсталъ противъ него Арнульфъ Каринтійскій, побочный сынъ Короля Карломана. Въ то самое время, какъ Парижскій походъ навлекъ на Карла презрѣніе подданныхъ, онъ нажилъ себѣ врага въ Верчельскомъ Епископѣ Ліутвардѣ, дотолѣ управлявшимъ за него дѣлами государства. Онъ повѣрилъ клеветѣ, что Епископъ соблазнилъ его супругу, и оттого заключилъ жену свою въ монастырь, а Ліутварда удалилъ отъ Двора. Пылая мщеніемъ, Епископъ обратился къ Арнульфу Каринтійскому и уговорилъ его возмутиться противъ своего дяди. Хотя по тогдашнимъ государственнымъ законамъ Арнульфъ по своему рожденію не могъ имѣть ни малѣйшаго притязанія на престолъ, но онъ надѣялся на всеобщее неудовольствіе. Дѣйствительно онъ не ошибся; какъ скоро въ 887 году выступилъ онъ изъ Каринтіи, къ нему сбѣжалось множество Франковъ, Тюрингцевъ, Саксовъ, принявшихъ его сторону. Вся толпа пошла къ Императорскому дворцу Трибуру, лежавшему на правомъ берегу Рейна, противъ Майнца; здѣсь въ Ноябрѣ 887 года Карлъ Толстый былъ объявленъ низложеннымъ, и на его мѣсто возведенъ Арнульфъ. Императоръ пришелъ слишкомъ поздно, чтобъ воспрепятствовать этому дѣйствію; Италія и Франція также послѣдовали примѣру Германіи, а въ горахъ Альпійскихъ образовалось, подъ руководствомъ Рудольфа I, новое королевство Верхне-Бургундское; и такъ несчастному Карлу оставалось только предаться Арнульфу. Арнульфъ оставилъ Карлу жизнь и даровалъ ему свободу; впрочемъ это доказываетъ не человѣколюбіе Арнульфа, а незначительность Карла, который, по видимому, глубоко почувствовалъ свой позоръ; онъ умеръ въ началѣ слѣдующаго 888 года, 12 Января, а его единственный незаконный сынъ Бернгардъ вскорѣ послѣ того былъ лишенъ жизни.

*) Хроники не знаютъ, какъ выразить свое негодованіе; у Регино сказано: nil dignum Imperatoria majestate fecit; — у другихъ: nil utile fecit; fecit enim consilium miserum.

Доселѣ Каролингская держава, хотя и раздѣленная, представляется чѣмъ-то единымъ, но съ этой поры отдѣльныя государства идутъ различными путями. Хотя Арнульфъ, какъ старшій изъ Каролингскаго рода, хотѣлъ властвовать и во Франціи и въ Италіи, однакожъ, въ первой онъ рѣшительно не могъ утвердить своего господства, а въ послѣдней, хотя и короновался императорскою короною въ 896 году, пріобрѣлъ только вліяніе недолговременное. Въ его правленіе, равно какъ въ правленіе его сына, Германія приняла совершенно другой видъ, потому что Арнульфъ сдѣлалъ двѣ ошибки: первая состояла въ томъ, что онъ возвысилъ однѣ фамиліи на счетъ другихъ, подавъ такимъ образомъ поводъ къ образованію *Герцогскихъ чиновъ*; вторая ошибка заключалась въ томъ, что для обузданія опаснаго врага, онъ накликалъ на государство еще ужаснѣйшаго, призвавъ *Венгровъ*, которымъ позволилъ заселить Паннонію. Устройство Германской Имперіи потребовало новаго основанія, когда управленіе ею въ 918 г. перешло отъ Каролинговъ къ Саксонской династіи.

Арнульфъ возшествіемъ своимъ на престолъ Нѣмецкій преимущественно былъ одолженъ недоброжелательству подданныхъ за малодушный поступокъ Карла противу Норманновъ; такимъ образомъ въ семъ отношеніи онъ долженъ былъ доказать, что заслуживаетъ тронъ болѣе своего предшественника. Онъ воспользовался случаемъ, когда Норманны, въ 891 году, хотѣли утвердиться въ Нидерландахъ, напалъ на ихъ укрѣпленный лагерь и истребилъ всѣхъ до единаго. Между тѣмъ столь знаменитая побѣда не могла доставить ему спокойнаго обладанія престоломъ.

Похищеніе короны Арнульфомъ было такъ быстро и неожиданно, что въ первое мгновеніе не успѣли еще образоваться противныя партіи, но такъ какъ теперь государственныя отношенія стали устанавливаться и многія лица должны были уступить свои права другимъ, то началось противодѣйствіе. Борьба между незаконнымъ правительствомъ и партіею законною произвела въ Германіи совершенно новыя отношенія. Она продолжалась въ правленіе Арнульфа и обоихъ его преемниковъ. Въ 899 году Арнульфу наслѣдовалъ сынъ его, Людовикъ Дитя, и когда въ 911 году, со смертью сего послѣдняго, прекратилась въ Германіи династія Каролингская, партія, одолженная похитителю Арнульфу своими помѣстьями и чинами, страшась потерять все съ возстановленіемъ законнаго Каролинга, спѣшила противопоставить своего собственнаго Короля справедливымъ притязаніямъ Французскаго Короля, Карла Простаго. Когда Оттонъ Саксонскій не принялъ предложенной ему короны, то королемъ былъ провозглашенъ Конрадъ I Франконскій, находившійся въ родственныхъ связяхъ съ Каролингскою фамиліею. Сей государь съ трудомъ могъ удержаться на своемъ престолѣ до своей смерти, послѣдовавшей въ 918 году. — Во время правленія этихъ трехъ Королей, конхъ власть была слаба, потому что не имѣла законнаго основанія, произошли герцогскія достоинства въ Германіи *).

Въ *Аллеманіи* или *Швабіи* Арнульфъ старался пріобрѣсть уваженіе посредствомъ возвышенія Соломона, Епископа Констанскаго и Аббата Санктгалленскаго, и возбудилъ тѣмъ самымъ противъ себя, равно какъ и противъ своего любимца, камеральныхъ чиновниковъ Бертольда и Эрхангера. Они съ завистью смотрѣли какъ власть ихъ уменьшалась и переходила въ руки Епископа Соломона; власть эта была подкрѣпляема всѣми приверженцами законнаго правительства. Такимъ образомъ въ Швабіи возникли двѣ пар-

*) Von der Entstehung und Bedeutung der deutschen Herzogsämter nach Karl dem Großen. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Staatsrechts, von Dr. Heinrich Leo. Berlin. 1827.

тіи, конхъ борьба продолжалась до X столѣтія; хотя въ 919 году Бертольдъ и Эрхангеръ были казнены, однако жъ ихъ партія не пала вмѣстѣ съ ними. Одинъ изъ ихъ родственниковъ или соумышленниковъ, Графъ Буркгардъ, явился главою ея, и область пришла въ спокойное состояніе только тогда, когда Буркгардъ получилъ въ ленъ земли казненныхъ и былъ возведенъ въ ихъ санъ съ титуломъ Герцога.

Въ *Франконіи* мы видимъ совершенно то же явленіе, какъ и въ Швабіи; только дѣло принимаетъ здѣсь кровавый оборотъ и по этому скорѣе достигаетъ своей цѣли. Благопріятствуя Епископу Вирцбургскому Рудольфу, Арнульфъ хотѣлъ ограничить здѣсь камеральныхъ чиновниковъ Адалберта и Вернера. Такъ какъ они воспротивились, то оттого произошла такъ называемая Бамбергская война, веденная съ кровавою лютостью и прекратившаяся только по истребленіи камеральныхъ чиновниковъ съ ихъ семействами. Слѣдствіемъ ихъ паденія было то, что Конрадъ, принадлежавшій къ Арнульфовой партіи, былъ провозглашенъ Герцогомъ. Въ *Саксоніи* не было подобнаго раздѣленія на партіи, потому что немногія имѣвшія силу въ этой странѣ фамиліи согласны были на возвышеніе Арнульфа. Чтобъ привязать ихъ еще болѣе къ своимъ интересамъ, Арнульфъ объявилъ, что предоставляетъ титулъ Герцога Брунону, мужу, пользовавшемуся уваженіемъ въ Саксоніи, а послѣ его смерти брату его Оттону. Въ *Баваріи* самъ Арнульфъ былъ почитаемъ и владѣлъ достаточнымъ количествомъ земель такъ, что избѣгнулъ необходимости возвысить преданную ему фамилію; также обыкновеннымъ его мѣстопребываніемъ былъ Регенсбургъ. По смерти Арнульфа, въ особенности когда Баварія почти ежегодно была подвержена нападеніямъ Венгровъ, Баварское племя также избрало своимъ главою Герцога, сперва Ліутбольда, а по смерти его, въ 907 году сына его Арнульфа. Въ *Лотарингіи* герцогское достоинство возникаетъ среди боренія партій. Арнульфъ уступилъ Лотарингію своему незаконному сыну Цвентибольду, для того, чтобъ управлять ею въ зависимости отъ Германіи. Какъ скоро Цвентибольдъ прибылъ въ Ло-

тарингію, то немедленно лишилъ приверженцевъ Карла Толстаго земель и раздѣлилъ ихъ между солдатами, съ нимъ пришедшими. Естественно, что лишенные владѣній образовали партію, и когда Цвентибольдъ, въ 900 г., палъ въ сраженіи съ ними, то ихъ начальникъ Рагенаръ принялъ герцогское достоинство. Изъ всѣхъ сихъ явленій видно, что тотъ самый переворотъ, который возвелъ на тронъ Арнульфа, совершенно ниспровергнулъ устройство Каролингскаго государства. Теперь Германскія племена, каждое подъ управленіемъ Герцоговъ, снова образовали отдѣльное политическое тѣло и осуществляли свои особые интересы; оттого задачею Нѣмецкихъ Королей было возвысить свою власть надъ властью Герцоговъ. Это случилось въ правленіе Саксонской династіи, которая отторгла Германію отъ всякаго сношенія съ фамиліею Каролингской. Конрадъ I, который, какъ объяснено выше, по смерти Людовика Дитяти, былъ возведенъ въ 911 году на престолъ, могъ только до тѣхъ поръ заставить признавать себя Королемъ, пока его признавалъ и поддерживалъ Саксонскій Герцогъ Оттонъ; но по смерти Оттона возсталъ противъ него сынъ и наслѣдникъ Оттоновъ Генрихъ. Будучи не въ состояніи усмирить его, Конрадъ, умирая, въ 918 году присовѣтовалъ своей партіи заключить съ Саксонскимъ Герцогомъ договоръ, по которому должно было избрать его въ Короли, и партія имѣла довольно благоразумія, чтобъ послѣдовать этому совѣту. Со вступленіемъ на престолъ Генриха I начинается въ Германіи новый порядокъ вещей. Однако жъ, мы должны на время прервать нить исторіи Нѣмецкаго Государства и слѣдовать за развитіемъ другихъ государствъ до прекращенія Каролингской династіи. Только одинъ пунктъ, имѣющій непосредственное соприкосновеніе съ низверженіемъ Карла Толстаго и узурпаторствомъ Арнульфа, заслуживаетъ объясненія, а именно *утвержденіе Венгровъ* въ *Панноніи*. Этотъ народъ собственно называется Маджарами; но при первомъ появленіи онаго, Нѣмцы называли его Венграми, Аварами или Гуннами (*).

*) Ann. Bertin. ad a. 862: Sed et hostes, antea populis illis

Выгнанные въ 883 году Печенѣгами изъ степей, лежащихъ между Днѣпромъ и Дономъ, Венгры, переправясь чрезъ Днѣпръ цѣлыми массами, разлились по Бессарабiи, Молдавiи и Валлахiи. Никому не были они столь благопрiятны, какъ Византiйскому Императору Льву VI, который съ трудомъ могъ обороняться противъ Болгаръ. Слѣдуя древней Римской политикѣ, сокрушать варваровъ варварами, онъ заключилъ въ 888 году съ Венграми союзъ, и при ихъ помощи усмирилъ Болгарскаго Царя Симеона. Въ это-то самое время занялъ Нѣмецкiй престолъ Арнульфъ; между другими слѣдствiями незаконнаго обладанiя важно также и то, что подчиненныя и зависимыя Славянскiя области отдѣлились и нашли въ Герцогѣ Цвентибольдѣ или Святополкѣ Моравскомъ защитника и опору. Въ то время, какъ Германско-Романскiй міръ съ разъединенiемъ Каролингскаго государства раздроблялся въ политическомъ отношенiи, Цвентибольдъ вознамѣрился сосредоточить въ одно цѣлое міръ Славянскiй. Чтобъ воспрепятствовать этому, Арнульфъ призвалъ противъ Цвентибольда на помощь Венгровъ и при этомъ подкрѣпленiи ему удалось, въ 893 г., усмирить Цвентибольда и разрушить его планы. Между тѣмъ какъ большая часть Венгровъ поддерживала Арнульфа, Болгарскiй Царь отмстилъ имъ за помощь, поданную Императору Греческому. Въ союзѣ съ Печенѣгами напалъ онъ на область, занимаемую Венграми, а такъ какъ оставшiеся были слишкомъ слабы, чтобы отразить его, то и послѣдовали за своими единоземцами, бывшими съ Арнульфомъ. Сiи послѣдніе, совершивъ походъ противъ Цвентибольда, только что возвращались; узнавъ отъ бѣглецовъ о всемъ случившемся въ ихъ отсутствiи, они хотѣли поселиться въ тѣхъ земляхъ, на которыхъ теперь находились, именно въ Галицiи и Лодомерiи, но князья этихъ странъ прибѣгли къ дарамъ и увѣщанiямъ, чтобъ удалить дикихъ гостей; они указали имъ на Паннонiю и представили эту землю столь привлекательною, что Венгры послѣдовали ука-

inexperti, qui *Ungri* vocantur, regnum ejusdem (т. е. Людовика Нѣмецкаго) populantur.

запію и, перейдя Карпаты, прибыли въ Паннопію. Они нашли здѣсь привольныя пастбища и страну, какъ бы для нихъ созданную. Паннопія принадлежала Нѣмецкому Государству; по этому очень вѣроятно, что Арнульфъ, какъ ихъ доброжелатель и союзникъ, позволилъ имъ тамъ поселиться. Пока Арнульфъ жилъ, они находились въ спокойномъ состояніи, но послѣ его смерти стали дѣлать нападенія на Германію, Францію и Италію: являлись и исчезали съ необыкновенною скоростью, славились свирѣпостью, суровостью своихъ нравовъ и распространяли по симъ странамъ ужасъ своего имени (*).

Паденіе Карла Толстаго должно было произвести во Франціи тѣ же слѣдствія какъ и въ Германіи; но такъ какъ единственный Каролингъ жилъ еще во Франціи, то это обстоятельство произвело здѣсь существенное различіе. Хотя Каролинги видимымъ образомъ еще долгое время удерживали титулъ королевскій, но только къ ущербу королевской власти, ибо, въ то время, какъ графы и вожди снискивали права высочества, значеніе королей нисходило на низшую степень. Между вельможами, основавшими свое могущество и вліяніе на паденіи Каролинговъ, въ особенности возвысился родъ Капетинговъ, которому въ 987 году удалось свергнуть Каролинговъ съ престола и пріобрѣсть королевское достоинство. Франція изъ Каролингской монархіи перешла въ новую форму, которая долгое время должна была содѣлать

*) Регино изображаетъ ихъ такимъ образомъ: Vivunt non hominum sed belluarum more. Carnibus si quidem, ut fama est, crudis vescuntur, sanguinem bibunt, corda hominum, quos capiunt, particulatim dividentes veluti pro remedio devorant, nulla miseratione flectuntur, nullis pietatis visceribus commoventur. Capillum usque ad cutem ferro caedunt. Equis omni tempore vectantur; super illos ire, meditari, colloqui solent: liberos ac servos suos equitare et sagittare magna cum industria docent.

ее безсильною *). Королевская власть была основана на родовыхъ владѣніяхъ Капетингской фамиліи, и такъ какъ эти владѣнія не были болѣе имѣній нѣкоторыхъ вассаловъ, то каролевская власть была слаба. Тѣмъ съ большею выгодою подѣйствовало это раздробленіе королевства на развитіе жизни умственной, потому что всякій могущественный графъ и владѣтель содержалъ дворъ, подобно Королю, и старался сдѣлать его средоточіемъ свѣтскаго образованія, равно какъ и убѣжищемъ наукъ и художествъ.

Вліяніе и могущество рода Капетингскаго возникли во времена Карла Лысаго. Когда сей Король, желая защитить отъ Норманновъ берега и устья рѣкъ, назначилъ военныхъ комендантовъ съ титуломъ герцоговъ—duces, то поручилъ труднѣйшій постъ, а именно полосу земли между Лоарою и Сеною, графу *Роберту Сильному*. Онъ назначилъ его въ 861 году Герцогомъ Франціи, по имени этой полосы земли; Робертъ оправдалъ довѣренность Короля: онъ довольно счастливо отражалъ Норманновъ, доколѣ, въ 867 году, не палъ въ одномъ изъ сраженій съ ними. Робертъ оставилъ двухъ сыновей, Одона и Роберта, и Король былъ такъ много обязанъ отцу, что не могъ отказать старшему его сыну Одону въ достоинствѣ Герцога Франціи. Этотъ Одонъ былъ тотъ самый, который въ 885 и 886 годахъ такъ храбро защищалъ Парижъ противъ Норманновъ; его слава была тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ значительнѣе былъ стыдъ, навлеченный на себя при этомъ случаѣ Карломъ Толстымъ, и когда въ Германіи Карлъ Толстый былъ насильственно низверженъ съ трона, то самымъ естественнымъ образомъ составилась во Франціи много-

*) Главный источникъ для исторіи послѣднихъ Каролинговъ во Франціи и возвышенія Капетинговъ есть Richeri historiarum libri IV. Ex codice seculi X autographo edidit G. H. Pertz. Hannov. 1839.

численная партія, пытавшаяся поступить такимъ же образомъ съ Одономъ, какъ было поступлено съ Арнульфомъ въ Германіи. Однако Арнульфъ нѣкоторымъ образомъ, хотя и незаконно, происходилъ отъ крови Каролинговъ, между тѣмъ какъ Одонъ не имѣлъ ровно никакого права; онъ самъ понималъ это и потому, чтобъ успокоить приверженцевъ старой династіи, объявилъ, что не намѣренъ нарушать права Карла Простаго; но такъ какъ этотъ законный принцъ былъ еще несовершеннолѣтенъ, а обстоятельства требовали мужа, то по этому онъ и принялъ титулъ королевскій, съ тѣмъ, чтобъ потомъ передать его законному наслѣднику, какъ скоро онъ достигнетъ совершеннолѣтія. Это благородное и патріотическое объявленіе не могло, однако жъ, водворить спокойствія; многочисленная партія, въ главѣ которой стоялъ Архіепископъ Реймскій Фульконъ, благопріятствуя законному Каролингу, возстала на узурпатора. Въ 893 году тринадцатилѣтній Карлъ былъ коронованъ въ Короли, и Франція узрѣла двухъ правителей, а въ слѣдствіе этихъ отношеній и междоусобную войну. Но чѣмъ старше становился Карлъ и чѣмъ яснѣе видѣлъ, что онъ игралище своихъ приближенныхъ, тѣмъ несноснѣе казалось ему это положеніе; по этому онъ захотѣлъ примириться съ своимъ противникомъ, Королемъ Одономъ. Въ 897 году оба они согласились въ томъ, чтобъ Одону пожизненно сохранять королевское достоинство, а послѣ его смерти оно должно было возвратиться къ Карлу Простому, которому собственно и принадлежало. Одонъ сохранилъ этотъ договоръ самымъ совѣстнымъ образомъ; вскорѣ послѣ того, будучи одержимъ недугомъ и чувствуя приближеніе смерти, онъ убѣдилъ брата своего Роберта со всею его партіею признать Карла своимъ Королемъ, что дѣйствительно и случилось послѣ того какъ Одонъ въ Январѣ 898 года скончался. Со вступленіемъ на престолъ законнаго Короля, безпокойства и замѣшательства, коимъ доселѣ предлогомъ служило узурпаторство, не прекратились. Во время войны за корону между вельможами королевства произошло множество частныхъ ссоръ, совершенно разстроившихъ жизнь гражданскую; Король

не могъ созвать сейма безъ того, чтобъ взаимная ненависть вельможъ не разразилась на самомъ сеймѣ кровопролитными спорами; онъ не могъ собрать войска безъ того, чтобъ разнородныя стихіи раздора не принудили солдатъ снова разойтись. Слѣдствіемъ такихъ отношеній была совершенная беззащитность страны и при этихъ-то обстоятельствахъ возникло *герцогство Нормандія*. Когда въ 911 году морской Король Норманскій Рольфъ или Роллонъ съ большою силою высадился на сѣверномъ берегу Франціи, то Королю, покинутому своею партіею, оставалось только начать переговоры съ врагомъ. Карлу пришло на мысль сдѣлать Норманновъ защитниками королевства противъ ихъ же единоземцевъ и извлечь изъ нихъ пользу посредствомъ родственнаго союза. Мысль эта послужила основаніемъ предложенію, сдѣланному имъ предводителю Норманновъ: онъ предложилъ ему руку своей дочери Гизелы и обѣщалъ всю полосу земли между Бретанью, графствомъ Мень (Maine) и моремъ, съ условіемъ, чтобъ онъ присягнулъ и принялъ Христіанство. Какъ скоро Роллонъ согласился на эти предложенія, то Карлъ назначилъ ему свиданіе у Сенъ-Клера на Эптѣ и тѣмъ болѣе поспѣшилъ заключеніемъ договора, что и Капетингъ Робертъ былъ уже въ союзѣ съ Норманнами. Роллонъ съ собственнаго согласія былъ наставленъ въ правилахъ Христіанской Вѣры и крещенъ по имени своего крестнаго отца, Капетинга Роберта. Вскорѣ послѣ того женился онъ на Гизелѣ, не смотря на то, что ему было 61 лѣтъ, а ей только 14. —Норманны послѣдовали примѣру своего герцога и также крестились, а такъ какъ обстоятельства, при которыхъ они овладѣли землею, по ихъ имени названною Нормандіею, сходствовали съ обстоятельствами въ остальной Франціи, то отъ сего и произошло, что Норманны по нравамъ и языку сдѣлались Французами. Такъ возникло герцогство, коему во Всеобщій Исторіи назначена была столь замѣчательная роль; Норманскій Герцогъ уже по своему происхожденію отличался отъ Герцоговъ, появленіе которыхъ видѣли мы въ Германіи; онъ въ самомъ началѣ былъ тѣмъ, чѣмъ тѣ

сдѣлались позже, а именно верховнымъ владыкою; присяга его была однимъ обрядомъ.

Хотя договоръ, заключенный съ Норманнами и помогъ на время Королю Карлу, однако онъ тѣмъ ничего не перемѣнилъ во всемъ положеніи дѣлъ. Онъ имѣлъ постояннаго противника въ Капетингѣ Робертѣ, къ которому присоединились всѣ недовольные; для удовлетворенія своего соперника Карлу пришлось бы сойти съ престола и уступить его Роберту. Въ самомъ дѣлѣ скоро требованія Роберта, по которымъ Карлъ долженъ былъ отпустить своего министра Ганона, произвели между ними разрывъ. Робертъ заставилъ своихъ приверженцевъ провозгласить себя королемъ. При Соассонѣ произошло въ 923 году между обоими Королями упорное и кровопролитное сраженіе. Хотя Король Робертъ лишился въ немъ жизни, однако его смерть не принесла Карлу никакой выгоды, потому что сынъ Роберта, Гугонъ Великій, заступилъ мѣсто отца, одержалъ побѣду, и не желая самъ принять короны, приказалъ еще на полѣ битвы провозгласить королемъ зятя своего Рудольфа и на другой день короновалъ его въ Соассонѣ. Карлъ долженъ былъ прибѣгнуть къ иноземной помощи и обратился къ Генриху Нѣмецкому. Возмутители, болѣе всего страшившіеся чуждаго вмѣшательства, употребили въ этомъ случаѣ хитрость, которая имъ удалась, по откровенности и простосердечію Карла. Графъ Гербертъ Вермандуасскій пригласилъ его въ одинъ изъ своихъ замковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ ему покориться; но едва вѣроломный предатель захватилъ Короля въ свои руки, какъ и взялъ подъ стражу и заточилъ въ Пероннѣ. Супруга Карлова, при извѣстіи о такомъ несчастіи, бѣжала съ своимъ сыномъ въ Англію. Всеобщее смятеніе было слѣдствіемъ наступившаго положенія дѣлъ. Во всѣхъ южныхъ за-Лоарскихъ земляхъ узурпаторъ Рудольфъ не былъ признанъ *), а тамъ, гдѣ его и

*) На всѣхъ актахъ, относящихся къ этому времени, сіе послѣднее означено слѣд. образомъ: Actum anno tertio, quo Carolus Rex per infidos Francos dehonestatus est — или Actum anno V., quo Franci dehonestaverunt Regem suum Karolum et contra legem elegerunt sibi Rodulfum in Regem.

признали, онъ долженъ былъ милостями снискивать вѣрность своихъ приверженцевъ. Въ то время, какъ вельможи присвоивали королевскія земли и королевскія права въ тѣхъ странахъ, гдѣ не признавали Рудольфа, самъ Рудольфъ долженъ былъ въ подвластныхъ ему областяхъ дарить своихъ приверженцевъ. Хотя въ послѣдствіи Каролинги снова достигли королевской власти, но и они не находили средствъ къ удержанію ея. Въ 929 году Карлъ Простой умеръ въ заключеніи. Кромѣ дочери Гизелы, выданной замужъ за Герцога Норманскаго, оставилъ онъ сына Людовика, рожденнаго отъ третьей своей супруги, Этгивы, дочери Англо-Саксонскаго Короля Эдуарда. Этотъ принцъ, однако жъ, бѣжалъ въ Англію и жилъ при Дворѣ своего дяди Ательстана. Въ растерзанной Франціи Людовику легко было бы составить партію при первомъ своемъ появленіи, но кажется, что Ательстанъ не хотѣлъ его отпустить во Францію на произволъ судьбы: онъ столь много заботился о его безопасности, что не позволилъ ему явиться среди борьбы корыстолюбивыхъ партій. Онъ ждалъ смерти узурпатора Рудольфа, надѣясь возвести своего племянника на тронъ путемъ дипломатическимъ. Въ 936 году умеръ Рудольфъ, не оставивъ наслѣдниковъ. Изъ Французскихъ вельможъ, Гугонъ Великій и Гербертъ Вермандуасскій болѣе всѣхъ имѣли притязанія на упраздненный престолъ, какъ по своему могуществу, такъ и по родству съ домомъ Каролингскимъ; но такъ какъ оба въ равной степени были сильны и завистливы другъ къ другу, то ни одинъ изъ нихъ не былъ избранъ, но вызвали изъ Англіи законнаго принца Людовика, прозваннаго Заморскимъ (Ultramarinus). Впрочемъ Англійскій Король отпустилъ своего племянника тогда только, когда посольство, долженствовавшее отвезти его, торжественно поклялось, что принцъ будетъ принятъ съ надлежащимъ почетомъ и что нечего за него опасаться. Дѣйствительно Людовикъ встрѣтилъ многихъ вассаловъ, собравшихся для принятія его; онъ былъ отведенъ ими въ Лаонъ, и тамъ, въ Іюнѣ 936 года, помазанъ и коронованъ Архіепископомъ Реймскимъ. Тогдашніе писатели даютъ Капетингу Гугону тотъ

самый титулъ, который носили Каролинги до вступленія своего на тронъ; они называютъ его Dux praepotentissimus Francorum. На дѣлѣ Каролингскіе Короли были въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ тогда находились Меровинги; не доставало только законной власти Майордома, и снова повторился бы тогда прежній ходъ дѣлъ. Впрочемъ Гугонъ надѣялся при новомъ Королѣ разыгрывать роль Майордома, но воспитаніе сдѣлало Людовика слишкомъ самостоятельнымъ, чтобъ позволить управлять собою; по этому онъ провозгласилъ себя совершеннолѣтнимъ и не нуждающимся въ опекѣ. Въ слѣдствіе этого, Гугонъ отпалъ отъ Короля, и Король, чтобъ не быть оставленнымъ, долженъ былъ отдать послѣднія, еще уцѣлѣвшія права и имѣнія. Среди такихъ обстоятельствъ, Людовикъ IV Заморскій, не смотря на свою дѣятельность и предпріимчивость, не былъ въ состояніи возвысить королевской власти изъ ея унпчиженія. Нужно было владѣть землею и людьми, чтобъ совершить это; но какъ ни старался Людовикъ, и хотя онъ ничего не упустилъ, что могло бы доставить ему обладаніе тѣмъ и другимъ, однако жъ онъ ничего не могъ сдѣлать противъ обстоятельствъ. Самый могущественный владѣтель былъ въ то время Гугонъ Великій; весьма естественно, что корона, коей значеніе и блескъ могли только быть поддержаны такимъ обладаніемъ, должна была перейти отъ обѣднѣвшихъ Каролинговъ къ дому Капетингскому. Если бы Гугонъ не имѣлъ многочисленныхъ враговъ, изъ ненависти къ нему приставшихъ къ Королю законному, правленіе Короля Людовика прекратилось бы уже и теперь. — Въ 954 году Людовикъ Заморскій скончался, на 36 году отъ рожденія, въ слѣдствіе паденія съ коня; изъ обоихъ сыновей, его пережившихъ, старшему, Лотарю, было 13 лѣтъ, а младшему, Карлу, только одинъ годъ. Нельзя было и думать о раздѣленіи государства между этими принцами, потому что область, принадлежавшая Королю, ограничивалась городомъ Лаономъ и его окрестностями; все остальное было подарено или отторгнуто насиліемъ. Такимъ образомъ Лотарь одинъ былъ провозглашенъ Королемъ; чтобъ купить дружбу могущест-

вепнаго Гугона, онъ долженъ былъ сдѣлать его еще могущественнѣе. Теперь въ рукахъ Гугона была такая власть, съ помощью которой онъ могъ играть ту же самую роль, которую нѣкогда разыгрывали при Меровингахъ Пиппинъ Геристальскій и Карлъ Мартелъ. Такъ какъ Гугонъ скончался уже въ 956 году, то власть покойнаго была раздѣлена между его сыновьями: старшій, *Гугонъ-Капетъ*, получилъ графство Орлеанъ и Парижъ съ титуломъ Герцога Франціи; на долю втораго сына, *Оттона*, достались остальныя фамильныя владѣнія. Королю Лотарю, ограниченному однимъ Лаономъ и доходами съ нѣкоторыхъ мызъ, оставалось только смотрѣть за междоусобными войнами вассаловъ, или являться миротворцемъ, когда враждующимъ партіямъ угодно было подчиняться его приговорамъ. Лотарь пользовался уваженіемъ только потому, что имѣлъ въ Гугонъ Капетѣ преданнаго себѣ слугу. Хитрый Гугонъ представлялся вѣрноподданнымъ для того, чтобъ всѣ свои дѣйствія выполнять во имя Короля, и если онъ, помогая Королю, подчинялъ отпадавшихъ вассаловъ, то старался для самого себя и для своего дома, къ которому рано или поздно должна была перейти корона. Лотарь умеръ 2 Марта 986 года; его сынъ и наслѣдникъ Людовикъ V могъ такъ мало сдѣлать, по причинѣ своего ограниченнаго положенія, что хроники говорятъ объ немъ только—nihil fecit. Это выраженіе стало его прозваніемъ въ Исторіи, потому что Французы называютъ его Louis le Fainéant, а Нѣмцы Людовикомъ Лѣнивымъ. Людовикъ скончался бездѣтенъ, 22 Мая 987 года. Единственнымъ оставшимся законнымъ Каролингомъ былъ Карлъ, второй сынъ Людовика Заморскаго, занимавшій у Оттона I должность Герцога Нижне-Лотарингскаго и находившійся въ отсутствіи въ то время, какъ умеръ его племянникъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Гугонъ Капетъ, для присвоенія себѣ короны. Получивъ согласіе отъ своего зятя, Герцога Рихарда Норманскаго, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ бароновъ, онъ заставилъ провозгласить себя Королемъ въ Нойонѣ, 1 Іюня 987 года, и потомъ былъ помазанъ и коронованъ въ Реймсѣ Архіепископомъ Адальберономъ. Карлъ Нижне-Лота-

рингскій протестовалъ противъ похищенія власти, и такъ какъ онъ нашелъ приверженцевъ въ завистникахъ новаго Короля, то и могъ выступить противъ похитителя. Храбрость и дѣятельность, оказанныя Карломъ въ этой борьбѣ, дѣлали его достойнымъ престола; но крайней мѣрѣ отрадно то, что, при паденіи Каролинговъ, послѣдній членъ этого царственнаго рода лишился вѣнца Карла Великаго не по личнымъ недостаткамъ, а по ограниченной политикѣ своихъ предшественниковъ. Въ 988 году Карлъ завоевалъ Лаонъ и отразилъ Короля Гугона, захотѣвшаго осадить его; онъ овладѣлъ также городомъ Реймсомъ, служившимъ мѣстомъ коронованія, но не успѣлъ здѣсь торжественнымъ образомъ принять помазаніе и корону, потому что былъ измѣннически выданъ вмѣстѣ съ дѣтьми своему противнику, и до самой смерти содержался въ темницѣ. Такъ во Франціи королевское достоинство перешло отъ Каролинговъ къ Капетингамъ.

При шаткости Итальянскихъ отношеній было весьма естественно, что съ разрушеніемъ Каролингскаго государственнаго устройства, въ Италіи все должно было прійти въ гораздо большее замѣшательство, нежели во Франціи и Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, нравственное и политическое разстройство вскорѣ достигло высшей степени, и даже Римская Церковь была вовлечена въ этотъ омутъ. *Основнымъ правиломъ Итальянской политики было—всегда противополагать одного властителя другому, для того, чтобъ ни одному изъ нихъ не повиноваться* *). Такимъ образомъ правители слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ, низвергая другъ друга до тѣхъ поръ, пока Нѣмецкій Король не

*) *Liudprand.* Antapod. lib. I cap. 37: Semper Italienses eg-minis uti dominis volunt, quatenus alterum alterius terrore coerceant.

былъ вовлеченъ въ отношенія Италіянскія. Это обстоятельство дало ему поводъ надолго соединить Италію съ Германіею.

Едва узнали въ Италіи о паденіи Карла Толстаго и возвышеніи узурпаторовъ въ Германіи и Франціи, какъ *Беренгаръ Фріульскій*, внукъ Людовика Благочестиваго по матери своей Гизелѣ, уже овладѣлъ короною; въ Средней Италіи между тѣмъ возвысился противъ него *Гвидонъ Сполетскій*, претендовавшій равнымъ образомъ на родство съ Каролингами. И такъ Итальянцы достигли того, чего хотѣли: у нихъ было два правителя, воевавшіе между собою и находившіеся въ необходимости обѣщать раздачу правъ и владѣній для списканія себѣ опоры. Не смотря на то, что Беренгаръ былъ поддерживаемъ Нѣмецкимъ Королемъ Арнульфомъ, и что самъ Арнульфъ два раза переходилъ Альпы и короновался въ Римѣ Императоромъ, — Гвидонъ и его партія удержались. По смерти Гвидона, въ 894 году, сынъ его *Ламбертъ* не только заступилъ отца, но также овладѣлъ Римомъ и, объявивъ коронованіе Арнульфа недѣйствительнымъ, самъ вѣнчался императорскою короною. Чрезъ то, однако жъ, онъ мало выигралъ въ войнѣ съ Беренгаромъ; сей послѣдній, по смерти Императора Ламберта, умершаго въ 898 году бездѣтнымъ, казалось, неоднократно достигалъ цѣли своихъ желаній и властвовалъ одинъ въ Италіи. Итальянскіе вельможи составили противъ него оппозицію, и такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не былъ довольно силенъ, то они обратились къ иноземцамъ и вызвали сына Бозонова, Короля *Людовика Бургундскаго*. Людовикъ Бозонидъ перешелъ Альпы; ему въ самомъ дѣлѣ удалось изгнать своего противника послѣ трехлѣтней войны и короноваться, въ 901 году, Императоромъ. Беренгаръ, однако жъ, дотолѣ держался въ одномъ изъ своихъ крѣпкихъ замковъ, пока снова не возвысился посредствомъ вѣроломства. Употребивъ своимъ орудіемъ измѣну епископа Веронскаго, захватилъ онъ въ 905 году въ свою власть Людовика, приказалъ ему выжечь глаза и ослѣпленнаго выслалъ за Альпы

Такъ какъ приверженцы Людовиковой партіи чрезвычайно боялись мстительности Беренгара, то предложили Итальянскую корону Королю Рудольфу Верхнебургундскому и звали его для своей защиты. Рудольфъ принялъ предложеніе: онъ перешелъ Альпы съ своими Швейцарцами и Швабами, и Беренгаръ былъ принужденъ возобновить войну, веденную имъ неутомимо съ 888 года противъ столькихъ соперниковъ. Беренгару по несчастію вздумалось противопоставить иноземцамъ, приведеннымъ его противникомъ, также иноземцевъ; онъ напялъ Венгровъ и тѣмъ самымъ возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе, такъ что послѣ пораженія, нанесеннаго ему въ 923 году Рудольфомъ, онъ былъ всѣми оставленъ. Даже единственный другъ, послѣдовавшій за нимъ въ его убѣжище, явился измѣнникомъ, когда пало счастіе Беренгара. Чтобъ понравиться новому Королю, улучилъ онъ мгновеніе, когда Беренгаръ спалъ, и умертвилъ его. Беренгаръ оставилъ дочь, Гизелу, въ замужествѣ за Маркграфомъ Адальбертомъ Иврейскимъ; она имѣла отъ него сына Беренгара II, который былъ еще ребенкомъ въ то время, какъ палъ его дѣдъ, а потому и не могъ заставить признать правъ своего рожденія. Рудольфъ долженъ былъ теперь бороться только съ непостоянствомъ Итальянцевъ и ихъ обыкновенною политикою — противопоставлять одного властителя другому. Но что было пагубно для его предшественниковъ, то послужило и къ его гибели. Итальянцы обратились къ *Гугону Прованскому*, правившему въ Бургундіи за ослѣпленнаго Людовика Бозонида и самовольно присвоившему власть надъ королевствомъ по смерти послѣдняго. Гугонъ, въ слѣдствіе сдѣланнаго ему предложенія, вышелъ на берегъ въ 930 году, при Пизѣ; восторгъ, съ которымъ онъ былъ принятъ, возвѣстилъ Королю Рудольфу о томъ, что насталъ конецъ его господству въ Италіи. Онъ былъ столь благоразуменъ, что заключилъ съ Гугономъ договоръ, изъ котораго извлекъ всевозможную для себя выгоду. За то что Рудольфъ отказывался отъ Итальянской короны и обѣщалъ никогда болѣе не вмѣшиваться въ дѣла Итальянскія, Гугонъ уступилъ ему свое государство по ту сторону Альповъ, въ слѣд-

ствіе чего оба Бургундскія королевства были соединены подъ однимъ скипетромъ. Въ 930 году Гугонъ былъ одинъ Королемъ Италіи; Итальянцы, пригласившіе его для того, чтобъ продолжить зрѣлище боренія партій, по заключеніи договора Гугона съ Рудольфомъ были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ и скоро должны были почувствовать всю тягость строгаго и энергическаго правленія. Итальянскіе вельможи стали искать точки опоры противъ Короля Гугона и обратили свои взоры на Беренгара Иврейскаго. Естественно, что Беренгаръ навлекъ подозрѣніе Гугона, а подозрѣніе для самовластнаго государя было явнымъ преступленіемъ: Беренгаръ долженъ былъ подвергнуться ослѣпленію, чтобъ не имѣть болѣе возможности вредить. Но собственный сынъ Короля, Лотарь, сжалился надъ нимъ: онъ предостерегъ его отъ угрожавшей ему опасности, и Беренгаръ избѣгнулъ оной, бѣжавъ въ Швабію. Здѣсь собралъ онъ небольшую толпу ратниковъ, пожелавшихъ искать съ нимъ счастія, и возратился съ нею, въ 945 году, чрезъ Альпы. Дѣйствительно онъ снискалъ столько приверженцевъ, что Гугонъ не могъ болѣе держаться, но принужденъ былъ удалиться во Францію для набора войска. Однако, еще до своего возвращенія онъ умеръ, въ 947 году; Лотарь пережилъ отца только тремя годами, въ продолженіе коихъ онъ велъ съ большимъ трудомъ войну противъ Беренгара. Такимъ образомъ, по смерти Лотаря, Беренгаръ II былъ признанъ единственнымъ Королемъ Италіи и коронованъ въ Павіи. Но Лотарь оставилъ послѣ себя супругу Адельгейду, которая, овдовѣвъ на девятнадцатомъ году, была такъ прекрасна, что Беренгаръ по неволѣ опасался, чтобъ вокругъ нея не составилась враждебная ему партія. Беренгаръ, желая обезопасить себя отъ этой принцессы, хотѣлъ соединить ее бракомъ съ сыномъ своимъ Адальбертомъ. Но такъ какъ она отказалась и не внимала его предложеніямъ, то онъ прибѣгнулъ къ пасилію и заточилъ ее. Однакожъ она нашла средство уйти изъ заключенія въ замокъ Каноссу и отсюда старалась всѣхъ недовольныхъ Беренгаромъ заинтересовать въ свою пользу. Но такъ какъ Беренгаръ осадилъ ее, и ея партія

была не довольно сильна, чтобъ сразиться съ нимъ въ чистомъ полѣ, то она должна была искать помощи въ землѣ иноплеменной и обратилась къ Нѣмецкому Королю Оттону I.

Съ того времени какъ правленіе перешло къ Саксонской династіи, Нѣмецкое Государство скоро оправилось отъ замѣшательства, въ какое повергло его падевіе Карла Толстаго. Генрихъ снова утвердилъ королевскую власть, съ помощію которой удалось его твердому наслѣднику Оттону I унизить герцогскую власть въ отношеніи къ королевской до простой должности. Такъ-то достигли Нѣмецкіе Короли того могущества и того значенія, которыя дали имъ право почитаться достойными наслѣдниками Карла Великаго и возобновить притязанія, сопряженныя съ этимъ высокимъ именемъ. Оттонъ I охотно пошелъ на призывъ въ Италію и соединилъ Итальянскую корону и достоинство Римскаго Императора съ Нѣмецкимъ Государствомъ.

Генрихъ, герцогъ Саксонскій, достигши престола, что уже прежде было показано, воспользовался наилучшимъ образомъ обстоятельствами для возвышенія королевской власти, клонившейся къ распаденію. Его дѣятельность устремлена была на два пункта, отъ которыхъ зависѣли спокойствіе въ государствѣ и его внѣшняя безопасность, т. е. уничтоженіе внутреннихъ разбоевъ и отклоненіе вторженій Венгровъ. Со времени междоусобныхъ браней Каролинговъ, множество народа привыкло жить грабежемъ *). Генрихъ принялъ въ свою службу всѣ эти вооруженныя шайки, размѣстилъ ихъ по пограничнымъ укрѣпленіямъ

*) Contin. Rhegin. ad a. 920: Heinricus initium sui regni disciplina servandae pacis inchoavit. Multi enim illis temporibus, etiam nobiles, latrociniis insudabant.

противъ Славянъ и обратилъ ихъ дикую храбрость на враговъ отечества. Славяне были подчинены Франкскимъ Королямъ въ томъ только отношеніи, что ихъ князья доставляли войско и удерживали своихъ подданныхъ отъ нападеній на Франкское Государство; но со времени Генриха I измѣнились отношенія къ Славянамъ. Генрихъ I заложилъ на ихъ землѣ замки и укрѣпленія; Нѣмецкіе колонисты, надѣленные богатыми помѣстьями, поселились тамъ, сдѣлались владѣльцами, между тѣмъ несчастные Славяне были обращены въ крѣпостное сословіе. Если же какая нибудь область такимъ образомъ населялась и если она была довольно обширна, то для управленія ею назначался Маркграфъ. Два такихъ маркграфства были учреждены Генрихомъ въ Славянской землѣ: Сѣверосаксонскій маркъ или Альтъ-Маркъ Бранденбургъ и Мейсенскій. Для охраненія Саксоніи и Тюрингіи отъ нападеній Венгровъ оградилъ онъ стѣнами неукрѣпленныя мѣста и для защиты ихъ учредилъ гражданское ополченіе. *) Въ то же время упражнялъ онъ своихъ подданныхъ въ конныхъ скачкахъ, чтобы пріучить ихъ обращаться съ лошадьми, а сихъ послѣднихъ приготовить для предстоящей войны съ Венграми. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій и упражненій Генрихъ могъ вызвать Венгровъ на бой, и онъ исполнилъ это, ибо по окончаніи перемирія, заключеннаго въ 924 году на девять лѣтъ, отказалъ онъ въ платежѣ ежегодной подати. Венгры не заставили себя дожидаться: въ 933 г. они вторгнулись въ Саксонію, но при Мерзебургѣ потерпѣли отъ Генриха жестокое пораженіе. Этою побѣдою Генрихъ внушилъ къ себѣ такое уваженіе, что могъ подумать объ утвержденіи короны за своимъ домомъ. Не задолго до своей смерти созвалъ онъ въ

*) При учрежденіи гражданскихъ ополченій, — образецъ чему находится въ Библіи (Неемія XI, 1.); — по словамъ *Видукинда* Король поступилъ такъ: Ex agrariis militibus nonum quemque eligens in urbibus habitare fecit, ut ceteris consamiliaribus suis octo habitacula exstrueret, frugum omnium tertiam partem exciperet servaretque, ceteri vero octo seminarent et meterent frugesque colligerent nono et suis eas locis reconderent. Concilia et omnes conventus atque convivia in urbibus voluit celebrari.

Эрфуртъ всѣхъ герцоговъ и прочихъ сановитыхъ людей и взялъ съ нихъ обѣщаніе въ томъ, что они по его смерти изберутъ въ Короли втораго сына Оттона. По смерти Генриха, случившейся 2 Іюля 936 года, всѣ герцоги и графы съ своими вассалами съѣхались въ Ахенъ и дали присягу Оттону, сыну Генриха; потомъ былъ онъ представленъ собравшемуся народу и единогласно утвержденъ Королемъ. И такъ онъ достигъ престола, не какъ его отецъ, т. е. съ помощію партіи, но посредствомъ законнаго выбора государственными сановниками и чрезъ народное утвержденіе. Его отецъ не былъ помазанъ церковью и коронованъ; этотъ обрядъ былъ совершенъ надъ Оттономъ съ большимъ великолѣпіемъ высшимъ духовнымъ пастыремъ Нѣмецкаго Государства, Майнцскимъ Архіепископомъ. Присутствовавшіе тутъ герцоги отправляли придворныя должности, и слѣдовательно въ отношеніи къ Королю занимали мѣсто чиновниковъ *). Такимъ образомъ Нѣмецкое Государство вышло изъ того замѣшательства, въ которое повергнуто было узурпаторствомъ Арнульфа. Во первыхъ, оно сдѣлалось избирательнымъ государствомъ; во вторыхъ, въ основаніе его была положена мысль—ни какимъ образомъ не уничтожать естественнаго различія между племенами, но стараться привязывать ихъ къ Королю, съ помощію ихъ представителей, герцоговъ. Для поддержанія надлежащимъ образомъ выгодъ Короля въ каждомъ герцогствѣ былъ поставленъ пфальцграфъ, въ качествѣ королевскаго намѣстника. Права сего послѣдняго не только не равнялись правамъ герцога, но еще превышали, ибо ему подавались апелляціи на приговоры герцога. Если Король пріѣзжалъ въ какое нибудь герцогство, то власть герцога прекращалась на все время его пребыванія. Герцогъ заимствовалъ свой свѣтъ отъ Короля, какъ луна отъ солнца; при восхожденіи же дневнаго свѣ-

*) *Видукундъ* lib. II, cap. 2: Duces vero ministrabant: Lothariorum dux Giselbertus, ad cujus potestatem locus ille (Аахенъ) pertinebat, omnia procurabat, Evurhardus mensae praeerat, Herimannus pincernis, Arnulfus equestri ordini et eligendis locandisque castris praeerat.

тила блѣдпѣлъ и его свѣтъ. Оттого Оттонъ могъ также отдать свое герцогство кому нибудь другому, потому что значеніе его отца основывалось на поземельной власти въ его наслѣдственной области, а значеніе Оттона — на признаніи всей націи. Нужно было ожидать, что образъ дѣйствій, который онъ обнаружилъ при первомъ своемъ появленіи, равно какъ средства, употребленныя имъ для возвышенія королевскихъ правъ, покажутся герцогамъ тягостнѣе, чѣмъ они могли ожидать сначала: они возставали на Короля, а это служило ему поводомъ отрѣшать и замѣщать ихъ другими; такимъ образомъ герцогская власть, которая прежде равнялась королевской, теперь все болѣе и болѣе нисходила на степень простой должности. Политика Оттона состояла въ томъ, что онъ старался укрѣпить герцогства за своею фамиліею, и ему удалось, въ 940 году, своего зятя Конрада сдѣлать герцогомъ Франконскимъ и Лотарингскимъ, въ 947 году брата своего Генриха—Баварскимъ и сына Людольфа—Швабскимъ. Такимъ образомъ въ то время, когда Адельгейда и ея Итальянскіе приверженцы обратились къ Оттону, онъ былъ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ государей, которые царствовали надъ прежними Каролингскими землями. Такъ какъ Оттонъ, по смерти своей первой супруги Эдиты, нѣсколько лѣтъ уже былъ вдовъ, то за помощь его можно было предложить ему непосредственную награду: руку и корону Адельгейды. Въ 951 г. Оттонъ перешелъ Альпы, освободилъ отъ осады Каноссу и въ Павіи обвѣнчался съ Адельгейдою. На первый случай, онъ удовольствовался единственно зависимостью Беренгара; сей послѣдній получилъ отъ него въ лепъ Лонгобардское королевство; только Веронскій Маркъ былъ присоединенъ къ Нѣмецкому Государству, для того, чтобы Альпійскіе проходы открыты были для Нѣмцевъ. Но бракъ Оттона съ Адельгейдою посѣялъ неудовольствіе въ самой королевской фамиліи; дѣти Оттона отъ перваго брака, Людольфъ и Луитгарда, возпенавидѣли свою мачиху; а когда эту ненависть раздѣлилъ также и Конрадъ, супругъ Луитгарды, то противъ Короля произошло возстаніе. При этомъ обстоятельствѣ Оттонъ показалъ,

что имѣетъ довольно твердости, чтобы по личнымъ отношеніямъ, или изъ родственной любви не отступать отъ тѣхъ правилъ, которыя служили прочнымъ основаніемъ его государству. Онъ отрѣшилъ и сына, и зятя, а Швабію, герцогство перваго, отдалъ Буркарду; управленіе же Лотарингіею поручилъ своему брату Брунону, Кельнскому Архіепископу. По совѣту сего послѣдняго Лотарингія была раздѣлена на двѣ части: Верхнюю и Нижнюю Лотарингію, и каждая часть управлялась особымъ герцогомъ (Готфридомъ Барскимъ и Карломъ Нижнелотарингскимъ), но подъ верховнымъ надзоромъ Брунона. Эти безпокойства побудили Венгровъ сдѣлать новое нападеніе на Германію. Предпринявъ, въ 955 г., разбойничій походъ, встрѣтили они Оттона съ войскомъ, собраннымъ изъ всѣхъ частей государства при Аугсбургѣ; они потерпѣли близъ этого города на Лехѣ такое сильное пораженіе, что уже болѣе не осмѣливались нападать на Германію. Маркграфство Австрія было теперь возстановлено, и съ 984 года передано Леопольду Бабенбергскому, фамилія котораго правила здѣсь до конца своего существованія. Елва Оттонъ возстановилъ спокойствіе въ Германіи, какъ самымъ убѣдительнымъ образомъ былъ призванъ въ Италію. Беренгаръ хотѣлъ тамъ сдѣлаться независимымъ и изливалъ свою злобу на всѣхъ принадлежавшихъ къ Нѣмецкой партіи. Сперва Оттонъ послалъ за Альпы своего сына Людольфа и повидимому назначалъ его на мѣсто Беренгара, такъ какъ Людольфъ чрезъ свое возстаніе потерялъ всякое право на Германскій престолъ. Но Людольфъ умеръ, и, въ 961 году, Оттонъ самъ отправился въ Италію. Итальянскіе епископы и графы объявили Беренгара отрѣшеннымъ, и Миланскій Архіепископъ вѣнчалъ Оттона Ломбардскою королевскою коропою. Съ этихъ поръ Ломбардская корона тѣсно была соединена съ Нѣмецкою, и Король, избранный въ Германіи, имѣлъ ближайшее право на Ломбардскій престолъ; городъ Монца, въ которомъ еще во времена господствовавшаго въ Лонгобардскомъ Королевствѣ Аріанизма была поотроена первая Католическая церковь, теперь былъ мѣстомъ, гдѣ во время своего Римскаго похода Нѣмецкій Ко-

роль обыкновенно принималъ желѣзную корону. Изъ Верхней Италіи Оттонъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ, 2 Февраля 962 года, Папа Іоаннъ XII короновалъ его Императоромъ. Война съ Беренгаромъ, который въ своихъ крѣпкихъ замкахъ оказывалъ отчаянное сопротивленіе, надолго задержала новаго Императора въ Нижней Италіи, и Оттоново господство съ каждымъ днемъ становилось тягостнѣе для Итальянцевъ. Они хорошо знали, что никакая власть не въ состояніи стать на ряду съ властью Нѣмецкаго Короля и что насталъ конецъ ихъ вѣроломству, которое вошло у нихъ въ обыкновеніе со времени низложенія Карла Толстаго. Папа поддерживалъ недовольныхъ. Тогда какъ Оттонъ осадилъ Беренгара въ Сан-Леонѣ, въ тылу у него образовалась новая партія. Быстрота, съ которою Оттонъ подавилъ возстаніе, и строгость, съ которою онъ наказалъ участниковъ, привела всю Италію въ оцѣпенѣніе и положила конецъ всѣмъ возстаніямъ противъ Нѣмецкаго господства. Что касается до Папы, то на созванномъ въ Римѣ Соборѣ, Оттонъ низложилъ Іоанна XII и возвелъ на Св. престолъ Льва VIII. Теперь установились отношенія Императора къ Папѣ такимъ образомъ, что Папа, избранный Римскимъ народомъ, утверждался Императоромъ въ качествѣ владыки и представителя Римскаго народа. Если Папа оказывался виновнымъ въ нарушеніи церковнаго закона, Императоръ считалъ себя въ правѣ изслѣдовать дѣло и отрѣшить Папу; наоборотъ и Папа имѣлъ безпрекословное право давать императорскую корону; въ этомъ уже скрывалось притязаніе на лишеніе короны недостойнаго. Двѣ власти, которыя старались наблюдать одна за другою и стремились къ перевѣсу другъ надъ другомъ, не могли долго устоять рядомъ, не вступивши въ открытую борьбу. На первое время перевѣсъ Оттона въ Италіи утвержденъ былъ его энергіею; Беренгаръ долженъ былъ также сдаться и вмѣстѣ съ своею супругою Виллою былъ отвезенъ въ Германію, гдѣ и умеръ, въ 966 году, въ Бамбергѣ. Послѣ того, какъ Оттонъ утвердился въ императорскомъ достоинствѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ заботился, какъ и Карлъ Великій, о подтвержденіи своихъ правъ со

стороны Византійскаго Двора; онъ достигъ этого, когда сталъ угрожать Греческимъ владѣніямъ въ Нижней Италіи *). Для скрѣпленія дружественныхъ отношеній между обоими Императорами, Оттоновъ сынъ, Оттонъ II, уже въ 961 году коронованный Нѣмецкимъ и въ 967 году Римскимъ Королемъ, въ 972 году былъ обвѣнчанъ на Греческой царевнѣ Ѳеофаніи. По окончаніи торжества, совершеннаго по случаю этого брака, Императоръ возвратился въ Германію. Изъ всѣхъ дѣяній Оттона въ Германіи заслуживаетъ особеннаго вниманія распространеніе Нѣмецкаго господства надъ Славянами, жившими къ востоку отъ Эльбы. Здѣсь въ особенности отличился Маркграфъ Геронъ, который не пренебрегалъ никакимъ средствомъ. Съ помощію раздоровъ между Славянами, ему удалось между 940 и 960 годами покорить Славянскіе народы до Одера, даже принудить Поляковъ признать надъ собою верховную власть Германскаго Короля. За оружіемъ Нѣмцевъ слѣдовало Христіанство, какъ самое лучшее средство обуздать и укротить упрямцевъ. Оттонъ I основалъ Славянскую Церковь, учредилъ епископства въ Бранденбургѣ и Гавельбергѣ, первое въ 939 г., второе въ 946 году. Сначала эти епархіи подчинены были Майнцскому архіепископу, какъ Германскому Примасу, но въ послѣдствіи, когда Оттонъ заложилъ еще три Славянскія епископства: Мейсенское, Мерзебургское и Цейцкое, то въ 968 году воспослѣдовало новое распоряженіе. Именно, при содѣйствіи Папы, онъ возвысилъ Магдебургскаго Архіепископа на равную степень съ тремя первыми Германскими Архіепископами: Майнцскимъ, Кельнскимъ, и Трирскимъ, и наименовалъ его примасомъ Славянской Церкви, точно такъ же, какъ примасомъ въ Германіи былъ Майнцскій Архіепископъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ Италіи Оттонъ умеръ 7 Мая 973 года **).

*) Сохранилась Relatio de legatione Constantinopolitana Кремонскаго епископа Лиутпранда, который былъ отправленъ съ посольствомъ въ Константинополь.

**) Dr. Ed. Wehse Leben und Zeiten Kaiser Ottos des Großen. Dresden 1829.

Хотя Оттонъ не имѣлъ такого сильнаго вліянія на свой вѣкъ, какое имѣлъ Карлъ Великій, хотя онъ и заслужилъ названіе Великаго не въ томъ смыслѣ, какъ этотъ государь, превосходившій всѣхъ монарховъ Среднихъ Вѣковъ, все же совершенныя имъ дѣянія важны, и его преемникамъ изъ его же династіи, Оттону II, Оттону III и Генриху II, оставалось только итти впередъ по проложенному имъ пути.

Оттонъ II еще разъ долженъ былъ бороться съ тѣмъ, что обуздала мощная десница его отца. Ему также удалось держать въ томъ подчиненіи герцогскую власть, въ какое ее поставилъ отецъ его; когда же двоюродный братъ его, Баварскій Герцогъ Генрихъ II, не захотѣлъ покориться приговору, то Оттонъ отрѣшилъ его, взялъ въ плѣнъ и заключилъ въ Утрехтѣ. Что касается до Лотарингіи, то Оттонъ II на долгое время положилъ конецъ всѣмъ притязаніямъ Французскаго Короля. Предпринявши походъ и проникнувъ до Парижа, принудилъ онъ Короля Лотаря отказаться отъ всѣхъ притязаній на Лотарингію. Такъ какъ вскорѣ послѣ этого на Французскій престолъ взошелъ Капетингскій домъ, который при своей незначительной власти долженъ былъ ограничиться одними коронными землями, то Лотарингцамъ не принесло никакой выгоды ихъ нерѣшенное положеніе въ отношеніи къ Франціи; оттого можно полагать, что это герцогство принадлежало Германіи съ 980 года, когда Оттонъ II заключилъ съ Лотаремъ миръ. Оттонъ II, убѣдившись въ безопасномъ и спокойномъ положеніи дѣлъ въ Германіи, спѣшилъ исполнить планъ, который занималъ всѣ его мысли и о которомъ видъ супруги его Ѳеофаніи каждый день напоминалъ ему. При совершеніи брака съ этою царевною, Оттонъ требовалъ въ приданое Нижней Италіи. Чего онъ не получилъ тогда, хотя и почиталъ принадлежащимъ себѣ по праву, то рѣшился теперь взять силою оружія. Въ концѣ 980 года перешелъ

опъ Альпы и въ слѣдующемъ году проникъ въ Нижнюю Италію; сначала все шло хорошо: Неаполь долженъ былъ сдаться; Салерно уже находился въ его власти; Тарентъ, весною слѣдующаго года, долженъ былъ принять гарнизонъ. Но отъ долгаго пребыванія въ южномъ климатѣ, несвойственномъ Нѣмцамъ, погибла большая часть его войска, тогда какъ Греки подкрѣпили свои силы союзомъ съ Сицилійскими Сарацинами. Императоръ не былъ уже страшенъ своимъ врагамъ, и въ сраженіи при Базантелло, 13 Іюля 982 года, Нѣмцы были разбиты на голову; много епископовъ, аббатовъ и графовъ пало на полѣ сраженія, и самъ Императоръ спасся какъ бы нѣкоторымъ чудомъ *). Не смотря на всю готовность Нѣмцевъ продолжать эту войну, она была прервана неожиданною смертію Оттона II (7 Декабря 983 г.) и запутавшимися обстоятельствами. Оттону III, провозглашенному въ томъ же году на Веронскомъ сеймѣ преемникомъ своего отца, было только три года; по этому необходимо было регентство, съ распоряженіями котораго императорская фамилія тѣмъ менѣе была согласна, чѣмъ болѣе вмѣшивались тутъ женскія интриги. Произошли смуты, когда прежній герцогъ Баварскій, котораго до сихъ поръ держали въ заточеніи въ Утрехтѣ, освободился и, поддерживаемый значительною партіею, объявилъ притязанія на корону. Приверженцы юнаго Оттона соединились, и императорская фамилія одолжена была стараніямъ Майнцскаго Архіепископа Виллигиса тѣмъ, что Оттонъ удержалъ за собою корону и что снова водворено было спокойствіе въ государствѣ. Анти-Король Генрихъ отказывался отъ короны, съ тѣмъ, чтобы ему возвратили Баварію. А чтобы не обидѣть настоящаго владѣльца Баваріи, который долженъ былъ уступить Генриху, положено отдѣлить отъ Баваріи Каринтію и дать ему оную какъ особое герцогство. Воспитаніе

*) Между многими несогласными и противорѣчащими сказаніями объ опасности, угрожавшей Оттону, и его спасеніи, сказаніе Епископа Дитмара (Ditmari, Episcopi Merseburgensis, Chronicorum libri VIII, ed. Wagner. p. 60 et 61) есть самое древнее, и вмѣстѣ самое простое и правдоподобное.

Оттона важно для его исторіи. Юный Король росъ подъ вліяніемъ женщинъ и духовенства. Мать его Ѳеофанія вдохнула въ него любовь ко всѣмъ утонченностямъ Византійскаго Двора и наполнила его душу представленіями объ императорскомъ достоинствѣ, возбудившими въ его умѣ несбыточныя надежды и планы. Будучи воспитанъ какъ будто для того, чтобы царствовать въ Константинополѣ, а не въ Германіи, и достигши совершеннолѣтія, онъ почувствовалъ себя въ Германіи какъ въ землѣ чуждой. Всѣ мысли его и желанія стремились въ Италію; его фантазіи Римъ явился въ своемъ древнемъ величіи; ему казалось, что самъ онъ Римскій Императоръ въ полномъ блескѣ и могуществѣ древнихъ Императоровъ. Въ 996 году Оттонъ III уѣхалъ въ Италію и утвердилъ свою резиденцію въ Римѣ; но здѣсь нашелъ онъ все не въ томъ видѣ, какъ оно являлось его воображенію, и такъ какъ онъ желалъ все устроить непремѣнно по своимъ мыслямъ, то и могъ достичь того только съ помощію строгости и жестокости. По этому онъ вооружилъ противъ себя народъ и, потерявши любовь Германцевъ, отдалилъ отъ себя и Римлянъ, такъ что долженъ былъ бѣжать изъ Рима. Тогда онъ обратился къ Германцамъ; назначилъ уже Нѣмецкому войску походъ за Альпы, но, прежде нежели начался этотъ походъ, Оттонъ III умеръ отъ одной дѣтской болѣзни, 24 Января 1002 года. Онъ былъ двадцати двухъ лѣтъ и еще не женатъ; хотѣлъ соединиться бракомъ съ одною Греческою царевною, но переговоры не были еще окончены, когда смерть положила всему конецъ. Въ Германіи Оттонъ мало сдѣлалъ; только Славянская Церковь одолжена ему важной перемѣной. Въ 1000 году онъ совершилъ путешествіе ко гробу Прагскаго Епископа Адельберта, который за три года до этого былъ убитъ Прусскими язычниками и погребенъ въ Гнезенѣ. Для воспоминанія объ этомъ обстоятельствѣ, равно какъ въ память Св. Адельберта, Оттонъ учредилъ Гнезенское Архіепископство и отдалъ его Адельбертову брату Гавденцію; новому архіепископству были подчинены Епископы Кольбергскій, Краковскій и Бреславскій; и Архіепископъ Магдебургскій, смотрѣвшій на это,

какъ на уменьшеніе своихъ правъ, какъ досадно ему это ни было, долженъ былъ согласиться. Если бы право на престолъ имѣли одни родственники царствующей фамиліи, то Генрихъ III, герцогъ Баварскій, сынъ того Генриха, который уже противу Оттона III выступалъ съ своими притязаніями, получилъ бы корону безъ дальнихъ споровъ, но у него нашлись соперники: Швабскій герцогъ Германъ и Мейсенскій Маркграфъ Экгардъ, которые были также не безъ приверженцевъ. Когда Экгардъ былъ убитъ и когда всѣ колѣна объявили себя за Генриха, Германъ уступилъ и предоставилъ корону королю Генриху II. Большую часть своего правленія Генрихъ провелъ въ борьбѣ съ Славянами. Болеславъ, Польскій Герцогъ, не только отказался признавать надъ собою верховную власть Нѣмцевъ и принялъ королевскій титулъ, но еще овладѣлъ Богеміею и подстрекалъ Славянъ присоединиться къ нему, свергнувъ Германское иго. Генрихъ постигъ опасность, въ случаѣ, если допустить Славянъ взбунтоваться, почему онъ съ 1003 до 1018 годъ велъ неослабную войну противъ Болеслава, и хотя по миру съ нимъ и долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки *), но все же достигъ главной цѣли своей: не допустилъ образоваться независимому Славянскому государству и поставилъ Славянъ въ прежнія отношенія къ Германіи. Также и въ Италіи Генриху нужно было утвердить снова Нѣмецкое господство. Здѣсь провозгласилъ себя королемъ Ардуинъ Иврейскій и оставался въ новомъ санѣ до тѣхъ поръ, пока важныя занятія Генриха въ Германіи не позволяли ему принять дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Итальянскихъ. Когда же Генрихъ въ 1013 году перешелъ Альпы, то встрѣтилъ хорошій пріемъ отъ всѣхъ тѣхъ, которымъ Ардуинъ былъ ненавистенъ; въ слѣдствіе чего Нѣмцы пріобрѣли перевѣсъ безъ большаго напряженія, и Ардуинъ заключился въ монастырь. 14 Февраля 1014 года Папою Бенедиктомъ VIII Генрихъ былъ коронованъ Римскимъ

*) Дитмаръ l. c. p. 247: Pax firmata est, non ut decuit, sed sicut tunc fieri potuit.

Императоромъ и вмѣстѣ съ императорскою короною принялъ на себя исполненіе плана Оттона II отнять у Грековъ Нижнюю Италію. Съ этимъ намѣреніемъ предпринялъ онъ въ 1021 году новый походъ въ Италію, но безъ успѣха. Хотя онъ и не потерпѣлъ пораженія, какъ то случилось съ Оттономъ II, однако большая часть его войска погибла отъ заразы, и онъ, не окончивъ дѣлъ, долженъ былъ возвратиться въ Германію. Онъ умеръ 13 Іюля 1024 года. Съ нимъ угасла Саксонская династія *). За свое благочестіе и безукоризненную жизнь онъ былъ въ послѣдствіи причисленъ къ лику святыхъ.

Система, установленная Оттономъ и продолженная его преемниками, была достаточна для предохраненія Германіи отъ раздробленія на столько государствъ, сколько было племенъ. Этого достигли двумя очень простыми средствами: 1) сохраненіемъ естественнаго различія между племенами, которымъ Король давалъ герцога, который однако-же въ отношеніи къ Королю былъ не что иное какъ коронный чиновникъ; 2) поощреніемъ и возвышеніемъ духовнаго сословія, которое не было привязано къ выгодамъ отдѣльнаго племени и во всѣхъ частяхъ Германіи подчинено было непосредственно Королю, а не герцогамъ. Саксонскіе Короли насладились плодами своей системы, не употребляя ея во зло; они при опредѣленіи и отрѣшеніи герцоговъ не выходили изъ границъ своего права и при назначеніи епи-

*) J. J. *Mascovii* comment. de rebus Imper. Germ. a Conrado I usque ad obitum Henrici II, Лейпцигъ 1751, есть главный источникъ для Исторіи Саксонской династіи. Новѣйшее обработаніе этого періода находится въ Jahrbücher des Deutschen Reiches unter den Sächsischen Kaisern, изданныхъ подъ редакціею Ранке.

скоповъ смотрѣли не на то только, чтобы привязать ихъ къ себѣ, но также и на то, стоятъ-ли они мѣста по своему рожденію и учености. Стоило только и въ томъ, и другомъ случаѣ ступить шагомъ далѣе Саксонскихъ Королей — и злоупотребленіе было бы неизбѣжно. Такой шагъ былъ сдѣланъ слѣдующею династіею: Конрадъ II и его твердый сынъ Генрихъ III старались утвердить королевскую власть совершеннымъ подавленіемъ герцогской и зависимостью Церкви, чѣмъ вооружили противъ себя какъ герцоговъ, такъ и Церковь.

Такъ какъ Генрихъ II не оставилъ ни дѣтей, ни распоряженія о наслѣдствѣ, то теперь воспослѣдовало настоящее избраніе Короля. Императрица Кунигунда, имѣя въ своемъ распоряженіи знаки верховной власти, объявила, что вручитъ ихъ тому, кого изберетъ народный голосъ; съ тѣмъ вмѣстѣ она увѣщевала немедленно приступить къ избранію. Епископы съ радостью стали ей содѣйствовать. Четвертаго Сентября 1024 года, въ день, назначенный для выбора, свѣтскіе и духовные князья, въ сопровожденіи многочисленной свиты, собрались на Франкскую землю между Майнцемъ и Вормсомъ и расположились лагеремъ по обоимъ берегамъ Рейна, каждое племя подъ знаменами своего герцога. Здѣсь мы не видимъ грубыхъ порывовъ страстей; чуждые всякаго честолюбія и взаимной зависти, князья при этомъ выборѣ имѣли въ виду только достоинства, необходимыя для правителя. Наконецъ взоры всѣхъ остановились на двухъ мужахъ, которые оба назывались Конрадами; такъ какъ оба они вполнѣ соотвѣтствовали желаніямъ народа, то выборъ колебался между ними. Старшій Конрадъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ мужей, которые, не занимая какой нибудь государственной должности, поддерживали свое значеніе независимою собственностью, почему онъ и назывался Салійскимъ; Конрадъ младшій былъ сынъ

Каринтійскаго герцога. Когда оба эти мужа замѣтили, что голоса князей остановились на нихъ, то отошли въ сторону и самымъ дружественнымъ образомъ согласились, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ препятствовать выбору другаго: они подали голосъ другъ за друга и обѣщали покориться тому, который будетъ избранъ. Въ знакъ своей любви, они предъ всѣми обнялись и поцѣловались. За симъ всталъ Майнцскій Архіепископъ Арибонъ, который какъ примасъ и архиканцлеръ имѣлъ первый голосъ. Онъ подалъ голосъ за Конрада старшаго, и его примѣру послѣдовали всѣ Архіепископы и Епископы. Между свѣтскими князьями, Конрадъ младшій подалъ первый голосъ въ пользу своего соперника, и такимъ образомъ, при всеобщемъ одобреніи князей и громкомъ восклицаніи народа, Королемъ былъ признанъ *Конрадъ II Салійскій*. Вдовствующая супруга Генриха II, Императрица Кунигунда, тотчасъ же вручила ему королевскіе знаки, и 8 Сентября, въ Майнцѣ, Конрадъ былъ помазанъ и получилъ присягу отъ всѣхъ присутствовавшихъ. А для приведенія къ присягѣ отсутствовавшихъ, объѣхалъ онъ всѣ племена и такимъ образомъ уже въ началѣ 1025 года былъ признанъ повсюду законнымъ верховнымъ Государемъ всего Нѣмецкаго Государства *). Италіянцы, которые сначала льстились надеждою отдѣлиться отъ Нѣмецкаго Государства, теперь должны были признать новаго Короля своимъ законнымъ Государемъ; въ 1027 году, Конрадъ, пріѣхавъ въ Италію, Епископомъ Миланскимъ былъ коронованъ Ломбардскою и Папою Іоанномъ XIX Римскою императорскою короною. Конрадъ II присоединилъ къ Германіи королевство Бургундію. Рудольфу II — который, какъ мы уже видѣли выше, въ 930 году соединилъ подъ сво-

*) Главнымъ источникомъ для Исторіи Конрада есть сочиненіе его секретаря *Виппона*, de vita Conradi Salici. (Ap. Pistorium Script. rer. Germ. T. III.) Отнынѣ будутъ важны превосходныя лѣтописи *Hermanni Contracti* доведенныя до 1054 и *Lamberti Schaffnaburgensis*, до 1077. Лучшее обработаніе Исторіи Салійской династіи есть: G. A. H. Stenzels Geschichte Deutschlands unter den Fränkischen Kaisern. 2 тома. Лейпцигъ, 1827 и 1828.

имъ скипетромъ Нижнюю и Верхнюю Бургундію, — наслѣдовалъ въ 937 году сынъ его Конрадъ Миролюбивый. Въ его правленіе, продолжавшееся до 993 года, королевская власть, уже и безъ того слишкомъ ограниченная, упала еще болѣе. Его преемникъ Рудольфъ III (993—1032 г.), не имѣя силъ защитить самого себя, искалъ помощи и нашелъ ее у Нѣмцевъ. Въ 1016 году назначилъ онъ своего племянника Генриха II покровителемъ Бургундіи и своимъ наслѣдникомъ. Но такъ какъ Рудольфъ пережилъ Генриха, то Бургундцы, которымъ не нравилось Нѣмецкое господство, потому что оно стѣсняло ихъ силу, теперь, почитая прерванною связь съ Германіею, обратили свои взоры на Одона, Графа Шампанскаго, который, какъ сынъ второй сестры Рудольфа, Берты, имѣлъ ближайшее право на наслѣдство; послѣ него ближайшимъ наслѣдникомъ былъ внукъ третьей сестры Рудольфа, Герберги, Швабскій Герцогъ Эрнстъ, который былъ также пасынокъ Конрада II. Не имѣя никакого права на наслѣдство, Конрадъ объявилъ, что Рудольфъ завѣщалъ свое королевство Генриху II, не какъ родственнику, но какъ Королю и Императору, и что онъ въ качествѣ Генрихова наслѣдника обязанъ блюсти права Государства. Рудольфъ принужденъ былъ покориться этому объявленію, особенно когда оно поддерживалось сильнымъ войскомъ; въ 1027 году Рудольфъ утвердилъ Бургундское наслѣдство за Конрадомъ и его сыномъ Генрихомъ. Это обстоятельство вовлекло Конрада въ борьбу съ ближайшими наслѣдниками, и сперва съ пасынкомъ Эрнстомъ. Когда этотъ необузданный юноша, оскорбленный несправедливымъ, по его мнѣнію, поступкомъ отчима, пренебрегъ всѣми предлагаемыми ему условіями, то Конрадъ поступилъ съ нимъ строго, и даже мать его, Императрица Гизела, отвергла его и предоставила участи, которую онъ приготовилъ себѣ своимъ упорствомъ. Въ 1030 году Эрнстъ былъ убитъ. Послѣ его смерти, одинъ только Одонъ, Графъ Шампанскій, имѣлъ право оспоривать у Императора Бургундію, и дѣйствительно, лишь только Рудольфъ умеръ, 6 Сентября 1032 года, Одонъ появился въ Бургундіи, вездѣ былъ принятъ съ любовью и получилъ

присягу. Конрадъ избѣгалъ затруднительнаго похода въ горы; вмѣсто того онъ вторгнулся въ наслѣдственную область Одона и на равнинахъ Шампаньи завоевалъ Бургундскія горы, потому что Одонъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Бургундію, только чтобы удержать за собою Шампань. Въ послѣдствіи онъ опять объявилъ свои притязанія на Бургундію, но за это поплатился жизнію, ибо палъ при Бар-ле-Дюкѣ, въ сраженіи съ Герцогомъ Лотарингскимъ, 15 Ноября 1037 года. Съ этого времени Бургундія принадлежала Нѣмецкому государству и въ нѣкоторомъ отношеніи оказала теперь вліяніе на Германію. Оттуда перешелъ, между прочимъ, въ Германію «*Миръ Божій*» «*Treuga Dei*». Поводомъ къ этому благодѣтельному постановленію былъ голодъ, опустошившій между 1028—1030 годами не только Германію, Францію, Италію и Англію, но и всѣ вообще береговыя страны Средиземнаго Моря. Дожди и наводненія уничтожили повсюду жатвы, слѣдствіемъ чего было такое бѣдствіе, какое трудно представить себѣ въ наше время. Голодъ превратилъ людей въ дикихъ звѣрей: они нападали на путешественниковъ, убивали ихъ и питались ихъ мясомъ; были примѣры, что вырывали трупы для того, чтобы поддержать жизнь хотя этою отвратительною пищею. Какъ въ эту годину всеобщаго несчастія Церковь была утѣшительницею и подавала повсюду руку помощи, такъ и въ 1031 году, когда посѣвы обѣщали обильную жатву, она придумала ввести постановленіе, запрещавшее истреблять и уничтожать войною то, отъ чего зависѣлъ существованіе многихъ тысячъ. Стоило только высказать эту мысль, и она поразила какъ бы электрическимъ ударомъ сердца, сдѣлавшіяся доступными; подъ вліяніемъ духовенства клятвою былъ скрѣпленъ всеобщій миръ. Но лишь только прошла бѣда—исчезло и воодушевленіе, произведенное ею; всеобщій миръ болѣе не соблюдался, и Церковь, постигнувъ, что зашла уже слишкомъ далеко, старалась сохранить хотя нѣкоторую часть цѣлаго постановленія; вмѣсто всеобщаго мира введенъ былъ Treuga Dei *).

*) *Glabr. Rodulf.* hist. lib. V. cap. 1, apud Bouquet Rec. T.

Сперва положено было блюсти миръ по тѣмъ днямъ недѣли, которые были запечатлѣны страданіями, смертію и воскресеніемъ Соспителя, т. е. съ вечера среды до восхода солнца въ понедѣльникъ. Нарушителю этого мира угрожало строгое церковное наказаніе. Конрадъ и его сынъ Генрихъ содѣйствовали этому постановленію, потому что оно помогало ихъ стремленію положить въ основаніе внутренняго состоянія государства законный порядокъ и тишину. Въ такомъ точно смыслѣ, Конрадъ стремился увеличить королевскую власть и пытался достигнуть этой цѣли двумя средствами: 1) обращеніемъ упразднившихся герцогствъ въ коронныя и 2) уменьшеніемъ зависимости второстепенныхъ вассаловъ отъ ихъ ленныхъ владѣтелей. Что касается до перваго пункта, то онъ отдавалъ своему сыну Генриху, который уже былъ назначенъ ему преемникомъ, каждое упразднившееся герцогство, такъ что сей послѣдній сосредоточивалъ постепенно въ своихъ рукахъ власть надъ Баваріею, Франконіею, Швабіею, Каринтіею и Бургундіею; только Саксонія и Лотарингія имѣли собственныхъ герцоговъ. Италіянскія дѣла подали Конраду столь желанный поводъ уменьшить зависимость второстепенныхъ вассаловъ отъ первостепенныхъ и ослабить власть вельможъ. Самоуправство, съ которымъ могущественный Миланскій Архіепископъ Гериберть отнималъ ленъ у каждаго вассала, не хотѣвшаго безусловно покориться его власти, уже давно посѣяло неудовольствіе, которое и обнаружилось въ 1035 году, когда онъ лишилъ владѣній одного изъ своихъ вассаловъ. Всѣ уже потерпѣвшіе отъ подоб-

X, p. 59: Contigit vero ipso in tempore inspirante divina gratia, primitus in partibus Aquitanicis, deinde paulatim per universum Galliarum territorium, firmari pactum propter timorem Dei pariter et amorem; taliter ut nemo mortalium a feriae quartae vespere usque ad secundam feriam incipiente luce ausu temerario praesumeret quippiam alicui hominum per vim auferre, neque ultionis vindictam a quocunque inimico exigere, nec etiam a fidejussore vadimonium sumere; quod si ab aliquo fieri contigisset contra hoc decretum publicum, aut de vita componeret aut a Christianorum consortio expulsus patria pelleretur. Hoc insuper placuit universis, veluti vulgo dicitur, ut *Treuga Domini* vocaretur.

ныхъ несправедливостей, или опасавшіеся потерпѣть, взялись теперь явно за оружіе; во всей Ломбардіи возстали второстепенные вассалы противъ первостепенныхъ. Партія вассаловъ, называвшаяся Motta (союзъ), грозила, что найдетъ сама себѣ управу, если Императоръ не пріѣдетъ въ Италію и не окажетъ ей помощи. Съ другой стороны обратился къ Императору Гербертъ, и Конрадъ, призываемый обѣими партіями, пріѣхалъ въ Италію въ 1037 году. Естественно, что онъ по своему стремленію и видамъ объявилъ себя за Мотту и чрезъ то вступилъ въ непріязненныя отношенія съ Гербертомъ; онъ созвалъ въ Италіи сеймъ, не въ Миланѣ, но въ Павіи, и здѣсь захватилъ Герберта, не хотѣвшаго отвѣчать на взносимыя на него жалобы. Но Архіепископъ убѣжалъ изъ заточенія и поднялъ за себя Миланцевъ. Хотя Императоръ немедленно осадилъ Миланъ и назначилъ новаго Архіепископа на мѣсто Герберта, котораго онъ отрѣшилъ и осудилъ на изгнаніе изъ Имперіи, однако онъ не могъ ничего болѣе сдѣлать своему противнику, какъ только опустошить окрестности Милана. А для изъявленія Моттѣ своего благоволенія, равно какъ для доставленія ей независимости, далъ онъ ей, въ лагерѣ предъ Миланомъ, въ Маѣ 1037 года, важную ленную конституцію. Онъ утвердилъ наслѣдственное владѣніе за всѣми вассалами, епископами, аббатами, маркграфами и графами, равно какъ и за всѣми, получившими въ ленъ императорскія или церковныя помѣстья. Съ этой поры можно было отнять ленъ у вассала только судомъ перовъ, даже позволено было на рѣшеніе этого суда подавать апелляцію Императору. Этимъ опредѣленіемъ Императоръ избавилъ вассаловъ отъ своеволія ихъ ленныхъ владѣтелей, что было большимъ успѣхомъ въ развитіи политическихъ элементовъ тогдашней жизни. Теперь изъ служащаго класса, чѣмъ были вассалы доселѣ, образовалось независимое сословіе, существованіе котораго обезопасено было законнымъ образомъ. Конрадъ этою мѣрою получилъ твердую опору въ рыцарскомъ дворянствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудилъ въ Миланцахъ духъ, который въ послѣдствіи надѣлалъ много хлопотъ его преемникамъ;

именно въ войнѣ съ Герибертомъ возникъ въ Италіянскихъ городахъ республиканскій духъ. Не имѣя успѣха въ своемъ предпріятіи противъ Милана, Конрадъ въ 1038 году возвратился въ Германію и провелъ остатки дней своихъ въ непрерывномъ и ревностномъ исполненіи обязанностей Государя. Онъ умеръ во время путешествія по Нидерландамъ, въ Утрехтѣ, 4 Іюня 1039 года, и похороненъ въ Шпейерѣ. Конрадъ любилъ это епископство болѣе всѣхъ; онъ заложилъ здѣсь соборъ, оконченный его преемникомъ и назначенный въ послѣдствіи мѣстомъ королевскаго погребенія. Хотя Генриху III при смерти отца его и было не болѣе 22 лѣтъ, однако по самостоятельности своего характера и твердости воли онъ былъ мужемъ, который могъ бы кончить дѣла, начатыя его отцемъ. Въ Италіи возстановилъ онъ свое значеніе примиреніемъ съ Герибертомъ, оружіемъ возстановилъ онъ свое верховное господство въ Богеміи, а бракомъ съ Агнесою Пуатускою заставилъ покориться противную партію въ Бургундіи. Сильно также вмѣшивался онъ въ дѣла Венгерскія и старался поставить эту землю въ такія же отношенія къ своему государству, въ какихъ находилась Богемія и Польша. Именно, въ Венгріи, одинъ туземный предводитель, Стефанъ, съ помощію Нѣмцевъ, сдѣлался единодержавнымъ повелителемъ, принялъ королевскій титулъ и ввелъ тамъ Христіанство. Какъ ни ненавистны были Венграмъ эти нововведенія, но все же Стефанъ умѣлъ внушить уваженіе, какъ къ самому себѣ, такъ и къ своимъ учрежденіямъ. Стефанъ, за свои попеченія причисленный Церковью къ лику Святыхъ, умеръ въ 1038 году. Хотя его племянникъ и преемникъ Петръ и продолжалъ дѣйствовать по его системѣ, однако у него не было силъ для приведенія ея въ исполненіе. Будучи изгнанъ, бѣжалъ онъ въ Германію и купилъ у Генриха III возведеніе свое на Венгерскій престолъ, тѣмъ, что въ 1045 году сдѣлался вассаломъ его. Преемникъ Петра, Андрей, свергнулъ, правда, эту зависимость, но все же Нѣмецкимъ правамъ и постановленіямъ уже проложена была дорога въ Венгрію. Важнѣйшимъ же дѣломъ Генриха было вмѣшательство въ церковныя дѣла, въ слѣдствіе чего про-

изошла противоположность между Церковью и Государствомъ.

Послѣ Карла В. ни на одномъ престолѣ прежняго Каролингскаго государства не было еще такого могущественнаго государя, какъ Генрихъ III; ему не доставало только долгой жизни для основанія столь великаго зданія, каково было Карлово. Его попытка уничтожить границы, въ которыхъ заключена была королевская власть ленными и церковными постановленіями, встрѣтила сильное сопротивленіе, въ особенности со стороны Церкви, которая страшилась за независимость своего существованія. Церковныя должности были замѣщаемы такимъ образомъ, что духовенство не только было зависимо отъ свѣтской власти, но и приведено въ совершенный упадокъ. По теоріи, Король не долженъ былъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на выборы духовенства, но такъ какъ онъ могъ по своему произволу утверждать и отказывать, то слѣдовательно пожалованіе леномъ было все то же, что утвержденіе на духовномъ мѣстѣ. Это пожалованіе, при которомъ Король давалъ избранному лицу знаки его духовнаго достоинства, жезлъ и кольцо, называлось Investitura. А такъ какъ Король имѣлъ въ своей власти духовные выборы, то всѣ, желавшіе получить мѣсто, обращались ко Двору, и даръ, которымъ прежде обыкновенно они старались поддержать свои просьбы, обратился вскорѣ послѣ этого въ положенную сумму, соразмѣрную съ значеніемъ и доходами искомаго мѣста. Естественно, что получившіе такимъ образомъ духовныя мѣста, ста-

рались только о томъ, чтобы собрать заплаченную сумму съ своихъ подчиненныхъ, которымъ они въ свою очередь продавали посвященіе. Такимъ образомъ язва *Симоніи*, какъ называлась по имени волхва Симона продажа духовныхъ мѣстъ, заразила мало по малу всю Церковь. И чѣмъ развратнѣе и пристрастнѣе къ міру были люди, вступавшіе въ духовное званіе, тѣмъ затруднительнѣе долженствовало быть начало реформы; особенно, когда и глава Церкви, Римскій Папа, былъ также причастенъ всеобщему развращенію, и когда онъ, какъ въ прежнія времена, былъ снова игрушкою Римскихъ дворянскихъ партій. Хотя Генрихъ III и положилъ конецъ этому соблазну, постановивъ, что впередъ ни одинъ Папа не получитъ посвященія до утвержденія своего Нѣмецкимъ Королемъ, однако Римская Церковь, съ одной стороны освободившаяся отъ вліянія Римскихъ дворянскихъ фамилій, съ другой стороны подверглась еще большей опасности, а именно подчиненности отъ свѣтской власти, на ряду съ прочими епископствами государства. Но въ это время, когда челнъ Св. Петра, избѣжавши Харибды, долженъ былъ попасть въ Сциллу, кормиломъ овладѣла мощная рука. Одинъ незначительный монахъ, *Гильдебрандъ*, въ тиши наблюдалъ за зломъ, претерпѣваемымъ Церковью, и придумалъ средства помочь ей. Чѣмъ возвышеннѣе было его понятіе о Церкви, тѣмъ болѣе наполнялась его душа скорбію и негодованіемъ при настоящемъ положеніи ея. Ему казалось въ равной степени недостойнымъ и пагубнымъ видѣть Церковь подчиненною

Государству, какъ духъ, порабощенный тѣломъ. Для возвышенія Церкви видѣлъ онъ одинъ только путь, именно: сдѣлать ее совершенно независимою отъ вліянія свѣтской власти. Гильдебрандъ былъ душою папской политики съ 1048 года, когда Папа Левъ IX познакомился съ нимъ и былъ совершенно порабощенъ его умомъ, до 1073 года, когда онъ самъ вступилъ на Св. престолъ, и все, что Папы дѣлали и говорили, проистекало изъ его ума. *) Теперь, когда Св. престолъ опять слѣдовалъ системѣ, основанной на опредѣленной мысли, направленной къ опредѣленной цѣли, онъ сдѣлался средоточіемъ для всѣхъ, недовольныхъ положеніемъ Церкви; образовалась партія преобразователей, девизомъ которой была: *независимость Церкви посредствомъ уничтоженія Симоніи и безбрачности священниковъ.* Не менѣе велико и значительно было число недовольныхъ состояніемъ государства. Самодержавное правленіе Генриха III возбудило сильное неудовольствіе между Нѣмецкими князьями. Таково было положеніе дѣлъ — на церковномъ поприщѣ образовавшаяся уже партія преобразователей съ твердою системою, подъ начальствомъ геніяльнаго человѣка, на политическомъ глухое броженіе и неудовольствіе умовъ,— когда Императоръ Генрихъ III въ 1056 году умеръ, и бразды правленія изъ желѣзныхъ рукъ мужа твердаго перешли въ руки Императрицы Агнесы, которая приняла опеку надъ своимъ шестилѣтнимъ сыномъ Генрихомъ IV.

*) J. Voigt Hildebrand als Papst Gregor VII und sein Zeitalter, aus den Quellen dargestellt. 2-te Auflage. Weimar, 1846.

По смерти ученаго Сильвестра II, бывшаго наставникомъ Оттона III и возведеннаго на престолъ Св. Петра признательностью его державнаго воспитанника, Римская Церковь снова подверглась вліянію Римскихъ дворянскихъ родовъ. Фамилія могущественныхъ графовъ Тускуланскихъ овладѣла правомъ замѣщать Св. престолъ, и графъ Альберихъ въ 1033 году наименовалъ Папою своего сына Ѳеофилакта, хотя сей послѣдній былъ еще ребенкомъ и никогда не былъ посвященъ Церковью. Ѳеофилактъ принялъ названіе Бенедикта IX. Его распутная жизнь была причиною изгнанія его изъ Рима въ 1037 году; но Конрадъ II снова возстановилъ его. По смерти своего защитника, онъ былъ изгнанъ вторично, и его мѣсто занялъ антипапа Сильвестръ III. Хотя Бенедиктъ снова силою овладѣлъ Римомъ и преслѣдовалъ своего противника свѣтскимъ и духовнымъ оружіемъ, однако, наскучивъ своимъ мѣстомъ, онъ продалъ его одному архипресвитеру. Іоанну Граціану, который принялъ названіе Григорія VI. Между тѣмъ Бенедиктъ удержалъ за собою часть папскихъ доходовъ и папскій титулъ, такъ что было три Папы въ то время, когда Генрихъ III въ 1046 году прибылъ въ Италію. Григорій VI купилъ папское достоинство только для того, чтобы исторгнуть его изъ недостойныхъ рукъ; совѣсть его была чиста и оттого онъ вышелъ на встрѣчу Королю Генриху; но сей послѣдній не призналъ его въ достоинствѣ Папы. Григорій сложилъ съ себя санъ и по приказанію Генриха отправился въ Германію въ ссылку. Бенедиктъ и Сильвестръ были отрѣшены на Соборѣ, созванномъ въ городѣ Сутри; Король, по своемъ прибытіи въ Римъ, избралъ Папою одного Нѣмца, Судгера, епископа Бамбергскаго. Новый Папа, принявъ названіе Климента II, 25 Декабря 1046 года короновалъ Генриха Императоромъ. Но для приведенія въ порядокъ папскихъ дѣлъ и для избѣжанія замѣшательства, подобнаго послѣднему, Генрихъ съ Климентомъ постановили, что Папа долженъ получать посвященіе только послѣ утвержденія своего Нѣмецкимъ Королемъ. Когда же въ слѣдующемъ году Климентъ умеръ, низложенный Бенедиктъ IX появился снова.

Но непреклонная воля Генриха произвела на Римлянъ столь сильное впечатлѣніе, что никто не осмѣлился содѣйствовать Бенедикту; всѣ охотнѣе желали и ждали утвержденія новаго Папы отъ Императора. Генрихъ наименовалъ Бриксенскаго Епископа Поппона и отправилъ его въ Римъ подъ военнымъ прикрытіемъ; новый Папа, принявшій имя Дамаса I, умеръ 17 Іюля 1048 года, вскорѣ по своемъ прибытіи. Естественно, что смерть этого Папы равно какъ и предшествовавшаго, приписывали отравѣ, и Императоръ долго не могъ найти между Нѣмецкимъ духовенствомъ человѣка, который рѣшился бы принять на себя столь опасное достоинство. Наконецъ, на предложеніе согласился родственникъ его Брунонъ, епископъ Тульскій, потому что опытный въ церковныхъ дѣлахъ монахъ Гильдебрандъ далъ ему совѣтъ, какъ онъ можетъ удовлетворить требованіямъ Императора, снискать расположеніе Римлянъ и сохранить Церкви честь и независимость. Брунонъ принялъ папское достоинство и, сдѣлавшись Папою, назвался *Львомъ IX*. Чтобы не быть одолжену этимъ самымъ одному Императору, онъ послѣдовалъ совѣту Гильдебранда и заставилъ духовенство избрать себя еще разъ и народу утвердить это избраніе; руководимый совѣтами и идеями Гильдебранда, онъ началъ стараться о возвышеніи Церкви. Гильдебрандъ, въ теченіе своей жизни, имѣлъ случай короче познакомиться съ состояніемъ Церкви, какъ Италіянской, такъ и Нѣмецкой, и чѣмъ поразительнѣе былъ контрастъ между настоящимъ состояніемъ Церкви и идеаломъ, какой онъ себѣ составилъ, тѣмъ ревностнѣе ухватился онъ за представившійся ему благопріятный случай осуществить свои идеи посредствомъ Папы Льва IX, который находился въ его зависимости. Онъ тотчасъ взялся за корень зла, побудивъ Папу издать строгій законъ противъ симоніи. Всѣ виновные въ покупкѣ духовныхъ мѣстъ должны были подвергнуться церковному покаянію и недѣйствительнымъ объявлено было посвященіе каждаго духовнаго лица, которое достигнетъ своего мѣста посредствомъ симоніи. А для того, чтобы отклонить духовенство отъ стремленія къ пріобрѣтенію свѣтскихъ благъ, возобновлено было

древнее положеніе о безбрачной жизни духовнаго сословія; человѣкъ, удаленный отъ всего, не долженъ, по видимому, имѣть надобности въ мірѣ. Левъ IX старался возобновить уже существующіе законы, которыми запрещались браки священниковъ, и дать имъ силу. Въ это время, когда такимъ образомъ дѣлась въ Италіи партія преобразователей, въ южной части этой страны основаніемъ Норманскаго Государства возникла новая, зависящая отъ Папы политическая сила. Трое изъ 12 сыновей рыцаря Танкреда д'Отвиль (Altaville) изъ Нормандіи, Вильгельмъ, Дрогонъ и Гумфридъ, прибыли въ Апулію, гдѣ уже прежде другіе изъ ихъ соотечественниковъ, вступившихъ въ военную службу, искали и нашли себѣ пріютъ. Они также вступили въ службу къ Греческому правителю Маніаку и оказали ему въ одномъ походѣ противъ Сицилійскихъ Сарацинovъ важную услугу; но когда за это они были награждены неблагодарностью, то въ 1042 году овладѣли городомъ Мельфи съ окружными землями, избрали себѣ главою *Вильгельма Желѣзную Длань* и назвали основанную такимъ образомъ державу *Графствомъ Апулійю*. Они обезопасили свои владѣнія со стороны Грековъ многими побѣдами, и когда прочіе сыновья Танкреда, кромѣ двухъ, мало по малу приходили къ своимъ братьямъ съ значительными дружинами, то въ Италіи все болѣе увеличивалось могущество Норманновъ, равно какъ и значеніе возвысившагося изъ среды ихъ господствующаго рода. Въ 1046 году умеръ Вильгельмъ Желѣзная Длань и ему наслѣдовалъ братъ его Дрогонъ; въ 1047 году Генрихъ III уступилъ Норманнамъ въ ленъ Графство Аверсу, Апулію и часть Беневента. Въ 1051 году Дрогонъ былъ убитъ; наслѣдникомъ его былъ братъ Гумфридъ. Такъ какъ при немъ Норманны обратились на Беневентъ, который Папы въ слѣдствіе подарка Генриха II почитали своею собственностью, то между ними и Папою возникли теперь непріязненныя отношенія. Но папскія войска, 18 Іюня 1053 года, при Чивителлѣ, потерпѣли отъ Норманновъ пораженіе, и Папа Левъ IX, сопутствовавшій своему войску, былъ полоненъ. Норманны встрѣтили своего плѣнника съ

величайшимъ уваженіемъ, и Левъ IX въ свою очередь хорошо обошелся съ ними. Онъ утвердилъ за ними и далъ имъ въ ленъ не только всѣ завоеванныя ими земли, но даже и тѣ, которыя они еще могли завоевать у Грековъ и Сарацинovъ въ Италіи и Сициліи. Такимъ образомъ положено было основаніе тѣснымъ отношеніямъ Норманновъ къ Св. престолу, и на этомъ основаніи развилось Норманское господство съ большою быстротою, особенно, когда по смерти Гумфрида въ 1057 г. главою Апулійскихъ Норманновъ сдѣлался Робертъ Гвискаръ, умный политикъ и храбрый воинъ. Левъ IX, во всемъ слушавшійся Гильдебранда, умеръ въ 1054 году. Ему наслѣдовалъ назначенный Императоромъ Генрихомъ III Епископъ Эйхштедскій Гебгардъ, который, сдѣлавшись Папою, принялъ названіе *Виктора* II. Кажется, при Викторѣ Гильдебрандъ не имѣлъ такого вліянія, какъ при его предшественникѣ; оттого, по смерти Виктора въ 1057 году, Гильдебрандова партія спѣшила возвести на Св. престолъ одного изъ его приверженцевъ. Со стороны Германіи нечего было опасаться препятствій; тамъ, по смерти Императора Генриха III, настало слабое правленіе опеки. Фридрихъ Лотарингскій, вступившій на Св. престолъ подъ именемъ *Стефана IX*, умеръ уже въ слѣдующемъ году, въ то время, какъ Гильдебрандъ, сдѣланный имъ Архидіакономъ, находился на пути въ Германію, куда отправился для ходатайства о признаніи Стефана Папою. Предъ смертію Стефанъ взялъ съ духовенства и Римскаго народа обѣщаніе, что они послѣ его смерти не изберутъ новаго Папы до возвращенія Гильдебранда; на это не согласились однакоже Тускуланскіе графы; они не забыли своего прежняго права на обладаніе Св. престоломъ и теперь воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы возстановить оное въ прежней силѣ; они отвергли партію Гильдебранда и возвели на престолъ Св. Петра своего родственника, подъ именемъ *Бенедикта X*. Можно представить себѣ, какъ оскорбился Гильдебрандъ, когда увидѣлъ, что съ перевѣсомъ, пріобрѣтеннымъ Римскою дворянскою партіею, въ Церкви снова водворилась прежняя порча. Онъ лучше желалъ, чтобы

Папа назначенъ былъ Нѣмецкимъ Дворомъ, нежели Римскимъ дворянствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи опекуны Генриха IV не обратили вниманія на Бенедикта и назначили Папою Флорентійскаго епископа Гергарда, подъ именемъ Николая II. Бенедиктъ отказался добровольно, но чтобы отклонить подобные примѣры и на будущее время и также чтобы прекратить вмѣшательство дворянъ, Николай II въ 1059 году издалъ законное опредѣленіе касательно избранія Папы. Онъ постановилъ, что только старшіе священники приходскихъ церквей въ Римѣ, кардиналы, должны имѣть право избирать Папу. При избраніи они въ особенности должны имѣть въ виду сочленовъ церквей въ Римѣ; если же не найдутъ между ними достойнаго, тогда могутъ избрать въ Папы кого хотятъ изъ какой нибудь другой церкви. Если по злобѣ враговъ Церкви, нельзя будетъ сдѣлать свободнаго выбора въ самомъ Римѣ, то кардиналы имѣютъ право избрать Папу во всякомъ другомъ мѣстѣ, и этотъ только Папа долженъ быть признаваемъ законнымъ, хотя бы онъ и не былъ посвященъ въ Римѣ. Такое постановленіе объ избраніи было рѣшительнымъ шагомъ къ независимости Церкви. Хотя правительство не признало постановленія, оскорблявшаго его права, но власть Церкви уже была довольно сильна и могла одержать побѣду надъ подобнымъ сопротивленіемъ; декретъ устоялъ, и даже понынѣ существуетъ этотъ законъ, по которому поступаютъ при выборѣ Папы. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого нововведенія былъ споръ при избраніи Папы, по смерти Николая II, въ 1061 году. Кардиналы избрали Гильдебрандова приверженца Ансельма Лукскаго, который принялъ имя *Александра II*; королевскій же Дворъ поставилъ антипапою Кадоласа, епископа Пармскаго, подъ именемъ *Гонорія* II. Съ этого времени положеніе дѣлъ перемѣняется: партія преобразователей непріязненно выступаетъ противъ правительства, а всѣ тѣ, которые при реформѣ опасались потерять что нибудь, переходятъ на сторону его. Гонорій не могъ устоять противъ Александра. Доколѣ у него были деньги на содержаніе войска, или для подкупленія Римскаго народа, дотолѣ онъ по крайней мѣрѣ

безпокоилъ своего противника. но какъ скоро у него изсякли средства, то пало и его значеніе. Онъ удалился въ Верхнюю Италію, гдѣ и жилъ, всѣми оставленный; хотя онъ и не отказался отъ папскаго достоинства, однако умеръ въ совершенной неизвѣстности. Александръ II и преобразователи одержали теперь рѣшительную побѣду; Церковь по теоріи стала независимою, и по смерти Александра, въ 1073 году, вступилъ на престолъ мужъ, управлявшій доселѣ всѣмъ—самъ Гильдебрандъ, — для того, чтобы открыть рѣшительнымъ образомъ войну противъ всѣхъ упорствующихъ, и въ особенности противъ государства. Церковной партіи болѣе всего благопріятствовало своенравное правленіе Генриха III, которое произвело даже политическую оппозиціонную партію. Какъ ни велико было неудовольствіе этой партіи, все же при жизни Генриха III она, боясь его строгости, довольствовалась однѣми безсильными просьбами и жалобами. Саксы были недовольны болѣе всѣхъ. У нихъ Генрихъ III не могъ исполнить своего намѣренія, вездѣ соединить герцогское достоинство съ королевскимъ, потому что герцогъ Бернгардъ пережилъ его. Тотда онъ пошелъ къ своей цѣли инымъ путемъ: онъ часто жилъ въ Саксоніи и строилъ тамъ королевскіе пфальцы и замки, по которымъ разставлялъ чужестранные гарнизоны. Саксы, подозрительнымъ окомъ слѣдившіе за каждымъ шагомъ Короля, видѣли въ немъ своего врага; если бы они имѣли отважнаго вождя и не боялись бдительности Генриха и его строгости, то теперь бы уже свергнули съ себя наложенное на нихъ иго. Таково было положеніе дѣлъ, когда Генрихъ III умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, 5 Октября 1055 года, въ пфальцѣ Ботфельдѣ, при Бланкенбургѣ на Гарцѣ. Случайно при смерти Императора находился въ Германіи Папа Викторъ II. Онъ своимъ авторитетомъ и искусствомъ умѣлъ безъ потрясенія государства вручить бразды правленія Императрицѣ Агнесѣ, которая должна была управлять за малолѣтствомъ сына своего Генриха IV.

Въ Средніе Вѣка почти всегда время малолѣтства какого нибудь правителя бывало вмѣстѣ и

временемъ смутъ, которыя еще удвоялись, когда главою государства являлась женщина. И въ самомъ дѣлѣ, она могла только съ благоразуміемъ уклоняться отъ всѣхъ препятствій, но не мужественно противодѣйствовать имъ. Такъ поступала и Императрица Агнеса; но ни ея доброта, ни умѣренность не могла воспрепятствовать тому, чтобы молодой Король и правленіе не были исторгнуты изъ ея рукъ. Генрихъ IV, взросшій подъ вліяніемъ противорѣчащихъ обстоятельствъ, былъ также неосновательнъ, какъ и полученное имъ воспитаніе: ему впушили самое превратное понятіе о его достоинствѣ и односторонюю ненависть къ одному племени; онъ привыкъ къ безпрекословному удовлетворенію своихъ желаній; у него было столь же мало твердой воли, сколь мало истинныхъ друзей. Таковъ былъ государь, который въ 1065 году объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ. Начавши управлять по правиламъ своего отца, но не имѣя его непреклонной воли, онъ достигъ только того, что отвратилъ отъ себя всю Германію, въ то время, когда ему нужно было соединить всѣ подвластныя себѣ силы для противодѣйствія притязаніямъ папской духовной власти.

Императрица Агнеса не могла править такъ, какъ ея твердый супругъ; она должна была сворѣе примириться со всѣми оскорбленными его своеволіемъ и позаботиться объ исцѣленіи глубокихъ ранъ нанесенныхъ имъ. Естественно, что теперь снова поднялась угнетенная власть вельможъ. Для снисканія ихъ благосклонности, Императрица отдала имъ герцогства, ввѣренныя ея управленію: Баварію отдала она предпріим-

чивому Саксу Оттону Нордгеймскому, Швабію Рудольфу Рейнфельденскому, увезшему ея дочь, Каринтію Бертольду Церингенскому, Готфриду, отставленному Генрихомъ III, возвратила она Лотарингію. Тѣмъ не менѣе образовалась противъ нея партія. Началось тѣмъ, что обвинили Императрицу въ преступной связи съ ея совѣтникомъ, Епископомъ Аугсбургскимъ. Подъ предлогомъ, что въ подобномъ кругу молодой Король можетъ совершенно развратиться, скрывалось намѣреніе овладѣть особою Короля и властвовать подъ его именемъ. Народъ, ослѣпленный подобнымъ обманомъ, не помѣшалъ силою исторгнуть юнаго Короля изъ рукъ матери. Съ этою цѣлію соединились Кельнскій Архіепископъ Гаппонъ, Баварскій Герцогъ Оттонъ и Экбертъ, графъ Брауншвейгскій. Съ согласія другихъ родовъ и свѣтскихъ князей исполнили они свое предпріятіе въ праздникъ Пятидесятницы въ 1062 году. Въ это время Генрихъ съ матерью находился въ Кейзерсвертѣ; Королю сказали, что хотятъ показать ему вновь построенный корабль; Гаппонъ привелъ его на бортъ и тотчасъ приказалъ отчалить. Боясь насмѣшки, испугавшійся Генрихъ бросился съ корабля въ Рейнъ. Жизнь его была спасена только рѣшительностью графа Экберта, который бросился за нимъ въ воду и вплавь принесъ его снова на корабль. Послѣ сего Генрихъ былъ привезенъ въ Кобленцъ, и его матери, съ берегу смотрѣвшей на этотъ недостойный поступокъ, оставалось только заключиться въ монастырь. Вмѣстѣ съ особою Короля въ руки заговорщиковъ, и въ особенности Гаппоновы, перешло также и управленіе государствомъ. Подъ надзоромъ Гаппона воспитаніе Генриха приняло иное направленіе. По своему суровому характеру Гаппонъ ежеминутно долженъ былъ бороться съ своенравіемъ Генриха, которое онъ въ немъ старался искоренить, но своими мѣрами еще усилилъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудилъ въ душѣ своего воспитанника ужасную ненависть къ себѣ. Послѣ сего Гаппонъ передалъ воспитаніе Короля Адальберту, Епископу Бременскому, который слѣдовалъ совершенно инымъ правиламъ и вмѣсто того, чтобы стараться обуздывать склонности и страсти

своего питомца, онъ напротивъ того далъ имъ полную волю *). У него Генрихъ научился считать королевскую власть властью неограниченною, имъ внушена была Королю непримиримая ненависть къ Саксамъ, этимъ давнишнимъ врагамъ Бременской церкви. Плоды такого воспитанія оказались, когда Генрихъ, достигши четырнадцати лѣтъ, въ 1065 году самъ началъ управлять государствомъ. Окруженный толпою молодыхъ развратныхъ соучастниковъ, предался онъ своимъ деспотическимъ склонностямъ и страстямъ; куда ни приходилъ онъ съ своимъ развратнымъ дворомъ, вездѣ причинялъ величайшія насилія, и если вѣрить только половинѣ того, что разсказываютъ о Генрихѣ враги его, то уже этого слишкомъ достаточно было для возбужденія всеобщаго неудовольствія, которое скоро обратилось на Епископа Бременскаго. Въ 1066 году князья самовольно собрались въ Трибурѣ и предложили Королю дилемму: или отказаться отъ короны, или удалить Адалберта отъ двора и участія въ правленіи государствомъ. Если бы Генрихъ и не былъ такъ привязанъ къ Адалберту, то уже по тому высокому понятію, какое онъ составилъ себѣ о королевской власти, счелъ бы недостойнымъ принять одного министра и отставить другаго по волѣ своихъ подданныхъ. По сему, слѣдуя совѣту Адалберта, своимъ удаленіемъ хотѣлъ онъ оставить безъ исполненія сдѣланное ему требованіе. Князья же, ненависть которыхъ еще болѣе усилилась, до тѣхъ поръ осаждали королевскій дворецъ, пока Архіепископъ Адалбертъ вмѣстѣ съ многочисленною свитою не оставилъ его. По его удаленіи и по изгнаніи всѣхъ развратниковъ, князья намѣрены были привести въ порядокъ не только управленіе государствомъ, но и принудить самого Короля перемѣнить прежній развратный образъ жизни на порядочный и сообразный съ правилами Христіанства. Къ достиженію этой цѣли болѣе всего могъ способствовать бракъ; оттого

*) *Bruno* hist. bell. Saxon. (ap. Freher. T. I. p. 174): Stultum enim dixit esse, si non in omnibus satisfaceret desideriis adolescentiae.

они и принудили его жениться на Бертѣ, дочери Маркграфа Сузскаго, которая еще 10-ти лѣтъ была назначена ему въ супруги. Въ слѣдствіе такого принужденія Генрихъ возымѣлъ отвращеніе къ своей супругѣ; онъ почиталъ ее за приставленную надзирательницу, и едва почувствовалъ себя на свободѣ, какъ всѣми силами началъ стараться снова расторгнуть брачныя узы, лишь только заключенныя. Предавшись слѣпой страсти, обѣщалъ онъ Майнцскому Архіепископу Зигфриду Тюрингскую десятину, если только онъ уничтожитъ этотъ бракъ, не подумавъ о томъ, что такимъ поступкомъ содѣлаетъ себѣ Тюрингцевъ такими же врагами, каковы были Саксы. Все таки его желаніе не было исполнено; ибо, когда хотѣли приступить къ разводу, Папа издалъ запрещеніе расторгать браки, а Нѣмецкіе Князья, считая это запрещеніе удобнымъ случаемъ для укрощенія своенравнаго и деспотическаго духа Короля, согласились съ приговоромъ Папы. Весьма естественно, что Нѣмцы возымѣли тогда мысль, искать защиты у Папы противъ Генрихова тиранства и противопоставить свѣтской королевской власти высшую власть Христова намѣстника на земли. Въ своемъ высокомѣріи Генрихъ такъ мало замѣчалъ опасность своего положенія, что еще болѣе увеличилъ число своихъ враговъ. По жалобѣ одного заклейменнаго дурною славою человѣка, Эгинона *), въ 1070 году, онъ отставилъ Оттона, Герцога Баварскаго, и сдѣлалъ его такимъ образомъ своимъ злѣйшимъ врагомъ, не пріобрѣтши друга въ графѣ Вельфѣ, которому отдалъ Баварію **). Будучи оставленъ всѣми своими друзьями, отрѣшенный Герцогъ Оттонъ нашелъ пріемъ и подкрѣпленіе своихъ правъ только у Магнуса, сына Саксонскаго

*) Homo ingenuus, sed omni flagitiorum genere infamatus, называетъ его Ламбертъ Ашафенбургскій.

**) Въ лицѣ герцога Вельфа Каринтійскаго, въ 1055 г., угасла старшая отрасль Вельфскаго дома. Старшій сынъ его сестры Кунигунды, которая была выдана за Эстескаго маркграфа Аццона II, тотъ самый Вельфъ, которому Генрихъ IV отдалъ Баварію, былъ родоначальникомъ младшей Вельфской линіи, которая существуетъ понынѣ.

Герцога, но сей послѣдній былъ слишкомъ слабъ и не могъ защитить его. Оба, Оттонъ и Магнусъ, должны были покориться Королю и содержались подъ строгимъ арестомъ. Генрихъ во зло употребилъ одержанную побѣду, еще большему угнетенію подвергши ненавистныхъ ему Саксовъ. Въ это время при Дворѣ снова появился Архіепископъ Адальбертъ и его чрезмѣрная ненависть къ Саксамъ еще увеличила въ Генрихѣ гнѣвъ и жажду мести. Король постоянно жилъ въ Госларѣ, въ Саксоніи; замки, построенные на Саксонскихъ и Тюрингскихъ холмахъ и горахъ, были возобновлены, и жители принуждены были при постройкѣ отправлять тяжкія работы и такимъ образомъ помогать ковать на себя цѣпи. Гарнизоны этихъ замковъ, состоя изъ иноземцевъ, позволяли себѣ всякаго рода своеволія и насилія. Самъ Генрихъ, по своему высокомѣрію и юношеской неразборчивости, называлъ Саксовъ рабами, которые должны только ему служить и платить подать *). Таковымъ обращеніемъ Саксы уже были приготовлены къ возстанію, которое и вспыхнуло, когда по смерти Герцога Ордульфа, въ 1072 году, Король не хотѣлъ освободить его сына Магнуса, котораго Саксы почитали своимъ законнымъ Герцогомъ.

Перваго Августа 1073 года Саксы, вооружившись, возстали и требовали, чтобы Король исполнилъ слѣдующія требованія: онъ долженъ срыть всѣ замки въ Саксоніи; не долженъ постоянно жить въ ихъ землѣ; онъ долженъ удовлетворить сообразно съ существующими правилами всѣхъ князей, которыхъ отставилъ или содержалъ въ заточеніи; онъ долженъ удалить отъ себя всѣхъ дурныхъ совѣтниковъ и оказывать надлежащее уваженіе своей добродѣтельной супругѣ. Король отвѣчалъ съ притворствомъ посламъ, предложившимъ ему такія требованія; когда же Саксы двинулись съ своимъ войскомъ, то онъ убѣжалъ;

*) *Lambert. Schaffnaburg.* ad a. 1073: Saxones omnes servilis conditionis esse crebro sermone usurpabat, nonnullos etiam ex iis, missis nuntiis, objurgabat, cur sibi juxta conditionem natalium suorum, ut ipso verbo utar, serviliter non servirent, nec de reditibus suis fiscalia sibi obsequia impenderent.

и тогда какъ они брали замки и силою освободили своего Герцога Магнуса, Король надѣялся въ остальной Германіи найти подкрѣпленіе, достаточное для подавленія возстанія и для наказанія побѣжденныхъ. Но онъ увидѣлъ, что всѣ отступились отъ него; къ его несчастію, враги его теперь употребили противъ него тѣ же самыя средства, которыми за три года до этого воспользовался онъ съ успѣхомъ противъ Оттона, Герцога Баварскаго. Одинъ изъ его прежнихъ друзей, Регингеръ, впадшій не задолго предъ симъ въ немилость, оклеветалъ Короля, будто сей послѣдній подкупилъ его умертвить, кромѣ многихъ другихъ, также герцоговъ Рудольфа Швабскаго и Бертольда Карнтійскаго. Эта клевета содѣлала Короля еще болѣе ненавистнымъ. Саксы и всѣ прочіе недовольные настаивали въ томъ, чтобы его отрѣшили, и предложили избрать въ Короли Герцога Рудольфа. Преданному и покинутому всѣми Генриху оставалось только смириться и согласиться на всѣ требованія своихъ враговъ. Онъ исполнилъ это, въ Февралѣ 1074 года, при заключеніи мира въ Герстунгенѣ. Но когда нужно было приступить къ исполненію условій и срыть замки, то онъ медлилъ до тѣхъ поръ, пока Саксы снова не набрали войска и сами не приступили къ дѣлу. Естественно, что при такомъ образѣ разрушенія произошли безпорядки; ненависть Саксовъ обращена была на укрѣпленные замки и въ особенности на Гарцбургъ, самый крѣпкій и лучшій замокъ, о сохраненіи котораго Король особенно заботился. Окрестные поселяне, потерпѣвшіе отъ его разбоевъ и притѣсненій, напали на него и не оставили камня на камнѣ; они сожгли даже церковь, вырыли и разбросали кости братьевъ Генриха и одного изъ его дѣтей, тамъ погребенныхъ. При извѣстіи о такомъ варварскомъ поступкѣ крестьянъ, Князья столь же были устрашены, сколько Генрихъ обрадованъ тому, что нашелъ теперь справедливый поводъ къ мести. Не принимая никакихъ извиненій отъ Саксовъ, прибѣгнулъ онъ къ церковнымъ законамъ противъ оскорбленія святыни и къ гражданскимъ—противъ нарушенія мира. Теперь онъ не расточалъ ни даровъ, ни обѣщаній, ни ласкъ для скло-

ненія на свою сторону князей южной Германіи одного за другимъ, такъ что въ 1075 году ему удалось собрать большое войско. Саксы также приготовились; сперва они пытались строгимъ покаяніямъ загладить вину оскорбленія святыни, потомъ мужественно выступили противъ Короля. Когда же 9 Іюня 1075 года при Гогенбургскомъ монастырѣ на Унструтѣ произошло сраженіе, то они, не смотря на свое мужественное сопротивленіе, должны были уступить превосходству силъ. Пылая мщеніемъ, Король преслѣдовалъ бѣгущихъ, приказалъ бить всѣхъ, кто только попадался съ оружіемъ въ рукахъ, и опустошилъ страну вдоль и поперегъ. Многіе князья, находившіеся въ его войскѣ, ходатайствовали за пораженныхъ, но Генрихъ въ этомъ случаѣ показалъ свое непреклонное сердце. Когда же, въ Октябрѣ, Саксы должны были покориться, то онъ заключилъ ихъ князей по разнымъ замкамъ Франконіи, Швабіи и Бургундіи; возобновилъ разрушенныя укрѣпленія въ Саксоніи и силою подавлялъ каждое возстаніе. Такъ великъ былъ наведенный имъ страхъ, что князья безъ противорѣчія избрали Королемъ его сына Конрада, которому почти не было двухъ лѣтъ. Отъ его характера и возраста можно было ожидать, что онъ въ новомъ своемъ положеніи, низложивъ своихъ враговъ и наступивъ, такъ сказать, пятою на ихъ выю, забудетъ о недавнемъ уничиженіи; онъ сдѣлался еще высокомѣрнѣе прежняго; но на немъ оправдалось, что гордость предшествуетъ паденію.

Полагаясь на расположеніе умовъ, господствовавшее въ Германіи, Гильдебрандъ, въ 1073 году, подъ именемъ Григорія VII вступившій на папскій престолъ, дерзнулъ теперь сдѣлать рѣшительный шагъ къ освобожденію Церкви, *запрещая свѣтскимъ лицамъ инвеституру кольцемъ и жезломъ*. Отсюда получила свое начало и направленіе борьба, явно открывшаяся между духовною и свѣтскою властями. Если бы Григорій запретилъ

инвеституру, какъ раздачу духовныхъ чиновъ, то онъ былъ бы совершенно справедливъ; но инвеститура относилась только къ леннымъ имѣніямъ и правамъ, соединеннымъ съ духовными должностями, что Короли никакъ не должны были дозволить Папѣ отнять у себя, если не хотѣли стать въ зависимость отъ Церкви. Отнынѣ споръ вращался около вопроса: должны ли Короли отказаться отъ инвеституры, если духовные возвратятъ свѣтскія имѣнія, — за эту цѣну охотно согласились бы на это,—или Короли должны уступить свѣтскія имѣнія духовнымъ и тогда не мѣшаться ни въ ихъ выборы, ни въ утвержденіе. Сего послѣдняго желалъ Григорій, и на этомъ-то настояли его преемники. Этотъ важный по своимъ интересамъ споръ съ обѣихъ сторонъ веденъ былъ мужественно, благоразумно и съ постоянствомъ. Онъ окончился въ 1122 году Вормскимъ договоромъ, по которому обѣ партіи вошли въ надлежащія границы. Какъ ни велика благодарность, которую заслужилъ Григорій VII, освободивъ Церковь отъ недостойнаго и даже постыднаго вліянія свѣтской власти, но все же мы не менѣе должны быть благодарны и обоимъ Императорамъ Генриху IV и Генриху V за то, что они мужественно противустали настойчивымъ требованіямъ Папы и не допустили королевскому достоинству впасть въ зависимость отъ папскаго престола.

Гильдебрандъ, по смерти Александра II, въ 1073 году, былъ призванъ на Св. престолъ съ единодушнаго согласія Римскаго народа и клира, и когда кардиналы одобрили выборъ, то онъ вмѣстѣ съ именемъ

Григорія VII принялъ папское достоинство. Хотя многіе, опасаясь уже извѣстной строгости Григорія, старались склонить Короля къ тому, чтобы объявить избраніе новаго Папы недѣйствительнымъ, однако Григорій умѣлъ своимъ благоразумнымъ поведеніемъ отклонить всѣ опасенія, внушенныя Королю, и получить его согласіе на посвященіе, воспослѣдовавшее 29 Іюня 1073 года. Съ его вступленіемъ на престолъ новый духъ распространился по его партіи, разсѣянной по всѣмъ землямъ. Его взоръ направленъ былъ на весь Христіанскій міръ, его духъ обнималъ оный съ рѣдкою силою *). Естественно, что онъ напрягъ теперь всѣ усилія къ тому, чтобы продолжить установленную имъ систему реформы и привести въ исполненіе два правила, на которыхъ она опиралась: безбрачность духовенства и искорененіе симоніи. На Соборѣ, бывшемъ въ Римѣ, въ 1075 году, Григорій не только возобновилъ законы противъ симоніи и браковъ духовенства, но еще старался совершенно искоренить ее. Съ этою цѣлью издалъ онъ декретъ, *которымъ запрещалъ, подъ опасеніемъ проклятія, принимать изъ рукъ мірянина епископство или другую какую нибудь духовную должность, и въ которомъ грозилъ отлученіемъ каждому мірянину, кто бы онъ ни былъ—Императоръ, Король или Герцогъ,—если онъ дерзнетъ оскорбить духовную особу.* Въ это же время отлучилъ онъ многихъ Нѣмецкихъ епископовъ, достигшихъ мѣста посредствомъ симоніи, и лишилъ также сообщенія съ Церковью пятерыхъ королевскихъ совѣтниковъ. Король Генрихъ, возгордившись недавно одержанною надъ Саксами побѣдою, такъ мало обращалъ вниманія на распоряженія Григорія, что еще нарочно сталъ продавать право, дабы тѣмъ выказать свое презрѣніе къ Папѣ. Послѣ сего, въ началѣ 1076 года, Григорій сдѣлалъ неслыханный шагъ, потребовавъ Короля къ отвѣту въ Римъ. Такой человѣкъ, какъ Григорій, не могъ дол-

*) Дабы составить себѣ понятіе о дѣятельности Григорія, нужно прочесть 10 книгъ писемъ, которыя подъ заглавіемъ Registrum Gregorii находятся въ собраніи соборныхъ постановленій Гардуина: Т. VI. Лаббе Т. X. и Манси Т. XX.

го оставаться въ сомнительныхъ отношеніяхъ; ему нужно было рѣшиться и узнать, какъ далеко могъ онъ простирать свое вліяніе на Генриха IV. Какъ политикъ, Григорій не могъ не предвидѣть, что вызовъ Короля возбудитъ большое неудовольствіе между Нѣмцами; но ему хотѣлось только знать—такъ ли скоро потухнетъ это неудовольствіе, какъ оно вспыхнуло. Оттого поступокъ Генриха былъ для него вовсе неожиданнымъ. Генрихъ немедленно созвалъ Соборъ въ Вормсѣ и предложилъ отрѣшить Папу; всѣ епископы и аббаты, виновные въ симоніи, охотно одобрили это предложеніе, и немногіе приверженцы Григорія подъ страхомъ смерти принуждены были подписать приговоръ отрѣшенія. Но положеніе Григорія было теперь обезопасено тѣмъ, что онъ прежде былъ утвержденъ самимъ Королемъ, слѣдовательно настоящее отрѣшеніе являлось дѣйствіемъ страстей. На рѣшеніе Вормскаго Собора отвѣчалъ онъ отлученіемъ отъ Церкви Короля Генриха IV, и какъ тирана, неслыханно возгордившагося противъ Апостола, лишилъ его правъ царствовать въ Германіи и Италіи. Онъ разрѣшилъ всѣхъ Христіанъ отъ данной ему присяги и запретилъ на будущее время повиноваться ему, какъ отлученному отъ Церкви. Майнцскій Архіепископъ и Епископы Утрехтскій и Бамбергскій были также отлучены вмѣстѣ съ Королемъ. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ доведено было до крайности; Папа отрѣшенъ Королемъ, Король Папою; слѣдствіями этого долженствовали быть антикороль и антипапа, междоусобная война и церковный расколъ. Папа имѣлъ ту выгоду, что могъ надѣяться на подкрѣпленіе со стороны многочисленной партіи недовольныхъ въ Германіи; и дѣйствительно они воспользовались отлученіемъ, изреченнымъ противъ Генриха, для того, чтобы не повиноваться ему. Саксы и Тюрингцы снова возстали; въ южной Германіи многіе отпали отъ Короля; свѣтскіе князья отпали по давно уже затаенному неудовольствію на то, что они исключены были изъ участія въ правленіи, а духовные для того, чтобы примириться съ Папою, потому что слабость Генриха была такъ очевидна, что имъ нельзя было надѣяться на его защиту противъ

твердаго Григорія. Сей послѣдній давалъ церковное благословеніе на возстаніе. Такъ какъ воля Божія отвергла Короля Генриха, то онъ опредѣлилъ, что Князья должны на его мѣсто избрать твердаго мужа и немедленно во-время увѣдомить его, дабы онъ могъ утвердить избраннаго. 16 Октября 1076 года, враги Генриха собрались въ Трибурѣ; папскіе легаты также присутствовали на этомъ собраніи, на которомъ должно было рѣшиться избраніе новаго верховнаго главы государству. Сперва возникъ важный вопросъ о томъ, имѣетъ ли Папа право отлучить и низложить Римскаго Короля? Многимъ казалось несообразнымъ, что Папа какъ глава Церкви, можетъ лишить сообщенія съ Церковью ея охранителя. Григорій противопоставилъ этому сомнѣнію простой вопросъ: исключилъ ли Христосъ изъ своего стада королей, когда онъ поставилъ Св. Петра пастыремъ своихъ овецъ? Кромѣ сего сообщилъ онъ своимъ легатамъ двѣ бумаги, въ которыхъ доказывалъ свое право, какъ самою исторіею, такъ и естественнымъ отношеніемъ духовной власти къ свѣтской. Въ слѣдствіе сего собраніе признало, что Папа въ самомъ дѣлѣ имѣетъ право удалить Римскаго Короля изъ общества Церкви; если бы при этомъ было даже поступлено несправедливымъ образомъ, то до тѣхъ поръ не должно имѣть сообщенія съ отлученнымъ, пока онъ не примирится съ Церковью. Всѣ присутствовавшіе епископы, которые были отлучены, покорились папской власти, и легаты снова приняли ихъ въ лоно Церкви; одному Генриху не должны были они давать разрѣшенія; Григорій предоставилъ это самому себѣ. Въ несчастіи открывается сила характера, и въ несчастіи почти всякій разъ Генрихъ выказывалъ свою внутреннюю слабость. Не имѣя ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ средствъ, впалъ онъ въ отчаяніе. Онъ согласился на предложеніе Князей предоставить дѣло суду Папы; они хотѣли просить Папу, 2 Февраля слѣдующаго года пріѣхать въ Аугсбургъ, и здѣсь, по выслушаніи обѣихъ партій, произнести приговоръ. А до сего времени, Король обязывался не касаться государственныхъ дѣлъ и знаковъ своего достоинства. Сверхъ того еще было прибавлено,

что если онъ въ продолженіе годоваго срока не будетъ разрѣшенъ отъ проклятія, то долженъ навсегда отказаться отъ правленія. По окончаніи этого совѣщанія, Князья разъѣхались, давши впрочемъ взаимную клятву защищаться общими силами, въ случаѣ, если Король попытается мстить имъ; Генрихъ также отправился въ назначенное мѣсто, въ Шпейеръ, и нѣсколько времени жилъ здѣсь, оплакивая свое тяжкое паденіе. Чѣмъ болѣе онъ вникалъ въ свое положеніе, тѣмъ болѣе оно представлялось ему безнадежнымъ; и онъ думалъ, что ему невозможно спастись иначе, какъ склонивъ Папу на свою сторону, до его прибытія въ Германію. Хотя онъ торжественно согласился на предложеніе Князей въ Трибурѣ; но не постыдился дѣйствовать вопреки оному. Онъ рѣшился отправиться въ Италію и совершилъ это путешествіе въ глубокую зиму съ величайшими затрудненіями. Когда онъ въ 1077 году прибылъ въ Италію, Итальянцы думали, что онъ пришелъ затѣмъ, чтобы отмстить Папѣ; вся партія, враждебная Григорію, приняла его съ величайшею радостью и просила быть ея главою. Генрихъ былъ слишкомъ униженъ, чтобы отважиться на рѣшительное предпріятіе; всѣ его помышленія и желанія устремлены были на то, чтобы просить прощенія у ногъ Папы, чтобы смягчить гнѣвъ ужаснаго Григорія, а не раздражать его снова противъ себя. Григорій находился на дорогѣ въ Германію, когда Генрихъ появился въ Италіи; не зная намѣреній Короля, удалился онъ въ укрѣпленный замокъ Каноссу, принадлежавшій Маркграфинѣ Матильдѣ Тосканской, съ которою онъ былъ въ дружбѣ. Сюда то явился Генрихъ съ неотступною просьбою, снять съ него проклятіе. Папа долго уклонялся. Онъ посылалъ его въ Аугсбургъ, наконецъ былъ склоненъ его мольбами къ согласію допустить его къ публичному церковному покаянію. Съ 25 по 28 Января, въ одеждѣ кающагося, съ босыми ногами, на сильномъ морозѣ, стоялъ Генрихъ на дворѣ въ Каноссѣ. Хотя послѣ такого строгаго покаянія Генрихъ и былъ разрѣшенъ, но подъ условіемъ, чтобы онъ покорился также приговору Князей. Послѣ понесеннаго имъ упи-

женія Генрихъ надѣялся, что Папа будетъ совершенно за него и противъ Нѣмецкихъ Князей; но изъ послѣдняго условія увидѣлъ, что надежды обманули его. Съ этого времени онъ снова измѣнилъ политику и соединился съ врагами Григорія. Въ качествѣ Короля воспротивился онъ теперь условіямъ договора, заключеннаго съ Григоріемъ и, овладѣвъ Альпійскими проходами, препятствовалъ путешествію Папы въ Германію. Но онъ не могъ воспрепятствовать Князьямъ, взаимно поклявшимся въ Трибурѣ, привести въ исполненіе свои угрозы; въ Форхгеймѣ назначили они собраніе и 15 Марта 1077 года избрали Королемъ Рудольфа Швабскаго. Естественно, что Рудольфъ, какъ Король, для котораго была необходима защита Папы, былъ совершенно преданъ видамъ Григорія; по этому долженъ былъ преслѣдовать всѣхъ симонистовъ и поддерживать законы противъ браковъ священниковъ. По этой причинѣ ему были непріязненны многіе епископы; низшее бѣлое духовенство отвращало отъ него народъ и удерживало въ вѣрности и приверженности къ Генриху. Въ Германіи были слѣдующія партіи: Саксы и Тюрингцы привержены были Рудольфу; Баварцы, Швабы и особенно Рейнскіе и Майнскіе Франки остались вѣрными Королю Генриху. Когда въ Апрѣлѣ сей послѣдній возвратился въ Германію, то Рудольфъ долженъ былъ отступить въ Саксонію. Раздѣломъ имѣній своихъ враговъ Генрихъ пріобрѣлъ новыхъ приверженцевъ и удержалъ въ вѣрности прежнихъ. На мѣсто низложеннаго имъ Рудольфа сдѣлалъ онъ Герцогомъ Швабскимъ Фридриха Гогенштауфенскаго и женилъ его на своей дочери Агнесѣ. Въ войнѣ, происшедшей теперь, Григорій занялъ сперва нейтральное положеніе; но его политика показалась двусмысленною и подозрительною Саксамъ и прочимъ приверженцамъ Рудольфа, такъ, что они начали ему дѣлать горчайшіе упреки и своими доводами и угрозами побудили его объявить себя за которую нибудь изъ двухъ партій. Такъ какъ Генрихъ былъ разбитъ въ Августѣ 1078 года при Мельрихштадтѣ и въ Январѣ 1080 года при Флархеймѣ въ окрестностяхъ Мюльгаузена, то Григорій рѣшительно объявилъ се-

бя за Рудольфа. Въ Мартѣ 1080 года на Соборѣ въ Римѣ проклялъ онъ снова Генриха и еще разъ лишилъ его власти въ Германіи и Италіи, а Короля Рудольфа призналъ и послалъ ему корону *). Увѣренность Григорія простерлась еще далѣе, такъ что онъ на другой день Свѣтлаго праздника при торжественномъ повтореніи проклятія Генриху, публично поклялся, что онъ будетъ или низложенъ, или убитъ, если не покорится къ празднику Св. Апостоловъ Петра и Павла. Это неосторожное объявленіе, особенно, когда оно не сбылось, уменьшило уваженіе къ Папѣ. Въ Октябрѣ 1080 года при Гропскихъ топяхъ на Эльстерѣ между Генрихомъ и Рудольфомъ произошло сраженіе; хотя Генрихъ долженъ былъ оставить поле битвы за своимъ противникомъ, однако его антикороль Рудольфъ былъ смертельно раненъ и ему была отрублена правая рука. Готфридъ Бульонскій, Герцогъ Лотарингскій, въ сраженіи вонзилъ копье въ животъ Королю Рудольфу. Рана была неизлѣчима, и Рудольфъ предъ концемъ своей жизни изъявилъ горчайшее раскаяніе въ томъ, что не можетъ безъ угрызеній совѣсти смотрѣть на свою изувѣченную правую руку; это была та самая рука, которою онъ давалъ клятву въ вѣрности Королю Генриху и которую потомъ поднялъ непріязненно противъ него. Рудольфъ умеръ чрезъ три дня послѣ сраженія и былъ погребенъ съ королевскою почестію въ Мерзебургѣ. Въ лицѣ Рудольфа палъ главный противникъ Генриха; хотя противная партія и возвела въ короли Германа, Графа Люксенбургскаго, но сей послѣдній, въ особенности когда умеръ Оттонъ Нордгеймскій (1083), не могъ внушить уваженія, которымъ началъ пользоваться теперь Генрихъ, уже исправленный несчастіемъ. Если бы ему удалось теперь поразить Григорія, какъ онъ поразилъ Антикороля, то онъ одержалъ бы рѣшительную побѣду. Но здѣсь Генрихъ имѣлъ дѣло съ умомъ, котораго не могъ побѣдить

*) На этой коронѣ находилась надпись: Petra dedit Petro, Petrus diadema Rudolfo — надпись, которая ясно показываетъ, какое зависимое мѣсто по системѣ Григорія назначено было Нѣмецкому Королю.

силою оружія. Онъ могъ выгнать Папу изъ его столицы, такъ, чтобы онъ блуждалъ въ бѣдности и изгнаніи, но не могъ лишить его достоинства. Со временъ Григорія VII, Папа по его примѣру могъ быть въ какомъ угодно положеніи; онъ не отказывался ни отъ своихъ преимуществъ, ни отъ своихъ притязаній, даже въ изгнаніи поддерживалъ тотъ же тонъ и въ бѣдности обнаруживалъ такія чувствованія, какъ будто бы повелѣвалъ арміями и управлялъ всѣми Христіанскими землями. Когда въ 1080 году Григорій вторично проклялъ и отлучилъ Генриха, то сей послѣдній поступилъ съ нимъ слѣдующимъ образомъ: онъ запретилъ всѣмъ преданнымъ ему епископамъ въ Германіи и Италіи повиноваться Папѣ и потомъ на Бриксенскомъ Соборѣ избралъ Папою, подъ именемъ *Климента* III, давняшняго врага Григоріева, Гвиберта, Архіепископа Равенскаго. Въ 1081 году Генрихъ пошелъ въ Италію, для того, чтобы проводить своего Папу въ Римъ и получить отъ него Императорскую корону. Хотя Григорій находился въ Римѣ всѣми оставленный, но былъ твердъ и непоколебимъ. Онъ объявилъ, что тогда только можно будетъ подумать о примиреніи съ Генрихомъ, когда сей послѣдній сложитъ съ себя свое достоинство и удовлетворитъ Церкви. Даже тогда, когда въ 1084 году Генрихъ овладѣлъ городомъ и Григорій долженъ былъ заключиться въ крѣпости Ангела и былъ запертъ тамъ, даже и тогда Папа не уступилъ. Онъ съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, какъ его Антипапа Климентъ III былъ возведенъ на Св. Престолъ и Генрихъ былъ имъ коронованъ Императоромъ. Робертъ Гвискаръ, Норманскій герцогъ Апуліи, освободилъ Григорія отъ опасности попасть въ руки своихъ враговъ и быть такимъ образомъ для нихъ предметомъ поруганія. Григорій послѣдовалъ за Норманнами въ Нижнюю Италію и прожилъ такъ до слѣдующаго года. Онъ умеръ въ Салерно 25 Мая 1085 года. Даже въ послѣднія минуты жизни, онъ былъ непоколебимъ въ своихъ мысляхъ: хотя всѣхъ отлученныхъ разрѣшилъ онъ отъ проклятія и изрекъ благословеніе Церкви на всѣхъ, которые вѣровали, что ему дана на то апостольская власть, однако исключилъ изъ этого

числа Генриха и Климента и взялъ клятву съ присутствовавшихъ Кардиналовъ, что они допустятъ ихъ до сообщенія съ Церковью тогда только, когда они откажутся отъ своего достоинства и покорятся Св. Престолу. Его послѣдними словами были: Dilexi justitiam, odi iniquitatem, propterea morior in exilio. Не должно судить о Григоріи VII по тѣмъ мнѣніямъ, какія въ настоящее время обыкновенно имѣютъ о стремленіяхъ, подобныхъ его стремленіямъ; чтобы оцѣнить его достойнымъ образомъ, нужно перенестись въ отношенія и интересы его времени, и тогда Григорій является человѣкомъ съ рѣдкою твердостію и энергіею, стремящимся къ усовершенствованію Церкви. Трудность же, которая представлялась въ отдѣленіи свѣтскихъ правъ отъ духовныхъ, перепутанныхъ въ Церкви, была для него утесомъ, о который онъ сокрушился. Вмѣсто того, чтобы стараться отдѣлить одну власть отъ другой, быстро возвысилъ онъ духовную надъ свѣтскою и былъ потомъ увлеченъ планомъ, по которому Церковь не только содѣлывалась независимою, но еще Папа возвышался на степень верховнаго владыки всего Христіанства. Онъ стремился явно къ тому, чтобы изъ Церковной Области, изъ владѣній графини Матильды Тосканской и изъ Ломбардіи образовать сильное государство, зависящее непосредственно отъ Папы; съ одной стороны къ этому государству должно было примкнуть Норманское въ Южной Италіи, которое уже было Папскимъ леномъ, съ другой стороны назначена была подобнымъ же леномъ Германія, которая дѣйствительно при Антикоролѣ Рудольфѣ не слишкомъ удалена была отъ такихъ отношеній. Опираясь на такую власть, онъ былъ бы въ состояніи насильственнымъ образомъ привести въ исполненіе свои притязанія на другія земли, если бы ихъ не признали добровольно. Сверхъ сего онъ требовалъ ленной присяги отъ всѣхъ архіепископовъ и епископовъ Католическаго Христіанскаго міра. У Григорія была также мысль соединить Греческую Церковь съ Римскою и повести соединенное Христіанство на Магометанъ. Послѣднею цѣлью его было господство надъ всѣмъ міромъ, которое проистекало изъ его

твердой системы; всѣ люди на землѣ должны составлять одно стадо, пасти которое назначено верховному пастырю въ Римѣ. Отъ первоначальнаго, въ высшей степени похвальнаго и достойнаго уваженія стремленія къ улучшенію и преобразованію Церкви, Григорій слишкомъ далеко шагнулъ за предѣлы своей власти, такъ, что впалъ въ химеру; счастьемъ было для міра то, что онъ встрѣтилъ достаточное сопротивленіе и могъ привести въ исполненіе только реформу, а не прочіе свои неумѣренные планы. Большая часть спорныхъ пунктовъ, предложенныхъ Григоріемъ, была рѣшена въ его духѣ *). Только споръ объ инвеституръ продолжался еще нерѣшеннымъ, потому что не могли придумать договора, который удовлетворялъ бы всѣмъ партіямъ. Преемники Григорія, Викторъ III и Урбанъ II, ни на шагъ не от-

*) Первый вопросъ основывался на пунктѣ: *должны ли священники вступать въ бракъ или нѣтъ?* Лучше всего можно узнать Григоріевы и его партіи мнѣнія о безбрачіи изъ *Bertholdi Constantiensis* Apologeticus pro Gregorio VII; и основныя положенія противъ безбрачія изъ безъименнаго сочинителя Epistola adversus laicorum in presbyteros conjugatos calumniam (ap. Marten. et Durand. thes. anecdot. T. I, p. 230). Въ общественномъ мнѣніи безбрачіе одержало побѣду; которая бы партія ни утвердила за собою перевѣсъ, все же было вѣрно то, что народъ не потерпѣлъ бы женатаго священника.

Второй вопросъ касался *отношеній отлученныхъ*; мнѣнія строгой партіи, которая предложила, что отлученные лишаются не только благодѣяній религіи, но также и гражданскихъ правъ, изложены были Бертольдомъ Константскимъ въ его сочиненіи de vitandis excommunicatis eorumque communicatoribus и Ансельмомъ Луккскимъ въ его Libri duo contra Guibertum Antipapam pro defensione Gregorii VII. Болѣе же умѣренныя мнѣнія объ этомъ предметѣ высказалъ Петръ Даміани во многихъ своихъ письмахъ. Третій вопросъ: *долженъ ли каждый духовный болѣе повиноваться Папѣ или Епископу своей епархіи*, былъ рѣшенъ на основаніи Лже-Исидоровскихъ декреталій, и слѣдовательно въ пользу Папы.

Четвертый вопросъ: *имѣетъ ли Папа право отлучать отъ Церкви и низлагать королей, въ особенности Римскихъ*, былъ доказанъ самимъ Григоріемъ въ его духѣ. (Reg. IV. I. и VIII. 21); Вальтрамъ, Епископъ Наумбургскій, въ своемъ прекрасномъ сочиненіи de unitate ecclesiae conservanda (ap. Freher. scr. rer. Germ. T. I. p. 244) старался опровергнуть его, но и въ этомъ спорномъ пунктѣ одержала верхъ Папская партія.

ступали отъ требованій и притязаній своего великаго предшественника и учителя, тогда какъ съ другой стороны Генрихъ IV также не хотѣлъ отступить отъ своихъ правъ. По своему положенію Генрихъ не могъ и думать о примиреніи съ Григоріянскою партіею; напротивъ того Конрадъ, его старшій сынъ, который уже съ малолѣтства былъ назначенъ преемникомъ отцу, по своему положенію, имѣлъ потребность въ примиреніи съ Церковью. Его изображаютъ намъ мирнымъ и безстрастнымъ человѣкомъ. Онъ былъ чуждъ интересовъ партіи своего отца; ярость войны, опустошеніе Церкви и плачевное состояніе всѣхъ земель такъ ужасно тревожили его, что онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, только бы возвратить миръ и тишину своему государству. Лишь только отецъ поставилъ его въ 1093 году главою своей партіи въ Италіи, какъ онъ вступилъ въ сношенія съ Папою и его приверженцами, но дѣйствовалъ слишкомъ явно, такъ, что не могъ скрыть этого отъ своего подозрительнаго отца. Какъ скоро Генрихъ былъ увѣдомленъ объ этомъ, то приказалъ схватить своего сына. Такимъ поспѣшнымъ поступкомъ побудилъ онъ его къ бѣгству и къ явному переходу на сторону Папской партіи. Въ первую минуту это происшествіе было чрезвычайно важно для той и другой стороны. Генрихъ только съ трудомъ былъ удержанъ отъ самоубійства и въ продолженіе недѣли предавался величайшему отчаянію. Напротивъ Папская партія была обрадована, потому что самъ будущій наслѣдникъ Генриха сдѣлался ея средоточіемъ и вождемъ. Но тотчасъ оказалось, что это дѣло не могло имѣть ожиданныхъ послѣдствій. Генрихъ скоро вышелъ изъ затруднительнаго положенія; онъ низложилъ Конрада въ Германіи и возвысилъ на его мѣсто своего втораго сына Генриха V. Самъ Конрадъ не оправдалъ надеждъ, которыя на него полагали; въ 1101 году умеръ онъ во Флоренціи въ совершенной неизвѣстности. Совсѣмъ инымъ человѣкомъ былъ его братъ Генрихъ V. Молодой Генрихъ во всемъ походилъ на своего дѣда; онъ обладалъ тонкимъ умомъ, былъ неразборчивъ въ средствахъ и скоръ въ исполненіи каждаго предпріятія. Но онъ, также

какъ и братъ, вскорѣ не поладилъ съ отцемъ. Именно въ 1099 году умеръ Урбанъ II, и на его мѣсто Григоріанскою партіею былъ возведенъ *Пасхаль II*. Такъ какъ въ слѣдующемъ году умеръ помазанный Генрихомъ Антипапа Климентъ III, то теперь представился случай къ рѣшительному примиренію съ Церковью. Генрихъ обѣщался примириться; но самъ не пріѣхалъ и не прислалъ даже уполномоченныхъ на церковное собраніе, бывшее по этому случаю. Пасхаль возобновилъ проклятіе и старался снова воспламенить войну противъ Императора. При такихъ обстоятельствахъ Генрихъ V почелъ за необходимое сдѣлаться главою недовольныхъ, дабы никто другой не воспользовался этою ролью. А въ каждомъ противодѣйствіи Императору заключалось уже соединеніе съ Папскою партіею. Папа Пасхаль послалъ молодому Королю, послѣ отдѣленія его отъ своего отца, разрѣшеніе отъ проклятія и апостольское благословеніе, и всѣ враги Императора присоединились теперь къ Королю. Онъ захватилъ своего отца съ помощію низкаго коварства, употребивъ во зло его довѣренность, и обращался съ нимъ въ его заключеніи самымъ недостойнымъ образомъ, такъ, что престарѣлый Императоръ соглашался на все, только бы получить свободу. Въ Декабрѣ 1105 года былъ онъ перевезенъ въ Ингельгеймъ. Здѣсь Папскій легатъ требовалъ отъ Императора признанія въ томъ, что онъ незаконно отрѣшилъ Григорія VII, незаконно поставилъ Антипапу и угнеталъ Церковь. Однимъ словомъ онъ долженъ былъ теперь уничтожить значеніе своей протекшей жизни. Генрихъ былъ столь слабъ, что произнесъ требуемое признаніе, особенно послѣ того, когда жестокосердый сынъ его не тронулся его колѣнопреклоненными мольбами и слезами. Потомъ онъ былъ низложенъ; но когда во время торжествъ при коронаціи, которыми ознаменовалъ новый Король свое вступленіе на престолъ, присмотръ за нимъ былъ слабѣе, то онъ убѣжалъ въ Январѣ 1106 года. Въ своемъ бѣгствѣ, Генрихъ IV имѣлъ только намѣреніе уйти изъ рукъ своихъ мучителей; когда же состраданіе повсюду доставило ему приверженцевъ, то въ немъ снова пробудился духъ партіи и онъ

убѣжденъ былъ снова принять императорскій титулъ. Но прежде нежели могли рѣшить дѣло оружіемъ, Генрихъ IV умеръ 7 Августа 1106 года, и этимъ совершенно измѣнилось положеніе дѣлъ *). На сторонѣ Генриха V была вся Папская партія, и такъ какъ по смерти его отца покорилась ему и противная партія, то все государство было снова соединено по прошествіи болѣе чѣмъ тридцати-лѣтней бури.

Теперь нужно было только скрѣпить это соединеніе постояннымъ миромъ съ Папскимъ престоломъ. До сихъ поръ Генрихъ V былъ покоренъ папской системѣ, потому что нуждался въ Папѣ противъ своего отца; онъ уступалъ также Папскимъ притязаніямъ во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, отъ которыхъ ничего не теряла королевская власть; онъ подтвердилъ запрещеніе вступать въ бракъ священникамъ, не вмѣшивался въ выборы духовныхъ, но не отказывался отъ инвеституры или права жаловать избранныхъ кольцемъ и жезломъ. Однако жъ онъ тотчасъ вступилъ о томъ съ Папою въ переговоры и просилъ отложить всѣ окончательныя опредѣленія до своего личнаго прибытія въ Римъ. Онъ совершилъ походъ въ Италію въ 1110 г. и по совѣту сопутствовавшихъ ему юристовъ въ основаніе всѣмъ переговорамъ положилъ отдѣленіе духовныхъ правъ отъ свѣтскихъ. Онъ соглашался уступить инвеституру, если только духовные захотятъ отказаться отъ помѣстій и регалій, за которыя онъ и предоставлялъ имъ инвеституру. Пасхаль былъ этимъ поставленъ въ большое затрудненіе; съ одной стороны онъ долженъ былъ въ точности соблюдать запрещеніе свѣтской инвеституры, съ другой стороны не могъ оспаривать у Короля права, которое сей послѣдній имѣлъ на государственныя имѣнія и регаліи, находящіяся во владѣніи Церкви; онъ прибѣгъ къ единственному сред-

*) Всего правильнѣе оцѣненъ характеръ Генриха IV въ *Chronic. Urspergense:* Pluribus autem testibus comprobare poterimus, quod nemo nostris temporibus natu, ingenio, fortitudine et audacia, statura etiam, totaque elegantia corporis videretur fascibus imperialibus ipso aptior, *si tamen in conflictu vitiorum homo non degeneraret vel succumberet interior.*

ству, которое ему только оставалось, и постановилъ, что духовные должны довольствоваться десятиною и выдать всѣ регаліи. На основаніи этого положенія, 4 Февраля 1111 года, уполномоченными со стороны Папы и Короля заключенъ былъ слѣдующій договоръ: Король обязанъ письменно уступить Папѣ инвеституру всѣхъ церквей въ присутствіи Римскаго духовенства и Римскаго народа, въ день своего коронованія, а Папа въ этотъ же самый день прикажетъ епископамъ возвратить Королю и государству все, что только со временъ Карла В. принадлежало государству, потомъ онъ письменно утвердитъ это и наложитъ церковное проклятіе на того изъ духовныхъ, кто присвоитъ себѣ регаліи. Регаліями были ясно названы города, герцогства, маркграфства, графства, монеты, пошлины, рынки, государственныя должности, деревни, замки и вассалы. Еслибы этотъ приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе, то Церковь приняла бы совершенно иной видъ; но духовенство оказало сильное сопротивленіе; оно провозгласило Папу еретикомъ и объявило, что не допуститъ образоваться подъ его покровительствомъ бѣдному, нагому и безсильному стаду. Въ слѣдствіе такого сопротивленія Папа старался уклониться отъ заключеннаго договора; въ день, назначенный для коронаціи (11 Февраля 1111), при передачѣ документовъ взаимнаго отреченія, произошелъ споръ, который кончился тѣмъ, что Пасхаль отказалъ Королю въ коронованіи, Король же приказалъ схватить Папу вмѣстѣ съ Кардиналами. Генрихъ до тѣхъ поръ держалъ Папу въ заточеніи, пока онъ не согласился на новую сдѣлку, въ слѣдствіе которой уступалъ Королю инвеституру; напротивъ того Король обѣщалъ только не вмѣшиваться въ выборы. Тутъ же Генрихъ взялъ клятву съ Папы, что онъ никогда не будетъ проклинать его и что тотчасъ по своемъ освобожденіи коронуетъ его Императоромъ. Послѣднее условіе Пасхаль тотчасъ исполнилъ, и Генрихъ V возвратился въ Германію коронованнымъ Императоромъ. Но Григоріянская партія не хотѣла допустить договора, заключеннаго между Императоромъ и Папою и до тѣхъ поръ безпокоила Пасхаля, пока онъ

не объявилъ этого приговора вынужденнымъ и слѣдовательно недѣйствительнымъ, и пока не дозволилъ Кардиналу Гвидону Віеннскому изречь проклятіе на Императора. И такъ въ 1112 году въ этомъ спорѣ не отступили ни на шагъ, какъ и въ 1075 году, когда Григорій VII запретилъ свѣтскимъ властямъ раздавать инвеституру, и теперь, равно какъ и тогда, воспослѣдовало междоусобіе и расколъ. Генрихъ предоставилъ вести войну въ Германіи своимъ племянникамъ Гогенштауфенамъ, Фридриху Швабскому и Конраду Франконскому; самъ же въ 1116 году предпринялъ походъ въ Италію и овладѣлъ Римомъ, откуда Папа бѣжалъ. Онъ вступилъ съ Пасхалемъ въ переговоры, ничѣмъ не кончившіеся, потому что этотъ Папа умеръ въ 1118 году. Теперь произошелъ расколъ. Кардиналы изъ Григоріянской партіи тайно собрались въ Римъ и избрали преемникомъ Папѣ канцлера Римской Церкви Іоанна Гаетанскаго. Избранный принялъ имя *Геласія* II. Но въ то время, какъ его посвящали, Ценцій Франджипани, преданный Императору Римлянинъ, съ вооруженною толпою ворвался въ церковь и, нанесши много оскорбленій схваченному имъ Папѣ, отвелъ его въ свой домъ, гдѣ и заключилъ въ оковы съ намѣреніемъ выдать его Императору, который при извѣстіи о смерти Пасхаля самъ немедленно отправился въ Римъ. Хотя Геласій до прибытія въ Римъ Императора и былъ силою исторгнутъ изъ рукъ Франджипани, и хотя ему и удалось на кораблѣ уѣхать въ Гаету, все же императорская партія смотрѣла на Папскій престолъ какъ на порожній. Такимъ образомъ Брагскій Архіепископъ Маврицій Бурдинъ, сообразно съ прежнею формою, подъ именемъ Григорія VIII былъ избранъ народомъ и духовенствомъ и утвержденъ Императоромъ. Но Григорій не на счастіе себѣ принялъ это достоинство. Антипапы, поставляемые Императоромъ, никогда не были признаваемы всѣми; они были орудіемъ партій, которыя оставляли ихъ, какъ скоро не нуждались въ нихъ. Лишь только Генрихъ V удалился изъ Италіи, какъ Римляне отвергли Григорія. Между тѣмъ Геласій въ 1119 году умеръ во Франціи, куда удалился по своемъ низверженіи, и по его

завѣщанію былъ избранъ ему преемникомъ, подъ именемъ Каликста II, тотъ самой Гвидонъ Віеннскій, который недавно изрекъ проклятіе на Императора. Въ 1120 году новый Папа прибылъ въ Италію и былъ принимаемъ съ торжествомъ и съ почестями не только по всей дорогѣ, но даже и въ самомъ Римѣ. Его противникъ Григорій VIII удалился въ Сутри, гдѣ и былъ осажденъ и схваченъ; по приказанію Папы Каликста былъ онъ постриженъ въ монахи и заточенъ въ монастырь Каву въ Салерно. Каликстъ II при всемъ своемъ раченіи о видахъ Григоріянцевъ, ясно видѣлъ, что споръ объ инвеституръ не можетъ окончиться безъ уступокъ съ той и другой стороны. Въ 1121 году, онъ согласился на мирный договоръ, предложенный Императоромъ, требуя въ своемъ письмѣ къ Императору только того, что принадлежитъ Христу, и охотно уступая Императору все прилично ему, отдѣляя такимъ образомъ понятіе о духовныхъ правахъ отъ свѣтскихъ; теперь не трудно было рѣшить споръ. Папскій легатъ Ламбертъ Остійскій, по препорученію Каликста II пригласилъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ, равно какъ и всѣхъ свѣтскихъ князей въ Майнцъ, на церковный Соборъ, назначенный 8 Сентября 1122 года. Здѣсь былъ заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Императоръ отказывался отъ пожалованія кольцемъ и жезломъ, и пожертвовалъ такимъ образомъ формою, доселѣ существовавшею; напротивъ того онъ сталъ теперь жаловать регаліями, вручая пожалованному скипетръ, и духовный, такимъ образомъ награжденный, обязывался уступить Императору все, что только приличествовало свѣтской власти. Что касается до посвященія, то было постановлено, что въ самой Германіи прежде духовнаго посвященія, избранный долженъ получить отъ Императора ленъ, напротивъ того въ земляхъ, принадлежащихъ Германіи, т. е. въ Италіи и Бургуліи, духовный сперва долженъ быть посвященъ, и потомъ, по крайней мѣрѣ спустя шесть мѣсяцевъ, получалъ отъ Императора ленъ. Договоръ этотъ кончился въ Вормсѣ 23 Сентября 1122 года и получилъ названіе *Вормскаго Конкордата*. Потомъ на Вормской равнинѣ онъ былъ объявленъ предъ несмѣтнымъ

множествомъ народа, стекшагося со всѣхъ концевъ государства. Послѣ столь многихъ тревогъ этотъ день былъ днемъ истиннаго торжества; радостные клики оглашали воздухъ, когда папскій легатъ принялъ въ нѣдра Церкви Императора и его приверженцевъ, и всякій, кто только желалъ блага государству, уходилъ, хваля и благодаря Бога за счастливое рѣшеніе самаго запутаннаго спора, какой только встрѣчался въ Исторіи.

Рѣшеніе, произнесенное Вормскимъ Конкордатомъ, важно было и для другихъ Христіанскихъ государствъ, принадлежавшихъ къ Римско-католической Церкви, хотя они и не принимали непосредственнаго участія въ этомъ спорѣ. Это время было для Франціи и Англіи столь-же значительно какъ и для Германіи; *завоеваніе Англіи Норманскимъ герцогомъ* произвело между Франціею и Англіею соперничество, постоянно занимавшее оба государства въ продолженіи всѣхъ Среднихъ Вѣковъ и привившее Романскій элементъ къ Германскому и Скандинавскому элементамъ, которые господствовали доселѣ на этомъ островѣ; изъ сліянія этихъ трехъ элементовъ образовалась Англійская нація.

Положеніе и внутреннее состояніе Франціи надолго опредѣлено было средствами и способами, чрезъ которые Капетингскій Домъ достигъ престола. Послѣ того какъ въ 987 году Гугонъ Капетъ похитилъ королевское достоинство, первымъ дѣломъ его было то, что онъ утвердилъ вельможъ въ владѣніи должностями и ленами, а Церковь во владѣніи привилегіями; вторымъ—что онъ въ Декабрѣ того же года принялъ въ соправители сына своего Роберта и короновалъ его 1-го Января слѣдующаго года. Впрочемъ Гугонъ долженъ былъ съ умѣренностію употреблять свою еще не окрѣпшую власть и не смѣлъ поступать рѣ-

шительно; онъ довольствовался тѣмъ, что присвоилъ корону дому, предоставивъ своимъ наслѣдникамъ отнять у мятежныхъ вассаловъ права, принадлежащія престолу. Между тѣмъ ближайшіе наслѣдники Гугона, *Робертъ* (996—1031) и *Генрихъ I* (1031—1060) мало успѣли въ возвышеніи королевской власти. По смерти Генриха наслѣдовалъ ему осмилѣтній *Филиппъ I*. Между тѣмъ какъ сей послѣдній, достигши юношескаго возраста, подобно своему современнику Генриху IV, въ слѣдствіе дурнаго воспитанія и развратствъ нравственно унизилъ себя, его вассалъ Вильгельмъ, Герцогъ Норманскій, завоевалъ Королевство Англію. Мы уже видѣли, какъ вторженіемъ Англосаксовъ Брито-римское народонаселеніе было на этомъ островѣ частію истреблено, частію оттѣснено въ Валлійскія горы, какъ потомъ на остаткахъ прежнихъ отношеній основано было восемь небольшихъ Англосаксонскихъ королевствъ. Въ продолженіе VII столѣтія, во всѣхъ Англосаксонскихъ государствахъ мало по малу введено было Христіанство, въ той же самой формѣ, въ какой существовала Римская Церковь. Англія вскорѣ сдѣлалась однимъ изъ главныхъ мѣстъ Христіанскаго образованія на Западѣ и имѣла въ духовномъ отношеніи большое вліяніе на одноплеменные Германскіе народы, потому что Англосаксы съ неутомимою ревностію къ обращенію оживляли Христіанскую религію тамъ, гдѣ она была въ упадкѣ, или вводили тамъ, гдѣ она еще была неизвѣстна. Напротивъ въ политическомъ отношеніи Англія не имѣла ни малѣйшаго вліянія, пока находилась подъ властію многихъ князей, которые вели взаимныя войны за гегемонію или первенство. Эта гегемонія, смотря потому, въ какомъ королевствѣ появлялось значительное лице, переходила отъ одного князя къ другому до тѣхъ поръ, пока Эгбертъ, Король Вессекскій, не утвердилъ ея навсегда за собою, такъ какъ ему удалось присоединить къ своимъ землямъ небольшія княжества и покорить два остальныя сильнѣйшія государства, именно въ 825 Мерцію и въ 827 Нортумберлендъ, у которыхъ, впрочемъ, еще надолго остались Короли, зависимые отъ Вессекса. Въ одно время съ тѣмъ, какъ Англосаксон-

скія государства соединены были подъ однимъ верховнымъ королевствомъ, начались нападенія Норманновъ на берега Англіи, и Король Эгбертъ, по причинѣ недолголѣтней жизни, не могъ защитить отъ угрожавшей опасности созданное имъ королевство. Онъ умеръ въ 837 году, оставивъ бразды правленія своему сыну *Этельвульфу*. Въ правленіе этого слабаго Короля Англійскіе берега такъ же ужасно были опустошены Норманскими морскими разбойниками, какъ и Франкскіе въ современное правленіе Карла Лысаго, съ дочерью котораго Юдиѳью Этельвульфъ сочетался вторымъ бракомъ. Къ тому же, въ соединенныхъ съ Вессексомъ королевствахъ пробудился духъ независимости и начались раздоры въ королевской фамиліи, такъ что, когда умеръ Этельвульфъ въ 858 году, государство находилось еще въ большемъ разстройствѣ. Онъ оставилъ четырехъ сыновей, которые царствовали одинъ послѣ другаго: сперва *Этельбальдъ* (858—860), потомъ *Этельбертъ* (860—866) и за нимъ *Этельредъ* (866—871). Едва сей послѣдній вступилъ на престолъ, какъ къ Англійскимъ берегамъ пристало Норманское войско, состоявшее изъ соединенныхъ воинскихъ силъ Скандинавскаго Сѣвера и пришедшее мстить за смерть Норманскаго Конунга Рагнара Лодброка, который былъ разбитъ въ одномъ изъ морскихъ походовъ на Нортумберлендскомъ берегу и попалъ въ руки Эллы, вицекороля этой земли, который и предалъ его мучительной смерти *). Для совершенія кровной мести надъ Эллою, появились теперь сыновья, друзья и союзники Рагнара; вмѣсто того, чтобы соединиться противъ всеобщаго врага, прочіе Англосаксонскіе Короли оставались въ бездѣйствіи, когда Норманны въ 867 году вторгнулись въ Нортумберлендъ. Тотчасъ произошло сраженіе между Нортумберлендцами и Норманнами, въ которомъ побѣду одержали послѣдніе и умерщвленіемъ Эллы удовлетворили своему кровному мщенію. Вмѣсто того, чтобы удалиться, по достиже-

*) Geschichte Alfreds des Großen, übertragen aus Turners Geschichte der Angelsachsen, nebst der Lodbrokar-Quida in dem Urtext und einer metrischen Uebersetzung, von Dr. Fr. Lorentz. Hamburg, 1828.

пін своей цѣли, они утвердились въ Нортумберлендѣ съ рѣшительнымъ планомъ покорить себѣ весь островъ. Такимъ образомъ за обладаніе этимъ островомъ Скандинавскій элементъ вступилъ въ борьбу съ Германскимъ. Борьба эта была сначала несчастна для Англосаксовъ, но окончаніе оной имѣло благодѣтельныя послѣдствія; потому что Англосаксы, доселѣ разсѣянные по многимъ королевствамъ, теперь по вторичномъ завоеваніи государствъ Альфредомъ, соединяются и составляютъ одно цѣлое. Послѣ того, какъ Норманны утвердились въ Нортумберлендѣ, они въ 870 году завоевали Остъ-Ангельнъ и отсюда напали на Вессексъ. Хотя Король Этельредъ и его братъ Альфредъ и не получили помощи отъ Мерціи, однако они сразились за отечество и вѣру; въ восьми сраженіяхъ и многихъ небольшихъ схваткахъ побѣда склонялась то на одну, то на другую сторону. Въ одной изъ битвъ Король Этельредъ получилъ рану, отъ которой и умеръ, вскорѣ послѣ Пасхи 871 года. Хотя онъ оставилъ дѣтей, но народъ почиталъ себя въ правѣ, при такомъ опасномъ положеніи государства, отступить отъ порядка престолонаслѣдія и предоставилъ корону Этельредову брату, *Альфреду Великому*. *Альфредъ* представляетъ собою одинъ изъ знаменитѣйшихъ и самыхъ занимательныхъ характеровъ, какіе только встрѣчаются въ Исторіи Среднихъ Вѣковъ. Но несчастіе должно было образовать этотъ характеръ и пробудить въ немъ мужество, которое онъ показалъ не тотчасъ по вступленіи на престолъ. Сдѣлавшись Королемъ, немедленно заключилъ онъ съ Норманнами миръ и безпрепятственно допустилъ ихъ завоевать Мерцію, послѣдній Король которой, Бурредъ, покинулъ и престолъ, и народъ, лишь только увидѣлъ, что все погибло, и удалился въ Римъ, гдѣ въ 875 году и умеръ монахомъ. Альфредъ деньгами поддерживалъ миръ съ Норманнами, которые воспользовались доставленнымъ имъ спокойствіемъ къ лучшему приготовленію и подкрѣпленію себя прибывшими единоземцами. Когда же они въ 878 году сдѣлали рѣшительное вторженіе въ Вессексъ, то Альфредъ, потерявшій уже довѣренность своихъ подданныхъ, не

могъ имъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія; мы видимъ, что теперь много жителей оставляютъ свое отечество, что самъ Альфредъ, покинувъ тронъ, скитается переодѣтый, пока не находитъ убѣжища въ Сомерсетскомъ графствѣ, гдѣ онъ и скрывается такъ, что ни его друзья, ни враги не знаютъ, гдѣ онъ, живъ ли, или нѣтъ *). Величіе его характера обнаружилось тѣмъ, что онъ въ своемъ униженіи позналъ самого себя и несчастіе даровало ему силу мужественно завоевать и мудро утвердить то, что онъ потерялъ по слабости и неразумію. По низверженіи съ престола, онъ жилъ въ хижинѣ одного пастуха до тѣхъ поръ, пока съ нимъ не соединились нѣкоторые изъ изгнанниковъ, которыхъ привело въ Сомерсетскія болота то же несчастіе, какое постигло и его. Вмѣстѣ съ ними заложилъ онъ крѣпость, откуда дѣлалъ счастливыя нападенія на Норманскіе отряды. Вмѣстѣ съ его счастіемъ возрастало число его приверженцевъ и тайно пронесшаяся вѣсть о его жизни и дѣятельности наполняла души Англосаксовъ радостію и надеждою, такъ что они съ нетерпѣніемъ желали свергнуть Норманское иго; всѣ были готовы поддерживать своего Короля въ столь роковомъ предпріятіи противъ Норманновъ. Многочисленныя толпы тайно собрались по приказанію Альфреда въ Сельвудскихъ лѣсахъ, и онъ повелъ ихъ на непріятельскій лагерь, въ который успѣлъ прокрасться въ одеждѣ пѣвца и такимъ образомъ узналъ слабую сторону стана. Норманны были такъ испуганы неожиданнымъ нападеніемъ Альфреда, что, по непродолжительномъ сраженіи, предоставили ему побѣду, возведшую его на Англійскій престолъ изъ той бѣдности и того забвенія, въ которомъ пребывалъ онъ въ болотахъ при Этелингейлѣ. Тотчасъ послѣ этой побѣды бросился онъ на укрѣпленія, за которыя убѣжали Норманны, и

*) Турнеръ въ вышеупомянутой книгѣ на стр. 85—91 доказываетъ, что истинною причиною этой катастрофы было дурное правленіе Альфреда; самый *Ассеръ*, другъ Короля, написавшій біографію Альфреда еще при его жизни, говоритъ, что Альфредъ заслужилъ такое несчастіе: Quam siquidem adversitatem praefato regi illatam *non immerito* ei evenisse credimus.

принудилъ ихъ принять условія, столь-же благоразумныя, сколь и полезныя. Норманны согласились креститься и получили въ владѣніе Остъ-Ангельнъ, съ условіемъ защищать эти берега отъ нападенія своихъ единоземцевъ. Такимъ образомъ, завоевавши снова королевство, Альфредъ могъ теперь ввести строгія монархическія начала. Отъ внѣшнихъ враговъ обезопасилъ онъ свое государство заведеніемъ морской силы и постройкою укрѣпленій; а мудрыми распоряженіями и строгимъ правосудіемъ водворилъ внутри государства спокойствіе и миръ. Не менѣе прославился онъ литературною дѣятельностію и попеченіемъ о наукахъ; онъ самъ по освобожденіи своего народа сложилъ съ себя мечъ и принялся за перо. Съ раннихъ лѣтъ наполняла его душу непреодолимая любознательность и онъ очень сѣтовалъ, что въ юности не могъ найти себѣ хорошаго наставника, когда имѣлъ и охоту, и время для занятій. До сего времени онъ только умѣлъ читать по Англосаксонски. Лишь только онъ въ 879 году утвердился на вновь завоеванномъ престолѣ, какъ началъ созывать людей, которые могли бы обучать его и его народъ. Изъ Франціи вызвалъ онъ *Іоанна Еригину* и духовнаго ученаго *Гримвальда* со многими другими, которыхъ имена и заслуги мало извѣстны, изъ Валлиса—Епископа *Ассера* и въ самой Англіи собралъ вокругъ себя всѣхъ ученѣйшихъ мужей. Онъ изучалъ Латинскій языкъ и лишь только познакомился съ нимъ, какъ тотчасъ началъ переводить съ Латинскаго на Англосаксонскій нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ сочиненій. Онъ выбралъ Исторію Орозія, къ которой сдѣлалъ нѣкоторыя прибавки; ибо помѣстилъ въ своемъ переводѣ краткую географію Германіи и описаніе путешествія Отера и Вульфстана, которыхъ посылалъ осмотрѣть восточныя Прибалтійскія земли. Потомъ перевелъ онъ Англосаксонскую Церковную Исторію, написанную Бедою, и сочиненіе Боэція De consolatione philosophiae и Liber pastoralis Папы Григорія Великаго. Отъ своихъ чиновниковъ Альфредъ требовалъ, чтобы они во всемъ слѣдовали его примѣру. Онъ заставлялъ ихъ учиться читать и пи-

сать *), и если кто по старости былъ неспособенъ, тотъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ имѣть при себѣ грамотнаго слугу, который читалъ бы ему Англосаксонскія книги. Альфредъ умеръ въ Октябрѣ 901 года; ему наслѣдовалъ его сынъ *Эдуардъ Старшій* (901–924). Въ его правленіе, равно какъ и въ правленіе его трехъ сыновей, *Ателыстана* (924–941), *Эдмунда* (941–946) и *Эдреда* (946–955) утвердился перевѣсъ Германскаго элемента надъ Скандинавскимъ; когда же наслѣдникъ Эдреда, Эдмундовъ старшій сынъ *Эдви* (955–959), вступилъ въ споръ съ духовенствомъ, то отъ этого раздора государство снова начало клониться къ паденію. Эдви былъ низверженъ, и на престолъ вступилъ его братъ *Эдгаръ* (959–975). Хотя при жизни Эдгара противоположность между свѣтскою и духовною властями была не замѣтна, однако тѣмъ съ большею силою обнаружилась она послѣ его смерти. Именно духовенство возвело старшаго Эдгарова сына *Эдуарда Мученика* (975–978), тогда какъ Королева Эльфрида хотѣла возвести на тронъ одного изъ своихъ сыновей. Эльфрида успокоилась только тогда, когда ей удалось посредствомъ тайнаго убійства низвергнуть Эдуарда, почему и вступилъ на престолъ ея сынъ *Этельредъ II* (978–1016). Во время этихъ внутреннихъ раздоровъ всѣ учрежденія для отраженія Норманновъ пришли въ совершенный упадокъ, и Этельредъ не могъ защитить себя отъ Норманскихъ нападеній, въ особенности когда они производимы были теперь не отдѣльными морскими королями, а Датскимъ Королемъ Свенономъ. Онъ не находилъ другаго средства помочь себѣ, какъ откупиться отъ Датчанъ суммою, которая, подъ именемъ Danegeld, собрана была для защиты отъ нихъ государства. Между тѣмъ Этельредъ женился на Эммѣ, дочери Норманскаго Герцога Ричарда. Въ надеждѣ на этотъ союзъ приказалъ онъ умертвить всѣхъ Датчанъ и Норманновъ въ своемъ государствѣ. Эта кровавая мѣра была приведена въ исполненіе въ одинъ день, 13 Ноября 1003 года, и вмѣсто ожиданнаго дѣйствія произвела то, что Король

*) Это видно изъ выраженія: ut literariae artl studerent.

Свенонъ, въ отмщеніе за убійство своихъ соотечественниковъ, напалъ на Англію. Этельредъ былъ такъ стѣсненъ, что въ 1013 году бѣжалъ изъ своего государства къ Ричарду Нормандскому. Свенонъ овладѣлъ уже всѣмъ государствомъ, но въ Февралѣ 1014 года неожиданно умеръ. Его сынъ Канутъ не могъ удержать въ Англіи своихъ воиновъ, уже довольныхъ пріобрѣтенною добычею, и отправился въ Данію, намѣреваясь принудить своего брата Гаральда къ раздѣлу отцовскаго наслѣдства. По удаленіи Датчанъ, Этельредъ возвратился въ свое государство въ Маѣ 1014 года. Между тѣмъ Канутъ получилъ отъ своего брата Гаральда войско и флотъ для продолженія завоеваній, начатыхъ его отцемъ. Въ 1015 году появился онъ снова въ Англіи съ сильнымъ войскомъ и осадилъ въ Лондонѣ несчастнаго и преданнаго вассалами Этельреда. Во время осады Этельредъ умеръ въ 1016 году, и Лондонскіе граждане возвели на престолъ его храбраго сына *Эдмунда Айронсейда* (Ironside). Этотъ Король употреблялъ столь вѣрныя средства и оказалъ такую храбрость и рѣшительность, что, не взирая на затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ находился, побудилъ Канута раздѣлить съ нимъ государство. Но въ слѣдующемъ 1017 году Эдмундъ былъ тайно умерщвленъ, почему прочіе члены Англосаксонскаго королевскаго дома удалились въ Нормандію. Теперь политика побудила завоевателя Англіи Канута вступить въ бракъ съ вдовою Этельреда, Эммою, дабы не имѣть себѣ противника въ Нормандскомъ Герцогѣ; въ то же время принялъ онъ Христіанство для того, чтобы расположить къ себѣ Англосаксонскихъ подданныхъ. Когда же въ 1018 году умеръ его братъ Гаральдъ, то онъ овладѣлъ и Даніею. Впрочемъ правленіе Канута было благодѣтельно для Англіи, потому что онъ совершенно изгладилъ слѣды прежняго дробленія, не измѣнивъ однако существующихъ тамъ постановленій и обычаевъ. Онъ умеръ въ 1035 году и съ его смертію распалось это обширное государство, имъ основанное; его сыновья *Гардуканутъ* и *Гаральдъ Герфутъ* спорили между собою о наслѣдіи, и оба уже готовились рѣшить споръ оружіемъ, но Гаральдъ

Герфутъ умеръ въ 1040 году, и братъ его Гардика-нутъ одинъ принялъ правленіе. Сей послѣдній за свою жестокость и скупость былъ столь ненавидимъ, что когда онъ умеръ въ 1042 году, не оставивъ наслѣдника, Англосаксы съ радостію обратились къ своему прежнему королевскому дому. *Эдуардъ Исповѣдникъ*, сынъ Этельреда, былъ вызванъ изъ Нормандіи и возведенъ на отцовскій престолъ, которымъ такъ долго владѣли незаконно иноземцы. Эдуардъ ясно видѣлъ, что не надо тревожить Датчанъ, утвердившихся въ Англіи; этою мѣрою достигъ онъ того, что его правленіе протекло мирно, и его озабочивало только то, что наслѣдіе престола не было опредѣлено; ибо у Эдуарда Исповѣдника не было дѣтей, а его племянникъ Эдгаръ Ателингъ былъ еще слишкомъ молодъ, такъ что, въ случаѣ смерти Эдуарда, ему не можно было вручить корону. Напротивъ того при Дворѣ находился графъ Годвинъ, дочь котораго была за Эдуардомъ; этотъ графъ имѣлъ чрезвычайное вліяніе, такъ что могъ надѣяться доставить корону своему сыну Гаральду. И дѣйствительно лишь только Эдуардъ умеръ 5 Января 1066 года, какъ жители Лондона признали Королемъ Гаральда, утверждая, что Эдуардъ на смертномъ одрѣ назначилъ его преемникомъ себѣ; ему присягнули также графства, лежащія къ югу отъ Гумбера, и не признали только жители Нортумберленда, главою коихъ былъ старшій братъ Гаральда, Тостигъ; на Англійскую корону объявилъ также притязанія Вильгельмъ, Герцогъ Норманскій *). Такимъ образомъ Гаральдъ долженъ былъ защищаться съ двухъ сторонъ: съ сѣвера нападалъ на него братъ его, заключившій союзъ съ Гаральдомъ, Королемъ Норвежскимъ; съ юга долженъ былъ онъ ежеминутно ожидать нападенія Герцога Вильгельма. Гаральдъ пошелъ сперва на своего брата и соединившихся съ нимъ Скандинавовъ; 25 Сентября 1066 года сразился онъ при Стемфортбриджѣ или Бетльбриджѣ и одержалъ столь рѣшительную побѣду,

*) Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands par *Aug. Thierry*. Paris 1830. IV. 8.

что Тостигъ и Норвежскій Король съ большею частію войска пали на полѣ битвы. Но каждое пріобрѣтеніе на Сѣверѣ въ тотъ моментъ, когда съ Юга угрожало государству вторженіе непріятелей, было потерею, потому что оно уносило драгоцѣннѣйшее — именно время. Тѣ же вѣтры, которые унесли корабли разбитыхъ и обращенныхъ въ бѣгство Скандинавовъ, принесли къ берегамъ Англіи флотъ Вильгельма; по прошествіи трехъ дней послѣ Бетльбриджской битвы къ берегамъ Суссекса при Гастингсѣ причалилъ Вильгельмъ съ войскомъ, состоявшимъ не только изъ Норманскихъ рыцарей, но также изъ многихъ воиновъ, собравшихся со всѣхъ частей Франціи и Нидерландовъ. Гаральдъ повелъ свое войско скорымъ маршемъ на Норманскій лагерь, войско, которое чрезъ побѣду при Бетльбриджѣ возымѣло большую довѣренность къ своему храброму Королю и которое на пути умножилось сильными подкрѣпленіями; такъ какъ превосходство силъ было на его сторонѣ и такъ какъ онъ могъ положиться на преданность своихъ подданныхъ, то онъ отвергнулъ Вильгельмовъ вызовъ рѣшить дѣло поединкомъ. Посему должна была воспослѣдовать битва, которая и произошла при Гастингсѣ 14 Октября 1066 г. Англосаксы стояли неподвижно: ихъ тѣсно сомкнутые ряды были неразрывны; ихъ сѣкиры, которыми они дѣйствовали съ ловкостію и силою, повергали многихъ рыцарей на землю, потому что никакое вооруженіе не могло противиться острію этого ужаснаго оружія; наконецъ Вильгельмъ прибѣгъ къ хитрости; онъ приказалъ своимъ воинамъ притворно обратиться въ бѣгство, дабы тѣмъ побудить Англосаксовъ къ преслѣдованію и разстроить ихъ порядокъ. Хитрость удалась, и перевѣсъ былъ на сторонѣ Норманновъ; хотя Гаральдъ и собралъ своихъ воиновъ и снова оспаривалъ у Герцога побѣду, но онъ былъ смертельно раненъ стрѣлою; его паденіе рѣшило участь этого упорнаго и кровопролитнаго сраженія. Англосаксы предались бѣгству и разсѣялись по своей родинѣ. Хотя въ Лондонѣ, при извѣстіи о паденіи и смерти Гаральда, Королемъ провозглашенъ былъ *Эдгаръ Ателингъ* и хотя Кентербурійскій архіепископъ Стигандъ и принялъ

за него бразды правленія, однако, такъ какъ вельможи были несогласны между собою и не довѣряли другъ другу, онъ увидѣлъ невозможность держаться противъ Вильгельма и покорился ему. Послѣ этого *Вильгельмъ Завоеватель* сдѣлался Королемъ Англіи. Какъ ни умѣренно обходился онъ сначала съ Англосаксами, все же не могъ внушить имъ къ себѣ довѣренности и любви. Они дѣйствовали противъ него съ упорнымъ и закоснѣлымъ духомъ и производили многія возмущенія, такъ что Вильгельмъ наконецъ долженъ былъ употребить строгія мѣры. Онъ описалъ имѣнія бунтовщиковъ и отдалъ ихъ въ ленъ своимъ Норманскимъ и Французскимъ рыцарямъ. Ленное учрежденіе, введенное теперь въ Англіи, могло получить здѣсь форму, болѣе совершенную, нежели та, въ какой существовало оно на континентѣ; тамъ оно образовалось мало по малу и въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ Англіи же оно было развито правильно по отвлеченному началу. Было постановлено, сколько рыцарей долженъ содержать ленный владѣтель, чтобы во время войны подъ своими знаменами соединить ихъ подъ королевскою хоругвію, и каждый изъ главныхъ леновъ дѣлился еще на двѣ половины, изъ которыхъ одна была собственностію леннаго владѣтеля, другая принадлежала его вассаламъ *). Непосредственно по завоеваніи установились слѣдующія отношенія: народъ оставался неизмѣннымъ почти безъ всякой примѣси, напротивъ того прелатами, графами и вассалами сдѣлались Французскіе переселенцы, которые, будучи слабѣе числомъ и находясь посреди непріязненнаго народа, для собственной безопасности окружили себя также иноземцами. Оттого то въ Англіи еще долгое время жили одна подлѣ другой двѣ различныя націи, которыя взаимно презирали себя и ненавидѣли. При такомъ насильственномъ положеніи, установленномъ въ Англіи Вильгельмомъ и его ближайшими на-

*) Дѣлежъ собственности воспослѣдовалъ по такъ называемому *Doomsdaybook*, реестру, который былъ составленъ по приказанію Вильгельма и оконченъ въ 1081. Doomsdaybook Illustrated by *Rob. Kelham*. London 1788.

слѣдниками, они сами были причиною того, что не могли употребить своей власти противъ своего ленная владѣтеля, Французскаго Короля. Но лишь только потухла непріязнь между побѣдителями и Англосаксами, лишь только оба элемента, Германскій и Романскій, начали примиряться чрезъ взаимное соединеніе, какъ слѣдствіемъ этого долженствовала быть непрерывная война между Англіею и Франціею. Вильгельмъ I умеръ въ 1087 году и оставилъ Англійское Королевство своему второму сыну *Вильгельму II Рыжему*, который по силѣ и дѣятельности былъ ему равенъ, тогда какъ его старшій сынъ *Робертъ* долженъ былъ довольствоваться герцогствомъ Нормандіею.

Въ этомъ же столѣтіи на другомъ концѣ Европы основано было Норманнами, вышедшими изъ Нормандіи, другое, не менѣе замѣчательное государство; потому что въ то время, какъ Робертъ Гвискардъ покорялъ Апулію и Калабрію, его братъ Рогеръ завоевалъ островъ Сицилію, такъ что владѣнія обоихъ братьевъ Норманновъ по обширности почти равнялись нынѣшнему Королевству Обѣихъ Сицилій.

Я уже изложилъ, какимъ образомъ положено было основаніе Нормандскому господству въ Италіи. Не было еще человѣка, который бы могъ такъ счастливо и такъ искусно воспользоваться представившимися обстоятельствами, какъ Робертъ Гвискардъ, принявшій начальство надъ Апулійскими Норманнами, по смерти брата своего Гумфрида. Ему удалось овладѣть всею Апулією, завоевать Калабрію и освятить свое владычество герцогскимъ титуломъ, данным Папою Николаемъ II въ 1060 году, и торжественнымъ полученіемъ права владѣть этими землями, какъ леномъ. Герцога Роберта въ особенности поддерживалъ младшій его братъ Рогеръ, которому также открылся случай къ основанію независимой державы въ Си-

циліи. Съ 827 года, этотъ островъ мало по малу былъ завоеванъ Африканскими Сарацынами и принадлежалъ тогда къ государству Фатимидскихъ Калифовъ, имѣвшихъ резиденцію въ Каирѣ; но связь съ калифатомъ была слаба, и Эмиры могли почитать себя самостоятельными. Въ слѣдствіе сего островъ распался на множество мелкихъ Сарацынскихъ государствъ, взаимныя распри коихъ подали удобный поводъ иноземной власти вмѣшаться въ ихъ дѣла. Въ то самое время, какъ Норманны въ 1060 году завоевали Регіумъ, вспыхнула война между двумя Сарацынскими Эмирами. Эбн-ал-Теманъ, владѣтель Катаны и Сиракузъ, былъ изгнанъ Джирдженскимъ владѣтелемъ Али-бенъ-Наамомъ и бѣжалъ къ Рогеру. Сей послѣдній съ готовностію принялъ просьбу о помощи и тотчасъ овладѣлъ всѣми землями, принадлежавшими обоимъ враждовавшимъ Эмирамъ *). Какъ легко ни было хорошо вооруженнымъ Норманнамъ обратить въ бѣгство Сарацынское войско на открытомъ полѣ, однако прошло много лѣтъ, пока Рогеръ могъ мало по малу завоевать укрѣпленные города и подумать о нападеніи на главное мѣстопребываніе Сарацынскаго правительства, на Палермо. Съ помощію своего брата, приславшаго ему флотъ, въ Августѣ 1071 года, заперъ онъ Палермо съ моря и суши. Скоро ему удалось войти въ сношенія съ Христіанами, жившими въ городѣ, и съ помощію ихъ овладѣть частію города Палермо, почему Сарацыны просили капитуляціи. Они сдались подъ условіемъ свободнаго отправленія богослуженія; однакоже Норманнами утверждено было господство Христіанской религіи и ея отправленіе было возстановлено въ полномъ достоинствѣ. Въ 1091 году завоеваніемъ Енны, послѣдняго главнаго Сарацынскаго города, окончено было покореніе всего острова, и теперь Рогеръ принялъ титулъ *Великаго Графа Сицилійскаго.*

*) Завоеваніе острова Сициліи подробно изложено современнымъ Историкомъ *Гауфредомъ Малатеррою* въ его четырехъ книгахъ de probis actibus et strenuis eventibus filiorum Tancredi de Altavilla. Ср. Histoire de la Sicile sous la domination des Normands depuis la conquête de l'île jusqu'à l'établissement de la monarchie, par M. de *Bazancourt*. T. I. Paris. 1845.

Нормапское государство въ Италіи сознавало довольно силъ для вступленія въ борьбу съ Греческимъ Государствомъ, и Робертъ Гвискаръ помышлялъ о ниспроверженіи Восточной Имперіи. Посему мы должны снова обратиться къ Византійской Исторіи.

Греческое государство, въ то время, какъ мы въ послѣдній разъ излагали его Исторію, все еще было потрясаемо иконоборствомъ. Михаилу II Косноязычному въ 829 году наслѣдовалъ его сынъ *Θеофилъ*, воспитанный Іоанномъ Грамматикомъ въ правилахъ иконоборства. Онъ началъ жестоко преслѣдовать иконы и ихъ почитателей. За исключеніемъ этого односторонняго и пристрастнаго направленія, Θеофилъ былъ отличнымъ Государемъ; онъ защитилъ государство отъ нападеній Калифовъ и покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, которыя въ его правленіе получили новый полетъ. Въ особенности онъ любилъ архитектуру и музыку и переложилъ на ноты многіе изъ гимновъ, употребляемыхъ еще доселѣ въ Греческой Церкви. Θеофилъ умеръ 20 Января 842 года. Его сынъ и наслѣдникъ *Михаилъ III* былъ трехъ лѣтъ и находился подъ опёкою своей матери Θеодоры; такъ какъ она была почитательницею иконъ, то теперь повторились тѣ же отношенія, которыя были по смерти Льва IV. Созванный Императрицею Соборъ, состоявшій изъ иконопочитателей, отставилъ патріарха *Іоанна Грамматика* и всѣхъ епископовъ, державшихся противнаго мнѣнія; Меѳодій былъ возведенъ на патріаршій престолъ, и на мѣсто отставленныхъ епископовъ были назначены монахи. Иконопочитаніе было возстановлено и началось преслѣдованіе главныхъ иконоборцевъ. Императрица, внявъ обвиненію, взнесенному на отставленнаго Патріарха Іоанна Грамматика, будто бы онъ выкололъ глаза на одной иконѣ, приказала ослѣпить этого друга и учителя своего мужа: потомъ Меѳодій былъ торжественно утвержденъ Патріархомъ и уже въ первое воскресенье Великаго Поста, 19 Февраля 842 года, празд-

новано было возстановленіе иконъ. Юный Императоръ Михаилъ получилъ дурное воспитаніе; доколѣ онъ находился подъ вліяніемъ своей матери, дотолѣ съ нимъ обходились съ монашескою строгостію; его дядя Бардасъ, братъ Ѳеодоры, человѣкъ совершенно свѣтскаго образа мыслей, старался освободить его отъ этого вліянія, и ему удалось оттѣснить свою сестру отъ Двора и овладѣть воспитаніемъ юнаго Императора и браздами правленія. Михаилъ предался теперь необузданной и своевольной жизни, тогда какъ Бардасъ управлялъ дѣлами. Со временъ Нерона и Геліогабала не было при Римскомъ дворѣ такой соблазнительной жизни, какая была теперь при *Михаилѣ III*. Молодой Императоръ не только попиралъ всѣ законы приличія, но еще явно презиралъ духовное сословіе. Бардасъ былъ также врагомъ клира и главы его, Патріарха Игнатія; по ненависти къ сему послѣднему онъ низвергнулъ его и возвелъ на патріаршій престолъ ученаго Фотія. Хотя Фотій по своей учености и чистотѣ нравовъ былъ достоинъ такого возвышенія, все же неправиленъ былъ способъ, которымъ онъ достигъ престола, и Игнатій нашелъ сильное подкрѣпленіе во всеобщемъ сожалѣніи. Но онъ и его приверженцы сдѣлали ошибку въ томъ, что представили это дѣло на разсмотрѣніе Папѣ Николаю; они возбудили къ себѣ отвращеніе во всѣхъ, которые не хотѣли признать первенства Римскаго престола; и это то помогло Фотію одержать побѣду въ борьбѣ съ Папою. Хотя и прежде уже существовало отдѣленіе Греческой Церкви отъ Римской, но теперь эта распря между Николаемъ и Фотіемъ была причиною непримиримаго разрыва. Вскорѣ получилъ достойное наказаніе Бардасъ, виновникъ развращенія Двора и безпокойствъ, происшедшихъ въ Церкви. Онъ былъ низверженъ и умерщвленъ Василіемъ Македонянином, который своими талантами и своею энергіею возвысился изъ низкаго состоянія. Василій вмѣсто него сталъ править государствомъ. Когда Михаилъ началъ противиться умственному превосходству Василія, то сему послѣднему оставалось избрать одно изъ двухъ: или самому погибнуть, или погубить Императора. Онъ не долго думалъ; въ 867 году

низвергнулъ онъ Михаила III и самъ вступилъ на Императорскій престолъ. Такъ какъ онъ былъ человѣкомъ неутомимой дѣятельности и тонкаго ума, то и началъ править государствомъ въ томъ же духѣ, въ какомъ управлялъ имъ въ качествѣ Михаилова министра. *Василій I* снова образовалъ войско, которое — хотя онъ самъ и не былъ полководцемъ — держало Сарацыновъ въ предѣлахъ уваженія; но главною его заслугою было приведеніе въ порядокъ управленія государствомъ и поправка финансовъ. Василій умеръ въ 886 году отъ раны, нанесенной ему на охотѣ разъяреннымъ оленемъ; ему наслѣдовали оба сына его, *Левъ VI Философъ* и *Александръ*, въ одно время, только съ тѣмъ условіемъ, что Левъ долженъ былъ имѣть верховное управленіе государственными дѣлами. Величайшею заслугою Льва было то, что по его повелѣнію и подъ его надзоромъ предпринято было составленіе Римскаго Права, обнародованнаго подъ заглавіемъ: Βίβλια τῶν βασιλικῶν διατάξεων. Такъ какъ онъ три раза былъ женатъ и не имѣлъ сыновей, то вступилъ теперь въ четвертый бракъ съ своею любовницею Зоею, отъ которой родился *Константинъ VII Багрянородный*. Хотя четвертый бракъ былъ запрещенъ государственными и церковными законами, хотя духовенство противилось браку Льва съ Зоею, все же по смерти Льва, въ 911 году, юный Константинъ былъ признанъ Императоромъ вмѣстѣ съ своимъ дядею Александромъ, и такъ какъ сей послѣдній умеръ въ слѣдующемъ году, то Константинъ VII остался одинъ Императоромъ подъ опекою своей матери и регентствомъ семи сочленовъ. Слабость этого правленія скоро обнаружилась въ отношеніяхъ государства къ внѣшнимъ врагамъ. Именно, Александръ вызвалъ Болгаръ на войну, съ презрѣніемъ отвѣтивъ ихъ посламъ, которые присланы были по смерти Льва для возобновленія существовавшихъ доселѣ мирныхъ отношеній. Болгарское государство, соединенное подъ скипетромъ одного Короля, не было тогда такимъ врагомъ, котораго можно было бы презирать; это почувствовало Византійское государство, когда Болгарскій Король Симеонъ явился предъ стѣнами Константинополя. Хотя столица вы-

держала осаду, за то вся Оракія содѣлалась добычею непріятельскихъ опустошеній, и Императрица Зоя должна была заключить съ Сарацынами миръ, дабы послать на Болгаръ какъ сухопутное войско, подъ предводительствомъ генерала Льва Фоки, такъ и флотъ, подъ начальствомъ адмирала Романа Лекапина. Хотя оба не безъ успѣха дѣйствовали противъ непріятелей, однако они вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдали свою собственную выгоду, потому что каждый изъ нихъ старался снискать расположеніе солдатъ, дабы сдѣлаться главою государства. Адмиралъ Романъ былъ счастливѣе своего соперника; онъ вступилъ въ 918 году съ преданнымъ ему флотомъ въ Константинопольскую гавань и достигъ желаемаго. Юный Императоръ былъ обвѣнчанъ съ его дочерью Еленою, и это доставило Адмиралу новое достоинство βασιλεοπατορία т. е. Романъ подъ титуломъ императорскаго отца сдѣлался главою правленія, отъ котораго Зоя должна была отказаться. Но Романъ не удовольствовался этимъ; ослѣпивъ своего противника Льва Фоку и возвышаясь съ одной степени могущества на другую, 24 Сентября 919 года былъ онъ объявленъ Цезаремъ и чрезъ три мѣсяца коронованъ Императоромъ. Его три сына Христоферъ, Стефанъ и Константинъ VIII были также, мало по малу, возведены въ это достоинство, такъ что въ 923 Византійское государство увидѣло пятерыхъ Императоровъ своими повелителями, между которыми законный, Константинъ VII, занималъ низшую степень. Романъ съ своими сыновьями занимался управленіемъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, тогда какъ Константинъ VII проводилъ время въ тихихъ ученыхъ занятіяхъ и своимъ отдаленіемъ и тѣмъ, что не имѣлъ никакихъ притязаній, не подавалъ своему тестю ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію. Однако Константинъ, какъ ни казался бездѣятельнымъ, не оставлялъ безъ вниманія ни одного обстоятельства, которое бы могло возвратить ему прежнее значеніе. Несогласіе между двумя изъ Императоровъ было ему полезно. Именно, съ смертію Христофора, мало по малу измѣнилось положеніе Романа въ отношеніи къ остальнымъ двумъ сыновьямъ. Они не могли снести принужденія, которымъ обре-

менялъныхъ отецъ и, рѣшившись избавиться отъ него, заставили его въ 944 году принять монашескій санъ. Но такая перемѣна не могла остаться безъ послѣдствій; теперь не доставало того уваженія, какимъ пользовался престарѣлый Романъ, и три оставшіеся Императора, исполненные недовѣрчивости, непріязненно дѣйствовали другъ противъ друга. При такомъ положеніи дѣлъ Константинъ VII выигралъ болѣе всѣхъ. Народъ съ такою готовностію публично объявилъ себя за него, онъ былъ къ нему столь приверженъ и прилагалъ такія попеченія о его безопасности, что побудилъ тѣмъ прочихъ двухъ Императоровъ соединиться противъ него. Но Константинъ VII былъ извѣщенъ своею супругою о всѣхъ строенныхъ ему козняхъ и предупредилъ ихъ. На одномъ пиршествѣ, въ Январѣ 945 года, на которое онъ пригласилъ ихъ подъ предлогомъ возстановленія взаимнаго согласія, приказалъ онъ ихъ схватить и принудилъ принять духовное званіе. Стефанъ 19 лѣтъ пережилъ свое паденіе и перенесъ постигшую его судьбу съ терпѣливымъ повиновеніемъ; напротивъ Константинъ VIII, отправленный въ Самоѳракію, старался освободиться силою, но при этой попыткѣ лишился жизни. Такимъ образомъ Константинъ VII только на тридцать третьемъ году своего правленія достигъ единодержавія и верховной власти, но, привыкши къ мирнымъ занятіямъ, онъ продолжалъ теперь жить, какъ жилъ прежде, и предоставилъ бразды правленія своей супругѣ Еленѣ и ея любимцу Василію, тогда какъ самъ занимался литературными трудами, которымъ мы обязаны не только извѣстіемъ объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ тѣ времена, но еще сохраненіемъ многихъ отрывковъ древней литературы.

Самымъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ событіемъ, случившимся въ правленіе Константина VII, было вліяніе, пріобрѣтенное Греческою Церковью и Греческимъ образованіемъ на Русское государ-

ство, *) которое возникло въ предыдущемъ столѣтіи и въ короткое время сдѣлалось цвѣтущимъ. Посему Русская нація въ отношеніи къ Востоку получила подобное историческое значеніе, какое имѣли Германцы въ отношеніи къ Западу, именно наслѣдство и продолженіе существованія Греческой Церкви и Греческой Имперіи.

Со времени распаденія Готоскаго государства и потомъ Гунскаго, занявшаго его мѣсто, не было болѣе общей связи между Славянскими и Финскими племенами, разсѣянными по плоскимъ пространствамъ нынѣшней Россіи. Эта земля въ особенности была открыта вліянію иноземцевъ съ двухъ сторонъ, гдѣ она омывается моремъ; именно съ юга вліянію Византійскаго государства, и съ сѣвера—Скандинавовъ: и дѣйствительно на Югѣ и Сѣверѣ обнаружились эти вліянія: *отъ Скандинавовъ получила она свое политическое устройство, тогда какъ отъ Грековъ заимствовала религію и мирныя искусства.* Современно съ тѣмъ, какъ Скандинавы своими хищническими разъѣздами угрожали Западной и Южной Европѣ, утвердились они подъ именемъ Руссовъ на Балтійскихъ берегахъ нынѣшней Россіи. Иначе и не могло быть: они пріобрѣли сперва вліяніе, потомъ и господство надъ Финскими и Славянскими племенами, несогласными между собою. Такимъ образомъ почти въ одно время, около 862 года, возникло 4 княжества: *Новгородское*, основанное Рюрикомъ, *Бѣлозерское* и *Изборское*, основанныя Рюриковыми бра-

*) Исторія основанія Русскаго государства была въ первый разъ критическимъ образомъ изложена *Шлецеромъ* въ его сочиненіи: Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache erklärt und übersetzt. 1802—1809 V. 8. Изслѣдованія его были приняты слѣдовавшими за нимъ писателями Русской Исторіи, *Карамзинымъ*, *Устрялловымъ* и *Штралемъ*, и совершенно доказаны академиками *Кругомъ* и *Френомъ*. См. новѣйшее обработываніе этого предмета Академикомъ Э. Куникомъ въ его сочиненіи: Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven. 1-ste und 2-te Abtheilung. St. Petersb. 1843—45.

тьями, Синеусомъ и Труворомъ, и *Кіевское*, основанное Аскольдомъ и Диромъ. Три первыя, по смерти Синеуса и Трувора въ 864 году, соединены были въ одно государство, которымъ Рюрикъ управлялъ до самой смерти, до 879 года. За малолѣтствомъ его сына Игоря принялъ опеку и правленіе государствомъ родственникъ Рюрика *Олегъ*. Сей послѣдній, умертвивъ обоихъ князей, Аскольда и Дира, соединилъ Кіевское княжество съ государствомъ, основаннымъ Рюрикомъ, и сдѣлалъ Кіевъ своею столицею. Уже Аскольдъ и Диръ въ 866 году предпринимали походъ на Константинополь. Ихъ примѣру послѣдовалъ Олегъ послѣ того какъ онъ утвердился въ Кіевѣ. Онъ напалъ на Греческое государство въ 905 году, и тогдашній императоръ Левъ Философъ откупился отъ нападенія Олега значительною суммою денегъ и торговыми выгодами, которыя предоставилъ Русскимъ купцамъ. Появленіе этого сѣвернаго флота и дикость ополченія произвели такое сильное впечатлѣніе на Грековъ, что всѣ стали вѣрить древнему предсказанію, будто Руссы овладѣютъ нѣкогда Константинополемъ. Олегъ умеръ въ 912 году, и ему наслѣдовалъ Рюриковъ сынъ *Игорь*. Развитіе Русской монархіи на нѣкоторое время задержано было перемѣною, произведенною вторженіемъ и утвержденіемъ Печенѣговъ. Едва Игорь опредѣлилъ свои отношенія къ Печенѣгамъ, какъ въ 941 году напалъ на Греческое государство. Первое предпріятіе не удалось; но второе имѣло такое же слѣдствіе, какъ и Олегово; Греки откупились отъ него. Игорь сдѣлался жертвою своего корыстолюбія: въ 945 году онъ былъ убитъ Древлянами, однимъ изъ покоренныхъ племенъ, которыхъ онъ требованіемъ дани довелъ до ожесточенія. *Святославъ*, сынъ Игоря, былъ еще малолѣтенъ; почему немедленно его мать *Ольга* вмѣстѣ съ опекою приняла правленіе. Она отмстила за смерть своего супруга и управляла государствомъ съ мужескою силою. Эта отличная женщина, своимъ обращеніемъ въ Христіанство и крещеніемъ въ Константинополѣ, положила начало соединенія Россіи съ Греціею. Передавши бразды правленія своему сыну въ 955 году, она отправилась въ Константинополь и

приняла здѣсь при Святомъ Крещеніи имя *Елены* *). Хотя она по возвращеніи въ свою землю въ своихъ попыткахъ обратить подданныхъ не имѣла успѣха и не могла склонить своего сына послѣдовать ея примѣру, все же на ея крещеніе нужно взирать, какъ на начало введенія Христіанства въ Россіи.

Константинъ VII, при которомъ случилось это важное происшествіе, умеръ 15 Ноября 959 года отъ яду, поднесеннаго ему сыномъ его *Романомъ*, по наущенію властолюбивой его супруги Ѳеофаніи. Романъ II, вступившій теперь на престолъ, былъ только орудіемъ въ рукахъ своей жены, и въ 963 году также былъ ею отравленъ. Ѳеофанія приняла регентство за малолѣтствомъ своихъ двухъ сыновей *Василія II* и *Константина IX*; но, почувствовавъ свою слабость, отдала свою руку храброму полководцу *Никифору Фокѣ* и возвела его на престолъ. Въ войнѣ съ Сарацынами Никифоръ былъ счастливъ; но когда онъ для покоренія Болгаръ призвалъ на помощь Святослава, Великаго Князя Русскаго, то пріобрѣлъ въ немъ Греческому государству не столько нужнаго союзника, сколько опаснаго врага. Святославъ былъ склоненъ къ походу на Болгаръ за значительную сумму золота и, одержавши одну только побѣду, овладѣлъ ихъ землею. Теперь, вмѣсто того, чтобы уступить Грекамъ слѣланныя завоеванія, Святославъ захотѣлъ продолжать ихъ. Посолъ Никифоровъ Калокиръ былъ провозглашенъ Руссами Императоромъ, и Великій Князь вмѣстѣ съ нимъ проникъ до Адріанополя. На требованіе оставить государство, далъ онъ надменный отвѣтъ, что Константинополь скоро получитъ другаго государя. Эта опасность, которой Никифоръ неумышленно подвергъ Имперію, послужила поводомъ къ его низверженію. Такъ какъ сама Императрица была согласна, то составился заговоръ, главою котораго былъ храбрый Армянинъ *Іоаннъ Цимисхій*. Въ Декабрѣ 969 года, ночью, загo-

*) Императоръ Константинъ въ своемъ Ceremoniale Aulae Byzant. T. II, p. 343—345 оставилъ намъ описаніе прибытія Ольги въ Константинополь и пріема ея; онъ называетъ Великую Княгиню Ἄρχοντίσσα Ῥωσίας.

ворщики втащены были въ коробѣ въ спальню Императрицы, гдѣ и убили спящаго Никифора. Потомъ Цимисхій былъ провозглашенъ Императоромъ. Въ маломъ тѣлѣ заключалъ онъ геройскій духъ. Его характеръ, соединяя въ себѣ прекраснѣйшимъ образомъ умъ и воинскую отвагу, оживлялъ теперь все. Сперва преобразовалъ онъ Дворъ, удаливъ Императрицу Ѳеофанію и принявъ въ соправители ея сыновей, Василія II и Константина IX; потомъ обратился онъ на Руссовъ, которыхъ въ теченіе 970 года вытѣснилъ снова изъ Ѳракіи, и такъ сильно стѣснилъ Русскаго князя на Дунаѣ, что Святославъ могъ только купить свободное отступленіе, давши обѣщаніе прекратить непріязненныя отношенія. Наконецъ, проникнувши до Тигра, онъ заставилъ трепетать Сарацыновъ и угрожалъ Калифамъ въ ихъ резиденціи Багдадѣ. Іоаннъ Цамисхій умеръ въ 976 году, и оба сына Романовы, которые въ правленіе обоихъ своихъ предшественниковъ спокойно возрастали, могли теперь пожать плоды, посѣянные Никифоромъ и Цимисхіемъ. Старшій изъ нихъ *Василій* II своимъ продолжительнымъ правленіемъ отъ 976 — 1025 года доказалъ, что былъ достойнымъ наслѣдникомъ Цимисхія. Важнѣйшими событіями, случившимися въ его правленіе, были: *завоеваніе Болгаріи* и *обращеніе Руссовъ въ Христіанство*. Цѣлымъ рядомъ походовъ Василій смирилъ наконецъ Болгаръ, и къ 1018 году удалось ему снова присоединить къ Греческому государству Болгарію, Сербію и Кроацію. Съ Руссами же онъ не только вступилъ въ дружескія, но даже въ родственныя отношенія. Именно, Святославъ въ 972 году, на возвратномъ пути изъ Болгаріи, былъ убитъ Печенѣгами, почему его сыновья раздѣлили государство. *Ярополкъ* сдѣлался княземъ Кіевскимъ, *Олегъ* Древлянскимъ, *Владиміръ* Новгородскимъ. Такъ какъ они не были подчинены другъ другу, то между ними скоро дѣло дошло до споровъ и войны. Ярополкъ въ 977 году побѣдилъ своего брата Олега, который погибъ въ этой войнѣ; за то младшій братъ Владиміръ принялъ на себя долгъ кровной мести за смерть Олега, и, будучи подкрѣпленъ призванными на помощь Скандинавами, побѣдилъ Ярополка и при-

казалъ умертвить его. Такимъ образомъ Владиміръ, сильнѣйшій между сыновьями Святослава, въ 980 году соединилъ снова Русскую монархію. Желаніе сочетаться бракомъ съ Греческою царевною утвердило Великаго Князя въ его намѣреніи обратиться въ Христіанство и привело его въ нѣдра Греческой Церкви. Получивъ одобреніе отъ своихъ бояръ, онъ немедленно въ 988 году принялъ крещеніе въ завоеванномъ имъ городѣ Херсонѣ и сочетался бракомъ съ Греческою царевною Анною, сестрою Императора Василія. По его приказанію послѣдовалъ его примѣру и весь народъ. Древнее Славянское богослуженіе было уничтожено безъ большаго сопротивленія, и Греческая Церковь сдѣлалась господствующею въ государствѣ. Славное царствованіе Владиміра, который за обращеніе своего государства въ Христіанство стяжалъ себѣ отъ признательнаго потомства достойное названіе Равноапостольнаго, продолжалось до 1015 года, до самой его смерти. Къ несчастію для Русской земли ея высокій полетъ былъ задержанъ начавшимся теперь дробленіемъ и слабостію, которой оно было причиною. Василій II, при которомъ Русское государство обращено было въ Христіанство, умеръ въ 1025 году, не оставивъ дѣтей, и такъ какъ его братъ Константинъ IX, который теперь продолжалъ одинъ управлять государствомъ, не имѣлъ также сыновей, то престолонаслѣдіе было для него важнѣйшею задачею. Константинъ имѣлъ трехъ дочерей, Евдокію, Зою и Ѳеодору, изъ коихъ первая была монахинею, а послѣдняя не хотѣла вступить въ бракъ, почему Императоръ для своей второй дочери, Зои, искалъ твердаго мужа, который вмѣстѣ съ ея рукою долженъ былъ получить корону; его выборъ палъ на патриція *Романа Аргира*. Хотя сей послѣдній и былъ женатъ, но долженъ былъ развестись съ своею супругою и былъ обвѣнчанъ съ Зоею. Вскорѣ послѣ этого Константинъ IX умеръ въ Ноябрѣ 1028 года, и ему наслѣдовалъ его зять *Романъ III*; но онъ не умѣлъ ни внушить къ себѣ уваженія въ государствѣ, ни снискать любви своей супруги, чрезъ которую достигъ правленія; напротивъ того Зоя отравила его въ 1034 году, дабы воз-

вести на престолъ Пафлагонца Михаила, съ которымъ уже давно находилась въ тайныхъ связяхъ. Но *Михаилъ IV* скоро потерялъ ея благосклонность, которая обратилась на Константина Мономаха. Михаилъ изгналъ его на Лесбосъ и самую Зою держалъ подъ строгимъ присмотромъ. Его братъ, скопецъ *Іоаннъ*, управлялъ всѣми дѣлами, и Зоя должна была дать согласіе на усыновленіе *Михаила V Калафата*, племянника своего мужа. Когда же въ 1041 году Михаилъ IV умеръ, то неблагодарный *Михаилъ V* тотчасъ началъ худо обращаться съ тѣми, которые его возвысили. Именно онъ не только удалилъ отъ правленія своего дядю Іоанна, но еще держалъ въ заточеніи усыновившую свою мать, что и послужило поводомъ къ возстанію, въ слѣдствіе котораго Михаилъ V въ 1042 году былъ низверженъ и ослѣпленъ. Тогда Зоя вмѣстѣ съ своею сестрою Ѳеодорою сдѣланы были главою государства. Но уже черезъ два мѣсяца обѣ сестры поссорились между собою, и которая нибудь изъ нихъ должна была сочетаться бракомъ и тѣмъ самымъ наименовать мужа своего Императоромъ. Такъ какъ Ѳеодора настойчиво отказывалась отъ бракосочетанія, то Зоя, хотя была уже шестидесяти лѣтъ, должна была согласиться на это предложеніе. Ея выборъ палъ на ея прежняго любимца *Константина X Мономаха*, этого стараго развратника, правленіе котораго было слабо и ненавистно. Онъ не многимъ пережилъ свою супругу Зою и умеръ въ 1054 году. Теперь главою государства снова сдѣлалась Ѳеодора и управляла одиннадцать мѣсяцевъ одна, потомъ возвела на престолъ престарѣлаго храбраго воина *Михаила VI Стратіотика*. Но по смерти Ѳеодоры, Михаилъ потерялъ все уваженіе; его возненавидѣли за скупость, равно какъ за расположенія и преслѣдованіе достойныхъ мужей; онъ въ особенности вооружилъ противъ себя офицеровъ, которые прежде по службѣ равны ему, или даже выше его. Они составили противъ него заговоръ и изъ среды себя избрали императоромъ *Исаака Комнена*, какъ человѣка извѣстнаго славою полководца и знатностію происхожденія. 1 Сентября 1057 года Исаакъ въ качествѣ Императора вступилъ въ

столицу. Новому Императору скоро наскучило править государствомъ, и когда онъ, по своему разстроенному здоровью, былъ не въ силахъ управлять, то вручилъ бразды правленія *Константину XI Дукѣ*. Хотя этотъ государь и былъ хорошимъ законовѣдцемъ и правителемъ, но въ то время, какъ могущество Сельчукскихъ Турковъ начало грозить государству, онъ не радѣлъ о военныхъ учрежденіяхъ, отчего они пришли въ упадокъ. Онъ умеръ въ Маѣ 1067 года и предоставилъ наслѣдство своимъ сыновьямъ *Михаилу VII Парапинаку*, *Андронику I* и *Константину XII*. Такъ какъ по своему возрасту ни одинъ изъ нихъ не могъ управлять государствомъ, то мать ихъ *Евдокія* приняла надъ ними опеку. Хотя она и дала обѣщаніе не вступать болѣе въ бракъ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отдала свою руку *Роману Діогену*, котораго немедленно, какъ отчима своихъ дѣтей, сдѣлала ихъ соправителемъ. Романъ достойнымъ образомъ оправдалъ оказанную ему честь; онъ мужественно защитилъ государство отъ Турковъ, но въ 1071 году попалъ въ плѣнъ къ Турецкому султану Алп-Арслану. Въ Константинополѣ боялись, чтобы онъ для полученія свободы не согласился на невыгодныя условія, и объявили его низложеннымъ. Но когда по возвращеніи изъ плѣна онъ хотѣлъ утвердиться въ своемъ государствѣ, то его пасынки обошлись съ нимъ какъ съ врагомъ, и лишь только онъ попалъ въ ихъ руки, они ослѣпили его, въ слѣдствіе чего онъ и умеръ. Правленіе, перешедшее теперь въ руки Михаила VII, было столь слабо и неразумно, что тотчасъ въ двухъ мѣстахъ произошло возстаніе: полководцы *Никифоръ Бріенній* и *Никифоръ Ботаніатъ* въ одно время провозгласили себя Императорами—первый въ Адріанополѣ, второй въ Никеѣ. Ботаніатъ былъ столь счастливъ, что сперва ему удалось принудить къ отреченію Михаила и его братьевъ и потомъ поразить своего соперника Бріеннія; въ 1078 году вступилъ онъ на престолъ. Непосредственно по своемъ вступленіи на престолъ возъимѣлъ онъ подозрѣніе на обоихъ Комненовъ, Исаака и Алексѣя, племянниковъ Императора Исаака, и рѣшился погубить ихъ. Но они бы-

ли спасены, бѣжали и вручили судьбу свою войску, которое вступилось за ихъ дѣло какъ за собственное. *Алексѣя* войско провозгласило Императоромъ, и въ 1081 году онъ вступилъ въ Константинополь и принудилъ Ботаніата отказаться безусловно *).

Алексѣй принялъ государство въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; почти всѣ Азіятскія провинціи находились во власти Турковъ, и въ Европѣ къ прежнимъ врагамъ государства, Печенѣгамъ и Болгарамъ, прибавился еще новый, Норманъ Робертъ Гвискардъ. Сей послѣдній оправдывалъ свое предпріятіе противъ Греческаго государства родствомъ съ домомъ Дуки, низверженнымъ Ботаніатомъ; онъ вступилъ теперь въ качествѣ защитника низложеннаго Михаила и, чтобы еще болѣе воспламенить рвеніе въ Норманнахъ, заставилъ одного монаха сыграть роль Михаила. Многіе проницательные люди, даже самый Папа Григорій VII, были увлечены этимъ обманомъ, и на Западѣ было общее мнѣніе, что Михаилъ VII находится у Роберта Гвискарда. Окончивъ приготовленія въ 1081 году, Робертъ въ сопровожденіи своего сына Боемунда выступилъ въ походъ и, завоевавъ Корциру, присталъ къ Эпиру. Едва только вступилъ Алексѣй на престолъ, какъ этимъ нападеніемъ былъ приведенъ въ очень опасное положеніе; но его дѣятельность въ это время показала, что онъ достоинъ престола. Между тѣмъ какъ собираемо было войско, онъ искалъ себѣ союзниковъ въ другихъ государствахъ; заключилъ союзъ съ Императоромъ Генрихомъ IV, подстрекалъ Италіянскихъ вельможъ къ возстанію противъ Норманскаго господства и вооружилъ противъ Роберта Венеціянъ. Такъ какъ для Венеціянъ казалось невыгоднымъ утвержденіе Норманновъ на Греческихъ берегахъ, то они немедленно снарядили флотъ для подкрѣпленія Греческаго Императора. Между тѣмъ Робертъ осадилъ городъ Диррахіумъ или Дураццо, въ которомъ храбро оборонялся посланный Алексѣемъ комендантъ Георгій Палеологъ, и такъ какъ Норманскій флотъ въ двухъ сра-

*) *Annae Comnenae* Alexiadis libri XV, ed. Lud. Schopenus, Bonnae, 1839.

женіяхъ отъ соединеннаго Греко-венеціянскаго потерпѣлъ пораженіе, то въ слѣдствіе этого въ Норманскомъ лагерѣ произошелъ голодъ, вмѣстѣ съ моровою язвою. Но Робертъ не упалъ духомъ; и въ доказательство того, что онъ лучше согласится погибнуть, чѣмъ отступить, приказалъ потопить остальныя суда. Эта отвага обошлась бы ему дорого, если бы Алексѣй продолжалъ дѣйствовать оборонительно; но онъ уступилъ громкимъ требованіямъ войска и 18 Октября 1081 года при Дураццо далъ Герцогу Роберту сраженіе. Но войско его состояло изъ такого множества разнородныхъ элементовъ, что для Норманновъ не было страшнымъ и потерпѣло отъ нихъ пораженіе. Самъ Алексѣй сражался храбро и не прежде предался бѣгству, какъ когда увидѣлъ, что побѣда потеряна безвозвратно. Дураццо держался до Января 1082 года. Но когда сей городъ сдался, то Робертъ прошелъ по Эпиру и Оессаліи до самаго города Ларисы. Между тѣмъ Алексѣй напрягалъ всѣ силы, дабы вознаградить потерю, понесенную при Дураццо; его семейство отдало ему всѣ драгоцѣнности, чтобы только напять войско, даже Церковь пожертвовала частію богатства для защиты государства. Болѣе же всего помогли Императору Италіянскія обстоятельства, побудившія Роберта возвратиться туда. Хотя онъ оставилъ въ Греціи Боемунда, однако сей послѣдній велъ только оборонительную войну, до тѣхъ поръ, пока самъ Робертъ снова не прибылъ въ Грецію въ концѣ 1084 года. Теперь для Грековъ возобновилась прежняя опасность; Греко-венеціанскій флотъ былъ разбитъ Норманнами, и господство надъ Адріатическимъ Моремъ ручалось за дальнѣйшій успѣхъ ихъ предпріятія; но въ то время, какъ Робертъ исполненъ былъ самыхъ лестныхъ надеждъ, въ его лагерѣ открылась зараза, отъ которой онъ самъ умеръ 17 Іюля 1085 года. Его смерть произвела всеобщее смущеніе; никто не думалъ болѣе о завоеваніяхъ, но только о собственномъ спасеніи, и всѣ спѣшили возвратиться въ Апулію. Городъ Дураццо, который одинъ только оставался во власти Норманновъ, измѣною былъ снова преданъ Грекамъ, и такимъ образомъ Алексѣй видѣлъ, что его государство было спасено болѣе не-

счастіемъ враговъ, чѣмъ собственными силами. Держава Роберта распалась по несогласію его сыновей. Именно: изъ двухъ его сыновей, Рогеръ оспаривалъ у своего брата Боемунда право на наслѣдство; такъ какъ ихъ дядя Великій Графъ Сицилійскій объявилъ себя за Рогера, то Боемундъ долженъ былъ довольствоваться Тарентскимъ княжествомъ, тогда какъ Рогеръ былъ Апулійскимъ Герцогомъ. Какъ скоро Алексѣю не нужно было обращать своихъ силъ на Норманновъ, онъ обратился на Турковъ, но ему нельзя было здѣсь оказать большой дѣятельности, потому что съ сѣвера безпокоили его Печенѣги и Куманы.

Въ такомъ положеніи находилось Греческое государство въ то время, когда начались Крестовые Походы, направлявшіе свой путь чрезъ Константинополь. Такъ какъ Норманъ Боемундъ былъ однимъ изъ вождей въ первомъ Крестовомъ Походѣ, то легко можно видѣть, какими глазами смотрѣли въ Константинополѣ на этотъ походъ: въ немъ видѣли не только неудобство, но даже очевидную опасность для Греческаго государства. Съ этого времени Исторія Греческой имперіи тѣсно связана съ Исторіею Крестовыхъ Походовъ, и теперь время перейти къ изложенію состоянія Востока и Магометанскаго міра.

Внѣшнее устройство Магометанскаго міра почти окончилось въ то время, когда Аббассиды низвергнули Оммайядовъ съ престола Пророка. Хотя Гашемиды теперь и достигли господства надъ правовѣрными, все же имя *Али* не переставало быть знаменемъ, около котораго собирались всѣ недовольные положеніемъ дѣлъ Вѣры или государства.

Главные моменты въ развитіи Калифата мож-

но заключить въ слѣдующихъ пунктахъ: 1.) Калифатъ удерживаетъ свое достоинство и важность до самаго раздѣленія государства по смерти Гарунъ-ал-Рашида; 2.) паденіе Калифата, происшедшее въ слѣдствіе этого дробленія, ускоряется учрежденіемъ Турецкой гвардіи; 3.) Слѣдствіемъ сего было распаденіе Калифата на независимыя государства; 4.) Князья сихъ государствъ стараются захватить въ свои руки власть надъ самымъ Калифомъ, дабы властвовать его именемъ надъ всѣми землями, подвластными Калифату въ религіозномъ отношеніи; 5.) Эмиръ-ал-Омрахъ назначаетъ Калифу пенсію.

Первый Калифъ изъ Аббасидскаго дома — *Абулъ-Аббасъ-ел-Сафа* (750—754) перенесъ столицу изъ Дамаска въ Гиру. Онъ полагалъ, что для утвержденія своей власти лучше всего поручить управленіе провинціи своимъ ближайшимъ родственникамъ. Впрочемъ эта политика послужила поводомъ ко многимъ убійствамъ, когда въ 754 году наслѣдовалъ ему его братъ — *Абу-Джаферъ Альмансоръ*. Сей послѣдній для себя и своихъ преемниковъ заложилъ новую столицу. Для этого онъ выбралъ на лѣвомъ берегу Тигра мѣсто, которое находилось на 15 миль выше прежняго Ктезифона; эта столица была названа Багдадомъ; Арабы называли ее Менна-ал-Салемъ, т. е. городомъ мира, а Греки Ейренополемъ. Не взирая на постройку великолѣпныхъ зданій, Альмансоръ, по своей смерти, въ 775 году оставилъ богатства на 200 милліоновъ рублей серебромъ, что было кстати его расточительному наслѣднику *Магомеду I Магади*. При этомъ Калифѣ начала водворяться роскошь и любовь къ удовольствіямъ. Такое направленіе содѣйствовало процвѣтанію искусствъ и наукъ, которымъ теперь при Багдадскомъ Дворѣ покровительствовали всевозможнымъ образомъ. Въ Августѣ 785 года, Магади наслѣдовалъ сперва его старшій сынъ *Муза-ал-*

Гади; но такъ какъ сей послѣдній въ слѣдующемъ году по происканъ своей матери былъ убитъ, то на престолъ Пророка вступилъ его братъ *Гарунъ-ал-Рашидъ*. Изъ всѣхъ Аббассидскихъ Калифовъ, имя Гаруна было славнѣйшимъ; и дѣйствительно онъ совершенно понималъ все благородное и прекрасное и умѣлъ цѣнить высокое. Воюя успѣшно съ Греческимъ государствомъ и принудивъ Ирину и ея наслѣдника Никифора платить дань, онъ съ пышностію и роскошью Калифовъ соединилъ блескъ воинской славы. Не смотря на то, съ этого времени начинается упадокъ Калифата; въ Африкѣ образовался Алидскій Калифатъ Едризидовъ; могущество нѣкоторыхъ фамилій усилилось до такой степени, что для избавленія отъ нихъ нужно было употребить неправыя мѣры. Гарунъ самъ содѣйствовалъ распаденію, раздѣливъ государство между своими сыновьями. Старшій *Аламинъ* получилъ титулъ Калифа и верховное управленіе всѣмъ государствомъ, а его братья также получили значительныя земли съ обширною властію, именно: *Альмамунъ* восточныя провинціи до самыхъ Индѣйскихъ горъ, а *Каземъ Альмотамедъ* Арменію, Георгію и земли при Черномъ Морѣ. Чрезъ это раздѣленіе самъ Калифъ уничтожилъ доселѣ господствовавшую идею о нераздѣльности верховной власти надъ правовѣрными; такимъ образомъ Магометанскій міръ все болѣе и болѣе дробился на многія самостоятельныя государства. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого раздѣленія по смерти Гарунъ-ал-Рашида въ 809 году, была междоусобная война, которая въ 813 году кончилась тѣмъ, что Альмамунъ достигъ единодержавія. Сей послѣдній старался снова усилить Калифатъ тѣмъ, что пытался устранить противодѣйствіе со стороны Алидовъ; именно онъ женилъ одного изъ Алидовъ, Али-Орриду, на своей дочери и назначилъ его себѣ наслѣдникомъ. Но столь рѣшительная мѣра вооружила противъ Калифа всѣхъ Аббассидовъ и ихъ приверженцевъ, и онъ могъ усмирить происшедшій мятежъ только отравленіемъ въ 818 году Али, который былъ причиною неудовольствія. Альмамунъ въ награду своему полководцу Тагеру, которому обязанъ былъ всѣми одержанными

побѣдами, отдалъ управленіе Хоразаномъ съ такою обширною властію, что онъ въ 822 году сдѣлался независимымъ и передалъ свое господство своему сыну Талагѣ. Сей послѣдній признавалъ надъ собою верховную власть Калифа въ духовномъ отношеніи, за что и была утверждена за нимъ свѣтская власть надъ провинціями Хоразаномъ, Зеджестаномъ и Маравальнахтомъ. Тагериды, резиденціею которыхъ былъ Нишапуръ, были первою династіею, образовавшеюся въ нѣдрахъ государства Калифовъ; естественно что этому примѣру нашлись подражатели, и каждый губернаторъ, который только имѣлъ смѣлость и которому только представлялся благопріятный случай, старался въ отношеніи къ Калифамъ занять такое же мѣсто, какъ и Тагериды. — Преемникъ Альмамуна *Мотассемъ*, вступившій на престолъ Пророка въ 833 году, сдѣлалъ новое учрежденіе, еще пагубнѣйшее для Калифата: онъ набралъ себѣ лейбъ-гвардію изъ Турецкихъ невольниковъ. Мало по малу собралъ онъ въ столицѣ 50000 подобныхъ Турковъ и окружилъ ими свой престолъ, какъ будто они были для него надежнѣйшею опорою; онъ тотчасъ долженъ былъ убѣдиться, что чрезъ это поставилъ себя въ позорную зависимость. Дѣйствительно, очень скоро развилось значеніе и высокомѣріе этой Турецкой гвардіи. Въ угодность солдатамъ Мотассемъ долженъ былъ оставить Багдадъ, потому что каждый день у гвардейцевъ и жителей города дѣло доходило до драки и даже до кровопролитія; выше Багдада на берегу Тигра онъ построилъ себѣ великолѣпный дворецъ *Сермепрай* и окружилъ его лагеремъ своихъ Турецкихъ тѣлохранителей. Съ этихъ поръ Турки стали рѣшать выборъ наслѣдника престола пророкова. По смерти Мотассема въ 842 году наслѣдовалъ ему сперва его сынъ *Гарунъ II Ватекъ*, и этому въ 847 году его свирѣпый братъ *Джаферъ-ал-Мотаваккель*. Чѣмъ болѣе онъ сознавалъ, что своею жестокостію пріобрѣтаетъ себѣ враговъ, тѣмъ болѣе потворствовалъ своей гвардіи и ввѣрилъ ей свою жизнь и собственную безопасность; но его сынъ *Монтазеръ* возмутилъ Турковъ противъ него. Въ Декабрѣ 861 года вломились они въ комнаты Калифа и, заставши

его за столомъ, изрубили на части тѣми самыми мечами, которые получили отъ него для охраненія его особы. Монтазеръ въ скоромъ времени по убіеніи отца раскаялся; онъ умеръ отъ угрызеній совѣсти въ 862 году, и оставилъ мантію и скипетръ Пророка въ рукахъ Турецкой гвардіи, которая теперь возвысила, низложила и умертвила трехъ Калифовъ одного за другимъ (*Ахмеда I Мостаина* 862—866, *Мотаца* 866—869 и *Мостади* 869—870). Въ это время въ Персіи возникла династія *Зофаридовъ*, низложившая Тагеридовъ; въ Египтѣ Ахмедъ-бен-Тулунъ основалъ Тулунидскую династію, которая до 904 года такъ хорошо правила государствомъ, что Египетъ началъ снова процвѣтать. Наемники, руки коихъ еще дымились кровію трехъ Калифовъ, возвели теперь на престолъ Пророка Мотаваккелева сына *Ахмеда II Мотамеда*, находившагося въ заточеніи. Его двадцати-двухъ лѣтнее правленіе (870—892) было непрерывною цѣпью безпокойствъ и возмущеній. Въ 890 году появляется фанатическая секта *Караматійцевъ*, которая почти 100 лѣтъ наводитъ страхъ во всѣхъ частяхъ Магометанскаго міра. Самая Мекка попала въ руки этихъ фанатиковъ и оставалась въ ихъ власти до 950 года, такъ что съ сего времени для правовѣрныхъ запертъ былъ доступъ къ этому священному городу. Въ какомъ жалкомъ видѣ является власть Калифовъ, когда они не были болѣе въ силахъ совершить путешествіе въ Мекку или не могли защитить богомольцевъ отъ Караматійцевъ! Дѣйствительно, положеніе Калифовъ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ съ того времени, какъ губернаторы, одинъ за другимъ, укрѣплялп за собою ввѣренныя имъ провинціи и какъ начали распространяться ереси, подкопавшія основаніе, на коемъ держался авторитетъ Калифовъ. Посему наслѣдникъ Мотамеда Ахмедъ III Мотадедъ (892—902), не взирая на свои превосходныя качества, не могъ возстановить угасшаго блеска Калифата. Въ его правленіе въ Персіи, на развалинахъ Зофаридской династіи, образовалось блистательное государство *Саманидовъ*, и въ правленіе его наслѣдниковъ *Моктафи* (902—908) и *Моктадера* (908—932) возникла династія *Фатимид-*

ская въ Африкѣ, *Гамаданидская* въ Сиріи, *Дилемидская* въ Прикаспійскихъ земляхъ и *Буидская*, распространившаяся на счетъ Саманидовъ. Въ тоже время удалось Буидамъ при Дворѣ Калифа занять первое мѣсто и сосредоточить въ себѣ всю свѣтскую власть Калифата. Калифъ Моктадеръ въ 932 году былъ убитъ своими тѣлохранителями и его наслѣдникъ *Магомедъ Кагеръ* въ слѣдующемъ году былъ ослѣпленъ, почему на престолъ Пророка вступилъ Моктадеровъ сынъ *Ахмедъ IV Ради*. Сей послѣдній почувствовалъ себя не въ силахъ нести тягость свѣтскаго управленія. Онъ учредилъ достоинство *Эмиръ-ал-Омраха*, которому предоставилъ власть въ политическомъ и военномъ отношеніи, и котораго имя, какъ представителя Калифа, включено было въ общественную молитву; за собою же удержалъ только верховную духовную власть. Достоинство Эмиръ-ал-Омраха было теперь яблокомъ раздора для сильнѣйшихъ сановниковъ, окружающихъ Калифа, и сей послѣдній, желая этимъ учрежденіемъ новаго достоинства доставить себѣ тишину и безопасность, часто самъ былъ увлекаемъ необузданнымъ раздоромъ партій и поглощаемъ ими.— Преемникъ Ради, *Ибрагимъ Мотаки* (940—944) во всѣ четыре года своего калифатства, былъ игрушкою и наконецъ жертвою враждующихъ партій, и новый Калифъ *Мостакфи* не видѣлъ иного спасенія, какъ призвать на помощь Буидовъ. По приглашенію Калифа немедленно прибылъ Буидъ Моецъ-ед-Даула, освободилъ Калифа и занялъ мѣсто Эмиръ-ал-Омраха, которое и сдѣлалось теперь наслѣдственнымъ въ его родѣ. Буидъ назначилъ на содержаніе Калифа опредѣленную сумму. Когда *Мостакфи* не хотѣлъ допустить этого, то Буидъ приказалъ схватить и ослѣпить его, а на его мѣсто возвелъ *Мофадель-Моти*. Теперь Калифы, въ слѣдствіе претерпѣваемой нужды и получаемой ими незначительной пенсіи, насильно обратились къ первобытной простотѣ Калифата; они постились, молились, изучали Коранъ и преданія и занимались религіозными дѣлами, тогда какъ политическія предоставлены были Эмиръ-ал-Омраху. — Въ такомъ положеніи оставались наслѣдники Моти, *Абдоль-Керимъ-Тайи* (974—

991), *Ахмедъ V Кадеръ* (991—1031) и *Абдаллахъ Каимъ Беамрилахъ* (1031—1075).

Единство Калифата, уничтоженное въ слѣдствіе его паденія, было возстановлено Сельчукскими Турками, Султанамъ которыхъ удалось въ скоромъ времени достигнуть господства надъ всею Магометанскою Азіею и по низложеніи Буидовъ овладѣть достоинствомъ Эмиръ-ал-Омраха.

Въ то время, какъ Буиды утверждали свою власть въ Западной Азіи, въ Восточной возникло государство *Газневидовъ*. Одинъ изъ Турецкихъ губернаторовъ, назначенный Саманидами, *Алптекинъ*, сдѣлался независимымъ отъ Саманидовъ и, предводительствуя толпою храбрецовъ, утвердился въ Газнѣ на Сепилѣ. Его наслѣдникъ *Себектекинъ* (976—997), подкрѣпленный Турецкими и Афганійскими ордами, сдѣлалъ завоеванія въ Индіи и положилъ, такимъ образомъ, основаніе силѣ, съ которою его сынъ и наслѣдникъ Султанъ *Махмудъ* (997—1030) былъ въ состояніи низвергнуть Саманидовъ. Соединивъ ихъ земли съ собственными, сталъ онъ продолжать завоеванія въ Индіи, начатыя его отцемъ. Онъ покорилъ своей власти большую часть этой земли и распространилъ Исламъ за Гималайскими горами. Чрезъ Индѣйскія сокровища, Газна сдѣлалась богатѣйшимъ и блистательнѣйшимъ городомъ на Востокѣ и, что по тогдашнимъ понятіямъ было необходимо для довершенія блеска, метрополіею искусствъ и наукъ. — Но Махмудъ отчасти самъ былъ причиною паденія величія имъ основаннаго господства, приявъ въ свое государство Сельчукскихъ Турковъ. Часть Турецкихъ племенъ, ведущихъ кочевую жизнь въ степяхъ Средней Азіи, въ половинѣ десятаго столѣтія приняла Исламъ, въ слѣдствіе чего и получила названіе Туркомановъ или правовѣрныхъ Турковъ. Князья, владѣнія которыхъ граничили съ Турецкими степями, приняли къ себѣ на службу многихъ изъ Магометанскихъ Турковъ, съ тѣмъ, чтобы они защищали ихъ области отъ нападеній своихъ же соплеменниковъ. Такимъ образомъ

Транзоксіана и Ховарезмія были наполнены Турками, и въ особенности Махмудъ, Газневидскій Султанъ, сдѣлалъ ошибку, принявъ въ свое государство цѣлыя орды такихъ Турковъ. Между ними была также орда Сельчука, который съ своими сыновьями утвердился въ Бухаріи. Султанъ Махмудъ скоро увидѣлъ опасность, которая угрожала со стороны Турковъ ему или его преемникамъ. Именно, когда онъ однажды спросилъ Измаила, Сельчукова сына, о числѣ Турецкихъ воиновъ, то сей отвѣтствовалъ, что ему стоитъ только пустить одну стрѣлу въ свой лагерь — и немедленно явится болѣе 50000 всадниковъ, готовыхъ служить ему. Далѣе Султанъ узналъ отъ Измаила, что ему нужно послать свой лукъ для того, чтобы призвать 200000 Турковъ. Съ этой минуты Махмудъ рѣшился раздѣлить Турковъ и перевелъ одну часть въ Хоразанъ, тогда какъ остальныхъ умышленно притѣснялъ, дабы тѣмъ побудить ихъ къ переселенію; по этою мѣрою онъ приготовилъ только возмущеніе, которое открылось по его смерти, противъ *Массуда*, его сына. Массудъ поспѣшно прибылъ изъ Индіи и въ 1034 году при небольшомъ городкѣ Зендеканѣ въ Хоразанѣ далъ Туркамъ сраженіе. Газневидскій Султанъ былъ преданъ Турками, находившимися въ его войскѣ, и въ слѣдствіе такого предательства потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Побѣдители положили избрать Султана изъ среды своей, и ихъ выборъ палъ на *Тогрульбека*, внука Сельчукова. Новый Султанъ показалъ, что былъ рожденъ для своего мѣста; въ промежутокъ времени отъ 1037—1040 года завоевалъ онъ восточную Персію и принудилъ Газневидовъ ограничиться одними Индѣйскими владѣніями. Потомъ отнялъ онъ у Буидовъ западную Персію и такимъ образомъ соединилъ всю эту землю подъ своимъ скипетромъ. Турки скоро усвоили нравы, языкъ и образованіе Персовъ; Дворъ Тогрульбека, резиденція коего была въ Реи и Гамаданѣ, былъ однимъ изъ блистательнѣйшихъ княжескихъ Дворовъ, и Персія, вмѣсто отдѣльныхъ правителей, отъ этого переворота извлекла выгоду, быть возсоединенною подъ властію одного мужа, который такъ же ревностно занимался управленіемъ, какъ на полѣ битвы показывалъ

свое мужество и храбрость. Будучи призванъ Калифомъ Каимъ-Беамриллахомъ, Тогрульбекъ, въ 1055 г., двинулся на Багдадъ и избавилъ духовнаго главу правовѣрныхъ отъ притѣсненія, которое оказывали ему Эмиръ-ал-Омрахъ и его намѣстникъ Нассасири. Онъ самъ торжественно былъ провозглашенъ Эмиръ-ал-Омрахомъ. Хотя по удаленіи Турковъ Нассасири возвратился въ Багдадъ и заставилъ Калифа Каимъ-Беамриллаха отказаться; но Тогрульбекъ такъ же немедленно явился его освободителемъ въ 1060 году, и послѣ того, какъ Нассасири погибъ въ битвѣ, вторично вступилъ въ Багдадъ. — Онъ уже имѣлъ въ мысли сочетаться съ дочерью Калифа, какъ въ 1062 году умеръ. Такъ какъ онъ не имѣлъ дѣтей, то ему наслѣдовалъ его племянникъ *Алп-Арсланъ* въ качествѣ Султана и Эмиръ-ал-Омраха. Сей послѣдній завоевалъ Георгію и Армению и прошелъ до Фригіи. Онъ угрожалъ такимъ образомъ Византійскому государству, которымъ, за малолѣтствомъ своихъ дѣтей, управляла тогда Евдокія, супруга покойнаго Константина Дука. Въ такой опасности она отдала свою руку и съ нею Императорскую корону храброму Роману Діогену, и онъ немедленно выступилъ въ походъ противъ Турковъ. По совершеніи многихъ счастливыхъ походовъ, въ которыхъ ему удалось снова исторгнуть у Турковъ Малую Азію, проникъ онъ въ Армению, чтобы и здѣсь возстановить Византійское господство; но здѣсь его въ 1071 году встрѣтилъ самъ Султанъ Алп-Арсланъ, и между ними произошло рѣшительное сраженіе, которое проигралъ Византійскій Императоръ въ слѣдствіе измѣны войска. Романъ самъ былъ плѣненъ и не иначе получилъ свободу, какъ подъ тяжкими условіями. Мы уже видѣли, что договоръ, заключенный между Алп-Арсланомъ и Романомъ не имѣлъ послѣдствій, потому что Романъ по своемъ возвращеніи былъ схваченъ и ослѣпленъ своими пасынками. Между тѣмъ Алп-Арсланъ, непосредственно по одержаніи надъ Греками побѣды, выступилъ въ походъ противъ Туркестана, съ намѣреніемъ соединить эту отчизну своего дома съ своимъ государствомъ. Въ 1072 году перешелъ онъ Оксъ, и войско его было столь много-

численно, что онъ долженъ былъ употребить 20 дней на переправу его чрезъ эту рѣку. Въ дальнѣйшемъ его переходѣ ему оказала сопротивленіе крѣпость Берсемъ; когда она была взята, то коменданту ея Ховарезмійцу Іосифу дѣлалъ онъ сильные упреки за безразсудность сопротивляться столь сильному войску и удерживать его. Іосифъ отвѣтствовалъ на эти упреки съ такою дерзостію, что разгнѣванный Султанъ приказалъ его привязать къ четыремъ столбамъ и оставить въ такомъ положеніи. Въ отчаяніи Іосифъ извлекъ спрятанный кинжалъ и кинулся на Султана; стражи хотѣли изрубить его, но Султанъ, полагаясь на свое искусство въ стрѣляніи изъ лука, не велѣлъ имъ трогаться съ мѣста и натянулъ свой лукъ противъ непстовствующаго; но при выстрѣлѣ споткнулся, не попалъ, и въ это мгновеніе ему нанесена смертельная рана кинжаломъ злодѣя. — «Я сегодня не молился,» сказалъ Алп-Арсланъ, «я возгордился при видѣ моего войска, счелъ себя непобѣдимымъ, и Богъ достойно наказалъ меня.» — Его старшій сынъ *Малекъ-Шахъ* долженъ былъ сперва обезопасить наслѣдство троякою побѣдою надъ претендентами изъ своей же фамиліи. Лишь только онъ утвердился на престолѣ, какъ сталъ продолжать предпріятіе, начатое его отцемъ, и завоевалъ Туркестанъ. Завоеванія въ Сиріи и Малой Азіи онъ дѣлалъ не самъ, но предоставилъ ихъ боковымъ отраслямъ своего дома, которыя и основали собственныя княжества, находившіяся отъ него въ зависимости. Турецкое государство раскинуло свои предѣлы отъ Китая до Средиземнаго Моря, отъ Самарканды до южной оконечности Аравіи. Внутри этого государства царствовала тишина и справедливость, и Малекъ-Шахъ самъ двѣнадцать разъ путешествовалъ по своему государству во всѣхъ направленіяхъ, дабы повсюду утвердить свое личное вліяніе. Повсюду возникали большіе города и процвѣтали науки. Памятникомъ сего осталась Эра, названная по одному изъ прозваній Султана, Джелаледдинскою, которая начинается съ 15 Марта 1079 года. Впрочемъ славу внутренняго управленія раздѣлялъ съ Султаномъ его отличный визирь Низамъ-ал-Мулькъ, родомъ Персъ. Малекъ-Шахъ умеръ въ 1092 году,

за четыре года до начала Крестовыхъ Походовъ; какія затрудненія нужно было бы превозмочь крестоносцамъ, если бы Малекъ-Шахъ прожилъ долѣе, или если бы оставилъ по себѣ наслѣдника, который былъ бы въ состояніи держать Турецкое государство въ единствѣ и силѣ! Но по смерти Малека его четыре сына, Магометъ, Занджаръ, Баркіярокъ и Махмудъ начали спорить о господствѣ; для увеличенія замѣшательства явились еще претендентами на корону и Малековы братья. Въ слѣдствіе цѣлаго ряда междоусобныхъ войнъ, распалось обширное Турецкое государство на пять династій, именно: на династію Кермана, Ирана, Рума или Иконіума, Алеппо и Дамаска. Первыя двѣ для насъ пока еще не важны; но тѣмъ нужнѣе знать возникновеніе трехъ послѣднихъ династій, потому что противъ нихъ направлено было нападеніе крестоносцевъ. Мы уже упомянули выше, что Алп-Арсланъ не воспользовался побѣдою надъ Романомъ Діогеномъ для завоеваній въ самомъ Греческомъ государствѣ, а Сельчукъ Кутульмишъ, сдѣлавшій попытку, былъ въ оной несчастливъ и нашелъ смерть. Въ 1074 году Малекъ-Шахъ передалъ Сулейману, одному изъ сыновей Кутульмиша, войсковыя знамена и далъ ему въ ленъ всѣ завоеванія, какія только сдѣлаетъ онъ въ Малой Азіи. Сулейманъ съ своею конницею вторгнулся въ Малую Азію; онъ началъ свое предпріятіе при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: именно, въ то самое время, когда оба Никифора, Бріенній и Ботаніатъ, возстали противъ Императора Михаила и его братьевъ. Сулейманъ объявилъ себя за Ботаніата и помогъ ему вступить на Императорскій престолъ; но Ботаніатъ заплатилъ за эту помощь потерею Малой Азіи. Турки утвердились при всѣхъ переходахъ чрезъ горы и рѣки, и Греческое правительство, по вступленіи на престолъ Алексѣя, тѣмъ менѣе могло думать объ отраженіи ихъ, что требовалось всѣхъ силъ государства для отклоненія современныхъ нападеній Норманна Роберта Гвискарда. Земли, завоеванныя Сулейманомъ, были названы Румомъ, и резиденціею этого государства была Никея, прежняя столица Виѳиніи. Когда же Сулейманъ захотѣлъ проникнуть и въ Сирію, то

вступилъ въ споръ съ Тутушомъ, Султановымъ братомъ, и былъ имъ разбитъ. Сулейманъ самъ умертвилъ себя въ 1086 году, дабы тѣмъ избавиться позорнаго плѣна; его сыновья были представлены ко двору Малекъ-Шаха, по смерти котораго опять были отпущены; почему наслѣдовалъ отцевскую власть надъ Румомъ, сперва Давидъ, потомъ его младшій братъ *Киличъ-Арсланъ*.—И такъ Киличъ-Арсланъ царствовалъ въ Малой Азіи въ то время, когда крестоносцы выступили въ первый Крестовый Походъ; такъ какъ они направляли свой путь чрезъ его владѣнія, то мы увидимъ, что они прежде всего столкнулись съ правителемъ Рума.

Современно съ этимъ овладѣли Турки Сиріею, Палестиною и, что всего важнѣе, Св. городомъ Іерусалимомъ. Султановъ братъ Тутушъ принялъ управленіе Сирійско-Палестинскою областію, и когда погибъ въ 1095 году въ войнѣ за Султанскій престолъ, то оба его сына *Родванъ* и *Декакъ* основали двѣ династіи, первый въ Алеппо, второй въ Дамаскѣ. Что касается до Іерусалима, Тутушъ передалъ его Ортоку, сыновья котораго Илгази и Сокманъ утвердили за собою владѣніе этимъ городомъ. Іерусалимскіе Христіане подъ Турецкимъ господствомъ находились въ весьма угнетенномъ положеніи. Турки не почитали ничего священнымъ, что только принадлежало Христіанству; они дурно обращались съ духовенствомъ и даже съ его главою — Патріархомъ. Отъ каждаго богомольца, который только желалъ посѣтить Св. Градъ, за позволеніе войти, требовался червонецъ, а кто не могъ заплатить, того прогоняли. Такое печальное положеніе Св. Града должно было возбудить въ Христіанахъ участіе въ высшей степени и стоило его только оживить, дабы тѣмъ произвести важнѣйшую перемѣну.

Для полноты картины политическо-религіознаго образованія Магометанскаго міра до начала Крестовыхъ Походовъ, нужно намъ бросить взглядъ на династіи, враждебныя правовѣрному Калифату, которыя возникли въ нѣдрахъ сектъ,

вѣровавшихъ въ Али. Особое свойство Магометанскаго государственнаго и религіознаго существованія таково, что каждая ересь была также явнымъ возстаніемъ и въ случаѣ побѣды основывала свою династію. Африка и Испанія находились на концахъ, самыхъ отдаленныхъ отъ центра Аббассидскаго господства, и здѣсь то легчайшимъ и безопаснѣйшимъ образомъ начали развиваться религіозныя и политическія начала, противныя правовѣрному Калифату. — Какъ въ Испаніи присвоили себѣ власть Оммайяды, такъ точно Алиды въ Африкѣ; здѣсь возникли династіи — *Едризидовъ*, *Аглабитовъ и Фатимидовъ*, изъ которыхъ послѣдніе въ особенности занимали значительное мѣсто съ того времени, когда завоевали Египетъ и утвердили свою резиденцію въ Каирѣ.

Когда еще при Гарунъ-ал-Рашидѣ началось преслѣдованіе Алидовъ, одинъ Алидъ по имени *Едрисъ* явился въ Африкѣ главою возмущенія; онъ былъ признанъ Берберами въ Фецданѣ истиннымъ наслѣдникомъ Пророка и провозглашенъ ими государемъ. Хотя онъ по происканъ Калифа *Гарунъ-ал-Рашида* въ 793 году и былъ отравленъ, все же его сынъ *Едрисъ II* не только утвердилъ за собою господство, но еще распространилъ его. Онъ основалъ городъ Фецъ, который и былъ теперь резиденціею Едризидской династіи.—*Едризу II* въ 829 году наслѣдовалъ его сынъ Магометъ, который управлялъ до 836 года. При немъ Едризидское государство имѣло прежнюю силу и было въ цвѣтущемъ состояніи. Послѣ Магомета династія стала ослабѣвать отъ внутреннихъ раздоровъ и раздѣленія, и въ 920 году принуждена была платить Фатимидамъ дань до тѣхъ поръ, пока мало-по-малу совсѣмъ не изчезла изъ Исторіи.

Почти современно съ возникновеніемъ Едризидска-

го государства, Ибрагимъ-бенъ-Аглабъ въ Каирванѣ сдѣлался независимымъ и усилился посредствомъ наемнаго войска, набраннаго имъ въ землѣ Негровъ.— Его наслѣдники, для завоеванія Сициліи и вторженій въ Италію воспользовались военною силою, которая была основою ихъ власти. Но въ нѣдрахъ ихъ собственнаго государства водворилась Измаилитская секта, которая, чѣмъ болѣе распространялась, тѣмъ сильнѣе подкапывала основанія Аглабитскаго государства. Именно, Измаилиты принимали, что истинный Имамъ скрылся съ седьмымъ потомкомъ Али, Измаиломъ, и съ того времени живетъ неизвѣстно гдѣ, дабы потомъ появиться въ свое время и потребовать уваженія, приличнаго его сану. Религіозная и политическая оппозиція, существовавшая между этою сектою и ея государями, должна была превратиться въ явное возстаніе, какъ скоро главою этой секты сдѣлался одинъ изъ потомковъ Измаила. Когда такой предводитель появился въ лицѣ *Обейдаллаха* въ началѣ X столѣтія, и чрезъ преслѣдованіе, оказываемое ему со стороны Аглабитскаго правительства, снискалъ себѣ значеніе и уваженіе отъ Измаилитовъ, и когда Аглабитъ *Цейядатъ Аллахъ III* въ Зеджельмессѣ приказалъ схватить его и посадить въ заточеніе, то Измаилиты взялись за оружіе и, освободивши его, сдѣлали своимъ главою. Въ то время какъ Цейядатъ Аллахъ бѣжалъ ко Двору Аббассидскаго Калифа, Обейдаллахъ овладѣлъ Аглабитскимъ государствомъ и былъ также признанъ на островѣ Сициліи. Такъ какъ Едризиды принадлежали къ сектѣ Али, то Обейдаллахъ по крайней мѣрѣ долженъ былъ щадить ихъ государство; онъ удовольствовался только ихъ данью, но все же Едризидская династія исчезала мало-по-малу и ея мѣсто заняла Фатимидская, основанная Обейдаллахомъ. Обейдаллаху въ 933 году наслѣдовалъ его сынъ *Магометъ-абул-Каземъ-Каемъ-Беамриллахъ*, который утвердилъ свою резиденію въ Магадіи. Но развитіе Фатимидскаго государства было задержано возстаніемъ Абу-Яцида, главы Ценатовъ, одной изъ партій, уклонявшейся въ вѣрованіи отъ

Ислама *). Ценаты осадили Каема въ самой Магадіи, и теперь, когда по видимому пасталъ конецъ Фатимидскому господству, онъ умеръ въ 945 году во время осады. — Но его сынъ *Абу-Тагеръ-Измаилъ* не упалъ духомъ; съ рѣшимостію вступилъ онъ въ наслѣдство, отразилъ Абу-Яцида и одержалъ побѣду надъ Ценатами такъ, что они съ этого времени сдѣлались безвредными. Въ слѣдствіе этой побѣды, онъ принялъ названіе «*Мансуръ-Биллахъ*», подъ которымъ извѣстенъ въ Исторіи. Мансуръ-Биллаху въ 953 году наслѣдовалъ его сынъ *Моецъ-Лединиллахъ*. Сей послѣдній пытался завоевать Египетъ, что уже предпринималъ Обейдаллахъ; въ 969 году послалъ онъ на Египетъ своихъ полководцевъ Джафара и Ахмеда, и по завоеваніи всей этой земли Моецъ въ 972 году перенесъ свою резиденцію въ Каиро. Фатимидское государство пріобрѣло еще большее значеніе въ Магометанскомъ мірѣ съ того времени, какъ въ его предѣлы вошелъ Египетъ, и какъ Моецъ завоевалъ Сирію, Палестину и часть Аравіи, такъ что три города, священные для Ислама, Мекка, Медина и Іерусалимъ, подпали власти Фатимидовъ. Измаилитское ученіе, которое доселѣ только съ опасностію могло получать дальнѣйшее развитіе, теперь сдѣлалось правовѣрнымъ исповѣданіемъ для половины Музульманъ и основою умственнаго образованія. Калифъ Багдадскій и Калифъ Каирскій соперничали между собою о признаніи ихъ всѣмъ Магометанскимъ міромъ; впрочемъ Фатимидскіе Калифы находили покорность въ религіозномъ отношеніи только тамъ, куда простиралась ихъ свѣтская власть; но князья восточной Азіи съ презрѣніемъ возвращали имъ почетныя одежды и титулы, присылаемые ими; Газневиды и Сельчукскіе Турки объявили себя за Калифа Багдадскаго. Въ 975 г. Моецу наслѣдовалъ сынъ его *Аццъ*, въ правленіе котораго Фатимидское владычество оставалось неизмѣннымъ. Сынъ и преемникъ Аццца, *Гакемъ*, принявшій правленіе въ 996 году, хотя и

*) Абульфеда говоритъ о Ценатахъ, какъ foeda secta, quae omnes omnino Muslemos infidelibus accenset ideoque juste et impune necandos et spoliandos judicat.

старался привести свое государство въ цвѣтущее состояніе, но, исполненный мистическихъ понятій объ ученіи, котораго самъ былъ главою, началъ преслѣдовать правовѣрныхъ Музульманъ и Христіанъ; въ особенности онъ дурно обращался съ Христіанами въ Іерусалимѣ и разрушилъ ихъ святыню. Это преслѣдованіе возбудило во всемъ Христіанствѣ величайшее волненіе, и въ особенности нужно было страшиться мщенія западныхъ Христіанъ, что побудило уже самаго Гакема и его наслѣдника Дагера возвратить Христіанамъ свободу богослуженія и возстановить разрушенныя имъ церкви. Гакемъ былъ убитъ въ 1021 году, и его сынъ *Дагеръ* былъ посаженъ на его мѣсто; съ этого времени началось паденіе Фатимидскаго Калифата, потому что во время Дагерова правленія утвердилось вліяніе визирей и Турецкой лейбъ-гвардіи. Тщетно преемникъ Дагера *Мостанзеръ*, вступившій на престолъ въ 1036 году, старался уничтожить перевѣсъ Турецкой гвардіи, противопоставивъ ей другую, набранную изъ Негровъ; онъ этимъ только произвелъ между ними вражду, которая поставила его еще въ большую зависимость; потому что въ 1067 году Назръ-ед-Даула, предводитель Турковъ, разбилъ Негровъ, завоевалъ Каиро и назначилъ пенсію Калифу, который какъ плѣнникъ попалъ ему въ руки. Назръ намѣревался уже провозгласить себя Султаномъ, какъ былъ убитъ въ 1072 году. Хотя Калифъ опять былъ свободенъ, все же управленіе свѣтскими дѣлами оставалось въ рукахъ визиря, тогда какъ самъ онъ занимался только религіозными дѣлами. Таково было положеніе дѣлъ, когда въ 1094 году Мостанзеру наслѣдовалъ его сынъ *Моста*. Уже въ правленіе послѣдняго Калифа Сирія и Палестина подпали власти Турковъ, и Калифъ Моста, за котораго управлялъ дѣлами его визирь Ахмедъ Афдалъ, впалъ еще въ большее несчастіе, когда появились западные Христіане. Фатимидское государство въ Египтѣ, въ слѣдствіе происшедшихъ тогда переворотовъ, рано или поздно должно было пасть, и мы дѣйствительно увидимъ, что его дальнѣйшая участь слилась съ основанными въ Сиріи Христіанскими государствами и отчасти ими была направляема.

Какъ ни разнообразны явленія, представляемыя намъ Магометанскимъ міромъ въ его впѣшнемъ развитіи, все же его внутренняя жизнь была однообразнѣе, нежели сколько можно судить о томъ по быстрой перемѣнѣ династій. Эта перемѣна мало касалась массы народа; надъ нею могъ властвовать, кто только хотѣлъ, и кто бы ни властвовалъ — поставленный ли Калифомъ губернаторъ, или князь, независимый отъ Калифа — условія жизни остались бы всегда тѣ же, и въ Магометанскомъ мірѣ повсюду наилучшимъ образомъ проявились бы науки и искуства, которыя поладили съ Исламомъ. Такому направленію содѣйствовало и то обстоятельство, что, начиная съ Газневидскаго государства, находящагося на Гангесѣ въ Индіи, до береговъ Тайо въ Португаліи, образованное сословіе говорило однимъ и тѣмъ же языкомъ; раздѣленіе политической власти между многими князьями также способствовало потребности образованія, потому-что они въ попеченіи о наукахъ соревновали между собою и превосходный стихотворецъ, знаменитый естествоиспытатель или остроумный діалектикъ почитался наилучшимъ украшеніемъ каждаго княжескаго Двора.

Аравійское образованіе возникло на основаніи Греческаго. Между Калифами, Алмамунъ и Мотассемъ не щадили сокровищъ и прилагали всевозможное стараніе, чтобы только были переведены на Аравійскій языкъ важнѣйшія литературныя творенія Грековъ. Но не многіе изучали Греческій языкъ; обыкновенно, то были Греки и Сиріане, попеченію которыхъ ввѣрены были переводы.—По духу Магометанизма рве-

ніе Музульманъ къ образованію ограничилось только частію Греческой литературы. Поэзія Грековъ оставалась для нихъ совершенно неизвѣстною; потому-что ея форма и содержаніе не соотвѣтствовали вкусу и религіознымъ понятіямъ Музульманъ. Также мало заботились они объ изученіи исторической литературы Грековъ; для нихъ исторія начиналась съ Магомета, и все, что только было до него, ограничивалось краткими разсказами о патріархахъ, пророкахъ и Персидскихъ царяхъ. Болѣе всего занимали Аравитянъ *точныя науки*, и потому имъ были извѣстны только Аристотель и ученые Александрійскихъ временъ. — Аристотель своимъ умомъ и въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ обнималъ всѣ царства природы и всю область человѣческаго духа. Это богатство въ положительныхъ знаніяхъ заставляло Аравитянъ удивляться Греческому философу, равно какъ и его строгій логическій методъ въ развитіи удовлетворялъ ихъ математическому уму, и такимъ образомъ провозгласили они Аристотеля царемъ ума и предоставили ему скипетръ, съ которымъ онъ властвовалъ надъ Магометанами и Христіанами въ продолженіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ. Изученіе Аристотелевой діалектики должно было имѣть вліяніе на Магометанское богословіе, но оно образовало въ немъ только внѣшнія утонченности или породило невѣріе и скептицизмъ. Ни изъ чего такъ ясно не усматривается недостатокъ глубокомыслія въ Исламѣ, какъ изъ сравненія съ вліяніемъ, какое произвело у Христіанъ, въ подобномъ же случаѣ, изученіе Аристотелевой Философіи.

Напротивъ для точныхъ наукъ духъ Аравитянъ былъ плодородною почвою. Алгебра, которой Аравійское названіе удержалось во всѣхъ Европейскихъ языкахъ, Геометрія и Астрономія были ими чрезвычайно усовершенствованы. При содѣйствіи и покровительствѣ Калифа Алмамуна распространились онѣ по всему Магометанскому міру, и вскорѣ почти въ каждомъ замѣчательномъ городѣ находились училища математики и астрономическая обсерваторія. Изъ числа многихъ Аравійскихъ астрономовъ въ особенности прославились въ Европѣ Ахмедъ-ебн-Кохаиръ

подъ именемъ *Алфрагана* и Магометъ бенъ-Джеберъ подъ именемъ *Албатегнія*. Также и медицинскія науки были обработаны у Аравитянъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и математическія. А изобрѣтеніе Химіи сдѣлало для нихъ доступнымъ познаніе новыхъ цѣлебныхъ свойствъ природы и вывело Медицину изъ того положенія, въ какомъ оставалась она со времени Галена. Къ славнѣйшимъ именамъ въ этой отрасли литературы принадлежатъ: *Рацп* и *Авиценна*. Съ изученіемъ естественныхъ наукъ у Аравитянъ по примѣру Аристотелеву тѣсно соединялось изученіе Философіи такъ, что великіе естествоиспытатели были въ то же время извѣстны какъ Философы. Важнѣйшими въ этомъ отношеніи были оба Испанскіе ученые *Аверроесъ* и *Авенъ Паце*, творенія коихъ имѣли сильнѣйшее вліяніе на развитіе Христіанской схоластики и мистики.

Поэтическая и историческая литература Аравитянъ чрезвычайно богата, но еще мало извѣстна. Во многихъ изъ большихъ Европейскихъ библіотекъ находятся въ рукописяхъ цѣлыя собранія такихъ твореній, которыя ожидаютъ только опытной руки, чтобы пролить новый свѣтъ на Исторію Востока. Сохранилось огромное количество поэтическихъ повѣствованій и сказокъ Аравитянъ. Сборникъ, переведенный сперва Французомъ Галаномъ, подъ заглавіемъ *Тысяча и одна ночь*, заключаетъ въ себѣ только малую часть этихъ прелестныхъ произведеній восточной фантазіи. Другой родъ, частію повѣствовательный, частію поучительный, сдѣлался намъ извѣстенъ въ отлично передѣланной Рюкертомъ поэмѣ— *Макамы*, сочиненіи *Гарири*. Сюда же принадлежитъ стихотвореніе Испанца *Джафара-ебн-Тобаила*, которое, подъ заглавіемъ *Сына природы*, изображаетъ намъ развитіе человѣческихъ способностей, начиная съ дикаго состоянія до высочайшей степени образованности. Персидская поэзія, ожившая снова въ Аравійской формѣ, составляетъ особый родъ Восточной Литературы въ Средніе Вѣка. Но и здѣсь къ несчастію извѣстны намъ только имена большей части по-

этовъ *). Славнѣйшимъ Персидскимъ поэтомъ въ Средніе Вѣки былъ *Фердузи*. Его вызвалъ Газневидскій Султанъ Махмудъ, дабы онъ воспѣлъ исторію древнихъ Персовъ, отъ которыхъ Газневиды хотѣли вести свое происхожденіе. Разсказываютъ, что Фердузи для составленія историческо-поэтической картины минувшихъ временъ Персіи, пересмотрѣлъ всѣ архивы, и что также ему по приказанію Махмуда сообщены были всѣ сохранившіяся преданія; что потомъ онъ трудился въ продолженіи 30-ти лѣтъ и въ 60,000 двойныхъ стиховъ довелъ свою героическую поэму до позднѣйшаго времени. Изъ этого огромнаго стихотворенія до сихъ поръ изданы только отрывки.

Историческая литература Магометанъ столь же мало извѣстна намъ, какъ и поэтическая. Мы знаемъ имена весьма многихъ географовъ, описателей путешествій, біографовъ и историковъ, но ихъ творенія гніютъ въ пыли библіотекъ; Абульфеда, котораго «Annales Moslemici» первый перевелъ и издалъ Рейске, изображаетъ только общій ходъ событій; но такъ какъ каждая земля, каждая провинція, даже каждый городъ имѣлъ своего собственнаго историка, то отношенія Востока явились бы намъ совершенно въ иномъ свѣтѣ, если бы были переведены только важнѣйшіе изъ нихъ.

Какъ ни кратко это изображеніе, но все же оно достаточно для доказательства, что Востокъ достигъ степени образованія высшей, нежели на какой находился Западъ. По этому западные народы могли извлечь только пользу изъ прикосновенія съ восточными. И дѣйствительно война между обоими мірами, начавшаяся Крестовыми Походами, получила всемірно-историческое зна-

*) Какъ богата Персидская поэтическая литература, можно уже судить и по тѣмъ рукописямъ, которыя находятся въ Парижской и Вѣнской Библіотекахъ. См. Notices et extraits des Mss. de la bibliothéque du Roi, T. IV, p. 220-295 и Joseph Von Hammers Fundgruben des Orients.

ченіе, потому что они, не взирая на ихъ противоположность, ихъ непримиримую ненависть и кровопролитныя битвы, перешли другъ въ друга, и образованіе, развившееся на Востокѣ, пересажено было на Западъ прежде нежели опустошительная буря, произведенная Монголами, могла уничтожить его въ самой его отчизнѣ.

(Конецъ перваго отдѣленія второй части).